АМЕРИКАНСКИЙ ЭКСПАНСИОНИЗМ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

АМЕРИКАНСКИЙ ЭКСПАНСИОНИЗМ

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

11858

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ

МОСКВА
«НАУКА»
1986

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА США И КАНАДЫ АН СССР

В коллективном труде дан анализ движущих сил и идеологии экспансионизма США в различных регионах: в Западной и Восточной Европе, Латинской Америке, на Ближнем и Среднем Востоке, в Индийском океане и Африке. Рассматривается сущность ряда идеологических концепций американского экспансионизма, внешнеполитических и военных доктрин, уделяется внимание эволюции панамериканизма после второй мировой войны, экономической экспансии США, империалистической политике США в отношении СССР и других социалистических стран, а также агрессивным войнам, развязанным США против Китая, Кореи и Вьетнама, блоковой политике Соединенных Штатов.

Редакционная коллегия:
Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ,
А. А. БЕССМЕРТНЫХ, Р. Г. БОГДАНОВ, Н. П. КАЛМЫКОВ,
А. Е. КУНИНА, Н. В. МОСТОВЕЦ, Г. И. СВЯТОВ,
С. Б. СТАНКЕВИЧ (ответственный секретарь)

Рецензенты:
В. П. АНДРОСОВ, И. Г. УСАЧЕВ

А $\frac{0504000000-376}{042(02)-86}$ 25-86—III

© Издательство «Наука», 1986 г.

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга является продолжением исследования, которое опубликовано под названием «Американский экспансионизм. Новое время» [1]. Эти две работы едины по замыслу, а также и задачам — они дополняют друг друга и позволяют более полно понять истоки, движущие силы, характер, формы и методы экспансионистской политики США на протяжении двух веков. Длительный период времени, охватываемый ими, дает возможность вскрыть и показать закономерности и основные тенденции в области внешней политики США, которая определяется социальным строем, экономическими и политическими факторами, уровнем развития американского капитализма, развитием событий в мире.

Рост монополий и возрастание их влияния в экономике и политике США оказывали большое воздействие на экспансионистские устремления Вашингтона. После окончания первой мировой войны американский империализм стал активно претендовать на мировое господство. Расширилась его борьба за сферы влияния, рынки сбыта и источники сырья. Американский капитал интенсивно проникал в страны Латинской Америки, Азии, Европы. Нередко Белый дом прибегал к военным интервенциям.

Гегемонистские устремления США особенно возросли после второй мировой войны в связи с усилением позиции государственно-монополистического капитализма, созданием военно-промышленного комплекса и могущественных транснациональных корпораций. Экономическая экспансия, достигшая невиданно широких масштабов, стала сочетаться и тесно переплетаться с идеологической и, главное, с военной.

После 1945 г. внешняя политика США направлена на установление так называемого «мирового лидерства». Этим целям подчинена и экономика страны. Характерной ее чертой является милитаризация и гонка вооружений. Военная промышленность США занята производством в огромном количестве вооружения. Заказы Пентагона выполняют 25 тыс. основных подрядчиков и около 100 тыс. субподрядчиков. Основные системы вооружения и военной техники производят 146 государственных заводов и около 4 тыс. крупных предприятий частных фирм. В 1983 г. Пентагон разместил в различных отрас-

[1] Американский экспансионизм: Новое время / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 1985.

лях экономики контракты на поставки оружия, техники и снаряжения на сумму свыше 140 млрд. долл. Почти половина этой суммы приходится на 25 наиболее крупных корпораций.[2] Монополии ежегодно получают баснословные прибыли.

США — крупнейший поставщик вооружения. Около 45 % всей мировой торговли оружием сосредоточено в их руках. Только в 1983 г. США поставили вооружения в 121 страну на суммы в 20,7 млрд. долл.[3] В 70-х годах это оружие поставлялось в Саудовскую Аравию, Иран, Израиль, Великобританию, ФРГ, Южную Корею, Египет, Нидерланды, на Тайвань, в Японию и другие государства.

Общая численность вооруженных сил США составляет более 3 млн. человек, по этому показателю они превосходят вооруженные силы Великобритании, Франции, ФРГ и Италии, вместе взятые. Мощная группировка американских вооруженных сил — более 355 тыс. человек — размещена в Европе; в зоне Тихого океана — 474 тыс. человек, 149 боевых кораблей, более 1100 боевых самолетов. В американских военно-воздушных силах общего назначения имеется свыше 9100 самолетов различных типов, военно-морские силы США насчитывают 856 кораблей и судов [4].

Стратегические наступательные силы, включающие межконтинентальные баллистические ракеты, авиацию и атомные ракетные подводные лодки, обладают высокой ударной огневой мощью и мобильностью. Для подготовки и ведения агрессивных войн на заморских территориях Пентагон создал объединенные командования в стратегических зонах — Европейской, Атлантической, Тихоокеанской, Центральной и Южной Америки. Сформировано объединенное космическое командование [5].

США имеют 1500 военных баз и объектов на территории 32 государств, эти базы обслуживают свыше полмиллиона американских солдат и офицеров. Большая часть военных баз США размещена поблизости от границ Советского Союза. Американские авианосцы, атомные ракетные подводные лодки, отряды боевых кораблей непрерывно курсируют у берегов Европы, Дальнего Востока и в Индийском океане.

Военно-стратегическая программа США, провозглашенная в начале октября 1981 г., предусматривала дальнейшее наращивание ядерного оружия, создание и развертывание новых видов вооружения — межконтинентальных баллистических ракет «МХ», крылатых ракет. Американские ядерные системы средней дальности размещены на территориях ФРГ, Италии, Великобритании. Бельгии. В США начато массовое производство нейтронного оружия [6].

В марте 1983 г. администрация США провозгласила программу

[2] Коммунист, 1986, № 3, с. 109; Откуда исходит угроза миру? 3-е доп. изд. М., 1984, с. 12, 58, 60.
[3] Откуда исходит угроза миру?, с. 58.
[4] Там же.
[5] Там же, с. 26.
[6] Там же, с. 27, 53.

так называемой «стратегической оборонной инициативы» (СОИ), являющейся по существу подготовкой «звездных войн». Этот проект — детище военно-промышленного комплекса. Программа рассчитана на 30 лет. В осуществлении ее участвуют 800 американских фирм, основным исполнителем выступают 12 военных концернов, которые милитаризацию космоса рассматривают как благоприятную возможность для процветания, получения выгодных дотаций от государства и заказов от Пентагона. По предварительным расчетам, общие расходы на программу СОИ составят от 500 млрд. до 1 трил. долл. В ближайшие годы Вашингтон намерен выделить 70 млрд. долл. на создание космического оружия. В целом ассигнования Пентагону на 1985 финансовый год составили 292,6 млрд. долл., а на 1986 г. конгресс утвердил военный бюджет в сумме 302 млрд. долл. [7]

Милитаризация и гонка вооружений тесно связаны с агрессивными действиями США. По данным американского института Брукингса, за период с 1946 по 1975 г. США 215 раз прямо или косвенно прибегали к использованию вооруженных сил, вмешиваясь во внутренние дела суверенных государств в Азии, Африке и Латинской Америке, подавляя национально-освободительное движение. 19 раз в Вашингтоне обсуждался вопрос о применении ядерного оружия, в том числе 4 раза против Советского Союза. «Создается удручающее впечатление, что мы в Америке, — заявил известный политический деятель У. Фулбрайт, — привыкли к войне. На протяжении вот уже многих лет мы или воюем, или немедленно готовы начать войну в любом районе мира» [8].

Экспансия США сопровождается проведением широких пропагандистских кампаний. Идейно-политическая агрессивность антисоветизма имеет двоякую направленность. Один из аспектов «психологической войны» нацелен на то, чтобы ввести в заблуждение мировую общественность, в ложном свете трактуя вопрос о виновниках международной напряженности. Другой ее аспект — оправдать ссылками на мифическую «советскую угрозу» гонку вооружений. Однако общеизвестно, что по вине США почти четверть века продолжалась «холодная война»; определенные военные и политические круги Вашингтона воспрепятствовали процессу разрядки, встав на путь ужесточения международной напряженности.

Народы живут в глубокой тревоге: они обеспокоены угрозой термоядерной войны со всеми ее пагубными последствиями. Все громче и настойчивее раздаются предупреждения, по всей планете ширится антивоенное движение. Миллионы людей доброй воли в разных уголках земли требуют сделать все возможное, чтобы не допустить катастрофы, сохранить и укрепить мир на Земле.

Советский Союз совместно с другими социалистическими странами активно выступает за разрядку международной напряженности, запрещение испытаний ядерного оружия, ограничение и сокращение

[7] Коммунист, 1985, № 18, с. 72; Правда, 1985, 6 дек.
[8] Цит. по: Откуда исходит угроза миру? 2-е доп. изд. М., 1982, с. 90—91.

стратегических вооружений, за мирное сосуществование государств с различными социальными системами.

Главным направлением внешнеполитической деятельности Советского государства была и остается борьба за мир и безопасность народов. Следуя ленинской политике мира и международного сотрудничества, Советский Союз торжественно заявил, что не прибегнет первым к применению ядерного оружия, и призвал другие ядерные державы взять на себя такое же обязательство. Советское правительство выразило готовность заморозить на взаимной основе с Соединенными Штатами Америки арсеналы своего ядерного оружия, быстрее завершить переговоры об ограничении и сокращении стратегических вооружений и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия, об урегулировании конфликтных ситуаций и ликвидации очагов напряженности.

Все эти вопросы международной жизни, противоборство двух противоположных тенденций в развитии событий на мировой арене стали предметом всестороннего обсуждения в Женеве в ноябре 1985 г. Советско-американская встреча на высшем уровне явилась важным событием в отношениях между СССР и США.

Путь к Женевскому диалогу был долгим и сложным. В начале 80-х годов администрация США, придя к власти, взяла курс на конфронтацию. По ее вине были разорваны почти все нити двустороннего сотрудничества. Она приступила к реализации программы ядерного перевооружения США, к разработке программы «звездных войн» с тем, чтобы выйти с оружием в космос, добиться военного превосходства над Советским Союзом. В результате сложилась крайне напряженная и опасная политическая обстановка в мире.

В преддверии встречи Советское правительство, стремясь создать благоприятный климат, в одностороннем порядке прекратило все ядерные взрывы, подтвердило односторонний мораторий на испытания антиспутникового оружия, внесло радикальные предложения о сокращении ядерных арсеналов. В Софии состоялось совещание государств—участников Варшавского Договора, на котором прозвучал голос социалистических стран в защиту мира, разрядки напряженности, сотрудничества, против гонки вооружений, против конфронтации, за оздоровление международной обстановки. Советский Союз выступил с крупномасштабными инициативами. Главная их цель — не допустить гонки вооружений в космосе и прекратить ее на Земле.

Советские предложения, внесенные во время встречи в Женеве, комплексны по охватываемым проблемам, взаимосвязаны по существу, справедливы с точки зрения принципа равенства и одинаковой безопасности.

Центральное место на переговорах заняли вопросы безопасности, ибо за последние десятилетия в мире произошли кардинальные перемены и они требуют нового подхода к проблемам мировой политики. Особенность международной обстановки состоит в том, что ныне речь идет не только о противостоянии двух общественных систем, но и о выборе между выживанием и взаимным уничтожением.

Во время переговоров советской делегацией были выдвинуты конкретные и радикальные предложения по ядерным и космическим вооружениям: полностью запретить ударные космические вооружения, сократить наполовину все имеющиеся в СССР и США ядерные средства. Советский Союз выступил также за полное освобождение Европы от ядерного оружия, что отвечает надеждам европейских народов, укрепляет их безопасность. Советской стороной было подчеркнуто, что программа «звездных войн» даст импульс гонке всех видов вооружений, положит конец всякому сдерживанию этой гонки.

Между участниками переговоров состоялся обмен мнениями по проблемам региональных конфликтов, истоки которых коренятся в истории, но главное — в социально-экономических условиях той или иной страны или региона. В ходе обсуждения выявились разные подходы к причинам вооруженных конфликтов и способам их устранения. Советский Союз последовательно выступает за признание неотъемлемого права каждого народа на свободу и независимость, на самостоятельный выбор пути развития.

Предложения американской стороны отличались половинчатостью; они основаны на одностороннем подходе, продиктованы стремлением к военному превосходству в мире для США и НАТО. Позиция США не предусматривала запрета на создание ударных космических вооружений.

Решений по важнейшим вопросам, связанных с прекращением гонки вооружений, на встрече найти не удалось. Руководство США не отказалось от программы «звездных войн». А это не позволило прийти к конкретным договоренностям, прежде всего относительно ядерных и космических вооружений.

По некоторым вопросам была все же достигнута договоренность. В совместном заявлении сказано, что ядерная война никогда не должна быть развязана. СССР и США обязались строить свои отношения без стремления к военному превосходству.

Участники переговоров подтвердили свое обязательство способствовать повышению эффективности режима нераспространения ядерного оружия. На встрече состоялся обмен мнениями по проблемам гуманитарного порядка. Достигнуто согласие о расширении контактов в области науки, культуры, просвещения и информации. Стороны условились о продолжении политических контактов между руководителями СССР и США. В результате в политических и общественных кругах различных стран проявились настроения оптимизма, ожиданий и надежд. Несколько снижен накал конфронтации.

Между тем, международная обстановка остается сложной. Гонка вооружений продолжается, угроза ядерной войны остается. Борьба за обеспечение мира и оздоровление политического климата ширится и принимает самые различные формы. Народы ищут практического продвижения вперед по пути, намеченному в Женеве. По-прежнему СССР и США разделяют крупные разногласия по ряду принципиальных вопросов положения в мире и развития событий в отдельных регионах.

Упорное стремление американской стороны продолжать создание космического оружия может блокировать возможность прекращения гонки ядерных вооружений, которую необходимо непременно предотвратить. Такова воля всех народов.

Советский Союз предлагает всеохватывающий комплекс мер, перекрывающих все пути гонке вооружений. Его программа, которая исходит из того, что милитаризм враждебен народам, а гонка вооружений безрассудна, предусматривает широкое долговременное, всестороннее, взаимовыгодное сотрудничество с другими государствами.

Улучшение советско-американских отношений вполне возможно. Но для этого необходимы совместные усилия с обеих сторон, понимание того, что ядерная война недопустима и в ней не может быть победителей. Отсюда важно обоюдное стремление достигнуть соглашений, которые бы обеспечили одинаковую безопасность для обеих стран. На этой основе станет возможным укрепление со временем взаимного доверия, дальнейшее плодотворное обсуждение экономических и гуманитарных проблем, установление и расширение научных контактов и культурных связей.

После встречи в Женеве на высшем уровне Советский Союз последовательно и настойчиво продолжает выступать за то, чтобы противоборство двух систем происходило только и исключительно в форме мирного соревнования, состязания в различных сферах — идеологической, экономической и политической, но не превращалось в вооруженное столкновение. Советское правительство лишь за последнее пятилетие выдвинуло свыше 80 различных инициатив по важнейшим проблемам поддержания мира и укрепления международной безопасности [9].

Магистральным направлением политики партии на международной арене, отмечается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, остается «борьба против ядерной опасности, гонки вооружений, за сохранение и укрепление всеобщего мира» [10]. Ярким свидетельством глубокого гуманизма советской внешней политики является Заявление М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. Советский Союз предложил радикальную программу поэтапной ликвидации в течение ближайших 15 лет во всем мире ядерного и химического оружия, при одновременном запрете создания космических вооружений.

Советское правительство в этой связи обратилось с призывом к ядерным державам, ко всем правительствам и народам мира. Внешнеполитическая мирная инициатива СССР отвечает коренным жизненным интересам и чаяниям народов. Ее одобряют и поддерживают все, кому дорог мир.

Администрация США в ответ на предложения Советского правительства по разоружению не изменила своей позиции по проблеме

[9] Коммунист, 1986, № 3, с. 115.
[10] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 63.

немилитаризации космоса, сокращения стратегических вооружений, запрещения химического оружия, а также запрета на ядерные испытания. Что касается ракет средней дальности, США вновь высказались за выдвинутый Вашингтоном еще в 1981 г. так называемый несколько подновленный «нулевой вариант», предусматривающий односторонние военные преимущества для Соединенных Штатов Америки.

США стремятся сломить сложившийся военно-стратегический паритет, занять доминирующее положение в мире с тем, чтобы диктовать свои условия СССР, другим странам социализма. Сферой своих «жизненных интересов» США объявили целые регионы. Вашингтон проводит политику «неоглобализма», опираясь на военную силу.

При освещении вопросов внешней политики США многие буржуазные историки стремятся оправдать экспансионистскую внешнюю политику американского империализма. Они пытаются найти «идеи», которые могли бы стать ее «теоретическим» фундаментом. Для этой цели используются концепции различных школ, как «традиционных» («политический идеализм», «политический реализм»), так и «модернистских». При всем внешнем их различии в аргументации большинство представителей этих школ сходятся на общей платформе антикоммунизма и антисоветизма.

Большой вклад в разоблачение экспансионистской сущности политики американского империализма вносят историки СССР, других социалистических стран. Советскими исследователями создан ряд коллективных трудов и большое количество индивидуальных монографий, в которых показаны различные направления внешней политики США, формы проявления экспансионизма в отдельных регионах и на различных исторических этапах.

Задача настоящего исследования — рассмотреть движущие силы и эволюцию американского экспансионизма в новейшее время, проанализировать его специфические особенности в различных регионах мира — в Западной Европе, Латинской Америке, Восточной и Юго-Восточной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке. В работе большое место уделено освещению политических, экономических, идеологических и военных аспектов экспансионизма США, особенно после второй мировой войны. Для современности, как показано в работе, характерно преобладание военных форм экспансионизма. Содержащиеся в книге факты позволят полнее уяснить, откуда исходит угроза миру и безопасности народов, почему официальные круги и представители крупного капитала Соединенных Штатов Америки выступают против разрядки международной напряженности и миролюбивых предложений Советского Союза, который совместно с социалистическими странами, при широкой поддержке прогрессивной мировой общественности, последовательно и неизменно выступает против гонки вооружений, отстаивает принципы мирного сосуществования государств с различными социальными системами, добивается расширения взаимовыгодного экономического и торгового сотрудничества, установления атмосферы доверия в отношениях между государствами.

В написании настоящего многопланового коллективного труда приняли участие известные советские американисты, много лет занимающиеся изучением внешней политики США. Авторы сосредоточили основное внимание на рассмотрении наиболее значительных этапов, явлений и характерных черт современного американского экспансионизма.

Редколлегия и авторский коллектив выражают благодарность сотрудникам сектора истории США и Канады Института всеобщей истории АН СССР за высказанные замечания и рекомендации при обсуждении рукописи и особенно признательны кандидату исторических наук Л. М. Троицкой за большую научно-организационную работу, проведенную ею при подготовке данной книги к печати.

Г. Н. Севостьянов

ИНТЕРВЕНЦИОНИСТСКАЯ ПОЛИТИКА США МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Борьба США против Советской России и революционного движения в Европе

А. Е. КУНИНА

В американской историографии можно встретить утверждения, будто США вступили в первую мировую войну против своей воли.[1] Между тем исторические факты свидетельствуют о закулисной деятельности американской дипломатии, которая, по существу, способствовала ускорению начала военного конфликта в Европе. Такую цель, в частности, ставил перед собой ближайший помощник президента США Вильсона Э. Хауз, когда в 1913 и 1914 гг. предпринял поездки в Берлин и Лондон. Ведя двойную игру, Хауз во время встречи 1 июля 1914 г. с кайзером Вильгельмом поддерживал его агрессивные намерения в отношении России и уверял в дружественном расположении Англии. В Лондоне же во время беседы с министром иностранных дел Греем 17 июля 1914 г. Хауз всячески расписывал военную мощь Германии и ее угрозу Англии [2]. Подобные действия американской дипломатии нельзя расценивать иначе, как попытку подтолкнуть Германию к войне против России, а Англию — против Германии. Военное столкновение враждующих группировок открывало благоприятные перспективы для осуществления империалистических планов экспансии США.

Об этих планах государственные деятели США говорили открыто. В ходе предвыборной кампании 1912 г. Вудро Вильсон похвалялся грядущим господством американских товаров «на рынках всего мира» [3]. Твердую уверенность в том, что европейская война позволит США вершить «судьбами мира»., выражал американский посол в Лондоне У. Х. Пейдж [4]. Особые надежды возлагались на то, что

[1] *Smith D.* The American Diplomatic Experience. N. Y., 1972, p. 278; *Devlin P.* Too Proud to Fight: Woodrow Wilson's Neutrality. L., 1974, p. 271; *Dubofsky M., Theoharis A., Smith D.* The United States in the Twentieth Century. Prentice Hall, 1978, p. 114.

[2] Архив полковника Хауза. Т. 1—4. М., 1937, т. 1, с. 51—67.

[3] A Crossroads of Freedom: The 1912 Campaign Speeches of Woodrow Wilson / Ed. by Davidson I. W. N. Y., 1956, p. 119.

[4] «Неизбежно, что Европа обанкротится, а мы станем неизмеримо сильнее в финансовом и политическом отношении», — подчеркивал он после того, как война в Европе началась (*Hendrick B.* The Life and Letters of Walter Hines Page. N. Y., 1926, vol. 1, p. 310—311).

война заставит Лондон уступить Нью-Йорку роль мирового банкира. В 1915 г. американский министр финансов У. Макаду выразил уверенность в превращении США «в господствующую финансовую державу мира» [5]. Убеждение в том, что в скором времени «международной валютной единицей вместо фунта стерлингов станет доллар» выразил в 1915 г. компаньон фирмы Моргана Т. У. Ламонт [6]. А уже в 1916 г., за несколько дней до начала президентских выборов, Вильсон торжественно заявил: «Мы превратились из должников в мировых кредиторов... От нас в значительной мере зависит, кому будет предоставлена финансовая поддержка, а кому нет... Мы находимся на гребне волны человечества, которая будет определять политику всех стран мира» [7].

Превращение США в мирового кредитора, гигантское усиление их торгово-экономического могущества имело, по словам В. И. Ленина, значение «крупного поворота в мировой политике» [8]. Для экспансии американского капитала открывались широкие возможности. Главным направлением ее стали Южная Америка и бассейн Карибского моря, а также Китай, Индия, Россия [9].

Исчерпывающую характеристику экспансионистских планов США дал состоявшийся в августе 1917 г. VI съезд РСДРП(б). В резолюции «Текущий момент и война» подчеркивалось: «Война в последнее время приобретает размах всеобъемлющего мирового столкновения. На сцене появился новый гигант империализма и претендент на мировую гегемонию — Америка» [10].

Великая Октябрьская социалистическая революция, прорвав международный фронт капитализма, нанесла сокрушительный удар по претензиям США на установление мирового господства. Возникновение Советской Республики рассматривалось американскими правящими кругами как «весьма реальная угроза для существующего социального порядка во всех странах», включая сами Соединенные Штаты [11]. В этой обстановке США как самое молодое и сильное империалистическое государство стало выступать в качестве гаранта и охранителя мировой капиталистической системы. В апреле 1917 г. Соединенные Штаты вступили в империалистическую войну, активно

[5] Цит. по: *Levin N. G. Jr.* Woodrow Wilson and World Politics: America's Response to War and Revolution. L.; N. Y., 1970, p. 15.

[6] Цит. по: *Ландберг Ф.* 60 семейств Америки. М., 1947, с. 171.

[7] *Baker R. S., Dodd W. E.* (eds.). The Public Papers of Woodrow Wilson. 6 vols. N. Y., 1925—1927, vol. 4, p. 391.

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 275.

[9] 14 августа 1916 г. американский посол в России Д. Фрэнсис писал государственному секретарю Лансингу: «...американские предприниматели уже смотрят с вожделением на богатства недр России, на ее огромные источники водной энергии и на возможности железнодорожного транспорта... Все считают, что нет ни одной области на земле, которая может сравниться с этой» (Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers, 1914—1920. Vol. 1—2. Wash., 1939—1940, vol. 2, p. 319. (Далее: The Lansing Papers.)

[10] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 1, с. 484.

[11] The Lansing Papers, vol. 2, p. 347—348.

ратуя за ее продолжение. А с октября 1917 г. они выдвигаются на передний край сил контрреволюции, сплотившихся против Республики Советов.

Декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. и переданный по радио народам всех воюющих стран, разоблачил империалистический характер мировой войны и требовал немедленного заключения справедливого, демократического мира, без аннексий и контрибуций. Выход Советской России из войны имел для США (как и для Великобритании, Франции, Италии) серьезные последствия. Срывались планы союзных и присоединившихся стран достичь империалистических целей кровью русских солдат. Русские войска предстояло заменить собственными. 10 декабря 1917 г., вскоре после Обращения Советского правительства о заключении всеобщего демократического мира, государственный секретарь США Р. Лансинг в донесении президенту В. Вильсону с тревогой отмечал: «Устранение России в качестве воюющей силы... выдвинет перед нашей страной соответствующие требования в отношении людей и денег». «Русские армии могут быть реорганизованы и могут стать значительным фактором к весне и лету будущего года» в том случае, продолжал Лансинг, если в России удастся восстановить власть буржуазии [12].

К свержению Советской власти и восстановлению господства буржуазии и были направлены усилия США с первых же дней победы Великой Октябрьской социалистической революции. Получив строжайшее указание из Вашингтона о непризнании Советского правительства, посол Д. Фрэнсис 16 ноября 1917 г. обратился через его голову с контрреволюционным воззванием «К народам России», призывая к свержению Советской власти. 6 декабря 1917 г. президент Вильсон дал официальное указание всем представителям США за границей воздерживаться от каких-либо сношений с Советским правительством [13].

Правительство США первым начало политику блокады Советской страны, объявив эмбарго на экспорт всех основных товаров в Россию.

В специальной резолюции Военно-торгового совета США от 19 ноября 1917 г. предписывалось «воздержаться от выдачи всех лицензий на экспорт контролируемых товаров в России, в том числе лицензий на перевозки через Тихий океан» [14]. Эмбарго, как сообщалось в американской печати, должно было сохраняться до тех пор, «пока большевики останутся у власти в России и будут продолжать свою политику мира с Германией» [15]. Одновременно Вашингтон принял

[12] Ibid., p. 373.
[13] *Francis D. R.* Russia from the American Embassy. N. Y., 1921, p. 173—177.
[14] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (далее: FR), Russia, 1918 Vol. 1—3. Wash., 1931—1932, vol. 1, p. 289; vol. 2, p. 9; vol. 3, p. 104. США призвали присоединиться к бойкоту страны Советов и правительства нейтральных стран — Норвегии, Дании, Швеции, Испании (Ibid., vol. 1, p. 277, 286).
[15] Ibid., vol. 1, p. 266.

меры к поддержке сил контрреволюции. В ноябре—декабре 1917 г. основная ставка делалась на генерала Каледина [16].

Посольство США в Петрограде (переехавшее впоследствии в Вологду, а затем в Архангельск) стало одним из штабов контрреволюции, активной силой многих заговоров против Советской власти. Опорными пунктами этих заговоров служили также американские консульства в Москве, Омске, Владивостоке [17].

Вместе с тем правительство США, неоднократно подчеркивавшее стремление к «демократическому миру», было поставлено перед необходимостью объяснить свой отказ от советских мирных инициатив, причины требования о продолжении империалистической войны. 8 января 1918 г. В. Вильсон выступил в конгрессе с изложением внешнеполитической программы США (она получила известность как «14 пунктов» Вильсона). Фактически это был вынужденный ответ на Декрет о мире, попытка противодействия влиянию миролюбивой политики Советского правительства. Империалистические цели США, в частности в отношении Советской России, были тщательно замаскированы демократической фразеологией.

Всячески противодействуя мирным инициативам Советского государства, страны Антанты и США продолжали вынашивать планы расправы над ним. Наряду с поддержкой сил внутренней контрреволюции они с первых же дней существования Советской Республики приступили к организации против нее вооруженной интервенции.

В начале декабря 1917 г. представители США, Англии, Франции на специально созванной конференции в Париже приняли решение о начале военной интервенции против Советской России и распределили между собой роли. В официальном меморандуме от 22 декабря 1917 г., а также в англо-французской конвенции от 23 декабря общими целями были объявлены отторжение от России Украины, Северного Кавказа, Грузии, Армении, среднеазиатских областей, Сибири и Дальнего Востока; образование на этих территориях контрреволюционных правительств и организация с их помощью военной интервенции против основных жизненных центров Советской России. «Подразумевается, — говорилось в меморандуме, — что США примут участие» в этих действиях [18].

Содержание парижского меморандума сохранялось в строгой тайне. Он был убедительным опровержением «14 пунктов» Вильсона, провозглашавших «дружественное расположение к России» [19]. На

[16] The Lansing Papers, vol. 2, p. 343—344.

[17] «В американском консульстве в Москве были выработаны планы разрушения железнодорожных мостов», — писал представитель госдепартамента Буллит в секретном меморандуме от 4 апреля 1919 г. См.: *Bullitt W. C.* The Bullitt Mission to Russia. N. Y., 1919, p. 83.

[18] FR, Russia, 1918, vol. 1, p. 330—331.

[19] В 6-м пункте В. Вильсона речь шла о праве России принимать «независимое решение относительно ее собственного политического развития и национальной политики». России обещался «радушный прием» в Лиге Наций «при том образе

практике претворялась в жизнь политика контрреволюции и интервенционизма [20].

Большие надежды возлагались Вашингтоном на падение Советской власти в результате срыва Брестского мирного договора, заключенного между Советской Россией и Германией 3 марта 1918 г., и наступления германских войск в глубь страны. Стремясь помешать ратификации этого договора, президент Вильсон направил послание IV Чрезвычайному Всероссийскому съезду Советов (14—16 марта 1918 г.) [21].

Советское правительство заявило, что правительства Англии, Америки, Франции, Италии и Японии «бросали Россию под ноги немецкого империализма» [22]. Съезд Советов ратифицировал Брестский договор, означавший выход России из империалистической войны. Правительства же стран Антанты и США, продолжая твердить о мнимой приверженности миру и демократии, фактически находились к тому времени в состоянии войны с Советской Республикой. «Они все кричат о демократизме, — писал В. И. Ленин, — но ни в одном парламенте мира они не посмели сказать, что объявляют войну Советской России» [23].

Несмотря на враждебную позицию стран Антанты и США, Советское правительство пыталось урегулировать отношения с ними на приемлемой для обеих сторон основе. Важным шагом явился план развития экономических отношений между Советской Россией и США, разработанный Комиссией по внешней торговле при ВСНХ 12 мая 1918 г. [24] Его содержание воспроизводилось в приложении к письму В. И. Ленина руководителю миссии американского Красного Креста полковнику Робинсу от 14 мая 1918 г. В документе предлагалось начать экономические переговоры (в качестве их основы выдвигался примерный план экспорта на 1918 г. в сумме 3 млрд. руб.).

правления, который она сама для себя изберет». Подчеркивалась «разумная и бескорыстная симпатия» к ней со стороны сестер-наций. (См.: Архив полковника Хауза, Т. 1—4. М., 1937—1944; т. 4, с. 151.) Подлинный смысл этого пункта, как разъяснял представитель госдепартамента Д. Х. Миллер, был иным: вопрос о русских территориях не рассматривался в нем с точки зрения «единой России», и, таким образом, документ не препятствовал возникновению в России самостоятельных районов или образований. См.: *Miller D. H.* My Diary at the Conference of Paris. Vol. 1—20. N. Y., 1924—1926; vol. 2, p. 62, 87.

[20] Д. Фрэнсис требовал (в телеграмме от 9 января 1918 г.) от госдепартамента немедленного признания белогвардейских «правительств» на Украине, Дону, в Архангельске и Сибири (FR, Russia, 1918, vol. 1, p. 336). Генеральный консул Пуль предложил (в телеграмме от 26 января 1918 г.) своему правительству опираться на генерала Алексеева для осуществления планов отторжения от России Сибири и Дальнего Востока (Ibid., vol. 2, p. 609). Правительство Вильсона поддерживало (займами и вооружением) белогвардейцев в Архангельске, атамана Семенова, Калмыкова и Колчака в Сибири (Ibid., p. 47—48, 155, 162). Посол США в Китае Райнш выражал надежды на то, что успех Семенова сделает возможным отторжение Сибири (Ibid., p. 160).

[21] Архив полковника Хауза, т. 3, с. 280.

[22] Правда, 1918, 1 авг.

[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 392

[24] Документы внешней политики СССР. М., 1957, т. 1, с. 287—294

Предусматривалось также участие США в строительстве ряда крупных промышленных объектов [25]. Этот план, сопровождаемый его соображениями относительно перспектив американо-советского сотрудничества [26], был представлен Робинсом в госдепартамент. Однако никакого ответа он на него не получил. Остались без ответа и соображения, высказанные американским консулом в Архангельске Ф. Коулом (в письме Лансингу от 1 июня 1918 г.), также предлагавшим наладить экономическое сотрудничество с Советской Республикой; поставку ей оборудования для промышленных предприятий, сельскохозяйственных машин: «Мы таким образом завоюем в России больше друзей, чем посылкой войск, — писал Коул, — ... Россия, большевики хотят торговать с нами» [27]. Однако и эти предложения остались без ответа. Американские правящие круги в отношениях с Советской Республикой предпочли путь вооруженной борьбы и экономической блокады.

США, как и Англия, Франция, Япония, встали на путь агрессии, введя свои военные суда в территориальные воды на Дальнем Востоке и на Севере России. На Севере вторжение иностранных военно-морских и сухопутных сил началось в марте 1918 г. В конце апреля в Мурманске насчитывалось около 14 тыс. англо-французских солдат и офицеров. 27 мая 1918 г. в Мурманский порт прибыл американский крейсер «Олимпия». 3 июня Верховный совет Антанты принял решение о развертывании военных действий на Севере России. В соответствии с этим 9 июня в Мурманске был высажен отряд американской морской пехоты, а 2 августа оккупирован Архангельск. К сентябрю 1918 г. численность американских войск в этом районе достигла более 5 тыс. человек.

Интервенционистские действия Англии, Франции, США мотивировались в буржуазной печати «необходимостью предотвращения захвата Мурманска немецкими войсками», желанием «помочь России». Между тем никакой опасности нападения германских войск на Кольский п-ов в тот момент не существовало. Их силы были сосредоточены на Нарвском и Выборгском направлениях, откуда готовился удар на Петроград [28].

Для осуществления антисоветской интервенции на Дальнем Востоке большие надежды возлагались странами Антанты и США на Японию, которая имела наготове большую армию [29]. Однако достижение соглашения по этому вопросу усложнялось наличием запутанного клубка империалистических противоречий.

[25] Там же, с. 299—300.
[26] The Lansing Papers, vol. 2, p. 368—369.
[27] FR, Russia, 1918, vol. 2, p. 479—484. См.: *Березкин А. В.* Октябрьская революция и США, 1917—1922. М., 1967, с. 126.
[28] См.: *Тарасов В. В.* Борьба с интервентами на Севере России. М., 1958, с. 42—43.
[29] Причины, по которым Вашингтону было выгодно использовать Японию в борьбе против Советской России, были изложены в секретном меморандуме командования военно-морского флота США от 26 ноября 1918 г. В нем указывалось, что Япония так или иначе будет стремиться к захватам. Если с Японией своевременно не

Главным условием участия в антисоветской интервенции Япония ставила предоставление ей полной свободы рук [30]. США же, опасаясь, что действия Японии выйдут из-под контроля, настаивали на том, чтобы они совершались как акция «международного сотрудничества» [31]. В результате длительных переговоров соглашение о начале японской военной интервенции было достигнуто в первых числах апреля 1918 г. Обязавшись не предпринимать каких-либо действий без ведома и согласия Англии, Франции и США [32], Япония 5 апреля 1918 г. высадила десант во Владивостоке. В телеграмме Владивостокскому Совету от 7 апреля 1918 г. Советское правительство предупреждало, что высадка десанта является началом наступления японцев, которым помогут «все без изъятия союзники» [33]. 8 июля 1918 г. США заключили с Японией соглашение о совместных военных действиях на Дальнем Востоке и в Сибири [34].

В целях антисоветской интервенции страны Антанты и США стремились использовать и 50-тысячный чехословацкий корпус (состоявший из военнопленных). Советское правительство разрешило корпусу выехать на родину через Владивосток (на этот счет в феврале 1918 г. было подписано соглашение в Китае между советским командованием и уполномоченными чехов и словаков). Однако представители Англии, Франции и США инспирировали его контрреволюционный мятеж [35].

договориться, японская агрессия может быть направлена и против США. Предлагалось обеспечить будущую экспансию Японии путем предоставления ей «свободы рук в Восточной Сибири». «Для США жизненно важно направить Японию в сторону Азиатского континента», — подчеркивалось в меморандуме (*Miller D. H.* Op. cit., vol. 2, p. 106—107).

30 «Япония требует, чтобы это дело было поручено ей одной», — сообщал в госдепартамент 17 января 1918 г. посол США в Токио Моррис (FR, Russia, 1918, vol. 2, p. 29—30).

31 «. . .Любая военная экспедиция в Сибирь. . . должна быть предпринята путем международного сотрудничества, а не какой-либо одной державой . . .», — подчеркивалось в меморандуме госдепартамента от 8 февраля 1918 г. (FR, Russia, 1918, vol. 2, p. 41—42).

32 «Государственный департамент теперь получил заверения (от японского правительства. — *А. К.*), что никакие действия не будут предприняты без полного согласования с союзниками и правительством США», — сообщал государственный секретарь Лансинг Фрэнсису в день высадки японского десанта (FR, Russia, 1918, vol. 2, p. 100).

33 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 216.

34 FR, Russia, 1918, vol. 2, p. 267—268, 270.

35 Вопрос об использовании чехословацкого корпуса в антисоветских целях обсуждался, в частности, в начале апреля 1918 г. во время встречи посла США в Японии Морриса с президентом буржуазной Чехословацкой республики Масариком, находившимся в Токио по пути в Вашингтон (FR, Russia, 1918, vol. 2, p. 92, 122). В воспоминаниях Масарика содержатся прямые свидетельства об инспирировании этого мятежа чехословацкого корпуса союзниками (см.: Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика. М., 1954). Активное участие в этом принимал американский консул Пуль. Он требовал от командира чехословацкого корпуса (в телеграмме от 24 июля 1918 г.), чтобы его войска «удержали захваченные позиции. . . и вели военные действия» (New York Times, 1919, Jan. 1).

ԳՐԱԴԱՐԱՆ БИБЛИОТЕКА

Лишь 3 августа 1918 г. правительство США опубликовало заявление о своем «намерении» принять участие в интервенции, мотивируя это «не желанием удушения Советской Республики и колониального порабощения России», а необходимостью охраны «тыла чехословаков, наступающих со стороны Владивостока». В Мурманск и Архангельск войска направлены для «охраны военных складов». А вообще, говорилось в заявлении, США «не имеют в виду интервенцию» и не стремятся «к вмешательству во внутренние дела России», а лишь хотят оказать ей «дружественную помощь» [36].

Советское правительство разоблачило лицемерие подобных заявлений буржуазных правительств. «. . . Они бессовестно лгут, говоря, что они только „грозят" вмешательством в русские дела», — говорилось в его воззвании к трудящимся массам Франции, Англии, Америки, Италии и Японии, — так как «они уже ведут военные действия против рабоче-крестьянской России» [37].

В августе 1918 г. во Владивостоке были высажены крупные подразделения американских войск: 27-й и 31-й пехотные полки, насчитывающие около 9 тыс. солдат.

Перемирие, заключенное странами Антанты и США с Германией 11 ноября 1918 г., изменило международную обстановку. Отныне более не существовало двух воюющих сторон в лагере империализма. Теперь союзные державы, заявил вскоре после заключения перемирия президент США, видят в большевизме «единственного врага, против которого следует ополчиться. Русское государство с нескольких сторон открыто для союзных войск, если они пожелают вторгнуться» [38].

В статье 12 условий перемирия с Германией, предусматривавшей немедленный вывод немецких войск из Австрии, Венгрии, Румынии и Турции, делалось исключение в отношении германских войск, находившихся на территории России [39]. Эту статью, очевидно имел в виду Р. Лансинг, когда писал: «. . . союзные и присоединившиеся державы являются на основе перемирия союзниками Германии в Прибалтийских провинциях» [40].

Условия перемирия с Германией предусматривали также ввод дополнительных войск Антанты и США на территорию Советской России для «поддержания порядка» [41]. Содержание этой формулировки было раскрыто В. И. Лениным в речи на VI Чрезвычайном

[36] *Гревс В.* Американская авантюра в Сибири (1918—1920). М., 1932, с. 9.

[37] Правда, 1918, 1 авг. 13 августа 1918 г. в письме Лансингу посол Фрэнсис констатировал: «Отношения между ним (Советским правительством. — *А. К.*) и союзниками равнозначны состоянию войны» (FR, Russia, 1918, vol 3, p. 59).

[38] См.: Правда, 1918, 28 нояб.

[39] Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926, ч. 2, с. 195.

[40] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Paris Peace Conference. Vol. 1—13. Wash., 1942—1947; vol. 4, p. 691. (Далее: FR PPC.)

[41] Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 2, с. 196.

Всероссийском съезде Советов: «А теперь демократические войска Англии и Франции будут служить „для поддержания порядка“... Мы знаем, что это за порядок. Это значит, что англо-американские войска призываются играть роль душителей и палачей всемирной революции» [42].

В связи с окончанием военных действий против Германии последовали официальные заявления правительства США о демобилизации американской армии. Однако на деле военное министерство возвращало обратно все рапорты об увольнении из армии [43]. На 31 декабря 1918 г. численность американских войск в Европе, по словам их командующего генерала Першинга, составляла 1 867 294 человек [44]. Согласно высказыванию военного министра (на закрытом заседании комиссии по военным делам) правительство США не имело намерения их отзывать [45].

Несмотря на объединенные усилия империалистических держав, поддержку ими войск белогвардейцев, военная антисоветская интервенция не дала ожидаемых результатов. Отбив первый натиск, Красная Армия перешла в наступление, шаг за шагом освобождая захваченные интервентами и белогвардейцами территории. В течение ноября—декабря 1918 г. были освобождены Прибалтийские республики, к январю 1919 г. — значительная часть Украины. Красная Армия имела также успехи на Восточном фронте в боях против Колчака и на юге — против Деникина.

В этих условиях страны Антанты и США оказались в затруднении относительно созыва конференции по выработке условий мирного договора с Германией и Австро-Венгрией. Допускать на конференцию представителей Советской Республики, против которой велась война, они не хотели. Созыв же мирной конференции без участия представителей России, вынесшей на себе главную тяжесть войны, был бы неоправдан в глазах мирового общественного мнения. Тогда, по инициативе США, было решено Россию на конференцию не приглашать, ссылаясь на отсутствие правительства, представляющего страну в целом. В американском проекте мирного договора с Германией (составленном в январе 1919 г.) говорилось: «В России не признается существующим никакое правительство, которое могло бы присоединиться к выработке мирного договора от имени русского народа» [46].

[42] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 162.

[43] Член палаты представителей Мадден 2 января 1919 г. говорил в конгрессе: «Нет никаких признаков демобилизации. Даже на флоте уволено не более 10 % состава» (Congressional Record, vol. 57, pt 1. Wash., 1919, p. 963).

[44] FR PPC, vol. 2, p. 58.

[45] Ссылаясь на этот факт, член палаты представителей Грин 2 января 1919 г. обратился к членам конгресса с вопросом: «Зачем мы оставляем нашу армию в Европе? Очевидно... она будет использована... для осуществления жандармского контроля над Россией» (Congressional Record, vol. 57, pt 1, p. 958).

[46] *Miller D. H.* My Diary..., vol. 3, p. 13. Функцию «охраны интересов России» на конференции Лансинг предлагал передать США. Имелась в виду поддержка элементов, которые могли бы «ополчиться против... большевизма» и подписать от имени России мирный договор с Германией (FR PPC, vol. 1, p. 270—271).

И это заявлялось в то время, как армия Советского государства наносила поражение за поражением войскам интервентов. Отказ империалистических держав пригласить на мирную конференцию представителей Советской России был тем более вопиющим, что именно Советское правительство, начиная с Декрета о мире, неоднократно (3 и 7 ноября, 23 декабря 1918 г., 12 и 17 января 1919 г.) обращалось к правительствам США, Англии, Франции и Японии и других капиталистических стран с предложением мира и с протестами против ничем не оправданного вооруженного нападения на Советскую Россию.

На одном из первых заседаний Парижской мирной конференции был выработан план созыва на Принцевых о-вах конференции представителей всех воюющих «группировок» в России. В качестве главного условия выдвигалось немедленное прекращение военных действий Красной Армией. Интервенты рассчитывали дипломатическим путем достичь того, что не удавалось военным силам, — остановить наступление Красной Армии, которая к тому моменту освободила Уфу, Стерлитамак, Оренбург, Уральск и продвигалась к Черному и Азовскому морям. На Северном фронте от англо-американских интервентов был освобожден Шенкурск.

Текст обращения ко всем воюющим «группировкам» в России, составленный В. Вильсоном 21 января 1919 г., был на следующий день утвержден на заседании Совета 10-ти Парижской конференции. В нем вновь формально признавалось «абсолютное право русского народа устраивать свои собственные дела без какой бы то ни было диктовки или указания извне» [47].

В своем ответе Советское правительство разоблачило лицемерный характер обращения представителей Антанты и США [48]. Тем не менее, верное своей неизменной политике мира, Советское правительство (в обращении от 4 февраля 1919 г.) выразило согласие немедленно начать переговоры о заключении соглашения, которое положило бы конец военным действиям [49].

Уличенные в лицемерии, инициаторы конференции на Принцевых о-вах были вынуждены отказаться от ее созыва.

В феврале 1919 г., когда интервенты готовили совместный поход против Советской Республики, по инициативе президента Вильсона и с одобрения Ллойд Джорджа был предпринят еще один дипломати-

[47] Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 2, с. 219. В тот самый день, когда впервые был выдвинут проект о созыве конференции на Принцевых о-вах (16 января 1919 г.), США, Англия и Франция заключили соглашение с Колчаком, по которому обязывались оказывать ему всемерное содействие. 21 января 1919 г. одновременно с обращением президент США одобрил план организации Межсоюзной железнодорожной компании в Сибири во главе с американским инженером Стивенсом для оказания помощи Колчаку (FR, Russia, 1919, Wash., 1937, p. 243—244, 463—464).

[48] «Предложение о приостановке военных действий не было выставлено в то время, когда Советское правительство испытывало серьезные затруднения в военном отношении, но выставляется теперь, когда контрреволюция находится накануне окончательного краха» (Известия, 1919, 4 февр.).

[49] Известия, 1919, 5 февр.

ческий маневр. 22 февраля в Москву была направлена миссия во главе с сотрудником американской делегации на Парижской конференции Буллитом. 8 марта он передал Советскому правительству условия, на которых США и Англия якобы были согласны на мирные переговоры.

В своем ответе от 14 марта Советское правительство, соглашаясь принять за основу предложения США и Англии, требовало прежде всего вывода войск Антанты и США из России и прекращения помощи белогвардейским «правительствам».

Миссия Буллита потерпела провал [50]. 6 марта 1919 г. армия Колчака, вооруженная и оснащенная странами Антанты и США, перешла в общее наступление на Восточном фронте. Одновременно началось наступление контрреволюционных сил и на других фронтах. Натолкнувшись, однако, на решительный отпор Красной Армии, первый поход Антанты вскоре окончился крахом.

Вооруженная антисоветская интервенция осуществлялась правящими кругами империалистических держав против воли трудящихся масс. В США портовые рабочие отказывались грузить вооружение, предназначенное для интервентов и белогвардейцев в России [51]. Американские рабочие горячо поддерживали созданную левым крылом социалистической партии Лигу социалистической пропаганды, которая выступала под лозунгом «Руки прочь от Советской России!». Для установления дружественных связей с советскими трудящимися американские рабочие образовали Лигу друзей Советской России и Общество технической помощи Советской России.

Среди войск американских интервентов начались волнения. Убеждаясь в том, что их правительство фактически ведет необъявленную войну против Советской России, американские солдаты требовали немедленного возвращения домой [52]. Это требование поддержал 9 января 1919 г. в конгрессе США сенатор-изоляционист Бора: «Нужно уйти из России и дать ей самой решать свои дела, иначе нас ожидает судьба Наполеона» [53].

* * *

Стремясь снять с себя часть ответственности за кровопролитие в России и переложить бремя военных действий на чужие плечи, правительства стран Антанты совместно с администрацией США предприняли много дипломатических усилий для расширения анти-

[50] Причины этого откровенно признал впоследствии сам Буллит: «Колчак продвинулся на 100 миль, поэтому все в Париже, и в том числе члены американской делегации, сразу остыли в отношении мира с Россией, решив, что Колчак пойдет до Москвы и расправится с Советской властью» (US Senate. 66th Congr., 1st Ses. Hearings before the Committee on Foreign Relations. Wash., 1919, p. 1270).

[51] 3 января 1919 г. в нью-йоркском порту забастовало 3 тыс. грузчиков. Стачка разрослась, охватив 17 тыс. человек. В порту Сиэттл широкое движение рабочих против отправки вооружения интервентам на Дальнем Востоке и в Сибири переросло в феврале 1919 г. во всеобщую стачку, в которой участвовало более 32 тыс. рабочих (The American Labor Year Book, 1919—1920. N. Y., 1920, c. 168—170).

[52] FR, Russia, 1919, p. 14, 323.

[53] Congressional Record, vol. 57, pt 2. Wash., 1919, p. 1167.

советского блока, для вовлечения в интервенцию против Советской России ряда граничивших с ней государств — Литвы, Польши и Финляндии.

Один из вариантов этих планов был изложен в меморандуме А. Даллеса от 30 декабря 1918 г., озаглавленном «Литва и Польша — последний барьер между Германией и большевиками». «Падение этого последнего барьера между большевистской Россией и партией Либкнехта в Германии, — писал Даллес, — может привести к тому, что большевизм наводнит всю Западную Европу». В Литве и Польше с каждым днем растет революционное движение. Поэтому, продолжал Даллес, необходимо немедленно превратить эти страны в базу наступления против Советской России: «Настоящий момент является подходящим для сотрудничества между Литвой и Польшей при поддержке Антанты с целью борьбы против большевизма» [54].

21 января 1919 г. госдепартаментом США была составлена географическая карта предлагаемого объединенного Польско-Литовского государства. Предусматривалась не только ликвидация независимости Польши и Литвы, но и отторжение от Советской России значительной части Белоруссии, включая Борисов, Минск, Барановичи, Пинск, Гродно, Брест и другие советские города. В комментарии к карте делались ссылки на исторический прецедент Польско-Литовской унии XVI в. для борьбы против Московского государства [55].

Государственные деятели США неоднократно подчеркивали: «Прибалтика благодаря своему географическому положению. . . является в настоящее время самым главным ключом к русской проблеме» [56]. 12 марта 1919 г. государственный секретарь Лансинг указывал: «Эстония, Латвия и Литва должны получить всю необходимую помощь от США» [57].

В течение 1919 г. в Прибалтику был направлен ряд американских миссий: военная во главе с полковником Грином, Американской администрации помощи (АРА) [58], Американского Красного Креста. Общее руководство этими миссиями осуществлял представитель госдепартамента Джон Гейд, который официально числился «специальным уполномоченным Соединенных Штатов для Литвы, Эстонии и Латвии». Американские миссии сыграли активную роль в подготовке походов Юденича на Петроград весной и осенью 1919 г. Особенное значение придавалось деятельности АРА, которая оформляла продажу оружия интервентам под видом оказания «помощи» [59].

[54] FR PPC, vol. 2, p. 481—483. Своим участием в антисоветской интервенции, писал сотрудник госдепартамента Уоррен, Польша и Прибалтийские страны могут заслужить долю в репарациях с Германией, хотя Россия в целом репараций не получит. Если же эти страны откажутся от участия в интервенции, с них самих будут взысканы репарации, чтобы «покрыть расходы, которые вынуждены будут понести западные державы» (*Miller D. H.* Op. cit., vol. 3, p. 103—104).

[55] *Miller D. H.* Op. cit., vol. 4, p. 224—226.

[56] FR, Russia, 1919, p. 682.

[57] Ibid., p. 673.

[58] Создана 25 февраля 1919 г.

[59] По договору, заключенному 16 июля 1919 г. главой АРА Гувером с представи-

Согласно данным Гувера, для оплаты закупок американского вооружения правительство США предоставило Прибалтийским странам в период интервенции займов на сумму более 30 млн. долл.[60]

В подготовке наступления Юденича на Петроград принимали участие и представители США на Парижской мирной конференции. 23 мая 1919 г. Гувер, назначенный председателем специального военного комитета, изложил Верховному совету план военных операций по захвату Риги[61], предусматривавший также оказание поддержки реакционному правительству Эстонии, чтобы поощрить его к «наступлению на Петроград». Эстонии «необходима военная помощь», подчеркивал Гувер[62].

Правительство США поддерживало также готовившееся наступление на Петроград генерала Маннергейма. Цели США — уничтожения Советского государства, сообщал в госдепартамент 11 июля 1919 г. американский консул в Выборге Имбри, «можно достичь... без потери единой американской жизни или затраты единого американского доллара путем санкционирования наступления финских войск». «В качестве награды за захват Петрограда, — предупредил американского консула представитель Маннергейма генерал Теслоф, — Финляндия ожидает получить Мурманский п-ов»[63].

Этим авантюристическим планам не дано было сбыться. Героическая Красная Армия разгромила войска Юденича, нанесла поражение Маннергейму, отстояла колыбель революции — Петроград.

Особенно большая роль в интервенционистских планах антисоветского блока государств отводилась буржуазной Польше. 21 декабря 1918 г. американская печать сообщала о прибытии в польский порт военных кораблей США — крейсера «Честер» и эсминцев «Викс» и «Эйлвин». 4 января 1919 г. в Варшаву прибыла миссия АРА, возглавляемая Келлогом. Тотчас по прибытии он сообщал в Вашингтон: для успешного ведения войны против Советской России «поляки остро нуждаются в вооружении, обмундировании, обуви и т. д. Немедленно и срочно необходимо, чтобы союзники снабдили их этим...»[64]. Реакционному правительству Падеровского были предоставлены американские займы на сумму 176,5 млн. долл. Американская буржуазная печать раздувала антисоветскую кампанию, провоцировала Польшу на войну против Советской России.

телем Колчака Гермониусом, за обязательство снабжать Юденича вооружением и продовольствием миссия АРА оговаривала себе право контроля над распределением американских поставок (FR, Russia, 1919, p. 693—698). Множество сделок по продаже оружия контрреволюционным силам через АРА заключила созданная в США Ликвидационная комиссия, в ведение которой было передано оставшееся во Франции американское военное имущество (*Miller D. H.* Op. cit., vol. 8, p. 404—405).

[60] The Memoirs of Herbert Hoover. Vol. 1, 2. N. Y., 1952, vol. 1, p. 371, 177—178.

[61] Ibid., p. 373, 376.

[62] FR PPC, vol. 4, p. 753.

[63] FR, Russia, 1919, p. 691.

[64] Organization of American Relief in Europe, 1918—1919 / Ed. by S. Bane, R. Lutz. Stanford University (Cal.), 1943, p. 167. (Далее: ARA.)

На протяжении 1919 г. Антанта и США, стремясь сколотить союз малых стран для борьбы против Советской России, оказывали давление также на Румынию, Болгарию, Турцию. Однако эти попытки не удавались. Интервенты были изгнаны за пределы Советской Республики. Нападение международного империализма на первую страну социализма окончилось полным провалом.

* * *

План территориального расчленения России, как отмечалось выше, был разработан странами Антанты еще в декабре 1917 г. Правительство США не поставило своей подписи под документом от 22 декабря 1917 г., ограничившись заявлением о своем принципиальном согласии с ним. Собственные намерения США были сформулированы 23 октября 1918 г. в официальных комментариях к «14 пунктам» Вильсона. В связи с тем, что Россия как целое больше не существует, говорилось в комментариях, необходимо «признание мирной конференцией де-факто правительств, представляющих финнов, эстонцев, литовцев и украинцев... после того, как мирная конференция определит границы этих новых государств» [65]. «Что же касается Великороссии и Сибири — указывалось далее в этом документе, — то мирной конференции следовало бы обратиться с посланием, в котором предлагалось бы создать правительство, достаточно представительное, чтобы выступать от имени этих территорий». «Кавказ придется, вероятно, рассматривать как часть проблемы Турецкой империи», а на Среднюю Азию «придется предоставить какой-нибудь державе ограниченный мандат для управления на основе протектората» [66].

План расчленения России, утвержденный 30 октября 1918 г. президентом США, стал официальной программой, которой руководствовалась американская делегация на Парижской мирной конференции.

Убедительным доказательством наличия американских планов расчленения России является географическая карта «Предлагаемые границы в России», содержащаяся в документе госдепартамента от 21 января 1919 г., который озаглавлен: «Проект предварительного отчета и предложений, подготовленный информационным отделом, в соответствии с инструкциями, для президента и полномочных представителей». Документ был предназначен в качестве руководства для президента и других членов американской делегации на Парижской мирной конференции. Согласно этой карте от Советской Республики предполагалось отторгнуть Прибалтику, Белоруссию, Украину, а также Кавказ, Сибирь и все среднеазиатские области. Восточная граница России должна была проходить по Уралу.

В комментарии к карте указывалось, что сохранение целостности

[65] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 151.
[66] Там же, с. 152—153.

России допускается только в случае свержения Советской власти и восстановления буржуазных порядков. «С другой стороны, — говорилось в документе, — если большевистское правительство останется у власти и будет продолжать свой нынешний курс к тому времени, когда русские территориальные вопросы будут решаться на мирной конференции, не представляется другого выбора, кроме признания независимости и начертания границ всех нерусских национальностей. . .» [67]

К общей американской карте расчленения России приложены карты тех государств, которые предполагалось создать на отторгнутых территориях. Карта Прибалтики предусматривала значительное увеличение территории Эстонии, Латвии, Литвы за счет отторжения исконных русских земель [68].

На территории Украины предполагалось создание буржуазно-националистического государства, которое примет активное участие в антисоветской военной интервенции. Только в таком случае обещалось сохранение в его составе Западной Украины [69]. Румынии как вознаграждение за участие в интервенции была обещана Бессарабия.

Далеко идущими были американские планы и в отношении Закавказья. На специальной карте Армении отражены предложенные госдепартаментом границы марионеточного «армянского государства», простирающегося вплоть до гор Армянского Тавра и Анти-Тавра. К нему предполагалось присоединить Грузию и Азербайджан [70], а также некоторые другие территории. Ввиду «слабости» и «неопытности» населения «армянское государство» должно было стать подмандатной территорией Лиги Наций [71], а государством-мандатарием — США [72].

Решение о распространении системы мандатов Лиги Наций на территории бывшей Австро-Венгерской империи, Турции, а также части России было принято при активном участии представителей американской делегации на Парижской мирной конференции. Президентом Вильсоном было предложено включить в ст. 22 Устава Лиги соответствующий пункт, цель которого, как указывалось в американском комментарии к мирному договору, состояла в том, чтобы

[67] *Miller D. H.* Op. cit., vol. 4, Doc 246, p. 219—220.

[68] Один из американских планов предусматривал объединение Латвии, Эстонии, Литвы в одно государство под мандатом США. Согласно другому предлагалось создание большой балтийской федерации, куда бы, помимо Латвии, Эстонии, Литвы, вошли также Финляндия и Скандинавские страны (Ibid., vol. 20, p. 345).

[69] Ibid., vol. 4, p. 224—227.

[70] Об этом говорится в приложении к общей карте Закавказья, см : Ibid., p. 229—230.

[71] Ibid., p. 259—260.

[72] Обосновывая американский мандат, начальник американской миссии в Армении бригадный генерал Харборд писал: «США должны иметь полную власть над всей территорией, где проживают армяне. . . Батум должен стать американской базой в Закавказье» (Из отчета генерала Маски по вопросу об американском мандате на Армению, зачитанного в сенате Генри К. Лоджем 24 мая 1920 г. — Senate Document N 281, 66th Congr., 2d Ses. Wash., 1919, p. 9, 29).

«распространить действие данной статьи на некоторые территории, составлявшие часть Российской империи» [73].

Планы расчленения России в случае свержения Советской власти сопровождались расчетами на преимущественное проникновение американского капитала. 2 декабря 1918 г. было создано русское отделение Военно-торгового совета Соединенных Штатов с номинальным капиталом в 5 млн. долл. Директорами его были Вэнс Маккормик (председатель Военно-торгового совета, владелец крупной компании по производству сельскохозяйственных машин с отделениями в России), Альберт Штраус (вице-директор Федерального резервного бюро США) и др. Казначеем и секретарем являлся Дж. Ф. Даллес. План деятельности нового государственного ведомства предусматривал: контроль над внешней и внутренней торговлей России; контроль над всеми земными и естественными ресурсами России; право на приобретение в России в неограниченных количествах пахотной земли, леса, месторождений угля, железа и других металлов; право на обработку всех видов сельскохозяйственной продукции, нефти, угля, железа, минеральных удобрений, драгоценных камней и т. д.; контроль над всеми железными дорогами, телеграфной и телефонной сетью, электростанциями и всеми предприятиями по выработке электроэнергии; право на приобретение и строительство водных резервуаров, каналов, ирригационных систем; право на приобретение и строительство портов, пристаней, складов, элеваторов; право на приобретение и владение торговым и пассажирским флотом; право на хранение драгоценных камней, валюты, золотых слитков, ценных бумаг; право на предоставление займов для коммерческих целей и для разного рода сельскохозяйственной, промышленной и иной деятельности; право вступать в соглашение о дележе прибылей с любой страной, компанией или лицом, ведущими аналогичную деятельность в России; право приобретать и контролировать акции любой компании, ведущей подобную деятельность; проведение всех видов банковских операций, в том числе выпуск денежных облигаций, а также предоставление займов [74].

В государственном департаменте разрабатывались планы скупки по низким ценам русского льна, ценных металлов, руды, кожи, хлопка, зерна, обмена их на дешевые американские товары [75]. Для этой цели Р. Лансинг предоставил в распоряжение американских дипломатов на оккупированных территориях (в Архангельске, Иркутске, Омске, Владивостоке) субсидии на общую сумму в 1 млн. долл. из правительственных фондов. Все эти операции проводились в строгой тайне.

«Не допускайте, чтобы это стало известно, и не компроме-

[73] Ibid., p. 36—37.

[74] При обсуждении этой программы в конгрессе 13 января 1919 г. сенатор Гуд заявил: «Вэнс Маккормик под предлогом снабжения голодающего народа России задумал здесь величайший из трестов, которые когда-либо видел мир...» (Congressional Record, vol. 57, pt 2, p. 1341—1342).

[75] FR, Russia, 1918, vol. 3, p. 116, 119.

тируйте государственный департамент», — предупреждал Лансинг (в письме Д. Фрэнсису от 27 марта 1918 г.) [76].

Летом 1918 г., когда в результате захвата интервентами ряда областей Советская Россия оказалась отрезанной от основных продовольственных и сырьевых ресурсов, правительство США, пользуясь установленным контролем над железнодорожным транспортом в Сибири, одобрило предложение Д. Фрэнсиса и американского консула в Иркутске Гарриса о закупке за бесценок в Западной Сибири большого количества хлеба и перепродаже его населению северных областей в обмен на золото, металлы, лен, кожу. Подобную операцию предлагалось совершить с туркестанским хлопком, кубанским зерном [77]. Дело представлялось настолько прибыльным, что госдепартамент ассигновал на него дополнительно 5 млн., сверх ранее предоставленного 1 млн. долл.[78]

Особенно привлекала США перспектива присвоения природных богатств Сибири. «Сибирь представляет собой новую землю, которую предстоит освоить, и мы должны занять первое место за этим столом», — писал, например, 1 марта 1919 г. министр внутренних дел Лейн [79].

Широкая программа экономической экспансии США в Россию была изложена в меморандуме госдепартамента от 6 января 1919 г.: предлагалось создать из представителей стран Антанты и США верховный экономический орган, ведающий делами России, с филиалами на Севере, в Прибалтике, Черноморских портах, Восточной Сибири [80]; установить контроль над естественными ресурсами страны, над ее торговлей; ввести свободно конвертируемую валюту [81].

В вопросе о создании новой валюты в оккупированных областях Советской России со всей остротой проявились противоречия между империалистическими державами. Правительство США противилось попыткам Англии установить собственную, основанную на фунте стерлингов валютную систему. Пытаясь добиться договоренности с США, Лондон предлагал разделить сферы влияния: внедрить фунт стерлингов на Севере России, а доллар — в Сибири. Однако правительство США настаивало на монопольном господстве доллара во всех оккупированных территориях. Англия является должником США,

[76] Ibid., p. 113.
[77] ARA, p. 287.
[78] FR, Russia, 1918, vol. 3, p. 114—115, 126—132.
[79] The Letters of Franklin K. Lane. Boston; New York, 1922, vol. 2, p. 267.
[80] Представители США рассчитывали занять в нем ведущее место. В документе отмечалось: «США должны иметь право предотвратить индивидуальную эксплуатацию России» со стороны других стран. Им следует, в частности, проследить, чтобы Англия, Франция и другие страны «не использовали американские займы... для приобретения концессий и торговых прав в России». В местных филиалах предусматривалось участие русских капиталистов, дабы «не создавать впечатления, что союзники управляют экономикой России, а что они оказывают... помощь» (*Miller D. H.* Op. cit., vol. 3, p. 220—224).
[81] Печатание ассигнаций новой валюты началось в США в конце 1918 г. Правительство Вильсона израсходовало на это 1239 тыс. долл. (Loans to Foreign Governments. 67th Congr., 2d Ses., Senate Document N 86. Wash., 1921, p. 21).

подчеркивалось в американских документах, и фунт стерлингов должен уступить дорогу доллару [82].

Экспансионистские планы стран Антанты и США были сорваны трудящимися Советской России. Под руководством партии большевиков они нанесли поражение войскам интервентов, изгнали их за пределы социалистической Родины, решительно взяли ее будущее в собственные руки.

* * *

Одним из основных направлений американского экспансионизма стала борьба с революционным движением, разгоравшимся во всем мире под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Правительство США активно участвовало в организации подавления революционной борьбы трудящихся в странах Европы — Германии, Венгрии, Австрии, Чехословакии, Польше и др.[83]

Осенью 1918 г. дипломатические представители США в Германии (а также в соседних с ней странах), предупреждая свое правительство о возможности установления в Берлине советской власти во главе с Карлом Либкнехтом, требовали оказания немедленной экономической поддержки буржуазному правительству Эберта [84]. С 27 декабря 1918 г. по 5 января 1919 г. в Германии находилась миссия, возглавляемая Дрезелем. Главная ее задача состояла в том, чтобы оказать всяческую поддержку силам реакции. В донесениях в Вашингтон Дрезель подчеркивал необходимость «экстренных мер, вплоть до кровопролития», для подавления революции, требовал установления в Германии военной диктатуры во главе с Носке [85]. В конце января 1919 г. миссию Дрезеля сменила военная миссия во главе с Герарди, члены которой активно противодействовали революционной борьбе рабочих в основных центрах — Берлине, Гамбурге, Киле, Бремене, Дюссельдорфе, Касселе, Франкфурте-на-Майне, Эйзенахе, Маннгейме, Мюнхене [86].

Активной была роль США и в подавлении революционного движения в странах, выделившихся из бывшей Австро-Венгерской империи [87]. 26 декабря 1918 г. правительство США направило в Вену

[82] FR. Russia, 1918, vol. 3, p. 69—71

[83] 28 ноября 1918 г. Р. Лансинг писал В. Вильсону: «Политическая ситуация в Германии и Австрии сильно меня тревожит... Киль, Бремен и Дюссельдорф уже находятся в руках большевиков». Государственный секретарь требовал предпринять все возможное, чтобы укрепить «правительства Пруссии и Баварии, которые находятся в руках хороших людей — умеренных социал-демократов» (FR PPC, vol. 2. p 101).

[84] «Если мы в достаточной мере не поддержим правительство Эберта, — предупреждал 25 ноября У. Буллит, — Германия станет большевистской» (Ibid., p. 99—101).

[85] Ibid., p. 134—135.

[86] Ibid., vol. 12, p. 74—75.

[87] Ссылаясь на ст 4 условий перемирия с Австро-Венгрией, Р. Лансинг 6 ноября 1918 г. требовал «оккупации Вены войсками Антанты» на том основании, что

миссию во главе с профессором Кулиджем (ее филиалы были установлены в Будапеште, Праге, Варшаве, Львове, Загребе). Члены миссии поддерживали тесную связь с буржуазными правительствами Венгрии, Австрии, Чехословакии, а также Польши, требуя подавления нараставшего революционного движения. Особое внимание уделялось Венгрии. В январе 1919 г. в Будапешт со специальным заданием по мобилизации сил контрреволюции прибыл представитель госдепартамента Хью Гибсон.

Когда 21 марта 1919 г. в Венгрии была провозглашена Советская республика, правительством США были намечены меры борьбы против нее, в первую очередь — организация военной интервенции [88]. Последняя, как считали американские представители в Венгрии, была «лучшим средством справиться с этой необычайно критической ситуацией» [89]. Участие американских представителей в подрывной деятельности против Венгерской советской республики [90] привела в конечном счете к их дискредитации. 22 марта 1919 г. правительство США было вынуждено отозвать миссию Кулиджа.

В июне 1919 г. в Вену прибыла миссия во главе с Халстэдом, бывшим генеральным консулом США в Австрии. Установив тесные связи с министром внутренних дел Эльдерихом, Халстэд требовал принятия самых решительных мер для подавления революционных выступлений австрийского пролетариата [91]. Когда 15 июня 1919 г. в Вене полиция открыла огонь по мирной демонстрации трудящихся, Халстэд в донесениях в Вашингтон не скрывал своей роли в поддержке этой жестокой расправы [92]. Он продолжил начатое Кулиджем участие США в подготовке контрреволюционного заговора против Венгерской советской республики, который 1 августа привел к свержению Советской власти в Венгрии (об этом подробно сообщалось в докладных записках в госдепартамент) [93]. В состав нового контрреволюционного правительства вошли лица, кандидатуры которых были заранее одобрены Вашингтоном [94].

только таким путем удастся приостановить движение, которое, «как в России, угрожает основам общества» (Ibid., vol. 2, p. 188).

[88] В докладе от 26 марта 1919 г. члена миссии Кулиджа капитана Н. Рузвельта предлагалось: оккупировать Венгрию войсками, переброшенными из Чехословакии и Румынии, или объединенными англо-франко-американскими силами; установить блокаду Советской Венгрии (Ibid., vol 12, p 419). Другой член миссии, Ф. Браун, также настаивал на «активной военной интервенции» при помощи «английских и американских войск» (Ibid., p 421) Рассматривался вопрос о привлечении к интервенции и австрийских войск. Об этом Кулидж вел переговоры с австрийским канцлером Реннером (Ibid., p. 311).

[89] Ibid., p. 429--430.

[90] Об этой деятельности подробно сообщается в донесениях членов миссии Кулиджа в апреле—мае 1919 г. (Ibid., p 446, 451—452).

[91] «Австрия является форпостом западной цивилизации на Востоке. Если этот форпост падет, то большевизм охватит Италию, Испанию, Францию» — так ставился вопрос в докладных записках членов миссии Кулиджа в январе 1919 г. (Ibid., p. 385).

[92] Ibid., p. 532.

[93] Ibid., p. 619, 626

[94] 24 июля 1919 г. Халстэд называл имена Хобриха, Агостона, Гарами как лиц,

Особенно позорной была роль США в организации расправы с венгерскими трудящимися после свержения Советской власти. Здесь центральной фигурой стал американский генерал Бандхольц [95], член межсоюзной миссии в Венгрии (созданной по решению Верховного совета Антанты 4 августа 1919 г.). Это он настаивал на установлении в стране военной диктатуры, а в качестве диктатора поддерживал кандидатуру генерала Хорти. По его предложению был создан специальный комитет по организации венгерской полиции во главе с американским полковником Йетсом. По инициативе последнего состав венгерской полиции был увеличен с 15 тыс. до 22 тыс. человек, ей было предоставлено дополнительное вооружение [96]. 29 сентября 1919 г. полковник Йетс был назначен шефом венгерской полиции и жандармерии и за активную деятельность на этом посту заслужил благодарность Межсоюзной миссии в Венгрии [97]. За «превосходную работу» в Будапеште получил благодарность от американской делегации на Парижской конференции и генерал Бандхольц [98].

Активное участие принимали США также в подавлении революционного движения в Болгарии [99], национально-освободительной борьбы южнославянских народов [100]. Американские войска высадились в военной гавани Котор (28 ноября 1918 г.), оккупировали город Фиуме [101]. В декабре 1918 г. две роты 332-го пехотного полка американской армии были направлены в Цетине для подавления революционной борьбы трудящихся Черногории [102].

В те страны Центральной и Юго-Восточной Европы, где при содействии стран Антанты и США удалось закрепить власть буржуазных правительств, сразу же устремились американские миссии по оказанию так называемой «помощи». Под их ширмой осуществлялась активная экономическая экспансия США. «Продовольственная помощь, — подчеркивал В. Вильсон 11 января 1919 г. — является в настоящее время ключом ко всей европейской ситуации» [103].

способных осуществить военную диктатуру. 1 августа он докладывал: в правительстве Венгрии Хобрик является военным министром, Агостон — министром иностранных дел, Гарами — министром юстиции (Ibid., p. 614, 623).

[95] Генерал-майор Бандхольц служил на Филиппинах, где был губернатором провинции Таябос, а затем в течение 6 лет возглавлял филиппинскую военную полицию. В 1916 г. он руководил расправой над патриотами Мексики. См.: *Bandholtz H. H.* An Undiplomatic Diary. N. Y., 1933.

[96] Ibid., p. 61, 130.

[97] FR PPC, vol. 12, p. 724.

[98] *Bandholz H.* Op. cit., p. 88.

[99] См.: Вопросы истории, 1951, № 5, с. 27—42.

[100] См.: Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии, 1950, т. 7, № 4, с. 373—383.

[101] FR PPC, vol. 2, p. 303—304.

[102] Ibid., p. 356—357, 365—366. Генерал Блисс писал из Парижа президенту Вильсону 23 декабря 1918 г.: «Американские войска используются для осуществления политики оккупации и наступления. Американские войска были использованы для наступления в Черногории» (Ibid., p. 337—338).

[103] ARA, p. 176—177.

Американская администрация помощи (АРА) сбывала в Европу продовольствие по ею же установленным ценам. Кредиты, предоставлявшиеся АРА европейским правительствам, использовались на практике для оказания политического давления на них.

АРА сыграла большую роль в организации блокады Советской Венгрии [104]. Среди населения Будапешта распространялись листовки АРА, в которых продовольствие обещалось как награда за свержение Советской власти [105].

Под предлогом продовольственной «помощи» представители АРА торопились занять ключевые позиции в экономике европейских стран, установить контроль над железнодорожным транспортом, связью, топливными ресурсами. 28 апреля 1919 г. Гувер получил от Верховного экономического совета Парижской конференции полномочия по осуществлению контроля над добычей и распределением угля по всей территории бывшей Австро-Венгерской империи и Польши [106]. По предложению Гувера 2 мая 1919 г. была создана подчиненная ему специальная Межсоюзная комиссия по углю [107]. Назначая представителя АРА полковника Гудиера главою этой комиссии, Гувер подчеркнул: задача состоит в том, чтобы «распределять уголь по всей Европе», — в этом комиссии обязаны оказывать содействие правительства всех стран Центральной Европы. В случае сопротивления подобному вмешательству в их внутренние дела главе комиссии Гудиеру предоставлялось право немедленно прекратить поставки продовольствия [108].

Полковник Гудиер начал свою деятельность в мае 1919 г. с Польши, где добился контроля над добычей угля в Тешенском, Катовицком и Домбровском угольных бассейнах [109]. В июле 1919 г., по настоянию Гувера, контроль АРА был распространен над добычей угля в Верхней Силезии [110]. В дальнейшем деятельность комиссии Гудиера охватила и другие важные угольные районы: Краков (Польша), Моравскую Остраву (Чехословакия), Грац (Австрия), Лайбах (Югославия) и др. Сюда были направлены представители АРА — майоры Габриель, Кларк, Бармон, капитан Кинг, лейтенанты Вильсон, Грир и др.[111] Но и такой широкий размах не удовлетворил Гувера. 23 июля 1919 г. он потребовал «полной диктатуры над всей добычей угля в Европе» [112]. Контроль над добычей и распределением угля в европейских странах позволял представителям США принимать участие

[104] «Действенность блокады целиком обязана работе американских воинских частей в Брюк-ан-дер-Лайме, Эбенфурте и Винер-Нейштадте», — сообщал глава американской миссии в Венгрии 2 августа 1918 г. (FR PPC, vol. 12, p. 623).
[105] Ibid., vol. 11, p. 319—322.
[106] ARA, p. 430.
[107] «Я получил „мандат“ на весь уголь Центральной Европы», — отмечал Гувер (The Memoirs of Herbert Hoover, vol. 1, p. 318).
[108] Ibid.
[109] ARA, p. 485, 487.
[110] FR PPC, vol. 9, p. 260.
[111] ARA, p. 686—689.
[112] FR PPC, vol. 11, p. 338.

в подавлении забастовочного движения горняков, достигшего высокого накала весной и осенью 1919 г.[113]

Другое направление деятельности АРА — установление контроля над железнодорожным транспортом стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В начале марта 1919 г. Гувер дважды ставил перед Верховным военным советом Антанты вопрос о передаче в ведение АРА всех главных железных дорог бывшей Австро-Венгрии, но его предложение натолкнулось на упорное сопротивление Франции и Италии [114]. Гувера, однако, поддержал Р. Лансинг, который 7 марта 1919 г. добился его назначения уполномоченным над всеми железными дорогами бывшей Австро-Венгрии [115]. 18 марта 1919 г. была образована Межсоюзная железнодорожная комиссия. Суть дела от этого, однако, не менялась: полноту власти сосредоточил в руках ее председатель — представитель АРА Кози [116]. Усилиями Гувера при министерствах путей сообщения 18 европейских стран состоял американский советник — представитель АРА, который фактически контролировал деятельность этих министерств [117]. Подобный контроль создавал весьма благоприятные условия для осуществления прибыльных для США поставок продовольствия. Кроме того, он открывал лазейки для всевозможных махинаций. Так, например, представители АРА скупали валюту в одной стране и втридорога перепродавали ее в другой. Всевозможными спекуляциями сопровождался и так называемый «обмен» товаров [118].

Таким образом, экспансия США в Европе в первые послевоенные годы сопровождалась повсюду реакционной политикой, направленной на подавление революционного движения, укрепление устоев капиталистического общества. Наряду с этим американские правящие круги торопились извлечь выгоду из бедственного положения, в котором оказались народы европейских стран в итоге первой мировой войны, сбывая под видом «помощи» запасы продовольствия. Наводнившие Европу американские миссии занимались подрывной политической деятельностью.

[113] ARA, p. 705.
[114] FR PPC, p. 104.
[115] FR PPC, vol. 4, p. 260; ARA, p. 319.
[116] ARA, p. 352–353.
[117] «Наши люди... стали руководящей силой в управлении всеми этими железными дорогами», — сообщает Гувер в своих мемуарах (The Memoirs of Herbert Hoover, vol. 1, p. 315).
[118] Ibid., p. 314, 319–320.

Оккупация Гаити Соединенными Штатами Америки

Н. Д. ЛУЦКОВ

С началом первой мировой войны укрепление американского господства в странах Карибского бассейна и усиление стратегических позиций на подступах к только что построенному Панамскому каналу были в числе главных целей внешней политики США в Западном полушарии.

Оккупация Гаити Соединенными Штатами в 1915—1934 гг. представляет собой одно из проявлений империалистической политики Вашингтона.

Республика Гаити занимает западную треть одноименного острова, на востоке она граничит с Доминиканской Республикой. Остров был открыт Колумбом в 1492 г. и стал одной из первых испанских колоний в Америке. В 1697 г. западная часть его перешла к Франции, создавшей здесь колонию Сан-Доминго. В конце XVIII в. революционная война негров-рабов за свое социальное освобождение и против колониального господства привела к возникновению в 1804 г. Республики Гаити — первого независимого государства в Латинской Америке.

После победы революции французские колонизаторы были изгнаны из Гаити. Власть в стране перешла в руки местных крупных землевладельцев — мулатов и негров.

Постоянное соперничество враждующих группировок правящей верхушки в борьбе за власть стало причиной многих государственных переворотов, породив неустойчивость внутриполитической жизни. С 1843 по 1915 г. в Гаити сменилось 22 главы государства. Гаитянские правители, которых волновало лишь сохранение личной власти, мало что делали для развития экономики и торговли. К началу XX в. основную массу 2-миллионного населения Гаити составляли беднейшие слои крестьянства, положение которых за годы независимости мало в чем изменилось.

Занятая внутренней междоусобицей, гаитянская правящая элита была не в состоянии, а подчас и не хотела оградить страну от поползновений иностранного капитала. Незадолго до первой мировой войны политическая неустойчивость вызывалась соперничеством США, Франции и Германии, добивавшихся установления своего влияния в Гаити.

В начале XX в., особенно во время президентства У. Тафта (1909—1913), США усилили внешнеполитическую и экономическую экспансию в странах Карибского бассейна. В этот период возросло проникновение американского капитала и на гаитянский рынок. Торговая и финансовая экспансия США в Гаити натолкнулась на упорное сопротивление со стороны французских и германских капиталистов.

В сентябре 1910 г. гаитянское правительство заключило соглашение с французскими банкирами, действовавшими от имени франко-германского консорциума, о предоставлении долгосрочного займа в размере 65 млн. фр. Заем предназначался главным образом для консолидации внешней задолженности Гаити и проведения денежной реформы. В связи с этим гаитянское правительство санкционировало учреждение нового банка — Национального банка Республики Гаити.

Банковская система Гаити представляла значительный интерес и для американских финансистов. Требования американских банкиров приобрести часть акций Национального банка были поддержаны правительством США. 14 октября 1910 г. государственный департамент направил гаитянскому правительству меморандум с протестом против «установления в Гаити монополии, которая исключила американские предприятия» и «наносит ущерб американскому капиталу» [1]. Под давлением правительства США представители французских финансовых кругов согласились допустить американцев к участию в деятельности реорганизованного Национального банка. Четыре нью-йоркские фирмы во главе с «Нэшнл сити бэнк» приобрели 20 % акций.

Согласно договору с гаитянским правительством Национальный банк Республики Гаити был наделен большими полномочиями в области финансов. Выполняя функции государственного казначейства, он получал и хранил все доходы от таможен, составлявшие основную часть государственных средств, осуществлял выплату внешней и внутренней задолженности Гаити. Средства, хранившиеся в банке, могли быть использованы правительством только после уплаты текущей внешней задолженности, на что уходило до 80 % всех государственных доходов.

Договор предоставлял банку практически неограниченную власть в финансовых вопросах и в то же время лишал правительство Гаити возможности распоряжаться по своему усмотрению государственными средствами. Для американских финансистов Национальный банк стал важным рычагом в установлении контроля над экономикой республики.

В то же время американский синдикат, тесно связанный с нью-йоркским «Нэшнл сити бэнк», добился концессии на сооружение железной дороги. Созданная железнодорожная компания заключила с гаитянским правительством контракт на строительство дороги между Порт-о-Пренсом и городом Кап-Аитьен. Несмотря на систематическое нарушение американской компанией своих договорных обязательств, госдепартамент оказывал ей неизменную поддержку. Когда в августе 1914 г. правительство Гаити решило аннулировать контракт, государственный департамент прибег к открытой угрозе, заявив, что США «примут меры, необходимые для охраны прав компании» [2].

[1] *Buell R. L.* The American Occupation of Haiti. — Foreign Policy Association Information Service. N. Y., 1929, vol. 5 (Special number), p. 334.

[2] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1914—1935. Wash., 1922—1953, 1915, p. 538. (Далее: FR.)

Прямым следствием внедрения американского капитала в Национальный банк Республики Гаити явилось вмешательство банка во внутренние дела страны. Американские акционеры с самого начала деятельности Национального банка стремились занять в нем руководящие посты, проводя линию на вытеснение европейских конкурентов и установление своего господства в финансовой системе. В 1912 г. вице-президентом Национального банка стал американец Роджер Фарнхэм, вице-президент «Нэшнл сити бэнк».

Американские финансовые группировки, заинтересованные в создании благоприятной обстановки для своей деятельности, добивались от правительства США активного вмешательства в дела Гаити. После прихода к власти в Соединенных Штатах правительства В. Вильсона попытки добиться установления американского контроля над таможнями Гаити возобновились.

2 июля 1914 г. государственный департамент США направил президенту Гаити Оресту Самору проект, утвержденный В. Вильсоном, американо-гаитянского договора о передаче таможен Гаити американским представителям [3]. Пользуясь неустойчивым положением президента Самора, США рассчитывали на скорое подписание договора в обмен на их поддержку гаитянского правительства. Самор ответил отказом, но грубое вмешательство Национального банка, прекратившего субсидировать правительство, вынудило его обратиться к США за поддержкой. Тем самым американскому правительству был дан предлог для интервенции.

29 октября 1914 г. в Порт-о-Пренс направились военный транспорт «Хэнкок» с морской пехотой и линкор «Канзас». Однако еще до прибытия американских кораблей президент Самор подал в отставку и 30 октября покинул страну. В тот же день столица Гаити была захвачена отрядами генерала Давильмара Теодора. Спустя несколько дней он был избран президентом страны.

Государственный департамент направил проект договора о таможнях новому правительству, но и оно не согласилось уступить требованиям США. Чтобы заставить гаитянское правительство принять условия США, американские члены правления Национального банка решили перевести в нью-йоркский «Нэшнл сити бэнк» часть золотых резервов Гаити, предназначавшихся для проведения денежной реформы в стране. 17 декабря 1914 г. морские пехотинцы США высадились в Порт-о-Пренсе и изъяли из сейфов Национального банка золотые запасы на сумму 500 тыс. долл.

Политика непризнания правящими кругами США правительства Теодора с целью навязать Гаити договор о таможнях и преднамеренные действия Национального банка обострили неустойчивое положение в стране. Президент Теодор был вскоре свергнут. К власти пришел генерал Вильбрун Сан. Госдепартамент вновь обусловил признание нового президента страны положительным решением таможенного вопроса [4].

[3] FR, 1914, p. 349—350.
[4] FR, 1915, p 469.

Тем временем американские банкиры усилили давление на правительство США. Фарнхэм угрожал свергнуть деятельность американских предприятий, если США не вмешаются в дела Гаити, чтобы защитить интересы американского капитала и положить конец нетерпимым условиям» [5].

К этому времени в американском правительстве, очевидно, было принято решение прибегнуть к военной силе. Государственный секретарь Уильям Брайан сообщал президенту Вильсону, что в вопросе интервенции осталось только определить «время и способ» ее осуществления [6].

Еще в ноябре 1914 г. министерство военно-морского флота США разработало план высадки десанта и захвата Порт-о-Пренса. Поводом для открытого вмешательства США предполагалось использовать государственный переворот [7]. Дальнейшие события показали, что США пришлось недолго ждать подходящей ситуации. На севере Гаити бывший министр внутренних дел Росальво Бобо поднял восстание. Он выступил против передачи США контроля над таможнями и их вмешательства в дела Гаити.

27 июля 1915 г. сторонники Бобо атаковали президентский дворец в Порт-о-Пренсе. Президенту Сану удалось укрыться во французской дипломатической миссии. В это время начальник столичного гарнизона генерал Шарль Оскар отдал приказ о расстреле 173 заложников. Известие о расстреле политических заключенных распространилось по городу и вызвало взрыв возмущения. 28 июля толпа окружила здание французской миссии. После того как французский посланник отказался выдать свергнутого президента, несколько человек проникли в здание и вытолкнули Сана на улицу, где он был тотчас же убит. Тем временем в бухту Порт-о-Пренса вошел американский крейсер «Вашингтон» с морской пехотой США. Контр-адмирал Уильям Капертон получил приказ о высадке десанта в гаитянской столице с целью «защиты интересов американских и других иностранных граждан» [8]. Так началась вооруженная интервенция США в Гаити.

Заявления государственных деятелей США, будто интервенция была осуществлена для восстановления порядка и защиты жизни и собственности американских граждан, не соответствовали действительности и были рассчитаны на то, чтобы успокоить и обмануть антиимпериалистически настроенную общественность в Соединенных Штатах и за рубежом. На деле оккупация Гаити явилась прямым результатом политики американского империализма, стремившегося установить в республике финансовый и политический контроль и тем самым укрепить стратегические позиции США в Карибском бассейне.

[5] *Link A.* Wilson: The Struggle for Neutrality, 1914—1915. Princeton, 1960, p. 530.
[6] The Hispanic American Historical Review, 1940, May, vol. 20, N 2, p. 225.
[7] *Schmidt H.* The United States Occupation of Haiti, 1915—1934. New Brunswick, 1971, p. 64—65.
[8] FR, 1915, p. 475.

Вооруженная интервенция США резко изменила внутриполитическую ситуацию в Гаити. Сторонники Бобо призвали к проведению президентских выборов и предложили его кандидатуру на пост президента. Однако выступления Бобо против иностранного вмешательства в дела Гаити делали его кандидатуру неприемлемой для США. Американское камандование сделало все возможное, чтобы не допустить его избрания президентом страны.

После того как видные политические деятели Гаити отказались выставить свои кандидатуры на президентских выборах, американские военные власти обратились к председателю сената мулату Филиппу Дартигенаву, который проявил готовность сотрудничать с США. Дартигенав заверил представителей американского командования, что выполнит любые условия США, если будет избран президентом.

9 августа контр-адмирал Капертон получил телеграмму государственного секретаря Р. Лансинга: «. . .Вы можете разрешить провести выборы президента. Соединенные Штаты предпочитают избрание Дартигенава» [9]. В день выборов, 12 августа 1915 г., американская морская пехота заняла ключевые пункты в гаитянской столице. Вооруженные пехотинцы находились также в зале заседания Национального собрания. Президентом Гаити сроком на 7 лет был избран Филипп Дартигенав, представитель той части мулатской правящей верхушки, которая была готова сотрудничать с оккупационными властями.

Сразу же после президентских выборов США предъявили правительству проект договора, который бы юридически оформил оккупацию страны. При этом только в случае его подписания «без изменений» США обещали признать правительство Дартигенава [10]. Новые требования, предъявленные государственным департаментом, вызвали резкий протест в стране. Даже марионеточное правительство отказалось подписать документ в том виде, в каком он был представлен Соединенными Штатами. Чтобы заставить правительство Дартигенава заключить договор «без изменений», военные власти США взяли в свои руки управление всеми таможнями. Таможенные сборы переводились в Национальный банк, контролируемый американским капиталом. Финансирование гаитянского правительства зависело теперь непосредственно от Капертона. Все это означало, что фактически США поставили финансы Гаити под свой контроль до подписания договора и приступили к оккупации страны.

Расширение вмешательства США в дела Гаити обострило обстановку в стане. В ответ американское военное командование ввело на территории республики осадное положение. В связи с этим было объявлено об ограничении свободы печати и учреждении американских военных трибуналов, действовавших в стране до 1929 г.

Наконец, 16 сентября 1915 г. американо-гаитянский договор

[9] The Lansing Papers, 1914—1920 Vol. 1, 2. Wash., 1939—1940; vol. 2, p. 524.
[10] FR, 1915, p. 431—433.

был подписан. Согласно конституции Гаити он подлежал ратификации Национальным собранием. С целью заставить законодательный орган Гаити как можно скорее ратифицировать договор Капертон дал указание Национальному банку не выдавать гаитянскому правительству денег на текущие расходы, в том числе и средства на выплату жалованья государственным служащим [11]. 6 октября палата депутатов гаитянского парламента утвердила договор.

Гаитянский сенат продолжал выступать против ратификации договора, настаивая прежде всего на изъятии из него статьи, предоставлявшей Соединенным Штатам право контроля над финансами республики. Капертону было приказано «устранить любую оппозицию и обеспечить немедленную ратификацию» [12]. Контр-адмирал потребовал у президента Дартигенава список сенаторов, выступавших против договора. 11 ноября под нажимом военных властей США сенат Гаити был вынужден утвердить кабальное соглашение.

Договор между США и Гаити предусматривал назначение в Гаити американского финансового советника и сборщика таможенных пошлин, которые облекались широкими полномочиями в управлении государственными финансами республики. Гаити запрещалось без согласования с США изменять таможенные тарифы и увеличивать свой государственный долг. В соответствии с договором гаитянское правительство должно было создать вооруженные силы республики (жандармерию), руководство которыми возлагалось на американских военнослужащих. Договор фактически ставил под контроль государственного департамента США внешнюю политику гаитянского правительства. Гаити запрещалось, в частности, заключать международные соглашения, которые «угрожали бы суверенитету Гаити». Срок действия договора устанавливался в 10 лет, но мог быть продлен еще на 10 лет по предложению одной из сторон [13].

Руководители США сознавали, что договор был навязан Гаити силой. Сам Р. Лансинг в письме В. Вильсону отмечал, что заключение американо-гаитянского договора является «посягательством на независимость Гаити» [14]. Это не мешало им, однако, оправдывать оккупацию Гаити ссылками именно на этот типично колонизаторский договор.

Вооруженная интервенция США встретила сопротивление со стороны гаитянского народа. С особой силой оно развернулось после образования марионеточного правительства Дартигенава. Повстанцы отказались признать американского ставленника, объявив войну «существующему правительству и американским оккупантам» [15]. Теснимые американскими солдатами повстанцы отступили во внутренние районы севера страны. 27 сентября американские войска

[11] Hearings before a Select Committee on Haiti and Santo Domingo. United States Senate, 67th Congr., 1st and 2nd Ses. Wash., 1922, p. 338, 1489. (Далее: Hearings.)
[12] Ibid , p. 394, 1490.
[13] FR, 1916, p. 328—332.
[14] The Lansing Papers, vol. 2, p. 526.
[15] FR, 1915, 489, 494—495.

численностью 500 человек заняли Квартье-Морен, где находилась главная штаб-квартира повстанцев. Несмотря на отказ некоторых своих руководителей от дальнейшего сопротивления, далеко не все повстанцы согласились сложить оружие. Тогда оккупационные власти объявили всех, кто оказывает сопротивление, вне закона, и морская пехота начала их беспощадное преследование. Овладев основными городами и укреплениями на северо-востоке страны, американские войска постепенно стягивали кольцо окружения вокруг отрядов повстанцев, последним оплотом которых стала старинная крепость Фор-Ривьер. С ее падением в ноябре 1915 г. вооруженное сопротивление было в основном сломлено, однако отдельные столкновения гаитян с американскими войсками продолжались еще несколько месяцев.

Важным вопросом, вставшим перед США, был вопрос об изменении конституции Гаити, поскольку ряд статей договора противоречил ее положениям. Кроме того, эта конституция, как и 15 предыдущих, действовавших после провозглашения независимости в 1804 г., запрещала белым иностранцам владеть на территории Гаити недвижимой собственностью. При составлении государственным департаментом США проекта новой гаитянской конституции изменение этого положения представлялось американским государственным деятелям одним из наиболее важных вопросов. Включение в новую конституцию поправки о предоставлении иностранным гражданам и компаниям права на владение землей и иной недвижимостью в Гаити открывало двери широкому проникновению американского капитала в экономику республики.

Все попытки американского командования и президента Дартигенава добиться от Национального собрания утверждения новой конституции провалились. В начале 1917 г. под наблюдением американской морской пехоты состоялись выборы нового состава сената и палаты депутатов. Однако и этот состав Национального собрания отказался ратифицировать конституцию. Более того, депутаты выработали собственный проект конституции, антиимпериалистический и антиоккупационный по содержанию, намереваясь принять его за основу новой конституции Гаити. В ответ оккупационные власти распустили Национальное собрание.

В целях утверждения конституции был проведен так называемый «народный плебисцит», санкционированный государственным департаментом США. В результате голосования, которое состоялось 12 июня 1918 г., новая конституция была одобрена. Судя по числу собранных голосов, в плебисците участвовало, несмотря на старания жандармерии, менее 5 % населения Гаити. «Референдум» по утверждению конституции, проведенный оккупационными властями в условиях военного положения, оказался попросту фарсом.

Новая конституция Гаити, вступившая в силу 19 июня 1918 г., предоставляла иностранным гражданам и компаниям право на владение землей. Специальная статья утверждала все постановления военных властей США, принятые за время оккупации, закрепляла за американскими военными трибуналами функции высших судебных

инстанций. До избрания сената и палаты депутатов (год проведения выборов устанавливался президентом) законодательные функции должен был выполнять Государственный совет [16].

Надежным и послушным орудием в руках оккупантов стала жандармерия (с 1928 г. — гвардия Гаити). Основная цель ее создания — поддержание проамериканского режима в стране и подавление национально-освободительного движения. В 1915 г. первым начальником жандармерии стал подполковник корпуса морской пехоты США Смедли Батлер. Организованная им жандармерия превратилась в опору оккупационного аппарата и марионеточного правительства. В 1917 г. жандармерия была использована для роспуска гаитянского парламента, а год спустя — для насильственного проведения «народного плебисцита» в пользу новой конституции.

В 1916 г. для установления эффективного контроля в республике американские власти развернули строительство шоссейных дорог. Так как гаитянское правительство не имело необходимых средств, Батлер восстановил закон от 1863 г. о принудительной дорожной повинности, известный в Гаити под названием «корве». С июля 1916 г. «корве» начал применяться повсеместно. Принудительные работы с самого начала вызвали недовольство крестьян. Сотни и тысячи людей в течение длительного времени трудились под конвоем вдали от своих домов [17]. Многие крестьяне, чтобы избежать дорожных работ, бежали в горы. В связи с повсеместным недовольством американское командование в августе 1918 г. официально отменило этот закон. Однако в ряде районов применение «корве» продолжалось. Действия оккупантов и жандармерии вызвали взрыв возмущения. К осени 1918 г. недовольство тяжелым экономическим положением, восстановлением дорожной повинности переросло в вооруженное восстание гаитянского народа против американских оккупантов и марионеточного правительства. Возглавил восстание Шарлемань Перальт.

Перальт родился в 1886 г. в состоятельной семье в городке Энш, в центральной части Гаити. Получил среднее образование в Порт-о-Пренсе. К моменту интервенции США в Гаити Перальт командовал войсками округа Леоган. В октябре 1917 г. группой повстанцев было совершено нападение на дом начальника жандармерии в Энше, американского капитана Джона Докси. Вскоре организатор этой операции Ш. Перальт был арестован и в январе 1918 г. приговорен американским военным трибуналом за «бандитизм» к пяти годам каторжных работ [18]. В сентябре он совершил побег из кап-аитьенской тюрьмы и скрылся в горах. Там он приступил к созданию армии, показав себя талантливым полководцем и организатором.

Перальт был сразу признан повстанцами в качестве «главнокомандующего революционной армией, борющейся против североаме-

[16] FR, 1918, p. 487—502.
[17] The Nation, 1920, Sept. 4, p. 265
[18] Report of the Senate Investigation Committee, N 794 Congressional Record, vol 62, pt 2. Wash., 1923, p. 1124. (Далее: Senate Report, N 794.)

риканцев, оккупировавших Гаити» [19]. Основным районом действия повстанцев стали север и центр Гаити. По некоторым оценкам, численность армии Перальта составляла от 5 до 15 тыс. человек; по данным американского командования, в отрядах Перальта насчитывалось 3 тыс., а в отрядах его заместителя Бенуа Батравиля — 2500 человек [20]. Освободительное движение охватило четвертую часть страны. Вооруженная борьба приняла форму партизанской войны. Большинство партизан были вооружены мачете, саблями и пиками, и лишь немногие имели огнестрельное оружие.

С осени 1918 г. повстанцы перешли к активным боевым операциям. До конца года они совершили около 20 нападений: на гарнизоны жандармерии в Мирбале, Дессалине, Ранкитте, Энше и др. Американское командование запросило подкрепления для подавления восстания. Вскоре в Гаити прибыли дополнительный отряд морских пехотинцев США численностью 600 человек и эскадрилья военных самолетов. Несмотря на огромное военное превосходство и массовые репрессии, морской пехоте и жандармерии не удалось уничтожить партизанскую армию. 7 октября 1919 г. отряды повстанцев атаковали Порт-о-Пренс.

Оккупационные власти решили любыми средствами уничтожить Перальта. За его голову была обещана награда в 2 тыс. долл. Американский капитан жандармерии Герман Хэннекен придумал хитроумный план убийства Перальта. С помощью предателя американские пехотинцы Хэннекен и Баттон в сопровождении отряда гаитянских жандармов 1 ноября 1919 г. проникли ночью под видом повстанцев в лагерь Перальта и убили партизанского вождя. Гибель Перальта явилась большим ударом по освободительному движению, но борьба против оккупантов не прекратилась. Ее возглавил Б. Батравиль. В январе 1920 г. его отряды совершили нападение на столицу. Только в мае морской пехоте удалось убить ближайшего соратника Перальта. В последующие месяцы были уничтожены последние отряды повстанцев. Несмотря на поражение, партизанское движение сыграло огромную роль в жизни страны — способствовало пробуждению самосознания гаитянского народа и оказало глубокое воздействие на последующее национально-освободительное движение в Гаити.

Восстание 1918—1920 гг. было жестоко подавлено. Только в 1919 г., по данным американского военного командования, был убит 1861 человек, а за 5 лет оккупации в Гаити погибло более 3 тыс. гаитян, в то время как войска США потеряли убитыми всего 16 человек. Военное командование США всячески пыталось скрыть случаи геноцида в отношении гаитян. В 1920 г. в Соединенных Штатах стало достоянием гласности конфиденциальное письмо командующего корпусом морской пехоты США генерала Дж. Барнетта от 27 сентября 1919 г., в котором он приказывал прекратить «незаконные убийства местных жителей» [21]. Письмо Барнетта, а также выдержки из его

[19] *Franck H. A.* Roaming through the West Indies. N. Y., 1920, p. 136.
[20] *McCrocklin J.* Garde d'Haiti, 1915—1934. Annapolis, 1956, p. 104.
[21] Hearings, p. 427, 1722.

доклада о деятельности морской пехоты США в Гаити были опубликованы в газете «Нью-Йорк таймс». Появление этих материалов на страницах американской прессы вызвало протесты в адрес правительства США. Министр военно-морского флота США Джозеф Даниельс вынужден был направить в Гаити осенью 1920 г. следственную комиссию, которая в докладе указала, что действия американских военнослужащих достойны высшей похвалы. Военно-морская комиссия сделала все возможное, чтобы «смягчить обвинения» в адрес морской пехоты США [22].

Борьба гаитянского народа за свое освобождение, а также подъем национально-освободительного движения в странах Латинской Америки в тот период способствовали объединению различных политических групп, выступавших против военно-оккупационного режима и марионеточного правительства. Образованный в ноябре 1920 г. Патриотический союз Гаити развернул широкую работу по расследованию и разоблачению актов произвола оккупационных властей в стране и за рубежом. Выступления гаитян против американской оккупации получили большой отклик в Соединенных Штатах. Американские прогрессивные организации и органы печати выступили в поддержку справедливых требований гаитянского народа. С резкой критикой военной оккупации Гаити выступили американские сенаторы У. Кинг, Дж. Норрис, У. Бора.

Осуждение оккупации Гаити в самих Соединенных Штатах и за рубежом заставило американского президента У. Гардинга учредить специальную сенатскую комиссию для расследования вопроса об оккупации и управлении Гаити и Доминиканской Республики. Длительные заседания комиссии под председательством сенатора Д. Маккормика проходили в США, Гаити и Доминиканской Республике с августа 1921 г. по июнь 1922 г. В отчете комиссия высказалась против «резкого сокращения или преждевременного вывода американской морской пехоты» из Гаити [23], рекомендуя правительству США назначить в Гаити верховного комиссара с полномочиями чрезвычайного посла, который осуществлял бы руководство оккупационными войсками, жандармерией Гаити и американскими чиновниками. Эти рекомендации комиссии Маккормика отражали внешнеполитическую линию правительства Гардинга, которое закрепляло достигнутое в период первой мировой войны господствующее положение американского капитала в странах Латинской Америки.

В феврале 1922 г. Гардинг назначил на пост верховного комиссара в Гаити генерала морской пехоты Дж. Рассела, который с 1917 по 1921 г. почти непрерывно командовал оккупационными войсками и подавил выступления гаитянского народа против американского господства. Прибытие Рассела в Гаити совпало с окончанием срока президентских полномочий Дартигенава, правительство которого

[22] Current History, 1921, Febr., p. 351
[23] Senate Report, N 794, p. 1127.

под влиянием освободительного движения в стране стало проявлять самостоятельность в некоторых вопросах. Особое недовольство государственного департамента США вызвал отказ гаитянского президента утвердить заем у Соединенных Штатов. Между тем этот заем усилил бы позиции американского капитала и позволил бы вытеснить из Гаити империалистических соперников США. Президентские выборы давали государственному департаменту благоприятную возможность для устранения начавшего проявлять непокорность Дартигенава.

Среди кандидатов на пост президента находился представитель мулатской бюрократической верхушки, бывший министр иностранных дел, подписавший в 1915 г. американо-гаитянский договор, Луи Борно. Проамериканская ориентация Борно и обещание утвердить заем в США обеспечили ему поддержку Вашингтона. 10 апреля 1922 г. Государственный совет избрал Борно президентом Гаити на 4-летний срок. В июне гаитянское правительство утвердило закон о займе. С 1922 по 1926 г. американскими банками было выпущено три серии займа на сумму 22 млн. долл.

Навязанный Соединенными Штатами заем стал средством экономического и политического закабаления Гаити. Переход внешней задолженности Гаити к американским банкам позволил США распоряжаться по своему усмотрению всеми финансами страны. В интересах американских кредиторов оккупационные власти держали курс на досрочное погашение займа, а также на создание резервов на случай сокращения государственных доходов. Все это лишало Гаити средств, остро необходимых для экономического и культурного развития, вело к росту безработицы и обнищанию подавляющего большинства населения страны.

Гаитянские крестьяне также стали объектом прямого грабежа и эксплуатации со стороны американских компаний. Конституция Гаити 1918 г., подготовленная государственным департаментом США, устранила преграду на пути проникновения американского капитала в сельское хозяйство страны. Американские компании приобрели в Гаити не менее 100 тыс. га земли [24]. Тысячи крестьянских семей были согнаны со своих участков, сдававшихся правительством в концессии. Возникновение в Гаити плантаций капиталистического типа не способствовало решению экономических проблем в сельском хозяйстве и не привело к заметному улучшению положения крестьян. В то же время американские капиталисты не нашли в Гаити столь же благоприятных условий для приложения капитала, как, например, на Кубе или расположенной по соседству Доминиканской Республике, где существовали крупные латифундии, на основе которых было легче создать хозяйства капиталистического типа. Кроме того, сопротивление гаитянских крестьян, всеми силами стремившихся сохранить свои земельные наделы, и массовая эмиграция затруднили поиски

[24] *Castor S.* La ocupación norteamericana de Haiti y sus consecuencias (1915—1934). México, 1971, p. 78.

дешевой рабочей силы. Эти факторы главным образом и определили сравнительно невысокий рост американских капиталовложений в сельском хозяйстве Гаити — с 7 млн. долл. в 1919 г. до 8,7 млн. в 1929 г.[25] Безработица, земельный голод и произвол властей вынуждали крестьян эмигрировать из страны. За 19 лет американской оккупации более 300 тыс. крестьян покинули страну [26].

В 1926 г. Борно был снова переизбран на пост президента назначенным им же Государственным советом. В целях усиления своей власти он по рекомендации генерала Рассела внес в 1927 г. ряд поправок к конституции. Это дало марионеточному правительству возможность издавать законы, направленные на дальнейшее ограничение свободы печати и судопроизводства.

Недовольство существующим положением — военно-оккупационным режимом и политикой президента Борно, выступавшего за тесное сотрудничество с оккупационными властями и подчинившего свою практическую деятельность интересам США, охватывало все более широкие круги гаитянского народа. К оппозиции примкнула часть бывших чиновников государственного аппарата и парламентариев, оказавшихся не у дел после роспуска парламента и прихода к власти Борно, а также часть национальной буржуазии, не получившая для себя ожидаемых выгод от установления оккупационного режима.

Особенно сильное недовольство гаитянских правящих кругов вызывал откровенный расизм американских оккупантов. Американские чиновники и военнослужащие с презрением относились к представителям гаитянской верхушки, раня их самолюбие. С установлением в стране военно-оккупационного режима США расовая сегрегация стала повседневной реальностью. Даже гаитянскому президенту был закрыт доступ в американский клуб в Порт-о-Пренсе. В стране, где подавляющую часть населения составляли негры и мулаты, расовая сегрегация была глубоко оскорбительной для гаитян.

С середины 20-х годов в ряды оппозиции влились молодые представители мелкой и средней буржуазии и интеллигенции. Яркой фигурой нового поколения гаитян, активно включившихся в борьбу за национальную независимость, был Жак Румен — выдающийся писатель, поэт, публицист, активный участник движения против оккупационного режима США. Многогранная деятельность Румена способствовала формированию первых марксистских групп в стране и привела к образованию в 1934 г. Коммунистической партии Гаити.

В 1928 г. выборы в Национальное собрание не проводились, но Борно обещал провести их в 1930 г. Однако год спустя по рекомендации генерала Рассела, поддержанной государственным департаментом США, он объявил, что выборы не состоятся. Известие об отмене парламентских выборов и намерении Борно остаться на посту президента на третий срок накалило до предела политическую обста-

[25] *Pierre-Charles G.* La economía haitiana y su vía de desarrollo. México, 1965, p. 182.
[26] *Castor S.* Op. cit., p. 83.

новку. Оппозиция развернула широкую кампанию против переизбрания Борно и за проведение выборов в Национальное собрание.

Мировой экономический кризис, охвативший капиталистические страны с 1929 г., резко ухудшил жизненный уровень народных масс. В этих условиях Борно и американские оккупационные власти рассматривались народом как главные виновники его бедственного положения.

31 октября 1929 г. студенты сельскохозяйственного института в пригороде столицы Дамьене объявили забастовку, после того как директор американец Дж. Фримен отказался повысить им стипендии. Забастовка была поддержана учащимися других учебных заведений столицы. Во многих городах возникло движение солидарности. Вскоре забастовка студентов вышла за рамки экономических требований и приобрела ярко выраженную антиамериканскую направленность. В начале декабря объявили забастовку служащие столичной таможни и гаитянский персонал управления американского финансового советника. На улицах Порт-о-Пренса прошли массовые демонстрации. Во многих городах состоялись митинги под лозунгами: «Долой Борно!», «Долой Фримена!» Забостовка студентов переросла в массовые выступления гаитянского народа, в которых политические и экономические требования тесно переплетались с борьбой против американской оккупации и марионеточного режима.

4 декабря генерал Рассел ввел в стране осадное положение. Для подавления волнений в ряд населенных пунктов были направлены дополнительные отряды американской морской пехоты и гаитянской жандармерии. 6 декабря около 1500 крестьян из близлежащих районов направились в город Ле-Ке, чтобы принять участие в митинге солидарности с бастовавшими докерами и выразить недовольство тяжелым экономическим положением. Неподалеку от города они были остановлены отрядом морских пехотинцев. Американские солдаты открыли огонь. 24 человека были убиты, более 50 ранены [27].

Известие о расстреле мирной демонстрации в Гаити вызвало протесты мировой общественности. В обстановке широкого возмущения империалистической политикой США в странах Латинской Америки Вашингтон был заинтересован в скорейшем разрешении гаитянского кризиса. Правительство Г. Гувера решило направить в Гаити президентскую комиссию для расследования положения в стране. В конце февраля комиссия во главе с бывшим губернатором Филиппин К. Форбсом прибыла в Порт-о-Пренс и сразу же приступила к работе. 7 марта Форбс, сообщая Гуверу о «критическом положении в Гаити», указывал, что проведение президентских выборов — «единственный способ удовлетворить требования гаитянского народа» [28].

Рекомендации комиссии, одобренные президентом Гувером, предусматривали «гаитизацию» государственных учреждений, отмену

[27] FR, 1929, vol. 3, p. 195; The Nation, 1930, Mar. 12, p. 310.
[28] FR, 1930, vol. 3, p. 198.

должности верховного комиссара и назначение на его место дипломатического представителя США, постепенный вывод морской пехоты. Таким образом, в результате выступлений гаитянского народа против марионеточного правительства Борно и оккупационного режима, а также вследствие мощного антиимпериалистического движения в Латинской Америке правящие круги США были вынуждены пойти на некоторые уступки в своей оккупационной политике.

Парламентские выборы, состоявшиеся 14 октября 1930 г., принесли убедительную победу оппозиции, а 18 ноября президентом Гаити был избран Стенио Венсан, известный политический и государственный деятель.

Предложенный в декабре 1930 г. правительством Венсана план «гаитизации» государственных учреждений, находившихся в ведении американских чиновников, положил начало длительным американо-гаитянским переговорам о прекращении оккупации. Как и прежде, диктовали свои условия американские представители. Наконец, 3 сентября 1932 г. договор был подписан. Он предусматривал передачу руководства гвардией гаитянским офицерам, но подтверждал контроль США над финансами Гаити. Национальное собрание отказалось одобрить этот договор. Дальнейшие американо-гаитянские переговоры были прерваны.

В 1932 г. на президентских выборах в США победу одержал кандидат демократической партии Ф. Рузвельт. Его правительство пришло к власти в разгар мирового экономического кризиса. Кризис 1929—1933 гг. ослабил экономические позиции США в мире, в том числе в Латинской Америке, обнажил противоречия между Соединенными Штатами и латиноамериканскими странами. Антиимпериалистическое и революционное движение и рост антиамериканских настроений приняли здесь широкий размах. В этих условиях правящие круги США уже не могли использовать прямое военное вмешательство в дела латиноамериканских стран и были вынуждены перейти к так называемой политике «доброго соседа». Прекращение оккупации Гаити, по замыслу американского правительства, должно было продемонстрировать на практике осуществление этой новой политики США. «Скорейший вывод наших войск из Гаити чрезвычайно повысит престиж правительства (США. — *Н. Л.*) повсюду в Латинской Америке», — писал заместитель госсекретаря У. Филлипс президенту Рузвельту [29].

7 августа 1933 г. был подписан очередной американо-гаитянский договор. Он обязывал США вывести свои войска к 1 октября 1934 г., но по-прежнему сохранял американский контроль над гаитянскими таможнями и финансовой деятельностью правительства до полного погашения долга [30]. Под давлением широкой общественности, требовавшей от правительства принятия мер по решению финансового вопроса, в апреле 1934 г. Венсан отправился в Вашингтон. В ходе

[29] Franklin Delano Roosevelt and Foreign Affairs. Cambridge, 1969, vol. 1, p. 344.
[30] FR, 1933, vol. 5, p. 755—761.

переговоров была достигнута договоренность о приобретении гаитянским правительством Национального банка Гаити, принадлежавшего «Нэшнл сити бэнк». Американо-гаитянские переговоры были продолжены в Кап-Аитьене, куда 5 июля 1934 г. прибыл президент США Ф. Рузвельт. 24 июля между США и Гаити было подписано окончательное соглашение о выводе американских войск. 15 августа 1934 г. последние контингенты американской морской пехоты покинули Гаити.

Вывод американских войск не свидетельствовал еще о подлинном освобождении страны. США продолжали сохранять контроль над финансами Гаити вплоть до 1947 г., когда американский займ 1922 г. был полностью погашен. Прямым следствием оккупации было внедрение американского капитала во все сферы экономической жизни Гаити, подчинение ее интересам США. Негритянская республика и в дальнейшем продолжала находиться в политической и экономической зависимости от США.

Монополии США, закрепившись в важнейших отраслях хозяйства Гаити, и в наши дни удерживают ключевые позиции в экономике этой страны. Длительное вмешательство США в дела Гаити и антинародная политика «династической» диктатуры Дювалье (1957—1986) превратили Гаити в одну из самых отсталых стран мира, где царят нищета, произвол и бесправие.

Интервенция США в Доминиканскую Республику (1916—1924)

М. П. ХАБАРОВ, И. И. ЯНЧУК

Еще в 1869 г. президент США У. Грант, связанный с компанией, спекулировавшей землей в Доминиканской Республике, попытался аннексировать это небольшое государство в восточной части о-ва Гаити, ссылаясь на «просьбу» президента этой страны Б. Баэса, который в борьбе за власть цеплялся за любую поддержку извне. Попытка Гранта не удалась из-за его разногласий с сенатом. Но курс на закабаление островной республики Соединенными Штатами оставался неизменным. Характерна аргументация президента США в пользу аннексии Доминиканской Республики: «Захват Сан-Доминго желателен вследствие его географического положения. Он него зависят вход в Карибское море и торговые операции на Панамском перешейке. Из всех вест-индийских территорий именно он обладает богатейшей почвой, великолепнейшими гаванями, целительнейшим климатом и ценнейшими запасами лесных, подземных и земельных богатств. При нашем обладании Сан-Доминго уже через несколько лет можно будет создать береговую торговлю исключительных разме-

ров. В случае войны с иностранными державами он... помешает врагу высадиться на нашей территории» [1].

Ряд американских компаний, действовавших на Кубе, в 80-е годы XIX в. начали вкладывать капиталы в производство в Доминиканской Республике сахара. Если в 1880 г. в стране было получено 4 тыс. т сахара, то к 1905 г. его производство, главным образом на американских сахарных плантациях, достигло 50 тыс. т [2]. Дешевизна земли, рабочей силы и возможность беспрепятственного расширения площади плантаций при практически беспошлинном вывозе сахара — вот что влекло сюда капитал США. Особую активность проявили «Кьюбэн-Доминикан», филиал «Вест-Индиа шугар корпорейшн», и «Саут Порто-Рико шугар». Обе группы были связаны с «Нэшнл сити бэнк» и «Чейз нэшнл бэнк». Скупка земель американскими компаниями шла безостановочно, и к 1925 г. они владели четвертью лучших земель страны, или 438 тыс. акров. Им же принадлежало 909 км железных дорог [3].

Внедрение американского капитала повлекло за собой разорение мелких землевладельцев, чьи земли переходили к крупным сахарным компаниям США и местным латифундистам. Внушительные средства, полученные за счет эксплуатации гаитянских негров и разорившихся доминиканских крестьян, безвозвратно уходили из страны. Нищали ее народ и государство. Правительства были вынуждены сокращать суммы, шедшие в уплату внешних долгов. Финансы были расстроены. Усилились конфликты со странами-кредиторами. В этих условиях госдепартамент США усилил вмешательство во внутриполитическую жизнь страны.

В начале XX в. между различными группировками развернулась борьба за власть и за право определять направление развития страны. В силу сложившейся политической традиции каудильизма эти группировки назывались по имени своих руководителей. Партию крупных землевладельцев, склонных сотрудничать с американским империализмом, возглавил генерал Орасио Васкес (президент страны в 1902—1903 гг. и в 1924—1930 гг.), а его сторонники объединились в партию «орасистов». Эта партия делала ставку на милитаризацию страны и применение массового насилия в отношении народных масс. Ей противостояла либеральная партия во главе с Хуаном Исидро Хименесом (президент страны в 1899—1902 гг. и в 1914—1916 гг.). «Хименисты» объединяли в своих рядах сторонников буржуазных реформ и проведения политики, в известной мере ограничивающей деятельность американских монополий в интересах национальной буржуазии [4].

В 1903—1904 гг. между двумя группировками начались вооруженные столкновения, перешедшие в гражданскую войну. США

[1] Цит. по: *Ниринг С., Фримэн Д.* Дипломатия доллара. Л., 1926, с. 104.
[2] *Томас А. Б.* История Латинской Америки. М., 1960, с. 528.
[3] *Knight M.* Americans in Santo Domingo. N. Y., 1928, p. 157.
[4] *Jimenez Grullón J. O.* La República Dominicana. La Habana, 1940, p. 66—67.

не преминули воспользоваться внутренним кризисом в собственных целях.

Прямое вмешательство американского военного флота позволило «орасистам» в марте 1904 г. возвести на пост президента генерала Моралеса [5]. В январе 1905 г. Моралес подписал соглашение, в результате которого США получили право назначать своего представителя для сбора всех таможенных пошлин Доминиканской Республики, причем 55 % от всего сбора пошлин передавались ее кредиторам [6]. Президент США незамедлительно ввел это соглашение в действие в качестве исполнительного решения, хотя сенат ратифицировал его только в 1907 г. Оправдывая вмешательство США в гражданскую войну в Доминиканской Республике и установление там американского финансового контроля, президент США Т. Рузвельт в 1905 г. ссылался на доктрину Монро, согласно которой США присваивали себе право «поддерживать порядок» в странах Карибского бассейна, если, по мнению правительства США, возникнет угроза их оккупации европейскими странами.

Американские банки «Кун, Леб и компани» и филиал «Нэшнл сити бэнк» предоставили республике заем в 20 млн. долл. со сроком погашения 50 лет для консолидации ее внешнего долга европейским странам, а финансовые агенты этих банков возглавили организацию по сбору таможенных пошлин. Договор 1907 г. санкционировал официальное назначение правительством США генерального сборщика таможенных пошлин вплоть до полной выплаты займа, а во 2-й статье указывалось, что правительство США окажет любую помощь этому сборщику в выполнении его обязанностей. США использовали в дальнейшем текст этой статьи в качестве предлога для вмешательства в политическую жизнь островной республики. 3-я статья договора 1907 г. запрещала правительству Доминиканской Республики увеличивать государственный долг и изменять пошлины без согласия США. И эта статья приводилась госдепартаментом в оправдание интервенционистских действий американцев [7]. Таким образом, страна оказалась под финансовым контролем США. Империалистические соперники США, главным образом Франция и Германия, были решительно потеснены.

Американская дипломатия активно содействовала утверждению политического контроля США в стране. В период очередной гражданской войны (1911—1914 гг.) американские морские пехотинцы неоднократно высаживались в портах Доминиканской Республики, навязывая свои условия соперничавшим фракциям. В 1914 г. в присутствии американских «наблюдателей» президентом был избран Хуан Исидро Хименес. В качестве условия его признания американские дипломаты требовали расширения функций американского сборщика таможенных пошлин с передачей последнему сбора и внут-

[5] *Mejia Luis F.* De Lilis a Trujillo. Caracas, 1944, p. 44.
[6] *Welles S. B.* Naboth's Vineyard. N. Y., 1928, vol. 2, p. 626.
[7] Ibid., p. 649—653

ренних доходов. Мало того, этот сборщик должен был составлять бюджет страны и ведать распределением всех ее финансовых средств. Доминиканской Республике предлагалось под видом содействия внутреннему умиротворению сократить армию и обратиться к США с «просьбой» руководить созданием и обучением полицейских формирований так называемой «гражданской гвардии» [8].

В феврале 1915 г. доминиканский конгресс отверг домогательства США и потребовал отставки американского сборщика таможенных пошлин Джонсона [9]. Тогда США в ноте от 19 ноября 1915 г. вновь в грубой форме потребовали согласия на свои условия. В конфиденциальном письме 24 ноября Хименесу президент США В. Вильсон откровенно раскрывал свои планы. Он сулил Хименесу укрепление центральной власти в результате создания национальной гвардии, рекомендовал ускорить проведение в жизнь закона 1911 г. о размежевании земель и более четкой регистрации земельных прав, ибо до тех пор, пока это не будет сделано, не может быть «увеличено сельскохозяйственное производство». В случае удовлетворения этого основного требования сахарных компаний, стремившихся к расширению и закреплению за собой обширных и плодородных земель республики, Вильсон обещал предоставить Хименесу крупный заем [10].

Однако Хименес проявлял неуступчивость. Он хорошо понимал мотивы американской дипломатии. Пример Гаити, оккупированной в 1915 г. американскими интервентами и связанной по рукам и ногам «законным» оправданием оккупационного режима в виде особого договора с США, был достаточно нагляден. В начале декабря 1915 г. все члены кабинета Хименеса и лидеры оппозиционных партий, обсудив ноту США, единодушно отвергли американские притязания. В ноте от 8 декабря 1915 г. доминиканское правительство указывало, что принятие требований США «будет расценено доминиканским народом как отказ от национального суверенитета» и не только не укрепит умиротворение страны, а, напротив, «неизбежно вызовет волнения, протесты, вооруженные столкновения, что еще более обострит нынешнюю обстановку» [11].

Новый политический кризис разразился в республике в конце апреля 1916 г. Сторонники военного министра Д. Ариаса в палате депутатов объединились с оппозицией — членами партии «орасистов» и проголосовали за привлечение президента к суду сената по обвинению в нарушении конституции и растрате государственных средств. Власть в столице оказалась фактически в руках Ариаса. Хименес вместе с верными ему войсками расположился лагерем в предместье города Сан-Херонимо. Вблизи столицы происходили небольшие стычки, но в общем обе стороны были склонны к компро-

[8] *Marrero Aristy B.* La República Dominicana. Ciudad Trujillo, 1958. vol. 2, p. 352—353
[9] *Cestero Tulio M.* Estados Unidos y las Antillas. Madrid, 1939, p. 130—131.
[10] *Logan R. W.* Haiti and the Dominican Republic. London, New York, Toronto, 1958, p. 61—62
[11] *Ureña Henriquez M* Los Estados Unidos y Republica Dominicana. La Habana, 1919, p. 81.

миссу [12]. Для США же этот политический конфликт был тем случаем, которого они ждали, чтобы вмешаться и все-таки навязать стране свои условия.

2 мая на рейде Санто-Доминго появился крейсер «Прэри», которым командовал капитан У. Кросли. 3 мая он опубликовал прокламацию о высадке американских войск для «защиты» миссии и консульства США. Кросли предупреждал, что любое сопротивление со стороны доминиканцев будет подавлено [13]. 4 мая 1916 г. отряд морской пехоты численностью 150 человек занял таможню и расположился у дипломатической миссии США. Президент Верховного суда Федерико Энрикес-и-Карвахаль заявил американскому посланнику Расселу протест против высадки американской морской пехоты: «Это посягательство на нашу территорию и ничем не спровоцированное оскорбление суверенитета доминиканского народа» [14]. Несмотря на протест, 5 мая высадился новый отряд морской пехоты в районе Сан-Херонимо. 7 мая президент Хименес в условиях ширящейся интервенции США предпочел уйти в отставку, нежели утвердиться у власти при помощи штыков интервентов [15].

Палата депутатов 8 мая почти единодушно выдвинула на пост временного президента Ф. Энрикеса-и-Карвахаля. Но США, сочтя его антиамерикански настроенным, вынудили его отказаться от поста президента.

13 мая в Санто-Доминго прибыл контр-адмирал У. Капертон — «усмиритель Гаити». На следующий день Рассел и Капертон ультимативно потребовали от военного министра Ариаса сложить оружие своих войск к 6 часам утра 15 мая. В случае неповиновения американцы угрожали подвергнуть столицу бомбардировке с морских кораблей. И все это мотивировалось желанием «восстановить конституционную власть» [16], — о чем Соединенные Штаты никто не просил.

15 мая на рассвете морские пехотинцы с ружьями наизготовку вошли в город. Но, не желая подвергать жителей артобстрелу, Ариас еще ночью с отрядом ушел на север страны для продолжения борьбы. Так началась фактическая оккупация Доминиканской Республики, длившаяся вплоть до 1924 г.

Сразу после высадки войск американцы приступили к реализации плана закабаления страны. Одной из их главных целей была защита сахарных компаний от выступлений обезземеленных крестьян. В телеграмме Расселу от 17 мая госсекретарь Лансинг писал, что сахарные компании в провинции Сан-Педро-де-Макорис просят послать морских пехотинцев для «защиты» сахарных заводов. Компании

[12] Documentos historicos que se refieren a la intervención armada de los Estados Unidos de Norte-America y la implantación de un gobierno militar americano en la República Dominicana. Santo Domingo, 1922, p. 35, 93.

[13] *Fuller S., Cosmas G.* Marines in the Dominican Republic, 1916—1924. Wash., 1974, p. 7.

[14] *Henriquez i Carvajal F.* Nacionalismo. Santo Domingo, 1925, p. 4.

[15] Documentos historicos. . ., p. 45.

[16] *Ureña Henriquez M.* Op. cit., p. 89—90.

обещали предоставить в распоряжение морской пехоты свои транспортные средства. Лансинг предлагал ускорить выполнение этой «просьбы» [17].

Агрессивная акция американской морской пехоты в столице вызвала возмущение всей страны. В газетах печатались протесты с подписями тысяч людей, негодовавших по поводу интервенции. Во всех городах из числа наиболее авторитетных жителей были сформированы патриотические хунты. Их представители прибыли в столицу и потребовали от Рассела и Капертона вывода морской пехоты. Пытаясь избежать давления американцев, конгресс Доминиканской Республики 25 июня 1916 г. единогласно избрал временным президентом проживавшего на Кубе брата Франсиско Энрикеса-и-Карвахаля. Хотя лидеры основных политических партий и рекомендовали своим сторонникам не оказывать вооруженного сопротивления американским оккупантам, борьба против агрессии была тем не менее достаточно упорной и широкой.

На севере страны, куда со своими сторонниками отошел Ариас, развернулись неравные бои с американскими интервентами. Лишь после ожесточенных столкновений американцы захватили города Пуэрто-Плата, Сантьяго, Сан-Франсиско-де-Макорис, Ла-Вега. Так был подавлен героический, хотя и слабо организованный вооруженный протест народа против неизмеримо более сильного агрессора. Ко времени вступления на пост президента Ф. Карвахаля страна практически была оккупирована, армия республики разогнана. Американские оккупационные власти стали осуществлять и сбор внутренних доходов государства. В течение четырех месяцев правительство Карвахаля, не имея армии, полиции, нуждаясь в денежных средствах, пыталось противостоять требованиям оккупантов.

В стране нарастало возмущение карательными акциями американских войск и наглыми требованиями, которые, в случае их принятия, лишали Доминиканскую Республику, как и соседнюю Гаити, национального суверенитета. Ни один крупный политический деятель страны не шел на сотрудничество с агрессором. Тогда в Вашингтоне решили свергнуть временного президента и установить в Доминиканской Республике прямое военное управление США. В этом духе высказалось совместное совещание госдепартамента и военно-морского министерства 31 октября 1916 г.[18] Немедленные действия по осуществлению этого решения были отложены до исхода президентских выборов в США в ноябре 1916 г. Вильсон был переизбран на новый срок. И уже 29 ноября капитан Нэпп, прибывший в Санто-Доминго на флагманском крейсере «Олимпия», объявил об установлении в стране режима военного управления и роспуске правительства Карвахаля. «Правовым» основанием установления власти военного губернатора в Доминиканской Республике объявлялось нарушение ею 3-й статьи договора 1907 г., в частности увеличение ее государ-

[17] *Clausner M. D.* Rural Santo Domingo. Philadelphia, 1973, p. 164.
[18] Ibid., p. 161.

ственного долга без консультации с США [19], хотя в этой статье вовсе не предусматривалась военная интервенция.

Доминиканский народ в неравных условиях упорно сопротивлялся интервентам. Особенно длительным было партизанское движение крестьян и мелкой городской буржуазии на востоке, где американские сахарные компании, опираясь на морскую пехоту США, разоряли общинников, завладевая их землей. «При одном только известии о том, что войска оккупантов направляются в тот или иной район страны, жителями этого района овладевали беспокойство и страх. Разрозненные группы плохо вооруженных людей стихийно уходили в горы. Оккупационное правительство называло их бандитами... и безжалостно преследовало мирных жителей по одному подозрению в оказании какой-либо помощи этим смелым людям», — писал один из современников событий, видный участник антиимпериалистической борьбы в Доминиканской Республике во время оккупации Мако Энрикес Уренья [20].

Имена Висенте Эванхелиста, Эустасио Рейеса, Рамона Натереса — руководителей наиболее крупных партизанских отрядов — недаром чтит доминиканский народ. Американские оккупанты применяли против партизан аэропланы, сгоняли мирных жителей в концентрационные лагеря, где они массами погибали от голода и болезней, подвергали их пыткам, расстреливали без суда и следствия. По далеко не полным данным военно-морского ведомства США, с 1916 по 1922 г. только на востоке страны были убиты и ранены 1137 доминиканцев [21].

Созданная декретом от 7 апреля 1917 г. так называемая «национальная гвардия» совместно с американской морской пехотой развернула карательные действия по всей стране. Именно американцы нашли, а затем поставили во главе этой «гвардии» бывшего охранника одной из американских сахарных компаний и будущего кровавого диктатора Трухильо.

После окончания первой мировой войны в Доминиканской Республике с особой силой развернулась народная борьба за немедленный вывод оккупационных войск. Возглавили ее мелкобуржуазные элементы города. Патриотическая борьба крестьянства несомненно также сказалась на размахе антиимпериалистической борьбы. Даже сторонники сотрудничества с оккупантами — «орасисты» и высшая церковная иерархия — вынуждены были публично отмежеваться от американских действий в стране.

Руководитель антиимпериалистического движения бывший временный президент Карвахаль выехал в 1919 г. на Версальскую мирную конференцию, где добился поддержки большинством латиноамериканских делегаций дела освободительной борьбы в Доминиканской Республике. Затем в июне 1919 г. в Нью-Йорке

[19] *Roig de Leuchsenring E.* La ocupación de la República Dominicana y el derecho de las pequeñas nacionalidades de América. La Habana, 1919, p. 44.
[20] *Ureña Henriquez M.* Los yanquis en Santo Domingo. Madrid, 1925, p. 217—218.
[21] *Fuller S. M., Cosmas G. A.* Op. cit., p. 41.

была создана Доминиканская националистическая ассоциация во главе с М. Уреньей и Ф. Карвахалем. Она заручилась поддержкой прогрессивных сил США. В декабре 1919 г. на самом острове возник Доминиканский национальный союз во главе с Э. Техерой и А. Луго, который объединил всех сторонников немедленного вывода американских войск. Патриотическая деятельность всех этих организаций пользовалась поддержкой подавляющего большинства доминиканского народа.

В условиях нарастания народного освободительного движения госдепартамент в сентябре 1919 г. был вынужден начать переговоры с Карвахалем об условиях вывода американских войск из Доминиканской Республики и передачи власти законному правительству. Радикальная позиция Карвахаля, требовавшего немедленного и безусловного вывода американских войск, не устраивала интервентов. США лишь согласились на создание консультативной комиссии в составе проамерикански настроенных политиков для дальнейших переговоров, но она практически бездействовала и распалась в январе 1920 г. Морская пехота и «национальная гвардия» усилили карательные действия против крестьян. Законом от 1 июля 1920 г. был создан Земельный суд, который способствовал ускоренному переходу общинных земель в руки американских сахарных компаний и крупных доминиканских землевладельцев. К примеру, в восточной части страны близ города Ла-Романа в августе 1920 г. американская компания, ссылаясь на свои «права» по этому закону, сожгла поселения Каймани и Игуераль с полного согласия оккупационных властей. 150 крестьянских семей остались без крова и без земли [22].

В январе 1920 г. оккупанты «провели» закон о снижении таможенных тарифов в среднем на 38 % [23]. Американским товарам был открыт широкий рынок в стране. Беспошлинно ввозились сельскохозяйственные машины, промышленное оборудование, транспортные средства, уголь и нефтепродукты, т. е. главным образом товары для сахарных компаний. Новый тариф не ограждал товары и продукты местного производства — табак, кофе, кожи и т. д., подрывая тем самым экономику страны и ее опору — мелкого производителя.

Выкачивая финансовые ресурсы для уплаты внешнего долга, оккупанты увеличили налоги с 450 тыс. долл. в 1915 г. до 2,99 млн. долл. в 1924 г. Хотя за 5 лет оккупации внешним кредиторам республики было выплачено 9 млн. долл., задолженность страны не только не снизилась, но даже возросла до 14,8 млн. долл. в 1922 г.[24]

Лихорадочная «законодательная» деятельность оккупантов сочеталась с карательными мерами, с драконовской цензурой в попытках «замирить» страну в интересах сахарных монополий и банкиров. Последние же времени не теряли. Достаточно сказать, что капиталовложения США в сахарную промышленность республики возросли

[22] *Knight M.* Op. cit., p. 118.
[23] Ibid., p. 104.
[24] *Marrero Aristy B.* Op. cit., p. 389; *Jimenez Grullón J.* La República Dominicana: una ficción. Merida (Venezuela), 1965, p. 170.

с 10 млн. долл. в 1914 г. до 56 млн. долл. в 1925 г., а весь объем капиталовложений США в Доминиканской Республике составил в 1925 г. 69 млн. долл.[25] Именно поэтому военный губернатор Сноуден возражал против вывода американских войск, предложив оставить их в республике еще «на 10—20 лет, пока не будет выплачен государственный долг и не будут укреплены финансы» [26].

Вопрос об американской оккупации Доминиканской Республики приобрел определенное значение в ходе межпартийной борьбы между демократами и республиканцами в канун выборов президента США в 1920 г. Республиканский кандидат У. Гардинг демагогически обвинил демократов в «империализме», хотя сам, как показали позднейшие события, вовсе не намеревался выводить войска США из оккупированных стран Карибского бассейна.

Под напором антиимпериалистической борьбы в Доминиканской Республике и движения солидарности с доминиканцами в Латинской Америке, особенно на Кубе, в Аргентине, Бразилии, Колумбии и Уругвае, 24 декабря 1920 г. военный губернатор заявил о согласии США приступить к переговорам о «быстром выводе» американских войск. Вновь была создана комиссия из проамерикански настроенных политиков — архиепископа Ноуэля, крупного сахарозаводчика и юриста Пейнадо и других консервативных деятелей республики. Прогрессивные лидеры страны — Ф. Карвахаль, А. Луго, Ф. Фиальо — были отстранены от переговоров. Они призвали бойкотировать заседания комиссии, согласившейся рассматривать требования оккупантов об утверждении всех «законов» военных властей США в качестве предварительного условия вывода морской пехоты и создания суверенного правительства. В протесте Национального союза заявлялось: «США не имели никакого права оккупировать своими вооруженными силами Доминиканскую Республику и еще меньше права оставаться здесь, диктовать и видоизменять ее законы, создавать избирательную комиссию, ставя ее под контроль вооруженных сил... Доминиканцы требуют, чтобы им возвратили свободу и права так же, как их и узурпировали, т. е. немедленно» [27].

Тем не менее правительство республиканцев, победившее на президентских выборах в США в 1920 г., продолжало старую экспансионистскую политику. Активную роль в этом играл глава латиноамериканского отдела госдепартамента С. Уэллес. Сенатская комиссия Маккормика, прибывшая в конце 1921 г. в Санто-Доминго для «слушаний» о положении в стране, столкнулась с единодушным осуждением доминиканцами оккупации. На слушаниях были убедительно разоблачены претензии США на законность их интервенции, на якобы «приглашение» доминиканским правительством войск США. Не удалась и попытка членов комиссии представить оккупацию

[25] *Angell J. W.* Financial Foreign Policy of the United States. N Y., 1933, p. 24.
[26] Foreign Relations of the United States, 1919. Wash., 1934, vol. 2, p 143 (Далее: FR.)
[27] República de Cuba· Archivo Nacional. Secretaria de Estado, leg. 1276, N 14, Expediente relativo a asuntos varios de la legación de Cuba en Washington Año 1921.

как результат анархии и безвластия, господствовавших в республике. Почти каждого свидетельствовавшего перед комиссией о действиях американских оккупантов сенаторы неизменно спрашивали, сколько «революций» было в стране до интервенции США, намекая на якобы благотворную роль американцев, положивших конец «беспорядкам». Достойную отповедь такого рода «оправданиям» американской интервенции дал бывший губернатор одной из восточных провинций А. Перес, заявивший, что США не имеют права требовать от доминиканцев отчета о событиях в их стране. Он назвал американскую интервенцию преступлением, отметив, что в результате карательных действий против партизан провинции Сейбо она полностью разрушена [28].

После года переговоров между военными властями США и группой «доминиканцев — друзей оккупантов, отобранных ими самими» (как писал пламенный патриот А. Луго) 30 июня 1922 г. было подписано соглашение об условиях вывода американских войск. В соответствии с ним все акты оккупационных властей США признавались законными, за исключением самого акта об установлении режима оккупации. В полном объеме продлевался договор 1907 г., а сроки финансово-таможенного контроля продлевались вплоть до выплаты займов, заключенных оккупантами с американскими банками в 1918 и 1922 гг.

Мужественная борьба доминиканских патриотов вынудила США прекратить оккупацию и отказаться от ряда унизительных для суверенной страны требований. Из проекта новой конституции исключалось требование США о приглашении в страну американской военной миссии, об оставлении отряда морской пехоты под видом «охраны дипломатической миссии США», отменялась должность американского «финансового советника», отвергалась претензия США на сбор внутренних доходов в целях выплаты внешнего долга, и т. п.[29]

Новое соглашение вызвало многочисленные протесты, митинги и манифестации доминиканцев, не желавших какой-либо опеки над страной. А. Луго, ставший в 1922 г. председателем Национального союза, заклеймил политиканов, подписавших соглашение, как лиц, представлявших интересы американцев в Доминиканской Республике и стремившихся заполучить власть с одобрения и поддержки Белого дома. Соглашение, по его словам, оправдывало «чудовищное нарушение международного права» и «установление протектората над Доминиканской Республикой Соединенными Штатами с узаконением всех видов грабежа собственности доминиканцев, проводившегося в течение шести лет» [30]. Другой доминиканский патриот, Феликс Мехия, отмечал, что исполнительные приказы и постановления военных властей, займы и т. п., утвержденные соглашением, «пере-

[28] Documentos historicos. . ., p. 65—77.
[29] См.: Memorandum del Entendido de Evacuación de la República Dominicana por las fuerzas militares de Estados Unidos de América concertado en Washington, D. C. en Junio 30 de 1922. Santo Domingo, 1922, p. 5—23.
[30] *Lugo A.* El plan de validación Hughes-Peynado. Santo Domingo, 1922, p. 5.

дают в залог самые ценные ресурсы страны, на основе которых должна развиваться ее экономическая жизнь в будущем, закрепляют права иностранцев, ограбивших страну, и оправдывают отчуждение достояния всего общества, сохраняют непосильные налоги и узаконивают всяческие помехи и ограничения мелкой собственности» [31].

Консервативным силам — крупным землевладельцам — удалось, опираясь на США, изолировать и оттеснить патриотические группировки доминиканского народа от решения об окончательном выводе американских войск. 15 марта 1924 г. президентом Доминиканской Республики в присутствии американской оккупационной армии был «избран» генерал Орасио Васкес — истинный приверженец неоколониализма, который видел в американских инвестициях и в сотрудничестве с американским империализмом «фактор прогресса». 18 сентября 1924 г. последние подразделения морской пехоты США оставили Доминиканскую Республику. Но во главе страны стоял человек, считавший необходимым расширить влияние американских сахарных монополий в стране. Оставалась и созданная американцами «национальная гвардия», которая под руководством офицеров-инструкторов морской пехоты США обеспечивала «закон и порядок» в угоду американским сахарным монополиям. В новой конвенции от декабря 1924 г. были сохранены и основные положения договора 1907 г., в частности назначение американского сборщика таможенных доходов вплоть до окончания выплаты внешних долгов, т. е. на полвека.

Таким образом, вооруженная интервенция и оккупация Доминиканской Республики в 1916—1924 гг. утвердили полную зависимость страны от США. Хотя антиимпериалистическая борьба доминиканского народа и прогрессивных сил самих США, изменение международной обстановки по окончании первой мировой войны, солидарность латиноамериканских народов и даже ряда правительств континента и вынудили США пойти на прекращение оккупационного режима и вывести войска из Доминиканской Республики, однако, опираясь на проимпериалистические силы в среде самих доминиканцев, играя на их страхе перед возможностью бесконечного продолжения военно-оккупационного режима, американцам удалось расколоть доминиканский народ и закрепить в серии соглашений политические, экономические и военные рычаги контроля над страной в рамках системы неоколониализма.

История закабаления Доминиканской Республики наглядно показала, что именно в это время в политике США в Латинской Америке активно утверждались методы неоколониализма.

[31] *Mejia F. S.* Al rededor y en contra del plan Hughes-Peynado. Santo Domingo, 1922, p. 86.

Интервенция США в Никарагуа (1926—1933)

М. П. ХАБАРОВ, И. И. ЯНЧУК

Никарагуа являлась объектом постоянных экспансионистских устремлений США. Причиной тому были важное геостратегическое положение этой центральноамериканской страны, идеальные климатические условия для культивирования там хлопка, наличие крупных месторождений золота, серебра, обширных лесных массивов ценных пород дерева. Водная система озера Никарагуа (Косиболка), отделенного от Тихого океана перешейком с минимальной шириной в 29 км, и реки Сан-Хуан, соединяющей озеро с Атлантическим океаном, представлялась одним из наиболее удобных мест, наряду с Панамским перешейком, для постройки трансокеанского канала. Президент США Р. Хейс в послании конгрессу от 8 марта 1880 г., говоря о значении канала для США, заявил: «Межокеанский канал... коренным образом изменит географические связи между атлантическим и тихоокеанским побережьями... а также связи последних с остальным миром... С ним связаны не только наши торговые интересы... но, прежде всего, наша мощь, наше процветание как нации...» [1].

С наступлением эпохи империализма американский монополистический капитал отводил одно из центральных мест установлению монопольного контроля США над межокеанскими путями через центральноамериканский перешеек в своих планах борьбы за передел мира. В 1903 г. США захватили зону Панамского канала. Стремясь не допустить нарушения своей монополии на владение трансокеанским каналом в случае постройки параллельного водного пути по никарагуанской территории, правящие круги США субсидировали в 1909 г. антиправительственный мятеж в Никарагуа. Используя военный и дипломатический шантаж, они добились свержения либерального правительства генерала Х. Сантоса Селайи, который представлял интересы нарождавшейся национальной буржуазии и проводил политику защиты национального суверенитета от проникновения североамериканского монополистического капитала в экономику страны. В частности, он выступил против предоставления американским компаниям монопольного права на строительство трансокеанского канала и против передачи его зоны в длительную аренду США.

При прямой поддержке США к власти в Никарагуа в 1910 г. пришла продажная марионеточная клика А. Диаса (управляющий американской компанией по добыче золота «Ла-Лус энд Лос-Анхелес») — Э. Чаморро (лидер Консервативной партии, представляющей интересы никарагуанской креольской латифундистской знати и реакционного духовенства). 27 октября 1910 г. между никарагуан-

[1] CEPAL. Cuadernos de coyntura, N 4, Nicaragua: Elementos historicos, estrategicos y tacticos de la Revolución. Mexico, 1979, p. 38.

ским марионеточным правительством и специальным представителем госдепартамента США Доусоном был подписан ряд соглашений, явившихся программой установления политического и экономического протектората США над Никарагуа. Госдепартамент США присваивал себе ни много ни мало как право редактировать никарагуанскую конституцию, утверждать кандидатуры президента и вице-президента страны. Экономика Никарагуа отдавалась на откуп американским компаниям и банкирам.

Откровенное попрание национального суверенитета вызвало растущее возмущение широких слоев никарагуанского общества. В июле 1912 г. в стране началось всеобщее восстание никарагуанского народа под руководством пламенного патриота Б. Селедона. Над проамериканской кликой А. Диаса — Э. Чаморро нависла реальная угроза. В этих условиях США не замедлили прибегнуть к открытой военной интервенции. В никарагуанские территориальные воды была направлена военно-морская эскадра. Около 3 тыс. морских пехотинцев оккупировали страну, потопив в крови национально-освободительное восстание. В условиях оккупационного режима в 1914 г. Никарагуа был навязан кабальный договор Брайана—Чаморро о предоставлении США монопольного права на строительство трансокеанского канала по никарагуанской территории и передачи им в аренду сроком на 99 лет участка никарагуанского побережья залива Фонсека, а также о-вов Корн в Карибском море для строительства военно-морских баз [2]. Эта сделка за спиной никарагуанского народа и против его воли обошлась США всего лишь в 3 млн. долл., большая часть из которых пошла на выплату внешнего долга Никарагуа, главным образом нью-йоркским банкирам. Банковские дома «Браун бразерс», «Дж. и В. Селигман», «Ю. С. Мортгейдж траст» и др., навязывая Никарагуа грабительские займы и кредиты, полностью подчинили себе финансы этой страны. В международных финансовых кругах Никарагуа в этот период называлась не иначе, как «Республика Браун бразерс» [3]. Помимо финансов, под контролем североамериканских монополий оказались никарагуанская внешняя торговля, горнодобывающая и лесоразрабатывающая отрасли экономики, производство бананов, сахара. В их ведении находились Национальный банк Никарагуа, железные дороги и таможня. В результате безраздельного экономического и политического господства американского капитала Никарагуа превратилась из наиболее развитой центральноамериканской республики, каковой она была в начале столетия, в самую отсталую и нищую страну в регионе. Общие убытки, вызванные американским финансовым господством в стране, составили за период 1909—1923 гг. 33,3 млн. долл. В то же время прибыли американских банкиров, грабивших страну, достигли 8,3 млн. долл.[4]

Подъем национально-освободительной, антиимпериалистической

[2] The United States and Nicaragua: A Survey of the Relations from 1909 to 1932. Wash., 1932, p. 30

[3] *Ramirez S.* El muchacho de Niquionohomo. Managua, 1981, p. 11.

[4] *Nogales y Méndez R. de.* The Looting of Nicarague. N. Y., 1928, p. 24—25.

борьбы во всем мире, вызванный победой Великой Октябрьской социалистической революции, выразился в Никарагуа в усилении сопротивления патриотических сил американским интервентам и их марионеткам.

В начале 20-х годов, в условиях экономических потрясений, приведших к резкому ухудшению и без того тяжелого положения широких слоев никарагуанского общества, прежде всего трудящихся масс, борьба за восстановление национального суверенитета обострилась. Широкий размах приобрело забастовочное движение. Участились политические манифестации с требованием вывода американской морской пехоты, прекращения постоянного вмешательства Вашингтона во внутренние дела Никарагуа, избавления экономики страны от грабежа североамериканских монополий и банков. Эти манифестации неоднократно перерастали в вооруженные выступления никарагуанского народа, жестоко подавляемые правительственными войсками при прямой поддержке американской морской пехоты. Однако опора на военную силу не давала ожидаемого результата. Борьба против американских интервентов нарастала.

Недовольство зрело даже в рядах «правящей» консервативной партии, умеренное крыло которой выступало против откровенной антинациональной, проамериканской политики марионеточной клики А. Диаса—Э. Чаморро. В то же время в самих США все более широкий размах принимала компания протеста демократических сил, требовавших прекращения интервенции в Никарагуа. За немедленный вывод американских оккупационных войск из Гаити, Санто-Доминго и стран Центральной Америки выступила Прогрессивная партия США, возглавляемая сенатором Р. Лафолеттом, за которой шли миллионы фермеров, рабочих и городских мелких буржуа [5]. В этих условиях правящие круги Вашингтона были вынуждены пойти на отдельные уступки, чтобы сохранить в целом господствующее положение США в Никарагуа. В конце 1923 г. президент США Кулидж заявил о намерении своего правительства вывести к 1 января 1925 г. с никарагуанской территории морских пехотинцев. При этом в качестве главного условия, гарантирующего осуществление вывода оккупационных войск, президент США выдвинул требование создания национальной гвардии в Никарагуа, обученной и руководимой американскими офицерами [6].

В результате состоявшихся в октябре 1924 г. выборов к власти в Никарагуа пришла коалиция умеренных консерваторов и либеральной партии. Посты президента и вице-президента страны заняли соответственно консерватор К. Солорсано и лидер либералов Х. Сакаса. Программа коалиционного правительства предусматривала вывод оккупационных войск с никарагуанской территории, восстановление экономической независимости, налаживание равноправных отношений с США. Однако практическая деятельность этого прави-

[5] History of US: Political Parties, 1910—1945. N. Y., 1973, vol 3, p 2668.
[6] *Lienwan E.* US Policy in Latin America: A Short history. N. Y., 1965, p. 45.

тельства отличалась соглашательством и непоследовательностью. Под нажимом Вашингтона оно согласилось на создание национальной гвардии, на сохранение за сторонниками А. Диаса и Э. Чаморро ряда ключевых постов в армии и правительстве, а также на продолжение постоянных консультаций с госдепартаментом США по экономическим вопросам.

В феврале 1925 г. правительство США представило план создания национальной гвардии в Никарагуа, которая формально должна была заменить полицию и вооруженные силы страны, а фактически принять на себя функции американских оккупационных войск, вынужденных покинуть никарагуанскую территорию. В состав этой гвардии должны были войти 23 офицера и 392 солдата [7]. В мае 1925 г. никарагуанский конгресс признал этот план. Первым командующим национальной гвардии был назначен американский майор К. Картер.

4 августа 1925 г. оккупационные части морской пехоты США покинули Никарагуа. Казалось, что страна наконец обрела утерянную 15 лет назад независимость. Однако первые же скромные попытки правительства К. Солорсано—Х. Сакасы проводить самостоятельную экономическую политику, направленную на ограничение господства американских монополий и банков, вызвали негативную реакцию в Вашингтоне. 25 октября 1925 г. Э. Чаморро, опираясь на поддержку посланника США, действующих в стране американских бизнесменов и командующего национальной гвардией К. Картера [8], совершил государственный переворот под предлогом восстановления господства консерваторов, которое-де «было нарушено мошенническими выборами 1924 года». Х. Сакаса был вынужден бежать из страны. Представители либеральной партии изгонялись из правительства, конгресса и Верховного суда. В Никарагуа восстанавливалось правление проамериканских марионеток.

Официальный Вашингтон попытался изобразить себя непричастным к перевороту. США формально не признали Э. Чаморро в качестве законного президента страны, но в то же время продолжали сохранять дипломатические отношения с его правительством и поддерживать его материально. Эта двойственная политика объяснялась стремлением Вашингтона сохранить у власти в Никарагуа очередную проамериканскую марионетку и одновременно соблюсти «букву» договора о дружбе и мире, заключенного в 1923 г. центральноамериканскими государствами. Гарантом выполнения этого договора выступали США. Одним из ключевых пунктов договора являлось обязательство не признавать правительства в Центральной Америке, пришедшие к власти в результате насильственного переворота [9].

В то же время в Никарагуа в условиях всенародного возмущения

[7] Plan for the Establishment of Constabulary in Nicaragua. Febr. 17, 1925 — Foreign Relations of the United States (далее — FR). 1925. Wash., 1940. vol. 2, p. 624.

[8] *Goldwert M.* The Constabulary in the Dominican Republic and Nicaragua. Gainesville, 1962, p. 27.

[9] Договор от 1923 г. гарантировал статус-кво господства США в Центральной Америке в условиях нараставшего антиимпериалистического национально-освободительного движения в регионе.

против проамериканского консервативного правления развернулась вооруженная партизанская борьба. 2 мая 1926 г. отряд либералов высадился на восточном побережье и занял его административный центр г. Блуфилдс. США, опасаясь за судьбу Э. Чаморро, направили в Блуфилдс морских пехотинцев, которые 7 мая высадились с крейсера «Кливленд» и объявили город «нейтральной зоной». Впервые «по назначению» была использована созданная и обученная американцами национальная гвардия. 19 мая 1926 г. она разгромила в бою при Раме отряд либералов [10].

Несмотря на прямое вмешательство США на стороне консерваторов, вооруженная борьба за восстановление конституционного правления в стране не затихала. По всей стране стихийно возникали новые партизанские отряды. Неоднократно вспыхивали восстания в городах.

В августе 1926 г. либералы активизировали вооруженную борьбу. На этот раз их выступления были более подготовлены и координировались из единого центра. Политическое руководство борьбой сконцентрировал в своих руках Х. Сакаса. В целях привлечения широких народных масс либералы выдвинули программу, которая включала требования о проведении аграрной реформы, отмене кабального договора о трансокеанском канале с США, создании центральноамериканского союза. Моральную и материальную поддержку им оказывали Мексика и ряд центральноамериканских стран, где у власти находились либеральные правительства. Наибольшего успеха войска либералов достигли на восточном побережье Никарагуа, где под командованием генерала Х. Монкады, бывшего военным министром в правительстве К. Солорсано—Х. Сакасы, они заняли ряд крупных населенных пунктов и город Пуэрто-Кабесас. 26 августа США направили в территориальные воды Никарагуа крейсеры «Талса» и «Галвестон». В Блуфилдсе вновь высадились американские морские пехотинцы [11].

Наряду с демонстрацией военной силы американское правительство, опасаясь, что события в Никарагуа окончательно выйдут из-под контроля, попыталось найти политическое решение никарагуанского кризиса. Оно предложило свое «посредничество» для примирения «враждующих сторон». 16 октября 1926 г. на борту американского крейсера «Денвер» под председательством временного поверенного в делах США в Никарагуа Л. Денниса начались переговоры между представителями либеральной и консервативной партий. Явное намерение США заменить Э. Чаморро другой, не менее одиозной марионеткой — А. Диасом, активным участником государственного переворота в октябре 1925 г., оказалось неприемлемым для либералов. Они настаивали на передаче президентской власти Х. Сакасе или назначении временного нейтрального правительства [12]. 24 октября переговоры окончились провалом.

[10] *Munro D. Y.* The United States and the Caribbean Republics, 1921—1933. Princeton; London, 1974, p. 197.
[11] FR, 1926. Wash., 1941, vol. 2, p. 788.
[12] Ibid., p. 800—802.

Твердая позиция либералов на переговорах обусловливалась тем, что выступления против правительства консерваторов все более приобретали всенародный характер. В борьбу активно включались широкие массы трудящихся: шахтеры, добывающие золото на принадлежащих североамериканским компаниям рудниках, крестьяне и индейцы, составлявшие основную рабочую силу на лесоразработках, банановых и кофейных плантациях, являвшихся собственностью все тех же компаний. Именно эти слои никарагуанского общества, подвергавшиеся нещадной эксплуатации, более всего страдали от американского империалистического господства в стране. Своим участием в борьбе против консервативных проамериканских марионеток они радикализировали все либеральное движение, делали его более последовательным в вопросах восстановления национального суверенитета и буржуазно-демократических прав.

В этих условиях госдепартамент США был вынужден форсировать замену Э. Чаморро на посту президента А. Диасом, которого активно поддерживали американские предприниматели и банкиры, действовавшие в Никарагуа. 10 ноября 1926 г. А. Диас был «избран» президентом. Особая заслуга «в возведении на престол» этой старой проамериканской марионетки принадлежала Л. Деннису, который выполнял волю хозяев банка «В. и Дж. Селигман» и других. 15 ноября Диас, стремясь с первых шагов своего правления оправдать доверие вашингтонских хозяев, обратился к правительству США с просьбой ввести в Никарагуа морскую пехоту, чтобы сдержать «интервенцию со стороны... Мексики» [13]. Одновременно он заключил договор о предоставлении нью-йоркскими банкирами на кабальных условиях займа для Никарагуа в размере 300 тыс. долл.[14] 17 ноября США поторопились признать правительство А. Диаса, понимая, что в условиях всенародного возмущения оно не продержится и 24 часов без американской военной помощи.

Однако события развернулись не по американскому сценарию. 2 декабря 1926 г. в Пуэрто-Кабесасе Х. Сакаса провозгласил себя президентом Никарагуа. Его признали Мексика и Гватемала. В Пуэрто-Кабесас доставлялось на кораблях оружие и боеприпасы, закупленные либералами в США и Мексике. Вооруженные отряды либералов были сведены в единую Конституционалистскую армию под командованием Х. Монкады, получившего пост военного министра в кабинете Х. Сакасы. Эта армия повела наступательные операции против войск консерваторов по всему восточному побережью, постепенно продвигаясь в глубь страны.

18 декабря между либералами и консерваторами началось сражение близ Блуфилдса. В случае успеха повстанцы установили бы контроль над всем восточным побережьем и получили бы возможность перенесения боевых действий в центральные и западные густонаселенные районы страны. Стремясь не допустить этого, американское

[13] FR, 1926, vol. 2, p. 811.
[14] *Quijano C.* Nicaragua: un pueblo, una revolución. México, 1978, p. 104

правительство направило в территориальные воды Никарагуа крейсеры «Кливленд» и «Денвер», которые блокировали район боевых действий с моря, затруднив доставку оружия и боеприпасов повстанцам. 23 декабря 1926 г. морские пехотинцы под предлогом «защиты жизни и собственности граждан США» оккупировали основные населенные пункты на восточном побережье: Блуфилдс, Пуэрто-Кабесас, Принсаполка, Рио-Гранде, объявив их «нейтральными зонами». Оккупация восточного побережья положила начало новой интервенции США в Никарагуа.

В Пуэрто-Кабесасе оккупанты вынудили вооруженные отряды либералов покинуть город. Оружие, находившееся в распоряжении правительства Х. Сакасы, было потоплено в море. Само правительство, выступившее с протестом против вмешательства США во внутренние дела Никарагуа, оказалось практически в плену у американцев.

Однако расчет Белого дома на то, что 1200 слабовооруженных либералов, лишенных поддержки извне, не смогут противостоять 7-тысячной армии консерваторов, провалился. Недостаток оружия, медикаментов, продовольствия в армии либералов с лихвой компенсировался высоким моральным духом, чего нельзя было сказать о войске консерваторов, где царили неразбериха, дезертирство, общая подавленность.

В решающей битве 23—24 декабря при Лагуна-де-Перласе консерваторы были разгромлены. Армия либералов получила возможность выхода в центральные и западные районы страны.

Поражение А. Диаса на восточном побережье активизировало сторонников расширения агрессии США. На срочных заседаниях в Белом доме 28 декабря 1926 г. и 3 января 1927 г. были приняты решения о введении в Никарагуа дополнительных войск и установлении охраны дипломатической миссии США в Манагуа в целях «защиты жизни и собственности американских граждан» [15].

2 января 1927 г. помощник государственного секретаря Р. Оулдс попытался обосновать необходимость расширения интервенции «вмешательством» Мексики, поддерживающей «либералов и покушающейся на национальные интересы США в этом жизненно важном для них регионе» [16].

6 января 1927 г. морские пехотинцы высадились в тихоокеанском порту Никарагуа Коринто. У никарагуанских берегов курсировала американская военно-морская армада из 16 кораблей. Под командованием адмирала Латимера на судах и непосредственно на территории Никарагуа находилось 215 офицеров, 3900 солдат и 865 моряков [17].

Интервенция в Никарагуа вызвала протесты во всем мире. Резко усилились антиамериканские настроения в Латинской Америке. В самих США правительству К. Кулиджа пришлось считаться

[15] FR, 1926, vol. 2, p. 819—820; *Ellis L. E., Frank B.* Kellogg and American Foreign Relations, 1925—1929. New Brunsweek, 1961, p. 70

[16] *Millet R. L.* Guardians of the Dinasty N. Y., 1977, p. 2

[17] *Cox I. L.* Nicaragua and the United States, 1909—1927 Boston, 1927, p 786, *Valle M. A.* La dictadura Somocista. Managua, 1980, p 13

с требованиями широкой американской общественности немедленно прекратить агрессию. Оно столкнулось с оппозицией даже в сенате.

В послании конгрессу 10 января 1927 г. президент США, оправдывая интервенцию в Никарагуа, откровенно заявил о ее целях. Выступление либералов, поддержанных Мексикой, против «конституционного правительства» А. Диаса, поставило под угрозу национальные интересы США, утверждал президент. В таких условиях традиционной политикой было и будет, как заявлялось в послании, прямое вмешательство, чтобы гарантировать жизнь и собственность граждан США, интересы американского бизнеса, а также сохранение «конституционного» правительства [18].

В свою очередь государственный секретарь Ф. Келлог представил 12 января сенатскому комитету по внешней политике меморандум «Большевистские цели и политика в Мексике и Латинской Америке» с бредовыми заявлениями о том, что Мексика и Никарагуа являются «плацдармом большевизма» [19]. Вздорные заявления о «кознях большевиков» в Латинской Америке, их причастности к событиям в Никарагуа не были восприняты всерьез даже в буржуазных политических кругах США. На следующий день сенатор-республиканец У. Бора, являвшийся председателем сенатского комитета по внешней политике, обвинил госдепартамент в том, что он усадил в президентское кресло Диаса, который «не может продержаться и ночи без поддержки американской морской пехоты» [20].

Тем временем положение А. Диаса становилось все более шатким. Конституционалистская армия под командованием Х. Монкады вступила в центральные департаменты страны. На севере Никарагуа в департаментах Нуэва-Сеговия, Хинотега вели успешные бои войска, руководимые генералом А. С. Сандино. Последний относился к славной плеяде революционных лидеров, выдвинутых из своей среды никарагуанским трудовым народом в ходе борьбы за национальное освобождение, демократию, социальный прогресс. Отряды А. С. Сандино, отличавшиеся высокой организацией, дисциплиной, сражались под красно-черным знаменем, на котором были начертаны слова: «Победа или смерть!» Они формировались из добровольцев, главным образом рабочих и крестьян, готовых биться за освобождение родины от американских захватчиков и их марионеток, и представляли собой организованное революционно-демократическое крыло либерального движения. Одновременно с наступлением войск Х. Монкады и А. Сандино активизировалось партизанское движение на западе страны в департаментах Чинандега и Леон.

В этих условиях командование американских оккупационных войск стремилось максимально затруднить продвижение повстанцев. В основные города и порты Никарагуа вводилась морская пехота, и они объявлялись «нейтральными зонами». От установления «зон»

[18] FR, 1927. Wash., 1942, vol. 3, p. 288—298.
[19] *Connele-Smith G.* The United States and Latin America. An Historical Analysis of Inter American Relations. L., 1974, p. 151.
[20] *Selser G.* Sandino, General de hombres libres. La Habana, 1960, t. 1, p. 132.

оккупанты все чаще переходили к прямым военным действиям против либералов.

6 февраля партизанские отряды заняли г. Чинандега на западе страны, прервав связь столицы с Тихоокеанским побережьем по единственной железной дороге Манагуа—Коринто. В помощь правительственным войскам Диаса были предоставлены американские самолеты, которые подвергли варварской бомбардировке и подожгли город [21]. 14 февраля все населенные пункты, расположенные на Тихоокеанской железной дороге, были объявлены американскими оккупантами «нейтральными зонами» [22].

В эти же дни адмирал Латимер заявил, что даже в случае установления повсеместного контроля либералами США не признают Сакасу в качестве президента, а Диас будет оставаться на этом посту до 1928 г.[23]

20 февраля 1927 г. с крейсеров «Милуоки», «Ралей» и «Галвестон» были высажены дополнительные подразделения морской пехоты, которые оккупировали города Леон, Чинандега и главную крепость страны «Ла Лома» в Манагуа [24]. 17 марта в Никарагуа в качестве подкрепления прибыли еще 2 тыс. морских пехотинцев под командованием генерала Л. Феланда. С их прибытием общая численность американских оккупационных войск в Никарагуа превысила 6 тыс. морских пехотинцев, которые оккупировали 8 крупнейших никарагуанских городов, объявленных «нейтральными зонами».

Даже в условиях гражданской войны грабеж богатств страны американскими монополиями не прекращался. Под прикрытием штыков морской пехоты и с «благословения» А. Диаса прямые капиталовложения США в экономику Никарагуа выросли с 5 млн. долл. в 1926 г. до 12 млн. долл. в 1927 г.[25] 18 марта между правительством А. Диаса и американскими банкирскими домами «Гаранти траст» и «Дж. и В. Селигман», входившими в группу Моргана, был заключен договор о предоставлении займа в размере 1 млн. долл. из 6 % годовых. В обеспечение займа американские банкиры получали в свое управление Тихоокеанскую железную дорогу, Национальный банк, таможню [26].

Утраченные было в период правления К. Солорсано—Х. Сакасы позиции американских монополий в экономике Никарагуа восстановились. Возросшие «национальные» интересы США в Никарагуа требовали гарантий, тем более что гражданская война в этой стране усиливалась, продолжалось наступление повстанческих сил. Армия консерваторов уже не могла сдерживать их продвижение к Манагуа. Не давала желаемых результатов и тактика «нейтральных зон», про-

[21] CEPAL. Cuadernos de coyuntura, N 4, p. 60.
[22] *Millet R. L.* Op. cit., p. 53.
[23] *Selser G.* Op. cit., t. 1, p. 150.
[24] FR, 1927, vol. 3, p. 313.
[25] *Dozer D. M.* Are We Good Neighbors? Three Decades of Inter-American Relations, Jainesville, 1959, p. 11.
[26] New York Times, 1927, Mar. 18.

водимая оккупационными войсками. Прямое же использование морской пехоты против повстанческих отрядов либералов и Конституционалистской армии осложнялось ввиду широкой компании протеста международной общественности и нараставшей в самих США оппозиции интервенционистской политике Белого дома в Никарагуа. К тому же события в Никарагуа привлекали внимание еще одного империалистического хищника — Англии, пожелавшей также «защитить своих граждан» и направившей в порт Коринто военный корабль [27].

В целях укрепления армии консерваторов госдепартамент США 24 марта объявил о продаже Диасу оружия на сумму 217,7 тыс. долл. (3 тыс. винтовок, 200 пулеметов, 3 млн. патронов) [28]. Однако поставляемое американцами оружие довольно скоро попадало в руки повстанцев. 28 марта отряд А. С. Сандино в составе 1600 бойцов разгромил крупную группировку консерваторов из 3400 солдат и занял г. Хинотега. Это окончательно похоронило надежды Вашингтона на победу А. Диаса [29]. Однако приход к власти в Никарагуа либералов был в это время неприемлем для США. В то же время правительство К. Кулиджа вынуждено было учитывать близость президентских выборов 1928 г. в США и намеченную на этот же год конференцию Панамериканского союза в Гаване, что диктовало необходимость срочного «умиротворения» воюющих сторон в Никарагуа.

На чрезвычайном совещании в Белом доме 31 марта было принято решение о посылке в Никарагуа специального президентского эмиссара — полковника Г. Стимсона. В личной беседе с ним К. Кулидж так определил его задачу: «восстановить порядок», сохранить А. Диаса на посту президента; допускалась возможность победы либералов на выборах 1928 г. В случае отказа Х. Сакасы пойти на перемирие США намеревались прибегнуть к «настоящей интервенции» [30]. 17 апреля 1927 г. Г. Стимсон прибыл в Манагуа.

Военные события в стране разворачивались стремительно. В ходе сражений 6—13 апреля 1927 г. в районе Муй-Муй в департаменте Боако консерваторам при поддержке американских самолетов удалось нанести серьезное поражение руководимой Х. Монкадой Конституционалистской армии [31]. Однако смелый рейд отряда А. С. Сандино, пришедшего ей на помощь, свел на нет результаты победы консерваторов. Спустя несколько дней войска либералов вышли на рубеж реки Типитапа в 12 км от Манагуа. Г. Стимсон был вынужден отметить, что

[27] *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975, с. 205.
[28] *Selser G.* Op. cit., t. 1, p. 135.
[29] *Kamman W.* A Search for Stability: United States Diplomacy toward Nicaragua, 1925—1933. L., 1968, p. 96.
[30] *Ellis L.* Op. cit., p. 73. В портах США в это время находились готовые к отправке в Никарагуа еще 800 морских пехотинцев и 9 самолетов (*Selser G.* Op. cit., t. 1, p. 199).
[31] *Selser G.* Op cit., t. 1, p. 164.

против Диаса поднялось практически все население, действовавшее самостоятельно, без контроля со стороны либералов [32].

Размах всенародной борьбы пугал не только американцев и находившегося под их покровительством А. Диаса, но и соглашательскую верхушку либеральной партии, которая с охотой пошла 24 апреля 1927 г. на переговоры о перемирии.

Проект условий перемирия, выработанный Г. Стимсоном, предусматривал: немедленный всеобщий мир и сдачу оружия одновременно обеими сторонами на хранение американцам; всеобщую амнистию; участие в правительстве Диаса представителей либералов; организацию под командой американских офицеров никарагуанской национальной гвардии на непартийной основе; проведение президентских выборов в 1928 г. под контролем США; временное нахождение крупных контингентов американской морской пехоты в качестве гаранта выполнения предыдущих статей соглашения [33].

Эти условия были представлены либералам в ультимативной форме во время переговоров в Типитапе 4 мая 1927 г. Представители Х. Сакасы на переговорах возражали только против сохранения А. Диаса на посту президента до 1928 г. В то же время они всячески подчеркивали свою лояльность США. Более сговорчивым оказался командующий Конституционалистской армии либералов Х. Монкада, который за общение Г. Стимсона гарантировать его «избрание» в 1928 г. на пост президента пошел на прямое предательство. 12 мая он принял условия, выдвинутые американским эмиссаром, и приказал войскам либералов разоружиться, сдав оружие морским пехотинцам.

Однако умиротворения на американский манер не получилось. На борьбу против американских захватчиков поднялись передовые силы Никарагуа — рабочие, крестьяне, студенты, которые объединились вокруг армии патриотов генерала А. С. Сандино, не пожелавшего сдаться на милость оккупантам. В своем циркуляре, направленном во все департаменты страны 12 мая, он заявил: «Я не сложу оружия, даже если это сделают все... ибо лучше умереть с оружием в руках, чем жить, как рабы» [34]. С небольшим отрядом в 30 человек он направился в горы Нуэва-Сеговия для продолжения сопротивления. Х. Монкада и его новые хозяева еще надеялись угрозами и посулами заставить Сандино сложить оружие. Однако его ответ был следующим: «Я не продаюсь и не сдаюсь. Я выполню свой долг и хочу, чтобы мой протест, записанный кровью, остался для будущих поколений» [35].

1 июля 1928 г. Сандино опубликовал политический манифест, в котором четко обозначил патриотические, антиимпериалистические цели своей борьбы. Американские оккупационные власти не замедлили объявить А. С. Сандино «человеком вне закона» [36].

[32] FR (1927), vol. 3, p. 326
[33] Ibid.
[34] El Pensamiento vivo de Sandino. La Habana, 1980, p. 68.
[35] Ibid., p. 73
[36] Ibid., p. 75.

В департамент Нуэва-Сеговия, где под его руководством набирало силу повстанческое движение, была направлена карательная экспедиция в составе 300 морских пехотинцев.

Интервенты торопились изолировать и задушить в зародыше антиимпериалистическое национально-освободительное движение никарагуанского народа. Такая поспешность была вызвана тем, что призывы А. Сандино к развертыванию борьбы за национальный суверенитет находили широкий отклик. К нему присоединялись все новые патриотические силы. В июле 1927 г. отряд Сандино пополнился еще 60 бойцами, возглавляемыми генералом К. Сальгадо — участником «конституционной войны» против консерваторов, также отказавшимся сдать оружие американским оккупантам [37].

16 июля 1927 г. повстанцы при поддержке местного населения атаковали гарнизон морской пехоты США в г. Окоталь. В ходе боя интервенты использовали самолеты. Эскадрилья из 5 бомбардировщиков подвергла обстрелу и бомбардировке не только атакующих, но и весь город. В результате погибло свыше 300 мирных жителей, в том числе женщины и дети. Сандинисты были вынуждены отступить. Битва за Окоталь имела широкий международный резонанс. Весь мир узнал о том, что никарагуанский народ не прекратил своего сопротивления американской оккупации. С вашингтонских «умиротворителей» в очередной раз была сорвана маска. 17 июля 1927 г. А. Сандино открыто назвал правительство США и лично президента К. Кулиджа единственно ответственными за кровопролитие в Никарагуа [38]. Несмотря на протесты международной и американской общественности, правительство США представило к награде летчиков-убийц, принимавших участие в варварской бомбардировке гражданского населения Окоталя.

Поражение сандинистов в боях 25 и 27 июля при Сан-Фернандо и Санта-Кларе предопределили их переход к партизанской тактике ведения национально-освободительной антиимпериалистической борьбы. Эта тактика лишала американских оккупантов возможности покончить с повстанческим сандинистским движением в короткий срок, используя свое преимущество в вооружении и численный перевес. 2 сентября 1927 г. под руководством А. Сандино была создана Армия защиты национального суверенитета. Разбитая на 14 подвижных отрядов, она перешла от тактики прямых столкновений с крупными соединениями морской пехоты к проведению тщательно подготовленных засад против отдельных колонн и обозов оккупантов или молниеносных атак на небольшие гарнизоны. Уже 9 сентября в местечке Лас-Флорес попала в засаду и была разгромлена колонна морских пехотинцев, а 19 сентября — гарнизон поселка Телпанека на р. Коко. Партизанская тактика и всемерная поддержка населения позволяли сандинистам наносить интервентам ощутимые удары и оставаться в то же время неуловимыми. К октябрю

[37] Memorias del coronel Santos Lopéz. Managua, 1979, p. 15
[38] El Pensamiento vivo. ., p. 81.

1927 г. Армия защиты национального суверенитета уже насчитывала свыше 800 бойцов. Ее командный и рядовой состав был представлен главным образом рабочими и крестьянами. Это была прекрасно организованная и дисциплинированная армия подлинных никарагуанских патриотов. Повстанцы практически контролировали в этот период сельские районы в северных департаментах страны. В труднодоступном горном местечке Эль-Чипоте, недалеко от границы с Гондурасом, была создана основная партизанская база Армии защиты национального суверенитета. Здесь находился возглавляемый А. Сандино штаб, мастерские по ремонту и изготовлению оружия, одежды, склады боеприпасов и продуктов.

Однако официальные власти США по-прежнему стремились извратить события в Никарагуа и убедить общественное мнение в том, что американская морская пехота «принесла мир в эту многострадальную страну», который хотела бы нарушить «жалкая кучка бандитов», как назвал никарагуанских повстанцев президент К. Кулидж в своем ежегодном послании конгрессу от 6 декабря 1927 г.[39] В то же время, сконцентрировав на никарагуанской территории свыше 4 тыс. морских пехотинцев, американские интервенты оказались бессильными покончить с повстанческим движением А. Сандино. Потери оккупантов от постоянных стычек с партизанами и тропических болезней росли. К началу 1928 г. даже по официальным данным, далеко не соответствующим действительности, они составляли: 24 убитых, 45 раненых, 1410 было отправлено в США из-за тропических болезней[40]. Это вынуждало правящие круги США искать адекватную замену морской пехоте, способную гарантировать их интересы в Никарагуа. Созданная в 1925 г. национальная гвардия насчитывала в конце 1927 г. 47 офицеров и 438 солдат, осуществлявших функции военной полиции[41]. Она явно не могла противостоять национально-освободительному повстанческому движению, возглавляемому А. Сандино. 22 декабря 1927 г. правительства К. Кулиджа и А. Диаса заключили договор о сформировании «новой» национальной гвардии на «непартийной» основе, возглавляемой американскими офицерами. Формально она должна была подчиняться президенту Никарагуа. Устанавливалась ее численность: 93 офицера и 1064 солдата, — на содержание которых из национального бюджета выделялось 689 тыс. долл.[42]

Однако морская пехота по-прежнему оставалась главным гарантом «национальных» интересов США в Никарагуа. В конце 1927—начале 1928 г. была предпринята очередная попытка оккупантов покончить с сандинистским повстанческим движением. Против партизан были брошены около 3 тыс. морских пехотинцев и национальных гвардейцев, более 30 самолетов, осуществлявших поиск и

[39] Congressional Record. . ., 70 Congress, 1st Ses. Wash., 1927, vol. 69, pt 1, p. 109.
[40] *Selser G.* Op. cit., t. 2, p. 18.
[41] *Millet R. L.* Op. cit., p. 71.
[42] FR, 1927, vol. 3, p. 433—437.

бомбардировку баз сандинистов [43]. Однако и эта широкомасштабная операция по «умиротворению северных департаментов страны» провалилась. В ходе боев на подступах к городу Килали и основной базе партизан Эль-Чипоте — «крупнейшей битвы американцев со времен первой мировой войны» [44], сандинисты нанесли интервентам ряд поражений. Оккупанты потеряли только убитыми 60 морских пехотинцев [45]. Трофеями повстанцев стали большое количество оружия, боеприпасов, снаряжения, брошенного отступившими американскими вояками, а также боевое знамя одной из их частей. Командующий морской пехоты США в Никарагуа полковник М. Гулик был вынужден официально признать, что отряды сандинистов не «банды», а хорошо вооруженные с прекрасным знанием военного дела боевые соединения [46]. Нанося молниеносные удары по карателям из засад и не вступая с ними во фронтальное сражение, подвижные партизанские отряды передислоцировались в центральные районы страны.

Военные потери в Никарагуа дополнялись политическими издержками для правительства К. Кулиджа на международной арене и в самих США. В атмосфере осуждения американской интервенции в Никарагуа прошла 6-я конференция Панамериканского союза в Гаване. Представитель США М. Хьюз, оправдывая интервенцию, лицемерно заявил, что для американского правительства она «является необходимым принципом международного права» [47]. Во всем мире ширилось движение солидарности с никарагуанскими патриотами. Создавались «Комитеты помощи Сандино», общества «Руки прочь от Никарагуа». А. Барбюс назвал А. Сандино «генералом свободных людей». Со всех концов Латинской Америки прибывали бойцы-интернационалисты, вступавшие в ряды Армии защиты национального суверенитета, чтобы бороться против американского империализма. В США также действовали комитеты солидарности с борьбой Сандино. С требованиями прекращения интервенции выступил ряд сенаторов и конгрессменов от демократической партии. Рост симпатий и поддержки сандинистской борьбы со стороны самых широких слоев никарагуанского общества, и прежде всего со стороны трудящихся масс, неоднократно отмечался в донесениях нового американского посланника в Никарагуа Д. Манро [48].

27 февраля 1928 г. в местечке Эль-Брамадеро повстанцы уничтожили крупный патруль морской пехоты [49]. Взбешенные неудачами в борьбе против повстанцев, захватчики обрушили репрессии на гражданское население в районах действий партизан.

[43] *Sanchez M. A.* Nicaragua, año cero: La caida de la dinastia Somoza. México, 1979, p. 58
[44] *Kamman W.* Op. cit., p. 131.
[45] El Pensamiento vivo. . ., p. 107.
[46] *Selser G.* Op. cit., t. 1, p. 295.
[47] *Sanchez M. A.* Op. cit., p. 58.
[48] *Kamman W.* Op. cit., p. 134.
[49] *Ramirez S.* Op. cit., p. 34.

Это было время бурного развития авиации. Авиаторы всего мира «били» рекорды дальности, совершая сверхдальние перелеты, сближали континенты, народы и страны. В то же время правительство США использовало новейшие достижения авиации для того, чтобы уничтожать беззащитных никарагуанских крестьян. В результате интенсивных варварских бомбардировок за период с мая 1928 по май 1929 г. было уничтожено свыше 70 никарагуанских деревень и сел, погибли сотни людей [50]. Однако «лихие» американские «асы» побаивались совершать налеты на партизанские базы, так как сандинисты за короткий срок научились сбивать их. В свою очередь действовавшие на земле американские «носители мира», в образе морских пехотинцев, ничуть не уступали своим воздушным «коллегам» по ремеслу в зверствах и садизме, чинимых против никарагуанских крестьян. Они жгли, насиловали, убивали, уничтожали целые деревни. Весь мир обошла фотография, свидетельствующая о зверствах и варварстве американских захватчиков, на которой позировал «бравый» лейтенант морской пехоты США Пеннингтон, держа в окровавленных руках отрезанную голову никарагуанского крестьянина.

Несмотря на протесты международной общественности, внутри самих США, правительство К. Кулиджа продолжало эскалацию агрессии в Никарагуа. Туда направлялись новые контингенты морской пехоты, самолеты, строительная техника, которая предназначалась для строительства дороги от порта Коринто к Окоталю. По ней оккупанты намеревались перебрасывать войска и боеприпасы в районы, максимально приближенные к партизанским зонам. В марте—апреле 1928 г. сандинисты расширили территориальные рамки своих боевых действий, которые были перенесены в восточные и северо-восточные районы страны, где находились основные предприятия, принадлежавшие американским концессионерам. Они захватили и разрушили уже упоминавшийся рудник «Ла-Лус энд Лос-Анхелес». Очередные успехи повстанцев вызвали резкую критику в сенате и конгрессе США прямолинейной, рассчитанной только на использование военной силы политики правительства К. Кулиджа, которая оказалась неспособной обеспечить гарантии американской собственности в Никарагуа. В связи с этим Вашингтон вынужден был уделять большее внимание политическим методам «умиротворения» Никарагуа, направленным на достижение максимальной изоляции и дискредитации возглавляемого А. Сандино повстанческого движения как внутри страны, так и за рубежом. Госдепартамент США начал осуществлять широкую кампанию грубого нажима на латиноамериканские правительства с целью принудить последних запретить деятельность в этих странах комитетов солидарности и никарагуанскими патриотами. В августе 1928 г. оккупационные власти объявили о начале поэтапного вывода морской пехоты из боев с сандинистами и замены ее формированиями

[50] *Selser G.* Op cit t. 1, p 288

национальной гвардии, в рядах которой к этому времени насчитывалось около 2 тыс. солдат и офицеров [51]. Со временем эти «никарагуанские сипаи» должны были стать главной ударной силой американского империализма в Никарагуа.

В ноябре был разыгран фарс с «выборами» никарагуанского президента. Представителем «национальной» избирательной комиссии Вашингтон назначил генерала Ф. Маккойя. Американские пропагандистские органы разрекламировали этот фарс с «выборами» как выполнение США своей «благородной миссии по восстановлению демократического и конституционного правления в Никарагуа», президентом был избран Х. Монкада, получивший тем самым плату за предательство. На состоявшейся 27 ноября в порту Коринто встрече Х. Монкады и А. Диаса с президентом США Гувером было принято решение о максимальном сокращении морской пехоты в Никарагуа и замене ее национальной гвардией [52].

Демагогические заявления официальных американских лиц о «намерении» США вывести морских пехотинцев с никарагуанской территории, а также фарс с «выборами» породили иллюзии о скором прекращении интервенции. Это привело к ослаблению внутренней и международной поддержки повстанческой борьбы сандинистов.

К началу 1929 г. 6-тысячный корпус оккупантов смог частично блокировать партизан, установив контроль над основными стратегическими пунктами и коммуникациями. Повстанцам приходилось вести изнурительные бои в условиях нехватки вооружения, боеприпасов, медикаментов. Однако и в этих тяжелейших условиях не ослабла решимость сандинистов бороться до победы: В ответ на очередное предложение оккупантов начать переговоры о мире А. Сандино ответил, что «национальный суверенитет не обсуждается, а защищается с винтовкой в руках» [53].

Стремясь прорвать империалистическую блокаду, развеять иллюзии о скором прекращении американской интервенции в Никарагуа, заручиться моральной и материальной поддержкой в длительной борьбе против оккупантов, в мае 1929 г. А. Сандино выехал в Мексику, где находился в течение года. Однако правящие либерально-буржуазные круги Мексики, уступая грубому американскому нажиму, отказали в поддержке никарагуанским патриотам.

Разразившийся в 1929 г. мировой экономический кризис способствовал усилению антиимпериалистической демократической борьбы во всем мире, в том числе и в Никарагуа, где национально-освободительное движение приобрело всенародный характер. Попытки оккупантов подавить его с помощью репрессий против мирного населения, создания концентрационных лагерей не давали результатов. Более того, все новые силы присоединялись к повстанцам, чья вооруженная борьба резко активизировалась в середине 1930 г.

[51] *Millet R. L.* Op. cit., p. 78.
[52] *Selser G.* Op. cit., t. 2, p. 38.
[53] El pensamiento vivo. . ., p. 139.

с возвращением в страну А. Сандино. От тактики активной обороны они все чаще переходили в наступление против врага. Насчитывавшая в конце 1930 г. свыше 2 тыс. бойцов сандинистская армия в ходе смелых рейдов в западные районы страны уничтожила несколько отрядов интервентов. Ее успехи способствовали патриотическому подъему никарагуанского народа.

Морская пехота, на содержание которой в оккупированных Никарагуа, Доминиканской Республике и Гаити тратилось на 8,9 млн. долл. больше, чем при аналогичных расходах внутри США [54], не могла сдерживать нараставшее национально-освободительное движение. Продолжение интервенционистской политики в целом и интервенции в Никарагуа в частности вело к росту антиамериканских настроений, ослаблению экономических и политических позиций США в Латинской Америке, усилению их империалистического конкурента — Англии. Неудержимое наступление повстанцев в Никарагуа, рост антиинтервенционистских настроений в американском обществе, усиление критики правительства Г. Гувера вынудили последнее признать провал своей интервенционистской политики. В апреле 1931 г. Г. Стимсон, занимавший пост госсекретаря, заявил, что правительство США не может взять на себя обязательство гарантировать жизнь и собственность своих сограждан в Никарагуа [55].

Начиная с октября 1931 г. Армия защиты национального суверенитета, насчитывавшая уже свыше 6 тыс. бойцов, начала широкое наступление по всей территории Никарагуа. Против интервентов выступил весь никарагуанский народ. В стране заполыхало пламя общенациональной освободительной войны. Под ногами оккупантов горела земля. Один из «крестоносцев» американского империализма, капитан морской пехоты У. Гаспар писал своей матери в марте 1932 г.: «Уже 7 месяцев... как я попал в этот ад» [56]. Под ударами сандинистов начала разваливаться выпестованная американцами национальная гвардия. Дезертирство из нее приняло массовый характер, участились случаи восстаний гарнизонов национальной гвардии, убийств американских офицеров и перехода с оружием в руках на сторону сандинистов.

10 декабря 1931 г. президент Г. Гувер в послании конгрессу заявил о «твердом» решении американского правительства вывести морских пехотинцев из Никарагуа после проведения президентских выборов 1932 г. В апреле 1932 г. конгресс США принял поправку Робинсона о прекращении ассигнований на перевозку морских пехотинцев в эту страну [57].

Но, прежде чем покинуть Никарагуа, американские интервенты предприняли все необходимое, чтобы укрепить позиции своих сторонников. Национальная гвардия расширилась до 2,5 тыс. человек. Ее бюджет был увеличен на 1,1 млн. долл. Особое внимание уделялось

[54] *Dozer D. M.* Op. cit., p. 12.
[55] FR, 1931. Wash., 1946, vol. 3, p. 808.
[56] El Pensamiento vivo..., p. 239.
[57] Congressional Record, 72d Congr., 3d Ses. Wash., 1932, vol. 75, pt 12, p. 13153.

сформированию из офицеров национальной гвардии особой проамерикански настроенной касты. По настоянию американского посланника либералы и консерваторы заключили мир под видом «патриотического соглашения». Обе партии признали необходимость сохранения национальной гвардии после вывода морских пехотинцев США. На пост президента в качестве либеральной «ширмы» был «избран» Х. Сакаса, доказавший свою лояльность США, находясь на посту посла Никарагуа в Вашингтоне в течение предшествовавших 4 лет.

1 января 1933 г. американские оккупанты покинули никарагуанскую территорию. Основная заслуга в их изгнании принадлежала возглавляемой А. Сандино Армии защиты национального суверенитета, которая своей самоотверженной и героической борьбой заставила их убраться.

Хотя американская морская пехота покинула Никарагуа, борьба за подлинную независимость страны не была окончена. Американские компании и банки по-прежнему сохраняли свои господствующие позиции в никарагуанской экономике. У власти стояли тесно связанные с ними и неоднократно продававшие национальные интересы представители местной буржуазии и латифундистской олигархии. В стране действовала национальная гвардия, во главе которой был поставлен генерал А. Самоса, известный своими проамериканскими симпатиями и лакейской преданностью американцам, отмеченной в свое время Г. Стимсоном.

А. Сандино заключил 2 февраля 1933 г. мир с правительством Х. Сакасы, чтобы избежать развязывания гражданской войны, которая могла послужить поводом для начала очередной американской интервенции. Он стремился достичь консолидации всех патриотических сил и реорганизации национальной гвардии за счет включения в нее сандинистов. Чтобы не допустить этого, по указке американского посла 21 февраля 1934 г. А. Сандино был вероломно убит, когда прибыл на переговоры с Х. Сакасой в Манагуа.

Национальной гвардии удалось разгромить обезглавленное сандинистское революционно-демократическое движение. В стране была установлена проамериканская сомосовская военная диктатура.

Однако пророческие слова А. С. Сандино о том, что «пока Никарагуа имеет сыновей, которые ее любят, она будет свободной», сбылись. Молодое поколение никарагуанских патриотов — наследников А. С. Сандино свергло в июле 1979 г. кровавую диктатуру и покончило с американским господством в стране. Мужественный никарагуанский народ, верный заветам А. С. Сандино, строит новую, свободную от национального и социального гнета жизнь, отбивая яростные атаки американского империализма.

Система баз США в годы второй мировой войны

И. Б. ПОНОМАРЕВА, Н. А. СМИРНОВА

В стремлении США к мировому господству важнейшая роль отводилась созданию ими системы баз и объектов на зарубежных территориях. «Базовая стратегия» в арсенале великодержавной политики капитализма явление не новое. Важный импульс для США она получила в годы второй мировой войны.

Еще до начала этой войны Вашингтон приступил к определению практической роли Латинской Америки в назревающем мировом конфликте. В апреле 1938 г. начальник Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ), начальник оперативного управления ВМС и государственный секретарь США учредили Постоянный комитет по связи, который должен был оценить возможности вооруженных сил латиноамериканских стран и развернуть подготовку к созданию континентального военного союза. Стратегия США носила комплексный характер и ставила целью привлечение военного потенциала латиноамериканских государств для «совместной обороны», использование имевшихся на континенте морских и воздушных баз, достижение «политической стабильности», которая позволяла бы американским империалистам проводить здесь в жизнь разработанные ими экспансионистские планы.

Вашингтонская дипломатия была активно направлена на выполнение этих задач. На 8-й Межамериканской конференции в Лиме в декабре 1938 г. США пытались склонить латиноамериканские правительства к согласованным действиям. Однако США удалось добиться лишь совместной декларации о континентальной солидарности и выработать региональный консультативный механизм на случай военной угрозы. На Лимской конференции было создано Консультативное совещание министров иностранных дел американских республик, которое могло быть созвано по инициативе одной или нескольких стран. Планы США встретили сопротивление ряда государственных деятелей континента. После конференции в Лиме Аргентина и Бразилия выступили против попыток США заключить военные пакты с латиноамериканскими странами и заполучить в свое распоряжение базы на их территории. Военные круги многих государств региона проявляли несговорчивость, когда США поднимали вопрос об использовании или приобретении баз. В ответ на домогательства Вашингтона военные круги некоторых из этих стран требовали увеличения поставок оружия на льготных условиях. Так, при попытке США овладеть военно-морской базой в Уругвае правительство этой страны оказало сопротивление американскому давлению и только после того, как США пообещали заем в 5 млн. долл., согласилось передать базу в их распоряжение [1].

[1] *Beals C.* Pan America. Boston, 1940, p. 35.

Начало второй мировой войны создало на континенте выгодную для США ситуацию. Они начали интенсивную подготовку к развитию системы базирования. В сентябре 1939 г. было созвано Консультативное совещание министров иностранных дел американских республик в Панаме для выработки единой линии поведения и провозглашения политики нейтралитета в европейском военном конфликте. В принятой на этом совещании декларации было объявлено об установлении 300-мильной «нейтральной зоны» вокруг побережья всего континента (к югу от Канады). Эта зона была провозглашена «континентальным морем» и должна была патрулироваться судами и самолетами стран — участниц декларации. Одновременно США оговорили себе право использовать территорию латиноамериканских стран для строительства военно-морских и воздушных баз. На том же совещании было принято решение о созыве нового Консультативного совещания в случае, если возникнет угроза перехода латиноамериканского государства — колонии какого-либо неамериканского государства — к другому неамериканскому государству. Это решение создавало «юридическую основу» для экспансии США, которые давно старались прибрать к рукам европейские колонии в регионе.

Военная конъюнктура использовалась Соединенными Штатами для вытеснения конкурентов, установления господства на континенте и создания системы «коллективной обороны Западного полушария» под своим руководством. Первостепенное значение в этих стратегических планах отводилось налаживанию военных связей с государствами Латинской Америки. Еще в 1938 г. США начали насаждать в государствах континента военные миссии. В результате американского давления в 1940 г. все военные миссии стран «оси» на континенте были ликвидированы и заменены миссиями США [2]. Подготовка армейских кадров во многих латиноамериканских странах на протяжении десятилетий ориентировалась на европейскую военную школу. Поэтому частью американской программы явилось привлечение военных специалистов региона в военные академии США. Были также приняты меры, направленные на переориентацию военной подготовки в латиноамериканских странах.

Планы Вашингтона в отношении Западного полушария не являлись тайной ни для стран Латинской Америки, ни для союзников США. 6 июня 1940 г. американское информационное агентство распространило сообщение, в котором говорилось: «США разместят в стратегических пунктах Латинской Америки свои войска, которые будут сотрудничать с местными армиями... Соединенные Штаты будут располагать морскими и воздушными базами в Латинской Америке» [3]. Таким образом, война в Европе рассматривалась США как дополнительный стимул для реализации своей стратегической линии, а также активизации экспансии в Западном полушарии.

[2] Ibid., p. 432, 446.
[3] Ibid., p. 439.

Вопрос о базах становился ключевым для американской внешней политики.

Ухудшение военного положения Великобритании внесло, как известно, существенные изменения в отношения атлантических партнеров. В июне 1940 г. У. Черчилль запросил Ф. Рузвельта о возможности передачи Великобритании 50 эсминцев, необходимых для охраны английских транспортов. США пошли на оказание помощи англичанам. В обмен на устаревшие суда они получили восемь баз в британских владениях — на о-вах Бермудских, Багамских, Ямайка, Ньюфаундленд, Сент-Люсия, Тринидад, Антигуа и в Гвиане, — «сданных в аренду» США сроком на 99 лет [4]. Передача этих баз увеличила военно-морскую мощь Соединенных Штатов. Последовавшее за этим военное строительство США в Карибском бассейне вошло в историю американского флота как «стратегия опоясывания железным кольцом».

В июле 1940 г. в Гаване открылось 2-е Консультативное совещание министров иностранных дел. Была подписана декларация о взаимной помощи и сотрудничестве американских государств в целях совместной обороны, а также декларация о статусе европейских владений в Западном полушарии («Гаванский акт»), согласно которой всякое покушение на любое латиноамериканское государство должно было рассматриваться как акт агрессии против всех этих стран [5]. Пункт 4 «Гаванского акта» устанавливал, что всякая передача территории европейских колоний неамериканским государствам будет расцениваться как посягательство на суверенитет и безопасность всего континента.

2 ноября 1940 г. министерство обороны США разработало план секретных переговоров с Панамериканской авиакомпанией на предмет укрепления баз США в Латинской Америке. Предусматривалось строительство аэродромов, портовых сооружений, ремонтных мастерских, складских помещений и т. д. Система базирования распространялась на Мексику, Гватемалу, Гондурас, Никарагуа, Панаму, Пуэрто-Рико и др. В послании конгрессу от 27 марта 1941 г. президент Рузвельт подчеркнул, что международные события выдвигали «эти форпосты безопасности Западного полушария на передний план» [6]. Предметом особой заботы Вашингтона стало укрепление Панамского канала, стратегическое значение которого резко возросло. До 1939 г. он укреплялся в основном со стороны Атлантического океана. Теперь были приняты меры к укреплению всей зоны канала, в том числе и со стороны Тихого океана [7]. Важная роль отводилась Пуэрто-Рико, превращенному в стратегическую базу на подступах к Карибскому морю. На Виргинских о-вах была создана база (Сент-Томас) для

[4] Documents on American Foreign Relations (далее: DAFR). Boston, 1945, vol. 6, p. 601—602.
[5] Building the Navy's Bases in the World War II (далее: BNB). Wash., 1947, vol. 1, 2, vol. 1, p. 35.
[6] Ibid., vol. 2, p. 15.
[7] Ibid., p. 15—20.

подводных лодок, гидросамолетов и авиации берегового базирования. Большие работы велись на Кубе, где США принадлежала база в Гуантанамо, которая перед войной подверглась реконструкции [8]. Крупные работы по строительству, переоборудованию и укреплению военно-морских и авиационных баз развернулись в 1940 г. Несколько баз было сооружено в Гондурасе и Колумбии [9]. Консультативные совещания явились весьма эффективным средством создания военно-политического блока американских стран под эгидой США.

После нападения Японии на Пёрл-Харбор в Рио-де-Жанейро (январь 1942 г.) состоялось 3-е такое совещание. Одним из важнейших его решений было создание Межамериканского совета обороны из представителей военных министерств и генеральных штабов всех латиноамериканских государств. Деятельность совета в значительной мере способствовала установлению контроля США над армиями латиноамериканских стран и созданию военного блока государств Западного полушария под их эгидой. Совещание приняло резолюцию о присоединении всех стран-участниц к «Атлантической хартии», о мобилизации их экономических ресурсов и транспортных средств для военных нужд, а фактически для нужд военного производства США [10].

Вступив в войну, США высадили свои войска в голландских владениях, занятых в мае 1940 г. Францией и Англией. На Вашингтонской конференции «Аркадия» (декабрь 1941 г.) было решено, что США возьмут на себя задачу оборонять ранее находившиеся под защитой Англии о-ва Аруба и Кюрасао с расположенными там заводами по переработке венесуэльской нефти. При решении вопроса об оккупации этих островов немаловажную роль сыграли подозрения Вашингтона относительно дальнейших планов Великобритании в регионе. Впоследствии о-ва Аруба и Кюрасао были превращены в опорные пункты военно-морских и военно-воздушных сил США [11]. Захват германскими войсками Франции, Голландии и Дании был использован США для оккупации колоний этих европейских государств. США закрепились на территории вест-индских владений Франции в Карибском море. В апреле 1941 г. США оккупировали Гренландию, а в ноябре того же года (совместно с Бразилией) — Нидерландскую Гвиану [12].

Развитие системы американских баз в Западном полушарии продолжалось на протяжении всей войны. В мае 1942 г. США с согласия диктатора Батисты разместили на Кубе возле Сан-Антонио-де-лос-Баньос учебное бомбардировочное подразделение [13]. Большое внимание американские стратеги уделяли Бразилии, отношения с ко-

[8] *Картер У., Дюваль Э.* Незаметная служба. М., 1963, с. 36
[9] BNB, vol. 2, p. 42, 43.
[10] *Гвоздарев Б. И.* Эволюция и кризис межамериканской системы. М., 1963, с. 106.
[11] BNB, vol 1, p. 31, 56, 77.
[12] Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers (далее FRUS), 1942. Wash., 1960, vol. 2, p. 219, 224, 231, 233.
[13] Ibid Wash., 1966, vol. 6, p. 265.

торой налаживались с большим трудом. В январе 1941 г. США заключили договор об использовании бразильских баз, материальных и людских ресурсов этой страны. Затем в районе Ресифе была построена база бомбардировочной авиации. За период войны в Бразилии была развернута сеть американских военно-морских и воздушных баз, построено несколько десятков аэродромов, нефтезаводы, причалы и доки, казармы, складские помещения.

Создание американской системы базирования сопровождалось внедрением единой системы боевой подготовки войск, вооружений и тактико-стратегических установок латиноамериканских стран. В марте 1939 г. госдепартамент, военное и военно-морское ведомства США поддержали в конгрессе резолюцию о продаже оружия по доступным ценам в порядке оказания странам континента помощи в наращивании их морского и сухопутного военного потенциала. Палата представителей согласилась по существу снять ограничения, запрещавшие продажу оружия странам Латинской Америки. К началу 1942 г. по закону о ленд-лизе США обязались предоставить странам Латинской Америки военное снаряжение на сумму в 400 млн. долл.[14] Усиление латиноамериканских армий и рост влияния милитаристских кругов использовались Соединенными Штатами для укрепления своих позиций в этом регионе. И все-таки на первом плане было стремление США к расширению сети своих военных баз. Всего за период войны американские военно-морские и воздушные базы были созданы в 16 странах континента [15].

В американской стратегии важное место принадлежало вопросу о включении Канады в «систему безопасности» Западного полушария. Эта проблема была тесно связана с отношениями в «атлантическом треугольнике»: США — Канада — Великобритания. С началом военных действий в Европе попытки США вовлечь Канаду в орбиту своей стратегии активизировались. В августе 1940 г. в Огденсберге было заключено соглашение о создании Постоянного объединенного совета обороны двух стран. Он принял решение координировать действия их правительств по созданию резервов стратегического сырья, а затем вынес рекомендации об использовании Соединенными Штатами военно-экономического потенциала Канады. В соответствии с «Планом совместной обороны» была принята рекомендация о превращении Ньюфаундленда в американскую базу и предоставлении вооруженным силам США определенных льгот в Канаде. Еще до вступления США в войну этот план предусматривал использование ее территории американской авиацией. «Будущее развитие Канады, — заявил на заседании канадского военного комитета премьер-министр страны М. Кинг, — скорее всего пойдет в сторону ее североамериканского предначертания, нежели по пути ее традиционных связей с Европой» [16]. Когда обнаружилась неспособность метрополии обеспечить оборону Канады, процесс переориентации доминиона еще

[14] *Bemis S.* The Latin American Policy of the United States. N. Y., 1943, p. 304, 310—311.
[15] *Conn S., Fairchild B.* The Framework of Hemisphere Defence. Wash., 1960, p. 237.
[16] *Chamberlin W.* Canada Today and Tomorrow. Boston, 1943, p. 52—53.

более ускорился. Канада поставила вопрос о проведении переговоров начальников штабов вооруженных сил США и Канады, а также о создании военно воздушных баз в Вест-Индии и на о-ве Ньюфаундленд. Подключение Канады к американским стратегическим программам завершило возведение здания «континентальной системы» в соответствии с духом и буквой «доктрины Монро», продолжавшееся более столетия.

В сентябре 1940 г. агентство Рейтер сообщило, что объединенный комитет обороны США и Канады обсуждает на своем заседании в Вашингтоне вопрос обороны Исландии. Одновременно было объявлено, что правительство Англии и Канады считают необходимым усилить ее оборону. Зимой США начали зондаж на предмет высадки американских войск на этом острове. Весной 1941 г. правительство США начало оказывать давление на Великобританию с требованием передать Исландию в зону обороны Западного полушария. 24 июня английский посланник сообщил исландскому правительству, что британские войска необходимы в другом месте, и посоветовал просить защиты у США. Когда такая просьба последовала, 7 июля 1941 г. отряд американских кораблей прибыл в Рейкьявик [17]. Рузвельт запросил у конгресса согласие на строительство в Исландии системы крупных морских и воздушных баз, подчеркнув, «что угроза коммуникациям в Северной Атлантике будет значительно меньше, если США используют Исландию для передового базирования» [18]. 27 октября в обращении по случаю Дня флота президент заявил: «Наша армия и морской флот осуществляют в Исландии оборону Западного полушария» [19]. С октября 1941 г. на острове развернулось строительство береговых сооружений, коммуникаций, электростанций, нефтехранилищ, аэродромов, жилья и т. д. Наибольшего размаха эти работы достигли в 1943 г. и продолжались вплоть до 1944 г. Исландия явилась важнейшей базой для обеспечения конвоев из США в Европу. Гавань Рейкьявика служила перевалочным пунктом, куда ежемесячно заходило до 600 судов [20].

Объектом стратегического базирования США стала и Гренландия. После вторжения гитлеровцев в Данию (9 апреля 1940 г.) Рузвельт начал переговоры с датским королем Кристианом X о базах Гренландии. Госдепартамент не скупился на обещания сохранить статус этого острова в послевоенное время. 9 апреля 1941 г. было подписано соглашение о так называемой «обороне» Гренландии, согласно которому США приступили к сооружению баз в Нарсарсуаке и Грондале [21].

В 1941 г. правительству США стало известно, что в ставке Гитлера обсуждается вопрос о возможности вторжения в Западное полушарие через Южную Америку. США воспользовались этим и в начале

[17] *Бенедиктссон Г.* Исландия в борьбе за независимость, 1940—1945. М., 1958.
[18] The New York Times, 1941, July 11.
[19] BNB, vol. 2, p. 56.
[20] *Картер У., Дюваль Э.* Указ. соч., с. 52.
[21] DAFR, vol. 4. Boston, 1942, p. 445; *Картер У., Дюваль Э.* Указ. соч., с. 52—53.

1942 г. добились согласия Великобритании на сооружение американского военного аэродрома на о-вах Вознесения (британская колония близ западного побережья Африки). Вашингтон поставил перед Лондоном вопрос об использовании их в качестве промежуточной базы при перелете американских бомбардировщиков через Южную Атлантику на Ближний Восток. Английское правительство предоставило США все возможности для создания аэродрома и выразило готовность прийти к «разумному соглашению» по вопросу об его использовании после войны.

К объектам первостепенной важности в планах США относилась Либерия, которая к тому времени целиком находилась под контролем англичан. В январе 1942 г. госдепартамент поручил своему поверенному в делах в Либерии начать переговоры о «перспективных опорных пунктах для США». 31 марта 1942 г. было подписано соглашение, в соответствии с которым США получали право строить на территории Либерии различные военные объекты, причем все они передавались под их полную юрисдикцию. Они энергично вытесняли отсюда Великобританию. Англичане вынуждены были запрашивать у своего союзника разрешение на то, чтобы воспользоваться американскими воздушными базами. Госдепартамент инструктировал американского поверенного в делах 9 февраля 1943 г.: «Несмотря на наши разногласия с англичанами, нам следует иногда предоставлять им право пользоваться там нашими базами» [22]. Американское военное строительство в Либерии велось явно в расчете на закрепление США в этой стране. Госдепартамент поручил своему поверенному в делах в Либерии поставить ее правительство в известность, что американское сотрудничество с англичанами будет носить временный характер [23].

В связи с наступлением Роммеля в Африке особую актуальность приобрел вопрос о защите Египта. К концу 1941 г. сюда было направлено большое количество американского вооружения, а в 1941—1943 гг. на Египет и большинство стран Ближнего и Среднего Востока было распространено действие закона о ленд-лизе. В октябре 1941 г. были образованы две американские военные миссии в регионе: североафриканская — в Каире и иракская — в Багдаде. В их задачи входило инспектирование поставок по ленд-лизу, помощь в сооружении промышленных объектов, портов, коммуникаций и т. д.[24] Вопрос об обороне Ближнего и Среднего Востока обсуждался в ходе подготовки и во время проведения Атлантической конференции (9—12 августа 1941 г.). «Полного» доверия между союзниками достигнуто не было: борьба за английские колонии и передел сфер влияния стали причиной разногласий. Растущий интерес Вашингтона к Египту был связан с экспансионистской программой США в Средиземноморском бассейне, в которой Египту предназначалась роль важного опорного пункта.

[22] DAFR, vol 4, p. 699, 700, 702.
[23] FRUS, 1943 Wash , 1964, vol. 4, p. 702
[24] Ibid., vol. 2, p. 643, 644, 646.

С возникновением непосредственной угрозы Египту после разгрома британских войск в Ливии военная помощь США Великобритании возросла. Отправка американских бомбардировщиков в Египет положила начало формированию в этом районе авиасоединений США. В конце 1942 г. в Каире был создан штаб американских ВВС на Среднем Востоке. Инструктируя руководство госдепартамента и армии, Рузвельт указывал на опасные последствия возможного захвата фашистами Ближнего и Среднего Востока и уведомлял, что принято решение об «отправке воздушных и сухопутных сил к Персидскому заливу, в Сирию и Египет» [25]. В Египте начала создаваться система базирования, не только предназначенная для текущих военных потребностей, но и рассчитанная на послевоенное время. Египет привлекал внимание Вашингтона в числе прочих причин и тем, что стратегические базы на его территории давали США возможность контролировать морские коммуникации, ведущие как на Ближний, так и на Дальний Восток. Стремясь использовать ослабление позиций Великобритании, США в январе 1943 г. заключили с нею соглашение о пребывании американских войск на территории Египта, потребовав для себя такого правового режима, каким пользовались англичане. В переговорах о создании на территории Египта сети аэродромов Вашингтон активно использовал систему ленд-лиза [26].

Исключительное значение придавалось базам в районе Касабланки. Здесь были развернуты работы по строительству береговых сооружений, нефтебазы, радиолокационных станций, складских помещений, судоремонтного завода и пр. За сравнительно короткий срок были созданы мощные оперативные военно-морские и воздушные базы. Видное место в американских планах занимал порт Лиоте, который до американской оккупации использовался французами как постоянный опорный пункт на Атлантическом побережье. «Касабланка и входящие в систему базирования другие порты Марокко, — писала «Нью-Йорк таймс», — представляют интерес не только для военных, но и для гражданских коммерческих целей после войны» [27].

Американская стратегия отводила особую роль базам специального назначения в западной части Средиземного моря. США намеревались создать здесь собственный Гибралтар. В этой связи они проявляли интерес к Балеарским о-вам, портам Алжир, Оран и др. В Алжире была размещена штаб-квартира командующего морскими силами США в Северо-Западной Африке. Строительство крупной базы было осуществлено в Бизерте, где разместился штаб военно-морских сил союзных войск [28].

После высадки американских войск в Марокко госдепартамент стал изучать вопрос о возможности сооружения баз США на Азорских о-вах. В отчете госдепартаменту американский консул в Алжире

[25] FRUS, 1944. Wash., 1967, vol. 11, p. 679, 683, 695, 757.
[26] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс: Глазами очевидца. М., 1958, т. 2, с. 235—236.
[27] The New York Times, 1942, Dec. 29.
[28] BNB, vol. 2, p. 75—80.

сообщал, что «использование Азорских островов даст серьезные выгоды для стратегического базирования, рассчитанного на перспективу. Путь от Нью-Йорка к этим островам через Бермуды значительно сократит транспортные расходы и т. д.» [29]. В ходе переговоров США добились от Лиссабона необходимых им уступок и к декабрю 1943 г. уже располагали несколькими морскими и воздушными базами на Азорах. Посол США в Португалии в докладе Вашингтону в октябре 1944 г. настаивал на том, что «следует» еще шире использовать Азорские о-ва для стратегического базирования, поскольку они будут иметь важное значение в послевоенное время [30].

Оборона Ближнего и Среднего Востока являлась одной из острейших проблем стратегического планирования США и Великобритании в годы войны. Концентрация сил в этом регионе должна была предотвратить его захват фашистской коалицией.

Накануне войны позиции США на Ближнем и Среднем Востоке оставались еще сравнительно слабыми. Объем торговли всех стран Ближнего и Среднего Востока с Англией в 1939 г. составлял 8 млн. ф. ст., а с Соединенными Штатами — всего 1 млн.[31] США намного уступали Великобритании и по объему своих капиталовложений в этом районе. В 1941 г. военные позиции англичан здесь «в значительной степени зависели от американской военной помощи» [32]. Поэтому США стремились использовать военную мощь как средство постепенного вытеснения из стран Среднего и Ближнего Востока европейских держав, в первую очередь Великобритании. Американские правящие круги исходили при этом из того, что проникнуть в этот регион следует с помощью англичан.

Истинные цели стратегии США на Ближнем и Среднем Востоке проясняет письмо морского министра США Дж. Форрестола в госдепартамент от 11 декабря 1944 г. Министр предлагал экономно относиться к «национальным нефтяным ресурсам» и призывал всячески использовать «чужие источники», расположенные в странах Среднего и Ближнего Востока. «От того, сколько у нас нефти, какие у нас корабли и сколько их, какие базы и где они расположены, какие у нас соглашения и договоры с другими странами и народами, где и как расположены наши вооруженные силы, зависит степень влияния США на международной арене» [33]. В конце 1943 г. Пентагон принял решение построить военно-воздушную базу в Дахране (Саудовская Аравия). Сопротивление Великобритании, не без оснований усмотревшей в этом проекте посягательство на свои имперские интересы, было преодолено только в начале 1945 г. По условиям соглашения с правителем Саудовской Аравии Ибн Саудом США получили право пользования этой базой на срок до трех лет после окончания

[29] FRUS, 1943. Wash., 1964, vol. 2, p. 530—535
[30] DAFR, vol. 6, p. 165.
[31] *Reitzel W.* Mediterranian and its Role in American Foreign Policy. N. Y., 1948, p. 50—551.
[32] Foreign Trade of the US, 1945—1949. Wash., 1951, p. 40—45.
[33] DAFR, Boston, 1947, vol. 7, p. 669—670.

войны. База в Дахране превратилась в крупный американский опорный пункт на Среднем Востоке [34].

Большой интерес американская дипломатия проявляла и к странам Восточного Средиземноморья — Сирии и Ливану. После падения Франции борьба за влияние в этом районе обострилась. Великобритания пыталась насадить здесь проанглийские правительства. В июле 1941 г. госдепартамент дал указание американским дипломатам на Ближнем Востоке добиться от Англии и Франции признания «независимости» этих государств. 26 ноября 1943 г. госдепартамент выступил со специальным заявлением о том, что стратегическое положение Сирии и Ливана требует, чтобы США приняли меры по созданию там своих военных опорных пунктов [35].

В письме Рузвельту Дж. Форрестол отмечал также, что «госдепартамент должен подумать об использовании нефтяных богатств в Ираке, о защите же того, что мы завоюем, будет заботиться военно-морской флот США» [36]. В 1942 г. американские дипломаты информировали Вашингтон о необходимости распространения на Ирак системы ленд-лиза. Госдепартамент направил туда миссию для изыскания возможностей «оказания помощи». Ирак должен был предоставить в распоряжение США территорию для строительства промышленных и военных объектов [37].

Когда встал вопрос о распространении ленд-лиза на Турцию, государственный секретарь США Э. Стеттиниус, возглавлявший эту программу, предложил предъявить Анкаре ряд «конкретных военно-политических требований». Длительный и энергичный нажим США на турецкое правительство привел к тому, что оно согласилось предоставить территорию своей страны для строительства американских баз.

Одновременно Вашингтон предпринял дипломатическое давление в Испании с целью обеспечить себе плацдарм на ее территории. В марте 1943 г. американский посол в Испании сообщал в Вашингтон, что «Мадрид может предоставить территорию для строительства аэродромов и портов на условиях взаимовыгодной коммерческой сделки» [38]. После соответствующих переговоров США приступили к строительству в Испании объектов военного и промышленного назначения и по мере развития боевых действий в Европе наращивали свое присутствие в этой стране. За годы войны здесь было построено несколько крупных баз для США.

В июле 1943 г. американские войска заняли Сицилию, и США приступили к созданию баз в районе Палермо и Монделло. Таким образом, к концу войны США укрепились в странах Северной Африки, на Ближнем и Среднем Востоке и в районе Средиземноморья. Характеризуя созданную там систему базирования, американский

[34] FRUS, 1944. Wash., 1956, vol. 4, p. 73—75.
[35] FRUS, 1942. Wash., 1963, vol. 4, p. 343, 756.
[36] Department of State Bulletin, 1944, July 23, p. 92
[37] FRUS, 1944. Wash., 1965, vol. 3, p. 756—757.
[38] Ibid., p. 31.

военный специалист Дж. Веллер писал, что «каждая заморская база сама по себе включает элементы стратегии и политики, здесь трудно разграничить, где политика, а где стратегия» [39].В районе Средиземноморья США стремились использовать все возможности для расширения и усиления своего влияния.

Особое значение американский империализм придавал созданию системы базирования на Тихом океане. На решение этой задачи были направлены усилия всего внешнеполитического аппарата США. В ОКНШ, министерстве военно-морского флота практическая разработка этой проблемы началась в январе 1943 г. Командующий Тихоокеанским флотом адмирал Э. Кинг советовал учесть опыт Великобритании, которая задолго до второй мировой войны создала в различных районах мира свои опорные пункты и использовала их в военных целях [40]. 15 марта 1943 г. ОКНШ были выработаны рекомендации, суть которых сводилась к тому, чтобы развернуть «сеть военно-морских и воздушных баз к западу от Гавайских островов, которая бы включала в себя Филиппины и Бонин» [41]. Эти базы должны были обслуживать не только военные потребности США, но и стимулировать их послевоенную экспансию.

22 марта 1943 г. меморандум ОКНШ рекомендовал создать Объединенный комитет по оккупации и администрации, в задачи которого входила бы координация программ по содействию оккупационным властям со стороны армии и флота [42]. Военная администрация в районе тихоокеанских островов (Маршалловы, Каролинские, Марианские, Курильские и Пескадорские, а также Бонин и Тайвань) передавалась военно-морским силам, а в Японии, на Филиппинах и на континентальной территории Азии — армии [43]. ОКНШ рассматривал оккупацию тихоокеанских островов прежде всего с точки зрения создания на них цепи военных баз от Пёрл-Харбора до южных подступов к Японии. О-ва Мидуэй и Уэй должны были стать мостом к Азиатскому материку; Гуам — крепостью в океане. О-в Палау намечалось использовать как промежуточное звено между Гуамом и Филиппинами [44].

12 июня 1943 г. Рузвельт запросил в военно-морском министерстве данные о стратегическом значении островов юго-восточной части Тихого океана, на которых предполагалось разместить военно-воздушные базы США. Предметом особого интереса президента были французская Полинезия, о-ва Туамоту и Маркизские. Он считал, что эти территории имеют ключевое значение для контроля над южной частью Тихого океана. В ответе министерства, подписанном адмиралом А. Хёпберном, намечалась широкая программа военного строи-

[39] *Weller G.* Bases Overseas. Wash., 1944, p. 233.
[40] *King E.* A Naval Record. N. Y., 1952, p. 18.
[41] *Louis W.* Imperializm at Bay. Oxford, 1977, p. 264.
[42] *Richard D.* US Naval Administration of the Trust Territory of the Pacific Islands. Wash., 1957, p. 18.
[43] Ibid., p. 13—17, 20.
[44] *Louis W.* Op. cit., p. 262.

тельства. Речь шла о создании системы базирования, которая включала бы базы: «В Тихом океане а) в южном направлении, на островах типа Клиппертон и Галапагосских; б) в юго-западном направлении, для облегчения контактов с британскими доминионами (всего 11 групп островов, включая Маркизские, Самоа, Новые Гебриды и Соломоновы); в) в западном направлении для прямых контактов с Китаем, Индией, что предполагало создание баз на таких островах, как Маршалловы, Гилберта, Гуам, Тайвань, Батан и др.; в северо-западном направлении для облегчения контактов с СССР». Кроме того, предлагалось аннексировать все мандатные острова Японии [45].

К концу войны в США усилилась кампания за создание заморских баз как средства расширения сфер влияния и осуществления военно-стратегических интересов американского империализма. Выступая 13 января 1944 г. в конгрессе, морской министр США Ф. Нокс заявил: «Нам следует создавать стационарные базы, сейчас это для нас постоянная проблема; вопрос заморских баз и их укрепления входит в общую систему будущей стратегии» [46]. 9 марта 1944 г. в сенатской комиссии по иностранным делам Нокс отстаивал необходимость сохранения за США после войны Каролинских, Маршалловых и Марианских о-вов. «Никто в правительстве, — заявил он, — не возражает против мнения, что острова, необходимые для оборудования баз, должны быть переданы Соединенным Штатам — доминирующей морской и воздушной державе на Тихом океане» [47].

11 марта 1944 г. от имени ОКНШ адмирал У. Леги писал государственному секретарю по поводу оккупированных Японией островов в Тихом океане: «Японские подмандатные острова следует поставить под полный контроль США. Будущее этих островов не должно быть предметом каких-либо дискуссий» [48]. Летом 1944 г. ОКНШ в инструкциях американской делегации на конференции в Думбартон-Оксе вновь подчеркнул особую заинтересованность США в судьбе японских мандатных островов. Дж. Форрестол обратил внимание главы американской делегации Э. Стеттиниуса на военно-стратегическое значение тихоокеанских островов и на то, что вопрос о контроле других держав над этими островами не фигурировал в предстоящих международных переговорах [49].

В августе 1945 г. подкомитет правительственного комитета по военно-морским делам подготовил и представил конгрессу «исследование» относительно будущего тихоокеанских территорий. Этот документ содержал рекомендации, абсолютно игнорирующие интересы союзников США. Предлагалось: «1) установить доминирующий контроль над бывшими японскими подмандатными островами: Маршалловыми, Каролинскими, Марианскими. . . а также над японскими остро-

[45] Цит. по: Ibid.
[46] DAFR. Boston, 1945, vol 6, p. 411
[47] Congressional Record. 78th Congr., 2d Ses., HR 4254, p. 191, 194.
[48] FRUS, 1944. Wash., 1965, vol. 1, p. 1204.
[49] Ibid., p. 699—700.

вами Бонин и Рюкю; 2) закрепить права США в районах, где были созданы американские базы; 3) обеспечить полный контроль США над Манусом, Нумеа, Эспириту-Санто, Гуадалканалом и другими американскими опорными пунктами, расположенными в местах или на островах, которые являются подмандатными или объектом претензий для других наций, так как: а) эти нации не способны защищать указанные острова; б) эти базы связаны с США целью совместной обороны» [50].

В унисон с представителями военных кругов выступали и лидеры республиканской партии. К. Келлад заявлял: «Мы должны овладеть. . . теми пунктами, островами и базами, которые упрочат позиции США. Тихоокеанские острова в том количестве и в том расположении, которое нам необходимо, должны стать нашими. Тихий океан должен стать американским озером» [51]. Республиканцы упрекали правительство в бездействии и настойчиво предлагали оккупацию тихоокеанских островов. В этом вопросе к ним примыкали и некоторые демократы. В августе 1944 г. сенатор-демократ Маккелар внес проект резолюции, предлагавшей «приобрести все острова на Тихом океане, в том числе острова Тайвань и Рюкю» [52].

Государственный департамент в целом поддерживал военных. У. Буллит писал 17 декабря 1942 г. Рузвельту: «Мы должны захватить как можно больше, ибо каждый пригодный для сооружения аэродрома остров является в наши дни непотопляемым авианосцем» [53]. Ответственные сотрудники госдепартамента А. Берли и Б. Лонг подчеркивали, что Соединенным Штатам «нужно просто не отдавать Каролинские, Маршалловы и Марианские острова». Э. Стеттиниус в июле 1944 г. поддержал позицию Дж. Форрестола в отношении островов, которые, по его мнению, «на совершенно законных основаниях должны находиться во владении США». И даже осторожный советник президента У. Кой, которого Г. Стимсон называл «одним из ангелов-хранителей у трона Рузвельта», заявлял, что после войны США должны сохранить свои позиции в Полинезии, Меланезии, Микронезии и Индонезии» [54].

Вопрос о создании системы базирования рассматривался в госдепартаменте, в подкомитетах по безопасности и по территориям Консультативного комитета по внешней политике. Особый интерес в этой связи представляют решения подкомитета по территориям под председательством И. Боумена, в задачу которого входили изучение исторических, экономических и социальных процессов на территориях, которых могут коснуться различные международные соглашения, а также выработка рекомендаций относительно их после-

[50] Congressional Record. 79th Congr., vol. 91, p. 1010—1011.
[51] *Kellad C.* The Zones of Safety Plan, American War and Peace Aims. — The 17th Annual Debate Handbook 1943—1944, p. 201.
[52] The New York Times, 1944, Aug. 15.
[53] For The President. Personal and Secret: Correspondence between F. D. Roosevelt and W. Bullit. Boston, 1972, p. 574—575.
[54] *Thorne Ch.* Allies of a Kind. N. Y., 1978, p. 490.

военного устройства [55]. Решения подкомитетов исходили из того, что военный потенциал Японии должен быть уничтожен, а вокруг нее созданы американские военно-морские базы. Рекомендовалось построить их для самолетов с радиусом действия в 700 миль, что позволило бы осуществлять связь Сан-Франциско с Токио, Сингапуром и Сиднеем. Члены подкомитетов подчеркивали важность создания баз на о-вах Клиппертон, Маркизских и др., отмечая, что после войны США могут использовать их в коммерческих целях, в том числе и для вывоза минерального сырья из стран Юго-Восточной Азии.

Во время дебатов по проблемам базирования не упоминались ни Британская империя, ни какая-либо другая метрополия, претендующие на тихоокеанские острова [56]. Речь шла об американском контроле над Японией, а в широком смысле слова — над всем Дальним Востоком, для чего и проектировалось создание сети стратегических баз. Перспективными районами для создания опорных пунктов считались Корея, которую предполагали поставить под международную опеку, Тайвань, Филиппины. Предполагалось также восстановить позиции США в Гуаме и на Каролинских о-вах. При рассмотрении вопроса о стратегических базах совместного владения отмечалось, что США следует использовать экономическую помощь «европейским странам для создания международных баз в их колониях». Особое значение придавалось Маршалловым, Каролинским и Маркизским о-вам, которые благодаря своему стратегическому положению, по образному выражению советника госдепартамента по тихоокеанским островам Дж. Блексли, являлись «непотопляемыми авианосцами, контролирующими район Тихого океана между Гавайями и Филиппинами» [57].

Обосновавшись к концу войны на этих островах, американцы не собирались их кому-либо уступать. Как свидетельствует видный английский специалист по американским территориям в Тихом океане С. Помрой, «никто не сомневался, что США будут и в дальнейшем контролировать эти острова, вопрос был в том, каким образом будет осуществляться контроль» [58]. Для адмирала Э. Кинга эта проблема решалась просто: «Острова должны быть превращены в американские базы, поскольку США их завоевали» [59]. В госдепартаменте полагали, что следует действовать более осторожно, прикрываясь «международной опекой». Однако представители американских военных кругов при решении послевоенных территориальных вопросов вовсе не собирались руководствоваться принципами Атлантической хартии [60].

[55] Postwar Foreign Policy Preparations, 1939—1945. Wash., 1949, p. 103.
[56] *Pomeroy S.* Pacific Outpost. American Strategy in Guam and Micronesia. Standford, 1951, p. 38.
[57] *Louis W.* Op. cit., p. 85, 165.
[58] *Pomeroy S.* Op. cit., p. XIX.
[59] Ibid., p. 169
[60] *Louis W.* Op cit., p. 169.

Большое внимание уделяли США и Соломоновым о-вам. В октябре 1942 г. Рузвельт предложил создать на о-ве Гуадалканал ключевую военно-морскую и воздушную базу. В 1943 г. туда были переброшены инженерные батальоны, и вскоре остров превратился в важный стратегический плацдарм США в центральной части Тихого океана. Укреплялись также и мелкие острова (Тулаги, Руссель, Флорида), на которых были оборудованы опорные пункты ВМФ. Непосредственно к осуществлению системы базирования на Маршалловых, Гилберта, Каролинских и Марианских о-вах американцы смогли приступить лишь в конце войны, поскольку эти острова являлись подмандатными территориями Японии. Прежде всего строительство баз началось на о-вах Гилберта (Тараве, Макине и Арамаме) в силу их важного стратегического положения. После захвата в феврале 1944 г. Маршалловых о-вов США сразу же начали создавать там систему баз. На о-вах Рой и Нумур восстанавливались, расширялись и сооружались новые аэродромы, строились доки, ремонтные мастерские. Аналогичные сооружения появились на атолле Кваджалейн и о-вах группы Маджуро [61].

Осенью 1944 г. США захватили часть Каролинских о-вов (Трук, Палау, Ян, Улити и др.) и архипелаг Бисмарка. Сразу же после оккупации на Улити началось строительство аэродромов, стоянки для кораблей, оборудование военно-морской и воздушной баз [62]. Весной 1944 г. США оккупировали Новую Гвинею и прилегающие к ней острова, которые были также включены в систему американского базирования. Вашингтон считал, что вокруг Австралии следует создать не менее 10 надежных баз. «Мы собираемся установить монополию на базирование, она нужна нам для высоких стратегических целей» [63]. В августе 1944 г., после высадки американских войск на о-в Гуам, в Вашингтоне начали разрабатывать план строительства там стратегических военных объектов.

Таким образом, во время второй мировой войны США приступили к созданию военных баз на территории многих государств. После ее окончания в Вашингтоне был утвержден план, согласно которому ежегодные расходы на расширение системы базирования определялись в 400 млн. долл., предусматривалось приобретение новых баз, замена временных сооружений стационарными, переоборудование баз в зависимости от стратегической обстановки послевоенного времени. Созданные во время войны базы составили основу глобальной системы базирования, которую США активно развивали в последующие годы.

[61] BNB, vol. 2, p. 317—318, 320, 322.
[62] Ibid., p. 314.
[63] Ibid.

ЭКСПАНСИОНИСТСКАЯ ПОЛИТИКА США ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА США В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

♦

Экономическая экспансия США

А. З. АСТАПОВИЧ

Характеристика американского империализма невозможна без анализа экспорта капитала и развития международных монополий. Такой анализ позволяет выявить наиболее типичные черты внешнеэкономической экспансии США, дать наиболее точную оценку их места и роли в капиталистической системе мирового хозяйства. Именно вывоз капитала, тесно связанный с деятельностью крупнейших корпораций, служит основой американского экспансионизма в послевоенный период.

Значение экспорта капитала во внешней экспансии США непрерывно росло на протяжении XX столетия, а соответственно этому возрастала и их доля в общем объеме заграничных вложений. Перед первой мировой войной США занимали лишь четвертое место среди основных экспортеров капитала после Англии, Франции и Германии. Послевоенное ослабление западноевропейских стран, восстановление ими национального хозяйства, для которого требовались большие денежные ресурсы, сопровождалось усилением экономической мощи США. Выявились признаки перенакопления капитала внутри американской экономики, приведшего к увеличению его экспорта за границу. Однако эта тенденция была прервана сильнейшим экономическим кризисом 1929—1933 гг. Но уже к концу 30-х годов Соединенные Штаты не только сумели восстановить свои позиции, но и выйти на второе место в общем объеме заграничных капиталовложений, уступая лишь Англии. Перед второй мировой войной, в 1938 г., американские долгосрочные вложения составляли примерно 12 млрд. долл. из общих 53 млрд. долл., вложенных за границей всеми капиталистическими странами [1].

Вторая мировая война вновь нанесла огромный урон главным западноевропейским экспортерам капитала — и победителям и побежденным. США же, напротив, вышли из войны значительно уси-

[1] *Льюис К.* Страны-должники и страны-кредиторы. М., 1947, с. 74—77.

лившимися. Ключевое положение в международной валютной системе занял доллар. Резко возросший уровень концентрации капитала и производства, монополизации экономики привел к превращению США в страну, где «накопление капитала достигло гигантских размеров», где «капитализм „перезрел", и капиталу недостает... поприщ „прибыльного" помещения[2]». Это послужило главной предпосылкой значительного увеличения, несмотря на военные расходы, экспорта капитала за границу. Хотя в 1945 г. общая сумма заграничных вложений в текущих ценах сократилась до 51 млрд. долл., а реальное сокращение с учетом инфляции было еще большим, американские инвестиции выросли почти до 17 млрд. долл. США уже окончательно оттеснили Англию на второе место.

Особенности развития американского империализма наложили отпечаток и на характер его внешнеэкономической экспансии. Соединенные Штаты как нельзя лучше приспособились к послевоенным изменениям в мире. Сужение сферы империалистического господства привело к усилению их позиций по сравнению с другими ведущими капиталистическими державами. Капиталы и имущество, потерянные США в результате национализации их собственности в социалистических странах Европы и Азии и в бывших колониях, были несравненно меньше потерь Англии, Франции, Германии. Высокий уровень самообеспеченности сырьем, топливом и продовольствием, накопленный финансово-производственный и научно-технический потенциал открыли перед США возможность использования новых форм и направлений внешнеэкономической экспансии. В первую очередь это коснулось экспорта капитала.

Первостепенное значение приобрел вывоз из США функционирующего капитала, главным образом прямых инвестиций. Удельный вес прямых капиталовложений в общей сумме частных американских активов за границей вырос с 38 % в 1950 г. до 70 % в 1980 г.[3]

Превращение прямых инвестиций в доминирующую форму экспорта американского капитала не случайно. Они давали и дают монополиям возможность непосредственно контролировать деятельность зарубежных предприятий и фирм, — отсюда возможность подчинить американскому контролю крупную долю производства отдельных важных отраслей промышленности зарубежных стран.

Рост прямых инвестиций был прямо связан с переориентацией экспорта капитала США на индустриально развитые регионы капитализма. Резко усилившийся в послевоенный период процесс интернационализации капиталистического производства выразился в углублении международного разделения труда, в расширении наряду с торговыми производственных и научно-технических связей между капиталистическими государствами. Прямые инвестиции за границей позволили американским корпорациям повысить эффективность внедрения достижений науки и техники в производ-

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 359, 360.
[3] Survey of Current Business, 1954, N 11, p. 11; 1981, N 8, p. 32.

ство, открыли доступ к результатам научно-исследовательских работ других, в первую очередь западноевропейских стран.

Если частный американский капитал в послевоенные годы устремился в промышленно развитые государства, то в экспансии США в развивающиеся страны резко возросла роль государства. Это было связано прежде всего с изменением политического климата в бывших колониях, с резкой активизацией национально-освободительной борьбы. Доля государственных официальных средств в общей сумме финансовых поступлений США в освободившиеся государства выросла с 34,6 % в 1961 г. до 64,9 % в 1974 г.[4] Официальные поступления включали экспорт государственного капитала, займы и кредиты, военную и экономическую «помощь» в рамках специальных правительственных программ.

Для укрепления позиций американского империализма в условиях распада и крушения колониальной системы государство вынуждено было активизировать деятельность в области экспорта капитала. Возможность реализации общей стратегической цели правительство США видело в создании благоприятных политических и экономических условий для частных капиталовложений в развивающихся странах. Поэтому, направляясь в невыгодные и опасные для монополий районы мира, государственный капитал не выдвигал задачу получения высоких прибылей. Правительственные займы и кредиты предоставляются обычно на более льготных финансовых условиях, чем частные. Больше того, огромная по размерам «помощь» вообще предоставлялась на безвозмездной основе.

Однако, несмотря на все значение государственных ресурсов, самым характерным признаком и главным инструментом внешнеэкономической экспансии США начиная с 50-х годов являются прямые инвестиции, продиктованные двумя основными причинами: во-первых, превращением в первые послевоенные десятилетия промышленно развитых стран, и прежде всего Западной Европы, в решающую сферу американской экспансии; во-вторых, активным формированием в тот период транснациональных корпораций, развернувших борьбу за экономический передел мира именно на базе прямых капиталовложений за рубежом. Поэтому так важен анализ как позиций США в области прямого заграничного инвестирования, так и географической отраслевой структуры их капиталовложений за рубежом. Послевоенная экспансия Соединенных Штатов развертывалась в условиях научно-технической революции. НТР послужила тем мощным фактором, который обусловил и рост масштабов заграничного инвестирования, и постепенное изменение соотношений сил в этой области между ведущими монополиями и капиталистическими государствами.

Можно отметить прямую зависимость между ростом заграничных

[4] Подсчитано по: International Economic Report of the President Wash., 1976, Mar., p. 170.

вложений и уровнем, интенсивностью освоения достижений НТР. В 50—60-х годах Соединенные Штаты намного опередили Западную Европу и Японию по уровню производительности труда, развитию новейших отраслей промышленности (электроника, производство ЭВМ, авиакосмическая), разработке и внедрению передовой технологии и оборудования. США выступали не только как крупнейший экспортер капитала, но и как экспортер технологии, патентов и лицензий. В послевоенный период образовался и до конца 60-х годов возрастал технологический разрыв между США и Западной Европой. Прямые же капиталовложения всемерно способствовали закреплению этого разрыва, поскольку позволяли «сбрасывать» в страны Старого Света технологически устаревшие циклы производства, проталкивать на западноевропейский рынок морально обесцененные машины, оборудование и технологию.

В 70-х годах положение существенно изменилось. Прежде всего резко возросли масштабы проводимых в западноевропейских странах и Японии научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Немалую роль в этом сыграло государство, которое взяло на себя осуществление ряда важных направлений НИОКР, требующих больших затрат (атомная энергетика, электроника и др.), всемерно стимулировало деятельность монополий. В результате отставание конкурентов от США в научно-технической области, их зависимость сократились.

Однако не следует и преувеличивать падение роли США в качестве экспортера капитала. Несмотря на существенное сокращение их удельного веса в общем объеме прямых заграничных инвестиций, США по-прежнему намного опережают основных конкурентов по абсолютным размерам капиталовложений за границей. Они сохраняют лидирующее положение в передовых наукоемких отраслях, стремясь именно здесь увеличивать свое преимущество. США пытаются приспособиться к новой ситуации, усилить свои позиции путем изменения структуры капиталовложений за границей.

На третьем этапе общего кризиса капитализма произошли решающие сдвиги в географическом размещении американских инвестиций. Главным, как отмечалось, было превращение промышленно развитых стран, и в первую очередь Западной Европы, в важнейшую сферу приложения капитала США. В основе происшедших изменений лежал ряд причин, но коренное значение имели две: отрыв от капиталистической системы мирового хозяйства новых звеньев в результате окончательной гибели колониальной системы; крупные структурные сдвиги в экономике развитых стран в связи с развертыванием научно-технической революции.

Переориентация вложений на индустриальные государства преследовала прежде всего более полное освоение достижений научно-технического прогресса. Таким образом, американский империализм стремился укрепить свое положение в экономическом соревновании с социализмом. Располагая достаточно свободным доступом к источникам минерального сырья и топлива в освободившихся странах,

международные монополии США налаживали крупномасштабное производство в капиталистических государствах. Все они, за небольшим исключением (например, Швейцарии, Швеции), являлись и являются политическими союзниками США по военным блокам. Достаточной стабильностью характеризовалась социально-политическая обстановка в них в 50—60-х годах. Вместе с тем за общими цифрами, указывающими на географическую переориентацию американских капиталовложений, скрываются конкретные тенденции экспансии в тех или иных регионах капиталистического мира.

Активная экспансия американского капитала в Западную Европу в огромной степени была подготовлена «планом Маршалла». Двусторонние соглашения 15 западноевропейских стран с США специально предусматривали меры по поощрению частных американских инвестиций. В результате «программа восстановления Европы» обернулась программой по созданию благоприятного режима для деятельности американских монополий.

События 70-х годов, в первую очередь энергетический кризис и циклический кризис 1973—1975 гг., внесли существенные коррективы в географическую структуру американских инвестиций. Обращает на себя внимание замедление экспансии США в Западной Европе. Значительно упали темпы прироста прямых американских инвестиций в западноевропейских странах: с 14,5 % в 50-х годах и 14,2 % в 60-х до 12,9 % в 70-х годах.

В 50—60-х годах наряду с ухудшением политического климата важную роль в сокращении вложений в развивающихся странах сыграло падение значения минерального сырья в мировом производстве. Однако обострение энергетической и сырьевой проблем в 70-х годах вынудило капиталистические государства искать новые источники сырья и топлива, особенно дефицитных видов. Новыми их источниками для США становятся «белые доминионы» — Канада, Австралия, Новая Зеландия и ЮАР.

На рубеже 80-х годов определилось также повышение роли развивающихся стран в экспансии капитала США. Значительно сблизились ежегодные темпы прироста прямых инвестиций США в промышленно развитых и развивающихся государствах. Если в 50-е годы они составляли соответственно 13,1 и 6,1 %, в 60-е — 10,6 и 6,9 %, то в 70-е годы — уже 11,5 и 10,7 % [5]. В результате с 1976 г. впервые за послевоенный период стал возрастать удельный вес освободившихся стран в общем объеме заграничных инвестиций США. Однако в распределении американского капитала внутри этой группы стран произошли заметные сдвиги.

Наибольшие по абсолютным размерам вложения по-прежнему приходятся на Латинскую Америку, но антиамериканская направленность политики целого ряда латиноамериканских государств, активная национализация собственности монополий США привели к падению доли этого региона в американских вложениях.

[5] Survey of Current Business за соответствующие годы.

Значительные перемены имели место и в таком важном для США с точки зрения решения топливно-энергетической проблемы регионе, как Ближний и Средний Восток. Многие годы здесь бесконтрольно хозяйничал Международный нефтяной картель («семь сестер»), в который входили 5 ведущих американских монополий. США, имея доступ к дешевой и высококачественной нефти, пресекали любые попытки ближневосточных стран хоть как-то ограничить деятельность картеля. Тем более неожиданными и болезненными оказались для них действия ОПЕК, выразившиеся не только в резком повышении цены на нефть, но и национализации собственности «семи сестер».

Наряду с традиционными районами американской экспансии — Латинской Америкой и Ближним Востоком — объектом внимания крупного монополистического капитала США стали страны Африки, а также возрос интерес Вашингтона к Юго-Восточной Азии и Дальнему Востоку. Наиболее высоки в развивающемся мире и темпы прироста американских инвестиций в этом сравнительно новом и перспективном для них районе — 14,9 % в 70-х годах. Приток американского капитала в данный регион обусловлен комплексом факторов экономического и социально-политического характера: возросшим уровнем индустриализации и развития инфраструктуры, низкой стоимостью рабочей силы, возможностью ее использования на трудоемких операциях, отсутствием сильных профсоюзов, благоприятным политическим климатом.

Наряду с экспортом капитала за границу своеобразной формой экспансии американского империализма в 80-х годах стало «притягивание» иностранного капитала в США. Высокий уровень процентных ставок обеспечил приток из Западной Европы и Японии значительных финансовых средств. В 1981—1985 гг. они составляли примерно 500 млрд. долл. Благодаря этому резко повысился курс доллара, что способствует притоку капитала в США. Сохраняя в течение ряда лет высокую норму ссудного процента, Соединенные Штаты, несомненно, преследовали экспансионистские цели, выкачивая ресурсы из других стран ради расширения капиталовложений в собственную экономику, финансируя таким путем гонку вооружений и ослабляя конкурентов.

Резкое повышение роли вывоза капитала сопровождалось падением значения экспорта товаров во внешнеэкономической экспансии США. В конце 70-х годов стоимость продукции, производимой на зарубежных предприятиях корпораций США, почти в 5 раз превосходила объем американского экспорта, хотя еще в 1960 г. это превышение составляло 3,5 раза. Но дальнейшее втягивание США в международное разделение труда, усиление зависимости американской экономики от мирового рынка предопределили и важную роль товарного экспорта во внешнеэкономической экспансии. Экспортная квота США (отношение экспорта к ВВП) выросла весьма существенно — с 4,2 % в 1960 г. до 10,6 % в 1983 г. Удельный вес экспорта в производстве промышленной и сельскохозяйственной

продукции страны увеличился с 50-х до 80-х годов в 3 раза. Решающее воздействие на внешнюю торговлю оказала научно-техническая революция. Резкое усиление в послевоенный период специализации и кооперирования производства, повышение оптимального размера предприятий привели к тому, что на внешний рынок стали работать целые отрасли промышленности. Национальный рынок, даже такой крупный, как американский, уже не в состоянии поглотить бóльшую часть производимой продукции. Соединенные Штаты экспортируют за границу примерно 60 % нефтебурового оборудования, около 50 % продукции самолетостроения, 30 % — турбин и турбогенераторов, контрольно-измерительной аппаратуры, более 20 % — конторского оборудования и ЭВМ, насосов и компрессоров. Послевоенное развитие американского империализма, особенно с 60-х годов, наглядно подтверждает положение К. Маркса о том, что «крупная промышленность, оторванная от национальной почвы, зависит уже исключительно от мирового рынка, от международного обмена и международного разделения труда».[6]

Научно-техническая революция привела к появлению принципиально новых, наукоемких отраслей и товаров, отличающихся высокой технологической сложностью, высоким уровнем затрат на научные исследования и разработки. Именно в этих отраслях наиболее высокая экспортная квота, поскольку крупносерийное производство наукоемкой продукции может быть эффективно лишь при условии ее реализации на мировом рынке. Зависимость между освоением научно-технических достижений и товарным экспортом проявляется более резко, нежели зависимость в области вывоза капитала.

Доля США в мировом капиталистическом экспорте сократилась. Если сразу после войны в 1947 г. она составляла 33 %, то в 1980 г. упала до 12 %. В 1978 г. США даже уступили первое место ФРГ по общему объему экспорта. За последние десятилетия Соединенные Штаты потеряли монопольное положение на мировом рынке, и нигде больше падение их роли не было таким значительным, как в торговле.

Ослабление внешнеторговых позиций США вызвано в первую очередь снижением конкурентоспособности американских товаров и рядом причин, которые накапливались постепенно и проявились особенно ощутимо в 70-е годы. К их числу относятся уменьшение технического превосходства США, особенно в традиционных отраслях с несложной технологией, значительное замедление роста производительности труда и затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

Отражением ухудшения позиций США на мировом рынке стал и устойчивый дефицит торгового баланса. Не случайно проблема торгового дефицита возникла в 70-е годы, когда резко затормозилась внешнеторговая экспансия в целом. В 1971 г. Соединенные Штаты впервые с 1893 г. свели свой торговый баланс с дефицитом. В 70-х годах импорт рос быстрее экспорта, что привело к значительному

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 157.

увеличению пассива во внешней торговле США — с 2,3 млрд. долл. в 1971 г. до 140 млрд. долл. в 1985 г.[7]

Рост дефицита торгового баланса наряду с общим ослаблением роли США в мировой торговле отразил и изменение их положения на рынках разной продукции — они уступают конкурентам прежде всего на рынках традиционных отраслей промышленности. Вместе с тем позиции США по-прежнему достаточно сильны в наукоемких отраслях со значительным удельным весом затрат на НИОКР в стоимости продукции. В таких отраслях, как авиастроительная, производство ЭВМ и конторского оборудования, коммуникационной аппаратуры, этот показатель превышает 10 %. США сохраняют пока устойчивый актив в торговле наукоемкими товарами, который увеличился с 6,5 млрд. долл. в 1965 г. до 28,7 млрд. долл. в 1980 г. Дефицит же торгового баланса образуется как раз за счет торговли изделиями традиционных отраслей (сталь, автомобили, текстиль, одежда, обувь).

Однако нельзя не заметить, что обострение межимпериалистической борьбы в научно-технической сфере, подтягивание уровня главных конкурентов до уровня Соединенных Штатов постепенно ослабляет позиции последних даже в производстве наукоемких товаров. Об этом свидетельствует сохраняющееся отрицательное сальдо в торговле США с ФРГ и Японией, а также сокращение доли американской продукции в ряде важнейших отраслей.

Как и в вывозе капитала, в послевоенной географической структуре товарного экспорта США произошли серьезные изменения. Удельный вес индустриальных государств во внешнеторговой экспансии США возрастал до начала 70-х годов, достигнув почти 70 %, однако в течение седьмого десятилетия их доля начала медленно, но неуклонно падать. И хотя они по-прежнему преобладают в американском экспорте, сокращение произошло достаточно значительное — более чем на 10 %. С одной стороны, этот процесс отражает ухудшение условий сбыта американских товаров в результате падения их конкурентоспособности; с другой — появились объективные предпосылки для относительной переориентации экспорта США на развивающиеся страны, где усилился процесс индустриализации, возросла емкость рынка.

Решающую роль в американском экспорте играют частные компании. Из 250 тыс. производителей США только 25 тыс. являются экспортерами, и приблизительно 80 % вывозимых товаров сконцентрированы в руках 2 тыс. фирм [8]. Причем с расширением в послевоенный период внешнеэкономической деятельности корпораций в целом изменилась и система реализации ими своей продукции. Сейчас их внешнеторговый оборот состоит не только из вывозимых за границу товаров с территории США (экспорт в его традиционном

[7] Statistical Abstract of the United States, 1977. Wash., 1977, p. 865; Economic Report of the President, 1985. Wash., 1985, p. 209.
[8] Business Week, 1980, July 21, p. 92

значении), но и из операций по продаже зарубежных филиалов. И по мере интернационализации производства компаний, особо ускорившейся в 50-х годах, соотношение все больше менялось в пользу продаж подконтрольных фирм за границей, доля которых превышает 80 %. Сам по себе этот количественный сдвиг, имевший принципиальное значение в экспансии корпораций, породил весьма противоречивые последствия.

Таким образом, на примере ведущей капиталистической державы наглядно подтвердилось ленинское положение о том, что «вывоз капитала за границу становится средством поощрять вывоз товаров за границу» [9]. Расширение производства монополий во многих странах увеличило и объем продаваемой ими продукции, и географическую сферу ее реализации. В 1978 г. объем продукции, произведенной и реализованной заграничными филиалами, достиг 648 млрд. долл., причем более 90 % этой продукции продается непосредственно за границей и лишь 6—7 % поступает в США. Создание многочисленных предприятий за рубежом привело к росту торгового обмена внутри самих корпораций, к огромным поставкам товаров из материнских компаний в США на заграничные заводы. Прямой результат этого — увеличение масштаба внешнеторговой экспансии, которая уже не сводится лишь к непосредственному вывозу товаров из Соединенных Штатов.

Если основой экономической экспансии США в послевоенный период послужил вывоз капитала при сохранении заметной роли внешней торговли, то сам механизм экспансии, ее важнейшие формы и методы были созданы транснациональными корпорациями. В 50—60-х годах ведущие американские корпорации не только превосходили по мощи и экономическому потенциалу фирмы других стран, но и стали международными по характеру и масштабам хозяйственных операций. Ускоренный рост именно транснациональных корпораций и явился решающим средством укрепления позиций США в рамках послевоенной капиталистической системы. К числу ТНК принадлежат крупнейшие американские компании с оборотом 1 млрд. долл. и более. 180 ведущих корпораций насчитывали в 1950 г. 17 % общих продаж обрабатывающей промышленности США, в 1967 г. — 42 %, а в середине 70-х годов их доля выросла уже до 62 % [10]. На эти же корпораций приходится более 80 % прямых заграничных инвестиций США. Удельный вес 50 ведущих экспортеров в американском экспорте вырос с 1979 по 1983 г. с 20 до 30 %, а всего лишь 8 компаний концентрируют более 30 % всех расходов на научные исследования и разработки [11]. Рост международных масштабов деятельности и перенесение центра ее тяжести на область производства открыли перед американскими монополиями огромные возможности проникновения и закрепления в экономике многих стран.

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 363.
[10] *Vernon R.* Storm over the Multinationals. The Real Issues Cambridge, Mass., 1977, p. 13.
[11] Fortune, 1980, Sept. 22, p. 115, 1984 Aug. 6. p. 37.

Экспансию ТНК США можно разделить на два периода: 50—60-е годы — время становления и бурного роста транснациональных корпораций; и период с начала 70-х годов — характеризуется сдвигами в их стратегии, приспособлением к меняющимся политическим и экономическим условиям, новому соотношению сил в рамках капитализма. Формирование ТНК было связано прежде всего с промышленно развитыми государствами, которые стали на первом этапе основной сферой их экспансии.

Поистине гигантские масштабы производственной деятельности за рубежом, общая финансово-экономическая мощь позволили транснациональным корпорациям контролировать развитие ряда важнейших отраслей промышленно развитых стран. В этом залог, материальный базис экономической и военно-политической экспансии США, чьи ТНК подчинили влиянию автомобилестроение в Англии и Канаде; нефтепереработку — в ФРГ, Франции и Канаде; электротехнику и производство ЭВМ — в Англии, Франции, Италии; общее электромашиностроение — во Франции и Бельгии. Контроль проявляется в высокой доле американских ТНК как во внутренней, так и во внешней торговле зарубежных стран. Расширение их деятельности привело к тому, что они стали контролировать не только реализацию отдельных, пусть и важнейших товаров. (Регулирование рынка уже давно осуществлялось картелями.) Контроль же ТНК начинается на гораздо более ранней стадии, а потому его последствия более ощутимы и долговременны. Речь идет о контроле над сферой производства зарубежных стран, который осуществляется посредством внутрифирменного разделения труда.

Наглядный пример — перестройка деятельности фирмы АСЕК, которая была крупнейшей электромашиностроительной компанией Бельгии с полным циклом производства (от конструирования до выпуска, установки и обслуживания генераторов, турбин и котлов для мощных электростанций), приобретенной корпорацией «Вестингауз электрик». Американская корпорация «рационализировала» производство, распродав ряд неприбыльных для нее предприятий АСЕК и уволив «лишних» рабочих. После же установления контроля американского капитала заводы АСЕК превратились для бельгийского машиностроения в разрозненные цехи, не способные на выполнение самостоятельной производственной программы.

В той роли, которая отводится предприятиям в развивающихся странах, наглядно проявился неоколониалистский характер разделения труда в рамках ТНК. За филиалами в освободившихся государствах закреплена добыча сырья при очень незначительной его переработке, изготовление технологически несложной продукции. Подобное разделение труда было направлено на развитие в основном топливно-сырьевых отраслей в развивающемся мире, что существенно тормозило его индустриализацию. Тенденция к сосредоточению в молодых государствах лишь добычи сырья проявилась, в частности, в алюминиевой промышленности. Ведущие американские ТНК («Алкоа», «Кайзер» и «Рейнолдс») добывают в развивающихся стра-

нах более 60—70 % бокситов, но выплавляют здесь менее 10 % алюминия.

В условиях НТР контроль над производством тесно сопряжен с разработкой новой продукции, использованием новейших научно-технических достижений, внедрением передовой технологии. В этой области в 50—60-х годах американцы намного превзошли конкурентов и пытались усилить свои позиции, осуществляя «технологический колониализм» даже в отношении промышленно развитых стран. Всемерно способствовала этому сложившаяся в те годы практика ТНК передачи технологии за границу. Транснациональные корпорации после внедрения технологических новшеств в США передавали их сначала полностью принадлежащим им предприятиям, затем смешанным филиалам, и лишь потом уже порядком устаревшая технология поступала на открытый рынок. За границей же американские ТНК расходовали в середине 60-х годов менее 4 % всех своих затрат на НИОКР. Поскольку научно-техническая «колонизация» более всего была характерна для наукоемких отраслей (электронная, электротехническая, выпуск ЭВМ, приборов и инструментов, нефтехимическая), то тем самым тормозилось повышение и общего уровня развития экономики американских конкурентов, в первую очередь Западной Европы.

Решающее значение в механизме экспансии ТНК имела структура собственности заграничных филиалов. Не подлежит сомнению, что эффективность контроля монополий за деятельностью своих подразделений прямо зависит от доли в акционерном капитале зарубежных фирм. Поэтому стратегия американских ТНК была направлена на захват полного пакета акций филиалов за границей. В 50—60-х годах крупнейшие корпорации США более 2/3 дочерних фирм создавали со своим полным участием. В итоге в 1967 г. доля филиалов с полной собственностью составляла 64,9 %, при этом в развитых странах она равнялась 67 %, а в развивающихся — 60,6 % [12]. Наличие 100 %-ной собственности рассматривалось транснациональными корпорациями как важнейшее условие координации всех международных операций, проведения глобальной рационализации производства и единой научно-технической, финансовой и рыночной политики, распространения американской системы найма и занятости рабочей силы, практики непризнания профсоюзов. Все это в большой степени усиливало зависимость индустриальных государств от американского капитала и США в целом, способствовало повышению степени эксплуатации пролетариата за границей.

Стратегия американских ТНК в 50—60-х годах, в период их формирования и бурного роста, носила явно наступательный, агрессивный характер. Их экспансия и методы экономического передела мира, принципиально отличавшиеся от методов прежних монополий, послужили решающим фактором экономического превосходства США над конкурентами, их гегемонами в мировой экономике и политике капитализма.

[12] *Vernon R.* Sovereignty at Bay. L., 1971, p. 141.

Однако в 70-х годах картина экспансионизма ТНК выглядела уже по-иному. Усиление неравномерности экономического и политического развития капитализма привело к ослаблению позиций США на международной арене, — и наглядным проявлением этого послужили сдвиги в стратегии ТНК.

В 1967 г. вышла книга «Американский вызов» [13] известного французского политического деятеля и журналиста Ж.-Ж. Серван-Шрейбера, произведшая тогда настоящую сенсацию. В ней отразилась типичная реакция буржуазного интеллигента, пытавшегося за сенсационными прогнозами скрыть свою растерянность перед неудержимой экспансией США. «Не Европа, а американская промышленность в Европе через 15 лет может стать третьей промышленной державой»; «„Общий рынок“ все более превращается в новый Дальний Запад американской промышленности» — вот яркие образчики рассуждений Серван-Шрейбера. Все это казалось французскому политику-«атлантисту» неожиданным, он не находил в этом закономерности и видел возможность усиления Западной Европы только в союзе с США, в дальнейшем поощрении их экспансии.

События опровергли прогнозы, сделанные некогда Серван-Шрейбером и многими другими «американскими европейцами». На рубеже 70—80-х годов валовой национальный продукт западноевропейских стран в 7 с лишним раз превосходил объем продаж размещенных здесь филиалов американских монополий. Западная Европа по истечении 15 лет не превратилась ни в промышленную, ни в технологическую «колонию» США. Напротив, она сама перешла в наступление, что выглядит вполне закономерным, если учесть неравномерное скачкообразное развитие монополистического капитализма. ТНК стали типичным явлением в экспансии как западноевропейских, так и ведущих японских, канадских фирм. Все они используют интернационализацию производства как средство повышения прибыли, укрепления конкурентоспособности. Нередко иностранные конкуренты стали опережать США в освоении новой технологии, производстве продукции, пользующейся повышенным спросом, в современных средствах освоения рынка.

Не случайно транснациональные корпорации США в 70-е годы стали на путь частичного изъятия вложенного капитала и ликвидации предприятий за рубежом. Деинвестирование свидетельствует о попытках ТНК приспособиться к новым условиям конкурентной борьбы, перегруппировать свои силы, изменяя структуру инвестиций за рубежом, в первую очередь в Западной Европе. Перегруппировка усиливает общую тенденцию к концентрации капитала ТНК в передовых наукоемких отраслях. Именно здесь американцы пока сохраняют заметное преимущество над конкурентами и стремятся укрепить его еще больше.

Сдвиги в стратегии ТНК способствуют достижению одной из главных ныне целей американского империализма — укреплению его

[13] *Servan-Schreiber J.-J.* Le défi américain. P., 1967.

научно-технического лидерства, новому увеличению технологического разрыва с конкурентами, сократившегося в последние годы. Растущую роль играет научно-техническая политика международных монополий, пути и средства освоения ими достижений научно-технической революции.

Транснациональные корпорации, стремясь обеспечить американскому империализму превосходство над конкурентами, активно переносят НИОКР в европейские центры и лаборатории. Они переходят от приспособления товаров к условиям местного рынка и технических услуг к разработке совместно с материнскими фирмами новых типов и моделей продукции. Доля расходов на НИОКР за границей возросла до 12 %. Научные центры ТНК размещены в ведущих странах — ФРГ, Англии, Франции, Швейцарии, а основная производственная сфера из создания — выпуск ЭВМ, электроника, электротехника, фармацевтика. Характерно, что чем больше монополия ориентирует свою деятельность на мировой, а не узконациональный рынок, тем шире ее заграничные лаборатории вовлечены в создание новой продукции. Таким путем происходит повышение эффективности НИОКР, обеспечивается приток новых идей и достижений за границей. Однако активная научно-исследовательская деятельность местных подразделений вовсе не означает, что зарубежные страны получают доступ к достижениям заокеанских партнеров.

Научно-техническая политика американских ТНК направлена на монополизацию последних достижений науки и техники. С одной стороны, крупнейшие корпорации США по-прежнему продают независимым от них компаниям только устаревшую технологию, с другой — усиливают «утечку умов» из других государств, переманивая в свои научные центры все большее число ученых и инженеров, выпускников ведущих университетов, привлекая научно-технический потенциал помещенных за границей компаний. В случае приобретения зарубежных фирм американцы меняют содержание научных исследований и разработок, переводят их на использование иностранной технологии. В число таких фирм могут попадать даже фирмы, в которых американские ТНК не располагают большинством акций и непосредственным контролем.

Наглядным примером служит деятельность компании «КЭЭ-Хониуэлл-Бюлль», образовавшейся в 1976 г. в результате слияния французской фирмы «Компани энтернасьональ пур л'энформатик» и «Машин-бюлль» — филиала американского концерна «Хониуэлл». В новой компании американцам принадлежит только 47 % акций. Но, несмотря на отсутствие управленческого контроля у «Хониуэлл», ее представители составляют большинство технического совета новой компании. Последний определяет техническую политику смешанной фирмы. Благодаря этому американцы в обмен на предоставление технологии добились проведения угодной им рыночной политики. В итоге формально контролируемая французским капиталом компания продает все ЭВМ, выпускаемые американской монополией.

В 1980 г. новые крупные компьютеры «Хониуэлл» даже вытеснили с рынка модель, производимую во Франции [14].

Немалые изменения произошли в экспансии ТНК в развивающихся странах. Важнейшим их фактором стал рост национально-освободительного движения, борьба за укрепление экономической независимости. В этих странах вводится контроль над инвестициями западных монополий, ограничиваются сферы их деятельности. Многие страны Азии, Африки и Латинской Америки в целях усиления своих позиций на мировом рынке допускают деятельность монополий только при условии, что производимая на их предприятиях продукция будет экспортироваться. Дополнительным стимулом к ограничению доли империалистических компаний в доходах от эксплуатации природных ресурсов послужили успешные меры ОПЕК по контролю над нефтедобычей стран-участниц. Кроме того, развивающиеся государства решительно используют такую меру, как полная или частичная национализация иностранной собственности. Характерно, что в 70-х годах основным объектом национализации стала собственность американского капитала. В большей степени она затрагивает компании, занятые производством минерального и сельскохозяйственного сырья, нефтедобычей. В результате сокращается инвестиционная активность ТНК в добыче сырья развивающегося мира. Происходит отмечавшаяся выше передислокация американского капитала в топливно-сырьевые отрасли ряда индустриальных стран.

Одновременно в 70-е годы транснациональные корпорации расширили производство продукции обрабатывающей промышленности в развивающихся странах. Совершенствуя внутрифирменное разделение труда, американские ТНК используют дешевую рабочую силу освободившихся государств, размещая в них отдельные звенья и операции автомобилестроения и сельскохозяйственного машиностроения, электротехники и электроники. Однако развивающиеся страны мало что получают от этого, поскольку ТНК не связаны с местной экономикой и вся их продукция поступает в США.

Развивающиеся страны исключаются и из программ научно-технического развития транснациональных корпораций. Доля освободившихся государств в общих затратах монополий США на научные исследования и разработки за границей ничтожно мала — всего 3,5 %. Несмотря на расширение притока технологии, она поставляется на очень жестких условиях — высокий уровень платежей, множество оговорок и ограничений на ее использование. В большинстве случаев предоставляемая ТНК технология или весьма устаревшая, или слишком сложная, не отвечающая потребностям молодых государств.

Наконец, в нынешней практике крупнейших корпораций США вместо отжившего концессионного режима используются такие

[14] *Baranson J.* Technology and the Multinationals. Lexington Books, Mass., 1978, p. 87—89; France nouvelle, 1980. 19—25 janv.

формы экспансии, как совместные компании, лицензионные и управленческие контракты, контракты по обслуживанию, соглашения о маркетинге. Они не связаны с крупными вложениями капитала, а значит, и не сопряжены с риском значительных потерь. Удельный вес филиалов со смешанным капиталом в развивающихся странах увеличился у 180 ТНК до 46,4 % в середине 70-х годов [15]. Хотя транснациональные корпорации и вынуждены идти на сокращение своей доли в акционерном капитале, им удается сохранить техническое, управленческое и финансовое влияние на руководство смешанной фирмы, навязать свою систему голосования. Молодые государства активно идут на договорные формы отношений с ТНК, вообще не предусматривающие общего владения.

Новые формы экспансии ТНК направлены не только на сохранение позиций монополистического капитала США в развивающемся мире, но и на укрепление в нем позиций крупной национальной буржуазии, которая зачастую в вопросах внешней политики, в усилении реакции в самих развивающихся странах находится под влиянием ТНК.

Транснациональные корпорации составляют стержень послевоенного экспансионизма США. По мере увеличения мощи и возможностей ТНК росла и их роль во внешнеэкономической и политической стратегии американского империализма. Здесь уже речь идет о соотношении общих доктрин, концепций внешней экспансии с деятельностью ведущих американских монополий, воплощающих доктрины в жизнь.

Послевоенная внешнеэкономическая политика, явившаяся составной частью общего курса американского империализма на международной арене, прошла разные периоды. Первый из них охватывает вторую половину 40-х—50-е годы. Это было время огромных социально-политических сдвигов во всем мире — образования и укрепления мировой социалистической системы, распада и окончательного крушения колониальной системы. Развернувшееся в годы войны антифашистское движение, в котором приняли участие широкие слои населения, привело к демократизации общественной жизни стран Западной Европы. Война способствовала значительному подрыву устоев капитализма на европейском континенте. Во Франции, и Италии появилась реальная перспектива прихода к власти левых сил, что могло решающим образом изменить всю обстановку в тогдашней Европе.

Усилившиеся и разбогатевшие в годы войны Соединенные Штаты имели дело с экономически ослабленной, обескровленной и разобщенной Западной Европой, что существенно укрепило их собственные позиции. У США открылась возможность оказания прямого давления и на союзников, и на бывших противников. Однако разобщенность западноевропейских стран, облегчая американцам политический диктат, создавала серьезные трудности для наращива-

[15] *Vernon R.* Storm over the Multinationals, p. 34.

ния экономической экспансии. Поэтому главной задачей внешнеэкономической политики США в послевоенные годы стало укрепление сотрудничества между государствами Западной Европы. Очевидно, что речь шла не только об экономическом, но и политическом сотрудничестве в целях «спасения от коммунизма». Решающую роль сыграл «план Маршалла».

Официально провозглашенный как «программа восстановления Европы» за счет американской помощи, этот план преследовал цель восстановления позиций капитализма, противодействия прогрессивным социальным изменениям в мире.

Дж. Маршалл как глава внешнеполитического ведомства без обиняков дал понять союзникам, что «помощь отвечает интересам США, и они будут настаивать на реализации своей программы» [16]. Таким образом, уже тогда проявилось стремление США к диктату и гегемонии в капиталистическом мире. Отражением этого стали навязанные западноевропейским странам в обмен на американскую помощь обязательства развивать свободное предпринимательство, сотрудничать в снижении таможенных тарифов, поставлять в США некоторые дефицитные материалы, поощрять частные американские вложения.

Наконец, «план Маршалла» был направлен на объединение Западной Европы под руководством США и реализовывался в рамках специально созданного объединения западноевропейских стран. В итоге помощь США, официально прекращенная в декабре 1951 г., стимулировала создание международной Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), позже Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В рамках этой организации, равно как и в созданных ранее Международном валютном фонде (МВФ) и Генеральном соглашении по тарифам и торговле (ГАТТ), США стремились к гегемонии, навязывая партнерам выгодные для себя условия регулирования экономических отношений.

Главным инструментом внешнеэкономической стратегии США в отношении развивающегося мира стали в 50-х и отчасти 60-х годах программы «помощи». Они носили очень дифференцированный и избирательный характер. С одной стороны, «помощь» оказывалась прежде всего «дружественным» странам, в число которых входили государства с реакционными диктаторскими режимами (ряд латиноамериканских стран, Южная Корея и Южный Вьетнам) и проамериканским курсом (Иран в период правления шаха, Тайвань, страны Юго-Восточной Азии). С другой — «помощь» служила средством давления на неугодные государства, и в случае определенной радикализации их политики они ее лишались.

Экономическая «помощь» была тесно связана с военно-политическими планами американского империализма, т. е. с огромной военной «помощью», которая способствовала втягиванию молодых независимых стран в военные блоки, размещению на их территории

[16] Цит. по: Science, Technology, and American Diplomacy: 2 vol. Wash., 1977, vol. 1, p. 145.

военных баз. Наконец, предоставление безвозмездной «помощи» сопровождалось рядом условий, предполагавших проталкивание американских товаров на рынки освободившихся стран. Так, в 1945—1968 гг. на закупки ими соответствующих товаров в США было израсходовано 65 % из 95 млрд. долл. экономической «помощи» и 60 % из 39 млрд. долл. военной «помощи» [17].

Реально программы «помощи» не вели к улучшению экономического положения бывших колоний и полуколоний. Сохранялось их подчиненное, зависимое положение в капиталистической системе мирового хозяйства. Они по-прежнему являлись источниками минерального сырья и топлива, производителями сельскохозяйственной продукции. А поскольку главные экономические рычаги, в том числе и механизм образования мировых цен, находились под контролем США и других империалистических держав, то отсталость освободившихся стран все более возрастала. Серьезным препятствием на пути их равноправного развития служили так называемые «ножницы цен»: промышленные товары индустриальных государств продавались по монопольно-высоким ценам, а топливно-сырьевые и продовольственные товары развивающегося мира — по монопольно-низким. Освободившиеся страны продолжали выполнять функцию аграрно-сырьевых придатков империализма.

60-е годы были в определенном смысле переходным периодом в послевоенной внешнеэкономической стратегии США. Если прежде Соединенные Штаты, используя экономическое превосходство, роль в военной системе НАТО, могли диктовать и навязывать условия партнерам, то в тот период прочность такой позиции начала постепенно ослабевать. Шестое десятилетие текущего века стало для США временем обострения их внутри- и внешнеэкономических проблем. К середине 60-х годов возник дефицит торгового, а затем и платежного баланса, который, постоянно возрастая, стал хроническим. Ослабели позиции доллара. Наряду с этим все активнее становилось участие в международной торговле американских партнеров. В результате усилилась либерализация торговли капиталистических стран, начались переговоры в рамках «раунда Кеннеди».

Постепенное ослабление значения роли США привело к появлению новых концепций в их политике, причем как в отношении промышленно развитых, так и развивающихся стран. Авторы концепций призывали учесть изменившиеся реалии в мире, отказаться от устаревших средств и методов экспансии. Дальнейшее развитие теоретические постулаты и практика экспансии в сторону их изме́нений получили в 70-х годах.

В целом сформировавшийся в 70-е годы подход США к своей роли в мире можно охарактеризовать как стратегию приспособления. Политические лидеры Соединенных Штатов были вынуждены признать, что американская гегемония более не возможна за счет прямого диктата и игнорирования интересов союзников. Тенденции

[17] Соединенные Штаты Америки. М., 1972, с. 352—353.

к приспосабливанию проявились и в деятельности ТНК. Вместе с тем события 70-х годов показали, что отказаться целиком от гегемонистского курса США не хотят, но средством его реализации был избран путь партнерства, координации американской политики с действиями союзников.

В 70-х же годах в США зародилась и получила развитие концепция трехстороннего сотрудничества центров современного капитализма — Соединенных Штатов, Западной Европы и Японии. Основанием для появления этой концепции послужила стремительная интернационализация хозяйственной жизни капитализма, главным двигателем которой выступили транснациональные корпорации. Их деятельность способствовала невиданному ранее экономическому сближению буржуазных стран, усилению взаимосвязей между ними. При этом особо обнаружились противоречия между критериями прибыльности глобальной экспансии ТНК и национальными интересами, суверенитетом отдельных государств над собственными ресурсами. Нарушение крупнейшими, и прежде всего американскими, монополиями национального суверенитета и неспособность, а зачастую просто бессилие государства противостоять этому все чаще порождали остроконфликтные ситуации.

Буржуазные ученые и политики видят источник возникших конфликтов в несоответствии транснациональных корпораций сложившейся международной системе отдельных государств. Бывший помощник президента США З. Бжезинский прямо заявляет, что «концепция национальных интересов» устарела и должна уступить место общей внешней и внутренней политике капиталистических стран. Инициатором этого процесса должен стать трехсторонний блок, или трехсторонняя комиссия, главным идеологом которой и выступил сам З. Бжезинский.

Трехстороннее партнерство призвано придать некую стабильность развитию мировой системы капитализма и закрепить лидирующее положение США в условиях изменившегося соотношения сил. В налаживании сотрудничества с Западной Европой и Японией Соединенные Штаты видят сейчас возможность обеспечить себе доминирующие позиции в «треугольнике». Характерно, что в одном из первых документов трехсторонней комиссии, «Реформе международных организаций», подчеркивалось, что Америка должна играть главную роль в управлении международной системой. Под «Америкой» недвусмысленно подразумевались прежде всего транснациональные корпорации, что отнюдь не случайно.

ТНК стали важным орудием внешней политики, с ними все больше связывается экономическая мощь США. Вполне закономерно, что и идея «трехсторонности», и трехсторонняя комиссия возникли в недрах ориентированного на внешнюю экспансию крупного бизнеса и обслуживающих его представителей политического и научного мира. Об этом свидетельствует состав трехсторонней комиссии, он подбирался лично Д. Рокфеллером — инициатором ее создания. В комиссию вошли руководители таких ведущих транснациональных корпораций и банков США, как «Экссон», ИБМ, «Дженерал элек-

трик», «Тексако», «Катерпиллер», «Бэнк оф Америка», «Чейз Манхэттн», «Леман бразерс» и ряда др. Таким образом, стремление США отстоять свою гегемонию в капиталистическом мире путем развития трехсторонних отношений было подкреплено прямым участием монополий в выработке общей империалистической стратегии, касающейся прежде всего решения острейших проблем капиталистического мира — инфляции, безработицы, валютных отношений.

Отражением стратегии трехстороннего сотрудничества стали ежегодные встречи семи ведущих капиталистических стран — США, Японии, ФРГ, Англии, Франции, Италии и Канады. На этих встречах обсуждаются состояние и перспективы развития экономики; энергетические проблемы; международная торговля; пути стабилизации валютной системы; отношения промышленно развитых государств с развивающимися. В ходе встреч «семерки», пожалуй, наиболее ярко обнаружились изменения в положении США и их подходе к экспансии.

С одной стороны, американцы вынуждены уступить партнерам по ряду вопросов. С другой — они пытаются проводить политику, которая прежде всего отвечает американским интересам, даже если это встречает отчаянное сопротивление. Именно США выступили инициатором нынешнего усиления протекционизма во внешней торговле, а попытки партнеров, в первую очередь Японии, добиться снижения тарифов на свой экспорт в США не увенчались успехом, как не увенчались успехом требования союзников, чтобы Вашингтон отказался от высоких процентных ставок, которые поддерживают завышенный курс доллара в ущерб другим западным валютам.

Внешнеэкономическая политика правительства Р. Рейгана стала наглядным свидетельством роста американского экспансионизма. Она отразила стремление США, опираясь на военную гегемонию, вновь добиться превосходства в капиталистическом мире, ущемить интересы других западных стран: многие меры принимались и принимаются Вашингтоном в одностороннем порядке, без согласования с союзниками. Недавнее стремление к партнерству все чаще уступает дорогу прямому диктату. Такой курс вызывает усиление межимпериалистических противоречий, что и проявилось на последних встречах «семерки» [18].

Важную роль в утверждении американской гегемонии играют транснациональные корпорации, осуществляющие давление на зарубежные государства, на их внутреннюю и внешнюю политику. Особенно наглядно это проявляется в Италии. Менеджеры американских корпораций неоднократно заявляли, что политическая нестабильность в этой стране, растущая волна терроризма, социальная напряженность вынуждают их сокращать капиталовложения в итальянскую экономику. И действительно, темпы прироста прямых инвестиций США постоянно падают: в 60-е годы они составляли 14,3 %,

[18] Подробнее об этом см.: *Смыслов Д.* Особенности межимпериалистических противоречий на современном этапе. — Мировая экономика и междунар. отношения, 1982, № 7.

в первой половине 70-х годов — 12,4 %, а во второй половине — 12,1 % [19]. Вместе с тем действующие в Италии транснациональные корпорации США активно поддерживают усилия собственного правительства и руководящих кругов НАТО, направленные на предотвращение участия итальянских коммунистов в решении важнейших государственных проблем. Зачастую поддержка осуществляется путем «политических пожертвований» в пользу христианских демократов и ультраправых газет, ведущих антикоммунистическую кампанию. Однако события последних лет наглядно показали, что назревшие, «больные» вопросы Италии могут быть решены только с участием коммунистов, которые призывают ограничить всевластие иностранных монополий, а именно этого опасаются американские ТНК.

Политическая тактика транснациональных корпораций строится на глобальной организации их производства и финансирования. Поэтому в отношениях с правительствами зарубежных стран они нередко прибегают к откровенному шантажу, угрожая свертыванием производства, локаутами, перемещением заводов за границу. Расчет в данном случае прост: закрытие заводов, сокращение капиталовложений в той или иной стране чревато ростом безработицы, уменьшением производства необходимых товаров. Так было в Португалии после свержения профашистской диктатуры, когда «Интернэшнл телефон энд телеграф» и ряд других монополий пригрозили покинуть страну из-за объявления о прогрессивных реформах. И в том, что процесс преобразований в Португалии значительно затормозился, немалую роль сыграли американские ТНК, активно поддерживавшие реакционные силы. Общеизвестны неоднократные попытки дочерней фирмы «Форд мотор» шантажировать английское правительство угрозой перевести производство автомобилей со своих заводов в другие страны. Цель — помешать планам национализации и реорганизации отрасли, добиться изменения трудового законодательства, большей его унификации с американской практикой «трудовых отношений».

Разработка американской стратегии в 70-е годы привела к пересмотру приоритетных направлений в глобальной экспансии. Главным из них была в конце концов выбрана научно-техническая сфера, в которой Соединенные Штаты имели наибольшее преимущество над конкурентами, а в ряде наукоемких отраслей сохраняют его. Бывший президент Р. Никсон в специальном послании конгрессу «Внешняя политика США в 70-е годы» обратил внимание на важность науки и техники в международных отношениях. Эта мысль была затем развита в специальном исследовании конгресса: «Технология становится могущественной в изменении современного мира. Успехи технологии служат новым средством установления лидерства нации в рамках международного сообщества» [20]. Кроме того, в послании Никсона подчеркивалось, что «беспрецедентные научно-техни-

[19] Survey of Current Business за соответствующие годы.
[20] Science, Technology and American Diplomacy, vol. 2, p. 680.

ческие достижения. . . требуют новых форм международного сотрудничества» [21]. Главная роль по-прежнему отводилась транснациональным корпорациям.

Большое значение ТНК в укреплении научно-технического лидерства США связано с остро вставшей на рубеже 70—80-х годов проблемой реиндустриализации. В Соединенных Штатах под реиндустриализацией понимается обновление и модернизация производственной базы в промышленности, ускоренное развитие передовых отраслей за счет разработки и внедрения в производство новой технологии, более широкое использование результатов фундаментальных научных исследований. Несомненно, во всех этих областях ТНК могут быть «весьма полезны» американскому империализму. Перемещение ими за пределы США материалоемких и трудоемких производств, изменение структуры вложений в Западной Европе в пользу наукоемких отраслей, расширение научных исследований и разработок в развитых государствах с целью мобилизации последних достижений НТР — вот основные частномонополистические методы решения проблемы реиндустриализации американской экономики за счет других стран, эксплуатации их материальных и людских ресурсов, научно-технического потенциала.

Успехи национально-освободительного движения, расширение антиимпериалистической борьбы и особенно выдвижение программы нового международного экономического порядка активизировали формирование новой стратегии США в отношении развивающегося мира. В 70—80-е годы империализм вынужден отказаться от прежних форм и методов угнетения молодых независимых государств, навязав им свою программу перестройки международных экономических отношений. По мнению западных, главным образом американских, стратегов, это должен быть путь половинчатых реформ, позволяющий ослабить острейшие проблемы развивающихся стран. Такой путь открыл бы возможности дальнейшего привязывания этих стран к хозяйственной системе империализма, дабы по-прежнему использовать громадные ресурсы развивающегося мира, контролировать ход его развития.

Отжил свое сложившийся в послевоенные годы арсенал неоколониальных средств (полное господство монополий в основных секторах экономики независимых стран, кабальные концессионные договоры). Отказ от изживших себя методов эксплуатации природных и трудовых ресурсов позволяет подтянуть уровень развития молодых государств к потребностям экономического роста США и других стран империализма. Поэтому на повестку дня стал вопрос отнюдь не о ликвидации вековой отсталости бывших колоний, а об их превращении из аграрно-сырьевой в индустриально-сырьевую периферию капитализма.

Таким образом, в 70-х годах стало очевидным стремление Соединенных Штатов пересмотреть принципы своей экспансии в развивающемся мире. К этому их вынуждало и обострение проблемы

[21] Ibid., vol. 1, p. 17

снабжения сырьем и топливом, и усиление конкурентной борьбы. В этих условиях резко возросла роль молодых государств как гарантированных, надежных поставщиков нефти и как рынков сбыта товаров обрабатывающей промышленности.

В качестве главного инструмента реализации нынешней стратегии вашингтонские лидеры выдвигают экспорт частного капитала. «Позиция, которой придерживаются США и другие развитые страны, — отмечается в одном из докладов американского сената, — состоит в том, что частные иностранные инвестиции должны рассматриваться как помощь развитию»[22]. В обмен на расширение вложений частного капитала США требуют от развивающихся стран создания благоприятных условий для деятельности монополий, предоставления гарантий от национализации их собственности.

Расширение экспорта частного капитала неразрывно связано с деятельностью транснациональных корпораций. С их помощью Соединенные Штаты и намерены решать проблемы обеспечения собственной экономики необходимой продукцией, добываемой и производимой в развивающихся странах. ТНК обеспечивает американскому империализму более гибкий и эффективный механизм экспансии, нежели правительственные программы «помощи».

Экономическая и политическая деятельность ТНК как нельзя лучше соответствует общей стратегии американской экспансии в освободившихся государствах. Все более явным становится ужесточение политики США в отношении развивающихся стран. Рейгановская администрация практически отвергла переговоры по вопросам регулирования торговли топливно-сырьевыми товарами, сокращения задолженности молодых государств и ряду других, на которые США вынуждены были согласиться еще в 70-х годах. На смену переговорам все чаще приходит экономический диктат, использование таких средств, как торговая блокада, лишение займов.

На рубеже 70—80-х годов условия экономической экспансии США не только ухудшились, но значительно изменились. Действие закона неравномерности экономического и политического развития привело к усилению стран Западной Европы и Японии и ослаблению позиций США. Ухудшение условий американского экспансионизма связано с прекращением действия многих факторов, способствовавших ему прежде, — более высокий уровень производительности труда, передовая промышленная база, неограниченный доступ к топливно-сырьевым ресурсам, неоспоримый научно-технический приоритет, устойчивый курс доллара, относительное выравнивание внутренних условий воспроизводства в результате интернационализации хозяйственной жизни неизбежно привело и к сближению конкурентных позиций ведущих капиталистических стран. Отсюда — неизбежное усиление межимпериалистического соперничества, которое складывается не всегда в пользу Соединенных Штатов.

Главным средством обостряющейся борьбы между государственно-обособленными империализмами выступают транснацио-

[22] Цит. по: *Hood N., Young S.* The Multinational Enterprise. L., 1979, p. 341.

нальные корпорации. В их деятельности наиболее наглядно видна попытка американского империализма приспособиться к новому соотношению сил в капиталистическом мире. ТНК совершенствуют арсенал своей внешнеэкономической экспансии, стремясь при этом опереться как на экономический и научно-технический потенциал США, так и на государственный аппарат.

Вместе с тем нельзя не видеть обратной связи между экономической мощью монополий и политикой правительства. Частномонополистическая экспансия всегда выступает при империализме той опорой, на которой зиждется внешняя политика. И в этой области произошли серьезные перемены, отражающие ослабление позиций США в межимпериалистической борьбе.

В 40—50-х годах гегемонистская политика США основывалась на огромном экономическом превосходстве над конкурентами. Постепенно позиции американского капитала стали ослабевать, и правительство Соединенных Штатов вынуждено все больше считаться с партнерами, прислушиваться к их мнению, признавать их роль в решении вопросов развития капиталистической системы. Но за всеми вынужденными уступками достаточно отчетливо проглядывают претензии США на лидерство, стремление сохранить за собой право на определение общего курса империализма. Это касается и главных проблем внутри группы развитых капиталистических стран, и их отношений с развивающимися и социалистическими государствами. Но, поскольку «экономический авторитет» американских ТНК упал, официальный Вашингтон уповает в первую очередь на военную мощь, на приоритет в обладании ядерным оружием. В этом заложена серьезная основа и усиления реакционности внешнеполитического курса, навязываемого Соединенными Штатами партнерам, и обострения противоречий между тремя центрами империализма.

В материалах XXVII съезда КПСС вновь подчеркнуто стремление США «руководить миром», решать свои внутренние проблемы за счет других стран. В Политическом докладе ЦК КПСС съезду отмечается, что «в той мере в какой достигается согласование позиций трех центров империализма, оно чаще всего оказывается следствием американского давления или откровенного диктата, преследует интересы и цели прежде всего самих США» [23].

[23] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 16.

Эволюция основных военно-политических доктрин США после 1945 года

А. КАРЕНИН

Присущие реакционным кругам империалистической буржуазии США стремление к мировой гегемонии, ставка на использование силы вплоть до прямой агрессии для осуществления своих целей на международной арене с особой рельефностью проявляются в военно-политических установках Вашингтона.

На протяжении десятилетий многие американские политики и теоретики доказывают, будто внешняя политика может быть эффективна только в том случае, если она опирается прежде всего на военную силу. Влиятельный специалист по вопросам военной политики Х. Болдуин отмечал, что «в понятии „политика силы" содержится излишний элемент, поскольку не существует политики без силы» [1]. Первый государственный секретарь в рейгановской администрации А. Хейг в своих мемуарах подчеркивает: «Военная мощь остается основой внешней политики всех государств на земле — добропорядочных или злонамеренных, и так было всегда. Государства накапливают военную мощь, чтобы обеспечить себе свободу действий и лишить таковой своих соперников» [2]. По подсчетам американских исследователей Б. Блехмана и С. Каплана только в период с 1 января 1946 г. по 31 декабря 1975 г. Соединенные Штаты использовали вооруженную силу за рубежом 215 раз [3].

Ставка на грубую силу или угрозу силы в дипломатии сочеталась в политике США с культивированием враждебности в отношении процессов социального обновления мира, и в первую очередь в отношении социалистических государств. Это наглядно проявилось в переходе от сотрудничества с Советским Союзом в рамках антигитлеровской коалиции к конфронтации и обострению напряженности, а особенно наглядно проявилось после того, как в апреле 1945 г. кресло президента США занял Гарри Трумэн.

Этот поворот в политике Вашингтона фактически представлял собой реакцию американских правящих кругов на те весьма неблагоприятные для капиталистической системы изменения в соотношении сил на мировой арене, которые становились все очевиднее по мере приближения к завершению войны.

Расчет был прост — продиктовать государствам, уставшим от войны и разрушений, американские условия мира.

[1] *Baldwin H.* The Price of Power. N. Y., 1947, p. 53.
[2] *Haig A., Caveat Jr.* Realism, Reagan and Foreign Policy N. Y., 1984, p. 219—220.
[3] *Blechman B., Kaplan St.* Force Without War: US Armed Forces as a Political Instrument. Wash., 1978.

Едва ли не наиболее общим выражением внешнеполитической программы Белого дома явилась сформулированная в то время концепция «национальной безопасности» США. И сам термин и соответствующая доктрина были закреплены в принятом в 1947 г. законе, по которому в США учреждались специальные правительственные органы — Совет национальной безопасности и Центральное разведывательное управление; устанавливалась сохранившаяся в целом до настоящего времени структура руководящих военных учреждений — Пентагон, министерства армии, флота и ВВС, объединенный Комитет начальников штабов [4].

Под предлогом укрепления «безопасности» США американские власти приступили к безудержному накоплению ядерного арсенала. Как известно, в течение короткого периода после 1945 г. США располагали монополией на атомную бомбу. В дальнейшем в течение ряда лет они превосходили СССР по количеству ядерных зарядов и средств их доставки. Обеспечение «национальной безопасности» американские правящие круги фактически приравнивали к удержанию любыми средствами своего преимущества. И отнюдь не случайно в тот период появились планы установления глобальной гегемонии Вашингтона.

Согласия на военное превосходство Запада потребовал 5 марта 1946 г. в фултонской речи У. Черчилль [5]. По существу тот же подход был характерен и для государственного секретаря Д. Ачесона, который заявил в начале 1951 г. в сенате: «У нас имеется существенное преимущество в воздушной мощи и в атомном оружии. В настоящее время это, вероятно, наиболее эффективное средство устрашения против агрессии» [6].

Милитаристская антисоциалистическая направленность политической идеологии Вашингтона в послевоенные годы ярко проявились в доктрине «сдерживания». Противопоставляя Советскому Союзу военную и экономическую мощь США, говорилось в статье Дж. Кеннана в 1947 г., можно добиться того, что «советская мощь распадется или постепенно сойдет на нет» [7]. Кеннан даже предсказал сроки «распада советской мощи» — через десять-пятнадцать лет. Якобы «оборонительная» политика «сдерживания» была задумана как стратегия беззастенчивого политического и военного давления на СССР созданием, по выражению Д. Ачесона, «ситуации силы» [8].

В рамках политики «сдерживания» президент Г. Трумэн 12 марта 1947 г. в послании к конгрессу объявил, что США готовы занять место Великобритании в восточной части Средиземного моря и ассигновать в качестве «помощи» Греции и Турции 400 млн. долл.

[4] American Defense Policy / Ed. R. Head, E. Rokke. Baltimore, 1973, p. 346—347.
[5] Правда, 1946, 14 марта.
[6] Assignment of Ground Forces of the United States to Duty European Area. Hearings before the Committee on Foreign Relations and Committee on Armed Services. US 82nd Congr., 2nd Ses. Wash., 1951, p. 79.
[7] Foreign Affairs, 1947, July, p. 582.
[8] Department of State Bulletin, 1950, Febr. 16, p. 427—429.

с целью воспрепятствовать распространению коммунизма в данном районе. «Доктрина Трумэна» была повсеместно расценена как вызов демократическим силам, как открытая попытка Вашингтона противодействовать освободительным движениям.

5 июня 1947 г. в речи государственного секретаря Джорджа Маршалла перед выпускниками Гарвардского университета был дан обзор экономического положения Западной Европы. Расстройство социальных институтов, рассуждал госсекретарь, грозило «волнениями». Маршалл предложил странам Европы помощь с целью «восстановить экономику во всем мире, чтобы возникли политические и социальные условия для существования свободных институтов» [9]. За фасадом помощи скрывался поход за спасение в Европе обветшавших капиталистических устоев.

По «плану Маршалла», который действовал до июля 1951 г., на «помощь» восемнадцати западноевропейским странам было затрачено более 12,5 млрд. долл. Механизм «плана Маршалла» в значительной мере был использован Вашингтоном для того, чтобы сориентировать экономику стран—получателей американской помощи на военное производство.

Раскол Европы, осуществленный с благословения Вашингтона, был завершен подписанием 4 апреля 1949 г. Североатлантического пакта. Блок НАТО превратился в главный источник напряженности в Европе.

Еще одним важным элементом политики «сдерживания» был курс США на создание и расширение баз и опорных пунктов для американской военщины. При этом Вашингтон использовал традиционный принцип «баланса сил», т. е. поддержания в Евразии выгодного для Соединенных Штатов противостояния государств.

Концепция «сдерживания» была подвергнута меткой критике рядом американских деятелей. У. Липпман упрекал Кеннана за то, что тот связывал успех рекомендованного им курса с несбыточными надеждами на «размывание» социалистического строя в СССР [10]. Иначе говоря, поставленная политическая цель явно не соответствовала средствам, находившимся в распоряжении США. Нереальной, подчеркивал Липпман, была и задача возведения по периметру СССР «неприступного барьера». Такая стратегия могла лишь втянуть США в «непредвиденные и, вероятно, нежелательные» конфликты в тех районах, где существует питательная среда для гражданских войн [11]. Опыт американских действий в Корее и Вьетнаме подтвердил правильность этих предостережений известного публициста.

Ярким проявлением политики «холодной войны» были вашингтонские планы нанесения «превентивного», т. е. «упреждающего», удара по Советскому Союзу и другим социалистическим государствам. Наличие у Соединенных Штатов некоторое время преиму-

[9] Ibid., 1947, June 15, p. 1159—1160.
[10] *Lippmann W.* The Cold War: A Study in US Foreign Policy. N. Y., 1972, p. 20—21.
[11] Ibid., p. 15—16, 18.

щества в военно-стратегической области придавало подобным расчетам особо зловещий характер.

Документом, подтверждающим установку на сокрушение Советского государства с использованием военных средств, была принятая в 1948 г. Советом национальной безопасности США директива СНБ-20/1 «Цели в отношении России» [12]. Этот документ — типичный образец американской военно-политической доктрины периода «холодной войны». Перспектива налаживания отношений с Советским Союзом «мирными» средствами увязывалась с необходимостью неких «коренных изменений» во внешней политике и внутреннем устройстве СССР. На случай войны директива «предусматривала» полный разгром Советского Союза, ликвидацию его военной мощи. Сохранив основное содержание, но в несколько сокращенном виде и под новым кодовым обозначением СНБ-20/4 президент Трумэн утвердил директиву в ноябре 1948 г.[13]

Одновременно в Вашингтоне разрабатывались оперативные планы осуществления ядерного удара по Советскому Союзу. Принятый в 1948 г. план «Чэриотир» предусматривал бомбардировку в первый месяц войны 70 советских городов 133 атомными бомбами. В течение последующих двух лет на СССР предполагалось сбросить еще двести атомных бомб. Назывались даже сроки атомного нападения — 1 февраля 1949 г.[14]

За планом «Чэриотир» последовали схожие разработки под кодовыми названиями «Когуэлл», «Ганпаудер», «Даблстар», «АВС 101», «Дуализм», «Флитвуд». В 1949 г. их заменил план «Дропшот» [15]. Характерными явились результаты работы специального комитета во главе с генералом Х. Харманом по оценке «воздействия стратегического воздушного наступления на СССР». Комитет в 1949 г. подтвердил, что применение в войне против Советского Союза атомного оружия «безусловно и безоговорочно» диктуется американскими национальными интересами, но рекомендовал не торопиться с ее развязыванием, так как предварительно необходимо было предпринять усилия по накапливанию боевых средств [16]. По существу Харман предупреждал, что решающего военного преимущества в руках Вашингтона не было. А без него рассчитывать на успех не приходилось.

В 1949 г. произошло событие, которое самым серьезным образом сказалось на образе мышления американских стратегов, — СССР осуществил успешное испытание атомного оружия. В заявлении ТАСС от 25 сентября указывалось, что Советский Союз открыл секрет атомного оружия еще в 1947 г. В сообщении ТАСС отмеча-

[12] Подробнее см.: ст. Р. Г. Богданова в настоящем сборнике.
[13] Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945—1950 / Ed T. Ethold, J. Gaddis. N. Y., 1978, p. 175—202.
[14] Ibid., p. 359—360.
[15] The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957 / Ed. A. Brown. N. Y., 1978, p. 7, 10.
[16] Containment, p. 360—365.

лось, что «Советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения атомного оружия» и его производства [17]. Однако правящие круги США не пошли по этому пути. Конструктивные советские предложения, направленные на запрещение атомного оружия и сокращение вооружений, были отклонены Вашингтоном. В США задумали новый рывок в осуществлении милитаристских программ.

В период составления плана нападения на СССР «Дропшот» (конец 1949 г.) на небосводе американской военно-стратегической мысли взошла очередная «звезда» — новый глава управления внешнеполитического планирования в госдепартаменте Пол Нитце. Под его руководством межведомственная группа, состоявшая из представителей госдепартамента и министерства обороны, разработала «Директиву СНБ-68», которая в апреле 1950 г. была предварительно одобрена, а в сентябре того же года окончательно утверждена президентом. В ней излагались основные направления американской политики «сдерживания» применительно к изменившимся условиям.

«Директива СНБ-68» положила начало новому туру гонки вооружений в США. Резко поползла вверх кривая военных ассигнований: с 14,9 млрд. долл. в 1950 финансовом году они поднялись до 61 млрд. долл. в 1952 финансовом году [18]. Разумеется, не последнюю роль в этом сыграла война в Корее. Но огромные усилия концентрировались и на развитии стратегических вооружений.

Резкий скачок произошел и в наращивании арсенала ядерных зарядов в США — с 1 тыс. единиц летом 1953 г. до 18 тыс. единиц к концу 50-х годов [19].

1 ноября 1952 г. США произвели первое испытание термоядерного устройства, мощность которого составила 10,4 мгт [20]. Советское испытание водородной бомбы последовало в 1953 г. Инициатива и здесь была за Вашингтоном.

На основе «директивы СНБ-68» сложились (уже в годы президентства Д. Эйзенхауэра) две новые агрессивные американские военно-политические доктрины — «освобождения» и «массированного возмездия».

Официальным днем рождения доктрины «массированного возмездия» считается 12 января 1954 г., когда она была изложена в речи государственного секретаря Дж. Даллеса в Совете по международным отношениям. Предлагавшуюся им политику Даллес сформулировал так: «Чтобы сдержать агрессию, необходимо, чтобы свободное сообщество было готово и способно энергично реагировать в тех местах и теми средствами, которые оно само выберет» [21].

[17] Известия, 1949, 25 сент.
[18] Budget of the United States Government, Fiscal Year 1953, p. A6; Fiscal Year 1954, p. 1079.
[19] International Security, Spring 1983, vol. 7, N 4, p. 23.
[20] *Polmar N.* Strategic Weapons: An Introduction. N. Y., 1975, p. 24.
[21] Department of State Bulletin, 1954, Jan. 25, p. 108.

В последних словах вся суть. В качестве официальной политической установки США провозглашалась угроза применять ядерное оружие везде, где пожелает Вашингтон.

Еще 30 октября 1953 г., т. е. за несколько месяцев до публичного изложения Даллесом доктрины «массированного возмездия», президент Д. Эйзенхауэр одобрил «директиву СНБ-162/2», в которой прямо указывалось, что для обеспечения интересов национальной безопасности США требуется «надежный военный потенциал с упором на способность нанесения — в качестве возмездия — массированного разрушения путем применения наступательной ударной мощи». В декабре 1953 г. для материального обеспечения этой установки в США была принята трехгодичная программа по дальнейшему развитию американского военного арсенала [22].

На первый взгляд в цитированной директиве содержится противоречие: с одной стороны, говорится о «возмездии», т. е. вроде бы об ответном ядерном ударе, а с другой — об использовании наступательного потенциала. В действительности американские стратеги однозначно выступали за нанесение первого ядерного удара.

Об этом свидетельствовала принятая в марте 1954 г. новая «директива СНБ-5410/1», нацеливавшая Вашингтон на «достижение победы» в войне [23]. В докладе, подготовленном исследовательской группой Объединенного комитета начальников штабов в мае 1954 г., предлагалось обдумать возможность «преднамеренного развязывания войны против Советского Союза в ближайшем будущем, пока советский термоядерный потенциал не превратился в реальную угрозу» [24].

Ставка на ядерную войну подтверждалась и в «директиве СНБ-5602/1» от 15 марта 1956 г., уточнявшей «основы политики США в области национальной безопасности»: «Политика Соединенных Штатов должна состоять в том, чтобы включать атомное оружие в свой арсенал вместе с другими вооружениями... Атомные вооружения будут использованы во всеобщей войне и в военных операциях меньшего масштаба по предписанию президента». Директива нацеливала США на приобретение способности к нанесению «решающего ядерного удара по Советскому Союзу» [25]. Иначе говоря, доктрина «массированного возмездия» означала фактически доктрину массированного первого удара.

Неотъемлемой частью военно-политической стратегии Вашингтона в соответствии с доктриной «массированного возмездия» был курс на дальнейшее сколачивание агрессивных блоков. В 1954 и 1955 гг. стараниями американской дипломатии были созданы агрессивные группировки: СЕАТО — в Юго-Восточной Азии и СЕНТО — на Ближнем и Среднем Востоке. Одной из их задач стало прямое противодействие бурно нараставшему в те годы национально-освободительному движению народов. Осенью 1957 г. США пред-

[22] International Security, Spring 1983, vol 7, N 4, 28, 29
[23] Ibid., p. 33
[24] Ibid , p. 34
[25] Ibid., Winter 1981/82, vol. 6. N 3, p. 14, 15.

приняли попытку, опираясь на реакционные круги в Израиле, Иране и Турции, организовать интервенцию против Сирии. В июле 1958 г. состоялась высадка американских вооруженных сил в Ливане и английских в Иордании в целях оказания нажима на Ирак, где к тому времени произошла революция, свергнувшая продажный монархический режим. Эти агрессивные вылазки получили надлежащий отпор со стороны миролюбивых сил.

Военная политика администрации Эйзенхауэра включала развитие тактического ядерного оружия с целью размещения его в Западной Европе. В принятой в октябре 1953 г. «директиве СНБ-162/2» подчеркивалось: «В случае возникновения военных действий Соединенные Штаты будут готовы рассматривать использование ядерных вооружений наряду с другими вооружениями» [26].

Происходившее неуклонное изменение соотношения сил в пользу социализма, прогресса и мира толкало к пересмотру наиболее авантюристических расчетов Вашингтона в области внешней политики. Уже в 50-х годах в Соединенных Штатах заговорили об очевидной нереалистичности таких целей, как достижение «победы» в ядерной войне против Советского Союза, «освобождение» социалистических стран. Амбициозность поставленных задач не подкреплялась сложившимся соотношением сил на международной арене. Решающего военно-стратегического превосходства Вашингтон так и не получил. При трезвом взгляде на вещи выяснилось, что «превентивная война» могла обернуться непоправимыми последствиями для самих Соединенных Штатов.

Именно в эти годы среди реалистически мыслящих американских идеологов стало укореняться убеждение в непригодности ядерной войны как средства для достижения целей США на международной арене.

Весьма характерно появление в США именно в 50-е годы, когда со всею очевидностью стала выявляться бесплодность и опасность курса Вашингтона на бесконтрольную гонку вооружений, концепции «атомного насыщения». Дж. Кеннан одним из первых заговорил о том, что в процессе накопления стратегических вооружений неизбежно наступает определенный порог, за которым увеличение запасов многомегатонных бомб и средств их доставки теряет политический и военный смысл [27].

Ни в годы президентства Трумэна, ни при Эйзенхауэре попытки добиться решающего превосходства над Советским Союзом не увенчались успехом. Своевременно принятые в СССР меры по укреплению обороны сорвали эти расчеты. Осуществленные в ответ на военные приготовления в США, они воочию показали пределы американских возможностей.

Однако и в этих условиях правящие круги США стремились отыскать пути для достижения военного превосходства.

[26] Ibid., Spring 1983, vol. 7, N 4, p. 29—31.
[27] *Kennan G.* Russia, the Atom and the West. N. Y., 1958, p. 53.

Усилия США в гонке вооружений были прямым следствием соответствующего планирования. Так, к резкому наращиванию военных приготовлений призывал доклад «комитета Гейтера», подготовленный к ноябрю 1957 г. по поручению Совета национальной безопасности. Очевидно, под влиянием сообщений о росте оборонного могущества СССР три члена комитета рекомендовали вернуться к вопросу о «превентивной» войне как «способу предотвратить ситуацию крайней угрозы» [28]. Над ними явно довлел груз старых представлений.

В августе 1960 г. президент Эйзенхауэр одобрил предложение военных об учреждении Объединенного штаба по планированию стратегических целей. Этому вновь созданному органу вменялось в обязанность подготовить «список национальных стратегических целей», а также «единый оперативный план выбора целей» [29].

Речь шла о составлении перечня объектов на территории СССР и его союзников, которые подлежали первоочередной атомной бомбардировке стратегическими силами США. Первый такой план «SIOP-62» был утвержден Комитетом начальников штабов в декабре 1960 г. В феврале 1961 г. «SIOP-62» оказался на столе у нового министра обороны США Роберта Макнамары, и он, не мешкая, принялся за его усовершенствование [30]. Вступила в действие новая доктрина — «гибкого реагирования».

«Гибкое реагирование» рассматривалось его адептами в качестве противоположности «массированному возмездию», как его отрицание. Президент Кеннеди заявил в июле 1961 г.: «Мы хотели бы располагать более широким выбором, чем выбор между унижением и всеобщей ядерной войной» [31]. Составной частью этой американской стратегии, а точнее ее стержнем, явилась разработанная в те годы доктрина «ограниченной войны». Ее теоретики стремились вначале как бы отделить ядерную стратегию от стратегии ведения войн обычными средствами. Однако по мере формирования этой концепции и принятия ее в качестве официальной военно-политической доктрины Вашингтона все больше делалась ставка как на ядерный, так и неядерный компоненты американского военного арсенала. Идея «массированного возмездия», несмотря на сокрушительную критику, которой ее подвергали, органично вошла и в доктрину «гибкого реагирования». Проповедуя «ограниченную» войну и «гибкое реагирование», в Вашингтоне отказывались лишь от чрезмерного упования на ядерное оружие, но отнюдь не от подготовки к агрессивным ядерным войнам вообще.

Министр обороны Роберт Макнамара в феврале 1962 г. отмечал: «Ядерная и неядерная мощь дополняют друг друга, точно так же, как вместе они дополняют невоенные средства осуществления поли-

[28] International Security, Spring 1983, vol. 7, N 4, p. 47.
[29] Ibid., p. 64.
[30] Ibid., p. 62, 65, 67.
[31] Kennedy Public Papers Wash., 1961, p. 535

тики» [32]. Вашингтонские стратеги не скрывали и цель, к которой они стремились, наращивая ядерный арсенал в соответствии с требованиями «гибкого реагирования», — военное превосходство США.

Доктрины «гибкого реагирования» и «ограниченной войны» не случайно сочетались с дальнейшим увеличением военных ассигнований в бюджете США: в 1961 финансовом году они составили 46 млрд. долл., в 1962 — 52,4 и в 1963 — 54,3 млрд. долл.[33] «Ограниченная» война во Вьетнаме подняла уровень военных ассигнований в США еще выше — они перевалили за 80 млрд. долл. ежегодно. Поддержание ядерного превосходства США рассматривалось в Вашингтоне как предпосылка всей концепции «гибкого реагирования». Через две недели после убийства Джона Кеннеди Линдон Джонсон в беседе с сотрудниками государственного департамента подчеркивал: «Я стал президентом не для того, чтобы отказываться от этого преимущества» [34].

Переход Вашингтона на рельсы «гибкого реагирования» отнюдь не означал ослабления крайне опасных агрессивных тенденций в политике правящих кругов США. Об этом свидетельствовали события, связанные с карибским кризисом в октябре 1962 г., и американская агрессия во Вьетнаме.

Доктрина «гибкого реагирования» заменила концепцию «массированного возмездия» также и в рамках НАТО. Это произошло в 1967 г. с принятием документа под кодовым названием «МС 14/3». В соответствии с новой концепцией НАТО провозглашало свое намерение — в случае необходимости — прибегнуть к использованию ядерного оружия первым [35]. В целях материального обеспечения такой способности число тактических ядерных вооружений НАТО к середине 60-х годов было доведено до 7 тыс. единиц [36].

Приверженность НАТО концепции, предусматривающей возможность применения ядерного оружия первым в рамках стратегии «гибкого реагирования», до сих пор остается одной из главных особенностей военной политики этого блока. На Западе ее пытаются обосновывать некими «оборонными» потребностями, стремлением укрепить эффект «сдерживания». В действительности, однако, это еще одно проявление агрессивной направленности и «гибкого реагирования» и связанной с ним концепции «ограниченной» войны.

Сходным образом следует оценивать и концепцию так называемой «контрсилы», выдвинутую Робертом Макнамарой — министром обороны в администрации Кеннеди, а затем Джонсона. Впервые эта концепция в развернутой форме была изложена Макнамарой в речи в Энн-Арборе (штат Мичиган) 16 июня 1962 г. Основная идея состояла в том, чтобы обеспечить возможность использования стратегических сил США в «контролируемом ответном», а не только в мас-

[32] Vital Speeches of the day, 1962, vol 28, Mar. 1, p 298.
[33] Budget of the United States Government, Fiscal Year 1978, p 435.
[34] Цит. по: *Gaddis J.* Strategies of Containment· A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy N. Y., 1982, p. 268.
[35] Foreign Affairs, 1983, Fall, p 63, 64.
[36] Ibid., p. 62.

сированном ядерном ударе. Имелось в виду избежать в случае войны беспорядочного обмена ядерными ударами со всеми вытекающими отсюда катастрофическими последствиями и для США. Формально план предусматривал ответный удар по военным целям (отсюда и название — стратегия «контрсилы») на территории СССР, а остающиеся в резерве стратегические силы США удерживали бы другую сторону от расширения масштабов конфликта, в том числе от нанесения ударов по городам. Отсюда и другое название концепции — «ненанесение ударов по городам» [37].

Соответственно все цели на территории Советского Союза были поделены американским руководством на следующие категории: стратегические вооружения; системы ПВО вдалеке от городов; центры управления; города и промышленные центры, по которым наносится удар в случае «спазматической» ядерной войны [38]. Эти установки, утвержденные к концу 1961 г. Комитетом начальников штабов, легли в основу новых вариантов «единого оперативного плана выбора целей» приспособленных к нуждам доктрины «ограниченной войны».

Оборонительная фразеология этой концепции обманчива. Уже в период ее зарождения отмечалось, что она подразумевает наличие у США превосходящих ядерных сил. Хотя на словах речь шла вроде бы об обеспечении способности второго, т. е. ответного, удара, на деле материальная подготовка к нему ничем не отличалась от подготовки к первому удару, который исключал бы или в максимальной степени ослаблял силу ответного удара стороны, подвергшейся нападению. Идея «ограничения» ядерной войны сливалась со ставкой на победу в ней.

Характерно, что именно в 50—60-е годы, отмеченные бурным ростом американского стратегического потенциала, в Соединенных Штатах стали раздаваться трезвые призывы затормозить зловещую гонку ядерных вооружений. Видный американский теоретик профессор Маршалл Шульман выдвинул тезис об устойчивости достигнутого соотношения ядерных сил между США и СССР. Он писал: «Взаимная уязвимость имела политическим результатом создание на практике общего паритета, то есть состояния взаимного сдерживания, нечувствительного к сравнительно крупным дисбалансам в определенных видах оружия» [39]. Это был непосредственный подход к выводу о недостижимости решающего превосходства в военно-стратегической области, над созданием которого по инерции продолжали работать в Вашингтоне.

Именно в те годы была поставлена под вопрос возможность обеспечить решающее превосходство США в военной области. Бывший директор Агентства США по разоружению и контролю над вооружением У. Фостер писал: «Мы стремимся к „превосходству", считая это делом своей национальной гордости, и все же оно ускользает от нас. Более того, сама идея полного превосходства становится

[37] Department of State Bulletin, 1962, July 9, p. 67.
[38] *Schwartz D.* NATO's Nuclear Dilemmas. Wash., 1983, p. 144.
[39] *Shulman M.* Beyond the Cold War. New Haven, 1966, p. 12.

неуловимой, поскольку другая сторона, выдержав первый удар противника, может причинить другой стороне жертвы, исчисляющиеся в сто миллионов человек» [40]. Реалистически мыслящие деятели готовили почву для поворота в сторону договоренностей с Советским Союзом по вопросам ограничения ядерных вооружений. Сам Р. Макнамара уже после ухода с поста министра обороны писал: «Добавление нового оружия к нашему арсеналу вовсе не обязательно означает увеличение нашей национальной безопасности» [41]. Высказываясь против продолжения бесконтрольной гонки вооружений, Макнамара предупреждал и против ставки на первый ядерный удар [42].

Объективным фактором, оказывавшим мощное воздействие на стратегическое мышление в Вашингтоне на рубеже 60—70-х годов, когда у власти находилась администрация президента Ричарда Никсона, явилось складывавшееся в ту пору равновесие сил между СССР и США в военно-стратегической области. Надо отдать должное тогдашнему американскому руководству — возникновение ядерного паритета между Советским Союзом и Соединенными Штатами было воспринято им как убедительный аргумент в пользу переговоров в целью заключения договоренностей, направленных на сдерживание стратегического соперничества и ослабление угрозы возникновения ядерной войны. В Вашингтоне стали говорить о пользе разрядки напряженности и о своей готовности улучшать отношения с Советским Союзом.

Президент Р. Никсон во внешнеполитическом послании конгрессу от 18 февраля 1970 г. отмечал: «В последние двадцать пять лет произошли... важные изменения в соотношении стратегического могущества. С 1945 по 1949 г. мы были единственной страной в мире, имевшей арсенал атомного оружия. С 1950 по 1966 г. мы обладали подавляющим превосходством в стратегическом вооружении. С 1967 по 1969 г. мы сохраняли значительное превосходство. Сегодня Советский Союз обладает могущественными и совершенными стратегическими силами, приближающимися по уровню к нашим собственным» [43]. Отсюда вытекал другой, не менее важный вывод, сделанный президентом: «Военно-техническая революция изменила природу равновесия военной мощи... И Советский Союз и Соединенные Штаты обладают способностью нанести друг другу неприемлемый ущерб, независимо от того, кто первым нанесет удар. Держава, которая спровоцирует обмен термоядерными ударами, не получит никакого преимущества и наверняка не одержит победы. Поэтому обе стороны признали жизненную необходимость сдерживать опасную движущую силу гонки ядерных вооружений» [44].

Тогдашний американский президент отмечал и неразрывную связь

[40] Los Angeles Times, 1969, Febr. 9
[41] *McNamara R.* The Essence of Security: Reflection in Office. N. Y., 1968, p. 91, 144.
[42] Ibid., p. 55
[43] *Nixon R.* US Foreign Policy for the 1970's: A New Strategy for Peace. A Report to the Congress. Wash., 1970, p. 8—9.
[44] Ibid., p. 4.

между ограничениями стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружений.

Возникшие в тот период реалистические тенденции в мышлении американского руководства явились одной из предпосылок разрядки международной напряженности и принятия — впервые в послевоенной истории — действенных мер по ограничению стратегических вооружений.

Что касается Советского Союза, то он неизменно и последовательно выступал за достижение весомых договоренностей, которые позволили бы понизить уровень ядерного противостояния и тем самым способствовали бы уменьшению военной угрозы.

В результате первого этапа переговоров об ограничении стратегических вооружений (ОСВ) были заключены Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений, подписанные в ходе советско-американской встречи на высшем уровне в Москве в мае 1972 г. Эти двусторонние документы по своему благотворному воздействию на всю международную обстановку выходили далеко за рамки советско-американских отношений. Они стоят у истоков процесса ОСВ, и их следует рассматривать в качестве одного из крупных достижений политики разрядки.

Договоренности по ОСВ-1, начавшийся процесс ограничения стратегических вооружений в целом, разумеется, не могли не оказывать существенного сдерживающего воздействия на усилия Вашингтона по дальнейшему наращиванию и качественному совершенствованию ядерного арсенала. Известное значение имело и то, что в качестве основополагающей военно-политической доктрины США в те годы была провозглашена концепция «достаточности», преподносившаяся как антипод тезису о превосходстве в военной области.

Все же следует признать, что агрессивная суть американской военной политики и в тот период не изменилась. Сама по себе формула «достаточности» допускала растяжимые толкования. С одной стороны, утверждалось, будто это сугубо оборонительная концепция, но с другой — с середины 1970 г. в США был взят курс на форсированное оснащение межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования, а также баллистических ракет подводных лодок разделяющимися головными частями индивидуального наведения, т. е. на резкое увеличение числа ядерных зарядов на стратегических носителях [45].

Если концепция стратегической «достаточности» была призвана служить своего рода политическим ориентиром для администрации Никсона, то конкретная деятельность Пентагона осуществлялась в русле стратегии «реалистического сдерживания». В сущности, ничего концептуально нового по сравнению с доктринами «гибкого реаги-

[45] *Kahan J.* Security in the Nuclear Age: Developing US Strategic Arms Policy. Wash., 1975, p. 157.

рования» и «ограниченной войны» очередная пентагоновская стратегия не предполагала. Имелось в виду, что, коль скоро в условиях ядерного паритета угроза массированного удара по причине его обоюдоопасности теряет смысл, необходимо иметь возможность дозированно использовать военную силу в строгом соответствии с масштабами «вызова», с которым могут сталкиваться США в каждом отдельном случае. Конечно, при этом вновь употреблялась сугубо «оборонительная» фразеология, утверждалось, будто цель новой стратегии — в конечном счете исключить применение военной силы «в качестве средства, с помощью которого одно государство стремится навязать свою волю другому» [46].

Наряду с энергичной модернизацией «обычного» компонента американских вооруженных сил продолжалось наращивание их ядерного потенциала. Пентагоном предпринимались конкретные шаги для обеспечения научно-технического превосходства США. По этому поводу первый министр обороны при президенте Кеннеди Мелвин Лэйрд писал: «Любая оценка будущих потребностей США в области обороны должна включать обеспечение нашего постоянного технологического превосходства. . . Возможно, американцы готовы согласиться с паритетом в том, что касается развертывания стратегических ядерных вооружений, но, на мой взгляд, они никогда не согласятся с позицией отставания. Поэтому, чтобы избежать этой неприемлемой опасности, нам абсолютно необходимо поддерживать технологическое превосходство» [47].

Весьма характерным проявлением военно-политической стратегии США в рассматриваемый период была концепция так называемого «перенацеливания». Внешне речь опять-таки шла об обеспечении более гибкого использования американских межконтитентальных баллистических ракет с учетом широты спектра «угроз», с которыми сталкивались США на международной арене. Публично доктрину «перенацеливания» было поручено изложить третьему министру обороны в администрации Никсона Дж. Шлессинджеру, и с той поры эта концепция связывается в его именем. На слушании в сенате в марте 1974 г. Шлессинджер разъяснял, что о стремлении к «гибкости и выборочности» при использовании американского ядерного арсенала в Вашингтоне много рассуждали и в 60-е годы, но ничего практического сделано не было. Шлессинджер пообещал предпринять конкретные меры в этом направлении [48]. Стремясь успокоить своих слушателей, он говорил, что новая доктрина не потребует увеличения американских вооруженных сил — понадобится лишь некоторое усовершенствование системы командования и контроля [49].

[46] *Laird M.* National Security Strategy of Realistic Deterrence: Annual Defense Department Report. Fiscal Year 1973. Wash., 1972, p. 21.
[47] Ibid , p. 8.
[48] US — USSR Strategic Policies: Hearing before the Subcommittee on Arms Control, International Law and Organization of the Committee on Foreign Relations. US Senate, 93d Congr., 2nd Ses. Wash., 1974, p. 26.
[49] Ibid., p. 2, 8.

В ходе слушания, однако, выявился весьма существенный элемент президентской директивы «NSDM 242»: доктрина «перенацеливания» предусматривала повышение точности американских ракет. В сущности, речь шла о программе наращивания американского «контрсилового» потенциала, а точнее — потенциала первого удара в надежде обезоружить возможного противника [50].

Иначе говоря, в Пентагоне отнюдь не отказывались от ставки на превосходящую военную мощь, на массированный ядерный удар. Рассуждения о «гибкости», «ограничении» войны на деле сводились к составлению планов обеспечения наименьшего ущерба в ядерной войне для США. Основной задачей стала способность обезоруживающего, т. е. безответного удара. Показательно, что с середины 70-х годов после короткого перерыва, вызванного главным образом выводом войск США из Вьетнама, начался неуклонный рост американских военных ассигнований, продолжающийся по настоящее время.

Политические процессы в США развивались противоречиво. Подлинно реалистическая линия сталкивалась, а порою и переплеталась с традиционными методами силовой дипломатии, с попытками консервативных кругов, связанных с военно-промышленным комплексом, любой ценой обеспечить для США позиции преобладания.

Это проявилось, например, в октябре 1973 г., когда в связи со вспышкой военных действий на Ближнем Востоке США привели свои вооруженные силы в состояние повышенной боевой готовности. Обстановка разрядки, подкрепленная подписанными к тому времени важными двусторонними соглашениями между СССР и США, во многом содействовала тому, что возникшую напряженность удалось снять.

Многое в американской военно-политической стратегии определялось продолжавшейся войной в Индокитае. Однако постепенно в Вашингтоне утверждалось понимание, что поставить вьетнамский народ на колени не удастся. Не случайно в июле 1969 г. президент Никсон во время неофициальной пресс-конференции на о-ве Гуам изложил установку на то, чтобы главная ответственность за обеспечение вооруженной живой силы, т. е. солдат, в «угрожаемых» районах была возложена на союзников США. На долю Соединенных Штатов оставались военно-экономические поставки «в соответствии с договорными обязательствами» [51]. «Доктрина Никсона», или, как ее иногда называют, «гуамская доктрина», первоначально определяла американскую политику в Азии; потом, однако, было разъяснено, что ее следует понимать и в более широком смысле, включая и европейскую политику США.

Говоря о военно-политических доктринах Вашингтона, необходимо учитывать и развивавшуюся тогда официальными представителями администрации концепцию так называемого пятиугольного

[50] Ibid., p. 50.
[51] *Gaddis J.* Op. cit., p. 298.

мира. «Биполярный» мир первых послевоенных лет, рассуждали они, превратился в «многополярный». На политической карте мира образовалось пять центров — Соединенные Штаты Америки, Советский Союз, Западня Европа, Китай и Япония. С учетом этого и предполагалось реализовывать американскую внешнеполитическую деятельность.

В отношении Западной Европы и Японии имелось в виду продолжать курс на тесное взаимодействие, добиваясь одновременно наращивания их усилий в военной области. Особое значение, однако, придавалось «китайскому фактору» — в свете тех осложнений, которые возникли тогда в советско-китайских отношениях. Вскрывая расчеты Вашингтона, Никсон подчеркивал: «Сейчас один из глубочайших конфликтов во всем мире — это конфликт между коммунистическим Китаем и Советским Союзом... Такого рода перемены осложняют характер дипломатии, одновременно ставя новые проблемы и открывая новые перспективы» [52].

По существу пропагандировалось возвращение к традиционным для американской внешней политики методам «баланса сил» — попыткам занять, как писал впоследствии в своих мемуарах Генри Киссинджер, «сбалансированную позицию» между СССР и Китаем [53]. Как водится, это объснялось якобы сугубо «конструктивными» намерениями Вашингтона. В действительности речь шла о стремлении использовать тогдашнюю напряженность между СССР и Китаем в эгоистических интересах американского империализма.

Эволюция военно-политической стратегии США в годы президентства Дж. Картера (1976—1980) шла по проторенному пути — в направлении дальнейшего усиления ее агрессивности. Именно в тот период особенно рельефно выявилось внутреннее противоречие американской политики: с одной стороны, в связи с новым соотношением сил на международной арене велись переговоры с Советским Союзом по вопросам ограничения стратегических вооружений, а с другой — было очевидным навязчивое стремление США к преобладанию, военному превосходству, восстановлению прошлых преимущественных военно-стратегических позиций.

В 1979 г. в результате советско-американской встречи на высшем уровне был подписан Договор ОСВ-2. Значение этого документа весьма велико. Он охватывал все виды стратегических наступательных вооружений — МБР, БРПЛ и тяжелые бомбардировщики. Договор предусматривал установление на них равных суммарных потолков, причем речь шла не только об их ограничениях, но и о сокращениях. Но, разумеется, реализация этих обязательств, как и дальнейшее продвижение в деле ограничения стратегических вооружений, стали бы возможными в случае ратификации Договора ОСВ-2.

Однако в январе 1980 г. президент Дж. Картер специальным

[52] *Nixon R.* US Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace: A Report to the Congress. Wash., 1971, p. 2.
[53] *Kissinger H.* White House Years. Boston, 1979, p. 192

письмом в конгресс США распорядился приостановить процесс ратификации Договора ОСВ-2, который к тому времени уже прошел слушания в соответствующих сенатских комиссиях. Президент ссылался на события вокруг Афганистана, но это была лишь отговорка. Корни оппозиции Договору ОСВ-2 в США лежали гораздо глубже.

Договору была объявлена война со стороны тех американских кругов, которым претила сама идея паритета между СССР и США в военной области. Они упорно делали ставку на американское превосходство.

Администрация Картера внесла «вклад» в осложнение процесса ограничения стратегических вооружений не только отказом ратифицировать Договор ОСВ-2. Ею был предпринят ряд практических действий, прямо направленных на наращивание уровня военного противостояния, на усиление гонки вооружений.

Продолжался процесс неуклонного и быстрого наращивания американского военного бюджета: со 110,4 млрд. долл. в 1977 финансовом году военные ассигнования в США поднялись до 182,4 млрд. долл. в 1981 финансовом году. В мае 1978 г., т. е. задолго до событий вокруг Афганистана, в НАТО было принято рассчитанное на длительную перспективу решение о ежегодном трехпроцентном увеличении военных бюджетов государств-членов этого блока [54]. Тогда же в США приступили к созданию ядерного оружия повышенной радиации — «нейтронной бомбы», хотя решение о его производстве под нажимом общественности было в апреле 1978 г. отложено администрацией.

Под прикрытием разного рода «геостратегических» соображений США, не считаясь с волей других народов, объявили зоной своих «жизненных интересов» обширные районы земного шара, находящиеся на расстоянии многих тысяч километров от американских берегов. С этой же целью, т. е. для оправдания экспансии США, была изобретена концепция о «дуге кризисов». Ее автор — советник президента по вопросам национальной безопасности Збигнев Бжезинский — прочерчивал эту «дугу» через Юго-Восточную Азию, Средний Восток, ближневосточный регион. В этом обширном районе Вашингтон хотел присвоить себе безоговорочное право вмешательства в дела суверенных государств.

Выражением роста экспансионистских тенденций в политике Вашингтона явилась провозглашенная в президентском послании конгрессу 23 января 1980 г. военно-политическая линия, в соответствии с которой США собирались давать отпор «всеми необходимыми средствами, включая военную силу», попыткам «какой-либо внешней силы заполучить контроль над районом Персидского залива». «Доктрина Картера» нацеливала политику США на вооруженный интервенционизм в районе Ближнего и Среднего Востока. Специально для вооруженного вмешательства в 1980 г. был учрежден «корпус быстрого развертывания» в составе двухсот тысяч человек.

[54] International Herald Tribune, 1978, May 31.

В рамках «доктрины Картера» в апреле 1980 г. Вашингтоном была предпринята акция в Иране. Итогом этой вылазки американских «командос» явился бесславный провал.

Американские стратеги в тот период стремились, в сущности, к тому, чтобы в условиях сложившегося ядерного паритета найти способ вернуть США превосходство в области стратегических вооружений. В докладе Пентагона о бюджетном запросе на 1981 финансовый год отмечалось: «Нам следует сейчас решить, намереваемся ли мы оставаться сильнейшим государством на земном шаре. Альтернатива заключается в соскальзывании на позиции отставания» [55].

Военно-политические установки администрации Дж. Картера получили наименование стратегии «прямого противостояния».

Министр обороны Г. Браун, формулируя суть «прямого противостояния», подчеркивал, что американские военные планы «должны предусматривать выбор нанесения ударов по целям, включающим механизм советских вооруженных сил и структуру политической власти, а также сохранение в нашем распоряжении резервных сил». США, отмечал министр, должны быть в состоянии «наносить удары — причем селективно и взвешенно — по различным военным, промышленным и политико-управленческим объектам, сохраняя в запасе способность к гарантированному уничтожению» [56].

В концентрированной форме эти установки нашли отражение в «президентской директиве-59», принятой в сентябре 1980 г. В ответах администрации на вопросы, поставленные в сенатской комиссии по иностранным делам, существо политики Вашингтона в ядерной области разъяснялось следующим образом: «Президентская директива-59 предписывает разработку планов нанесения ударов по всей системе целей в СССР и других странах Варшавского Договора... Основные аспекты планов выбора целей включают в себя расширенное число вариантов возможных действий в соответствующих ситуациях, а также большую гибкость при осуществлении выборочных ударов по всем категориям целей» [57]. С течением времени стало яснее, к чему клонили составители новой директивы. Л. Слосс, непосредственно участвовавший в разработке практических аспектов «директивы-59», и М. Миллот указывают, что проведенные в тот период в Вашингтоне исследования в области военно-политической стратегии, наряду с сохранением упора на «контрсиловой» элемент при подборе целей на советской территории, особое внимание уделяли способности наносить удары по политическим и военным командным центрам [58].

Показательно, что в период президентства Дж. Картера в США заметно оживились дискуссии о возможности ведения всякого рода ядерных войн — «ограниченных», «затяжных» и т. д. Вновь вошло

[55] *Brown H.* Department of Defense: Annual Report. Fiscal Year 1981. Wash., 1980, p. 14.
[56] Ibid., p. 66.
[57] Nuclear War Strategy. Hearing before the Committee on Foreign Relations, US Senate on Presidential Directive 59, September 16. Wash., 1980, p. 29.
[58] Strategic Review, 1984, Winter, p. 24—25.

в моду доказывать, будто ядерное оружие может быть рациональным средством достижения целей на внешнеполитической арене — важно только осуществлять контроль над процессом эскалации военных действий и не давать войне превратиться в тотальное побоище.

Ядерное оружие рассматривали в Вашингтоне не только как средство достижения победы в «ограниченных войнах», но и как орудие шантажа. Отсюда и вспыхнувшее с новой силой стремление к превосходству — оно стало своего род устойчивой реакцией правящих кругов США на возникновение ядерного паритета.

* * *

Деятельность администрации Р. Рейгана — это полоса неустанных попыток сломать сложившееся военно-стратегическое равновесие. Для обеспечения такого курса был мобилизован и разветвленный механизм американской пропаганды. Ему надлежало внедрить в умы людей как в США, так и в других странах Запада чувство страха перед Советским Союзом. Как и в годы «холодной войны», миф о «советской угрозе», от которой якобы нет иного спасения, кроме продолжения безудержной гонки вооружений, был призван обосновать колоссальные бюджетные запросы администрации на военные цели, выковать своего рода «милитаристский консенсус» в сознании общественности.

«Ошибочным», не отвечающим интересам США был объявлен Договор ОСВ-2. Никаких сколько-нибудь убедительных аргументов, которые доказывали бы, что договор ставит США в невыгодное положение, выдвинуто не было. Демонстративный отказ от ратификации Договора ОСВ-2 показал всему миру сколь легковесно и сколь своекорыстно подошел официальный Вашингтон к важнейшей проблеме, от успешного решения которой выиграли бы все народы.

Другим направлением американской пропаганды в духе мифа о «советской угрозе» являлась выдумка об «окне уязвимости», перед которым оказались вдруг Соединенные Штаты, — его усмотрели в якобы возникшей уязвимости американских МБР перед лицом советских ракет. В действительности никакого «окна уязвимости» не наблюдалось и не наблюдается. Отвечая апологетам концепции «окна уязвимости», сенатор Эд. Кеннеди на слушаниях в комиссии по иностранным делам в июне 1983 г. подчеркивал: «В сущности между Соединенными Штатами и Советским Союзом имеет место суммарное ядерное равновесие ... Даже в крайне маловероятной ситуации, когда советский первый удар уничтожит все наши ракеты наземного базирования, мы все равно смогли бы обрушить в ответ по крайней мере 3500 боеголовок, размещенных на наших подводных лодках и бомбардировщиках» [59]. О невозможности выбить всю «триаду» стратегических вооружений говорил на слушаниях в конгрессе не кто иной, как посол Эдвард Рауни, — представитель США на проводившихся переговорах по ОССВ. В июле 1981 г. он отмечал: «Даже

[59] United States — Soviet Relations: Hearings before a Committee on Foreign Relations. US Senate, 98th Congr., Wash., 1983, p. 70.

если бы был нанесен сокрушающий удар по нашим МБР наземного базирования, мы все равно могли бы причинить колоссальный разрушающий ущерб Советскому Союзу» [60]. Но если это так, то нет никаких оснований говорить и о некоей особой угрозе американским МБР со стороны советских ракет. Иной логики быть не может.

Разгул идеологии милитаризма в США сопровождается грубыми нападками официальных американских представителей на социалистический строй, на практику и теорию марксизма-ленинизма. Своего апогея эта идеологизированная «дипломатия» достигла, пожалуй, во время поездки президента Р. Рейгана по странам Западной Европы летом 1982 г. В речи перед английскими парламентариями 8 июня Р. Рейган выдвинул идею «крестового похода за свободу» [61].

В выступлении перед редакторами американских газет 24 апреля 1981 г. государственный секретарь А. Хейг сформулировал одну из целей американской внешней политики — «сдерживание» Советского Союза. Спустя две недели, 9 мая 1981 г., он откровенно увязал этот принцип с задачей обеспечения американской гегемонии. Хейг заявил: «Сдерживание Советов, активизация наших союзов, новый подход к третьему миру, более здоровая экономика США и увеличенная военная мощь — таковы проявления нашей решимости восстановить лидерство Соединенных Штатов на Земле» [62].

Ю. Ростоу, готовившийся в ту пору занять пост директора Агентства США по контролю над вооружениями и разоружению, интерпретировал заявления государственного секретаря как призыв вернуться к «сдерживанию» в том виде, как его осуществляли при Трумэне. Политическая философия Белого дома строилась на знакомой идее силового давления на другие народы. Ставка на использование силы в политике прозвучала и в предвыборной платформе республиканцев, одобренной на съезде в Далласе в августе 1984 г.

Военные ассигнования США в начале 80-х годов резко поползли вверх. За первые четыре года пребывания у власти рейгановской администрации на военные цели было выделено около 1 трилл. долл.

Об агрессивности военно-политической стратегии Вашингтона наглядно свидетельствует «стратегическая оборонная инициатива» — программа по созданию широкомасштабной системы противоракетной обороны (ПРО) с элементами космического базирования. О решении начать разработки в этой области президент Р. Рейган объявил в речи 23 марта 1983 г. Обосновывая новую программу в области стратегических вооружений, американский руководитель, разумеется, широко прибегал к миролюбивой фразеологии. Он говорил, что речь, мол, идет о шаге высокоморального свойства — об отказе от концепции «взаимного гарантированного уничтожения», или, другими словами, — об освобождении людей от угрозы ядерной смерти. Прикрывая всю территорию страны, широкомасштабная

[60] Nomination of Edward L. Rowny. Hearings before the Committee on Foreign Relations US Senate, 97th Congr., 1st Ses. Wash., 1981, p. 32.
[61] Department of State Bulletin, 1982, July, p. 29.
[62] Ibid., 1981, June, p. 11

система ПРО, утверждал президент, направлена, дескать, на превращение ядерных вооружений в «бесполезные и устаревшие», т. е. чуть ли не на разоружение.

В действительности, все обстоит как раз наоборот. Концепция широкомасштабной системы ПРО игнорирует четко выявленную взаимосвязь между ограничениями на оборонительные и наступательные стратегические вооружения. В силу роковой «логики» гонки вооружений, для которой характерно неминуемое соревнование между средствами обороны и средствами нападения, реализация указанной концепции имела бы результатом колоссальное наращивание не только оборонительного, но и наступального стратегического оружия. Так что развитие широкомасштабной ПРО — не шаг к отказу от стратегических наступательных вооружений, а мера, создающая новое, крайне серьезное препятствие для достижения договоренностей по их ограничению. Действительную безопасность народов можно обеспечить не на путях продолжения гонки вооружений и тем более распространения ее в космос, а посредством эффективного ограничения и радикального сокращения таких вооружений. Только так можно добиться подлинного ослабления угрозы возникновения ядерной войны, упрочения взаимного доверия и стратегической стабильности.

Вашингтон, однако, упорствует в проведении милитаристской политики. В США создана специальная организационная структура для координации работ по созданию широкомасштабной ПРО с элементами космического базирования. Взят курс, который может в конечном счете привести к ликвидации бессрочного советско-американского Договора 1972 года об ограничении систем ПРО. На научно-исследовательские работы в области широкомасштабной ПРО намереваются израсходовать 26 млрд. долл. До конца столетия вся эта программа поглотит, по некоторым оценкам, около 1 трилл. долл. Такого рода колоссальные финансовые вложения призваны обеспечить необратимость американским программам милитаризации космоса, лишить будущих руководителей США свободы выбора политического курса.

За всеми этими американскими военными программами, помимо расчетов на силовую гегемонию в мире, стоят и алчные интересы крупного бизнеса, который решил, судя по всему, хорошенько поживиться на космической ниве. Бизнесу нет дела до крайне опасных последствий, которые может иметь распространение гонки вооружений на космическое пространство для всего человечества.

Сейчас есть возможность остановить движение по опасному пути. Именно с этой целью Советский Союз предложил США провести переговоры по комплексу вопросов ядерных и космических вооружений, которые в марте 1985 г. начались в Женеве. СССР выступил на них с далеко идущими предложениями, направленными на предотвращение гонки вооружений в космосе и ее прекращение на Земле. Народы ждут весомых и эффективных решений на благо мира, для свертывания гонки вооружений, общего оздоровления международной обстановки.

Идеологическое обоснование экспансионистской политики Вашингтона

А. А. МУРАДЯН

Одной из важнейших сторон американского экспансионизма всегда было его идеологическое обоснование. После второй мировой войны пропаганда правомерности экспансии США как в региональном, так и глобальном масштабе приобрела особый размах и интенсивность. В течение послевоенного периода удельный вес идеологии и пропаганды в комплексе всех средств внешней политики США неуклонно возрастал по ряду причин. Во-первых, в нашу эпоху, когда к активной политической деятельности приобщаются гигантские массы людей, империалистическая политика просто немыслима без соответствующей идеологической обработки населения не только государства, осуществляющего экспансию, но и народов стран — объектов агрессивной политики, а также без воздействия на мировое общественное мнение. Идейная борьба заняла важное место во внешней политике Вашингтона в послевоенный период.

Во-вторых, руководящие круги США считают, что превосходящая экономическая и научно-техническая мощь обеспечивает американскому и международному монополистическому капиталу выгодные позиции и господство в сфере распространения информации. В самом деле, $^{4}/_{5}$ тиража ежедневных газет, выходящих в несоциалистическом мире, $^{9}/_{10}$ мощностей радиопередатчиков международного диапазона и по крайней мере 95 % мощностей телевидения контролируется горсткой империалистических монополий [1].

Пропагандистский аппарат США, насчитывающий 350 тыс. человек, представляет весьма сложную систему государственных, полугосударственных и частных организаций. Только на пропаганду за рубежом в США ежегодно выделяется около 5 млрд. долл.[2]

В-третьих, с точки зрения правящих кругов Вашингтона достоинство методов идейно-психологической борьбы заключается в том, что с их помощью можно распространять влияние на страны и регионы без видимого насилия, эффективно и сравнительно недорого.

Главными объектами идеологической экспансии США являются социалистические и развивающиеся страны. В целях интенсификации идейного воздействия Вашингтон в начале 80-х годов провел реорганизацию аппарата внешнеполитической пропаганды, увеличил ассигнования на переоснащение ее технической базы, активизировал деятельность по упрочению позиций в развивающихся странах.

Идеологическое обеспечение экспансионистской политики США осуществляется различными методами — распространением разнообразных идей и концепций в тех или иных регионах мира или

[1] См.: Мировая экономика и междунар. отношения, 1979, № 6, с. 65.
[2] См.: Междунар. жизнь, 1985, № 10, с. 119.

в глобальном масштабе. Есть различия в аргументации Вашингтона по международным проблемам для Латинской Америки и Африки, для народов Ближнего Востока и восточноевропейских стран социализма. Неодинаковы рассуждения американских идеологов относительно неоколониалистской экономической политики в зоне развивающихся государств и о возможности применения вооруженной силы против стран социализма.

Анализ и аргументированная критика идеологических концепций глобального и региональных направлений политики США, ее специфических форм составляют важную задачу историков-марксистов.

На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, который был посвящен обсуждению актуальных вопросов идеологической, массово-политической работы партии, указывалось, что нынешний этап исторического развития «отмечен небывалым за весь послевоенный период по своей интенсивности и остроте противоборством двух полярно противоположных мировоззрений, двух политических курсов — социализма и империализма. Идет борьба за умы и сердца миллиардов людей на планете. И будущее человечества зависит в немалой степени от исхода этой идеологической борьбы» [3]. Среди задач, на решение которых Пленум нацелил представителей общественных наук, важное место отведено исследованию внешнеполитических факторов, международных отношений, внешнеполитической идеологии империализма. На Пленуме говорилось о необходимости обеспечить новый, значительно более высокий уровень идейно-теоретической работы в области общественных наук. Это требование в полной мере относится и к историкам-международникам.

Немаловажную часть идеологической борьбы в современной обстановке составляет аргументированное, убедительное разоблачение идей и концепций, оправдывающих экспансию США. Анализу и критике наиболее существенных направлений идеологии американского экспансионизма и посвящена данная статья.

Она не претендует на историографический обзор. По указанной теме внимание концентрируется лишь на нескольких главных проблемах. Поэтому из огромного числа публикаций американских авторов выбрано лишь несколько книг и статей для анализа и полемики.

* * *

Американская буржуазная теория внешней политики, историография и публицистика в целом трактуют внешнюю политику как субъективную деятельность индивидов, основанную на неизменной «природе человека». В этом вопросе американская общественная мысль неоригинальна. Она восходит к одной из самых устойчивых традиций античной и западноевропейской политической и философской мысли: концепция неразрывной связи этики с политикой и подчинение последней этике, как части целому. В трактовке античных авторов политика должна играть прежде всего нравственно-

[3] Коммунист, 1983, № 9, с. 5.

воспитательную роль, регулировать поведение человека, подверженного низменным страстям. Инструментом политики, по их мнению, являлось государство [4].

Отметим два существенных момента, которые впоследствии были восприняты общественной мыслью средневековья и нового времени и воспроизведены в современной американской политической и исторической литературе. Во-первых, обоснование «биологической» природы политики, объяснение этого общественного феномена «природными» качествами человека. Во-вторых, трактовку политики как деятельности с целью обеспечения «общего блага», защиты интересов всех граждан государства, а не отдельных его групп. Такая трактовка политики античными авторами, хотя и была весьма распространенной, но не единственной. Например, выражались мнения, что природа человека служит основанием не для осуществления справедливой политики в интересах общего блага, в напротив, для обеспечения более сильным индивидам возможности полнее «удовлетворять свои желания» за счет менее сильных. Для «избранных» откровенно формулировались тезисы, что «сила дарует право», которое, как и справедливость, есть лишь «интерес более сильного» [5].

Для этой концепции «силы», как и для предыдущей, характерна трактовка политики как осуществления насилия одной части населения в отношении другой, вытекающего из природы человека. Разница здесь, однако, в том, что в последнем случае насильственный характер политической деятельности не скрывался, а, напротив, объявлялся естественным и вечным условием общественной жизни, ее необходимым атрибутом. Оба указанных методологических подхода к сущности политики сохранились и доминируют в современной западной, и в частности американской, литературе.

Известный американский политолог Г. Моргентау начинает сочинение «Политика наций» с утверждения, что законы, управляющие развитием общества в целом и сферой политики в частности, «имеют свои корни в человеческой природе» [6]. По его мнению, природа человека такова, что общественная жизнь немыслима без отношений силы, без насилия одних людей над другими. Следовательно, борьба за позиции силы, т. е. за возможности, рычаги и каналы для осуществления насилия, составляет непосредственную цель политики.

Важно подчеркнуть, что итогом подобных рассуждений нередко является утверждение о естественности экспансионистского курса США на международной арене. Поскольку внутренние побудительные мотивы индивидов естественны, то правомерной и оправданной оказывается и внешнеполитическая экспансия. «Жажда стресса», приключений, которая присуща американскому обществу, трансформируется в побудительные мотивы внешней политики Вашингтона,

[4] *Rendell M. J.* An Introduction to Political Thought: Key Writings from Major Political Thinkers. L., 1978, p. 51.
[5] Ibid., p. 17—27.
[6] *Morgenthau H. J.* Politics among Nations. N. Y., 1961, p. 4.

пишут социологи Дж. Бернард, С. Клаузер и др. Поэтому одной из важных внешнеполитических задач, по мнению сторонников этой точки зрения, должна стать разработка механизмов манипулирования «энергией жажды стресса» [7].

Трактовка войны как естественного продукта биологической природы человека помогает идеологам экспансионизма находить в нем «положительные» стороны, обнаруживать в войне «позитивные социальные функции».

В наши дни откровенная апологетика войны в США — сравнительно редкое явление, чаще речь ведется о том, что войну следует принять как необходимый, хотя и печальный факт общественного развития, как «неизбежное зло». Впрочем, если не в самой войне, то в подготовке к ней, в экономических последствиях гонки вооружений ряд американских авторов видит много положительного для хозяйства и процветания экономики США.

Поскольку насилие, «силовые отношения» суть вечный атрибут международной политики, то Соединенным Штатам необходимо, по мнению американских политологов, совершенствовать механизм «отношений силы», обращая особое внимание на наращивание военного потенциала и материальную подготовку к войне.

В американской литературе и публицистике принято считать, что внешнеполитические интересы США, безопасность страны могут быть обеспечены лишь на базе соответствующего «баланса сил» в глобальном и региональном масштабе. Таков один из традиционных подходов как американской, так и буржуазной международно-политической науки в целом. В его рамках война рассматривается как естественное «средство» для поддержания баланса, который, в свою очередь, трактуется как необходимое условие «нормальных» международных отношений, как залог успешного сопротивления агрессии. «Баланс сил, — писал один из американских теоретиков международной политики и войны К. Райт, — есть система, предназначенная для поддержания устойчивого убеждения в каждом государстве, что если оно попытается совершить агрессию, то неизбежно столкнется с коалицией других государств» [8].

По мнению буржуазных авторов, система «баланса сил» устанавливает «пределы для экспансионизма» [9] отдельного государства в виде союзов стран, которые могут подвергнуться агрессии. В сущности, эта концепция рассматривает гонку вооружений, создание военных союзов и их конфронтацию как неизменное свойство международных отношений. Она положена в основу большинства прогнозов на 80-е годы, подготовленных в академических кругах США с привлечением работников правительственных организаций. Так, в прогнозе Совета по международным отношениям «Ядерное оружие и мировая политика. Альтернативы для будущего», в частности, отмечается, что «ядерное оружие есть неизбежное бремя». Более того,

[7] *Relf W. B.* Man and Future World Politics. Singapore, 1973, p. 104, 113.
[8] *Wright Q.* A Study of War. Chicago, 1942, vol. 1, p. 254.
[9] *Schwarzenberger G.* Power Politics. L., 1964, p. 174.

некоторые его авторы утверждают, что ядерное оружие, этот «дамоклов меч современности», выполняет позитивную роль в международной политике, поддерживая равновесие сил между США и Советским Союзом. Позитивно и то, что уровень ядерного паритета между ними очень высок, так как именно его недосягаемость для других стран способствует стабильности международной обстановки [10].

Существующее положение, по мнению М. Мандельбаума, надо сохранить и в будущем, ибо в нем сконцентрирована «мудрость истории». Логика рассуждений американского ученого такова: 30 лет человечество живет с атомной бомбой и вполне может существовать с ней и впредь, тем более, что никакой иной альтернативы у него нет [11].

Другой автор указанного прогноза, Р. Гарвин, пишет: «Я уверен, что мир никогда больше не будет свободен от ядерного оружия или от угрозы его применения» [12]. Коль скоро это так, то, естественно, главная задача внешней политики США — наращивать военный потенциал, особенно ядерный, немедленно «корректируя» его в случае нарушения соотношения сил в пользу противника. Такой подход позволяет правящим кругам США добиваться установления военного превосходства над Советским Союзом под флагом борьбы за «справедливый» баланс сил.

Здесь важно обратить внимание на стремление только к наращиванию военных усилий и вооружений одной из сторон. Вопрос о возможности замораживания существующего паритета, а тем более понижения его уровня путем постепенного разоружения даже не ставится. Иной раз такой вариант вскользь упоминается идеологами экспансионизма, но отбрасывается как в принципе нереальный. Так, идеологи экспансии и гонки вооружений Р. Страус-Хюпе и С. Поссони заявляют, что в борьбе за мир не следует акцентировать внимание на «разрушительности войны», так как разрушительные последствия военных действий вытекают не из «самой войны как таковой, а из несовершенства соответствующей защиты» [13]. Они утверждают, что «гонка вооружений» — фактор, якобы работающий не на войну, а на мир. Обе мировые войны, по их словам, разразились именно из-за отсутствия «подлинной» гонки вооружений между Германией и ее соперниками, из-за того, что последние пытались противопоставить «массированному германскому вооружению» свои «нерешительные, медленные и скупые программы вооружений». «Если бы имела место подлинная гонка вооружений, в ходе которой германские вооружения были бы сбалансированы или превзойдены, то, возможно, никакой войны и не возникло» [14]. На самом деле гонка вооружений имела место и перед первой, и перед второй

[10] Nuclear Weapons and World Politics. Alternatives for the Future. 1980's Project. N. Y., 1977, p. 2, 75, 77.
[11] Ibid., p. 79.
[12] Ibid., p 83.
[13] *Strausz-Hupe R., Possony S. T.* International Relations in the Age of the Conflict between Democracy and Dictatorship. N. Y., 1954, p. 721, 722.
[14] Ibid., p 722.

мировой войнами, послужив одной из предпосылок для их развязывания.

Указанная концепция довольно широко распространена в американской литературе и публицистике. Ее целью является идеологическое оправдание гонки вооружений, которую сразу после второй мировой войны начал осуществлять Вашингтон. Ныне в США издается много книг и статей, в которых идеологи американского экспансионизма пытаются опровергнуть положение, что «вооружения, и в частности гонка вооружений, есть причина войны», и, наоборот, доказать, что «степень, до которой гонка вооружений провоцирует международную напряженность, а контроль над вооружениями может обеспечить гарантии международной безопасности, часто преувеличивается» [15]. Интенсивным нападкам подвергается тезис об опасности гонки вооружения как таковой.

Выступая за продолжение гонки вооружений, идеологи экспансионизма преследуют, по крайней мере, две политические цели. Первая стратегическая цель нанести удар по идеологии и практике международной разрядки, доказать иллюзорность и, более того, опасность разрядки для дела мира, международной безопасности и безопасности самих США, вторая, более отдаленная, используя превосходящий экономический потенциал, добиться военного превосходства США над Советским Союзом. Ссылка на историю возникновения второй мировой войны продиктована стремлением экспансионистов подкрепить свои аргументы авторитетом исторической науки.

Сторонники империалистической политики оправдывают возросшие темпы накопления в арсеналах Пентагона самых различных вооружений, создание и производство новых более опасных систем оружия, демонстративную подготовку ракетно-ядерной войны, в том числе и ограниченной ядерной войны в Европе, осуществление милитаризации экономики и всей общественной жизни капиталистической Америки.

Идеологи экспансионизма ставят задачу не только исключить из лексикона современной международной политики термин «разрядка», но и скомпрометировать само это явление до такой степени, чтобы пресечь на обозримую перспективу всякие попытки борьбы за ослабление угрозы войны, прекращение гонки вооружений.

Политика разрядки всегда была объектом острой идейной борьбы в США. Даже в период ее наибольших успехов — в начале и середине 70-х годов — она вызывала энергичные нападки со стороны экспансионистов. Начиная с периода администрации президента Форда, который демонстративно отказался употреблять в своих выступлениях сам термин «разрядка», наступление на нее скачкообразно нарастало.

Еще в 1974 г. в Нью-Йоркском университете была проведена конференция историков и политологов. В ходе дискуссии некоторые ее участники высказались весьма недвусмысленно, заявив, что «под-

[15] Disarmament and Economic Development / Ed. by R. A. Falk, S. H. Mendlovitz. N. Y., 1966, p. 94.

линная разрядка» невозможна [16]. Трактуя понятия «разрядка» и «умиротворение» как синонимы, они старались доказать, что оба явления имеют длительную предысторию, которая свидетельствует лишь о беспочвенности надежд обеспечить мир и международную стабильность путем «умиротворения». Особенно старательно американские историки конструировали «широкие параллели» между политикой «умиротворения» фашистской Германии в 30-е годы со стороны западных держав и политикой разрядки в наши дни.

Американские ученые Г. Моргентау, А. Шлезинджер и др. выступили против разрядки в русле главной идеи указанной конференции и выпущенной по ее материалам книги: слишком существенны социально-политические различия между США и СССР, чтобы политика разрядки могла иметь шансы на успех. Моргентау прямо говорил об опасности «иллюзии разрядки». Шлезинджер утверждал, что обращение Советского Союза к политике разрядки продиктовано будто бы сугубо эгоистическими и конъюнктурными мотивами [17].

«Великое бедствие разрядки» — так озаглавили свою книгу Э. Фридлэнд, П. Сибери и А. Вилдавски. Эти авторы также относятся к числу тех американских идеологов, которые не жалеют красок для живописания очевидных и скрытых опасностей разрядки: русские придумали разрядку, чтобы усыпить бдительность простых американцев, разоружить Америку и, захватив нефтяные источники Ближнего Востока, продиктовать свою волю всему западному миру [18].

Профессор Дж. Стейбелл выдвинул идею о том, что разрядка не может устранить конфликт из международной жизни, она лишь в состоянии «институализировать конфликт», т. е. несколько понизить уровень противоборства, ввести его в определенное организационное русло [19]. Важно подчеркнуть следующий момент в аргументации идеологов антиразрядки: соперничество с Советским Союзом в условиях регулируемого уровня военно-политической напряженности необходимо Соединенным Штатам в той же мере, в какой рыночному хозяйству нужна конкуренция. «Напряженность, — теоретизирует Роберт Мэрфи, — подобно конкуренции есть здоровый и конструктивный аспект современной жизни, если она не ведет к катастрофическому столкновению . . . Напряженность до известной степени есть синоним демократии» [20].

Другими словами, напряженность есть совершенно необходимое условие, категорический императив самого существования современного западного общества, важнейшая предпосылка нормального функционирования его хозяйственной и политической системы. С таких

[16] Detente in Historical Perspective. N. Y., 1975, p. VII—VIII.
[17] Ibid., p 132.
[18] *Fridland E., Seabury P., Wildavsky A.* Great Detente Disaster. N. Y., 1975, p. 24, 60, 196.
[19] *Steibell G. L.* Detente: Promises and Pitfalls. N. Y., 1975, p. 12
[20] Detente: Cold War Strategies in Transition / Ed. by E. L. Dulles, R. D. Crane. N. Y., 1965, p. 3.

позиций вполне естественно и правомерно объявить советскую концепцию мирного сосуществования, которая преследует цель устранения напряженности из международной жизни, исключения военно-силовых методов решения спорных международных проблем, «смутной и сложной стратегической доктриной», якобы преследующей единственную цель — «установление коммунистическими державами контроля над миром». Как и мирное сосуществование, разрядка в системе подобных рассуждений оказывается «не стратегией разрешения конфликта, а тактикой его осуществления . . . во имя коммунистической экспансии» [21].

Для противников разрядки стало привычным подчеркивать принципиальную несовместимость советской и американской точек зрения на международное развитие. «Я абсолютно убежден, — пишет известный американский дипломат и специальный советник президента Рейгана Пол Нитце, — что Соединенным Штатам трудно наладить отношения с Советским Союзом в значительной мере и именно из-за того, что они вкладывают разный смысл в понятие „мир". На Западе оно означает: поддержание порядка в самой стране, а на международной арене — равновесие и отсутствие войны. . . Советская концепция „мира" означает непрекращающуюся борьбу, а не состояние равновесия, как часто определяют мир на Западе» [22]. Далее американский дипломат утверждает, что политика Вашингтона в отношении Советского Союза реализуется под лозунгом «живи и давай жить другим», в то время как советский курс «предусматривает проведение активной политики успешных захватов власти повсюду и всегда, когда это только возможно без чрезмерного риска» [23].

Одним словом, язык, которым стала разговаривать с конца 70-х — начала 80-х годов дипломатия США, разительно напоминает ее лексикон периода «холодной войны» и претворения в жизнь доктрины «сдерживания».

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии отмечалось, что, пытаясь оказать давление на Советский Союз, официальные круги Вашингтона «принялись разрушать то положительное, что с немалым трудом удалось создать в советско-американских отношениях за предшествующие годы. В результате наши двусторонние связи по ряду направлений оказались отброшенными назад» [24]. Подрывает основы разрядки и продолжает подрывать экспансионистская «идеология антиразрядки».

Иной раз идеологи экспансионизма выступают против разрядки в завуалированной форме, утверждая, что «не может быть разрядки без сдерживания», цель которого — «противостояние русскому экспансионизму», и что «разрядка без сдерживания — пустая иллюзия». Эти мысли развивает, в частности, бывший президент США Р. Никсон в книге «Подлинная война», увидевшей свет в 1980 г.

[21] Ibid., p. 3—4.
[22] *Nitze P. H.* Living with the Soviets. — Foreign Affairs, 1984/85, vol. 63, Winter, N 2, p. 363.
[23] Ibid., p. 370—371.
[24] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 22.

сначала в виде публикаций в газетах [25]. Он исходит из предпосылки, что между США и Советским Союзом практически никогда не прекращалось состояние войны. «Третья мировая война началась до того как закончилась вторая мировая война», — утверждает этот политический деятель. Интересен и такой аспект его концепции как подчеркивание всеобъемлющего характера советско-американского противоборства. «Третья мировая война является также первой подлинно тотальной войной», — пишет Никсон, — поскольку она ведется во всех сферах и «на всех уровнях» общественной жизни [26]. В этой связи он коснулся вопроса о том, почему в условиях столь интенсивного противоборства «холодная» война не переросла в «горячую». Бывший президент США дает такой, не выдерживающий критики, ответ: «В течение четверти века американское ядерное превосходство сохраняло мир» [27].

Словом, указанная категория политиков и идеологов, формально не отказываясь от концепции разрядки («подлинной» разрядки, как они нередко уточняют), фактически выступают против разрядки как внешнеполитического курса, так как его фундаментом объявляют американскую военную мощь, а точнее — превосходство США в ядерных вооружениях над Советским Союзом.

Содержательная полемика историков-марксистов с идеологами американского экспансионизма подразумевает тщательное рассмотрение исходных категорий внешнеполитического анализа, которыми оперируют буржуазная историография и политология. Для буржуазных авторов политика заключается в борьбе за силу, а ее пружины скрыты в биологической «природе человека». Для марксистов такой подход неприемлем, но, разумеется, не из-за «силовой» терминологии. Понятия «сила», «насилие», «соотношение сил» традиционно употребляются и в марксистско-ленинской литературе. Основоположники научного коммунизма неоднократно и настойчиво подчеркивали роль насилия, применение силы в процессе смены, становления и развития общественных формаций, предостерегали от недооценки значения этого фактора в общественной жизни. Так, в письме К. Марксу (15 декабря 1882 г.) по поводу работы Г. Маурера «История господских и крестьянских хозяйств и подворного строя в Германии», опубликованной в начале 60-х годов прошлого столетия, Ф. Энгельс отмечал как один из минусов методологии автора то, что «он совершенно недостаточно уделяет внимание *насилию* и его роли» [28].

Насилие пронизывает все сферы общественной жизни эксплуататорских формаций, выполняя существенную экономическую, хозяйственную функцию. В указанном смысле, как отмечал Маркс в «Капитале», «само насилие есть экономическая потенция» [29]. Это поло-

[25] Straits Times, 1980, Apr. 22.
[26] Ibid., Apr. 12.
[27] Ibid., Apr. 17.
[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 35, с. 105.
[29] Там же, т. 23, кн. 1, с. 761.

жение было сформулировано им еще раньше в «Экономических рукописях 1857—1861 гг.», где он объяснял свое понимание роли войны в докапиталистических формациях [30].

По вопросу о причинах возникновения и существования насилия, в том числе и вооруженного, в общественных отношениях основоположники марксизма высказывались неоднократно. Согласно их мнению, насилие и война вытекают не из природы человека, а из природы эксплуататорских общественных отношений, поэтому война и насилие — не «вечные», а исторические, преходящие категории. Наиболее полно обе указанные проблемы рассмотрены в работе Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» [31].

Основоположники марксизма-ленинизма, отметая любые недомолвки, с предельной категоричностью подчеркивали, что насилие порождается и постоянно воспроизводится классовой структурой эксплуататорского общества, господством частной собственности. Причина насилия — присвоение продуктов чужого труда и чужой рабочей силы. Война, по мысли В. И. Ленина, суть «прямое и неизбежное развитие» основ частной собственности [32]. Причем Ленин особо подчеркивал, что никакая, даже самая демократическая форма буржуазного государства, опирающегося на господство частной собственности, не в состоянии ликвидировать насилия над людьми.

Обществоведы-марксисты отвергают существование социального закона «борьбы за существование», который в действительности является неправомерным перенесением в общество некоторых свойств, присущих миру животных. В свое время Ф. Энгельс весьма недвусмысленно высказал отношение к этому мнимому «общественному закону» и разъяснил механизм его возникновения в буржуазном обществоведении [33].

«Политика есть отношение между классами», — отмечал В. И. Ленин [34]. В этой борьбе классов, в антагонистических межклассовых отношениях решающая роль принадлежит отношениям экономическим. Ленин подчеркивал это положение, определив политику как «концентрированное выражение экономики» [35]. Именно экономические, производственные, имущественные отношения классов в концентрированном виде прежде всего выражает политика, ими в конечном счете детерминируется политическая деятельность как таковая, а не соображениями морали, идеологии, законами индивидуальной психологии, концепциями «общего блага» и т. п.

Другое дело, что в самой политической практике борьба классов, как правило, не очевидна. Она, по выражению Ф. Энгельса, отражается «не прямо, а косвенно, не как борьба классов, а как борьба за политические принципы, и притом так превратно, что потребовались

[30] См.: Там же, т. 46, ч. I, с. 465.
[31] См.: Там же, т. 20, с. 162, 164, 185, 645.
[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 353.
[33] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 133—138.
[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 72.
[35] Там же, т. 42, с. 278.

тысячелетия для того, чтобы нам стало ясно, в чем суть» [36]. Классовое господство в эксплуататорском обществе осуществляется, естественно, не ради самого господства, а во имя корыстных экономических интересов эксплуататоров. Международная сфера политики в этом смысле не исключение. Как отмечал Ленин, «сущность международных отношений при капитализме: открытый грабеж слабого» [37].

Как упоминалось выше, идеологи экспансионизма утверждают, что гонка вооружений является гарантией мира, если она интенсивно ведется обеими сторонами. На самом деле гонка вооружений нужна господствующему классу США, по крайней мере его наиболее влиятельным фракциям, не для стабилизации международного положения и укрепления мира. Ее внешнеполитическая цель — реализация амбиций империализма США в мире, внутриполитическая — материальная подготовка к войне, выполняющая традиционную функцию перераспределения (через военные статьи бюджета) национального дохода страны в пользу могущественных группировок монополистического бизнеса, подвизающегося в производстве вооружений.

Совершенно очевидно, что навязывать стране федеральные бюджеты, в которых сотни долларов предназначаются на военные цели, можно только в обстановке милитаристского антикоммунистического психоза, под предлогом борьбы с «советской угрозой». Высокий темп милитаризации страны администрация Рейгана планирует поддерживать и в перспективе: за пять лет, с 1981 по 1986 г., намечено израсходовать на указанные цели более 1,3 трил. долл. Впрочем, по некоторым данным, эта сумма превысит 2 трил. долл.

Буржуазные идеологи стараются затемнить связь между милитаризацией экономики США и корыстными интересами определенных групп монополистического капитала, для которых гонка вооружений не отвлеченное следствие абстрактных «законов» международной политики, а бесценный источник прибылей. Задача марксистской критики буржуазной внешнеполитической идеологии, напротив, состоит в том, чтобы вскрывать эту связь, точно показывать конкретные социальные силы; готовые поставить на карту судьбу всего человечества во имя своих узких корпоративных интересов.

Экспансионистская идеология пытается переложить ответственность за гонку вооружений, за обострение напряженности в мире на иррациональную «природу человека» и мнимые «законы» международной политики, сводящиеся к беспринципному интриганству и разжиганию розни и соперничества между странами. Марксистско-ленинское обществоведение доказывает наличие корыстного расчета в подобном теоретизировании, цель которого воспитать у широких масс отвращение к политике вообще, приучить их к мысли о бесплодности человеческих усилий гуманизировать международную политику, об обреченности человечества на бесконечные истребительные войны.

[36] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 417.
[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 245.

Не случайно экспансионистская идеология стремится провести принципиальное различие между нравственностью частных лиц и законами морали, господствующими в сфере политики.

Идеологи экспансии понимают роль нравственности в деле мобилизации масс и отдельных индивидов для участия в крупных общественно-политических движениях, особенно в современных войнах или подготовке к ним. Они стремятся нравственно и психологически подготовить массы к мысли о неизбежности и необходимости воевать. Если причина войн и международных конфликтов находится внутри индивида, в его врожденной агрессивности, а не в общественных отношениях, то и путь к устранению войн следует искать либо на пути нравственного усовершенствования людей, моральной перестройки личности, либо на пути физического устранения «врагов», т. е. населения тех государств, которые по каким-либо причинам оказались враждебны Америке.

Аморальности, цинизму, бесчеловечности правящей плутократии США империалистическая идеология стремится придать черты общечеловеческих качеств, чтобы нравственно обезоружить широчайшие народные массы в их инстинктивном протесте против готовящейся империализмом войны. Политиканство и интриганство, присущие социально-исторической практике эксплуататорских классов, буржуазные идеологи превращают в вечный атрибут всякой политической деятельности; так возникает при капитализме, по удачному выражению советского философа, «настоящая фетишизация политиканства» [38].

В отличие от буржуазных идеологов марксисты не разделяют мораль на индивидуальную, которой следуют отдельные люди в частной жизни, и международно-политическую, которой должны руководствоваться государственные деятели, осуществляя внешнюю политику своих стран, на два ряда принципиально отличных нравственных норм. В «Учредительный манифест Международного товарищества рабочих» К. Маркс включил положение о том, что рабочий класс должен «овладеть тайнами международной политики ... добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами в отношениях между народами» [39].

Замалчивая эти положения марксизма-ленинизма, буржуазные идеологи приписывают советской внешней политике «пренебрежение к морали», сугубый практицизм, что якобы должно облегчить Советскому Союзу распространение своего влияния в мире посредством силы и интриг. «В настоящее время эта ложь, — отмечает Генеральный секретарь компартии США Гэс Холл, — продолжает оставаться серьезной идеологической проблемой. Факт политической реальности заключается в том, что люди, считающие будто Соединенные Штаты сталкиваются с „военной угрозой со стороны Советского Союза“,

[38] *Титаренко А. И.* Мораль и политика. М., 1969, с. 95.
[39] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 11.

вряд ли включатся в борьбу против растущих военных расходов, против ракет МХ или ядерного бомбардировщика В-1. Мы должны найти более убедительные доводы, ибо простое повторение того, что это большая ложь, никого не убедит. Больше того, такое повторение само по себе означает лишь уход от вопроса» [40].

Найти подобные убедительные доводы помогает специальный анализ фундаментальных основ экспансионистской внешнеполитической идеологии Вашингтона, которая предпринимает усилия для того, чтобы авторитетом науки подкрепить империалистическую политику США. Буржуазная пропаганда пытается отсечь от движения за мир, за разрядку прежде всего рабочий класс США, других стран капитала. Она не жалеет сил, чтобы внести раскол в международное коммунистическое и рабочее движение, в первую очередь по вопросу об отношении к внешней политике Советского Союза и США. Не дать поджигателям войны исключить рабочий класс стран капитала из участия в борьбе за мир задача первостепенной важности, ибо, как говорил В. И. Ленин, «единственная гарантия мира — организованное, сознательное движение рабочего класса» [41].

В документах XXVII съезда КПСС указывается на тенденцию к углублению милитаризации политики и мышления реакционных кругов американского империализма. «Буржуазная пропаганда обрушивает на людей во всем мире искусно подтасованную информацию, навязывает мысли и чувства, программирует выгодную для правящих сил гражданскую и социальную позицию» [42]. Особое внимание буржуазная пропаганда уделяет международно-политическим вопросам, идеологическому обеспечению внешнеполитического курса империализма США. Развязанная Вашингтоном «психологическая война» по вопросам международной политики не может квалифицироваться иначе, как особая форма агрессии, информационного империализма. Это и прямая политико-психологическая подготовка к войне, не имеющая, естественно, ничего общего, ни со свободным обменом идей, ни с действительным сопоставлением взглядов. «Иначе и не могут расцениваться действия, — подчеркивается в Политическом докладе ЦК КПСС съезду, — когда людей учат смотреть на любое неугодное империализму общество через прорезь прицела» [43].

[40] Коммунист, 1981, № 5, с. 119—120.
[41] *Ленин В. И.* Полн. собр соч., т. 23, с. 144.
[42] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 19.
[43] Там же, с. 88.

Политика США в области вооружений (50—70-е годы)

Г. И. СВЯТОВ

Военная политика США с середины 40-х до начала 60-х годов проводилась исходя из американских империалистических оценок развития международной обстановки в эти годы и экономической, внешнеполитической и военно-политической стратегии США. Это был период революции в военном деле, связанный с развитием атомного и разработкой и производством термоядерного оружия, стратегической авиации и созданием искусственных спутников земли, межконтинентальных баллистических ракет и ракетных атомных подводных лодок. Но это прежде всего был период кардинальной социальной перестройки на земном шаре, кризиса колониальной системы, роста национально-освободительных движений, дальнейшего повышения влияния стран социализма.

В первые послевоенные годы милитаристы США пребывали в эйфории от атомной монополии и делали на нее основную ставку наряду со сколачиванием военно-политических союзов и оказанием военной помощи режимам, ведущим борьбу с национально-освободительными, прогрессивными силами в соответствии с «доктриной Трумэна». Однако «сдерживание коммунизма», «план Маршалла» и «доктрина Трумэна» не приносили желаемых результатов в борьбе против национально-освободительных движений и прогрессивных социальных преобразований. Если американским империалистам удалось подавить освободительное движение, возглавлявшееся коммунистами в Греции, и с трудом сохранить капиталистические порядки в Западной Европе, то в странах Центральной и Юго-Восточной Европы набирала силы народная демократия и осуществлялись преобразования социалистического характера, а в Азии поддержанные американским оружием и руководимые американскими генералами армии Чан Кайши терпели поражение от народно-революционной армии.

Следует отметить, что в основу стратегии «сдерживания», предложений Дж. Кеннаном, поддержанной и реализованной правящими кругами США, были положены традиционные геополитические постулаты А. Мэхэна, Н. Спайкмэна, Х. Маккиндера и других геополитиков [1]. Главной задачей внешнеполитической деятельности США, писал Кеннан, должно быть «предотвращение объединения военно-индустриального потенциала всей евразийской континентальной массы под властью одной державы, угрожающей интересам островных и морских районов земного шара» [2].

[1] См.: Американская историография внешней политики США (1945—1970) / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1972.

[2] *Kennan G. F.* Realities of American Foreign Policy. Princeton, 1954, p. 65.

В Европе важнейшими стратегическими целями США было создание НАТО, вовлечение Западной Германии в военные блоки и ликвидация социалистических преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Эти цели осуществлялись путем военного давления (созданием ситуации силы или «контрсилы»), подкрепленного экономическим давлением и психологической войной. «Сдерживание и освобождение, — подчеркивал Дж. Кеннан, — всего лишь две стороны одной медали» [3].

В Азии, в частности на Дальнем Востоке, основной стратегической задачей Вашингтона была борьба за сохранение капиталистических порядков в Китае и Южной Корее с ориентацией на режимы Чан Кайши и Ли Сын Мана, развитие японского капитализма с проамериканской ориентацией, а после «потери Китая» в 1949 г. — проведение мероприятий, направленных на обострение напряженности в этом регионе и раскол интернационального единства социалистических стран путем противопоставления «восточных» интересов социалистического содружества «западным» [4].

Президентство Г. Трумэна в 1949—1952 гг. вошло в историю как период наиболее милитаристской внешней политики США: формирование НАТО, военное вмешательство в гражданскую войну в Китае, прямая агрессия в Корее — и как период наибольшей степени ухудшения американо-советских отношений, которое стало частью «холодной войны».

Используя так называемый «берлинский кризис» 1948—1949 гг., США добились размещения американской стратегической авиации в Великобритании. Одновременно правящие круги Запада начали переговоры о создании на основе Брюссельского пакта пяти западноевропейских стран (1948 г.) широкого военно-политического союза с участием США. В апреле 1949 г. представители США, Канады, Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Норвегии, Дании, Португалии и Исландии подписали в Вашингтоне Североатлантический пакт, направленный против СССР и стран народной демократии. С присоединением к нему в 1952 г. Турции и Греции сфера пакта стала охватывать и восточную часть Средиземноморья.

В вышедшей в 1978 г. книге американского журналиста Э. К. Брауна излагается разработанный в конце 40-х годов Комитетом начальников штабов по указанию президента Трумэна секретный план (под кодовым названием «Дропшот») подготовки и ведения войны против Советского Союза, предположительно намеченной на 1957 г.

По масштабам эта война замышлялась как третья мировая война с неограниченным применением всех средств вооруженной борьбы, и прежде всего ядерного оружия. С самого начала войны предусматривалось приступить к массированным стратегическим бомбардировкам промышленных и административных центров, а также районов сосре-

[3] Ibid., p. 88.

[4] См.: *Трофименко Г. А.* США: политика, война, идеология. М., 1976; *Кунина А. Е., Марушкин Б. И.* Миф о миролюбии США. М., 1969.

доточения войск противника. На эти объекты планировалось сбросить 300 атомных бомб. Главной политической целью войны была ликвидация социалистической социально-политической системы, а также единой советской государственности [5].

Приведенные выше факты свидетельствуют, что в первые послевоенные годы США придерживались стратегии ядерного шантажа. Советское правительство еще в ноябре 1947 г. заявило, что секрета атомной бомбы больше не существует. В Вашингтоне это заявление было воспринято с недоверием. Однако сообщение ТАСС от 25 сентября 1949 г. об атомном взрыве, осуществленном в Советском Союзе, означало, что американской монополии на атомную бомбу пришел конец. Объявив, что СССР обладает атомным оружием, Советское правительство вместе с тем подтвердило, что оно выступает за безусловное запрещение атомного оружия и установление эффективного контроля над атомной энергией [6].

Научно-технические достижения СССР в атомной области вызвали качественный сдвиг в соотношении сил в мире. Как признавалось в одной из американских монографий, «все уравнение международной политики было неожиданно и резко изменено» [7]. Была подведена черта под весьма сложным и опасным периодом международной жизни, когда США опирались в своей экспансионистской внешней политике на монопольное владение атомным оружием.

1949 год для правящих кругов США был неудачным не только потому, что в СССР было создано ядерное оружие. Весной этого года наступил заключительный этап гражданской войны в Китае. Народно-освободительная армия, сочетая боевые действия и мирное освобождение территорий, к концу 1949 г. полностью освободила континентальный Китай, за исключением Тибета. Остатки гоминдановцев укрылись на Тайване. 1 октября 1949 г. в Пекине было провозглашено образование Китайской Народной Республики. В ноте Советского правительства от 20 октября 1949 г. говорилось, что «движимое неизменным стремлением к поддержанию дружественных отношений с китайским народом и уверенное в том, что Центральное Народное правительство Китая является выразителем воли подавляющего большинства китайского народа...» оно устанавливает дипломатические отношения между СССР и КНР [8].

В 1950 г. Советом национальной безопасности США была разработана секретная директива СНБ-68, ставшая одним из основных документов «холодной войны». В ней официально объявлялось намерение Соединенных Штатов решать судьбы народов и вмешиваться во внутренние дела других государств, выступая в роли защитников «свободного мира» [9].

[5] Drop Shot: The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957 / Ed. A. Brown. N. Y., 1978, p. 241.
[6] Известия, 1949, 25 сент.
[7] *Millis W., Mansfield H. C., Stein H.* Arms and State. N. Y., 1958, p. 246.
[8] Образование Китайской Народной Республики: Документы и материалы. М., 1950, с. 768.
[9] Documents on American Foreign Relations. N. Y., 1950, vol. 1, p. 237—292.

Развязанная 25 июня 1950 г. войсками Южной Кореи при поддержке американского империализма агрессия против КНДР и значительное наращивание американского военного потенциала в Западной Европе послужили причиной резкого всплеска экспансионизма США, наибольшей степени милитаризации страны в послевоенный период. В 1952/53 гг. военные расходы США составили 14 % от валового национального продукта (ВНП), а численность регулярных вооруженных сил увеличилась до 3,6 млн. человек [10]. Страна по существу была переведена на военное положение. Военное производство резко возросло.

В чем же конкретно выражалась милитаризация США в 1950—1952 гг.? В самом обобщенном виде — в росте военных расходов и численности вооруженных сил (в 1949 г. военные расходы составляли примерно 4 % ВНП, а численность вооруженных сил — 1,4 млн. человек). Более конкретно — в том, что в разгар Корейской войны в ней принимало участие около полумиллиона американских военнослужащих, а численность американских сухопутных войск в Западной Европе увеличилась в 3 раза. В 1952 г. в Азии и зоне Тихого океана находились более 620 тыс. военнослужащих США, а в Европе и Северной Атлантике — более 420 тыс. Общая же численность американских вооруженных сил, дислоцированных за пределами США, достигла 1,2 млн. человек [11].

В первые месяцы корейской войны милитаристы предлагали довести общие военные расходы США до 85 млрд. долл. в год, т. е. до уровня, близкого к периоду второй мировой войны, и закончить программу всеобъемлющего вооружения к середине 1953 г. На ее принятии настаивали крайне реакционные политические деятели типа сенатора Д. Маккарти, доказывавшие, что СССР вот-вот нападет на США. Эти требования были приняты правительством США лишь частично.

В экономическом отчете президента США конгрессу за 1952 г. Г. Трумэн писал: «В качестве общего принципа мы исходим из того, что стоимость содержания ныне запланированных вооруженных сил плюс расходы на атомное оружие будут колебаться от 40 до 50 млрд. долл. в год», т. е. составлять примерно 12,5 % ВНП [12]. Фактически в 1952/53 г. военные расходы США составили 47,5 млрд. долл. Большая часть американского федерального бюджета тратилась в те годы на военные цели.

Во время войны в Корее милитаристы США требовали еще большего увеличения численности американских войск в Западной Европе. В начале 1951 г. в конгрессе началось обсуждение этого вопроса, которое продолжалось три месяца. В конечном итоге в апреле 69 голосами против 21 была одобрена резолюция об увеличении американских сил в Западной Европе с 2 до 6 дивизий со средствами усиления и поддержки. Одновременно были одобрены поправки о снятии огра-

[10] *Фарамазян Р. А.* США: милитаризм и экономика. М., 1970, с. 41.
[11] US Forces in Europe. Hearings. . ., 93d Congr., 1st Ses., July 25, 27, 1973, Wash., p. 149; US News and World Report, 1974, Dec. 30, p. 24—25.
[12] Economic Report of the President. Wash., 1952, p. 97.

ничений на вооруженные силы Италии и об использовании людских и материальных ресурсов Испании и ФРГ [13].

Наибольшая опасность превращения войны в Корее в третью мировую войну возникла после того, как в октябре 1950 г. американские войска перешли 38-параллель и на помощь корейскому народу пришли китайские добровольцы. В ноябре фронт агрессоров был прорван, началось беспорядочное отступление американцев и лисынмановцев. Часть американских войск попала в окружение. Американское командование решило начать стратегические бомбардировки Китая. Впоследствии Г. Трумэн на вопрос, настаивал ли Макартур на применении атомных бомб, ответил: «Да, Макартур хотел этого... Он хотел бомбить Китай, Восточную Россию и все подряд» [14]. Однако правительство США, понимая, какую опасность представляет атомная война для самих Соединенных Штатов, было вынуждено занять более осторожную позицию. 11 апреля 1951 г. Г. Трумэн объявил о снятии генерала Макартура с поста главнокомандующего на Дальнем Востоке. Обсуждение в сенате в мае—июне проблемы войны в Восточной Азии привело к более трезвым оценкам. Генерал Брэдли заявил, что стратегия Макартура вовлекает США «не в ту войну, не в том месте, не в то время и не с тем врагом» [15].

Хотя в июне 1951 г. фронт в Корее стабилизировался у 38-й параллели и в июле начались переговоры о перемирии, война продолжалась. Всего за время войны в Корее побывали более 4,9 млн. американских военнослужащих. На Корею было сброшено 448 тыс. т. бомб, около половины того, что было сброшено американскими ВВС на европейском театре во время второй мировой войны, была достигнута наибольшая известная до того в истории плотность артиллерийского огня, широко использовались ВМС. Все это не привело, да и не могло привести к победе американских милитаристов, поскольку, благодаря ядерному потенциалу Советского Союза и тогдашней интернациональной политике КНР, США были вынуждены вести ограниченную и по пространству и по средствам войну [16].

Президентские выборы 1952 г. принесли победу республиканской партии. Президентом стал Д. Эйзенхауэр. Оценивая итоги выборов, бывший Генеральный секретарь Национального Комитета Коммунистической партии США Ю. Деннис писал, что огромный престиж Эйзенхауэра, связанный с его ролью в борьбе против держав «оси», демагогическая мирная пропаганда республиканской партии, сыгравшей на недовольстве и возмущении масс правительством Трумэна в связи с несправедливой и непопулярной войной в Корее, призывом в армию, астрономическим увеличением расходов на вооружения, ростом налогов и стоимости жизни, обеспечили победу республиканцам [17].

[13] Editorial Research Reports, Wash., 1952, vol. 1, p 14
[14] Time, 1961, Jan. 2, p. 21.
[15] Military Situation in the Far Fast Hearings... Wash., 1951, p. 732.
[16] *Halperin M.* The Korean War. In American Defense Policy. Baltimore; London, 1977, p. 191—201.
[17] *Деннис Ю.* Письма из тюрьмы. М., 1957, с. 66.

Послание президента США Д. Эйзенхауэра конгрессу о положении страны 2 февраля 1953 г., однако, показало, что и республиканская администрация была намерена продолжать агрессивную политику на Дальнем Востоке. Разница между стратегией Трумэна и Эйзенхауэра состояла в том, что новый президент в большей степени, чем его предшественник, предложил рассматривать войну в Корее не как самоцель, а как средство в глобальной борьбе против «коммунизма». Эйзенхауэр заявил в конгрессе, что капиталистический мир больше «не будет пребывать в парализующем напряжении», а будет проводить «новую позитивную внешнюю политику», которая «будет разумной и охватит весь мир» [18].

Но, так или иначе, правительство США было вынуждено согласиться на подписание 27 июля 1953 г. соглашения о перемирии в Корее, положившего конец войне. Тем не менее продолжал увеличиваться военный потенциал НАТО. Еще в конце февраля 1952 г. в Лиссабоне была принята программа НАТО, предусматривавшая усиление гонки вооружений западноевропейскими союзниками США, а также ремилитаризации ФРГ и последующее включение ее в НАТО.

С приходом к власти администрации Д. Эйзенхауэра началась общая переоценка военной политики и военно-политической стратегии США и их союзников по империалистическим блокам. Некоторое сокращение американских сухопутных сил сочеталось с увеличением числа войск союзников США и значительным увеличением численности и боевых возможностей американских ВВС, особенно стратегической авиации. На смену стратегии «коллективной безопасности» и «ядерного сдерживания» пришла даллесовская стратегия «массированного возмездия», ставившая человечество на грань ядерной катастрофы.

Основы новой военно-политической стратегии «массированного возмездия» были сформулированы в октябре 1953 г. в документе СНБ-162/2, разработанном Комитетом начальников штабов во главе с адмиралом Рэдфордом, в котором говорилось, что «военное командование может рассчитывать на использование ядерного оружия, тактического и стратегического, когда в этом возникнет военная необходимость» [19].

О превращении концепции «массированного возмездия» в официальную военно-политическую стратегию США было объявлено государственным секретарем США Дж. Ф. Даллесом в выступлении перед влиятельным Советом по международным отношениям в Нью-Йорке 12 января 1954 г. Даллес утверждал, что если США будут продолжать свою политику, основываясь на готовности воевать в любом месте, то это вскоре обязательно приведет к отрицательным бюджетным, экономическим и социальным последствиям. Основное решение, по его мнению, заключалось в том, что США должны были

[18] Department of State Bulletin, 1953, Febr. 9, p. 207.
[19] *Brown S.* The Faces of Power: Constaney and Change in United States Foreign Policy from Truman to Johnson. N. Y.; L., 1969, p. 71—73.

полагаться главным образом на способность «массированного возмездия» любыми средствами и в местах, которые они сами изберут [20].

Опасность для человечества даллесовской стратегии балансирования на грани термоядерной войны усиливалась тем, что в 1952 г. в США были проведены испытания термоядерного оружия, мощность которого в сотни раз превышала разрушительный потенциал ядерных бомб. В тот же период началось серийное производство новых тяжелых реактивных бомбардировщиков Б-52, предназначенных для нанесения термоядерных ударов по административно-промышленным центрам Советского Союза, и была развернута стратегическая система ПВО североамериканского континента «Норад». Одним словом, милитаристы США строили безумные планы нанесения термоядерных ударов по СССР в надежде на собственную неуязвимость, особенно рассчитывая на то, что основные базы стратегической авиации США находились на территориях их союзников по военно-политическим блокам.

Опасность новой доктрины состояла прежде всего в том, что реакционные агрессивные политические круги США стремились применить стратегию «массированного возмездия» для достижения далеко идущих социально-политических целей. Еще в мае 1952 г. Дж. Ф. Даллес прямо связал стратегию «массированного возмездия» с политикой «освобождения» восточноевропейских стран, вставших на путь строительства социализма [21]. Антиправительственные выступления в ГДР 1953 г. и события в Венгрии 1956 г. наглядно продемонстрировали опасность агрессивного внешнеполитического курса США. Таким образом, «массированное возмездие» использовалось не в качестве оборонительной доктрины и политики, как это провозглашалось термином «возмездие», а в виде агрессивной наступательной стратегии, с помощью которой США рассчитывали изменить политические итоги второй мировой войны и послевоенного развития в Европе и Азии.

В США был взят курс на стратегический ядерный шантаж системы социализма и резкое наращивание стратегической авиации, вооруженной ядерными и термоядерными бомбами. Потребовалось создание в СССР стратегического ракетно-ядерного потенциала, надежно обеспечивающего нашу обороноспособность для того, чтобы правящие круги США осознали опасность для собственных интересов политики стратегической конфронтации на грани ядерной войны и перешли к менее провокационной, хотя и не менее агрессивной стратегии «гибкого реагирования» 60-х годов.

Но и в первой половине 50-х годов трезвомыслящие американские политики понимали пагубность такого курса для самих Соединенных Штатов. Если США начнут войну, предупреждал Д. Кеннан, возникнет серьезное брожение внутри страны, так как «миллионы американцев, я в этом твердо убежден, будут испытывать величайшие сомнения — была ли катастрофа необходима для человечества и разве

[20] Department of States Bulletin. 1954, Jan. 25, p. 100.
[21] *Dulles J. F.* A Policy of Boldness. — Life, 1952, May 19, p. 146—160.

не существовало в действительности путей для ее предотвращения. И это случится, не говоря уже о том, что использование атомного оружия нанесет разрушения Америке» [22]. Бывший государственный секретарь США Д. Ачесон высказал в 1955 г. еще более определенную точку зрения: «Мы должны при планировании политики считаться с вероятностью того, что превентивная война с нашей стороны не предотвратит возмездия, а вызовет его. Что случится тогда? Разве наш народ, выбравшийся из развалин своих городов, будет вести длительную войну до победного конца? Ответит ли он на это как ответил на Пёрл-Харбор? Возможно. Однако Пёрл-Харбор был предательским нападением на нас, а не возмездием за наше предательское нападение. Разве не может случиться так, что все они — наш народ и другие народы мира — категорически осудят руководителей, развязавших такую войну?» [23]

Хотя соотношение сил в мире заставило США прекратить войну в Корее, правительство Эйзенхауэра усилило военную помощь и поддержку французским войскам, которые вели колониальную войну в Юго-Восточной Азии. Но, несмотря на это, весной 1954 г. французские силы оказались на грани поражения. Крупный французский гарнизон в крепости Дьенбьенфу был осажден, и его положение становилось безнадежным. В марте к берегам Индокитая были направлены американские авианосцы. Ставился вопрос о применении на поле боя атомного оружия.

Уроки войны в Корее, мощь социалистических стран и мировое общественное мнение заставили США в апреле 1954 г. согласиться на созыв Женевского совещания министров иностранных дел СССР, КНР, США, Англии и Франции. В июле был подписан ряд соглашений о прекращении военных действий во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе [24].

Одновременно с «балансированием на грани ядерной войны» в соответствии со стратегией «массированного возмездия» США проводили линию на создание новых военно-политических блоков и укрепление уже созданных. В сентябре 1954 г. в Маниле был подписан договор об обороне Юго-Восточной Азии — СЕАТО, в состав военно-политической организации которого вошли США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины и Пакистан. В Европе правительство Эйзенхауэра форсировало включение Западной Германии в НАТО. В мае 1955 г. ФРГ стала членом Североатлантического блока.

Социалистические страны были вынуждены принять меры по укреплению своей обороноспособности и заключить в 1955 г. Варшавский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Одновременно СССР проводил на международной арене и в рамках Организации Объединенных Наций (ООН) активный внешнеполитический

[22] *Kennan G. F.* Realities of American Foreign Policy, p. 79.
[23] *Acheson D.* A Democrat Looks at his Party. N. Y., 1955, p. 73.
[24] См.. История внешней политики СССР / Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. М., 1981, т. 2. 1945—1980 гг., с. 209.

курс на укрепление мира, международной безопасности, на разоружение.

Усилия советской дипломатии привели летом 1955 г. к определенной разрядке международной напряженности. В июле в Женеве состоялось совещание глав правительств СССР, США, Англии и Франции, на котором были обсуждены некоторые проблемы международных отношений, в первую очередь германский вопрос. В результате этой встречи возник «дух Женевы» — было продемонстрировано, что великие державы могут вести переговоры в духе взаимопонимания [25].

Но разрядка напряженности не отвечала замыслам американских правящих кругов. В октябре 1956 г. империалистические силы, прежде всего США, спровоцировали контрреволюционный мятеж в Венгрии, а Англия, Франция и Израиль предприняли вооруженную агрессию против Египта. Создалась чрезвычайно опасная обстановка. Решающую роль в пресечении агрессии и сохранении мира в этот период сыграл Советский Союз.

В январе 1957 г. президент США Д. Эйзенхауэр в послании конгрессу изложил «доктрину Эйзенхауэра» в отношении стран Ближнего Востока, суть которой состояла в оказании военной помощи проамериканским силам в этом регионе. В августе-октябре США пытались подтолкнуть Иорданию, Ирак, а затем и Турцию напасть на Сирию. В июле 1958 г. в Ливане высадились американские войска, а в Иордании — английские. Лишь твердая позиция СССР вынудила империалистов вывести войска из этих стран в октябре того же года.

Рост мощи Советского Союза и всего социалистического лагеря в 50-е годы, создание в 1953 г. в СССР термоядерного оружия, а в 1957 г. межконтинентальных баллистических ракет явились главным фактором сохранения мира в тот исторический период. Не менее важную роль играли советские внешнеполитические усилия [26].

Реакция же американских правящих кругов на рост экономической и военной мощи СССР носила характер, традиционный для периода «холодной войны». В ноябре 1957 г. Совет национальной безопасности США рассмотрел доклад, подготовленный по заданию Эйзенхауэра группой специалистов во главе с Х. Гейтером, бывшим руководителем «Фонда Форда». В нем говорилось, что «США стоят перед самой страшной угрозой во всей своей истории», и содержались рекомендации увеличить прямые военные расходы США на 8 млрд. долл. к 1960 г., ассигновывать ежегодно по 5 млрд. долл. на гражданскую оборону» [27].

В исследовании американских ученых А. Уолстеттера, Ф. Хоффмана, Р. Лутца и Г. Роуэна «Выбор и использование баз стратегической авиации», выполненном в «РЭНД корпорейшн» в 1954 г.,

[25] The Geneva Conference of Heads of Governments. Wash., 1955, p. 88.
[26] История внешней политики СССР, т. 2, с. 321.
[27] Newsweek, 1959, Febr. 9, p. 6.

и в некоторых других работах ставился вопрос о том, что примерно 1500 американских стратегических бомбардировщиков, размещенных на 60 базах, в связи с созданием и дальнейшим развитием советских межконтинентальных баллистических ракет в принципе становятся уязвимыми и не отвечают новым требованиям, предъявляемым к стратегическим системам оружия [28].

Таким образом, как отмечалось в одном из докладов сенатской комиссии по иностранным делам, «с учетом того ущерба, который США могли понести в ходе карающего удара по противнику, который сам был способен на „массированное возмездие", американская стратегия ядерного сдерживания обнаружила свою ограниченность» [29].

Состоявшиеся в 1960 г. в США президентские выборы привели к власти лидера демократов Дж. Кеннеди, который вел предвыборную борьбу, критикуя стратегию «массированного возмездия» и выступал за более реалистический курс в международных отношениях, хотя одновременно использовал демагогический лозунг «ракетного отставания» США.

Дальнейшие события показали, что в период вьетнамской войны демократические администрации Дж. Кеннеди и Л. Джонсона создали второй пик в послевоенной гонке вооружений. Но и широко известное высказывание Д. Эйзенхауэра об опасности преобладания в США военно-промышленного комплекса в его прощальной речи вряд ли можно считать лишь выражением его личной высокой морали. В нем скорее отразилось неудовольствие поражением республиканцев на президентских выборах 1960 г. от демократов, необоснованно обвинявших первых в военном отставании США.

В послевоенной истории США президентство Л. Джонсона 1965—1968 гг. ознаменовалось следующим после войны в Корее всплеском экспансионизма и милитаризма в американской политике, когда численность вооруженных сил и доля военных расходов снова достигли предельного в этом десятилетии уровня (3,6 млн. военнослужащих и 10 % ВНП) [30]. Особенно заметный импульс милитаризму в США дала война во Вьетнаме, в которой, как и в войне в Корее и даже в еще большей степени, принимали участие американские вооруженные силы, потерявшие только убитыми 56 тыс. человек, и которая в конечном итоге в отличие от войны в Корее закончилась полным поражением поддерживаемого США южновьетнамского режима [31].

Однако при анализе роста милитаризма в США в 60-е годы было бы, пожалуй, недостаточно связывать его исключительно с войной во Вьетнаме и даже в целом с политикой США в Юго-Восточной Азии. Его истоки лежат в более широких внешнеполитических замыслах доктрины «новых рубежей» и основополагающих концеп-

[28] *Enthoven A., Smith K.* How Much is Enough? N. Y., 1971, p. 166, 345.
[29] Developments in Military Technology and Their Impact on United States Strategy and Foreign Policy. Wash., 1959, p. 104.
[30] См.: *Фарамазян Р. А.* Указ. соч., с. 44, 316.
[31] *Stoessinger J.* Why Nations Go to War. N. Y., 1974, p. 137.

циях военно-политической стратегии «гибкого реагирования», сформулированных администрацией Дж. Кеннеди [32].

В инаугурационной речи 20 января 1961 г. Кеннеди заявил, что США будут энергично выступать в роли мирового жандарма: «Пусть любое государство знает, независимо от того, добра или зла оно нам желает, что мы заплатим любую цену, вынесем любое бремя, встретим любые трудности, поддержим всякого друга, выступим против всякого врага, чтобы гарантировать выживание и успех свободы» [33].

Переход от стратегии «массированного возмездия» к стратегии «гибкого реагирования» повлек за собой прежде всего значительное увеличение военных расходов и численности вооруженных сил. Для первой были характерны ядерный шантаж, балансирование на грани ядерной катастрофы, упор на возможность «первого удара», наносимого стратегической авиацией, ударными авианосцами и превосходящими ядерными силами передового базирования при некотором сокращении военных расходов и численности вооруженных сил. Вторая же исходила из официально объявленной концепции «сдерживания» неограниченной стратегической ядерной войны посредством «гарантированного уничтожения» противника «вторым» ракетно-ядерным ударом при значительном «стратегическом ядерном превосходстве» и готовности сил общего назначения США и их союзников к «двум с половиной» войнам на «театрах военных действий»: с Советским Союзом в Европе, одновременно с КНР в Азии и еще к «половине войны» с менее значительным противником в любом регионе (например, с ДРВ в Азии или Республикой Куба в Америке) [34]. Идеологической базой стратегии «гибкого реагирования» был воинствующий антикоммунизм и переоценка Соединенными Штатами своих возможностей в борьбе с национально-освободительными движениями и социальными изменениями в мире.

В то же время следует иметь в виду, что приведенное выше заявление Дж. Кеннеди о готовности США пойти на любые жертвы ради сохранения угодных США порядков в странах «свободного мира» носило в известной мере пропагандистский характер. Он понимал это, признавая, что «мир ныне иной. Ибо человек держит в своих смертных руках силу, способную уничтожить все формы человеческой жизни» [35]. Главный акцент поэтому в военной политике США был сделан на подготовку к ограниченной войне и «контринсургенции» [36].

Г. Киссинджер еще раньше писал по этому поводу: «Сила современного оружия уменьшает значение нашего промышленного потенциала во всеобщей войне потому, что каждая сторона может с самого

[32] См.: *Громыко Анат. А.* Внешняя политика США: Уроки и действительность. 60–70-е годы. М., 1978, с. 35, 42.
[33] *Kennedy J. F.* To Turn the Tide. Wash., 1961, p. 7.
[34] *Collins J.* Grand Strategy. Annapolis. 1973, p. 110, 114.
[35] *Kennedy J. F.* Op. cit., p. 6.
[36] Эти концепции подробно рассмотрены в следующих публикациях: *Трофименко Г. А.* Указ. соч., с. 256–270; *Журкин В. В.* США и международно-политические кризисы. М., 1975; *Листвинов Ю. М.* Обычное оружие в ядерном веке. М., 1976.

начала уничтожить индустриальные мощности противника наличными ударными силами. В войне с применением современных видов оружия промышленный потенциал может иметь значение только тогда, когда он сам не является целью. В результате ограниченная война стала формой конфликта, которая дает нам возможность извлечь величайшее стратегическое преимущество из нашего промышленного потенциала» [37].

Подобные же идеи излагал генерал М. Тейлор, предложивший название «гибкое реагирование» для новой стратегии. «В условиях ядерного паритета, — утверждал он, — когда обе стороны обладают способностью к взаимному уничтожению, стратегия массированного ядерного удара может служить лишь средством устрашения для предотвращения тотальной ядерной войны или репрессалии в случае, если такая война начнется... Отныне мы должны ориентироваться на так называемые силы ограниченной войны как на активный элемент нашей стратегии» [38].

В специальном послании конгрессу от 28 марта 1961 г. президент Кеннеди следующим образом определил основные направления военной политики США: «Наша цель теперь — повысить нашу способность к применению неядерного оружия. Главная тяжесть обороны против нападения, подрывной деятельности и партизанской войны должна лежать на местных вооруженных силах и местном населении. Но, учитывая серьезность угрозы подобных действий со стороны противника, мы также должны быть готовы к тому, чтобы иметь возможность внести существенный вклад в такую оборону с помощью мощных и высокомобильных сил, обученных для ведения подобных военных операций» [39].

Однако практически ведение «противоповстанческих» действий и реализация концепции ограниченных войн создавали опасность перерастания в неограниченную термоядерную войну, о чем свидетельствуют как операция в «заливе Кочинос» весной 1961 г., так и карибский кризис 1962 г., который таил в себе громадную опасность для дела всеобщего мира и безопасности человечества[40]. Твердый и одновременно гибкий политический курс советского правительства позволил преодолеть этот кризис и обеспечить безопасность социалистической Кубы.

Выступая 22 ноября 1963 г. в Форт-Уорте накануне гибели, Дж. Кеннеди как бы подвел итог своей политики и деятельности военно-промышленного комплекса, о котором в полемике политической борьбы с победившей на президентских выборах демократической партией говорил в прощальной речи Д. Эйзенхауэр. «За последние три года, — заявил Дж. Кеннеди, — мы увеличили бюджет-

[37] *Kissinger H.* Nuclear Weapons and Foreign Policy. N. Y., 1957, p. 155.
[38] *Тейлор М.* Ненадежная стратегия. М., 1961, с. 85, 87.
[39] *McNamara R. S.* The Essence of Security. N. Y., 1968. Цит. по рус. пер.: *Макнамара Р. С.* Сущность безопасности. М., 1969, с. 99—100.
[40] Эти проблемы обстоятельно исследованы в монографии Анат. А. Громыко. См.: Внешняя политика США: Уроки и действительность, с. 35—97.

ные ассигнования на оборону более чем на 20 %, число заказанных подводных лодок с ракетами «Поларис» с 24 до 41, заказы ракет типа «Минитмен» более чем на 75 %, удвоили число стратегических бомбардировщиков и ракет, находящихся в состоянии полной боевой готовности, увеличили вдвое число различных видов ядерного оружия, имеющегося в распоряжении боеготовых стратегических сил, увеличили размещенные в Западной Европе оперативно-тактические ядерные силы более чем на 60 %, армию Соединенных Штатов на пять дивизий, находящихся в состоянии полной боевой готовности, и предоставили военно-воздушным силам Соединенных Штатов пять дополнительных авиакрыльев оперативно-тактических истребителей-бомбардировщиков, повысили наши стратегические авиатранспортные возможности на 75 %, увеличили наши специальные антиповстанческие силы, действующие в настоящее время в Южном Вьетнаме, на 600 %...» [41].

Неправомерность и недальновидность такого курса особенно отчетливы на фоне больших усилий СССР, направленных на сдерживание гонки вооружений в конце 50-х—начале 60-х годов, когда Советский Союз в одностороннем порядке сократил численность своих вооруженных сил более чем на 2,7 млн. человек, доведя ее до 2,4 млн., и выдвинул с трибуны ООН программу всеобщего и полного разоружения под строгим международным контролем [42].

В августе 1964 г. администрация Л. Джонсона предприняла решительный шаг в расширении агрессии во Вьетнаме, использовав так называемый тонкинский инцидент для начала варварских бомбардировок территории ДРВ, более интенсивного наращивания численности вооруженных сил и военного бюджета США, и продолжала подъем по «лестнице эскалации» до конца своего правления в 1968 г.[43]

Каковы же были военные результаты милитаризации экономики США и в каких направлениях велось наращивание американского военного потенциала в 1961—1968 гг., т. е. в период действия военно-политической стратегии «гибкого реагирования»?

Р. Макнамара, возглавлявший в те годы Пентагон, писал после ухода с поста военного министра, что он получал от президентов Кеннеди и Джонсона инструкции обеспечить все необходимое для реализации стратегических планов США «без каких-либо определенных бюджетных ограничений, но с максимальной экономической эффективностью» [44]. Главным в развитии вооруженных сил США в тот период было наращивание стратегических ракетно-ядерных сил, создание по существу двух их новых компонентов: баллистических ракет на атомных подводных лодках и межконтинентальных баллистических ракет во взрывостойких подземных шахтах, а также увеличение почти в 1,5 раза (до 3,6 млн. человек) численности американских вооруженных сил общего назначения.

[41] Цит. по: *Fairlie H.* The Kennedy Promise. N. Y., 1973, p. 347—348.
[42] История внешней политики СССР, т. 2, с. 378, 605.
[43] Подробнее об этом см.: *Яковлев А. Н.* и др. По ступеням войны и обмана. М., 1971.
[44] *McNamara R. S.* Op. cit., p. 87.

В строительстве и модернизации наземного, подводного и авиационного компонентов стратегических наступательных ядерных сил США основное внимание уделялось повышению их эффективности и выживаемости. С 1961 по 1968 г. число средств доставки стратегических ядерных зарядов выросло с 1762 до 2358 за счет увеличения количества стратегических ракет при одновременном уменьшении числа стратегических бомбардировщиков. Количество стратегических ядерных зарядов также несколько возросло: с 3900 до 4200. Были введены в строй ракетные атомные подводные лодки (41 подводная лодка, 656 ракет «Поларис»), около 40 % стратегических бомбардировщиков стали нести боевое дежурство на аэродромах в состоянии 15-минутной готовности, 1054 ракеты «Титан-2» и «Минитмен» были развернуты в высокозащищенных подземных шахтах с возможностью запуска через несколько минут после получения команды. Вследствие этого число стратегических ядерных зарядов, доставка которых обеспечивалась дежурными средствами, увеличилось в 3 раза [45]. Было санкционировано начало работ по развертыванию системы противоракетной обороны США «Сентинел».

Что касается боевых возможностей сил общего назначения, использовавшихся в первую очередь для ведения ограниченных войн, то в 1961—1968 гг. в 1,5 раза увеличилось число регулярных дивизионных эквивалентов армий и морской пехоты (с 17 до 24). Число авиакрыльев ВВС и ВМС возросло с 40 до 46, а боевых кораблей с 819 до 932. Была реализована крупная программа производства нового вооружения и военной техники. Повысились возможности сил обеспечения стратегической мобильности армии США — авиационных и морских военно-транспортных средств, предназначенных для переброски крупных контингентов армии на отдаленные театры военных действий. Число регулярных и резервных танковых и механизированных соединений армии США увеличилось на 110 %. Если в 1961 г. в армии и морской пехоте США насчитывалось 3100 вертолетов, из которых только 200 были турбовинтовыми, то к середине 1970 г. в составе этих сил насчитывалось 7500 турбовинтовых вертолетов, в результате чего их общая грузоподъемность увеличилась на 300 %. ВВС США в 1968 г. имели около 3 тыс. боевых самолетов оперативно-тактического назначения — примерно столько же, сколько и в 1961 г., однако вес их оружия, доставляемого к целям, возрос на 50 %. Продолжалось строительство ударных авианосцев, а численность многоцелевых атомных подводных лодок увеличилась с 13 до 33 [46].

Важнейшим моментом развития вооруженных сил США в 1961—1968 гг., наряду с увеличением численности вооруженных сил и наращиванием обычных вооружений, было количественное увеличение и качественное совершенствование ядерного оружия сил общего назначения — тактического ядерного оружия, создание и принятие на вооружение носителей (самолетов, кораблей, артиллерии) как

[45] Ibid., p. 74
[46] Ibid., p. 82—83.

с ядерными, так и с обычными зарядами. Так, в Европе число тактических ядерных зарядов увеличилось в 3 раза и превысило 7 тыс.[47]

Однако милитаристский курс США в 60-е годы не принес руководству США ни победы во вьетнамской войне, ни военного превосходства над Советским Союзом, ни тем более выигрышной внутриполитической позиции. Л. Джонсон в марте 1968 г. вынужден был отказаться выставлять свою кандидатуру на президентских выборах. Милитаризм на этом этапе достиг своего пика, и впереди уже виднелись контуры несколько иной политики.

Развитие вооруженных сил и вооружений США в 70-е годы в основном определялись требованиями внешнеполитической доктрины «разделенной ответственности» и военно-политической стратегии «реалистического сдерживания», официально сформулированных в начале десятилетия.

Лейтмотивом важнейших внешнеполитических документов республиканских администраций Р. Никсона и Дж. Форда, и прежде всего президентских посланий, служила концепция более «реалистической» роли американцев на мировой арене. В 70-е годы был признан нереальным курс «глобальной ответственности», намеченный в начале 60-х годов президентом Кеннеди. На смену ему пришла внешнеполитическая доктрина «разделенной ответственности» («доктрина Никсона»), суть которой выражена в его первом внешнеполитическом послании: «Соединенные Штаты будут участвовать в обороне и развитии союзников и друзей, но Америка не может — и не будет — разрабатывать все планы, все программы, осуществлять все решения и обеспечивать все оборонные меры свободных наций мира»[48].

Если отбросить «оборонительную» риторику таких заявлений, то на первое место выступают изменения в американских оценках расстановки сил в мире. В том же внешнеполитическом послании Р. Никсон писал, что после второй мировой войны прошло 25 лет, мир изменился, изменились противники и союзники США. Что касается противников, то, по его мнению, большое значение приобрел благоприятный для правящих кругов США «китайский фактор». Что же касается союзников (здесь в первую очередь имелись в виду западноевропейские союзники, и особенно бывшие противники — ФРГ и Япония), то за четверть века они восстановили и развили свою экономику, и США потребовали увеличения их доли в обеспечении общего военного потенциала капиталистического мира. Собственно, эти два фактора и легли в основу американской стратегии «реалистического сдерживания» и строительства вооруженных сил США в 70-е годы[49].

В результате анализа важнейших внешнеполитических и внутренних аспектов было определено, что численность регулярных вооруженных сил и доля ВНП США, выделяемого на военные цели в 70-е годы, должны быть на уровне несколько более 2 млн. человек

[47] *Enthoven A., Smith K.* Op. cit., p. 125—132.
[48] *Nixon R.* US Foreign Policy for the 1970's. Wash., 1970, p. 5.
[49] Ibid., p. 2.

и порядка 6 % соответственно по сравнению с 3,6 млн. и 10 % в 1968 г. На смену концепции «превосходства» стратегических ядерных сил пришла концепция «достаточности». Концепцию подготовки сил общего назначения к «двум с половиной войнам» заменила концепция «полутора войн» либо с СССР, либо с Китаем, плюс «полвойны» еще в каком-либо регионе.

Характеризуя внешнеполитическую доктрину «разделенной ответственности» и военно-политическую стратегию «реалистического сдерживания», министр обороны США М. Лэйрд заявил: «Доктрина Никсона гарантирует нашим союзникам во всем мире, что мы будем продолжать выполнять наши договорные обязательства по отношению к ним, но мы, возможно, будем выполнять эти обязательства на несколько иной базе. По мере необходимости мы будем выполнять их посредством увеличения военной помощи и обеспечения воздушной и морской поддержки. Что же касается выполнения обязательств путем предоставления крупных сухопутных сил, то это весьма маловероятно. Я думаю, что мы научились кое-чему во Вьетнаме. Я думаю, что доктрина Никсона учитывает этот урок» [50].

Приход к власти осенью 1974 г. администрации Дж. Форда вначале не внес значительных изменений во внешнеполитическую доктрину и военно-политическую стратегию США. В конце того же года Форд объявил свою «тихоокеанскую доктрину», подчеркнув, что США «имеют жизненно важные интересы в Азии» и будут сохранять там свое военное присутствие, укреплять военные союзы с Японией и Южной Кореей и развивать «новые связи» с Китайской Народной Республикой, используя благоприятное отношение пекинского руководства к американскому военному «присутствию» в этом регионе. В новой обстановке возросла роль министра обороны Дж. Шлесинджера, который выступил с рядом новых стратегических концепций и внес некоторые изменения в строительство вооруженных сил. В его докладах о военном бюджете и развитии вооруженных сил США больший акцент сделан на внешнеэкономические интересы США, на зависимость американской экономики, и особенно экономики основных союзников США, от импорта нефтепродуктов из зоны Персидского залива, нестабильность ситуации на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии и рост военных возможностей Советского Союза [51].

Стратегические концепции Дж. Шлесинджера, который в течение ряда лет был ведущим сотрудником одного из известных центров стратегического анализа «РЭНД корпорейшн», охватывали весь диапазон военной стратегии США, хотя в 1974 г. наибольшее внимание было привлечено к его концепции перенацеливания стратегических ракет, получившей в печати название «доктрины Шлесинд-

[50] US News and World Report, 1970, May 11, p. 72.

[51] *Schlesinger J.* Annual Defense Department Report, FY 1975. Wash., 1974, p. 1—24; *Idem.* Report of the Secretary of Defense to the Congress on the FY 1976 and Transition Budget, FY 1977 Authorization Request and FY 1976—1980 Defense Program. Wash., 1975, p. 1—4.

жера». Если суммировать суть этих концепций, то они сводились к повышению гибкости, а следовательно, и вероятности использования стратегических ядерных сил и одновременному повышению неядерных возможностей американских сил общего назначения.

Толчком к корректировке внешнеполитической доктрины и военно-политической стратегии США послужила победа национально-освободительных сил в Камбодже и Южном Вьетнаме в 1975 г. Эти события наряду с неблагоприятными для США изменениями на южном фланге НАТО — демократическими преобразованиями в Португалии, конфликтом на Кипре, выходом Греции из военной организации Североатлантического союза, ухудшением отношений США с Турцией — послужили толчком к пересмотру американских стратегических концепций. При этом центры внимания американской региональной стратегии сдвинулись с Юго-Восточной Азии и переместились на Ближний Восток, в район Средиземноморья, в Южную Корею и Японию. Что касается Европы, то она продолжала быть главным объектом глобальной и региональной стратегии США.

В заявлении о положении страны бывший президент США Дж. Форд в январе 1975 г. отметил важность укрепления американских позиций в этих регионах, а Дж. Шлесинджер в докладе о военной программе на 1975/76 г. подчеркнул, что союзники США в различной степени испытывают экономические и политические трудности и «в этих условиях требуется сформулировать общие цели от Азорских островов, через Европу, Средиземноморье — до Японии» [52].

Применительно к Европе и Ближнему Востоку были подчеркнуты стремление США сохранить и усилить свою роль в НАТО, готовность продолжать оказывать всестороннюю военную помощь Израилю и принять экономические, политические и военные меры против эмбарго на поставки нефти странами Ближнего Востока, а также увеличить американское военное присутствие в Индийском океане.

В отношении Азии военно-политическая стратегия США в середине 70-х годов предусматривала усиление военных связей с Южной Кореей и Японией и использование благоприятного отношения пекинского руководства к американскому военному присутствию в Восточной Азии и зоне Тихого океана. «Одним из уроков вьетнамского конфликта явилось то, что вместо простого сдерживания давления необходимо наносить удар в сердце мощи противника: уничтожать его вооруженные силы, а не вовлекаться в бесконечные второстепенные военные операции», — заявил Шлесинджер, характеризуя американскую позицию по отношению к Северной Корее [53].

Приход во второй половине 1975 г. к власти в Пентагоне Д. Рамсфелда не внес существенных изменений в стратегические концепции США.

Главное направление увеличения американских военных приготовлений в рассматриваемый период — это рост ассигнований на за-

[52] *Schlesinger J.* Annual Defense Department Report, FY 1976. Wash., 1975, p. 1—4.
[53] US News and World Report, 1975, May 26, p. 24—27.

казы вооружения и военной техники и на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР). В ценах 1976/77 г. этот рост характеризовался следующими данными: 19,8 млрд. в 1975 и 29,3 млрд. долл. в 1976/77 г. по категории заказов и соответственно 9,9 млрд. и 11 млрд. долл. по НИОКР.

По целевым программам министерства обороны США наращивание осуществлялось преимущественно в отношении сил общего назначения (31,9 млрд. долл. в 1975 и 40,2 млрд. долл. в 1976/77 г.). По стратегическим ядерным силам в 1974—1976 финансовых годах имело место некоторое уменьшение расходов в постоянных ценах: 8,5 млрд., 8,2 млрд. и 7,8 млрд. долл. В 1976/77 г. на эту программу (куда входят только прямые расходы на содержание стратегических ядерных сил и заказы нового стратегического оружия) по категории полных финансовых полномочий были выделены 9,4 млрд. долл.[54]

В конце 60-х—первой половине 70-х годов увеличился удельный вес американской военной помощи в наращивании военного потенциала стран НАТО и их союзников, при этом намного увеличился объем продажи американского оружия за наличный расчет, что соответствует концепции «партнерства» во внешнеполитической доктрине США и военно-политической стратегии «реалистического сдерживания». С начала десятилетия до 1975 г. США продали за границу оружия на 20 млрд. долл. и, сверх того, осуществлены безвозмездные его поставки еще на 8 млрд. долл. В тот период основной поток оружия направлялся в район Ближнего Востока и Персидского залива. В 1974 г. странам этого региона было продано вооружения и военной техники почти на 7 млрд. долл. Кроме того, Израиль после войны 1973 г. получил от США оружия на сумму почти 2 млрд. долл. В 1975 и 1976 гг. ежегодный объем продаж американского оружия за границу превышал 10 млрд. долл., в то время как в 1970 г. он составлял не более 1,5 млрд.[55]

В целом же для строительства вооруженных сил США, их военно-технической политики в рассматриваемый период характерны следующие общие показатели. В 1970—1976 финансовых годах военные расходы США в текущих ценах составили около 600 млрд. долл., а в ценах 1975/76 г. по категории полных финансовых полномочий превысили 700 млрд. долл., что в сопоставимых ценах примерно на 15 % меньше, чем за предшествующие 7 лет (1963—1969 финансовых годах). Такое уменьшение обусловлено главным образом прекращением непосредственного участия США в войне в Юго-Восточной Азии и сокращением численности сил общего назначения.

В 70-е годы еще больший акцент США стали делать на качественное превосходство своих вооруженных сил: «Любая оценка будущих военных потребностей Соединенных Штатов, — заявлял бывший министр обороны М. Лэйрд, — должна включать программу сохранения

[54] *Rumsfeld R* Annual Defense Department Report, FY 1977. Wash., 1976, p. A—8—A—14.

[55] *Luck E.* Arms Transfers and Conventional Arms Control. — Paper Prepared for the United Nations Association, 1975, Febr.

нашего научно-технического превосходства» [56]. Эта линия в дальнейшем проходила и через доклады министров обороны США Э. Ричардсона, Дж. Шлесинджера и Д. Рамсфелда и начальников управления научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ министерства обороны. Запросив в 1975/76 г. на исследования, разработки, испытания и оценки 10,2 млрд. долл., начальник управления М. Кэрри заявил: «Совершенно определенная цель этой программы — удержание нашей нацией в настоящее время и в будущем одного из бесценных качеств — научно-технической инициативы... Мы должны обеспечить сохранение широкого диапазона научно-технических инициатив» [57].

С приходом к власти в начале 1977 г. демократической администрации Дж. Картера можно было бы ожидать по аналогии с деятельностью администрации Дж. Кеннеди появления новой военно-политической стратегии США на смену «реалистическому сдерживанию». Однако этого не произошло, хотя упомянутый термин практически перестал использоваться в правительственных документах после ухода с политической сцены Р. Никсона. Следует иметь в виду еще одно обстоятельство: до 1967 г. НАТО использовала стратегию «массированного возмездия» и лишь позднее перешла на стратегию «гибкого реагирования», которая официально до сих пор считается стратегией, принятой этим военно-политическим блоком [58].

В обращении при вступлении на пост президента США 20 января 1977 г. Дж. Картер широковещательно заявил, что США будут «способствовать созданию стабильного, справедливого и мирного мирового порядка» в сотрудничестве с другими государствами [59].

Характеризуя основные направления общей внешнеполитической стратегии США, бывший помощник президента по национальной безопасности Э. Бжезинский подчеркнул, что отличие политического подхода администрации Картера состоит в следующем: «Вместо того чтобы добиваться сохранения статус-кво на основе равновесия сил, мы стараемся воспринимать глобальные перемены как факт реальной действительности, но пытаемся придать им конструктивное направление, которое должно соответствовать американским интересам» [60].

В первые месяцы пребывания у власти администрации Картера Совет национальной безопасности, министерство обороны, Государственный департамент и Центральное разведывательное управление, а также другие министерства и ведомства США занимались выработкой новых доктринальных установок. Советом национальной безопасности был подготовлен ряд так называемых обзорных меморан-

[56] *Laird M.* Statement before the Senate Armed Services Committee on the FY 1973 Defense Budget and FY 1973—1977 Program. Wash., 1972, p. 8.
[57] *Currie M.* The Department of Defense Program Research, Development, Test and Evaluation, FY 1976. Wash., 1975, p. I--1.
[58] White Paper 1975 / 76. Bonn, 1976, p. 20, 21; *Brown H.* Department of Defense Annual Report FY 1979. Wash., 1978, p 7.
[59] New York Times, 1977, Jan 21, p. 1.
[60] Business Week, 1977, Sept. 12, p. 18.

думов, из которых наиболее важным считался меморандум № 10 по проблемам военно-политической стратегии США. На его основе была издана президентская директива по вопросам национальной стратегии, определившая внешнеполитические цели США и способы их реализации. Оба упомянутых документа были засекречены, хотя влиятельные органы американской печати комментировали отдельные положения новой стратегии.

Так, по сообщению газеты «Нью-Йорк таймс», президент Картер поручил министру обороны и Комитету начальников штабов «пересмотреть определение целей в районах Советского Союза, по которым будут наноситься ядерные удары в случае ядерной войны». Одна из задач пересмотра целей состояла в том, чтобы поддержать способность США нанести «неприемлемый ущерб» Советскому Союзу; другая в том, чтобы обеспечить возможность нанесения Соединенными Штатами «ограниченных стратегических ядерных ударов по СССР, с целью избежать эскалации тотального конфликта» [61].

В начале 1978 г. администрация Картера представила конгрессу свой первый военный бюджет на 1978/79 г. в сумме 126 млрд. долл. по категории полных финансовых полномочий и 115,2 млрд. долл. по планируемым расходам, что было на 3,5 % выше расходов предыдущего финансового года с учетом инфляции.

На майской и декабрьской сессиях НАТО в 1977 г. США удалось добиться согласия союзников на 3 %-ное ежегодное увеличение их военных бюджетов в реальном исчислении. Еще быстрее увеличивались военные расходы азиатских союзников США — Японии и Южной Кореи. На майской сессии НАТО в 1978 г. эта линия получила дальнейшее развитие.

В основе наращивания гонки вооружений лежала экономическая и политическая экспансия американского империализма, монополистических кругов США, их западноевропейских, ближневосточных и восточноазиатских партнеров, интервенционистское толкование понятия «национальная безопасность США», согласно которому, по утверждению бывшего министра обороны США Г. Брауна, граница Соединенных Штатов проходит по большой дуге, которая включает важные зоны от Северной Норвегии до Японии и Алеутских островов» [62].

Центральное место в наращивании военного потенциала США и их союзников в 1978/79 г. занимал блок НАТО. В 1977—1978 гг. США увеличили свои сухопутные силы в Европе почти до шести дивизионных эквивалентов, добавив две бригады. На две бригады были увеличены силы армии ФРГ. С 1977 по 1983 финансовый год планировалось принять на вооружение армии и морской пехоты США 5 тыс. новых танков, 24 тыс. противотанковых управляемых снарядов, 2 тыс. новых самолетов оперативно-тактической авиации ВВС (F-15, F-16, A-10). Если в 1977 г. для переброски 1—2 дивизий из США в Европу требовалось 10 дней, а 40 эскадрилий самолетов —

[61] New York Times, 1977, Aug. 26, p. 1.
[62] *Brown H.* Department of Defense Annual Report, FY 1977, p. 18.

7 дней, то в 1982 г. за это время должно было перебрасываться 5 дивизий и 60 эскадрилий [63].

С начала 1978 г. в военной политике США стал более активно использоваться «китайский фактор». Внешнеполитические выступления Дж. Картера, З. Бжезинского, Г. Брауна и госсекретаря С. Вэнса в тот период были направлены на разыгрывание «китайской карты». Так, если министр обороны Дж. Шлесинджер в 1975 г. называл отношения США и КНР «квазисоюзническими», то Г. Браун в 1978 г. заявил, что США «больше не планируют развитие вооруженных сил исходя из предпосылок конфликта между США и КНР» и готовы в случае военного конфликта оказывать военную помощь Китаю [64].

В тот же период был взят курс на наращивание сил «быстрого развертывания» для кризисных ситуаций в развивающихся странах, первоначально включавших в себя дивизию и авиакрыло морской пехоты со средствами морского десантирования и аэромобильную дивизию армии США с соответствующими средствами воздушных переброс в любую часть земного шара. Выступая в университете города Уэйк-Форрест, Дж. Картер сделал акцент на возможности использования таких сил в Восточной Азии, на Ближнем Востоке и в районе Персидского залива.

В докладе о военном бюджете на 1979/80 г. и военной программе на 1980—1984 гг. министр обороны Г. Браун усилил тезисы о пресловутой «советской угрозе».

В президентском бюджетном послании на 1979/80 г. военные расходы были определены суммой 122,7 млрд. долл., что означало 3,1 %-ный их реальный рост. Фактические военные расходы в том году составили 4,9 % от ВНП, 23 % от федерального бюджета и 15 % всех общегосударственных расходов — федеральных, штатов и местных органов управления [65].

Долгосрочной пятилетней военной программой США было предусмотрено реальное увеличение военных расходов на 3 %, при этом в 1983/84 г. намечалось иметь фактические расходы на уровне 4,7 % от ВНП.

По проекту военного бюджета на 1980/81 г. планируемые расходы увеличивались со 127,2 млрд. долл. в 1980 до 147,2 млрд. долл., что представляло собой реальное увеличение на 3,3 %. На 1984/85 г. фактические расходы были определены суммой 224,8 млрд. долл. Численность регулярных вооруженных сил США в 1980/81 г. была определена суммой 2 млн. 59 тыс., что означало увеличение на 14 тыс. человек. На 36 тыс. возрастала численность сил резерва, соответствующие ассигнования увеличивались на 160 млн. долл.

В области стратегических ядерных сил планировалось продолжить модернизацию ракет «Минитмен», приступить к производству авиационных стратегических крылатых ракет и оснащению ими модернизируемых бомбардировщиков Б-52, начать разработку нового стра-

[63] Ibid., p. 7.
[64] Ibid., p. 18, 40.
[65] *Brown H.* Department of Defense Annual Report, FY 1980. Wash., 1979, p. 5, 6, 20, 21.

тегического бомбардировщика с дальностью полета 13 тыс. км, заказать девятую подводную лодку типа «Огайо» с ракетами «Трайдент» и повысить усилия в области ИСЗ военного назначения, противоспутникового оружия и космических кораблей типа «Шатл».

Наращивание вооружения армии было намечено главным образом по линии создания системы ПВО «Патриот», производства новых танков XM-1, управляемых артиллерийских снарядов и боеприпасов.

ВВС США продолжали получать истребители F-15 и F-16, самолеты-заправщики КС-10 и разведывательные самолеты TR-1. Ассигнования на производство ракет ВВС в 1980/81 г. возросли на 28 %.

В соответствии с обещанием Дж. Картера увеличить к 1985 г. количество кораблей ВМС до 550, в кораблестроительную программу 1980/81 г. было включено строительство 17 и модернизация 2 кораблей. Кроме подводной лодки с ракетами «Трайдент», планировалось строительство многоцелевой подводной лодки типа SSN-688, двух ракетных крейсеров типа CG-47 с системой «Иджис» и четырех ракетных фрегатов типа FFG-7.

В военный бюджет 1980/81 г. были включены две срочные программы, «необходимые для быстрой переброски вооруженных сил США на Средний Восток и другие кризисные районы вне сферы деятельности НАТО»: пятилетняя программа строительства 15 транспортов — плавучих складов вооружения и техники для трех бригад морской пехоты и разработка нового сверхтяжелого транспортного самолета. Как заявил министр обороны Г. Браун, Пентагон концентрировал внимание на повышении «возможностей быстрой переброски личного состава, вооружения и техники в такие потенциально конфликтные зоны, как Средний Восток, Персидский залив и Аравийское море» [66].

Если попытаться подвести итоги политики США в области вооружений в 1978—1981 финансовых годах, т. е. оценить военную политику администрации Дж. Картера, то можно прийти к следующим выводам.

В текущих ценах фактические ассигнования Пентагону составили 490 млрд. долл. В сопоставимых показателях это на 3—5 % больше, чем в предшествующие 4 финансовых года и приблизительно соответствует уровню военных расходов в 1964/65 г.[67]

Численность регулярных вооруженных сил в 1978 и 1981 финансовых годах находилась на неизменном уровне 2,06 млн. военнослужащих, численность служащих министерства обороны сократилась с 1,02 млн. в 1977 до 0,99 млн. в 1980 финансовом году. В то же время количество занятых в военных отраслях промышленности увеличилось с 1,81 млн. до 1,98 млн., т. е. на 170 тыс. человек [68].

В области развития стратегических вооружений изменения состояли в увеличении количества обеспеченных доставкой стратеги-

[66] *Cooley J.* Carter's Plan to Put Military Teeth Where His Mouth Is. — Cristian Science Monitor, 1980, Febrg. 11, p. 8.

[67] *Brown H.* Department of Defense Annual Report, FY 1980, p. 318: *Idem.* Department of Defense Annual Report, FY 1981. Wash., 1980, p. 15.

[68] Department of Defense Annual Report, FY 1979, p. B-4.

ческих ядерных зарядов с 8500 до 9200 за счет ввода в строй последних трех (из 31) подводных лодок с ракетами «Посейдон». Программа развития стратегических вооружений администрации Дж. Картера включала в себя ассигнования на строительство пяти подводных лодок типа «Огайо», разработку и производство ракет «Трайдент-1», переоборудование подводной лодки «Фрэнсис Скотт Ки» с ракетами «Посейдон» под ракеты «Трайдент-1» и начало разработки ракеты «Трайдент-2». На все это было ассигновано более 9,4 млрд. долл. Вторым по значимости направлением (более 3,3 млрд. долл.) была модернизация МБР «Минитмен», повышение взрывостойкости их шахт, замена на части ракет «Минитмен-3» головных частей МК-12 (три боеголовки по 150 кт) на головные части МК-12А (три боеголовки более высокой точности по 400 кт) и разработка новой МБР «МХ» с различными вариантами ее базирования (стационарным в существующих подземных пусковых установках «Минитмен», наземно-мобильным и авиационно-мобильным). Третье направление (более 1,2 млрд. долл.) — это разработки авиационных стратегических крылатых ракет и модернизация части стратегических бомбардировщиков Б-52 под эти ракеты, а также продолжение испытаний имеющихся четырех опытных образцов стратегических бомбардировщиков Б-1 и начало разработки еще одного нового стратегического бомбардировщика.

В области развития сил общего назначения наиболее важные изменения состояли в увеличении на две боевые бригады состава американских войск в Европе, завершении реализации программы по увеличению числа регулярных дивизий с 13 до 16 и авиакрыльев ВВС с 22 до 26 без увеличения общей численности регулярных вооруженных сил за счет изменения соотношения между боевыми и поддерживающими частями. Сравнение состава вооруженных сил в докладах за 1978 и 1980 финансовые годы показывает, что изменения касались лишь многоцелевых атомных подводных лодок (увеличение с 67 до 75) и крупных надводных кораблей (с 247 до 257).

В рассматриваемый период армия США заказала около 2800 танков (в том числе 1270 новых танков ХМ-1), 53 000 ПТУРСов «Тоу», более 1000 самоходных артиллерийских установок 155 мм калибра, 537 боевых вертолетов ААН и «Кобра», 1743 ракет ПВО усовершенствованного типа «Хок» и «Патриот» и более 11 тыс. зенитных ракет «Чаппарел», «Роланд» и «Стингер», т. е. обновила вооружение и технику примерно на четверть.

Наиболее значительное обновление вооружений (до 50 %) было предусмотрено по линии боевых самолетов оперативно-тактической авиации ВВС США, которые заказали 605 самолетов F-16, 295 F-15, А-10 и 12 «АВАКС». ВМС США заказали 224 самолета F-14, F-15 и ЕА-6В, что составляет примерно пятую часть боевого состава их авиации. В 1978—1981 финансовые годы ВМС США заказали новый авианосец меньшего водоизмещения, 4 многоцелевых подводных лодки типа SSN-688, 4 ракетных эсминца типа DDG-47 и 31 ракетный фрегат типа FFG-7, что составляет примерно 15 % от находящихся в строю кораблей подобных типов.

В целом на заказы нового вооружения и техники в 1978—1981 гг. в среднем ежегодно расходовалось до 35 млрд. долл., что составило в сумме около 140 млрд. долл. На научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в рассматриваемый период было ассигновано более 54 млрд. долл.[69] В сопоставимых показателях это примерно на 10 % выше, чем в предшествующие 4 года.

К наиболее важным стратегическим программам НИОКР Пентагона в 1977—1980 гг. относили системы «Трайдент», стратегические крылатые ракеты, новую МБР МХ, исследования и разработки в области стратегических ПВО и ПРО.

В области сил общего назначения НИОКР велись по широкому фронту систем, подсистем и компонентов, среди которых наиболее важными были новый танк XM-1, система ПВО армии и морской пехоты «Патриот», новые самолеты F-16, F-18 и A-18, лазерное оружие, баллистические ракеты «Першинг-2» и крылатые ракеты оперативно-тактического назначения.

Хотя администрация Дж. Картера в мае 1977 г. объявила о намерении проявлять сдержанность в политике продажи оружия развивающимся странам, практических мер в этом направлении не принималось. По явно заниженным данным Пентагона, в 1977/78 г. сумма от продаж американского оружия составила 13,5 млрд. долл. по сравнению с 15,1 млрд. долл. в 1974/75 г. (в ценах 1978 г.). В 1979 г. и начале 1980 г. в связи с кэмп-дэвидской сделкой между Египтом и Израилем и нагнетанием США международной напряженности в связи с событиями в Афганистане объем продажи американского оружия продолжал увеличиваться.

Как явствует из военного бюджета США на 1981 и военной программы на 1981—1985 финансовые годы, главный упор в тот период делался на повышение военных возможностей сил «быстрого развертывания» преимущественно на Ближнем и Среднем Востоке и увеличение темпов производства вооружения и техники армии, морской пехоты и ВМС США. При этом, по оценке Брукингского института, удельный вес всех расходов на стратегические вооружения должен был сохраняться на неизменном уровне порядка 19 % от всего военного бюджета [70].

Анализ эволюции военно-стратегических концепций США в 60—70-е годы показывает, что стратегия «реалистического сдерживания» по существу была развитием стратегии «гибкого реагирования». Между ними гораздо больше общего, чем между стратегией «массированного возмездия» 50-х годов и сменившей ее в 60-х годах стратегией «гибкого реагирования». Вместе с тем налицо и существенные различия, прежде всего во взглядах на использование ядерных и неядерных компонентов вооруженных сил в конфликтах и войнах.

В 60-е годы развитие и использование стратегического ядерного компонента во всеобщей ядерной войне рассматривалось в первую очередь под углом зрения концепции «гарантированного уничтоже-

[69] *Brown H.* Department of Defense, Annual Report, FY 1980, p 322
[70] Setting National Priorities: The 1980 Budget. Wash., 1979, p. 161, 162.

ния» (т. е. взаимного сдерживания посредством неотвратимости возмездия). В 70-е годы были налицо попытки найти более гибкие формы и способы использования этого компонента, расширить возможности его применения и увеличить число ступенек на «лестнице эскалации», о чем наглядно свидетельствует известная президентская директива Картера № 59.

Что же касается второго компонента, в основном неядерного — американских сил общего назначения, то в 60-е годы подход к их использованию и развитию предусматривал бóльшую степень гибкости. Хотя с американской стороны провозглашалась готовность вмешиваться везде, имелось в виду весьма гибкое, градуированное вмешательство. В 70-е же годы — и в этом немалую роль сыграл опыт агрессии во Вьетнаме — американцы осторожнее и «избирательнее» относились к военным обязательствам, но на будущее предусматривались более жесткие формы вмешательства. Такие интервенционистские тенденции безусловно не соответствовали духу разрядки международной напряженности.

«Величайшая опасность, связанная с соперничеством США и СССР в военной области, — подчеркивал известный американский дипломат Дж. Кеннан, — кроется сейчас не в возможности советского нападения на нас или на НАТО; эта опасность заключается в том, что движущая сила этой грандиозной, бесконечно опасной гонки вооружений может выйти из-под контроля и принять абсолютно безудержный характер, приведя всех нас к уничтожению либо в результате дальнейшего распространения ядерного оружия, либо вследствие какого-то несчастного случая... Наша первая задача состоит в установлении контроля над этой ситуацией» [71].

Важнейшим этапом на пути реализации новой советской программы мира явился XXVII съезд КПСС. В Политическом докладе ЦК КПСС съезду всесторонне и глубоко раскрыты основные цели и направления внешнеполитической стратегии партии, тенденции и противоречия современного мира и развития сотрудничества СССР с другими социалистическими странами. КПСС выдвинула целостную программу полной ликвидации до конца нынешнего столетия ядерного оружия массового уничтожения. По своим масштабам и значению это — программа историческая. С трибуны партийного съезда прозвучало новое предложение о создании всеобъемлющей системы международной безопасности, сформулированы принципиальные основы такой системы.

[71] *Kennan G. F.* The Cloud of Danger: Current Realities of American Foreign Policy. Boston, 1977, p. 202.

Базовая стратегия Пентагона

А. К. СЛОБОДЕНКО

В политике империализма «базовая стратегия» — явление отнюдь не новое. Она широко использовалась капиталистическими государствами как в период колониальных захватнических войн, так и во времена империалистических войн за передел мира. «Базовая стратегия» США предусматривает создание на чужих территориях военных баз и опорных пунктов для проведения глобальной экспансионистской политики, обеспечения в этих целях постоянного присутствия крупных группировок американских вооруженных сил на заморских театрах военных действий и при необходимости усиления их, подготовки и ведения агрессивных войн, в первую очередь против Советского Союза и других социалистических государств.

Еще за год до окончания второй мировой войны в США вышла книга одного из видных американских внешнеполитических обозревателей Джорджа Уэллера «Заморские базы» [1], которая стала своего рода руководством для монополистических кругов США в области внешней политики после второй мировой войны. Уэллер пытался доказать необходимость завоевания мирового господства Соединенными Штатами Америки и рекомендовал американскому правительству уже тогда, еще до окончания второй мировой войны, начать подготовку к новой мировой войне — войне за мировое господство США.

Сразу же после окончания войны Соединенные Штаты начали добиваться того, чтобы сохранить свои позиции, захваченные ими в годы войны. Так, помощник министра военно-морских сил США Струв Хенсел на пресс-конференции 5 сентября 1945 г. заявил, что США должны «закрепить за собой гигантское послевоенное кольцо военно-морских баз, охватывающее Тихий океан, включая базы, ранее принадлежавшие Англии» [2].

11 января 1946 г. газета «Нью-Йорк геральд трибюн» сообщила, что руководители армии и флота США договорились о создании системы баз, которые по существу окружали бы Советский Союз. «Эта программа, — писала газета, — имеет целью разместить сеть авиационных баз от острова Окинава через Алеутские о-ва, через арктическую зону этого полушария к Исландии». По утверждению С. Хенсела, США в течение войны создали на тихоокеанском театре 256 баз и на атлантическом — 228 баз, т. е. всего 484 базы [3].

К концу второй мировой войны США имели свои войска в 60 странах и островных группах. Они начали строительство большого коли-

[1] *Weller G.* Bases Overseas. N. Y., 1944.
[2] Цит. по: *Марион Д.* Базы и империя. М., 1948, с. 27.
[3] Там же, с. 28.

чества военно-воздушных баз в Канаде, Гренландии, Исландии, на островах Тихого океана. Они установили контроль над бывшими подмандатными островами в Тихом океане, которых насчитывалось большое количество (около 600), в том числе над такими, как Маршалловы, Каролинские и Марианские. Некоторые британские владения как в Атлантическом, так и в Тихом океане также перешли под контроль США. Кроме того, предполагалось использовать для строительства американских военных баз территории ряда стран Западной Европы, в том числе Великобритании, а также Японии, Южной Кореи и Китая.

Весьма откровенно о целях «базовой стратегии» сразу же после окончания второй мировой войны, летом 1945 г., заявил командующий военно-воздушными силами США генерал Х. Арнольд. «Наш очередной противник, — писал он, — это Россия. Для успешного использования стратегической авиации нам необходимы базы во всем мире, размещенные таким образом, чтобы мы могли нанести с них удар по любому объекту, какой нам прикажут подвергнуть бомбардировке» [4].

Создание военных блоков и союзов, прежде всего Североатлантического союза, преследовало цель использования ресурсов империалистических государств, а также их территории для подготовки и ведения войны в первую очередь против Советского Союза и других государств, ставших на социалистический путь развития.

Истинное назначение созданного Соединенными Штатами Америки Североатлантического блока откровенно изложил американский конгрессмен Кларенс Кеннон в своем выступлении 13 апреля 1949 г. Он заявил, что благодаря тому, что подписан Атлантический пакт, Соединенные Штаты получили базы на континенте, с которых они должны осуществить нападение на города Советского Союза в случае возникновения конфликта. «Все, что нам теперь нужно, — говорил далее он, — это иметь самолеты для доставки бомб и вооружить солдат других наций. Пусть другие страны посылают на смерть свою молодежь, чтобы нам не пришлось посылать нашу» [5].

На Дальнем Востоке в «базовой стратегии» США важная роль отводилась ремилитаризации Японии и превращению ее территории в военный плацдарм. После поражения и капитуляции Японии американские войска оккупировали Японские о-ва. Военно-промышленный потенциал страны был сохранен в качестве базы быстрого возрождения японского милитаризма. Американские правящие круги преследовали цель укрепить позиции США в Японии, занимающей выгодное военно-стратегическое положение на Дальнем Востоке. В 1951 г. США заключили с Японией сепаратный мирный договор и одновременно был подписан так называемый американо-японский «договор безопасности», который предоставлял право Соединенным Штатам иметь на японской территории значительное число военных объектов и размещать на них американские войска. В 1954 г. с согла-

[4] *Arnold H.* Global Mission. N. Y., 1949, p. 586—587.
[5] Цит. по: *Бомье Ж.* От Гитлера до Трумэна. М., 1957, с. 92.

сия США в Японии были фактически возрождены вооруженные силы под названием «силы самообороны».

Уже в 50-х годах США большое внимание уделяли созданию своих баз на Ближнем Востоке. «Первым фактором, придающим особую стратегическую ценность Ближнему Востоку, является его географическое положение, — писал в связи с этим известный американский обозреватель Уолтор Ростоу. — Ближний Восток — идеальная база для развертывания контрнаступления как на земле, так и в воздухе... Ближний Восток подобен клину, вбитому между советскими позициями в Восточной Европе и в Восточной Азии. Военно-воздушные базы Ближнего Востока находятся ближе, чем базы любой другой некоммунистической страны, к советским промышленным центрам в Баку, на Дону, на Урале и в Южной Сибири. С нашей точки зрения, оборона Ближнего Востока является скорее средством, а не самоцелью. Следовательно, его основное назначение — служить самой близкой исходной базой для контратаки Запада на советские промышленные центры и авиацию» [6].

В 50-х годах, когда военная доктрина США предусматривала подготовку и ведение против Советского Союза только одного вида войны — всеобщей ядерной войны, а основными носителями ядерного оружия были самолеты, имевшие ограниченный радиус действия, большая роль отводилась военно-воздушным базам, расположенным вокруг Советского Союза и стран народной демократии. Считалось, что эти военно-воздушные базы позволят США осуществить внезапное нападение с применением ядерного оружия на города Советского Союза. Об этом, в частности, говорит и разработанный по указанию президента США Г. Трумэна военно-стратегический план под кодовым названием «Дропшот», предусматривавший ядерное нападение на СССР с использованием военно-воздушных баз, расположенных вблизи границ Советского Союза.

В конце 50-х—начале 60-х годов в США были созданы стратегические баллистические ракеты средней дальности (2—3 тыс. км). В связи с этим была выдвинута идея окружить Советский Союз и другие социалистические страны ракетными базами с ракетами средней дальности. На состоявшихся в декабре 1957 г. и мае 1958 г. сессиях Совета НАТО были приняты решения о значительном усилении военного потенциала этого блока, которые сразу же стали претворять в жизнь. В соответствии с этими решениями в 1959—1961 гг. на территории Англии, Турции и Италии были созданы базы, на которых были размещены ракеты типа «Тор» и «Юпитер».

Используя размещенные вокруг СССР базы стратегических бомбардировщиков и стратегических баллистических ракет средней дальности, американское политическое и военное руководство рассчитывало держать СССР и другие социалистические страны под угрозой ядерного удара. По мнению американских военных стратегов, такое размещение ядерного оружия вблизи границ СССР давало США

[6] Foreign Affairs, 1956, Jan.-Mar., p. 271.

определенные преимущества в деле осуществления внезапного нападения, так как лишало советскую противовоздушную оборону возможности быстро привести в готовность свои силы для отражения налета авиации противника.

Считалось также, что США имели некоторые преимущества перед СССР в области использования ракет средней дальности, так как могли наносить удары по СССР с территории своих союзников, в то время как их собственная территория оставалась бы недосягаемой для ударов противника. А поскольку в случае ответного удара СССР его главные усилия были бы направлены против баз, расположенных на чужих территориях, то США в определенной мере удалось бы избежать возмездия за свое внезапное нападение.

С появлением у США подводных лодок, оснащенных ракетами с ядерным зарядом, значительным развитием авианосных сил флота роль военно-морских баз на территории иностранных государств для базирования такого рода соединений ВМС еще более возросла. На Британских о-вах была создана база Холи-Лох, а на территории Испании в Средиземном море — база Рота. Для размещения же авианосных сил ВМС США была создана широкая система баз в бассейнах Средиземного моря, Атлантического и Тихого океанов.

Но поскольку значительное число этих военно-воздушных, военно-морских и ракетных баз было расположено в зоне досягаемости советской авиации и советских ракет, то на них в первую очередь находились американские «силы передового базирования» — тактическая и авианосная авиация, ракеты средней дальности подводного и наземного базирования. Основным же районом расположения американской стратегической авиации были аэродромы на территории США, с которых при одной-двух дозаправках в воздухе стратегическая авиация могла бы наносить удары по любому объекту в социалистических странах. Передовые базы предусматривалось использовать также при осуществлении так называемых «челночных операций», заключающихся в том, что авиация, взлетая с баз, расположенных на одном театре или территории США, наносит удары по объектам Советского Союза и других социалистических государств и осуществляет посадку на аэродромы, находящиеся на других театрах.

По сообщению иностранной печати, к началу 70-х годов Соединенные Штаты имели на чужих территориях свыше 400 крупных и около 3000 вспомогательных баз и опорных пунктов, на которых находились свыше миллиона человек личного состава их вооруженных сил. Ежегодно на содержание этих баз тратилось 4—5 млрд. долл.[7]

Принципа «передового базирования», т. е. содержания крупных группировок американских войск на основных заморских театрах военных действий, создания на этих театрах запасов материальных средств и военной техники и, в случае необходимости, усиления указанных группировок за счет мобильного стратегического резерва

[7] Советская Военная Энциклопедия: В 10-ти т М., 1976, т. 1, с. 361.

вооруженных сил, находящихся на территории США, американское политическое и военное руководство придерживалось до конца 60-х годов. Соответственно на заморских территориях были развернуты крупные группировки американских вооруженных сил, а на территории США было развернуто так называемое «ударное командование», включающее несколько дивизий сухопутных войск, тактическое авиационное командование и необходимые для переброски на заморские театры военных действий воздушные и морские транспортные средства. Ударное командование предназначалось для выполнения роли своего рода «пожарной команды» — тушения «пожаров», т. е. подавления национально-освободительных, революционных, демократических движений в любом районе мира, а также для усиления группировок войск, развернутых на заморских театрах военных действий.

Однако содержание на территориях других стран крупных группировок вооруженных сил требует больших материальных расходов, а главное, связано с политическими осложнениями, вызываемыми растущим недовольством народов этих стран и требованиями вывода американских войск с их территории. Поэтому, не отказываясь полностью от принципа «передового базирования», особенно в области создания передовых группировок ракетно-ядерного оружия, руководство США стало принимать меры к сокращению вооруженных сил на заморских театрах и делать все больший упор на увеличение возможностей по переброске туда в случае необходимости войск, вооружений и боевой техники.

На рубеже 60—70-х годов в результате изменения соотношения сил в мире и провала военной агрессии в странах Юго-Восточной Азии США были вынуждены включиться в процесс разрядки напряженности и нормализации отношений с СССР и другими социалистическими странами. Однако они фактически не отказались от «базовой стратегии». Напротив, в 70-х годах «базовая стратегия» США получила дальнейшее развитие. Это произошло в силу ряда причин, главной среди которых было принятие концепции «стратегической мобильности», поныне остающейся составной частью военной доктрины США. Эта концепция предполагает способность США быстро перебрасывать крупные войсковые контингенты и необходимую военную технику на заморские театры военных действий или с одного заморского театра на другой для усиления уже развернутых или создания новых группировок войск. Она вытекает из глобального характера военно-политических устремлений США и невозможности постоянно содержать необходимые группировки войск во всех так называемых «угрожаемых районах» мира.

Концепция «стратегической мобильности» предусматривает: наличие на территории США «сил быстрого развертывания», т. е. мобильного стратегического резерва, достаточного количества воздушных и морских транспортных средств для быстрой переброски войск и военных грузов на заморские театры военных действий; заблаговременное создание на некоторых заморских театрах военных действий запасов оружия, боевой техники и материальных средств;

наличие и поддержание в состоянии готовности определенного количества аэродромов и портов в стратегически важных районах.

Бывший министр обороны США Д. Рамсфелд в своем докладе конгрессу 17 января 1977 г. подчеркивал необходимость наличия военных баз и в современных условиях: «Даже в эпоху огромных возможностей авиации и повышения стратегической мобильности передовое базирование сил обеспечивает колоссальные преимущества, — говорил он. — Базы, расположенные в стратегически выгодных пунктах, необходимы для защиты линий коммуникаций, особенно когда наши интересы за рубежом значительны и связаны с большими расстояниями» [8]. Аналогичной точки зрения придерживался и бывший министр обороны США Г. Браун. В условиях обычной войны, говорил он, «стратегически важными объектами становятся базы и различные опорные пункты» [9].

Институтом общественно-политических исследований США выпущена книга «Большая стратегия на 80-е годы» [10], написанная видными отставными американскими генералами и адмиралами (М. Тэйлор, Э. Замоулт, Б. Холлуэй, Т. Милтон, Б. Палмер). В этой книге отмечается, что основу «большой стратегии» на 80-е годы должна составлять система «передового базирования». Системе военных баз в мире придается решающее значение в достижении внешнеполитических целей. В книге подчеркивается, что «силы, развернутые на передовых рубежах, позволяют демонстрировать мощь Америки фактически в любой части земли». Поэтому США должны не только сохранять имеющиеся, но и приобретать все новые и новые базы в Южной Атлантике, юго-западной части Тихого океана, на Ближнем и Среднем Востоке. Для установления господства над различными районами мира авторы требуют предоставления в полное подчинение вооруженных сил США в случае необходимости всех баз стран НАТО, укрепления военной мощи Израиля, удержания во что бы то ни стало американцами баз в Испании, Греции, Исландии, Италии, на Азорских о-вах, в Японии, Южной Корее, на Филиппинах, в Латинской Америке, в бассейне Карибского моря, в том числе на территории Кубы (Гуантанамо).

Совершенно очевидно, что военное руководство США по-прежнему большое внимание уделяет обеспечению своих вооруженных сил военными базами за границей. Однако взгляды военно-политического руководства США несколько отличаются от тех, которые были положены в основу «базовой стратегии» после второй мировой войны. Тогда предусматривалось строить главным образом собственные американские базы, целиком находящиеся под юрисдикцией США.

В настоящее время взят упор на использование уже существующих

[8] Report of Secretary of Defence Donald X. Ramsfeld to the FY 1978 and FY 1979 Budgets and FY 1978—1982 Defence Programs. 1977, Jan. 17, p. 60.

[9] Report of Secretary of Defence Harold Brown to the FY 1981 Budgets. 1980, Jan. 29, p. 39.

[10] Grand Strategy for the 1980s / Ed. by B. Palmer. Wash., 1978.

военных баз, принадлежащих другим государствам. Бывший государственный секретарь США С. Вэнс говорил, что сейчас ведется разговор не о создании огромных американских баз, а об использовании тех баз, которые существуют в различных странах. Это не означает, что США полностью отказались от строительства новых военных баз. Но наряду с этим они взяли курс на широкое использование уже существующих баз, принадлежащих их союзникам или зависимым от них странам. Такая политика якобы позволит ускорить и удешевить создание сети баз, потребует меньше американского обслуживающего персонала, а главное, позволит в известной степени избежать политических международных осложнений, связанных с протестами местного населения против размещения американских военных баз на их территории.

Поэтому, несмотря на некоторое сокращение военных баз и вооруженных сил за рубежом, что было вызвано провалом агрессии в Юго-Восточной Азии, США продолжали сохранять и развивать систему своих военных баз на иностранных территориях. К началу 80-х годов в распоряжении Пентагона имелось свыше 1500 военных баз и объектов на территории 32 государств, где находилось свыше полумиллиона американских военнослужащих [11].

Среди указанных военных баз и объектов находятся крупные авиационные и военно-морские базы, военные гарнизоны сухопутных войск и морской пехоты, позиции оперативно-тактических и зенитных ракет, склады ядерных боеприпасов, предметов снабжения, центры электронной разведки, узлы связи, посты наблюдения за воздушным и космическим пространством, береговые станции гидроакустического обнаружения подводных лодок и другие объекты различного назначения.

Авторами упоминавшейся книги «Большая стратегия на 80-е годы» Европа по стратегическому значению приравнивается к самим Соединенным Штатам и рассматривается как важнейший район в обеспечении устойчивости капиталистического мира. Потеря Европы нанесла бы сокрушительный удар по мощи и престижу Соединенных Штатов. Поэтому наиболее значительная группировка сил США и наибольшее количество военных баз и объектов по-прежнему сосредоточены в Западной Европе, особенно в центральной ее части. Так, на территории ФРГ, которая рассматривается в качестве основного плацдарма для развязывания и ведения странами НАТО военных действий против социалистических государств-участниц Организации Варшавского Договора, расположено около 200 крупных военных объектов. На них размещено до 240 тыс. человек личного состава вооруженных сил США, в том числе в сухопутных войсках — около 205 тыс. и в авиации — 35 тыс. человек [12].

Военное руководство США в планах подготовки войны против стран Варшавского Договора уделяет большое внимание повышению

[11] Откуда исходит угроза миру? М., 1982, с. 32; US News and World Report, 1982, Dec 27, p. 46—47.

[12] The Military Balance 1982/83. The Institute for Strategic Studies. L., 1982.

эффективности применения военно-воздушных сил. С этой целью развиваются авиационная техника и вооружение, улучшается организационная структура, а также проводятся мероприятия по совершенствованию базирования авиации как американской, так и других стран НАТО. В большинстве стран Западной Европы ускоренными темпами строятся военно-воздушные базы, реконструируются аэродромы и гражданские аэропорты с целью приведения их технических характеристик в соответствие с требованиями обеспечения базирования состоящих на вооружении и перспективных типов боевых самолетов. Эта деятельность, начатая еще в 1950 г., продолжается и в настоящее время. При этом особая роль отводится ФРГ, где базируется основная группировка военно-воздушных сил стран НАТО, в том числе и американских. На ее территории расширяются возможности аэродромной сети для приема частей усиления авиационной группировки, перебрасываемых главным образом из-за океана, а также военно-транспортной авиации.

Учитывая важность стратегического положения Великобритании, Пентагон содержит здесь разветвленную сеть баз, складов ядерного и обычного оружия, различные штабы, узлы связи, разведывательные центры и другие объекты. На территории Англии находятся свыше 20 различных американских баз [13], среди которых наиболее важной считается Холи-Лох — передовой пункт базирования 14-й эскадры американских атомных ракетных подводных лодок. Важная роль отводится военно-воздушным базам на Британских о-вах. На восьми из этих баз в настоящее время дислоцирована американская тактическая авиация (3-я воздушная армия), а в период войны на них предусматривается базировать и стратегическую авиацию. На территории Великобритании размещены три крупных американских штаба — штаб военно-морских сил США в Европе, штаб 3-й воздушной армии и штаб 14-й эскадры атомных ракетных подводных лодок. Большое значение придается размещению сил, средств и органов разведки, которые предполагается использовать для разведки в странах Варшавского Договора.

В Исландии размещается американская база Кефлавик, стратегическое значение которой определяется прежде всего тем, что она расположена вблизи важнейших коммуникаций, связывающих страны Западной Европы и Северной Америки. Эта база способна принимать самолеты всех типов как стратегической, так и тактической авиации.

В так называемую «зону обеспечения безопасности американского континента» включена Гренландия. Здесь построена самая крупная в северных районах база Туле, а также созданы пункты базирования военно-морских сил и установлены радиотехнические станции для раннего обнаружения авиации и ракет противника и обеспечения навигации американских атомных ракетных подводных лодок.

Большое значение военно-политическое руководство США при-

[13] US News and World Report, 1978, Dec. 25 — 1979, Jan. 1, p. 44, 45.

дает Испании, занимающей важное стратегическое положение на Европейском континенте. Касаясь стратегического значения Испании для США и НАТО, американский военный журнал «Милитэри ревью» писал: «Испания не только занимает выгодную позицию, являясь соединительным звеном с основными портами в Средиземном море, но также подкрепляет с тыла оборонительную структуру НАТО на южном фланге» [14]. Военно-политическое руководство США приложило много усилий к тому, чтобы втянуть ее в агрессивный блок НАТО. Но, помимо этого, имеются соглашения между США и Испанией, позволяющие использовать ее территорию для военных целей. Такие соглашения заключались с Испанией начиная с 1953 г., а затем договор был продлен в 1970 г. В январе 1976 г. между США и Испанией был заключен договор, согласно которому за Соединенными Штатами сохранялись в Испании три военно-воздушные базы (Торрехон, Морон, Сарагоса), одна военно-морская база (Рота) и ряд других военных объектов. Эти военно-воздушные базы предназначены для использования стратегической авиацией США, а военно-морская база — для обеспечения плавания американских атомных ракетных подводных лодок в Средиземном море.

Правда, в последующем под нажимом испанской общественности, выступавшей против американского военного присутствия в Испании, Пентагон был вынужден перебазировать 16-ю эскадру атомных ракетных подводных лодок из Рота в Кингс-Бей (США). Между США и Испанией имеется также секретное соглашение, разрешающее Пентагону использовать военные базы в Испании для переброски американских вооружений в Израиль и в некоторые другие ближневосточные и африканские страны.

Существенное место в «базовой стратегии» США отводится Италии и всему Средиземноморскому бассейну. На итальянской территории, в частности в Неаполе, размещается штаб 6-го флота США, представляющего собой главные силы ударного флота НАТО на Южноевропейском театре военных действий. В составе этого флота насчитывается около 20 боевых кораблей, в том числе ударный авианосец, на борту которого находится около 90 боевых самолетов, из них 40 носителей ядерного оружия [15]. Кроме того, в Сигонелла (о-в Сицилия) США используют аэродром и большое число опорных пунктов в других районах Италии. На этих военных базах и опорных пунктах различного назначения (морских, авиационных, связи, снабжения, общего назначения и др.) располагается около 12 тыс. американских военнослужащих. Считается, что без наличия баз в Италии американский 6-й флот не может эффективно действовать в Средиземном море.

Такая же оценка в значительной степени относится и к Греции. Как известно, в 1974 г. Греция заявила о своем выходе из военной организации НАТО и о намерении пересмотреть статус американских

[14] Military Review, June 1978, N 6, vol. 58, p. 27.
[15] Откуда исходит угроза миру?, с. 32.

войск, размещенных на ее территории. Возникла опасность ликвидации американских баз на территории Греции и необходимость перемещения их в другие районы. Такими вероятными районами являлись Италия и Израиль. Итальянская газета «Джорнале нуово» 20 августа 1974 г. по этому поводу писала: «Перед правительством Италии встала проблема размещения военных баз, которые, возможно, будут ликвидированы в Греции». В силу этого Греция в период с 1974 по 1980 г. занимала особое положение в Североатлантическом блоке и в «базовой стратегии» США. Однако США настолько опутали Грецию сетями экономической и военной зависимости, что она фактически так и не могла выйти из блока и по существу оставалась в его составе в течение указанного периода, а в 1980 г. принято решение о возвращении в военную организацию НАТО. В настоящее время на континентальной части Греции и на о-ве Крит размещено свыше 20 американских военных объектов, в том числе аэродромы и средства связи 6-го флота. Здесь же находятся свыше 3 тыс. американских военнослужащих.

Далеко не последнее место в «базовой стратегии» США занимает и Турция. В Пентагоне и в штабах НАТО считается, что Турция является хорошим плацдармом для ведения военных действий против Советского Союза в Закавказье и социалистических стран, расположенных на Балканском п-ове. Она также рассматривается в качестве перевалочной базы при перебросках «сил быстрого развертывания» на Ближний Восток, удобного района для электронной разведки против стран Варшавского Договора и в качестве ключевого района, контролирующего морские пути из Черного в Средиземное море. По оценке западной печати, значение американских военных баз и объектов Турции сильно возросло после потери Соединенными Штатами таких объектов в Иране.

Как известно, в 1974 г., после оккупации турецкими войсками северных районов Кипра в результате турецко-греческого конфликта, США наложили эмбарго на поставки Турции вооружения. В ответ на это в 1975 г. Турция приостановила функционирование американских баз на своей территории. Чтобы возобновить деятельность военных баз, в октябре 1978 г. эмбарго на поставки Турции вооружения было снято и под нажимом Вашингтона в марте 1980 г. было заключено американо-турецкое соглашение «о сотрудничестве в области совместной обороны» сроком на пять лет. В соответствии с этим соглашением в обмен на получение американской военно-экономической помощи в размере 2,5 млрд. долл. Турция предоставила США возможность пользоваться военными базами на ее территории при условии осуществления совместного контроля за их деятельностью.

По данным западной прессы, на территории Турции находится до 60 американских объектов, в том числе 7 крупных военных баз, на которых насчитывается до 5 тыс. личного состава вооруженных сил США. На некоторых из этих баз находится ядерное оружие [16].

[16] Там же.

Наиболее важными из баз считаются центры электронной разведки, которые оборудованы аппаратурой обнаружения искусственных спутников Земли и межконтинентальных баллистических ракет, а также наблюдения за целями на море и в воздухе. Так, в Диярбакыре находится крупный центр электронной разведки, предназначенный для обнаружения пуска межконтинентальных баллистических ракет с территории Советского Союза и слежения за их полетом. На побережье Черного моря в районе Синопа расположен центр электронной разведки, предназначенный для сбора данных о советских кораблях и самолетах в районе Черного моря. В городе Бельбаши расположена станция сейсмографической разведки, предназначенная для разведки ядерных испытаний, проводимых в Советском Союзе. В районе Карабурун размещена станция навигационной системы «Лоран-С», обеспечивающая деятельность кораблей 6-го флота США в Средиземном море.

На юге Турции, в районе города Адана, находится крупная американская военно-воздушная база Инджирлик, на которой размещены соединения американской тактической авиации, предназначенные для нанесения ударов по объектам социалистических государств. На нее базируются также самолеты-разведчики стратегического назначения при ведении воздушной разведки территории Советского Союза. В 1960 г. с этой базы стартовал разведывательный самолет «U-2», сбитый над территорией Советского Союза.

На территории Турции находится большое число узлов связи и развернута система тропосферной и радиорелейной связи, входящей в состав объединенной системы связи министерства обороны США.

Помимо американских военных баз, на территории Турции размещено значительное число различных баз и объектов, принадлежащих Североатлантическому блоку в целом.

Таким образом, территория Турции в максимальной степени используется военным командованием США и НАТО для подготовки войны против Советского Союза и других стран Варшавского Договора.

Рассматривая роль Западной Европы в «базовой стратегии» США, нельзя не указать на размещение Соединенными Штатами на территории западноевропейских стран НАТО (Великобритании, ФРГ, Бельгии, Голландии и Италии) ракет средней дальности «Першинг-2» и крылатых ракет.

В конце 70-х годов США при поддержке Великобритании и ФРГ настояли на том, чтобы НАТО одобрила планы «ядерного довооружения» блока, в соответствии с которыми в ряде стран западной Европы (Великобритании, ФРГ, Бельгии, Голландии и Италии) должно быть размещено около 600 новых американских ракет средней дальности (до 2,5 тысяч км). В конце 1983 г. началось размещение этих ракет.

Созданием ракетных баз средней дальности в Западной Европе США преследуют несколько целей: во-первых, усилить устрашение Советского Союза и других стран Варшавского Договора возможностью внезапного ядерного нападения; во-вторых, создать возмож-

ность ведения ядерной войны в Европе с поражением объектов не только на поле боя, но и в глубине территории Советского Союза, не прибегая к применению стратегических наступательных ядерных сил США; в-третьих, обеспечить себе возможность избежать ответного ядерного удара Советского Союза на территории США, подставив под этот удар европейские страны НАТО.

Со времени израильской войны 1973 г. и возникновения энергетического кризиса пристальное внимание американских правящих кругов обращено в сторону Ближнего и Среднего Востока, Персидского залива и Индийского океана в целом. Объявив этот район зоной своих «жизненных интересов», правящие круги США расширили свое военное присутствие здесь. Они постепенно наращивали группировки своих вооруженных сил и создавали сеть военных баз в ряде стран этого региона.

Вовлеченность США во внутренние дела этого региона особенно возросла после того, как в 1979 г. в Иране был свергнут шахский режим, который длительное время являлся главной опорой США в борьбе с силами национально-освободительных движений на Ближнем и Среднем Востоке.

Воспользовавшись событиями в Афганистане, якобы продемонстрировавшими «советские экспансионистские устремления», а также захватом американских заложников в Иране, США в срочном порядке стали наращивать в районе Персидского залива свои военно-морские силы, объявив этот район «зоной своих жизненных интересов». Они цинично заявили, что будут готовы использовать военную силу, включая и ядерное оружие, для обеспечения этих интересов, а точнее — бесперебойных поставок в США нефти из стран этого района.

В район Персидского залива была стянута крупная группировка военно-морских сил, а на территории США срочно созданы интервенционистские «силы быстрого развертывания», численность которых при необходимости может быть доведена до 300 тыс. человек. С Оманом, Сомали, Кенией и Египтом были заключены соглашения об использовании американскими вооруженными силами национальных военных баз на их территории, их модернизации и строительстве новых.

Кроме того, Пентагон планирует использовать переданные Израилем Египту две авиационные и одну военно-морскую базы на Синае, а также намеченные к постройке две авиационные базы в Израильской пустыне Негев. На территории Израиля предусматривается создать предназначенные для «сил быстрого развертывания» склады техники и тяжелого вооружения. Соглашение о «стратегическом сотрудничестве» с Израилем предоставило Соединенным Штатам право неограниченного использования их вооруженными силами военных баз этой страны.

Несмотря на то что американские заложники были освобождены до прихода к власти новой администрации США, возглавляемой Р. Рейганом, и, казалось бы, отпал основной формальный предлог, которым обосновывалось наращивание военного присутствия США в районе Персидского залива, оно не только не было приостановлено,

но, наоборот, приняло ускоренные темпы и более широкие масштабы.

Так, например, США начали осуществлять пятилетний план строительства или расширения военных баз в этом районе, разработанный в 1980 г. Комитетом начальников штабов в рамках комплексной системы размещения здесь американских военно-морских сил и «сил быстрого развертывания». В соответствии с этим планом будут модернизированы или реконструированы следующие объекты: египетский порт и военная база в Рас-Банасе на побережье Красного моря; бывшая английская база на о-ве Масира близ побережья Омана и оманский аэропорт «Эс-Сиб», расположенный у входа в Ормузский пролив; кенийский порт Момбаса.

В последние годы зона Индийского океана привлекает все большее внимание правящих кругов США. Это объясняется выгодным его географическим положением. Она находится на путях, связующих Европу с Восточной Африкой, азиатскими странами, Австралией и Океанией. Страны, примыкающие к Индийскому океану, богаты полезными ископаемыми — нефтью, золотом, оловом и др. Военно-политическое руководство США, боясь углубляющегося процесса деколонизации в этом районе и возможности ослабления своих экономических позиций, делает ставку на расширение своего военного присутствия, на создание условий для применения в случае необходимости своих вооруженных сил.

Большое внимание уделяется модернизации военно-морской и военно-воздушной базы, расположенной на острове Диего-Гарсия в Индийском океане [17].

В декабре 1966 г. правительства Великобритании и США заключили соглашение об использовании острова для военных целей в интересах обоих государств. В соответствии с этим соглашением США получили право пользоваться атоллом в течение 50 лет и строить здесь военно-морской объект для поддержания связи с кораблями и самолетами, находящимися в районе Индийского океана. В последующем был заключен ряд соглашений, которые фактически снимали все ограничения по использованию острова американскими вооруженными силами. Соединенные Штаты построили крупный узел связи военно-морских сил, пирс, способный принимать любые боевые корабли, аэродром, склады боеприпасов и горюче-смазочных материалов, ремонтно-восстановительные предприятия и др.

На острове продолжаются работы по совершенствованию гавани и аэродрома, в частности по удлинению взлетно-посадочных полос и сооружению новых бетонированных стоянок для стратегических бомбардировщиков В-52. Как известно, с 1981 г. эти самолеты с ядерным оружием на борту, базирующиеся на о-ве Гуам, совершают полеты над Индийским океаном. Недавно США получили разрешение на их посадку и заправку в Северной Австралии. Но, судя по всему, они намерены часть из них перебазировать непосредственно в район

[17] Journal of the Royal United Services Institute for Defence Studies, 1981, vol. 126, N 2, June, p. 33—39.

Индийского океана, создав тем самым еще большую угрозу безопасности стран этого региона.

Как уже отмечалось, в США созданы специальные «силы быстрого развертывания», которые предназначены для ведения карательных военных действий прежде всего в районе Ближнего и Среднего Востока. Этим войскам приданы 28 бомбардировщиков В-52. Предполагается, что эти бомбардировщики будут совершать вылеты в район Персидского залива с баз в Испании [18].

В октябре 1981 г. через Комитет начальников штабов «силы быстрого развертывания» были подчинены непосредственно высшему военно-политическому руководству США, а в январе 1983 г. им был придан статус объединенного командования вооруженных сил США в Юго-Западной Азии, которое получило название Объединенное центральное командование вооруженных сил США — СЕНТКОМ [19].

В «зону ответственности» объединенного центрального командования включен обширный район, охватывающий территорию 19 государств Юго-Западной Азии и Северной Африки (Афганистан, Пакистан, Иран, Ирак, Кувейт, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Саудовская Аравия, Иордания, Оман, ЙАР, НДРЙ, Кения, Сомали, Джибути, Эфиопия, Судан, Египет), а также значительную часть Индийского океана, в том числе Персидский залив и Красное море.

Стремясь укрепить позиции США в регионе, администрация Рейгана решила также осуществить расширенную программу предоставления американских вооружений на общую сумму в 6—7 млрд. долл. Израилю, Саудовской Аравии, Египту, Пакистану и ряду других стран. Таким путем США рассчитывают получить новые военные базы в регионе, и в первую очередь на территории Саудовской Аравии и Пакистана.

Саудовская Аравия с помощью США создает современные военно-воздушные базы, в том числе в районах Дахран, Эль-Батан, Табук, Хамис-Мушайт. База Дахран является важным связующим пунктом в системе американских баз, расположенных в Азии и на Атлантическом океане. США, оказывая широкую помощь в развитии инфраструктуры и вооруженных сил Саудовской Аравии, преследует цель обеспечить эксплуатацию нефтеносных районов, бесперебойное поступление нефти на капиталистический рынок. Наличие на аравийской территории крупных портов и современных аэродромов создает благоприятные условия для базирования американского флота и авиации при проведении военно-политических акций против прогрессивных сил региона. Кроме того, Саудовскую Аравию Вашингтон стремится использовать для сколачивания реакционных военных блоков в этом регионе.

В книге «Большая стратегия на 80-е годы» указывается, что Ближний Восток приобретает в будущем еще большую стратегическую значимость для США. Объясняется это необходимостью

[18] Ibid., p. 23.
[19] The US Central Command.

решения трех задач в этом районе: сдерживания коммунизма, беспрепятственного использования огромных запасов нефти, особенно в районе Персидского залива, и сохранения под американским контролем данного района в качестве «моста между массивом Евразии и Африканским континентом».

Не обошли своим вниманием руководители США и Африку. Это обусловливалось стремлением использования Африканского континента как в экономических, так и в военных целях — установления своего господства в этом обширном и богатом природными ресурсами регионе. Известный американский африканист Герберт Спиро по этому поводу писал: «Американское „наступление" на Африку вызывается военной, экономической и политической необходимостью заполнить вакуум, который образовался на этом континенте после ухода европейских колониальных держав. Нам следует захватить их военные базы, защитить американские капиталовложения в африканских странах. Мы нуждаемся также в сырье и рынках Африки» [20].

Африканский континент объявлен Вашингтоном «сферой жизненных интересов», и политика США в Африке направлена на дальнейшее укрепление и расширение позиций в этом районе. В настоящее время около 25 военных объектов американцы используют на Африканском континенте (в ЮАР, Либерии, Марокко, Сомали, Судане) и на прилегающих к нему островах [21].

Особое место в «базовой стратегии» США занимает район Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Тихого океана. Сразу же по окончании второй мировой войны здесь была создана разветвленная система военных баз, охватывающая Южную Корею, Японию, страны Юго-Восточной Азии, Филиппины, Австралию и некоторые другие страны.

В результате провала американской агрессии во Вьетнаме США были вынуждены заявить, что намерены ограничить свое военное присутствие и степень вмешательства в локальные конфликты в странах Азии. Однако они не отказались от своих агрессивных замыслов в отношении ряда азиатских государств, от расширения своих военных баз и укрепления военно-политических союзов в этом районе мира. Об этом, в частности, свидетельствовала «новая тихоокеанская доктрина» США, которую президент США Форд провозгласил в 1975 г. Согласно этой доктрине стабильность положения в Юго-Восточной Азии будет зависеть от американского военного, политического и экономического присутствия [22]. Таким образом, США отнюдь не собирались уходить из этого района, хотя способы установления господства в этом районе несколько изменились. После потери Индокитая правящие круги США делали ставку на расширение военного сотрудничества с Японией, Южной Кореей и развитие связи с Китаем.

[20] *Spiro H.* Politics in Africa. N. Y., 1962, p. 25—26.
[21] Откуда исходит угроза миру?, с. 32.
[22] The Department of State Bulletin. Wash., 1977, Apr. 4, p. 324.

«В районе Азии и Тихого океана, — заявил помощник президента Картера по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский, — мы будем поддерживать стратегическое и экономическое присутствие, созвучное нашей большой заинтересованности в этом районе. Это прежде всего требует расширения нашего сотрудничества с Японией и расширения наших отношений с Китаем» [23].

При этом особо важная роль в глобальных агрессивных планах американского империализма отводится Японии [24]. Она стала главным партнером США в Азии.

В настоящее время создана так называемая «японо-американская оборонительная система», куда включаются вооруженные силы США, находящиеся в этом районе (прежде всего 7-й флот и военно-воздушные силы), их военно-морские и авиационные базы, а также вооруженные силы Японии.

В соответствии с «договором безопасности», пересмотренным в 1960 г., а с 1970 г. автоматически продлеваемым, США получили право продолжать строить на территории Японии военные базы и содержать войска. При этом все военные корабли, в том числе и с ядерными силовыми установками, и вспомогательные суда военно-морских сил США могут свободно заходить в базы и порты на Японских о-вах. Японские о-ва превратились в стратегический плацдарм вооруженных сил США, направленный против Советского Союза и других стран на Дальнем Востоке. В настоящее время на территории Японии имеется около 200 военных баз и опорных пунктов, часть из которых эксплуатируется совместно американскими и японскими вооруженными силами. Всего в Японии находятся свыше 46 тыс. американских военнослужащих.

К крупнейшим американским военно-морским базам в Японии относятся Йокосука и Сасебо, которые превращены в основные передовые базы 7-го флота США в западной части Тихого океана. Военно-воздушные силы США на территории Японии используют 15 авиабаз и аэродромов, среди которых основными являются Иокота и Кадена. Последняя во время агрессии в Индокитае использовалась для постоянного базирования до 25 стратегических бомбардировщиков B-52, которые совершали варварские налеты на города и села Индокитая. На Японских о-вах создана разветвленная сеть средств связи, радиолокационного и радионавигационного обеспечения авиации и флота, а также размещено большое число складов вооружения и боеприпасов, в том числе несколько складов ядерного оружия, складов горюче-смазочных материалов, военных городков и полигонов. По свидетельству американских военных специалистов, склады материальных запасов, созданных на о-ве Окинава, могут обеспечить всем необходимым группировку войск численностью 500 тыс. человек. США активно используют военные базы в Японии для ведения разведки и «психологической войны» против соседних государств,

[23] Ibid., 1978, June, p. 1.
[24] См.: Черная книга Японии. М., 1973.

и прежде всего против Советского Союза и Корейской Народно-Демократической Республики.

«В настоящее время, — указывается в «Черной книге Японии», — Соединенные Штаты используют всю Японию как крупнейшую оперативную базу и базу снабжения в своей системе ядерной стратегии в Азии, при этом их военные базы на территории Японии играют все большую роль в так называемой американской стратегии „выдвинутых рубежей“» [25].

Не довольствуясь вкладом Японии в укрепление обороны «западного союза», США в последние годы оказывают на нее усиленное давление, добиваясь увеличения ее военных расходов, активизации ее роли как военной державы в бассейне Тихого океана. После установления более тесных отношений между США и Китаем и наметившегося их дальнейшего сближения вынашиваются планы создания в этом регионе тройственного военно-политического альянса с участием этих двух держав и Японии.

После поражения американского империализма в Индокитае произошло дальнейшее повышение стратегической роли не только Японии, но и Южной Кореи.

Южную Корею американские правящие круги рассматривают прежде всего в качестве удобного плацдарма, расположенного вблизи КНДР и советского Приморья. Американские войска находятся в Южной Корее на основе договора, подписанного обеими странами в 1953 г. В настоящее время на территории Южной Кореи имеется значительное число военных объектов, в том числе аэродромы, полигоны, узлы связи, склады различного назначения, в частности для хранения ядерных боеприпасов. Всего здесь дислоцировано 39 тыс. американских военнослужащих. В 1977 г. США заявили, что в течение четырех-пяти лет выведут из Южной Кореи свои войска. Однако с тех пор численность личного состава вооруженных сил США в этой стране не сократилась, а возросла. Судя по всему, администрация Рейгана не намеревается уменьшить масштабы американского присутствия в этой стране.

Пентагон не упускает из виду и Таиланд, территория которого считается важным связующим звеном между американскими военными объектами в Индийском океане и базами в Японии, на Филиппинах и в зоне Тихого океана. Аэродромная сеть Таиланда активно использовалась для ведения войны в Индокитае. На них базировалось до 800 боевых самолетов, в том числе до 50 стратегических бомбардировщиков В-52. В настоящее время ведутся переговоры о возобновлении американских воздушных баз на территории Таиланда.

Не собираются США ликвидировать свои военные базы и выводить свои войска и с территории Филиппин, хотя последние неоднократно ставили перед США вопрос о пересмотре договора о базах, навязанного им в 1946 г. В результате запугивания и нажима Соединенные Штаты смогли сохранить на Филиппинах свои военные базы, в том числе одну из самых крупных авиационных баз за пределами США —

[25] Там же, с. 21.

Кларк-Филд, военно-морскую базу в Субик-Бей и базу морской авиации в Куби-Пойнт. На территории Филиппин находятся свыше 14 тыс. американских военнослужащих. Филиппинам удалось добиться внесения в договор лишь незначительных поправок, предусматривающих некоторое сокращение площади, занятой под базы.

После поражения во Вьетнаме США усилили внимание к островам Микронезии. По мнению американских военных стратегов, военные базы в этом районе и на о-ве Гуам должны составить важный стратегический рубеж, с которого США намерены осуществлять контроль над морскими путями, идущими из Тихого в Индийский океан.

В последние годы в свои глобальные военные приготовления США все более активно втягивают Австралию, занимающую особое стратегическое положение в акватории Индийского и Тихого океанов. Не случайно Пентагон рассматривает Австралию как наиболее важный и надежный плацдарм для обеспечения действия «сил быстрого развертывания» в районе Персидского залива и Юго-Западной Азии.

Всего на территории Австралии США используют более 20 военных объектов, в том числе военно-морские базы Стерлинг и Какберн-Саунд, военно-воздушные базы в западной части страны, станции слежения в Паин-Гэпсе и Адис-Спрингсе. Пентагоном разрабатываются планы складирования в Австралии американского ядерного оружия и размещения на ее территории на постоянной основе американских воинских контингентов. Под воздействием США Австралия начинает играть все более активную роль и в военном блоке АНЗЮС, в который, кроме нее, входят Новая Зеландия и Соединенные Штаты.

Таким образом, на Дальнем Востоке создана линия американских военных баз, включающая свыше 300 военных объектов, на которых вблизи границ Советского Союза разместилась вторая по мощи группировка американских вооруженных сил, насчитывающая около 150 тыс. человек[26].

Традиционной сферой военно-стратегических интересов и влияния США остается Латинская Америка. В последнее время внимание правящих кругов США к Латинской Америке еще более усилилось. Это объясняется не только тем, что Пентагон рассматривает территорию латиноамериканских стран как важный регион, прикрывающий США с юга, и источник доходов американского капитала, но и тем, что в последнее время в Латинской Америке происходят важные социальные изменения. Победа революции на Кубе, ознаменовавшая начало нового подъема в борьбе против империализма, оказала большое влияние на освободительную борьбу в латиноамериканских странах, где отмечается нарастание освободительного антиимпериалистического движения. Правящие круги США стремятся силой задержать этот процесс и удержать в сфере своего

[26] Откуда исходит угроза миру?, с. 32; The Military Balance 1982/83.

влияния латиноамериканские страны. В связи с этим руководители США стремятся закрепить и расширить свои военные позиции в Латинской Америке. В настоящее время они имеют здесь до 50 военных объектов различного назначения, в том числе пункты для базирования военно-воздушных сил и флота.

Наибольшее значение придается Центральной Америке и бассейну Карибского моря, где расположены 14 военных объектов США. Эти объекты используются для осуществления контроля за морскими, воздушными и наземными коммуникациями между Северной и Южной Америкой, Западным и Восточным полушариями. Они также фактически использовались в ходе военной интервенции США в Доминиканскую Республику в 1965 г., во время карательных действий американских войск в Боливии в 1967 г., при подавлении народного восстания на о-ве Тринидад в 1970 г. и беспрецедентной агрессии на Гренаду в 1983 г.

Большое число американских военных баз имеется на территории Пуэрто-Рико. Американские войска находятся также в Антигуа, Барбадосе, Тринидаде и др.

Много лет США незаконно удерживают военную базу Гуантанамо, расположенную на южной оконечности о-ва Куба. Эта база занимает особое место в планах американского империализма. Она является одним из центров организации агрессивных актов против Кубы и других государств Латинской Америки. Несмотря на справедливое требование правительства Республики Куба о ликвидации американской военной базы на кубинской территории, США продолжают удерживать ее силой и использовать в своих агрессивных целях в Карибском бассейне, Центральной и Южной Америке.

«Базовая стратегия» США является важнейшей составной частью экспансионистского внешнеполитического курса США, направленного на установление мирового господства. Она носила и носит агрессивный, антинародный характер. Именно поэтому социалистические государства неизменно решительно выступали и выступают против проведения этой «стратегии», в поддержку народов, требующих ликвидации американских баз на их территории, прекращения вмешательства США в их внутренние дела.

«Агрессивной политике империализма, — говорится в новой редакции Программы партии, принятой на XXVII съезде КПСС, — противостоит растущий потенциал сил мира. Это — активная, последовательно миролюбивая политика социалистических государств, их крепнущая экономическая и оборонная мощь. Это — политика подавляющего большинства государств Азии, Африки и Латинской Америки, жизненно заинтересованных в сохранении мира, прекращении гонки вооружений. Это — антивоенные движения широчайших народных масс на всех континентах, движения, которые стали долговременным и влиятельным фактором общественной жизни» [27].

[27] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 137.

Военно-морская политика США

Б. Д. ЯШИН

В течение всей истории существования США все правительства этой страны постоянно уделяли большое, а в отдельные периоды и основное внимание состоянию и совершенствованию морской мощи страны как важному и ставшему традиционным инструменту колониальной и имперской по своей сущности американской политики. Конкретной программой действия, а также непосредственным руководством для создания, укрепления и постоянного совершенствования морской мощи являлась практически всегда существовавшая военно-морская политика как важная составная часть всей общегосударственной и военной политики США.

С наиболее откровенным пропагандированием сущности так называемой «новой» военно-морской политики Соединенных Штатов неоднократно выступал начиная с марта 1981 г. министр ВМС Дж. Леман. В ряде публикаций американских военно-морских журналов, а также в заявлениях и интервью в газетах он особо подчеркивал, что основой одобренных президентом Р. Рейганом современных положений военно-морской политики и вытекающей из нее военно-морской стратегии является «решимость и намерение» США расширить районы Мирового океана, подлежащие «всеобъемлющему» контролю над ними со стороны ВМС США. По утверждению Лемана, нынешняя военно-морская политика, обусловившая новые направления и в военно-морской стратегии США, имеет целью «вернуться в районы американских жизненно важных интересов...» [1].

Военно-морская политика — в известной степени обособленная, но во многом подчиненная часть государственной и военной политики регулярно сменяющихся правительств США. В ряде определяющих ее роль и назначение составных элементов она тесно связана и переплетается с основными положениями политической, военной и военно-морской стратегии. Военно-морская политика США, как можно ее определить по многим публикациям и практическим мероприятиям, является совокупностью правительственных законоположений, преобладающих взглядов, вытекающих из них конкретных военно-стратегических концепций и соответствующих им конкретных действий, относящихся к строительству и предназначению основных элементов морской мощи страны. Практически она охватывает целый ряд специфических проблем, главными из которых являются состояние, развитие, настоящее и будущее вероятное применение основных элементов морской мощи — ВМС США, торгового флота и системы их базирования и размещения в Мировом океане.

[1] *Prina L.* Budget Increases Reflect a Major Change in Naval Strategy. — Sea Power, 1981, Apr., p. 13, 20.

Следовательно, американская военно-морская политика представляет собой определенный круг планирующихся и проводимых внешнеполитических мероприятий, связанных со строительством и последующим применением в интересах США главного элемента их морской мощи — военно-морских сил и той части коммерческого и промыслового флотов, которая обеспечивает повседневную и боевую деятельность ВМС. Для военного и прежде всего военно-морского командования США военно-морская политика служит программой и руководством по поддержанию основных элементов морской мощи, и в первую очередь ВМС, в состоянии, обеспечивающем выполнение ими так называемых «национальных целей» американского правительства.

Как отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС на XXVII съезде партии, «империализм в силу своей общественной природы постоянно генерирует агрессивную авантюристическую политику» [2]. Совершенно понятно, что эта политика является основой для формирования и совершенствования соответствующих военно-политических и военно-стратегических концепций вооруженных сил США.

Вся история США тесно связана со становлением и проведением в жизнь основных положений военно-морской политики, созданием и усилением морской мощи страны. Еще в конце XIX в. в США, как об этом хорошо известно, начала формироваться империалистическая агрессивная идеология, в обосновании которой принимали участие не только политические деятели, представлявшие интересы определенных финансово-экономических и промышленных кругов, но и ученые, историки и публицисты. Большая роль принадлежала в этом контр-адмиралу А. Мэхэну, книги и статьи которого приобрели широкую известность среди специалистов зарубежных флотов. Этой известности Мэхэн во многом обязан своему близкому знакомству с Т. Рузвельтом, который в период публикования наиболее известных научных и исторических работ Мэхэна являлся помощником морского министра, а позже и президентом США. Пользуясь покровительством Рузвельта, а также стараясь угадать замыслы и экспансионистские устремления правящих кругов, Мэхэн активно участвовал в формировании основ военно-морской политики. Он, в частности, доказывал, что Соединенным Штатам необходимо построить большой военно-морской флот, захватить Гавайские о-ва для создания главной военно-морской базы, установить господство над Панамским перешейком и Кубой, и т. д. Участвуя в некоторых многосторонних международных конференциях, Мэхэн от имени США возражал против предложений об установлении каких-либо ограничений в области ВМС и морских вооружений.

Агрессивность и экспансионизм всегда были и остались наиболее характерными признаками военно-морской политики США, что особенно проявилось в период пребывания у власти администрации Рейгана. В связи с этим необходимы более точные представления

[2] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, М., 1986, с. 11.

о тех определениях «морской мощи» и ее основных элементов, которые даются американскими военными и научными кругами. В последние годы, как это подтверждается преобладающими в США взглядами военного и военно-морского руководства, морская мощь, по их мнению, включает следующие основные элементы: военно-морские силы; торговый и промысловый флоты; система базирования ВМС, торговые порты и их оборудование; судостроительная промышленность; система подготовки кадров, обеспечивающая потребности указанных составных частей морской мощи.

В одной из своих статей американский адмирал Дж. Миллер и его соавтор М. Маклин [3], «аргументируя» важность расширения объема американского судоходства в 70-е годы, подчеркнул непосредственную связь морского могущества страны с наиболее полным использованием всех возможностей коммерческого флота и его некоторых традиционных компонентов, всегда входивших в состав вспомогательных сил военно-морского флота, для обеспечения перевозки войск, боевой техники и различных видов военного снабжения.

С точки зрения характеристики американских взглядов, касающихся популяризации своих подходов к оценке взаимосвязанных элементов морской мощи, представляют некоторый интерес и рассуждения представителя руководства военно-морской транспортной службы США Л. С. Кендалла, который считает, что морская мощь должна включать в свое понятие «сочетание военной стратегии с коммерческой философией и общими устремлениями данной страны...» [4]

С начала 70-х годов на становление и формулирование теории и практики военно-морской политики, как и на развитие общей морской и военно-морской мощи американского государства, наложили свой отпечаток основные положения так называемой «доктрины Никсона», опиравшейся, как широко объявлялось, «на достаточную военную силу, эффективное партнерство и готовность США вести переговоры». Эти положения, принятые американским военным руководством, были распространены на все элементы, составляющие военную и военно-морскую мощь США, а также на все планы и конкретные мероприятия по созданию и поддержанию «необходимой и достаточной» морской мощи во всех ее компонентах, в том числе входящих в состав стратегических сил и сил общего назначения. Военно-морские силы, система их базирования, торговый флот и сеть портов, обеспечивающих его наиболее эффективное использование, промышленно-техническая база и система подготовки кадров, обеспечивающие потребности военного и торгового флотов как основные элементы морской мощи, стали важнейшими объектами внимания всех последующих правительств США, их военного и военно-морского руководства.

Начиная с 1970 г. растущая роль морской мощи США подчеркивается в заявлениях и выступлениях президентов, министров

[3] *Miller G., McLean M.* The US Shipping Emergency of the 70th — US Naval Institute Proceedings, 1972, May, p. 142—157.

[4] *Kendall L.* To Use the Sea. — US Naval Institute Proceedings, 1972, Dec., p. 58.

обороны и ВМС, начальников штабов ВМС, командующих флотами, руководителей ведомств, отвечающих за строительство и использование торгового флота. В дальнейшем развитии морской мощи подтверждают свою заинтересованность руководящие представители политических, промышленных и финансовых кругов.

В качестве исходной военно-политической и идеологической основы руководство США приняло уже в начале этого века разработанную упоминавшимся выше контр-адмиралом А. Мэхэном и настойчиво пропагандируемую его последователями «доктрину морской мощи». Как отмечалось выше, с вступлением Т. Рузвельта на пост президента экспансионистские взгляды Мэхэна приобрели влиятельного сторонника, который уверовал в «надежную» роль ВМФ как «большой дубинки» для достижения Соединенными Штатами руководящего положения в мире.

Мэхэн, поучения которого в США и ряде других стран НАТО цитируются, прославляются и принимаются в качестве «теоретической основы», среди своих «выводов» и «заветов» в области «решающего» влияния морской мощи на историю дал в свое время реакционному крылу стоявшей у власти республиканской партии идейное обоснование партийной программы для осуществления замыслов творцов внешней политики США. Как метко квалифицировал такие «теоретические» замыслы и практические мероприятия в своей книге «Пропагандистская машина Пентагона» бывший сенатор Дж. Фулбрайт, «влияние Мэхэна сказывалось не только в создании военно-морской мощи и военно-морском строительстве: его идеи дали самодовольным торгашам-империалистам того периода моральное оправдание для их действий». Обращаясь к словам и делам нынешних наследников Мэхэна, Фулбрайт не без основания заметил: «Сегодня мы, конечно, имеем крупнейший военно-морской флот, но его представители, все еще находясь под влиянием Мэхэна, хотят, чтобы он стал еще больше» [5].

В последние 10 лет, и особенно с начала 80-х годов, различные положения теоретических упражнений Мэхэна с еще более откровенной агрессивной окраской широко используются со ссылками и без ссылок на него не только на всех уровнях военно-морского руководства США, но и в наиболее милитаристских кругах некоторых других стран НАТО. Они приводятся в многочисленных публикациях, относящихся к обоснованию целей и задач, к стимулированию строительства и к более всего вероятному предназначению главного элемента морской мощи — военно-морских сил [6].

Необходимость дальнейшего усиления и повышения роли своей морской мощи во всех аспектах политики США настойчиво проповедовал бывший президент Дж. Форд. Выступая в апреле 1975 г. на 73-м ежегодном собрании Военно-морской лиги США, он заявил, что «сегодня более чем когда-либо в прошлом Америка зависит

[5] *Fulbright J. W.* The Pentagon propaganda machine. N. Y., 1970, p. 49—51.
[6] Подробнее см.: США — экономика, политика, идеология, 1984, № 1, с. 32.

от морской мощи, включающей в себя крупный современный коммерческий флот и мощные ВМС... Процветание Америки и даже само ее существование зависят от поддержания свободными морских и океанских путей сообщения, что может гарантироваться только мощными военно-морскими силами США» [7]. Следует заметить, что упомянутая выше лига была и остается выразителем агрессивных притязаний наиболее реакционных кругов США.

С первых дней пребывания у власти администрации Рейгана за дальнейшее значительное усиление американской морской мощи ратуют на всех уровнях руководства страны. Эти заявления подкрепляются осуществлением ряда угрожающих миру практических мероприятий. США намерены в ближайшее десятилетие иметь ВМС, включающие не менее 600 современных боевых кораблей основных классов, торговый, транспортный и промысловый флоты, в составе которых сотни судов должны быть приспособлены для воинских перевозок (из них десятки специальных заранее загруженных военной техникой судов предназначаются для размещения в определенных районах Мирового океана в целях обеспечения действий «сил быстрого развертывания»). «Теоретические обоснования» органической связи усиления мощи флота с «успешностью» внешней политики США при всяком подходящем случае преподносятся с возможно большей помпезностью. Таким случаем, например, воспользовался и сам Рейган, выступая в канун 1983 г. на судостроительной верфи в Лонг-Бич в связи с возвращением в строй модернизированного линейного корабля «Нью-Джерси» — одного из четырех кораблей этого класса, которые до 1987 г. планируется ввести в состав флота для усиления его огневой мощи [8].

Совершенно понятно, что выполнение программ строительства мощных ВМС подчинено определенным политическим и военно-стратегическим концепциям, реализацию которых военное руководство США пытается распространить на значительную часть Мирового океана. Претворение в жизнь их основных теоретических и практических положений, а также производных от них частных концепций, относящихся к отдельным видам вооруженных сил, возложено соответственно на политический аппарат исполнительной власти, военное руководство и командование объединениями и соединениями ВС и ВМС.

В одном из опубликованных в США фундаментальных трудов, посвященных сравнительно подробному анализу главных исходных политических и военно-стратегических концепций «большой стратегии США» [9], говорилось, что американская политическая стратегия в «глобальном» аспекте должна опираться на ряд главных концептуальных положений и важнейшие компоненты военной и морской мощи США. К ним автор книги относит:

[7] President Ford Addresses US Navy League in New Orleans. — Sea Power, 1975, May, p. 24, 25.
[8] *Prina L.* All Ahead Flank: Reagan Defence Program Picks Up Steam. — Sea Power, 1983, Febr., p. 13.
[9] *Collins J. M.* Grand Strategy: Principles and Practices. Annapolis, Maryland, 1973.

— концепцию «стратегической достаточности», определяющую состояние, строительство, дальнейшее совершенствование и вероятное применение сил стратегического назначения;

— мощные обычные вооруженные силы США и их союзников;

— американские силы общего назначения, достаточные, чтобы вести одновременно крупные и меньшего масштаба боевые действия в ряде районов Европы и Азии;

— создание в США небольших по численности формирований вооруженных сил, имеющих высокую боеготовность и постоянно поддерживаемых на современном техническом уровне;

— поддержание и использование в интересах США их военно-технического превосходства;

— обеспечение международной безопасности, основанной на взаимных усилиях США и их союзников;

— реализацию нового американского законоположения о добровольном комплектовании личного состава вооруженных сил с расчетом на поддержание готовности к использованию также сил Национальной гвардии и сил резерва.

В положениях «большой стратегии», прикрытых фразами об их якобы оборонительном характере, совершенно отчетливо просматриваются гегемонистские глобальные тенденции в политике США. Совершенно очевидно, что эти положения покоятся на старых концепциях политики «с позиции силы» и традиционном американском интервенционизме.

Все они, как видно из заявлений на самых различных уровнях политического и военного руководства администрации Рейгана, а также из последней политической платформы республиканцев, претерпевают значительные изменения в сторону все более агрессивной и милитаристской их направленности.

Так, концепция «стратегической достаточности» приобретает отчетливую форму концепции «стратегического превосходства»; силы общего назначения совершенствуются и готовятся к одновременному ведению ряда войн различного масштаба и в нескольких районах мира; все компоненты вооруженных сил, и прежде всего ВМС, участвуют в формировании постоянно боеготовых и размещаемых вдали от территории США «сил быстрого развертывания»; так называемое «обеспечение международной безопасности» силами США обращается в поддержание повсюду интересов США путем демонстраций военной силы и прямой угрозы ее применения. Все это подкрепляется систематическими и теперь уже включенными в правительственные программы злонамеренными измышлениями о «неприемлемом» для США «поведении» СССР и его союзников. Эти измышления относятся ко всем правомерным политико-экономическим и внешнеполитическим мероприятиям Советского Союза, равно как и к никому не угрожающим и не противоречащим международному праву деятельности и передвижениям соединений кораблей и судов военно-морского, транспортного и промыслового флотов СССР.

Официальные военные ведомства Соединенных Штатов продолжают настаивать на якобы законном сохранении за США роли «мирового полицейского» при непременном участии любых компонентов военной мощи. Давняя американская традиция, выражавшаяся в создании по всему миру опорных пунктов, обеспечивающих достижение политических целей США, продолжает свое существование. С еще большей настойчивостью американские государственные и военные деятели называют «жизненно важными» и «исторически необходимыми» для США большие районы континентов и Мирового океана, без которых США будто бы не могут обойтись.

В американской военной и военно-морской политике практически имеют место глобальные и региональные направления, которые определяются соответствующими направлениями внешней политики. Ее интервенционистский характер был откровенно подтвержден еще в 1970 г. в докладе министра обороны Лэйрда о военном положении США и бюджете ВС на 1971 финансовый год. Министр заявил, что при определении потребностей в силах общего назначения министерство обороны исходит из того, что «США должны быть готовы оказать помощь в обороне союзникам и государствам, с которыми у США имеются одобренные конгрессом соглашения о взаимной обороне, а также тем странам, защита которых является жизненно важной для безопасности самих США» [10].

В марте 1975 г. министр обороны Шлесинджер в статье [11] о «необходимости» для США иметь мощные силы общего назначения еще раз назвал глобальные и региональные направления военной и военно-морской политики. Далее, указывая на важность сохранения прежних ее направлений, он перечислил районы мира, и в том числе водные пространства Мирового океана, где США намерены «при всех обстоятельствах» сохранять свои интересы и присутствие. Шлесинджер писал, что США должны позаботиться о свободном доступе к Персидскому заливу, проходе через Малаккский пролив и другие «водные коридоры»; он подтвердил, что США по-прежнему заинтересованы в присутствии в Северо-Восточной Азии, в «безопасности» Японии, Тайваня и Южной Кореи, а также в обеспечении поддержания морских коммуникаций с Юго-Восточной Азией, Австралией, Новой Зеландией и Филиппинами.

Особо Шлесинджер подчеркнул, что морская мощь США будет и далее играть якобы «стабилизирующую роль» во всем районе Тихого океана, обеспечивать преимущественное положение США в Атлантике, держать под контролем ситуацию на Ближнем Востоке, обеспечивать постоянное «надежное» военное присутствие в Европе и в Средиземном море. Было упомянуто и об усилении военно-морского присутствия в Индийском океане и решимости военного руководства США завершить в этих целях дооборудование острова

[10] Statement of the Secretary of Defence M R. Laird on the FY 1971. Wash., GPO, 1970, Mar.

[11] The Need for General Purpose Forces. — Commanders Digest, 1975, Mar., p. 6, 8, 16, 18, 21—23.

Диего-Гарсия как крупной военно-морской и военно-воздушной базы США. Нельзя в связи с этим не вспомнить еще раз о выступлении президента Форда на 73-м собрании Военно-морской лиги США. Касаясь глобальных аспектов американской военно-морской политики, он сказал, что морская мощь США обеспечивала установление необходимого для них режима «во многих случаях осложнения международной обстановки». Форд признал, что с 1958 г. флот и морская пехота США «обеспечили быстрое их вмешательство в различные острые ситуации 49 раз». В 32 случаях это была «демонстрация флага», в других — «защита американских граждан, сохранение государственной или частной собственности и (или) государственных интересов США». Президент подтвердил вмешательство американских ВМС в события в Ливане в 1958 г.; организацию морской блокады Кубы в 1962 г.; осуществление интервенции в Доминиканской Республике в 1965 г.; вмешательство во внутренние дела Иордании в 1970 г.[12]

Бывший министр ВМС Клейтор в феврале 1978 г. привел в сенатской комиссии по вооруженным силам еще более красноречивые цифры и факты. Он заявил, что «за последние 30 лет американские вооруженные силы использовались в более чем 200 кризисных ситуациях». Подтверждено документально, сказал Клейтор, что в 80 % из них были вовлечены ВМС. В более чем 100 инцидентах использовались только ВМС [13].

Для характеристики тех же аспектов военно-морской политики США следует отметить, что в мае 1975 г. в одной из статей, посвященных морской мощи США [14], были перечислены «десять стратегически важных узкостей Мирового океана», благоприятный режим в которых отвечает интересам США. Указывалось, что США намерены поддерживать над ними соответствующий контроль. Среди этих узкостей были названы Малаккский и Цусимский проливы, входы в Красное море, Суэцкий канал, Гибралтарский прол., выходы из Балтики в Северное море, Босфор, проходы у о-ва Исландия, Панамский канал.

Министр ВМС в правительстве Рейгана Дж. Леман, раскрывая в одном из своих многочисленных выступлений в начале 1981 г. сущность ряда постулатов только что объявленной так называемой «обновленной» военно-морской стратегии США, добавил к этому, что американские ВМС должны обладать способностью действовать в водах Гренландии, Исландии и Англии, чтобы гарантировать защиту флангов НАТО [15]. Более того, он подчеркнул, что американские ВМС будут «препятствовать подходам русских к Тромсё и северной части Норвегии и осуществлять нападения на Кольский

[12] Sea Power, May 1975, p. 24.
[13] Statement of G. W. Claytor, Secretary of the Navy Before the Senate Armed Services Committee, Wash., GPO, p. 1, 2.
[14] Is US Navy Big Enough for Its World Wide Job? — US News and World Report, 1975, May 26, p. 28.
[15] *Prina L.* Budget Increases Reflect a Major Change in Naval Strategy, p. 21, 22.

п-ов» [16]. Явно бросая вызов Советскому Союзу, Леман заявлял также, что США «не намерены довольствоваться паритетом с Советским Союзом» [17]. Как и в ряде своих выступлений, он при этом настаивал на том, чтобы США обладали превосходящими вооруженными силами, а их ВМС усиливали свой «наступательный потенциал» и обеспечили себе превосходство в основных районах Мирового океана. В обычной в последнее время форме подобные цели США прикрываются «оборонительными» мотивами, «необходимостью» предотвратить надуманные «советские намерения прервать морские коммуникации США» [18].

Судя по официально известным взглядам представителей руководства США и их вооруженных сил, в центре внимания ведомств, отвечающих за проведение внешнеполитических и военных мероприятий, находятся пять наиболее важных региональных направлений внешней политики, тесно связанных практически с направлениями военно-морской политики США: средиземноморское, индийско-тихоокеанское, латиноамериканское, африканское, ближневосточное.

Роль морской мощи США, планирование и осуществление конкретных мероприятий, относящихся к сферам военно-морской политики США, по соответствующим наиболее важным, по их мнению, региональным направлениям сводятся (это подтверждается многими зарубежными публикациями) к операциям в Атлантическом океане, Средиземном море, Тихом и Индийском океанах.

Многие ответственные представители американской администрации, и в том числе руководители военных ведомств, признают, что военное присутствие США за их рубежами характеризуется повышенными количественными и качественными характеристиками. являющимися результатом научно-технического прогресса и роста потенциальных возможностей, которыми обладают их силы и средства соответствующих видов вооруженных сил. Такие специальные силы и средства, как считают в Пентагоне, создаются и готовятся для того, чтобы в случае необходимости США могли быстро и своевременно направить их туда, где американское присутствие «должно быть» более мощным или достаточно представительным. Путем создания и поддержания в разных районах мира и Мирового океана соответствующих «региональных» балансов сил предполагается обеспечить возможность для США удерживать выгодную политическую обстановку и благоприятный военно-стратегический режим там, где интересы США полностью или частично затрагиваются.

США пытаются активно удерживать свои глобальные и региональные позиции, проводя конкретные практические мероприятия по созданию опорных пунктов и баз, поддержанию соответствующего

[16] Ibid.
[17] Navy Secretary Urges Building Balanced Offensive Capability. — Aviation Week and Space Technology, 1981, Aug. 31, p. 45.
[18] Ibid.

оперативно-стратегического режима, выгодного для размещения и наиболее эффективного использования американских ВМС в интересах сохранения за США превосходства и осуществления своей интервенционистской политики с «позиции силы». В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть развитие еще двух важнейших элементов американской морской мощи — системы базирования ВМС и транспортного (коммерческого) флота.

Общеизвестно, что до начала 60-х годов США удерживали за собой более 2 тыс. военных, военно-воздушных и военно-морских баз, а также различных пунктов базирования и снабжения американских вооруженных сил. До 40 % всех этих объектов, размещенных за пределами США, приходилось на американские ВМС.

В течение 60-х годов система их базирования претерпела некоторые изменения. В частности, в целях сокращения расходов, а также в силу социальных перемен в мире многие второстепенные базы, находящиеся на иностранных территориях, были закрыты или законсервированы. Основу системы базирования ВМС США составляют пять военно-морских округов: два в зоне Атлантического океана (округа Восточного побережья США и Карибского моря) и три — на Тихоокеанском театре (округа Западного побережья США, Гавайский и Аляскинский) [19].

В последнее время общеизвестна тенденция к закреплению за ВМС США пунктов базирования в странах Центральной Америки, Ближнего и Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Карибского моря.

Что касается такого важного элемента морской мощи США, как транспортный флот, то необходимо подчеркнуть растущее внимание к нему со стороны американской администрации и руководства вооруженных сил США. Старые, существовавшие с 1936 г. до начала 70-х годов, законоположения о коммерческом флоте, его строительстве и предназначении перестали, как считают в США, удовлетворять интересы судостроителей, судопромышленников и военные ведомства. Ныне существующими законами предусматриваются такие меры, чтобы строительством крупных, универсальных и специализированных судов возмещались текущие срочные и чрезвычайные по масштабам изъятия определенных судов в интересах военного руководства США и командования видами вооруженных сил. Не случайно, что коммерческий флот США в соответствии с этим его новым предназначением и порядком строительства все более часто рассматривается в военных ведомствах США как четвертый вид вооруженных сил.

В заключение рассмотрим кратко направленность и цели реализации планирующихся и осуществляемых практических мероприятий по дальнейшему строительству, модернизации и будущему предназначению главнейшего элемента морской мощи — ВМС США.

Президент Р. Рейган превзошел ряд своих предшественников президентов — бывших военных моряков во внимании к флоту как

[19] Справочник по иностранным флотам М., 1971, с. 255.

традиционному инструменту гегемонизма США. Это объясняется не только его давней близостью с богатейшими и влиятельными концернами военно-промышленного комплекса, занимающимися строительством крупных кораблей и производством современных вооружений и другой техники для них. Рейган, являясь ставленником монополий и политических кругов западных штатов, став президентом, как должное воспринял положение о будто бы «решающей роли» ВМС и воздействии их на историю, об их «длинной руке» и мощи, которую Т. Рузвельт назвал «большой дубинкой».

В широко разрекламированном докладе конгрессу о военном бюджете на 1984 финансовый год и о дальнейших программах строительства вооруженных сил министр обороны США Уайнбергер много говорил о вступлении в силу военно-политической стратегии «прямого противоборства» и ее «важной» составляющей — военно-морской стратегии США. Подчеркивая значение и роль последней в общей военной стратегии, он заявлял, в частности, что во осуществление американской стратегии обороны на отдаленных от США рубежах ВМС вместе с силами союзных стран и компонентами своих сухопутных сил и авиации должны обеспечить их заблаговременное развертывание в целях приобретения доступа США ко всем жизненным для их национальных интересов регионам [20].

Уайнбергер остановился и на важности для США изучения уроков англо-аргентинского конфликта в Южной Атлантике [21]. Он признал, что эта колониальная война со стороны Англии внушила Соединенным Штатам уверенность в необходимости создания более мощных ВМС, достаточных для успешной реализации империалистических устремлений США в Мировом океане и устойчивости тех различных компонентов американских вооруженных сил, которые развернуты в отдаленных от США районах мира. Министр обороны подчеркнул, что опыт конфликта убедил военное руководство США в том, что они должны иметь в составе ВМС «многоцелевые авианосные боевые группы», располагающие самолетами раннего предупреждения, высокоэффективными истребителями-бомбардировщиками дальнего действия, другими средствами, обеспечивающими сохранение живучести надводных кораблей в условиях широкого применения противокорабельных ракет и средств радиопротиводействия.

Уайнбергер изложил основные принципы программы совершенствования ВМС США: повышение их боеготовности и боеспособности; усиление их ударной «наступательной» мощи; усиление внимания к проблеме защиты морских коммуникаций от воздействия на них с воздуха; продолжение совершенствования сил и средств защиты от атак подводных лодок; обновление сил и средств для ведения десантных операций [22].

[20] Report of the Secretary of Defence to the Congress on the FY 1984 Budget. Wash., GPO, 1983, Febr. 1, p. 139.
[21] Ibid.
[22] Ibid.

Эти положения доклада Уайнбергера приняты во внимание при утверждении очередной 5-летней программы кораблестроения и модернизации устаревших кораблей и судов. Шеф Пентагона заверил конгресс, что количество боевых кораблей основных классов возрастет с 506 единиц в конце 1983 г. до 610 единиц к началу 1990 г.[23] До конца 1988 г. будут субсидированы заказы на 5 атомных ракетных подводных лодок системы «Трайдент», 21 атомную многоцелевую подводную лодку с торпедным вооружением и крылатыми ракетами, еще один атомный авианосец типа «Нимиц», 14 ракетных крейсеров, 9 ракетных эсминцев, 6 специальных противолодочных кораблей, 25 противоминных кораблей, 3 крупных десантных судна, 2 плавбазы для эсминцев, 19 флотских танкеров и др. Намечено завершение модернизации 4 линейных кораблей с вводом в строй последних двух[24].

Таким образом, Пентагон намерен к 1990 г. закончить давно намечаемую программу доведения численности корабельного состава ВМС до 600 единиц основных классов с учетом вывода из строя нескольких устаревших кораблей. Эта численность называется «минимально необходимой» для установления и поддержания превосходства в Мировом океане с учетом наличия в строю свыше 40 ракетных атомных подводных лодок стратегического назначения, до 100 других атомных подводных лодок и не менее 15 авианосных «многоцелевых» групп как основы сил общего назначения. Важной особенностью является усиление основной мощи надводных кораблей и подводных лодок. По меньшей мере на 150 из них предполагается установить системы запуска противокорабельных ракет. Такие меры, учитывая, что ракеты с ядерными боеголовками будут обладать дальностью действия свыше 2500 км, приведут к тому, что в США появится еще один резерв стратегических наступательных сил.

Перед ВМС США, как следует из ряда публикаций, касающихся хода и направленности учений и маневров корабельных соединений, поставлены следующие основные задачи[25]:

— подготовка к нанесению ракетно-ядерных ударов по важнейшим военным, промышленным и правительственным объектам потенциальных противников;

— уничтожение сил их флотов в море и в базах;

— оказание поддержки сухопутным войскам и соединениям ВВС, действующим на заморских территориях;

— проведение десантных операций;

— обеспечение «переноса» военной мощи США через океан путем переброски войск, вооружения и другой боевой техники на плацдармы США и их союзников за пределами границ США;

— осуществление постоянного и «внушительного» военно-морского присутствия в порядке демонстрации силы или путем забла-

[23] Ibid., p. 140.
[24] Ibid., p. 159.
[25] Подробнее см.: *Румянцев А.* ВМС в планах «новой» военной стратегии Пентагона. — Зарубежное военное обозрение, 1982, № 6, с. 60.

говременного развертывания соединений ВМС в нужных для США районах Мирового океана;

— защита морских и океанских коммуникаций;

— оборона побережья континента и заморских территорий США.

Океанские и морские театры, где могут возникнуть и вестись боевые действия, в планах военного руководства США занимают важное место. Такое положение отчетливо проявляется в ходе ежегодных многоплановых маневров объединенных ВМС НАТО.

В заключение необходимо сделать краткие выводы.

1. В своих агрессивных планах и проводимых конкретных практических мероприятиях глобального масштаба политическое и военное руководство США, как и в прошлые времена, отводит важнейшее место обеспечению достижения политических целей применением военной мощи.

Маскируя свои агрессивные устремления, используя при этом аргументацию, включающую и утверждения о якобы угрожающих размерах и перспективах развития вооруженной мощи СССР, руководство США ищет все новые, как оно считает, более эффективные пути, способы и соответствующие им средства для сохранения и распространения своего влияния на всех континентах мира и особенно там, где американские интересы, по его мнению, этого требуют. США намерены прилагать все новые усилия для сохранения и упрочения своих позиций и оказания влияния во всех районах мира, в том числе и в важнейших районах Мирового океана, на которые и другие страны имеют равные права.

В этих условиях значение Мирового океана усиливается. Его пространства являются не только сферой удовлетворения растущих экономических потребностей высокоразвитых и развивающихся стран мира, но и областью все более широких военных приготовлений милитаристских империалистических агрессивных блоков и отдельных капиталистических стран. На его поверхности, глубинах и дне странами Запада уже размещаются и предполагается дальнейшее развертывание различных компонентов сил и технических средств общего и стратегического назначения.

2. Морская политика США, являясь составной частью так называемой национальной политики США, а также важным элементом внешней и внутренней политики американского правительства и стоящих за ним кругов, представляет собою совокупность законодательных актов и проводимых практических долгосрочных и текущих мероприятий, направленных на создание и поддержание преимущественного положения США в определенных районах континентов мира и пространствах Мирового океана.

Военно-морской политикой США, ее соответствующими положениями, глобальными и региональными направлениями охватывается текущее состояние, дальнейшее совершенствование, масштабы и способы возможного применения и таких взаимосвязанных с ВМС элементов морской мощи, как система стационарного и подвижного базирования ВМС и определенной части коммерческого, транспортного и промыслового флотов, прямо связанной с ВМС или приданной

последним для обеспечения их повседневной и боевой деятельности в различных условиях, на всей территории Мирового океана или в ряде его районов, важных для всех стран мира.

Постоянно совершенствуются все основные элементы морской мощи США и прежде всего ее главный элемент — ВМС.

Перед ВМС США, кроме участия в так называемом стратегическом «сдерживании» в качестве основного компонента сил стратегического назначения, ставятся такие многообъемлющие стратегические задачи, как установление и поддержание эффективного глобального контроля над Мировым океаном, обеспечение «переноса» и распространения военной мощи США на территории «заокеанских стран», где США имеют якобы, по их мнению, свои политические, военные и экономические интересы, осуществление постоянного и наиболее представительного военно-морского присутствия в важных для США районах Мирового океана.

3. Военно-морские силы США после некоторого спада в их строительстве и развитии в период, когда делался больший упор на военно-воздушные силы, обеспечивавшие реализацию стратегии «массированного возмездия» (1953—1961 гг.), снова начали приобретать вес и значение с изменением этой системы стратегических взглядов. Провозглашение новой военно-политической стратегии «гибкого реагирования» открыло, по заключениям военно-морских кругов США, более широкие перспективы в строительстве и модернизации ВМС. Выводя из строя устаревшие корабли, США стали более высокими темпами создавать новые атомные ракетные подводные лодки, атомные ударные авианосцы и другие надводные корабли с ракетно-ядерным оружием, многоцелевые атомные подводные лодки.

С принятием действующей и теперь стратегии «реалистического устрашения» (сдерживания), которая должна опираться, по взглядам американского руководства, на новые, менее уязвимые подводные ракетные системы дальнего действия, роль и место ВМС в системе ВС США стали еще более заметными. Начиная с 1972 финансового года ВМС заняли первое место среди видов ВС по бюджетным ассигнованиям, возможности их дальнейшего развития значительно возросли. Мобильность и универсальность вероятного использования ВМС в мирное и в военное время превратили их, по мнению руководителей Пентагона, в наиболее перспективный компонент и сил общего назначения. По ныне осуществляемому плану администрации Рейгана в ВМС США к концу 80-х годов предполагается иметь не менее 600 боевых кораблей основных классов.

4. В своей подготовке к участию в войнах различного масштаба, в повседневной деятельности, связанной с поддержанием соответствующего благоприятного для вооруженных сил США режима в отдаленных районах Мирового океана, ВМС руководствуются общими для всех ВС США стратегическими концепциями, а также специфическими концепциями «контроля над морем» и «морской мощи».

Основной концепцией ВМС, определяющей фактически все конкретные частные задачи, стоящие перед ними, является концеп-

ция «контроля над морем». Она включает ряд положений, входивших в ранее широко известную экспансионистскую теорию «господства на море», к духу которой снова и снова возвращаются военно-морское руководство США и некоторые военно-морские специалисты и ученые.

В отличие от «господства на море», которое в прошлом рассматривалось как конечная цель войны на море, установление «контроля над морем» в нужных для США районах Мирового океана практически совпадает с главной стратегической задачей ВМС. Установление такого контроля означает поддержание постоянной способности ВМС и взаимодействующих с ними других видов ВС обеспечивать наиболее беспрепятственное пользование океанскими путями сообщений для доставки морем контингентов вооруженных сил США и нужного им материально-технического снабжения.

5. Современные ВМС США, как об этом указывается в ежегодных справочниках, имеют в своем составе: атомные ракетные подводные лодки (до 40 единиц); высокотехнически оснащенные мощные и универсальные авианосные соединения, включающие 13 авианосцев, соединения атомных подводных лодок многоцелевого назначения (около 100 единиц); надводные корабли с новейшими и развивающимися боевыми средствами ведения войны на море (до 100 крейсеров и эсминцев, более 90 фрегатов и др.). В своем настоящем состоянии ВМС США, по взглядам руководства Пентагона, могут быть использованы в ядерной войне, ограниченных войнах различного масштаба, а также для непосредственной боевой поддержки других видов ВС США и их союзников при ведении боевых действий. Отмечается сохранение в течение последних нескольких лет ежегодного заметного увеличения затрат на ту часть ВМС, которая входит в состав сил общего назначения. Развитие и совершенствование этой части ВМС США делает их компоненты, и прежде всего авианосные силы, развернутые в районах, близких к СССР, существенным дополнением стратегических сил.

6. Осуществление Соединенными Штатами практических мероприятий по строительству и совершенствованию сил общего назначения является фактором, провоцирующим гонку военно-морских вооружений, не подпадающих пока ни под какие регламентации и ограничения. Программы дальнейшего оснащения этих сил рассчитаны на увеличение числа отдельных ядерных боезарядов, предназначаемых для поражения не только сил и средств военно-морских флотов вероятного противника, но и важных военно-стратегических и военно-экономических объектов, расположенных на его территории.

США И СТРАНЫ ЕВРОПЫ

♦

Американские планы развязывания войны против СССР

Р. Г. БОГДАНОВ

16 июля 1945 г. военно-политическое руководство США узнало о первом успешном испытании атомной бомбы. Эта новость вызвала ликование президента Г. Трумэна и его советников, вселив в них уверенность в возможности ужесточить американскую позицию по отношению к Советскому Союзу.

Изначально внимание американских правящих кругов акцентировалось на военных возможностях нового оружия. Еще 18 сентября 1944 г. президент Ф. Рузвельт и премьер-министр У. Черчилль приняли строго засекреченное решение — применить атомную бомбу с тем, чтобы ускорить окончание войны [1]. Военный министр Г. Стимсон отмечал, что «никогда с 1941 по 1945 г. не слышал, чтобы президент или какое-либо другое ответственное лицо в правительстве говорили, что атомная энергия не должна быть использована в войне» [2]. Такое отношение правительства США к атомному оружию во многом объяснялось стремлением добиться победы как можно быстрее, но не активными действиями войск, а использованием военно-технических достижений. Атомная бомбардировка японских городов Хиросима и Нагасаки была логическим продолжением этой линии [3]. Именно атомная бомба, утверждал президент Трумэн, а не вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке, обеспечила капитуляцию Японии. Между тем в официальном «Обзоре стратегических бомбардировок», составленном американскими военными историками и опубликованном в 1945—1946 гг., отмечалось: использование атомной бомбы не было решающим фактором, повлиявшим на исход второй мировой войны [4].

[1] *Sherwin M.* The World Destroyed: The Atomic Bomb and the Grand Alliance. N. Y., 1975, p. 110—111, 284.

[2] Цит. по: *Gaddis J.* The United States and the Origins of the Cold War, 1941—1947. N. Y., 1972, p. 245.

[3] *Stimson H.* The Decision to Use the Atomic Bomb. — Harper's Magazine, 1947, vol. 194, Febr., p. 98; *Bernstein B.* Roosevelt, Truman and the Atomic Bomb, 1941—1945: A Reinterpretation. — Political Science Quarterly, 1975, Spring, p. 23—69.

[4] US Strategic Bombing Survey, Overall Report. Wash., 1945; US Strategic Bombing Survey, Japan's Struggle to End the War. Wash., 1946.

Главное, однако, заключалось в политических преимуществах, которые давало обладание атомной бомбой. Появление «революционного» оружия, как полагали вашингтонские политики, резко изменит послевоенный баланс сил, создав для Соединенных Штатов возможность навязать свою волю остальному миру. Как свидетельствуют авторитетные американские историки, «бомба с момента ее появления была исключительно важным элементом во всех расчетах Трумэна относительно баланса военной силы, поддерживающего его дипломатию и в смысле окончания войны с Японией, и в смысле послевоенного урегулирования отношений с Советским Союзом» [5]. Президент считал, что с СССР следует говорить «твердым языком» и использовать угрозу решительных действий. «Пока Россия не столкнулась с железным кулаком и „твердым языком", следующая война представляется неизбежной... Я не думаю, что мы должны в дальнейшем идти с ней на компромиссы...», — писал он в письме госсекретарю Бирнсу 5 января 1946 г.[6]

Конечно, в то время представители администрации не высказывали публично подобных точек зрения. Однако ныне имеется достаточно документальных свидетельств того, что президент Трумэн и его советники предусматривали использование атомной монополии США для силового давления на СССР, чтобы добиться политических уступок за счет его законных интересов безопасности в Восточной Европе и других регионах мира. Эта идея была основой дальнейших практических действий военно-политического руководства США во внешнеполитической сфере.

Уже в сентябре 1945 г. на конференции военных специалистов в Чикаго обсуждался вопрос об использовании атомного оружия в будущих войнах, которые придется вести США.

Идеологическое обоснование курса на гонку ядерных вооружений нашло отражение в выступлениях президента Трумэна 8 и 27 октября 1945 г., в которых он подтвердил решимость США сохранять монополию на атомное оружие, считавшуюся «священным благоволением». При этом Трумэн в беседах с советниками не скрывал, что такой курс означает «начало новой гонки вооружений» [7].

Характерно, что крен в сторону «воздушно-атомной» стратегии, обозначившийся к осени 1945 г., осуществлялся без учета реального состояния ядерного арсенала США и средств доставки атомного оружия. По свидетельству председателя Комиссии по атомной энергии Д. Лиллиенталя, весной 1947 г. США располагали «не более чем дюжиной атомных бомб, но ни одна из них не была готова к немедленному использованию, производилось же их по две штуки в месяц». Атомных бомб было значительно меньше в октябре 1946 г., но уже тогда президент Трумэн полагал, что «этого достаточно, чтобы выиг-

[5] *Brown S.* The Faces of Power. N. Y.; L., 1968, p. 34.
[6] Цит. по: Ibid., p. 35.
[7] Цит. по: *Yergin D.* Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977, p. 140—141.

рать войну» [8]. Спустя два месяца после капитуляции Японии, т. е. в ноябре 1945 г., начались исследования возможности нанесения ядерного удара по Советскому Союзу. Проект назывался «Стратегическая уязвимость России в отношении ограниченного воздушного нападения» и был подготовлен Объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ). Исходя из того, что против СССР будут использованы атомные бомбы тех же типов, что и против Японии, в документе намечалось двадцать советских городов, «пригодных» для атомного удара. Выбор целей определялся степенью их важности как индустриальных центров, наличием военных исследовательских учреждений и расположением «ключевого правительственного и административного персонала» [9].

Различия в точках зрения руководства других видов вооруженных сил — армии и флота — делали невозможным использование упомянутого документа в качестве единого оперативного плана. Эти различия не касались вопроса о необходимости войны против СССР, которая считалась само собой разумеющейся, несмотря на отсутствие всякого повода для нее. Полемика велась по вопросу о масштабах разрушений, необходимых для принуждения Советского Союза к капитуляции. Стремясь примирить представителей разных видов вооруженных сил в их разногласиях, ОКНШ подчеркивал стратегическое значение атомного оружия, целесообразность его использования против «объектов большой важности». В исследовании, подготовленном ОКНШ осенью 1945 г. для военно-политического руководства страны, отмечалось: «Сегодняшняя бомба — это оружие стратегического разрушения, более всего подходящее для поражения крупных индустриальных центров, портов, сети снабжения и других целей, имеющих жизненное значение для военного потенциала страны и, таким образом, заслуживающих применения бомбы». Специально указывалось на то, что появление атомной бомбы не только не уменьшает роли обычных военных сил, а напротив, предполагает их увеличение, необходимость в усиленной защите баз, с которых планируется наносить атомные удары по противнику. ОКНШ утверждал, также, что будущая война с применением атомного оружия так или иначе потребует захвата и оккупации территории противника, чтобы принудить его к капитуляции [10].

Определение бомбы как стратегического оружия, предназначенного для использования скорее против гражданских, а не военных целей, было компромиссом, попыткой сохранить в неизменном виде функции и характер всех видов вооруженных сил. Однако компромиссная позиция ОКНШ почти немедленно стала подвергаться критике со стороны молодого поколения офицерского корпуса. Под сомнение ставились не только планы Пентагона, касающиеся отдельных аспектов будущей войны. Были предприняты усилия, чтобы переориенти-

[8] Цит. по: *Rosenberg D.* American Atomic Strategy and the Hydrogon Bomb Decision. — Journal of American History, 1979, May, p. 62—66.
[9] *Herken G.* The Winning Weapon: The Atomic Bomb in the Cold War. N. Y., 1980, p. 129.
[10] Ibid., p. 207, 203.

ровать американское военное мышление в сторону новой стратегии, в которой атомная бомба являлась бы не вспомогательным, а главным элементом.

Основная волна критики в адрес ОКНШ шла со стороны ВВС. Воспитанные на теориях Д. Дуэ и его современного последователя, американца венгерского происхождения А. де Северски, офицеры ВВС стремились проанализировать особенности послевоенного периода с учетом опыта минувшей войны. Однако опыт стратегических бомбардировок второй мировой войны, осуществлявшихся США и Англией, оказался малоубедительным. Фактически действия ВВС, как подтверждалось в официальном «Обзоре стратегических бомбардировок», были лишь дополнением к достижению окончательной победы над Японией и Германией в войне на суше [11]. Данные «Обзора» использовались противниками ориентации на атомную бомбу и ВВС. Они опасались, что крен в сторону атомного оружия приведет к преобладанию относительно небольших по размеру ударных атомных военно-воздушных сил. Однако победили сторонники новой доктрины, которая основывалась на применении атомной бомбы и бомбардировщиков большой дальности действия, т. е. на способности проецировать огромную разрушительную силу на значительные расстояния. Возглавлял сторонников новой доктрины генерал К. Спаатс, командовавший во времена войны стратегическими налетами против Германии. В октябре 1945 г. он распространил среди командования ВВС доклад, призывавший к созданию современных атомных бомбардировщиков.

Взгляды К. Спаатса поддерживал видный авиационный военачальник генерал Г. Арнольд. В ноябре 1945 г. он представил доклад военному министру Р. Паттерсону, в котором употребил выражение «воздушно-атомная» стратегия, объединив в нем таким образом два понятия — о воздушной мощи и новейших средствах массового уничтожения. Арнольд, уходивший в отставку, рекомендовал назначить заместителем начальника штаба ВВС генерала К. Лёмэйя как наиболее подходящую кандидатуру для реализации новой стратегии.

К. Лёмэй в марте 1945 г. командовал 20-м воздушным флотом, который бомбардировками сжег Токио и уничтожил больше японцев, чем атомные бомбардировки. Он первый в командовании ВВС с энтузиазмом отнесся к атомному оружию, предвидя и некоторые другие военные новшества. Так, в ноябре 1945 г. Лёмэй предложил создать объединенное управление армии и флота для приспособления ядерного оружия к межконтинентальным и управляемым ракетам. Выступая в январе 1946 г. в Совете по снаряжению военного министерства, он заявил, что если ранее основу безопасности США составляли четыре элемента — естественные ресурсы, промышленный потенциал, время и расстояние, — то появление атомной бомбы аннулировало два последних элемента и уменьшило значимость двух

[11] US Strategic Bombing Survey, Overall Report; US Strategic Bombing Survey, Japan's Struggle to End the War.

первых. Лёмэй призвал к сохранению «больших хорошо оснащенных ВВС», но указал на необходимость создать «небольшие, ударные бомбардировочные силы, снабженные ядерным оружием» [12]. Через несколько недель после этого выступления было решено о создании стратегического авиационного командования, ядра воздушно-атомных ударных сил [13].

Примерно в это же время начальник штаба армии генерал Д. Эйзенхауэр направил в ОКНШ доклад, в котором подчеркивал решающую роль атомного оружия. К докладу он приложил меморандум «Наша армия будущего», составленный начальником «проекта Манхэттэн» генералом Л. Гроувсом. «Если мир будет жить с атомным оружием, у нас оно должно быть самым лучшим, самым мощным и в самом большом количестве», — отмечалось в меморандуме [14]. За создание ударных атомных сил решительно высказывался министр ВМФ Форрестол, одержимый манией «советской угрозы» и протестовавший против послевоенной демобилизации. Постепенно атомная бомба стала занимать все большее место в военном планировании США.

Ранней весной 1946 г. ОКНШ представил новую редакцию документа о роли атомной бомбы в военной стратегии США. В нем безоговорочно признавалось, что атомная бомба представляет собой огромное «движение вперед» по сравнению с другими видами оружия и что она может решающим образом повлиять на ведение боевых действий. Отвечая на запрос президента о военных аспектах конфронтации с СССР, военный министр Р. Паттерсон в секретном меморандуме Трумэну, датированном 27 июля 1946 г., подчеркивал: «Жизненно важным условием успеха США (в войне с СССР. — *Р. Б.*), бесспорно, является обладание авиацией дальнего действия, дополненной атомным и другим оружием, а также соответствующие наземные силы, способные удержать и захватить важные территории, в первую очередь механизированные и парашютно-десантные части... Военная мощь западных демократий должна опираться на ограниченные, но высокоразвитые наземные и воздушные силы, а также технологически сложное оружие, такое, как атомная бомба» [15].

В документах Пентагона первых послевоенных лет, впрочем, как и в дальнейшем, необходимость чрезвычайного планирования оправдывалась ссылками на «советскую военную угрозу». Главной целью СССР объявлялась «безграничная экспансия советского коммунизма, сопровождаемая значительной территориальной экспансией русского империализма» [16]. Именно на волне антисоветизма и антикоммунизма внимание военно-политических руководителей США было сфокусировано на стратегическом значении атомной бомбы.

[12] *Arnold H.* Global Mission. N. Y., 1949, p. 612.
[13] *Anderson D.* Strategic Air Command N. Y., 1976, p. 32—36.
[14] *Herken G.* Op. cit., p. 214.
[15] R. Patterson — President, 1946, July 17. — *Harry S.* Truman Library (Independence, Missionri), G. Elsay Papers.
[16] *Yergin D.* Op. cit., p. 269—270.

Обладание ядерным оружием, как считало военно-политическое руководство США [17], означало не просто количественный скачок в имевшейся в его распоряжении военной силе. Ядерное оружие, способное причинить колоссальный ущерб за очень короткое время и сравнительно «легким» путем, видоизменяло само соотношение военной силы и внешней политики. В прошлом процесс принуждения другого государства занимал длительное время, для этого нужно было предварительно разгромить его вооруженные силы или создать реальную угрозу такого разгрома. Не существовало и столь реальной опасности уничтожения гражданского населения противника. Ядерное оружие в корне изменило ситуацию. Одна бомба могла уничтожить город в мгновение ока, причем это могло произойти без предварительного разгрома вооруженных сил противника. Государство могло превратиться в руины, не проиграв ни одного сражения.

Такие возможности уже тогда представлялись весьма заманчивыми для правящих кругов США. С одной стороны, атомная бомба, казалось, обеспечивала достижение их внешнеполитических целей, а с другой — помогала избежать нежелательной послевоенной инфляции, добиться мировой гегемонии дешевой ценой. И Соединенные Штаты приняли решение опираться в дальнейшем на угрозу применения ядерного оружия против Советского Союза, отнюдь не исключая и его применения первыми [18]. Эта стратегия основывалась на возобладавшей к тому времени в американском руководстве точке зрения, что СССР не сможет сравняться с США или даже бросить вызов их ядерному превосходству в течение ближайшего десятилетия. И это — несмотря на авторитетные предупреждения ведущих американских ученых-атомщиков о скоротечности «атомной монополии» США, сделанные уже в 1944—1945 гг.[19]

В июне 1946 г. ОКНШ завершил разработку первого плана войны с Советским Союзом под кодовым названием «Пинчер». План предусматривал, что такая война, с подготовительным периодом не менее трех месяцев, произойдет летом 1946 или 1947 г. План считался «экспериментальным». Он отражал неуверенность начальников штабов относительно числа атомных бомб, которые можно было использовать для поражения целей в СССР. План был дополнен приложением — документом «Харроу», составленным генералом Лёмэйем осенью 1946 г. В документе содержались плановые наметки по разрушению ядерным ударом двадцати советских городов, повторявшие исследование ОКНШ (осень 1945 г.)[20].

В ходе работы над «Пинчером» планировщики ОКНШ обнаружили, что тогдашние возможности ВВС не соответствовали их «экспериментальным» концепциям: советские города, избранные в качестве целей, находились на 500—800 км за пределами досягаемости бомбардировщиков Б-29, выделенных для ударов по СССР с европей-

[17] American National Security: Policy and Process. Baltimore, 1981, p. 253.
[18] Ibid.
[19] *Sherwin M.* Op. cit., p. 277—278; *Yergin D.* Op. cit., p. 134—137.
[20] *Rosenberg D.* Op. cit., p. 64—65.

ских баз. В плане предусматривалось использование территории Турции для «атомно-воздушного» наступления и поражения нефтедобывающих районов Баку. В то же время планировщики ОКНШ, готовясь использовать против СССР атомную бомбу, принимали в расчет мощь советских сухопутных сил, а также их территориальную дислокацию как факторы, заставлявшие сомневаться в практической эффективности атомного оружия и оказывавшие некоторое сдерживающее воздействие [21].

Примечательно, что уже в тот период начальники штабов усматривали «недостаточность» концепции «сдерживания» даже в том виде, в каком она устраивала политическое руководство страны. ОКНШ опасался, что рано или поздно появление атомной бомбы у Советского Союза обернется для самих США «сдерживанием» от «решительных» действий, так как «может возникнуть угрожающее для их безопасности положение, когда народ будет под впечатлением ужасов будущей войны — войны массового уничтожения. . .» [22].

Напомним, что в кругах гражданских стратегов в 1946 г. высказывались мнения, что в атомный век безопасность можно обеспечить не только на путях ядерной войны, а избегая и предотвращая ее. К их числу относился, в частности, известный американский исследователь Б. Броуди, выпустивший в 1946 г. сборник статей «Абсолютное оружие». Броуди и другие авторы книги пришли к выводу, что появление атомной бомбы ставит под сомнение традиционные военные постулаты, включая аксиому, что численное превосходство во многом обеспечивает достижение победы. Один из авторов, А. Уолферс, писал, что стабильный ядерный баланс, паритет СССР и США «окажется лучшей гарантией мира и более чем что-либо другое будет способствовать сближению взглядов и интересов двух стран» [23].

Однако военная доктрина США оказалась весьма далекой от идеи необходимости избегать войн в атомный век; она с самого начала концентрировалась на вопросах их эффективного ведения, включая и превентивную войну [24]. Публично военные руководители решительно отрицали такую возможность. Однако, как свидетельствуют документальные источники, на секретных заседаниях начальники штабов ее не исключали. Так, уже в сентябре 1945 г., вскоре после уничтожения Хиросимы, начальники штабов одобрили предложение ВМФ о нанесении первого удара, при этом подчеркивалось, что «следует привлечь к этому вопросу особое внимание, чтобы было ясно: это новая концепция политики, отличающаяся от американских

[21] Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945—1950 / Ed. by T. Etzolt, J. Gaddis. N. Y., 1978, p. 302—311; *Yergin D.* Op. cit., p. 270.

[22] *Herken G.* Op. cit., p. 221.

[23] The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order / Ed. by B. Brodie. N. Y., 1946, p. 135.

[24] Известно предложение генерала Л. Гроувса в начале 1946 г. о том, чтобы нанести предупреждающий ядерный удар против «любой нации, которая находится у порога приобретения атомного оружия». Возможность такого удара впервые обсуждалась раньше — осенью 1945 г. во время слушаний в конгрессе по вопросу объединения вооруженных сил (см.: New York Times, 1945, Sept. 29).

концепций войны в прошлом». Разведывательный комитет ОКНШ в развитие этой директивы рекомендовал ввести в действие план «Пинчер», если Советский Союз получит способность «вероятного нападения на Соединенные Штаты или защиты от их нападения». Нанесение удара по двадцати советским городам планировалось в качестве «предупреждения» советского «наступления» [25].

В июне 1947 г. ОКНШ подготовил исследование «Эволюция атомной бомбы как оружия», в котором говорилось: «Если применять атомные бомбы в большом количестве, они могут не только свести к нулю военные усилия любого государства, но уничтожить его социальную и экономическую структуру и помешать ее восстановлению в течение длительного времени». В разделе, касающемся «атомной политики», отмечалось, что «сдержанность может обернуться катастрофой в будущем, если не уничтожением страны в целом. Наступательные действия — единственно эффективное средство обороны, и Соединенные Штаты, очевидно, должны быть готовы к действию до того, как потенциальный противник сможет нанести им существенный урон» [26]. Новый документ ОКНШ основывался на мартовском (1947 г.) указании военного министра Паттерсона генералу Д. Эйзенхауэру «следовать политике, которая предусматривает неограниченное использование ядерной энергии для ведения войны». Эта директива отражала укрепившуюся уверенность военных руководителей в том, что бомба является «решающим» преимуществом США в случае войны против СССР.

В конце августа 1947 г. планировщики ОКНШ пересмотрели план «Пинчер» и составили новый план «Бройлер». Важные изменения в нем свидетельствовали об окончательном триумфе «атомно-воздушной» стратегии в военной доктрине США. «Бройлер», как и предшествующий план, предусматривал стратегическое воздушно-атомное наступление против СССР, результаты которого зависели от его «начальной стадии». В плане выражалась полная уверенность в успехе применения атомной бомбы. «Монополия США на обладание бомбой» приведет к тому, говорилось в плане «Бройлер», что «силы союзников не только вернут потерянные территории, но серьезно подорвут возможности Советского Союза по оказанию сопротивления». Эффективность воздушно-атомного наступления повышалась тем, что вылеты бомбардировщиков Б-29 намечались с островов Рюкю, а также с баз в Англии, Египте и Индии. Поскольку некоторые цели в СССР находились за пределами радиуса действия Б-29, то план «Бройлер» предусматривал, что бомбардировщики на обратном пути будут садиться или имитировать «вынужденную посадку» на территории дружественных или нейтральных стран.

Планом «Пинчер» предписывалось дозированное разрушение военного потенциала СССР, что и считалось тогда главной целью.

[25] *Sherry M.* Preparing for the Next War: American Plans for Postwar Defence, 1941—1945. New Haven, 1977, p. 201—213.
[26] *Herken G.* Op. cit., p. 226; *Rosenberg D.* Op. cit., p. 61.

Однако уже в плане «Бройлер» планировщики ОКНШ пошли значительно дальше. Они исходили из возможности «освобождения» Восточной Европы и капитуляции Советского Союза, которая якобы «немедленно последует после начальной стадии кампании с применением атомной бомбы». Поэтому следовало как можно раньше провести «необходимую подготовку для того, чтобы союзники могли предпринять быстрые действия в случае крушения СССР на ранней стадии». План «Бройлер» отличался от плана «Пинчер» и тем, что выбор целей в Советском Союзе определялся в значительной степени политическими соображениями, т. е. предполагалось воспользоваться «максимальным психологическим эффектом атомной бомбы». Выбор обозначенных в приложении целей показывал, что с осени 1945 г. осуществился переход от замыслов бомбардировок промышленных и военных объектов (таких, как нефтепромыслы, намеченные для обычных продолжительных бомбежек) к планированию атомных ударов по «политическим, правительственным, административным, техническим и научным компонентам Советского государства», и в особенности «ключевым правительственным и административным органам в городах».

Таким образом, план «Бройлер» свидетельствовал, что военно-политическим руководством США ядерное оружие стало восприниматься как главное средство ведения войны против СССР. Оно пришло также в выводу о необходимости добиваться военной капитуляции Советского Союза и «освобождения» социалистических стран Восточной Европы. В этом смысле, как отмечают американские исследователи, план был первым «взаимоувязанным» и чрезвычайным «рабочим планом войны». Подчеркивая значимость атомной бомбы в американской стратегии, объединенный комитет стратегических обзоров информировал Пентагон в октябре 1947 г. о том, что «для удовлетворения долговременных военных нужд требуется примерно четыреста атомных бомб для поражения советских целей» [27].

Плану «Бройлер», как признавали сами американские планировщики, был присущ один фундаментальный недостаток: он не мог ответить на вопрос, который занимал все уровни политического и военного руководства США с 1945 г., — когда СССР создаст атомную бомбу? В плане «Пинчер» исходили из того, что американская монополия сохранится как минимум до 1956 г. «или даже дольше». В июле 1947 г. ОКНШ подготовил доклад для президента, в нем были изложены две точки зрения — с одной стороны, командования военно-морского флота и армии, с другой стороны — ВВС. Первые считали, что Советский Союз уже может иметь бомбу и, во всяком случае, будет иметь ее между 1949 и 1952 гг. Вторые полагали, что СССР не будет иметь атомного оружия до 1952 г., а из-за трудностей с сырьем сможет производить лишь от трех до пяти его единиц в год.

Сам ОКНШ расценивал оба мнения не более как «хорошую догадку». В конце 1947 г. ЦРУ, госдепартамент и комиссия по атомной энергии предприняли совместное исследование и пришли

[27] Ibid., p. 228—229.

к выводу: «Сомнительно, чтобы русские смогли сделать бомбу до 1953 г., и уж конечно, они не смогут сделать ее до 1951 г.» В исследовании также утверждалось, что СССР сможет в первый период (от трех до пяти лет) производить 8—15 бомб в год, а потом из-за производственных трудностей и ограниченных запасов — 1—2 в год [28]. Это исследование считалось в США самым авторитетным. Военно-политическое руководство не смущало, что обладание США «победоносным оружием», как его называл Б. Барух, не заставило Советский Союз подчиниться американскому диктату и согласиться с дискриминационными условиями «международного контроля» над атомным оружием. Монопольное обладание оружием в сочетании с антисоветизмом, гегемонистскими амбициями и традиционно пренебрежительным отношением к возможностям других народов — все это ослепляло американское руководство и лишало способности трезво оценивать ситуацию.

Зимой 1947/48 г. в правящих кругах Соединенных Штатов царил оптимистический настрой относительно планов утверждения американского гегемонизма в мире. Этому способствовал ряд обстоятельств. В марте 1947 г. была провозглашена «доктрина Трумэна», в результате чего стратегия «сдерживания» приобрела ярко выраженное милитаристское звучание. В 1947 г. был принят, а с 1948 г. начал действовать «план Маршалла», нацеленный на укрепление Западной Европы как форпоста в борьбе с СССР. В июле 1947 г. конгресс утвердил «Закон о национальной безопасности», который юридически закрепил создание единой военной машины и в конечном итоге привел к усилению власти президента над всем бюрократическим комплексом «национальной безопасности».

Особую уверенность американскому военно-политическому руководству придавало увеличение ядерного арсенала США. С середины 1947 г. число наличных атомных бомб впервые стало приближаться к тому уровню, которое ОКНШ и Комиссия по атомной энергии считали «адекватным» для достижения целей США. Американский военно-политический курс был четко определен в письме министра обороны Дж. Форрестола в сенатскую комиссию по делам вооруженных сил в декабре 1947 г. Будучи убежден в прямой зависимости международных позиций от состояния военной мощи страны, министр призывал к сохранению военного превосходства США. Он также писал, что установление американской гегемонии в мире может быть достигнуто без неприемлемого риска до тех пор, пока «мы можем превосходить остальной мир в уровне производства, контролировать моря и наносить атомные удары в глубину территорий противника... пока ни одно государство не достигло способности нанести нам эффективный удар с помощью оружия массового уничтожения. Это время является годами наших возможностей» [29]. Письмо Форрестола убедительно иллюстрирует, насколько вся стратегия «сдерживания» строилась на обладании ядерным оружием.

[28] Ibid., p. 231.
[29] The Forrestal Diaries / Ed. by W. Millis. N. Y., 1951, p. 350—351

В начале 1948 г. руководство Соединенных Штатов, стремясь усилить давление на социалистическую часть мира, изыскивая различные способы «отбрасывания» коммунизма, приняло решение расширить производство ядерного оружия в 2 раза в связи с усовершенствованиями в производстве взрывателей. На этой основе командование ВВС, располагавшее в начале 1948 г. 31 бомбардировщиком Б-29, способным нести атомное оружие, запланировало к ноябрю 1949 г. довести их число уже до 120. Комиссия по атомной энергии приняла решение к июню 1949 г. увеличить число бригад по сборке атомных бомб с трех до семи [30]. Значение атомных бомб в стратегии США настолько возросло, что прогресс в «науке» массового уничтожения казался гарантией американской безопасности. Одновременно в стране нагнеталась антисоветская истерия и военный психоз. По решению президента была создана Комиссия по политике в области ВВС, которая объявила, что 1 января 1953 г. следует ожидать советского ядерного нападения на Америку и призвала довести состав стратегической авиации до 70 групп [31]. Это заявление находилось в вопиющем противоречии с оценками ОКНШ и ЦРУ об «ограниченных возможностях» СССР в области производства атомных бомб.

В феврале 1948 г. ОКНШ утвердил план накопления стратегических материалов на случай войны с СССР. Еще в январе во Флориде, в местечке Ки Уэст, состоялась конференция начальников штабов, которая произвела переоценку американской военной стратегии и политики. Один пункт повестки дня, вызвавший особый интерес ОКНШ и не породивший разногласий, касался перспектив войны с Советским Союзом. В результате обсуждения был утвержден «краткосрочный чрезвычайный план» войны с СССР под кодовым названием «Граббер».

Этот план отличался от предыдущих тем, что исходил из возможности начала войны в любой момент при наличии фактора внезапности — предупреждающий период должен быть очень коротким или его вообще не должно быть. В преамбуле к плану подчеркивалось, что «основная опора США — использование атомной бомбы». Воздушно-атомное наступление планировалось начать как можно раньше, не позднее, чем через две недели после начала войны. Удары должны были наноситься с баз в Англии, Пакистане, Индии и на Окинаве. Эти базы, за исключением английских, предполагалось захватить американскими воздушно-десантными войсками [32]. В плане ставился вопрос о том, что ВВС, в связи с необходимостью быстрого нанесения атомных ударов по СССР, должны были заранее иметь в своем распоряжении атомные бомбы. В плане делался все больший упор стратегии США на использование атомного оружия.

В марте 1948 г. Совет национальной безопасности (СНБ) по собственной инициативе приступил к переоценке американской стратегии с участием командований армии, ВМФ, ВВС, а также госдепар-

[30] *Rosenberg D.* Op. cit., p. 65—68.
[31] President's Air Policy Commission: Survival in the Air Age: A Report. Wash., 1948.
[32] *Herken G.* Op. cit., p. 248.

тамента и ЦРУ. Документ, известный как СНБ-7 — «Политика США в отношении мирового коммунизма, руководимого СССР», — был первым документом администрации, в котором употреблялся термин «холодная война». Он представлял собой план дальнейшей мобилизации сил американского империализма для «отбрасывания» Советского Союза. Высказавшись против «оборонительной» стратегии, члены СНБ предложили следующее: перевооружение США с использованием системы всеобщего военного обучения, сохранение «подавляющего превосходства США в атомном оружии», усиление американской помощи Западной Европе, включая «скоординированную программу поддержки подпольных движений сопротивления „за железным занавесом“»; внутри страны — разработку мер «для подавления „коммунистической угрозы“». Директива означала переход Соединенных Штатов к развертыванию действий для подрыва социализма изнутри и наступления на прогрессивные силы в собственной стране [33].

Новая волна военной истерии развернулась в США весной 1948 г. в связи с так называемым «Берлинским кризисом», хотя и посольство США в Москве и даже ЦРУ докладывали администрации об отсутствии у советской стороны каких-либо агрессивных намерений [34]. Президент Трумэн отдал ОКНШ приказ пересмотреть мероприятия по подготовке войны с СССР. Примерно в это же время (апрель 1948 г.) в соответствии с планом «Бройлер» обсуждался вопрос с представителями Англии о переброске туда в случае войны американских бомбардировщиков. Принятый в итоге план «Граббер» предусматривал также подготовку к рассредоточению американского ядерного оружия.

В обстановке военной истерии 22 июня Дж. Форрестол предложил перебросить американские бомбардировщики на базы в Англии, что позволяло наносить удары в глубь территории СССР. Это имело бы далеко идущие последствия. Во-первых, требовалось положительно решить вопрос о передаче ядерного оружия командованию ВВС, так как их дислокация на базах в Англии без бомб была бы бессмысленной. Во-вторых, предлагалось перебросить бомбардировщики Б-29 на Британские острова (на этом настаивал Форрестол). При этом, не упомянув о «Берлинском кризисе», он отметил преимущества передового базирования бомбардировщиков как важный прецедент для будущего вмешательства в Европе и нанесения удара по СССР [35]. Он считал также, что передовое базирование бомбардировщиков с атомным оружием — давно назревшая мера для государства, готовящегося к войне. Перебазирование бомбардировщиков было эквивалентом «дипломатии канонерок», но в ядерную эпоху их переброска была связана с весьма рискованным блефом и шантажом, который при отсутствии выдержки у советской стороны мог бы привести к тяжелым последствиям. На самом деле бомбардировщики Б-29

[33] Foreign Relations of the United States, 1948, vol. 1. pt 2, p. 546—550. (Далее: FRUS.)
[34] Ibid., p. 576.
[35] *Davison W.* The Berlin Blockade. Princeton, 1958, p. 1957.

в подавляющем большинстве не были еще переоборудованы под атомные бомбы соответствующих конструкций, но тогда это держалось в большом секрете, поскольку администрация всемерно поддерживала информацию о том, что переброшенные в Англию бомбардировщики несут атомное оружие [36].

«Берлинский кризис» был, пожалуй, первой международной ситуацией, при которой военно-политическое руководство США в широких масштабах прибегло к атомному блефу и шантажу, хотя миф о том, что администрация Трумэна «ни разу не прибегла к сознательной и открытой угрозе применения атомного оружия» до сих пор повторяется даже в серьезных американских исследованиях [37]. В августе 1948 г., когда обстановка вокруг Берлина уже начала нормализовываться, в Англию было переброшено еще 30 бомбардировщиков Б-29.

1948 год стал переломным для ядерной стратегии США еще и по другим обстоятельствам. В атмосфере «кризисного психоза», нагнетаемой Соединенными Штатами вокруг событий в Чехословакии и Берлине, на новую ступень поднялось военно-стратегическое планирование США. В мае—июне был разработан новый чрезвычайный военный план «Флитвуд», который стал первым руководящим планом, одобренным ОКНШ с 1 сентября 1948 г. в качестве основы всего оперативного военного планирования.

Самым существенным в новом плане было прямое признание решающего значения внезапного ядерного нападения на СССР, что должно было помочь избежать обычной продолжительной войны. Отражая наращивание ядерного арсенала США, «Флитвуд» предусматривал уничтожение уже 70 советских городов с помощью одного массированного удара 133 бомбами и «с демонстрацией разрушительной мощи и психологического воздействия атомного оружия».

План предусматривал и вариант «атомного блицкрига»: имелось в виду уничтожить Москву восьмью бомбами, Ленинград — семью. Если бы война затянулась, против СССР предполагалось применить примерно 200 бомб, что привело бы к уничтожению 40 % советской промышленности и гибели 7 млн. советских граждан. Поскольку, по расчетам составителей «Флитвуда», мобилизация могла дать ощутимые результаты только на второй год войны, условием американской победы был быстрый, решительный ядерный удар по СССР [38].

В те же месяцы 1948 г. была разработана и принята директива Совета национальной безопасности № 30 («Политика США в отношении атомного оружия»), которая впервые на уровне высшей военно-политической стратегии официально санкционировала применение атомного оружия и нацеливала военное руководство на дальнейшую практическую разработку соответствующих планов. В ней подчеркивалось: США должны действовать таким образом, чтобы

[36] *Millis W.* Arms and Men. N. Y., 1956, p. 323—324.
[37] *Gaddis J.* Strategies on Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. N. Y, 1982, p. 148.
[38] Containment: Documents. . ., p. 315—323.

у СССР «никогда не возникло ни малейшего сомнения в том, что США могут хотя бы подумать о том, что они не станут использовать атомное оружие против него, если это окажется необходимым». Поэтому даже простое публичное обсуждение вопроса о неприменении атомного оружия категорически запрещалось [39]. Госдепартамент так оценил практические последствия СНБ-30: «Если случится большая война, у национального военного руководства не будет другого выбора, как рекомендовать президенту применить ядерное оружие, а у него не окажется иной альтернативы, как санкционировать это. Таким образом, документ фактически решает эту проблему». Вопрос, как США начнут ядерную войну и какие объекты противника будут уничтожены, умышленно оставлялся на усмотрение военных [40]. Легкость, с которой санкционировалось уничтожение советских городов в самом начале войны, объяснялась в основном тем, что тогда СССР еще не мог ответить аналогичным образом на предполагаемый ядерный удар США. В одной из разработок госдепартамента признавалось, что «русские, даже при наличии атомной бомбы, вряд ли нанесли бы удары по американским городам в начале войны» [41].

Еще одним последствием кризисной ситуации 1948 г. стало стремительное наращивание главного потенциала носителей атомного оружия — стратегической авиации США путем резкого увеличения соответствующих ассигнований [42]. Таким образом, как в планово-стратегическом, так и в военно-техническом отношении атомная бомба окончательно становилась тем «победоносным оружием», от которого, как утверждалось, зависит победа США в войне.

В следующем, 1949 г. эти установки и тенденции получили дальнейшее развитие. В начале года ОКНШ поставил на обсуждение очередной план («Дропшот») войны с Советским Союзом, которую предполагалось начать в 1957 г. В плане «Дропшот» предпринималась попытка предсказать развитие политических и военных событий на будущее. Главный прогноз базировался на уверенности в постоянном сохранении США атомного превосходства над Советским Союзом. «Дропшот» исходил из того, что США выиграют войну за две или четыре недели интенсивных ядерных ударов. Считалось, что в противном случае война продолжится три года и потребует оккупации СССР сухопутными силами. «Дропшот» был планом глобальной коалиционной войны, ставящим целью полное уничтожение реального социализма [43]. Приоритеты плана свидетельствовали, что его авторы предусматривали превентивный, обезоруживающий удар, а также атомную атаку по советским городам.

[39] FRUS, 1948, vol. 1, pt 2, p. 624—628.

[40] В сопроводительном комментарии госдепартамента к СНБ-30 от 15 сентября 1948 г. цинично подчеркивалось, что ответ на вопрос, «когда и как применять атомное оружие», должен основываться «на практическом расчете долгосрочных преимуществ для Соединенных Штатов» (Ibid., p. 630—631).

[41] Цит. по: *Herken G.* Op. cit., p. 271.

[42] *Quester G.* Op. cit., p. 47—49.

[43] Подробнее об этом плане см.: США — экономика, политика, идеология, 1979, № 10, с. 118—120; Новое время, 1979, № 35, с. 26—28.

К плану был приложен документ, составленный ВВС под кодовым названием «Чэриотир». В нем утверждалось, что к 1957 г. СССР может иметь уже несколько атомных бомб, но Соединенные Штаты будут иметь намного больше. «Чэриотир» предсказывал соотношение 10:1 в пользу США и абсолютное качественное превосходство американского оружия. План предписывал «применить оружие массового уничтожения как можно быстрее и в масштабах, необходимых для подавления возможностей к сопротивлению, не принимая в расчет непредсказуемые последствия использования этого оружия» [44].

В январе 1949 г. начальники штабов информировали Комиссию по атомной энергии, что «постоянно следует значительно увеличивать производство атомных бомб, как этого требуют поставленные военные задачи». ОКНШ признавал, что стратегические потребности США не вызывают необходимость наращивать количество ядерного оружия. Дело было в другом — в стремлении поддерживать «превосходство» [45].

Летом 1949 г. ОКНШ приступил к разработке нового чрезвычайного плана войны с СССР под кодовым названием «Оффтэкл». Пришедший на смену «Флитвуду» «Оффтэкл» был первым основополагающим военным планом, увязанным с долгосрочными целями всей внешнеполитической стратегии США в соответствии с директивой СНБ-20/4 от 24 ноября 1948 г. Авторы плана предусматривали «ограничение мощи и влияния СССР» в связи с «коренным изменением в подходе находящегося у власти в России правительства к международным отношениям» [46]. Они исходили из того, что атомный блицкриг будет единственным средством ведения войны со стороны США, планируя использование атомного оружия против СССР на территории Европы [47]. В конце августа 1949 г. начальники штабов представили в СНБ проект директивы, санкционирующей применение США первыми ядерного оружия в Европе. В документе СНБ-57 впервые была сформулирована концепция «ядерного зонтика» над Европой, обеспечиваемого атомной монополией США, вскоре закрепленная в стратегической доктрине НАТО [48].

Таким образом, в 1946—1949 гг. в военно-политическом руководстве США сложился своего рода «стратегический консенсус» в отношении атомного оружия, включавший в себя ставку на сохранение монополии, а в будущем — абсолютного превосходства США в этой области, применение атомного оружия первыми, не исключая и нанесение превентивного удара, в том числе по гражданским объектам, использование атомного оружия в качестве основы стратегии НАТО.

Становление этой агрессивной стратегии не встречало сколько-нибудь серьезного сопротивления в правящих кругах США. Слабые голоса сомнения раздавались в основном со стороны ученых, лучше

[44] Dropshot: The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957 / Ed. by A. Brown. N. Y., 1978, p. 6.
[45] *Hewlett R., Duncan F.* Atomic Shield· 1947—1952. University Park, 1969.
[46] FRUS, 1948, vol. 1, pt 2, p. 667.
[47] Containment: Documents. . ., p. 324—334.
[48] FRUS, 1949, vol. 4, p. 352—356.

других понимавших опасность этого курса и невозможность длительного сохранения «решающего превосходства» США в атомном оружии. Реальный вес имели возражения тех политиков и военных, которые отдавали себе отчет в невозможности осуществления стратегии атомного «устрашения» без катастрофических последствий для самих США. Много шума в кругах военного руководства вызвал доклад комитета под председательством генерала ВВС Г. Хармона. В нем представители всех родов войск, оценивая вероятные последствия массированного атомного нападения на СССР с воздуха, пришли в мае 1949 г. к выводу, что такое нападение «само по себе не приведет к капитуляции (СССР. — *Р. Б.*), разрушению основ коммунизма или критическому ослаблению власти советского руководства над народом» [49]. Не случайно военный план разгрома СССР только силами стратегической авиации под кодовым названием «Трайан» был отвергнут в ОКНШ как нереальный. Определенные сомнения были и в отношении «Дропшота», реализация которого грозила обернуться изнурительной войной на истощение для обеих сторон [50]. Все это оказывало сдерживающее воздействие на сторонников немедленного развязывания войны, но не меняло общих установок «атомной стратегии», а лишь отодвигало «решающую пробу сил» до времени достижения необходимого военно-стратегического превосходства над СССР.

В сентябре 1949 г., однако, произошло событие, которое нанесло поистине сокрушающий удар по самим основам стратегического планирования США, основывающегося на атомной монополии, — СССР объявил об испытании своего ядерного оружия. Президент Трумэн получил соответствующую информацию 12 сентября, но только 23 сентября сообщил ее правительству и стране. По признанию Д. Лилиенталя, это событие «коренным образом изменило обстановку» [51]. Военно-политическое руководство США было поражено недооценкой возможностей Советского Союза [52].

Политика атомного шантажа побудила советскую сторону предпринять огромные усилия для укрепления своей безопасности, которые не только свели на нет замыслы американских стратегов, но и в конечном счете ликвидировали привычное для правящего класса США состояние «абсолютной» безопасности. Вряд ли военно-политическое руководство США, одержимое стремлением к мировой гегемонии, ожидало такого результата, подсчитывая число бомб, необходимых, чтобы продиктовать СССР условия капитуляции.

[49] Containment: Documents. . ., p. 362.

[50] Dropshot: The United States Plan. . ., p 20.

[51] *Lilienthal D.* The Journal of David E. Lilienthal: The Atomic Energy Years, 1945—1950. N. Y., p. 580.

[52] «Все наши чрезвычайные планы войны основывались на предполагаемом рубеже овладения СССР атомным оружием в оперативных количествах, — писал министр ВВС С. Саймингтон министру обороны Л. Джонсону в начале ноября 1949 г. — . . .теперь ясно, что даже самые мрачные (для США — *Р. Б.*) прогнозы оказались слишком оптимистическими, и притом слишком намного» (Containment: Documents. . ., p. 366—367).

Американское руководство оказалось перед необходимостью пересмотреть концепции «отбрасывания» коммунизма и нанесения «внезапного ядерного удара» по СССР. Было ясно, что время безнаказанности и «годы возможностей» уходят в прошлое. Это был исторический момент выбора, определявшего политику Соединенных Штатов на многие годы. Понималось ли это политическими и военными руководителями США? В какой-то степени — да.

Как свидетельствуют рассекреченные в последние годы документы американской внешней политики, в октябре—декабре 1949 г. в правящих кругах США под воздействием известия о конце атомной монополии развернулись горячие дебаты вокруг нового «сверхоружия» — водородной бомбы, затрагивавшие основы ядерной стратегии. Ряд ответственных сотрудников госдепартамента (прежде всего руководитель отдела планирования политики Дж. Кеннан) и ученых-атомщиков по существу выступили за серьезный пересмотр стратегической доктрины. По их мнению, появление у СССР атомного оружия подрывало ставку США на «устрашение» и исключало возможность эффективного использования этого оружия против СССР. Война с применением атомного оружия, «отрицающего», по выражению Кеннана, «сам принцип жизни», переставала быть рациональным средством политики, хотя, добавим, для осознания этой истины потребовалась реальная угроза безопасности США. Поэтому коренной вопрос заключался, по словам того же Кеннана, в «общем отношении к оружию массового уничтожения и той роли, которой мы (т. е. руководители США. — *Р. Б.*) ему отводим в своем военном планировании. Будем ли мы опираться на него как на неотъемлемый и жизненно необходимый компонент нашей военной мощи, который мы сознательно должны быть готовы использовать немедленно и без колебаний в случае военного конфликта с Советским Союзом? Или же мы сохраним его в нашем арсенале лишь как средство сдерживания на случай использования аналогичного оружия против нас самих или наших союзников и как возможное средство возмездия?» Сам Кеннан, озабоченный угрозой «привязывания всей американской политики к атомной бомбе», высказывался за второй вариант, из которого логически следовал и предложенный им принцип отказа от применения атомного оружия первыми и поиски договоренностей с СССР по контролю над этим оружием вместо немедленной разработки водородной бомбы [53].

Кеннана поддержало большинство членов Комиссии по атомной энергии во главе с ее председателем Д. Лилиенталем. В меморандуме президенту Трумэну от 9 ноября 1949 г. он выражал озабоченность в связи с «широко распространенным мнением о том, что запасы атомного оружия сравнительно дешево и просто решают проблемы военной безопасности нашей страны и обеспечивают сохранение мира путем «сдерживания», предотвращают распространение коммунизма... Развертывание программы создания супербомб, — заключал Лилиенталь, — порождает в нас немало новых заблуждений и иллю-

[53] FRUS, 1950, vol. 1, p. 29—30, 39, 161—162.

зий относительно ценности оружия массового уничтожения как главного средства самозащиты и осуществления нашей политики» [54].

Даже известный своим воинствующим антисоветизмом государственный секретарь Д. Ачесон на совещаниях руководства госдепартамента высказывался за полутора-двухгодичный мораторий в разработке водородной бомбы, который следует использовать для попыток договориться с СССР об ограничении и запрещении термоядерного оружия. В то же время Ачесон отметил и те «издержки», с которыми для агрессивных кругов США был связан согласованный с СССР отказ от применения атомного оружия: во-первых, отказ лишил бы США привычного инструмента шантажа противника «атомным возмездием в ответ на обычное нападение»; во-вторых, он резко затруднил бы дальнейшее наращивание стратегических вооружений, ибо «подобное решение сделает весьма нелепым запрос у конгресса дополнительных ассигнований для производства все большего числа бомб, которые мы так или иначе не собираемся использовать» [55].

Да, нелегко было отказаться правящим кругам США от «атомной дубинки». Впрочем, в подавляющем большинстве они не помышляли об этом. Тон задал сам Трумэн на совещании высших руководителей администрации и конгресса в июле 1949 г. Логика президента была подкупающе проста — «поскольку мы никогда не сможем достичь международного контроля, мы должны быть самыми сильными в ядерной области» [56]. Выражая точку зрения милитаристов, сенатор Б. Макмагон, председатель Объединенного комитета конгресса по атомной энергии, в письме Трумэну назвал дебатируемый отказ от разработки термоядерного оружия проявлением «психологии умиротворения»: поскольку атомное оружие «стало краеугольным камнем военной, а также и всей внешней политики», США необходимо всемерно форсировать его дальнейшее развитие и производство по принципу «чем больше, тем лучше» [57]. ОКНШ в своих рекомендациях СНБ также выступил за максимальное увеличение производства атомного оружия, чтобы «иметь подавляющее превосходство в этом оружии... для достижения наших стратегических целей». Что касается водородной бомбы, то ОКНШ в специальном меморандуме министру обороны от 23 ноября подчеркивал ее значение не только как средства «сдерживания», но и как «наступательного оружия с величайшими возможностями», которое «увеличит гибкость американского планирования и проведения операций в случае военных действий». Возможные преимущества, по мнению ОКНШ, «решительно перевешивали все социальные, психологические и моральные возражения» против разработки водородного оружия. Представители Пентагона доказывали, что речь по существу идет о сохранении сердцевины всей внешнеполитической стратегии США — ставки на технологическое превосходство через обладание ядерным оружием:

[54] Ibid., 1949, vol. 1, p. 582.
[55] Ibid , p. 576, 402—403.
[56] Ibid., p. 481.
[57] Ibid , p. 593.

«США опираются на технологическое превосходство над СССР, которое выражается в нашем промышленном потенциале, запасах атомного оружия и имеющихся средствах его доставки. У нас больше нет монополии на атомное оружие, что сокращает наш технологический перевес. По имеющимся данным, СССР также обладает некоторыми возможностями для производства термоядерного оружия. Приостановка наших исследований в области термоядерной реакции гарантировала бы утрату нашего технологического превосходства...» [58].

В докладе президенту Трумэну в середине января 1950 г. ОКНШ уже высказывал мнение, что монополия США на термоядерное оружие, «возможно, станет решающим фактором, если оно будет правильно использовано в войне». В докладе также говорилось, что водородная бомба обладает способностью «в решающей степени повлиять на психологический баланс между Соединенными Штатами и СССР». В меморандуме подчеркивалось, что «лучшей обороной является хорошее нападение». Его авторы приходили к выводу о возможности использования «супербомбы» первыми в превентивной войне против Советского Союза. Таким образом, водородная бомба изначально не мыслилась как инструмент «сдерживания» или ответного удара. В заключении меморандума говорилось, что обладание водородной бомбой позволит восстановить преимущества США, утраченные после советского атомного испытания. 19 января 1950 г. президент Трумэн сообщил руководителю аппарата СНБ, что считает рекомендации ОКНШ «вполне убедительными», и вскоре объявил на пресс-конференции о решении начать производство водородной бомбы [59].

Это решение втягивало мир в новый, еще более разрушительный тур гонки вооружений, окончательно привязывая внешнюю и военную политику США к «ядерной стратегии».

Когда Трумэн в январе 1953 г. ушел с поста президента, основы ядерной стратегии США были разработаны. США вступили в эпоху ядерного «изобилия»; были утверждены определенные категории объектов для поражения с упором на упреждающий удар по советскому ядерному потенциалу. Общие руководящие указания по разработке планов ядерной войны содержались в директивах СНБ № 30 и № 68 от апреля 1950 г. В них признавалась возможность нанесения упреждающего удара, что явствовало из следующего примечания: «Военные преимущества нанесения первого удара... требуют от нас поддержания боеготовности, чтобы нанести удар с применением всей нашей мощи, как только будет совершено нападение на нас, а если возможно, еще до того как будет нанесен советский удар» [60].

Летом 1952 г. ОКНШ издал директиву о разработке новых программ ведения войны против СССР: единый план стратегических возможностей по ведению военных операций наличными силами в текущем финансовом году, план единых стратегических целей,

[58] Ibid., p. 608—609.
[59] *Rosenberg D.* Op. cit., p. 83.
[60] FRUS, 1949, vol. 1, p. 281—282.

устанавливавший уровни вооруженных сил и мобилизационные потребности на период от трех до пяти лет и план долгосрочных стратегических оценок, который стал перспективной основой для научно-исследовательских разработок. На основе этих планов осуществлялись военные усилия США до начала 70-х годов.

Президент Эйзенхауэр, вступив на пост президента в январе 1953 г., обладал более глубокими знаниями о ядерных вооружениях, чем любой другой президент. Будучи в 1946 г. начальником штаба армии, он руководил Манхэттенским инженерным округом, и только через него политическое руководство получало информацию о состоянии ядерных арсеналов США. В 1947 и 1949 гг. Эйзенхауэр был инициатором разработки ОКНШ первых планов по ведению ядерной войны. Он же, временно исполняя обязанности председателя ОКНШ, требовал наращивания ядерного производства. А как первый главнокомандующий НАТО с 1950 по 1952 г. Эйзенхауэр во многом способствовал ориентации на применение тактического ядерного оружия в Европе. Вскоре после прихода к власти Эйзенхауэр предпринял шаги по ослаблению гражданского контроля над ядерным оружием и передал его в распоряжение американских военных как на суше, так и на море. По оценке американских специалистов, он считал ядерное оружие одним из неотъемлемых элементов военной деятельности США — оружием начального этапа войны [61].

30 октября 1953 г. Эйзенхауэр утвердил директиву Совета национальной безопасности № 162/2 как основной программный документ в области национальной безопасности. В нем говорилось: «В случае военных действий Соединенные Штаты будут рассматривать возможность применения ядерного оружия так же, как и других боеприпасов». Этот принцип американской политики расценивался членами ОКНШ как гарантия того, что они могут с уверенностью планировать применение ядерного оружия как в ограниченных, так и в глобальных конфликтах [62]. В декабре 1953 г. была принята так называемая «оборонная» программа. В ней впервые уточнялось, что тактическое атомное оружие используется во всеобщей войне или локальном конфликте и является одним из основных компонентов военного потенциала и стратегии США.

Во время президентства Эйзенхауэра серьезно обсуждался вопрос о том, не следует ли США начать превентивную войну против СССР. Весной 1953 г. руководящий комитет проекта «Соляриум» предложил потребовать от Советского Союза принять в течение двух лет американские политические условия, дав понять, что отказ СССР мог бы привести ко всеобщей войне. В марте 1954 г. были одобрены новые цели Соединенных Штатов в возможной войне. В новой директиве СНБ № 5410/1 говорилось, что целью США является «достижение победы, которая гарантирует им выживание» [63]. Генерал Лёмэй, призванный определять характер ведения войны стратегической

[61] International Security, 1983, vol 7, Spring, N 4, p. 20, 28.
[62] Ibid., p. 31.
[63] Ibid., p. 33—34.

авиацией, твердо руководствовался концепцией нанесения упреждающего удара по советским средствам доставки ядерного оружия. Он говорил: «Мы не поколеблемся нанести удар первыми». А возможность единственным ударом стратегической авиации обеспечить победу в войне создавала непреодолимое искушение для американских стратегов.

Весной 1954 г. США начали проводить испытания термоядерных вооружений мощностью уже не менее 15 мгт — уровень, который считался «отвечающим предвидимой потребности». Применив один боезаряд такой мощности, стратегическая авиация могла бы уничтожить город, защищенный центр управления или аэродром. Однако Эйзенхауэр не упускал из виду возможность советского ответного удара. В феврале 1955 г. ему был представлен доклад Группы по изучению технических потенциалов во главе с Дж. Киллианом, президентом Массачусетсского технологического института. В докладе говорилось, что, несмотря на американское стратегическое превосходство, которое США могут сохранять в течение еще трех—пяти лет, они будут уязвимыми для ответных действий СССР. У Советского Союза, отмечалось в докладе, уже имеется достаточно возможностей, чтобы причинить серьезный ущерб Соединенным Штатам. Рекомендации доклада в основном сводились к следующему: рассредоточить американские ударные бомбардировщики, а лучше всего «гарантировать, чтобы эти бомбардировщики оказывались в воздухе на пути к своим целям до того, как приблизятся какие-либо атакующие силы противника» [64].

В те годы администрацией Эйзенхауэра проводилось много исследований для изыскания путей нанести ядерное поражение Советскому Союзу. В частности, планировалось использовать сразу все американские стратегические возможности, чтобы сокрушить СССР одним ударом. Например, на 1956 финансовый год был разработан сценарий атомного наступления «единого удара». Такой удар уничтожил бы практически весь советский потенциал производства атомного оружия, разрушил бы 118 из 134 крупных городов, вызвал гибель 60 млн. человек [65]. Однако авторы сценария отдавали себе отчет в том, что после американского удара уцелело бы как минимум 240 аэродромов, на которых могли быть рассредоточены советские бомбардировщики, способные к ответному удару. Такое положение вызывало в руководящих кругах США страх потерять способность обезоружить Советский Союз. В ноябре 1955 г. в Советском Союзе было проведено испытание нового оружия, которое подтвердило, что он приобрел подлинно термоядерный потенциал. При его наличии СССР мог причинить Соединенным Штатам в ответном ударе весьма серьезный ущерб, даже если бы всего несколько советских бомбардировщиков сумели уцелеть при американской ядерной атаке и прорвать систему обороны США. В ОКНШ поняли, что США окончательно лишились способности нанести по СССР обезоруживающий удар.

[64] Ibid., p. 38, 39.
[65] Ibid., p. 39.

Реакция на новую ситуацию была однозначной: военные и гражданские специалисты наращивали усилия по изысканию приемлемых для США методов ядерной войны. В апреле 1959 г. специалисты «Рэнд корпорейшн» Г. Голдхеймер и Э. Маршалл разработали модель ситуации, при которой Соединенные Штаты могли бы ограничить ущерб, который будет им нанесен противником. Авторы модели утверждали, что концепция ядерной войны как «взаимного и внезапного самоубийства» якобы противоречит тщательному анализу «событий в условиях ядерной войны, которые, вероятно, будут представлять сложное сочетание ударов и контрударов». Они рекомендовали прибегнуть к наиболее «эффективной стратегии» — нацеливать ядерное оружие на советские вооруженные силы, используя мощное оружие, взрывающееся на земле и вызывающее крупные потери среди гражданского населения. Кроме того, они предложили стратегию так называемого частичного воздержания — использования части сил стратегической авиации против выборочных целей с угрозой удара остальных сил по советским городам, если СССР не согласится на американские условия. В 1961 г. специалисты ВВС и «Рэнд корпорейшн» представили результаты исследования (с использованием ЭВМ), которые показывали, что «стратегия, в соответствии с которой все наличные ресурсы мобилизованы на удары по вооруженным силам противника, по всей вероятности, сведет к минимуму ущерб... для США... и США будут в состоянии добиться успешного завершения войны путем переговоров, если они сумеют сохранить достаточно сил, чтобы создать угрозу для советских городов» [66].

Стремление обойти препятствия для ведения успешной ядерной войны против СССР поставило перед военно-политическим руководством США задачу более тесного «ядерного координирования» и создания Объединенного штаба планирования стратегических целей. 11 августа 1960 г. президент Эйзенхауэр официально одобрил предложение министра обороны о создании такого штаба для подготовки списка национальных стратегических целей и Единого интегрированного оперативного плана (ЕИОП). 2 декабря 1961 г. ОКНШ одобрил ЕИОП, и Эйзенхауэр передал его своему преемнику как оперативный план ядерной войны на 1962 финансовый год. Надо отметить, что с 1958 по 1960 г. ядерный арсенал США увеличился в 3 раза, а именно с 6 тыс. до 18 тыс. единиц [67].

Согласно ЕИОП-62 все стратегические боеголовки, а их насчитывалось тогда 4 тыс.[68], доставлялись к целям единым ударом. По плану предусматривалось поразить на советской территории 7 целей с гарантией 97 %, 213 целей с гарантией 95 %, 592 цели — с гарантией 90 % и 715 целей с гарантией по крайней мере 80 %. Это означало, что цели будут поражаться несколькими боеголовками. Например, предусматривалось, что к четырем целям в Ленинграде будет доставлено 9 боеголовок, к шести комплексным целям в Москве 23 боеголовки, к шести

[66] Ibid., p. 59.
[67] Ibid., p. 66.
[68] *Pringle P., Arkin W.* SIOP: The Secret US Plan for Nuclear War. N. Y.; L., 1983, p. 116.

целям в Калининграде — 18 боеголовок [69]. Общая мощность, которую предполагалось обрушить на Советский Союз, составляла 2164 мгт. В результате должны были быть уничтожены десятки миллионов советских граждан.

В дальнейших модификациях ЕИОП, предпринятых при президентах Кеннеди, Джонсоне, Никсоне, Форде, менялись лишь средства достижения цели — выиграть ядерную войну с Советским Союзом. В плане неизменно присутствовало стремление ограничить последствия ответного удара по территории США. Такой подход положил основу для непрерывного совершенствования американских ядерных сил и создания потенциала первого удара. ЕИОП неизменно предусматривает применение более крупных сил, чем необходимо, против тех категорий, которые были выделены для удара, и никогда не предполагает использовать меньше, чем «*тысячи*» единиц оружия. В итоге ЕИОП более двух десятилетий служит основой для наращивания американских стратегических сил и оказывает доминирующее влияние на американские концепции ядерной войны.

Администрация Р. Рейгана, пришедшая к власти в январе 1981 г., является активным продолжателем наихудших традиций планирования ядерной войны против СССР. В мае 1982 г. президент Рейган подписал Директиву № 32 о решении в области национальной безопасности. Директива предписывала вооруженным силам подготовить планы и необходимые силы для обеспечения победы как в затяжном глобальном конфликте с помощью обычного оружия, так и в продолжительной ядерной войне. Разработке директивы предшествовало участие президента Рейгана в пятидневной военной игре в Белом доме под кодовым названием «Айви лиг», в которой проигрывалась ситуация полномасштабной ядерной войны с СССР. Рейган стал первым американским президентом, который за последние 25 лет принял участие в подобном мероприятии [70]. Директива предусматривала также такое строительство обычных вооруженных сил, которое бы обеспечивало возможность вести обычную затяжную и победоносную войну.

На основе президентской директивы министр обороны К. Уайнбергер в начале 1982 г. подписал документ, известный как «Указания в области военного строительства». В нем говорилось: «Если произойдет... стратегическая ядерная война с СССР, Соединенные Штаты должны одержать верх...». США должны также обладать возможностью «заставить Советский Союз пойти на прекращение как можно быстрее военных действий на условиях благоприятных для Соединенных Штатов... даже при условии затяжной войны» [71]. Известный американский специалист Фред Каплан справедливо замечает, что в основе «Указаний» лежит старая «стратегия принуждения»:

[69] *Kaplan F.* The Wigards of Armageddon. N. Y., 1983, p. 268.

[70] Президент в течение четырех месяцев разработки директивы принимал активное участие в обсуждении каждого ее раздела (см.: New York Times Magazine, 1984, Jan. 15).

[71] Цит. по: *Kaplan F.* Op. cit., p. 387.

«нанеси удар врагу и заставь его уйти с поля боя, угрожая нанести еще больший ущерб с помощью надежных резервов, находящихся наготове» [72]. Для достижения этих целей администрация Рейгана намерена удвоить военные расходы с 240,5 млрд. долл. в 1983 финансовом году до 464,7 млрд. в 1989 г.

При всех модификациях развития военной технологии суть ядерной стратегии в послевоенные годы остается неизменной — стремление к достижению постоянного качественного превосходства над СССР в стратегических ядерных вооружениях и использование этого превосходства для оказания военного и политического давления на СССР. Столь же неизменным был и провал поползновений заокеанских любителей военных авантюр к сокрушению социализма силой ядерного оружия.

Главным результатом погони за иллюзорным стратегическим превосходством США стало резкое возрастание угрозы ядерной катастрофы, осознаваемой ныне сотнями миллионов людей. Перед лицом массовых выступлений против политики ядерного шантажа военная стратегия США вновь оказалась на перепутье; вновь — теперь уже во всеуслышание — звучат возражения противников этого авантюристического курса — о недопустимости использования ядерного оружия в качестве реального инструмента политики, о необходимости отказа от его применения, замораживания и сокращения его арсеналов и т. д. Однако вопреки здравому смыслу нынешняя администрация США упрямо продолжает курс на достижение нового качественного «перевеса» над СССР в области стратегических вооружений, делая ставку на повышение «используемости» ядерного оружия, применение его в качестве средства давления и шантажа. Бесплодность этого курса, выявившаяся еще у самых его истоков, особенно очевидна сейчас, в условиях сложившегося равновесия сил СССР и США.

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии содержится указание на то, что «стремясь удержаться в седле истории, империализм прибегает к любым средствам» [73]. Противники мира в Соединенных Штатах будто не ведают, что когда ядерное оружие наготове, время и пространство для цивилизации теряют свои привычные очертания, а человечество оказывается пленником случая. В докладе ставится важнейший вопрос: смогут ли правящие центры капитала вступить на путь трезвых, конструктивных оценок происходящего? История не дает нам права на неопределенность. «Мы, — указывается в докладе, — не можем принять «нет» в качестве ответа на вопрос: быть или не быть человечеству? Мы говорим: общественный прогресс, жизнь цивилизации должны и будут продолжаться» [74].

[72] Ibid.
[73] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 20.
[74] Там же.

Политика США в отношении восточноевропейских социалистических государств

И. И. ОРЛИК

Вскоре после окончания второй мировой войны правящие круги США стали отходить от согласованных решений по вопросам мирного урегулирования. На международной арене столкнулись два противоположных курса: демократический, отстаиваемый Советским Союзом, странами народной демократии, всеми прогрессивными силами и империалистический, проводимый в основном правящими кругами США и Великобритании. Борьба этих двух курсов наложила отпечаток на все важнейшие проблемы послевоенного мира.

Наступление против социализма, предпринятое империалистическими державами во второй половине 40-х годов, ставило целью восстановление капиталистических порядков в европейских странах, приступивших к строительству социализма, предотвращение процесса становления и укрепления мировой социалистической системы. Империалистические круги вмешивались во внутренние дела восточноевропейских государств, всеми средствами поддерживали там реакционные силы, стремились противодействовать развитию народно-демократических революций.

Серьезным препятствием на пути дальнейшего развития революционных преобразований в странах Восточной Европы явилось отсутствие мирных договоров между государствами-победителями и странами, участвовавшими в войне на стороне гитлеровской Германии.

Проблемы мирного урегулирования не в одинаковой степени затрагивали все восточноевропейские страны. Положение Польши, Чехословакии, Югославии, Албании отличалось от положения Румынии, Венгрии и Болгарии. С последними государства-победители должны были заключить мирные договоры и решить важные экономические, политические, территориальные и военные проблемы, т. е. определить условия их дальнейшего развития. При этом от характера и результатов мирного урегулирования в очень большой зависимости находилась дальнейшая судьба и народов Польши, Чехословакии, Югославии, Албании, которые в годы войны стали жертвами фашистской агрессии.

Внешняя политика США во время войны преследовала империалистические цели. Но антисоветские тенденции этой политики сдерживались сознанием того, что без СССР западные союзники не смогут расправиться со своим военным противником. После окончания войны западные державы стали отходить от политики сотрудничества с Советским Союзом.

Правящие круги США рассчитывали навязать свои условия мира ослабленным войной европейским странам. В ущерб Советскому Союзу и восточноевропейским государствам США пытались пересмотреть уже решенные ранее вопросы. Реакционные силы страны настаи-

вали на использовании всех средств, вплоть до американской военной мощи, для того чтобы заставить Советский Союз принять выгодные США условия мира [1].

В ходе подготовки мирных договоров Соединенные Штаты стали все больше отходить от недавно согласованных решений. Это отмечали американские специалисты в области международных отношений. «Многие из таких проблем, как территориальное урегулирование, были уже решены, особенно в перемириях, заключенных Большой тройкой с германскими сателлитами в Восточной Европе — Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией, а также в соглашении, достигнутом в Ялте, относительно признания линии Керзона с небольшими исправлениями в качестве границы между Россией и Польшей», — отмечала в 1946 г. В. Дин [2].

США стремились навязать восточноевропейским странам такие решения по территориальным вопросам, которые в скором времени, как это было после первой мировой войны, привели бы к напряженности, возникновению новых конфликтов. Играя на былых противоречиях между восточноевропейскими странами по территориальным вопросам, Соединенные Штаты рассчитывали укрепить свое влияние в Восточной Европе, а затем восстановить старый «санитарный кордон».

США использовали любые средства лишь бы добиться осуществления своих замыслов в отношении восточноевропейских стран. Ими были инспирированы выступления на Парижской конференции представителей реакционных буржуазных группировок, ориентировавшихся на тесный союз с Западом. Так, от имени румынских буржуазно-помещичьих партий со специальной запиской выступила группа Гафенку, Крецяну, Тиля [3]. Они заявили о согласии принять американские условия мирного договора с Румынией, которыми, в частности, предусматривалась «компенсация ущерба», понесенного во время войны американским капиталом в Румынии.

Западным державам не удалось навязать странам Восточной Европы империалистические условия мира, как это было после окончания первой мировой войны. Известный французский реакционный деятель Ж. Бонне горестно восклицал по поводу итогов мирной конференции 1946 г.: «Как далека она была от атмосферы Версаля!» [4]

10 февраля 1947 г. в Париже были подписаны мирные договоры с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией. После ратификации правительствами СССР, США, Великобритании и Франции эти договоры вступили в силу 15 сентября 1947 г. Они носили справедливый, демократический характер, что обеспечивало условия для независимого развития этих стран [5].

[1] *Campbell J. C.* The United States in World Affairs, 1945—1947. Wash., 1949, p. 66.
[2] *Dean V.* The Four Cornerstones of Peace. N. Y., 1946, p. XXII.
[3] Probleme externe, 1946, N 1, p. 7.
[4] *Bonnet J.* Le Quai d'Orsay sous trois Républiques. P., 1961, p. 394.
[5] См., напр.: Мирный договор с Болгарией. М., 1947; Мирный договор с Румынией. М., 1947; Мирный договор с Венгрией. М., 1947.

Демократическое мирное урегулирование в Восточной Европе нанесло сильный удар по планам западных держав, рассчитывавших использовать Парижскую конференцию для подрыва международных позиций народно-демократических государств, для поддержки реакционных группировок внутри этих стран.

После окончания мирной конференции еще больше усиливаются нападки Соединенных Штатов на демократические силы Восточной Европы. Одновременно начинается подготовка ряда новых враждебных внешнеполитических акций против стран народной демократии. Именно к этому времени относится развертывание империалистического внешнеполитического курса, провозглашенного У. Черчиллем в начале марта 1946 г. в Фултоне и получившего через год название «холодной войны».

В политике относительно европейских народно-демократических государств, проводимой в конце 40-х годов, США руководствовались политическими, экономическими, военными и идеологическими соображениями, которые определяли их общий антисоциалистический курс. «Название почти каждой из малых стран Восточной Европы напоминает о крушении наших целей», — с горечью говорил будущий американский президент Д. Эйзенхауэр [6].

По замыслам империалистических стратегов ликвидация народно-демократических режимов «сдержала» бы распространение социализма в Европе, подорвала бы процесс становления мировой социалистической системы, ослабила бы международные политические позиции Советского Союза и усилила бы позиции Запада.

Монополистические круги США рассчитывали также на возврат и расширение своих экономических позиций в Восточной Европе. Установление контрреволюционных режимов, ориентирующихся на западные державы, обеспечило бы империалистическим силам возможность использования Восточной Европы в качестве военно-стратегического плацдарма подготовки агрессии против Советского Союза. Наконец, падение народно-демократического строя в странах Восточной Европы дало бы возможность буржуазным идеологам говорить о «случайности» социалистических революций, нежизненности самой идеи построения социалистического общества.

Белый дом считал одним из основных средств своей политики в отношении СССР и народно-демократических стран монополию США на атомное оружие. Потрясая атомной бомбой, они надеялись, в частности, добиться осуществления своих планов относительно Восточной Европы. В американской исторической литературе откровенно признается, что взрыв атомной бомбы над Хиросимой нужен был не столько ради военной победы над Японией, сколько для политического давления на Советский Союз с целью нейтрализовать советскую политику при решении проблем мирного урегулирования в Европе. При этом вспоминаются слова государственного секретаря США Бирнса, произнесенные в 1945 г. во время беседы с группой

[6] *Eisenhower D.* Crusade in Europe. N. Y., 1948, p. 519.

американских ученых: атомная бомба нужна в первую очередь для того, чтобы Россия «стала более сговорчивой в Европе».

Империалистические политики рассчитывали использовать угрозу атомной бомбой в качестве «мощного сдерживающего фактора» против Советского Союза. Атомная дипломатия стала вскоре после окончания второй мировой войны важнейшим рычагом американской «политики силы». Как отмечал Н. Н. Иноземцев, атомная дипломатия «заняла особое, поистине господствующее место в арсенале основных методов и средств послевоенной внешней политики Соединенных Штатов» [7]. Именно на нее возлагались основные надежды в самом начале «холодной войны».

Д. Флеминг, посвятивший вопросам «холодной войны» двухтомное исследование, пришел к выводу, что причиной ее возникновения явилось стремление Соединенных Штатов с помощью атомной дипломатии «притормозить» развитие революции в странах Восточной Европы. Угроза потери восточноевропейских рынков и источников сырья, а также «негодование по поводу земельной реформы и национализации убедили многих западных консерваторов в том, что война — единственное возможное решение... Американские и английские дипломаты пытались всюду притормозить революцию...», — пишет Флеминг [8].

«Соединенные Штаты и Великобритания первыми показали бронированный кулак и первыми нарушили совместные решения», — писал вскоре после войны сын президента Рузвельта [9].

Одним из первых актов «холодной войны», развязанной империализмом против народно-демократических стран, была «доктрина Трумэна». Суть этой империалистической доктрины заключалась в обосновании политики американского вмешательства в любом районе, где развивается революционное движение, где возникает угроза капиталистическому строю. И хотя внешне «доктрина Трумэна» носила как будто узкорегиональный характер и применялась в отношении лишь двух стран — Греции и Турции, фактически она являлась частью глобальной империалистической политики, направленной против всего мирового революционного движения.

С момента провозглашения «доктрина Трумэна» совершенно определенно была направлена и против восточноевропейских стран народной демократии. Во-первых, подавив революционные силы Греции и Турции и укрепив здесь позиции реакционных сил, США надеялись превратить эти два государства в плацдарм будущей агрессии против соседних стран, вступивших на путь строительства социализма. Во-вторых, был создан прецедент «помощи» в этом районе, которая в случае ослабления народно-демократического режима в какой-либо из восточноевропейских стран должна была быть предоставлена реакционным элементам этой страны.

Антикоммунистическая направленность «доктрины Трумэна» не

[7] *Иноземцев Н. Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960, с. 463.
[8] *Fleming D.* The Cold War and Its Origins. L., 1961, vol. 1, p. 259.
[9] *Рузвельт Э.* Его глазами. М., 1947, с. 250.

скрывалась. В американской и британской прессе в течение марта и апреля 1947 г. одно за другим появлялись инспирированные сообщения об «угрозе» Греции со стороны Албании, Болгарии и Югославии. Кампания против балканских народно-демократических стран должна была успокоить мировое общественное мнение, в том числе и общественность США, которая с осуждением встретила «доктрину Трумэна». По предложению сенатора Ванденберга американский сенат принял даже специальное постановление, в котором отмечалось, что политика США в Греции будет согласована с действиями Организации Объединенных Наций [10].

«Доктрина Трумэна» была первой после окончания войны военно-экономической акцией международного плана, направленной против народно-демократических революций в Восточной Европе. Как отмечает американский историк и экономист Герберт Фейс, «с этих пор американское правительство начинает систематически использовать нашу экономическую мощь в целях подавления повсеместно распространяющейся коммунистической деятельности» [11].

Отказ от сотрудничества с Советским Союзом, вмешательство во внутренние дела других государств, подготовка военной агрессии — все эти направления внешней политики США должны были быть объяснены мировой общественности. Новый внешнеполитический курс необходимо было подкрепить какой-то оправдывающей действия США формулой. Такой формулой стал лозунг «сдерживания», который в качестве основы американской политики в отношении СССР и европейских стран народной демократии «фактически был принят правительством Трумэна в январе 1947 года» [12]. Лозунг «сдерживания» стал внешним оформлением американского империалистического курса после окончания второй мировой войны.

Правительство США, провозгласив политику «сдерживания», выдвинуло версию об «угрозе агрессии» со стороны коммунизма и необходимости для западных держав «обороняться от коммунистической агрессии». Рост коммунистического и демократического движения во всем мире, укрепление влияния коммунистических идей, увеличение численности коммунистической и рабочих партий и их роли в политической жизни многих государств — этот вполне закономерный после разгрома фашизма процесс буржуазные идеологи провозгласили проявлением «агрессивности СССР», которую необходимо «сдержать». При этом во многих работах того времени идеологи американской внешней политики подчеркивали, что речь идет лишь о сохранении существующего положения, о «защите статус-кво» [13]. Однако Трумэн во втором томе своих мемуаров, опубликованном в 1956 г., откровенно признавал: «Наша внешняя политика была ошибочно названа политикой сдерживания. Это неверно. Цель наша была гораздо более широкой» [14].

[10] *Byrnes J.* Speaking Frankly. N. Y.; L., 1947, p. 303.
[11] *Feis H.* Foreign Aid and Foreign Policy. N. Y., 1964, p. 51.
[12] New World Review, 1961, Oct. 28.
[13] *Campbell J. C.* Op. cit., p. 11.
[14] Memoirs by Harry S. Truman. N. Y., 1956, vol. 2, p. 290.

Агрессивный характер политики «сдерживания» был совершенно очевиден. Как отмечают американские авторы Э. Стилман и В. Пфафф, политику «сдерживания» «еще во времена Трумэна многие у нас называли политикой прямой агрессии против СССР» [15].

Применительно к европейским народно-демократическим странам политика «сдерживания» была направлена на ликвидацию существующего строя, реставрацию буржуазно-помещичьих режимов. Уже в первые годы становления мировой социалистической системы империалистические державы в качестве основной цели своей внешней политики выдвинули идею «сужения сферы» социализма [16]. Именно тогда Соединенные Штаты «начали строить в Европе стену, чтобы оградить ею коммунистический мир» [17].

Проводя политику «сдерживания» в отношении европейских народно-демократических государств, США пытались использовать в этих целях Организацию Объединенных Наций. В течение длительного времени США препятствовали приему в члены ООН Албании, Венгрии, Румынии и Болгарии, хотя, например, мирные договоры с Венгрией, Румынией и Болгарией предусматривали оказание содействия в приеме их в Организацию [18].

Дипломатические акции США были направлены на создание такой международной ситуации, в которой удобнее всего было бы добиться империалистических целей в отношении стран Восточной Европы. Эти действия являлись составными элементами политики «сдерживания».

Атомная дипломатия, «доктрина Трумэна», «сдерживание» — все это конкретные проявления «политики силы», с помощью которой США стремились удержать свои позиции, принудить к капитуляции Советский Союз и другие страны, вступившие на путь строительства социализма.

Одним из важных рычагов «холодной войны» стала политика дискриминации и ограничений в международных экономических связях. Эту политику Соединенные Штаты начали проводить в отношении восточноевропейских стран все в более и более широких размерах с конца 40-х годов.

Восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства требовали укрепления внешних экономических связей стран Восточной Европы. Это было жизненно необходимо для всех народно-демократических стран, особенно для тех, которые не располагали достаточными внутренними источниками сырья. Например, Чехословакия должна была ввозить 50 % необходимой для промышленности железной руды, почти 90 % цветных металлов, сырье для легкой промышленности, значительное количество продуктов питания.

Зависимость восточноевропейских стран от внешнего рынка определялась не только отсутствием определенных видов природного

[15] *Stillman E., Pfaff W.* The New Politics. America and the End of the Postwar World. N. Y., 1961, p. 24.
[16] *Lippman W.* The Cold War. N. Y., 1947, p. 28.
[17] *Stillman E., Pfaff W.* Op. cit., p. 24.
[18] *Морозов Г. И.* Организация Объединенных Наций. М., 1962, с. 149.

сырья, но и многими другими экономическими причинами, в первую очередь довольно узким внутренним рынком.

Экономическое положение некоторых восточноевропейских стран в значительной степени осложнялось тем, что по распоряжению правительств США и Великобритании этим странам не возвращалось их имущество, вывезенное в Германию и Австрию. Так, Венгрии не вернули ее промышленное оборудование, железнодорожные вагоны и паровозы, скот и многие товары, вывезенные в Австрию. К началу 1950 г. ей не было возвращено имущество на сумму более 100 млн. форинтов. Задерживалось имущество Польши, Албании, Югославии и других стран. Например, югославский флот, захваченный на Дунае немцами, почти весь попал после войны в руки американского военного командования. Несмотря на неоднократные запросы югославских властей, суда так и не были переданы их законному владельцу. И это в то время, как от югославского торгового флота общим тоннажем 410 тыс. т осталось судов, тоннаж которых был равен всего 55 тыс. т [19].

Американские дипломаты прилагали огромные усилия, чтобы воспрепятствовать восстановлению промышленности самими народно-демократическими государствами. Это относилось в первую очередь к тем предприятиям, которые раньше были американской собственностью. Представители западных фирм навязчиво рекомендовали народно-демократическим правительствам не восстанавливать собственными силами эти предприятия, мотивируя свои рекомендации неэкономичностью таких мер. В то же время они добивались разрешения американским фирмам участвовать в восстановлении промышленных объектов, рассчитывая установить над ними свой контроль и воспрепятствовать национализации [20].

Американское правительство направило 6 января 1946 г. официальный протест Польше в связи с национализацией основных отраслей промышленности. «Этот декрет повлияет на решение вопроса о предоставлении Соединенными Штатами займа Польше», — угрожало правительство США.

Венгрии было отказано в займе накануне национализации банков. В годовом отчете за 1946 г. фирмы «Юнилевер» отмечалось: «Предприятия в Чехословакии, Польше и Югославии вышли из-под нашего контроля вследствие проведенной или предстоящей национализации. Мы настаиваем на компенсации или на какой-либо договоренности, которая позволит нам участвовать в управлении ими» [21].

По мере того как укреплялся режим народной демократии, а внутренняя реакция терпела поражение, усиливалось экономическое давление США на восточноевропейские страны.

Сразу же после внушительной победы Коммунистической партии Чехословакии на выборах в 1946 г. правительство Соединенных Штатов запретило американскому экспортно-импортному банку вести

[19] *Hoffman G., Neal F.* Jugoslavia and the New Communism. N. Y., 1962, p. 87.
[20] Archiv Ministerstva zahraničních věci ČSSR, č. 70521 (M—45). (Далее: Archiv MZV.)
[21] Цит. по: Что произошло в Чехословакии. Прага, 1948, с. 10.

дальнейшие расчеты с представителями Чехословакии по займу в размере 50 млн. долл. для закупки американских военных излишков. Заем был предоставлен в начале 1946 г., к 14 октября Чехословакия получила только 10 млн. долл. Правительство США заявило, что причина прекращения займа кроется в отсутствии соглашения о выплате компенсации американским гражданам за их имущество, национализированное в Чехословакии. На самом же деле переговоры относительно компенсации еще продолжались, но американская сторона выдвигала совершенно необоснованные, явно завышенные требования [22]. США пытались прекращением займа оказать давление на чехословацкое правительство, заставив его пойти на удовлетворение американских претензий.

Стремление установить свой контроль, подчинить восточноевропейские страны проявлялось как в специальных акциях западных держав против этих стран, так и при разработке отдельных направлений империалистического внешнеполитического курса. Довольно отчетливо это проступило при разработке и осуществлении «доктрины Трумэна». Еще более явно ощущалось это при подготовке специального внешнеполитического курса США в отношении Европы — «плана Маршалла».

«План Маршалла», по замыслу его автора, должен был нарушить торговые связи стран Восточной и Западной Европы. Это признает в своих мемуарах Трумэн [23], это отмечается и в самом тексте закона от 3 апреля 1948 г. 117-я и 118-я статьи «Закона об экономическом сотрудничестве» фактически запрещали западноевропейским странам торговать со своими соседями на востоке [24].

«План Маршалла» являлся не только продолжением принятого двумя годами ранее внешнеполитического курса, но и дополнением к «доктрине Трумэна».

Совершенно очевидно, что если бы западным державам удалось вовлечь Восточную Европу в «план Маршалла», то это способствовало бы не только экономическому подчинению восточноевропейских стран американскому империализму, но и вовлечению их в агрессивный Североатлантический блок.

В 50-е годы восточноевропейским странам социализма пришлось выдержать и отбить наступление США, развернувшееся по всем направлениям. В политической области — попытки давления и дискриминации на международной арене, дипломатический шантаж и угрозы; в экономической — разрыв торговых отношений, экономическая блокада, создание международной капиталистической системы «стратегического контроля», что означало по существу ведение экономической войны против стран Восточной Европы; в идеологической — клевета на социализм, призывы к контрреволюционным мятежам, подрывная деятельность самыми грязными средствами «психологической войны»; наконец, в военной области — угроза со стороны

[22] Archiv MZV, č. 118 (M—46).
[23] Memoirs by Harry S. Truman, vol. 2, p. 120.
[24] Documents on American Foreign Relations, 1948. Princeton, 1950, vol. 10, p. 193.

агрессивного Североатлантического блока, милитаризация Западной Германии и включение ее в НАТО.

Империалистическая политика «сдерживания», проводившаяся в отношении Восточной Европы, к началу 50-х годов не дала каких-либо результатов. Неэффективными оказались методы экономического бойкота, политического шантажа, атомной дипломатии.

Новая концепция, предложенная США, исходила из той же «позиции силы», однако в ней открыто провозглашалась агрессивная цель в отношении социалистических стран. Вместо доктрины «сдерживания» социализма была выдвинута доктрина «освобождения» народов восточноевропейских социалистических стран от установленного самими этими народами социалистического общественного строя.

Создатели новой империалистической стратегии откровенно призывали к превентивной войне, наступлению против социализма. Американский международник Дж. Бернхэм считал возможным в кратчайший срок сократить «коммунистический район» до границ Советского Союза, а затем уничтожить и его.

Переход от политики «сдерживания» к политике «освобождения» означал дальнейшее расширение «холодной войны», свидетельствовал о том, что в странах империализма, в первую очередь в США, берут верх наиболее реакционные силы, готовые на любые авантюры, включая развязывание мировой войны, ради уничтожения коммунизма. Особенно наглядно это проявилось во время империалистической агрессии в Корее, где правительство США «приняло решение перейти от сдерживания к насильственному освобождению» [25]. Одновременно идея насильственного «освобождения» была распространена на все социалистические страны.

Доктрина «освобождения» стала основой ряда крупных акций против социалистических стран. В сфере политики — это попытки использовать различные международные организации, в том числе и ООН, для дискредитации социалистических стран; грубое вмешательство во внутренние дела социалистических государств. В сфере экономики — отказ от торговли с этими странами и открытая экономическая война с целью нанести ущерб народному строю, затруднить экономическое развитие по пути социализма. В военной сфере — попытки запугать социалистические страны угрозой ядерной войны; содействие в рамках НАТО милитаризации Западной Германии и разжигание реваншизма; создание различных военных и полувоенных организаций из числа лиц, бежавших из Польши, Венгрии, Румынии и других социалистических стран, подготовка к прямой агрессии.

Наконец, в качестве поддержки политического, экономического и военного направлений политики «освобождения» стала действовать широкая система идеологического воздействия на население социалистических стран, система, призванная вести «психологическую войну».

[25] *Spanier J.* American Foreign Policy since World War II. N. Y., 1960, p. 94.

Развернув в середине 50-х годов новое наступление против социализма, международный империализм использовал для достижения этих целей политические, дипломатические и даже военные средства. Одновременно предпринимались попытки дальнейшего расширения экономической войны.

Известный американский банкир Дж. Уорбург признавал: «На протяжении последних десяти лет экономическая политика западных государств, особенно Соединенных Штатов, по отношению к советскому блоку заключалась почти в таком же полном ограничении торговли, которое обычно наблюдается во время войны по отношению к противнику» [26]. Правительство США не только само продолжало проводить политику торгового бойкота в отношении восточноевропейских стран, но и оказывало давление на другие капиталистические страны.

Соединенные Штаты ввели ряд новых ограничений на торговлю со странами социализма. 8 сентября 1955 г. был принят закон, запрещавший продавать странам за «железным занавесом» техническую документацию и патенты, был введен еще более строгий контроль вывоза лицензий. Для вывоза любой технической документации необходимо было разрешение не только министерства торговли, но и специального совета по контролю за производством вооружения. США пытались воспрепятствовать развитию техники в странах социализма, запретить любые связи в этой области между социалистическими и капиталистическими государствами.

На основе закона 1954 г. о продаже излишков сельскохозяйственных продуктов правительство США запретило своим экспортерам продавать эти продукты странам, «контролируемым мировым коммунистическим движением» [27]. Как заявил министр сельского хозяйства США Бенсон, исключения допускались только в случае обмена сельскохозяйственных продуктов на «стратегическое сырье».

Десять лет спустя после окончания второй мировой войны правительство США продолжало распространять на социалистические страны закон военного времени об отношении к имуществу вражеских государств.

Проводя политику бойкота торговли с социалистическими странами, США заставляли и другие капиталистические государства действовать таким же образом. 1 апреля 1953 г. президент Эйзенхауэр заявил в конгрессе, что Великобритания, Франция, Италия, ФРГ, Дания и Норвегия нарушили условия, на которых Соединенные Штаты предоставляют им помощь по закону Бэтла. (Речь шла о расширении торговли этих стран с социалистическим миром.) Высказав предупреждение своим западноевропейским союзникам, Эйзенхауэр все же отдал распоряжение продолжать оказывать помощь этим странам, считая, что это «в интересах безопасности США» [28].

[26] *Warburg J.* The West in Crisis. N. Y., 1959, p. 55.
[27] Export Control, Quarterly Report. Wash., 1954, p. 7.
[28] East-West Trade. Fourth Report to Congress, 1954, May 17.

Хотя Соединенные Штаты прилагали максимум усилий, чтобы и другие капиталистические страны, особенно западноевропейские, проводили аналогичную политику в отношении Восточной Европы, торговые отношения между обеими частями Европы к середине 50-х годов складывались не так, как того желали США. Начиная примерно с 1953 г. между востоком и западом континента намечается рост товарооборота. Угрозы со стороны США использовать закон Бэтла в отношении стран — участниц системы «стратегического контроля» в случае, если те не будут придерживаться ограничений в торговле с Восточной Европой, перестали быть эффективными. Союзники Соединенных Штатов заявляют о необходимости пересмотра политики «стратегического контроля». Некоторые американские экономисты также начинают признавать бесперспективность этой политики, которую «официально в Европе признают, а неофициально торгуют с советским блоком» [29].

Провал внешнеполитической стратегии США в отношении восточноевропейских стран стал к концу 50-х годов настолько очевидным, что это вынуждены были признать даже идеологи этой стратегии, те, кто в течение многих лет разрабатывал ее и содействовал осуществлению политики «освобождения».

«Для американской дипломатии за последние два десятилетия не было поля, где бы она больше проваливалась, чем в Восточной Европе», — отмечал признанный в США специалист по восточноевропейским странам Дж. Кэмпбелл [30].

Даже такие ревностные апологеты американской внешней политики, как Р. Страус-Хюпе, У. Кинтнер и С. Поссони, и те признали, что доктрина «освобождения» полностью провалилась [31].

Американский журналист Сайрус Сульцбергер писал в 1959 г.: «Мы метались от ошибочного лозунга „сдерживания" к другому ошибочному лозунгу — „освобождение" от коммунизма, и не добились ни того, ни другого... Мы забрели в явный тупик, из которого нас не в силах вывести ни один из наших излюбленных лозунгов — сдерживание или освобождение» [32].

Ни попытки изоляции на международной арене восточноевропейских стран, ни разрыв с ними экономических связей, ни система «стратегического контроля», ни идеологические диверсии, ни контрреволюционные мятежи и военные провокации, ни угрозы использовать НАТО и коллективные вооруженные силы для «возрождения национальной самостоятельности стран Восточной Европы» [33] — ничто не могло повернуть вспять процесс развития и укрепления социализма. Стратегическая цель империалистической политики — ликвидация социализма в восточноевропейских странах, включение их в систему «свободного мира» — не была осуществлена. «Политика

[29] New York Post, 1954, May 18.
[30] См.: American Diplomacy in a New Era. Notre Dame, 1961, p. 297.
[31] *Strausz-Hupe R., Kintner W., Possony S.* A Forward Strategy for America. N. Y., 1961, p. 73.
[32] *Sulzberger C.* What is Wrong with U. S. Foreign Policy. N. Y., 1959, p. 13—14, 239.
[33] *Acheson D.* Power and Diplomacy. Cambridge (Mass.), 1958, p. 92.

„освобождения", проводившаяся в 50-х годах, провалилась потому, — отмечал председатель комиссии по иностранным делам сената США Дж. Фулбрайт, — что в той неудачной формулировке, которая была ей дана, она преследовала цель отбросить железный занавес насильственными средствами. Таким образом, эта политика не учитывала факторов ядерного века» [34].

Конечно, эта оценка неполная, ибо не учитывает важнейший фактор — победу социалистических отношений в странах Восточной Европы. Но здесь важно признание необходимости изменения политики в отношении социалистических стран.

Правительство Эйзенхауэра, выдвинувшее в свое время доктрину «освобождения», конечно, не заявляло официально о провале политики, основанной на этой доктрине. Однако косвенным образом такое признание было сделано. В январе 1958 г. сенатская комиссия по иностранным делам приняла решение «исследовать условия и тенденции, существующие в мире, а также связанные с ними политику и планы Соединенных Штатов». Речь шла о попытке пересмотра основных направлений американской внешней политики. Из 16 запланированных докладов 2 должны были иметь прямое отношение к проблемам политики в отношении социалистических стран: «СССР и Восточная Европа» и «Идеология и внешняя политика».

Оба эти доклада были поручены ведущим научно-исследовательским центрам США — Колумбийскому и Гарвардскому университетам. В подготовке докладов участвовали профессора М. Шульман, А. Далин, Г. Робертс, З. Бжезинский и другие специалисты, известные тем, что именно они разрабатывали основные положения доктрины «освобождения», а затем пропагандировали ее в своих трудах. И вот бывшие апологеты этой доктрины были вынуждены признать, что «разговоры об „освобождении" (а как бы мы ни пытались ослабить резкость этого термина, изменяя его определение, он все же таит в себе идею насильственного вызволения Восточной Европы) лишь обострят советскую реакцию, а для восточных европейцев окажутся всего лишь пустым звуком» [35].

В 1960 г. и особенно в первой половине 1961 г. (после прихода к власти Дж. Кеннеди) официальные правительственные органы США и многие исследовательские центры при университетах разрабатывали различные варианты новой доктрины, которая должна была стать основой политики в отношении стран Восточной Европы. Характерной чертой большинства вариантов было признание тезиса президента о дифференцированном подходе к социалистическим странам. Восточноевропейские страны были разделены на две группы: «отрываемые» и «неотрываемые» [36]. Румыния, Венгрия, Польша и ГДР, согласно этой классификации, относились к первой группе, так как у них якобы более сильные традиционные связи с Западной Европой и их-де легче «оторвать» от социализма. Примерно такой же

[34] New York Times, 1964, Dec. 9.
[35] United States Foreign Policy: USSR and Eastern Europe. Wash., 1960, p. 72.
[36] US News and World Report, 1960, 26 Sept.

классификации придерживался З. Бжезинский [37] и некоторые другие американские международники, занимавшиеся проблемами внешней политики западных держав в отношении стран социализма.

Наиболее полно новая концепция политики в отношении Восточной Европы была изложена в июле 1961 г. в журнале «Форин афферс». Как в свое время статьей Дж. Кеннана в этом же журнале была провозглашена доктрина «сдерживания», так и сейчас в статье З. Бжезинского и В. Гриффитса наряду с признанием провала доктрины «освобождения» возлагались надежды на новую политику, которая отныне получила название «мирного вовлечения» Восточной Европы в «свободный мир» [38].

Отмечая, что «Соединенные Штаты никогда не имели реалистической и эффективной внешней политики в отношении Восточной Европы», авторы статьи уже не призывали к организации контрреволюционных мятежей и военных переворотов. Их программа предусматривала необходимость добиться раскола в лагере социализма, «преобразования существующих режимов» и т. д. путем «мирного вовлечения».

Так появилась на свет новая внешнеполитическая доктрина Соединенных Штатов, которая в то же время должна была стать основой политики Запада в отношении восточноевропейских социалистических стран. По сравнению с доктриной «освобождения», направленной против всего социалистического мира, рамки новой концепции были значительно сужены: она охватывала только Восточную Европу.

Провозглашение доктрины «мирного вовлечения» Восточной Европы (ее принципы излагались не раз в официальных выступлениях президента Кеннеди) не означало еще действительного изменения американской политики. Всякий раз, когда в конгрессе обсуждались вопросы установления и расширения связей с социалистическими странами, крайне правые силы выступали против каких-либо «либеральных» мер. И хотя в годы президентства Дж. Кеннеди были приняты некоторые незначительные меры для улучшения отношений с Восточной Европой, в целом американская политика продолжала оставаться столь же враждебной, как это было и при Эйзенхауэре.

Политика правительства Кеннеди в отношении социалистических стран Восточной Европы была весьма противоречивой. С одной стороны, президент и его окружение рекламировали свое стремление к установлению связей с восточноевропейскими странами (этому были посвящены специальные выступления самого президента Кеннеди, министра юстиции Р. Кеннеди, некоторых членов сенатской комиссии по иностранным делам), а с другой стороны, правительство принимало решения в духе «холодной войны». Объяснялось это, во-первых, противоречием между «мирным» (как это провозглашалось) характером политики и ее конечными целями; во-вторых, правительство постоянно ощущало давление со стороны крайне

[37] См., напр.: *Bzezinsky Z.* The Soviet Block. Cambridge, 1960.
[38] Foreign Affairs, 1961, July.

правых сил, которые требовали продолжать старую политику в отношении стран социализма.

И все же, несмотря на то, что конкретных мер для улучшения отношений с социалистическими странами Восточной Европы правительство Кеннеди в общем не провело, тем не менее был сделан значительный шаг, свидетельствовавший о стремлении определенной части правящих кругов главной империалистической державы пересмотреть свою старую политику и наметить, хотя бы в общих чертах, путь для разработки и проведения новой политики.

Сам факт официального провозглашения президентом Кеннеди необходимости изменения политики в отношении Восточной Европы имел большое значение, так как он мог оказать, а впоследствии и оказал, влияние на другие страны Запада.

Политика «мирного вовлечения», провозглашенная Кеннеди, выражала стремление определенной части правящих кругов США и других западных держав переместить центр тяжести в отношении Восточной Европы с открыто агрессивной политики на относительно мирную. При этом цели оставались неизменными. Изменялись лишь средства, что вело в свою очередь к известным изменениям и в политической стратегии. Характерной чертой этой стратегии становилась «постепенная, тщательная и мирная работа» по «углублению трещин» в социалистической системе [39].

Доктрина «мирного вовлечения» Восточной Европы, провозглашенная при Кеннеди, не стала основой каких-либо важных практических шагов внешней политики США. Главные положения этой доктрины продолжали обсуждаться в Соединенных Штатах, а политика в отношении социалистических стран оставалась почти без изменений. Л. Джонсон, ставший президентом после убийства Кеннеди, попытался обновить эту доктрину (была введена новая формула — политика «мостов»), придать ей более активную форму и в то же время формально утвердить ее как базу общей политики всех западных держав в отношении социалистических стран Восточной Европы.

Западные державы, и в первую очередь Соединенные Штаты, проводили в отношении стран Восточной Европы политику «мостов» не только ради достижения определенных целей в этом районе. Сквозь призму империалистической политики «мостов» отчетливо проступает политика Запада в отношении Советского Союза, стремление ослабить СССР, «оторвав» от него социалистические страны Восточной Европы, стремление оказывать на СССР давление угрозой «развала» социалистической системы.

Во второй половине 60-х годов в Соединенных Штатах развернулась дискуссия по вопросу о перспективах политики в отношении стран Восточной Европы. Совершенно очевидно было желание довольно значительной консервативной части правящих кругов США сохранить старый курс времен «холодной войны». В то же время

[39] *Kennedy J.* The Strategy of Peace. N. Y., 1960, p. 72.

представители умеренно реалистической тенденции предпринимали поиски других путей политики в отношении стран социализма. Новая обстановка в мире на рубеже 60—70-х годов заставила американские правящие круги приспособиться к сложившимся реальностям Европейского континента.

Начав проводить дифференцированный подход к странам Восточной Европы, Соединенные Штаты пытались путем установления и развития более тесных отношений с некоторыми из них возродить в этих странах тенденции национализма, поддержать попытки еще сохранившихся правых сил ослабить отношения с Советским Союзом и другими странами социализма.

Провозглашенные Л. Джонсоном «новые взаимоотношения» со странами Восточной Европы были совершенно определенно направлены на поощрение «большей независимости» этих стран, воздействие на их внутреннее развитие, прельщение молодого поколения этих стран «ценностями западной цивилизации». Л. Джонсон неоднократно повторял, что «перспективы прогресса для Восточной Европы лежат в более широких взаимоотношениях с Западом» [40].

Во второй половине 60-х годов на первое место во внешнеполитической стратегии США в отношении Восточной Европы выдвинулись экономические отношения, которые преследовали отнюдь не только экономические выгоды, но и совершенно определенные политические цели, отчетливо сформулированные помощником государственного секретаря США по экономическим вопросам на заседании в Торговом клубе в Далласе осенью 1965 г.: торговля должна быть использована для привязывания социалистических стран к экономике Запада, для воздействия на организационную систему экономических отношений стран социализма, а в конечном счете она должна быть направлена на устранение препятствий для реставрации былых порядков в странах Восточной Европы. При этом высказывалось мнение о необходимости приспосабливаться к условиям Восточной Европы и поощрять те тенденции, которые будут способствовать ее «отходу» от Советского Союза [41].

Полная неэффективность былой американской политики в отношении стран Восточной Европы заставила американскую администрацию пойти на признание необходимости ряда мер по установлению нормальных отношений со странами социализма. Так, в октябре 1966 г. американское правительство согласилось окончательно признать территориальные и пограничные изменения в Европе после второй мировой войны. Правительство США официально заявило о желательности здоровых экономических и культурных отношений с социалистическими странами, а также признало возможность перейти к обсуждению вопросов сокращения вооруженных сил в Центральной Европе. В 1966—1968 гг. в конгресс были внесены законопроекты о расширении торговли между США и странами Восточной Европы (кроме ГДР и Албании). Однако большинство законопроек-

[40] New York Times, 1964, May 24.
[41] Business Week, 1963, Oct. 10, p. 41.

тов не было реализовано из-за сложной международной обстановки, вызванной в первую очередь американской агрессией во Вьетнаме.

Нереалистичность старой политики США в духе доктрины «освобождения» в отношении стран социализма стала особенно очевидной в конце 60-х—начале 70-х годов. Как отмечает Ю. М. Мельников, «общий баланс глобальной американской политики и дипломатии с конца 40-х до начала 70-х годов оказывался явно отрицательным, особенно при сопоставлении провозглашенных целей с достигнутыми результатами. Прежде всего провалились планы „сдерживания коммунизма", а тем более „освобождения" социалистических стран... Потерпели неудачу расчеты правящих кругов США на сохранение монополии или превосходства в области атомного оружия, рухнули основополагающие установки „тотальной" дипломатии „балансирования на грани войны", политики с позиции силы» [42].

Цели и средства политики США в отношении Восточной Европы уже в середине 60-х годов детально рассматривались на многочисленных официальных и полуофициальных совещаниях, материалы которых затем были опубликованы. Идеологи американской внешней политики уделяли особое внимание разработке новой доктрины. В течение второй половины 60-х годов в Соединенных Штатах одна за другой выходят работы, посвященные концепции американской политики в отношении стран Восточной Европы.

После вышедшей в 1965 г. книги Д. Кэмпбелла «Американская политика в отношении Восточной Европы: предстоящий выбор» [43] в 1966 г. в Чикаго был издан сборник «Западная политика и Восточная Европа» [44], а через год — сборник «Соединенные Штаты и Восточная Европа» [45]. В этих и многих других работах восточноевропейский регион выделяется как специальное направление американской внешней политики. При этом подчеркивается, что Восточная Европа стала одной из четырех сил современного мира после США, Западной Европы и Советского Союза. Выделяя Восточную Европу в специальный регион, американские теоретики считали, что с помощью влияния на нее можно будет также воздействовать и на Советский Союз [46].

Если попытаться свести воедино разработанные в середине 60-х годов рекомендации в связи с политикой США в отношении Восточной Европы, то они выражаются в следующем: целью американской политики является ликвидация связей восточноевропейских стран с Советским Союзом, выход их из Варшавского Договора и проведение ими политики нейтралитета (по примеру Австрии или Финляндии); осуществление внутренней политической реорганизации их по образцу «западной демократии», т. е. восстановление там буржуазных порядков.

[42] *Мельников Ю. М.* От Потсдама к Гуаму: Очерки американской дипломатии. М., 1974, с. 347.
[43] *Campbell J. C.* American Policy toward Communist Eastern Europe. Minneapolis, 1965.
[44] Western Policy and Eastern Europe. Chicago, 1966.
[45] The United States and Eastern Europe. Chicago, 1967.
[46] Current History, 1969, July, p. 47.

Обсуждались три возможных курса для достижения этой цели: во-первых, «жесткий» курс в духе «холодной войны», предусматривающий дальнейшее экономическое, дипломатическое, идеологическое давление на страны Восточной Европы, некоторые сторонники такого курса, отказываясь в принципе от военных средств давления, тем не менее считали возможным «политическое наступление, включая известный риск войны» [47]; во-вторых, «мягкий» курс, направленный на постепенное ослабление связей восточноевропейских государств с СССР путем развития всесторонних отношений США с этими государствами, подталкивания их к нейтрализму; в-третьих, единый курс в отношении СССР и Восточной Европы, рассчитанный на «общую либерализацию» всех социалистических стран (без Китая) и нацеленный на «устранение противодействия со стороны СССР либерализации Восточной Европы».

В течение 60—70-х годов конкретная внешнеполитическая практика американского правительства не руководствовалась каким-либо одним из трех рассмотренных вариантов. Политике «мостов», очевидно, больше соответствовал второй курс. Но в конце 60-х годов эта политика подвергалась критике со стороны крайне правых сил за ее якобы «стерильность» и пассивность во время чехословацких событий августа 1968 г. Эта критика привела к некоторому ужесточению политики США в отношении Восточной Европы. Однако если рассматривать весь период 70-х годов, то в американской политике явно преобладали элементы второго и третьего курсов при использовании также и военного фактора в качестве возможной угрозы, направленной против стран социализма.

Все эти рекомендации находились в русле политики «мостов», которая в свою очередь базировалась на сформулированной еще в начале 60-х годов концепции «мирного вовлечения» Восточной Европы в «свободный мир». Идеи политики «мостов», изложенные в середине 60-х годов, продолжали оставаться основой американской политики в отношении Восточной Европы на всем протяжении второй половины 60-х—первой половины 70-х годов. Правда, сам термин «наведения мостов» в годы президентства Р. Никсона в официальных документах почти не употреблялся. Сменивший Р. Никсона Дж. Форд нечасто, но употреблял это выражение применительно к Восточной Европе. Однако в прессе и литературе данным термином продолжали пользоваться при определении политики США в отношении Восточной Европы. А главное, сохранялось общее содержание политики, ее цели и методы, хотя, конечно, в 70-х годах появились новые элементы во взаимоотношениях США и восточноевропейских государств.

Пожалуй, наиболее существенным для первой половины 70-х годов стало перенесение основного внимания в восточноевропейской политике Вашингтона на экономические и идеологические направления и признание неэффективности военных акций для достижения

[47] *Campbell J. C.* American Policy. . ., p. 96.

поставленных целей. Если в первые годы после провозглашения политики «мостов» многие с ее помощью рассчитывали ослабить или даже расколоть Организацию Варшавского Договора, а затем при удобной ситуации пустить в ход военную машину, то в 70-х годах военный элемент политики в отношении Восточной Европы отодвигается на задний план. Правда, степень отдаленности этого плана в значительной мере определялась соотношением сил между умеренно реалистическими кругами и американскими «ястребами».

Утверждение более реалистического курса в американской политике относительно социалистических стран шло не по восходящей линии. Этот процесс был сложным и противоречивым, с подъемами и резкими спадами, зигзагами, а подчас и тупиковыми ситуациями. Особенно наглядно это проявлялось в ходе обсуждения некоторых проблем политики в отношении Восточной Европы в американском конгрессе. Весной 1970 г., когда новая администрация Р. Никсона разворачивала свою деятельность, крайне правые силы попытались оказать на нее воздействие с целью активизации давления со стороны США на страны Восточной Европы. В палате представителей звучали громкие призывы к оказанию «поддержки покоренным народам» Восточной Европы, ликвидации «чуждой им формы правления», возврату им «национальной независимости», а далее следовали старые лозунги «освобождения» восточноевропейских стран [48]. С подобными воззваниями выступали многие довольно известные политические деятели, например Дж. Форд (тогда еще не помышлявший о президентском кресле), который призывал эти страны «порвать путы, связывающие их с СССР, и насладиться свободой» [49].

Американские конгрессмены ратовали за распространение на Восточную Европу американской «концепции свободы» [50]. В послании конгрессу 25 февраля 1971 г. о международных делах президент Р. Никсон, признавая развитие в Европе тенденции к улучшению отношений между Западом и Востоком и одновременно заявляя, что «разделение Европы не воспринимается больше как неизбежное или постоянное», подтвердил намерение США сохранить нынешнее количество американских вооруженных сил в Европе, а затем, в духе своих былых выступлений времен «холодной войны», стал призывать Запад не признавать «продолжающейся советской гегемонии над Восточной Европой» [51].

И все же общая международная ситуация заставила правительство США постепенно шаг за шагом изменять свою политику в отношении социалистических стран. Определенное воздействие на этот процесс оказали и внутренние экономические сложности в США, стремление решить некоторые проблемы за счет расширения экономических связей со странами социализма. Многие американские фирмы, стараясь улучшить свое положение, рассчитывали на получение новых

[48] См.: Congressional Record, 1970, 5—13 May, p. 14264, 14538; 23 Apr.—1 May, p. 13810; 5—13 May, p. 14722.
[49] Ibid., 5—13 May, p. 14976.
[50] Ibid., p. 15019, 15043, 15049.
[51] Ibid., 1971, 27 Febr., p. 977.

рынков сбыта в странах Восточной Европы, особенно в связи с усилившейся конкуренцией на мировом рынке с Западной Европой и Японией. Этой тенденции, однако, противодействовали монополии, связанные с военно-промышленным комплексом США.

Признавая изменения, которые произошли в общественно-государственном строе стран Восточной Европы, многие политические деятели Соединенных Штатов отнюдь не отказывались от старого курса, направленного на реставрацию капитализма. Однако в новой ситуации американская внешняя политика исходила из необходимости разработки более утонченных методов все той же старой, антисоциалистической политики. Признание невозможности открытого, лобового наступления на страны социализма привело к тому, что американские лидеры начали разрабатывать долговременную политику, направленную на их раскол.

В опубликованной в 1969 г. книге профессора Чикагского университета Г. Моргентау «Новая внешняя политика для США» откровенно признается, что США не могут осуществить свои глобальные цели, что такая попытка может привести страну к гибели [52].

Характерной чертой политики США в отношении стран социализма становится признание необходимости ведения переговоров. Если раньше важнейшим компонентом этой политической стратегии была совместная политика всех западных держав, опирающаяся на силу, то в начале 1970 г. в послании конгрессу президент США Р. Никсон назвал три компонента: партнерство, силу и переговоры. Правящие круги США признали целесообразность отхода от политики «холодной войны» и перехода к концепции, которая должна соответствовать реальностям 70-х годов. Переход от конфронтации к политике переговоров стал важной чертой внешнеполитической стратегии США в отношении стран социализма.

Как справедливо отмечает советский исследователь внешней политики США Г. А. Трофименко, «подобные признания не означали, разумеется, отказа Соединенных Штатов от какого бы то ни было противоборства на мировой арене «с потенциальными противниками». Такой подход, однако, свидетельствовал о стремлении американского империализма в условиях изменившегося соотношения сил на мировой арене перенести центр тяжести противоборства в невоенные сферы, менее опасные для США» [53].

Решающее влияние на изменение внешнеполитического курса США оказал возросший оборонный потенциал стран Варшавского Договора, особенно установление стратегического паритета между Советским Союзом и Соединенными Штатами. В апреле 1969 г. американское руководство официально заявило о возможной в ближайшее время ликвидации разрыва в стратегическом военном потенциале СССР и США. Спустя менее года, в феврале 1970 г., президент США прямо заявил, что произошло сближение в уровнях стратегических сил обеих стран. 9 февраля 1972 г. США официально

[52] *Morgenthau H. J.* A New Foreign Policy for the United States. N. Y. etc., 1969, p. 10.
[53] *Трофименко Г. А.* США: политика, война, идеология. М., 1976, с. 277.

признали стратегический баланс между ядерными силами Соединенных Штатов и Советского Союза [54].

На изменение политики США в отношении стран социализма оказали существенное влияние межимпериалистические противоречия, а также взаимоотношения между США и развивающимися странами. Оформление во второй половине 60-х годов таких крупных империалистических «центров силы», как Западная Европа и Япония, повлияло на общую стратегию Соединенных Штатов, оказало воздействие на их глобальную политику. Все это заставило лидеров Соединенных Штатов отказаться от политики дальнейшей конфронтации с социалистическими странами.

Политику США в отношении Восточной Европы нельзя рассматривать в отрыве от общей международной ситуации и особенно от состояния отношений между СССР и США. При всем своеобразии и региональной очерченности восточноевропейская политика США неразрывно связана с их политикой в отношении СССР, а зачастую и используется правящими кругами США для попыток того или иного «воздействия» на Советский Союз.

Реальное представление о соотношении сил двух держав привело руководителей Соединенных Штатов к признанию невозможности победы в ядерной войне против СССР. На пресс-конференции 12 октября 1971 г. президент Р. Никсон признал необходимость урегулировать разногласия между США и Советским Союзом, заявив, что никакой альтернативы переговорам не существует. Во время визита в Советский Союз в мае 1972 г. американский президент заявил: «В ядерный век не существует такого понятия, как безопасность, обеспеченная преобладанием силы» [55]. Руководители США были вынуждены тогда официально признать важнейший принцип взаимоотношений государств двух систем — принцип мирного сосуществования. В подписанном в Москве совместном документе «Основы взаимоотношений между СССР и США» отмечается, что «в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования» [56].

Вполне очевидно огромное значение этой договоренности для отношений между Соединенными Штатами и социалистическими странами Восточной Европы, для упрочения разрядки международной напряженности. На XXV съезде КПСС отмечалось: «Переход от „холодной войны", от взрывоопасной конфронтации двух миров к разрядке напряженности был связан прежде всего и с изменениями в соотношении сил на мировой арене. Но потребовались большие усилия, чтобы люди — и особенно те, кто руководит политикой государств, — стали привыкать к мысли, что естественным делом является не балансирование на грани войны, а переговоры по спорным вопросам, не конфронтация, а мирное сотрудничество» [57].

[54] US Foreign Policy for the 1970's: The Emerging Structure of Peace. A Report to the Congress by R. Nixon, President of the United States. Febr. 9, 1972, p. 3.
[55] Правда, 1972, 23 мая.
[56] Там же.
[57] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 16.

Признавая необходимость проведения политики разрядки международной напряженности, правящие круги США в то же время пытались использовать разрядку в своих интересах, для оказания влияния на внутреннее развитие социалистических стран, стремились оказать на них воздействие с целью «идеологического размягчения» социалистических стран, противопоставления их друг другу.

В ходе обсуждения проблем разрядки в сенатской комиссии США по иностранным делам была признана нереальность политики в духе времен «холодной войны». Выступая в этой комиссии в 1975 г., государственный секретарь США Г. Киссинджер признал, что доктрины «освобождения» и «массированного возмездия» совершенно не оправдались. Он заявил, что возрождение соответствующих этим доктринам курсов в 70-х годах, когда изменилось соотношение сил, нереально [58].

На американскую политику 70-х годов в отношении стран социализма существенное влияние оказало поражение США во Вьетнаме, заставившее Р. Никсона сформулировать так называемую «Гуамскую доктрину», которая в общем предназначалась для Азии, но в то же время отразила и общие изменения во внешнеполитической стратегии США. Провозгласив переход от «эры конфронтации к эре переговоров», американский президент тем самым заявил о новом подходе к решению международных проблем, в том числе и к политике в отношении стран социализма.

Однако, декларируя «эру переговоров», Соединенные Штаты не сразу вступили на этот путь и, во всяком случае, не отказались от попыток давления на страны социализма. Да и вообще декларации не всегда подкреплялись конкретными действиями, которые провозглашались в них. Тем не менее начало 70-х годов отмечено официальным признанием со стороны президента США необходимости обсуждать спорные вопросы «с коммунистическими странами в духе справедливости и по-деловому» [59].

Определяющее значение для изменения восточноевропейской политики США имело дальнейшее развитие в 70-х годах советско-американских отношений, в первую очередь заключение Соглашения о предотвращении ядерной войны, подписание важнейших документов: «Об основах взаимоотношений между СССР и США», Соглашение об ограничении стратегических вооружений и др. Американские государственные деятели признали «необходимость усилий для улучшения отношений с коммунистическими странами» [60].

Несмотря на эти реалистические признания, внешняя политика США не исходила из полного отказа от всех элементов былых доктрин. Так, доктрине «наведения мостов» предшествовала концепция

[58] Detente: Hearing before the Committee on Foreign Relations U. S. Senate, 93d Congr., 2nd Ses. Wash., 1975, p. 246.
[59] US Foreign Policy for the 1970's: A New Strategy for Peace. A Report to the Congress by R. Nixon, President of the United States. Febr. 18, 1970, p. 12.
[60] The Department of State Bulletin, 1975, July 14, p. 53.

«мирного вовлечения», а она сменила доктрину «освобождения». Каждая из них вносила свои добавления, исправления в общую внешнеполитическую стратегию США в отношении восточноевропейских стран. Но в основе каждой из них лежали общие целевые установки правящего класса. А доктрины лишь уточняли применительно к изменившейся обстановке методы и средства возможного достижения целей, остававшихся, в том числе и применительно к восточноевропейскому региону, неизменными.

Политические доктрины США тесно связаны с военной стратегией и в значительной степени предопределяются ею. Политика страны в отношении социалистических государств тесно связана с военной стратегией «массированного возмездия», затем «гибкого реагирования», а в 70-х годах — «реалистического сдерживания». Но основным содержанием стратегии все же оставалась концепция «гибкого реагирования», которая включала следующие компоненты: гибкое использование силы на международной арене; тесное увязывание военных факторов с политико-экономическими и идеологическими; акцент на невоенный аспект противоборства; ведение переговоров и даже компромиссные решения различных проблем [61].

Первая половина 70-х годов — период значительного развития отношений между Соединенными Штатами и восточноевропейскими странами, роста двусторонних контактов. Этот общий для большинства стран Восточной Европы процесс в значительной степени стимулировался расширением отношений между СССР и США.

Отмечая объективный характер развития отношений между США и восточноевропейскими странами, нельзя забывать о субъективных намерениях правящих кругов США в отношении каждой из стран Восточной Европы. Принцип дифференциации являлся одним из главных в политике США в данном регионе. В своем подходе к отдельным восточноевропейским странам руководители внешней политики США прежде всего стремились установить различия в позициях этих стран по международным и внутриполитическим проблемам, с тем чтобы потом попытаться воздействовать на углубление этих различий. В отличие от середины 60-х годов, когда важным критерием дифференциации стран социализма служила оценка характера их внутреннего развития, в 70-х годах руководители США в основном ориентировались на особенности внешнеполитических позиций отдельных стран.

В рамках дифференцированного подхода, как показала практика отношений между США и странами Восточной Европы, американские политики пытались установить «особые отношения» с той или иной социалистической страной, противопоставить их своим отношениям с остальными социалистическими государствами.

Разрабатывая политику в отношении каждой восточноевропейской страны социалистического содружества, внешнеполитические деятели США учитывали комплекс показателей, включающий исторические традиции и опыт отношений с данной страной, ее роль в социа-

[61] *Трофименко Г. А.* Указ. соч., с. 277.

листическом содружестве, активность в Организации Варшавского Договора и в деятельности СЭВ, состояние связей с капиталистическими государствами, роль на международной арене и т. д. Предпринимались попытки сгруппировать отдельные восточноевропейские страны по степени их значимости и «перспективности» для американской внешней политики.

Внешнеполитический курс США в отношении стран социализма находился под постоянным воздействием острой политической борьбы, которая шла не только между трудящимися массами и господствующими кругами, но и внутри самой правящей верхушки США. «Усиливается борьба двух основных тенденций в американском обществе и политике — воинствующей, реакционной, делающей ставку на использование силы, не желающей отказаться от догм антикоммунизма, и умеренной, реалистической, призывающей к пересмотру доктрины „холодной войны“» [62].

Борьба этих двух тенденций определяла непоследовательность, двойственный характер политики США в отношении стран социализма. Правительство Рейгана пошло по пути усиления антикоммунистического курса, разработки агрессивных планов в отношении СССР и других социалистических стран Европы.

Полная и четкая характеристика экспансионистского курса США в отношении стран социализма на протяжении последних четырех десятилетий была дана на XXVII съезде КПСС в Политическом докладе Центрального Комитета партии: «Мир капитала не отрешился от идеологии и политики гегемонизма, его правителей еще не оставляет надежда на социальный реванш, они продолжают тешить себя иллюзиями силового превосходства... Империализм в силу своей общественной природы постоянно генерирует агрессивную, авантюристическую политику» [63]. На съезде отмечалось, что империализм пытается «решить за счет социализма собственные обостряющиеся проблемы. Последнее особенно характерно для империализма США. Только имперская идеология и политика, желание поставить социализм, СССР в максимально неблагоприятные внешние условия стояли за развязыванием гонки ядерных и иных вооружений после 1945 года, как раз тогда, когда разгром фашизма и милитаризма, казалось бы, открывал реальную возможность строить мир без войн...» [64]

Страны социализма делали и делают все необходимое для эффективного противодействия политике империалистической экспансии.

[62] Соединенные Штаты Америки. М., 1972, с. 413.
[63] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1936, с. 4, 11.
[64] Там же, с. 11.

Американская экономическая экспансия в странах Западной Европы

М. Р. ЗАХМАТОВА

Вторая мировая война существенным образом изменила соотношение сил основных империалистических держав. Она подвела итог соперничеству за мировое экономическое господство в первой половине XX в. и положила начало новому этапу.

В. И. Ленин подчеркивал, что «для империализма существенно соревнование нескольких крупных держав в стремлении к гегемонии...» [1]. Укрепившие свои экономические позиции в итоге двух мировых войн Соединенные Штаты Америки по уровню развития производительных сил, по величине национального богатства, национального дохода и объему промышленной и сельскохозяйственной продукции, производительности труда, емкости внутреннего рынка и финансовой мощи настолько вырвались вперед, что в тот период само понятие «крупная держава» претерпело существенные изменения — относительно США ни одна из западноевропейских держав, ни Япония уже не могли рассматриваться как «крупные».

Выросший на дрожжах военного производства американский империализм на протяжении послевоенного периода осуществляет экономическую экспансию в Западной Европе, используя в качестве основных рычагов вывоз государственного и частного капитала, экспорт товаров, поставки вооружения и военного оборудования, продажу лицензий на американскую технологию, методы менеджмента и маркетинга и валютно-финансовую политику.

Основой экономических отношений США с западноевропейскими странами в годы второй мировой войны была «помощь» по ленд-лизу. Опираясь на мощь своей военно-политической машины и огромное экономическое превосходство, США начали по праву сильного экономическую эксплуатацию Западной Европы. Соединенные Штаты продавали воюющим странам оружие за наличный расчет по высоким ценам. В начале войны Англия для оплаты военных поставок израсходовала значительную часть своих золотых запасов и была вынуждена продать США $^1/_4$ своих заграничных активов на сумму 1,1 млрд. ф. ст. Импорт золота в США вырос с 1,1 млрд. долл. в 1936 г. до 4,7 млрд. в 1940 г.[2]

Ленд-лизовские поставки западноевропейским странам Соединенные Штаты начали тогда, когда убедились, что валютные резервы этих стран крайне истощены, и они не в состоянии оплачивать импорт оружия и военного сырья. Валютные затруднения западноевропейских держав Соединенные Штаты использовали для того, чтобы вырвать из-под контроля этих стран ряд принадлежавших им в США

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 389.
[2] Statistical Abstract, 1948, p. 903.

предприятий. Так, к началу 1941 г. английские держатели по указанию своего правительства продали акции американских предприятий на общую сумму около 1,5 млрд. долл.[3]

Непосредственным результатом ленд-лиза стал огромный односторонний рост экспорта, не сопровождавшийся пропорциональным ростом импорта. Если среднегодовые размеры товарного экспорта США за три предвоенные года составляли около 3 млрд. долл., то уже в начале войны экспорт возрос до 10 млрд. долл., а в 1944 г. достиг 14,3 млрд. долл. Общий объем поставок по ленд-лизу и другим программам «помощи» с 30 июня 1940 г. по 2 сентября 1945 г. составил около 49 млрд. долл. Встречный ленд-лиз, т. е. поставки в погашение ленд-лиза и возврат неиспользованных материалов, составил около 7,8 млрд. долл.[4] Основными получателями американской «помощи» по ленд-лизу были западноевропейские страны. Так, на Англию вместе со странами Британской империи пришлось 30,9 млрд. долл., Францию и ее владения — 2,8 млрд. долл.[5]

Поставки по ленд-лизу, осуществлявшиеся в условиях, когда частный капитал США еще не мог экспортироваться в западноевропейские страны, давали крупные преимущества американским монополиям. Последние освобождались от всякого риска, поскольку правительство оплачивало им их продукцию по монопольно высоким ценам за счет государственного бюджета.

В 1945 г. в связи с окончанием войны Соединенные Штаты в одностороннем порядке прекратили поставки по ленд-лизу, чем поставили западноевропейские страны в затруднительное положение, вынудив их обратиться в США за получением займов и других видов помощи. Для оплаты военного ленд-лиза Англия была вынуждена отказаться почти от всех капиталовложений в США, т. е. отдать их американцам.

Одним из результатов бурного развития государственно-монополистического капитализма в годы войны стал рост накопления «избыточного» капитала в руках американских монополий, поскольку основным источником финансирования внутренних капиталовложений в тот период были средства государственного бюджета. Программа «помощи» воюющим странам по ленд-лизу позволила монополиям США существенно увеличить производственный аппарат внутри США, что впоследствии облегчило их внешнеэкономическую экспансию в Западной Европе при помощи экспорта частного капитала. Большой удельный вес вывоза государственного капитала в виде займов и субсидий стал характерной чертой экономической экспансии США в страны Западной Европы в первое послевоенное десятилетие. Западная Европа в 1946—1954 гг. была основным получателем американской «помощи». На нее в 1946—1952 гг. пришлось более 66 % всей экономической «помощи» США, а ее доля

[3] *Brown N. A., Opie R.* American Foreign Assistance. Wash., 1953, p. 103.
[4] US Department of Commerce. Foreign Transactions of the United States Government. Wash., 1951, Mar.
[5] Documents on American Foreign Relations. N. Y., 1948, vol. 8, p. 154.

в военной помощи в 1952 г. составляла 68,5 %. Можно назвать четыре программы «помощи» странам Западной Европы в тот период: завершение поставок по ленд-лизу, займы, программа ЮНРРА, «план Маршалла».

В 1945—1946 гг. странам Западной Европы были предоставлены крупные суммы займов. На условиях займа осуществлялись поставки по программе завершения ленд-лиза. Дополнительно к этому Соединенные Штаты предоставили заем Англии на сумму 3,75 млрд. долл., а общая сумма кредитов Англии составила 4,4 млрд. долл. Франция получила заем на сумму 650 млн. долл., а вместе с займом, предоставленным в счет завершения поставок по ленд-лизу, — 1920 млн. долл. [6] Крупные поставки американских товаров в западноевропейские страны осуществлялись по программе ЮНРРА, которая была завершена к середине 1947 г.

К началу 1948 г. правящие круги США закончили разработку «плана Маршалла», который должен был, по замыслу его инициаторов, положить начало долгосрочной «помощи» странам Западной Европы. «План Маршалла» начал действовать официально с 3 апреля 1948 г. С этого момента и по 30 июня 1951 г. по плану на «помощь» западноевропейским странам было ассигновано 12,5 млрд. долл.

«Помощь» по программе первых послевоенных лет распределялась между западноевропейскими странами в соответствии с военно-политическими целями американского империализма. Пять европейских стран — Англия, Франция, Италия, ФРГ и Голландия — получили 8278,6 млн. долл., или 77 % всех средств, израсходованных за тот период по «плану Маршалла». Значительная часть средств по программам первых послевоенных лет пошла на развертывание военного производства в Западной Европе. Американская «помощь» стала своего рода катализатором, ускорявшим гонку вооружения в странах Западной Европы. Кроме того, эти страны использовали на военные расходы собственные средства, которые в несколько раз превысили размеры военной помощи США.

Предоставление помощи по «плану Маршалла» тесно связано с созданием в 1949 г. агрессивного Североатлантического блока. Создание военно-промышленного потенциала, адекватного политическим установкам НАТО, — таковы были истинные цели американских программ «помощи» Западной Европе.

Наряду с этими политическими задачами первые послевоенные программы, в том числе и «план Маршалла», были призваны подготовить условия для широкого проникновения частного американского капитала в страны Западной Европы.

Поставки в счет «помощи» достигали от 2/5 до 2/3 экспорта США в Западную Европу в 1948—1952 гг. Благодаря им экспорт США в западноевропейские страны в 1947—1948 гг. в условиях истощения их золотых и валютных ресурсов достиг рекордного уровня, перекрыть который Соединенным Штатам удалось только 10 лет

[6] *Brown N. A., Opie R.* Op. cit., p 103, 112.

спустя. Государственные займы и субсидии по программам «помощи» стали главным источником, из которого оплачивалось огромное превышение американского товарного экспорта над импортом из Западной Европы.

Главное назначение программ «помощи» в соответствии с агрессивными целями США заключалось в расширении и укреплении военно-стратегического потенциала западноевропейских стран. Программа финансирования строительства промышленных объектов, в частности, предусматривала, что из средств, ассигнованных по «плану Маршалла» и более поздним программам военной помощи, не менее 1 млрд. долл. должно быть направлено на строительство, модернизацию и оборудование крупных промышленных объектов военного назначения в этих странах. По состоянию на 30 июня 1951 г. американская администрация, ведающая предоставлением «помощи», утвердила строительство в Западной Европе 139 военно-промышленных объектов на общую сумму около 2,25 млрд. долл. Доля участия американского государственного капитала составила 565 млн. долл., или около 25 %, а остальные средства были выделены самими западноевропейскими странами [7]. Наибольшие суммы по этой программе были затрачены на военное строительство во Франции, Италии и Англии.

Большие возможности влияния на объем и направление капиталовложений в Западной Европе обеспечивало правящим кругам США распоряжение эквивалентными фондами, т. е. фондами валюты, создававшимися в западноевропейских странах в размерах, эквивалентных сумме американской «помощи». Товары, поставлявшиеся по программам «помощи», продавались на валюту западноевропейских стран, а средства, вырученные от продажи, вносились в банки на соответствующие счета. Затем эти деньги использовались на финансирование новых капиталовложений. Американская администрация, ведавшая предоставлением «помощи», контролировала и направляла расходование этих средств. Использование эквивалентных фондов, даже по признанию буржуазных авторов, явилось средством, позволявшим Соединенным Штатам оказывать влияние на инвестиционную политику в западноевропейских странах [8]. Официальные данные свидетельствуют, что подавляющая часть эквивалентных фондов также использовалась на финансирование военных сооружений. Удельный вес прямых военных расходов в общей сумме средств, израсходованных из эквивалентных фондов, составил 28 % в 1951/52 г., 57 % — в 1952/53 г., 64 % — в 1953/54 г.[9]

Осуществление программ «помощи» вело к расширению американской экономической экспансии в странах Западной Европы.

[7] Economic Cooperation Administration. Fifth Report to Congress For the Period April 3, 1948—June 30, 1949; Ninth Report to Congress. For the Quarter Ended June 30, 1950; Thirteenth Report to Congress. For the Quarter Ended June 30, 1951.

[8] *Price H. B.* The Marshall Plan and Its Meaning. N. Y., 1959, p. 99.

[9] Report to Congress on the Mutual Security Programm. For Six Months Ended June 30, 1954, p. 15.

Предоставляя крупные суммы «помощи» из средств государственного бюджета, правящие круги США требовали от них обеспечения доступа частному американскому капиталу и создания благоприятных условий для его функционирования. Эти требования сопровождали все программы «помощи» первых послевоенных лет.

Период после второй мировой войны и до конца 50-х годов — первый этап экономической агрессии США в Западной Европе, период моноцентризма, точнее «американоцентризма», когда особенно полно проявилась господствующая роль США в капиталистическом мире и их экономическое превосходство над западноевропейскими странами. В те годы американские монополии пытались подчинить себе политику и экономику этих стран, используя для этого прежде всего силу и средства государства.

С конца 50-х годов начинается новый этап американской экономической экспансии в этом регионе. Завершение восстановления экономики западноевропейских стран, рост их конкурентоспособности на внешних рынках, обострение внутренних противоречий американского империализма привели к тому, что основной формой экспансии американского капитала в Западную Европу стали частные прямые инвестиции. Обострение межимпериалистических противоречий еще более усилило эту тенденцию. Западноевропейские страны после восстановления экономики получили возможность обеспечить внутренний рынок товарами собственного производства.

Борьба монополий капиталистических стран за сферы приложения капитала, рынки сбыта и источники сырья принимала все более ожесточенный характер. К старым формам и методам конкурентной борьбы добавляются новые, одной из которых является создание региональных государственно-монополистических объединений. К числу таких объединений относится созданное в 1957 г. Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), или, как его еще принято называть, «Общий рынок».

Политика США в отношении «Общего рынка» претерпела определенную эволюцию в соответствии с изменением соотношения сил между империалистическими государствами. Правящие круги США вначале рассчитывали использовать интеграцию ослабленной в ходе войны Западной Европы для ее экономического и политического подчинения. Идея интеграции Западной Европы под эгидой США открыто провозглашалась в «плане Маршалла», она была составной частью американских планов в отношении НАТО. Вместе с тем правящие круги Соединенных Штатов сознавали, что создание экономических группировок в Западной Европе (образование ЕЭС и Европейской ассоциации свободной торговли — ЕАСТ) значительно укрепляет позиции конкурентов монополий США в дележе сфер влияния.

В. И. Ленин указывал, что Соединенные Штаты Европы всегда имели антиамериканскую направленность[10]. Протекционистская политика «Общего рынка» и ЕАСТ наносила явный ущерб американ-

[10] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 354.

скому товарному экспорту, закрывала для монополий США возможность воспользоваться преимуществами более быстрого роста экономики Западной Европы. США оказались под угрозой сокращения экспорта в Западную Европу в условиях растущей недогрузки производственных мощностей и ставшего хроническим дефицита платежного баланса.

Стремление уменьшить антиамериканскую направленность западноевропейской интеграции и использовать последнюю в своих интересах составляло существо экономической политики США в этом регионе на новом этапе. Важнейшим средством достижения этих целей стал экспорт частного капитала из США в страны Западной Европы, на них еще в 1957 г. приходилось всего 11,6 % (в том числе на страны ЕЭС — 3,9 %) общей суммы экспортированного из США в форме прямых инвестиций капитала, а на Латинскую Америку и Канаду — 76 %, а в 1963 г. — соответственно 40 % и 23 %. В 1967 г. Западная Европа вышла на первое место по общим размерам прямых инвестиций США. В результате значительная часть отдельных отраслей промышленности в странах Западной Европы перешла под американский контроль. Число предприятий, полностью контролируемых американским капиталом, выросло с 597 в 1961 г. до 5216 в 1970 г., т. е. почти в 9 раз. К 1977 г. число их достигло 9940 [11].

Это были наиболее крупные предприятия в важнейших отраслях экономики. Американские транснациональные сверхмонополии выполняют роль проводников государственного гегемонизма.

Вывоз капитала из США в промышленно развитые страны в таких масштабах представлял собой новое явление в истории экономических отношений, и он характеризует американский империализм как мирового эксплуататора. Именно на базе вывоза капитала в тот период складывались транснациональные корпорации США (ТНК), сыгравшие основную роль в создании заграничной империи американского бизнеса.

Важно отметить, что процесс этот происходил в условиях НТР, которая значительно усиливала интернационализацию производства и вызвала существенные структурные сдвиги в экономике. Американские ТНК с начала своего становления превосходили европейских конкурентов не только по финансовой силе и масштабам операций. Они обладали научно-техническим превосходством и превосходством в области организации производства и менеджмента. Вывоз частного капитала стал важнейшей формой реализации этих преимуществ в 60-е годы, основой экономической экспансии США. Однако наряду со значительным укреплением позиций американских ТНК в промышленно развитых западноевропейских странах в тот период происходил дальнейший рост межимпериалистических противоречий, усиливалось действие центробежных тенденций.

70-е—80-е годы — период дальнейшего проявления неравномерности экономического развития империалистических держав, усиления обострения межимпериалистических противоречий. «Экономиче-

[11] Survey of Current Business, 1981, Oct.

ское, финансовое, технологическое превосходство над ближайшими конкурентами, которым США располагали вплоть до конца 60-х годов, подверглось серьезному испытанию. Западной Европе и Японии удалось кое в чем потеснить американского патрона» [12]. После вступления в 1973 г. Англии в «Общий рынок» был ликвидирован раскол Западной Европы на два экономических блока — ЕЭС и ЕАСТ. Мировые экономические кризисы 1973—1975 гг. и 1980—1982 гг., обострение энергосырьевой проблемы, крах Бреттон-Вудской валютной системы * и усиление противоречий в валютно-финансовой сфере, как и в других областях, — все это по-разному отразилось на положении США и Западной Европы в мировой капиталистической системе, изменило американо-западноевропейские экономические отношения.

Ухудшение внешнеторговых и инвестиционных позиций США в 80-е годы, непосредственно вызванное новым витком гонки вооружений, развязанным администрацией Рейгана, привело к превращению США из страны-кредитора в страну-должника Западной Европы. Интересы США и Западной Европы сталкиваются во многих сферах мирохозяйственных связей, прежде всего таких, как экспорт капитала, международная торговля, соперничество в научно-технической и валютно-финансовой областях и др.

Американские монополии сумели извлечь выгоду из факта образования «Общего рынка». Создавая подконтрольные предприятия в странах—участниках «Общего рынка», крупнейшие монополии США, вначале промышленные, а потом и банковские и торговые, становились составной частью экономической структуры этих стран. Они не только получали возможность извлечь выгоды от ликвидации таможенных барьеров внутри «Общего рынка», но и использовали свои предприятия на территории интегрированных государств как трамплин для экспансии в развивающиеся страны, связанные с «Общим рынком», куда доступ для США был затруднен. «Троянским конем» назвали многие исследователи эту политику США. Прямые частные инвестиции американских монополий в Западной Европе выросли к 1970 г. до 24,4 млрд. долл. по сравнению с 6,7 млрд. долл. в 1960 г. и 1,7 млрд. долл. в 1950 г., а в 1983 г. эти инвестиции достигали 102,5 млрд. долл., т. е. каждые десять лет они увеличивались в 4 раза. Основная масса инвестиций приходится на страны «Общего рынка» — 78,9 млрд. долл. в 1983 г.

Параллельно с форсированием вывоза капитала в страны «Общего рынка» США увеличивали свои инвестиции в Англии, где они росли более быстрыми темпами. Монополистический капитал США исходил из того, что рано или поздно Англия войдет в «Общий рынок». Инвестиции в Англии почти вдвое превышают их вложения в экономику ФРГ, стоящую на втором месте по объему американских инве-

* На конференции в Бреттон-Вудсе (США) в 1944 г. получила правовое оформление золотовалютная система денежных расчетов капиталистических стран.

[12] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 15.

стиций, и втрое больше, чем во Франции. Именно в этих государствах были созданы опорные пункты экономической экспансии США в Западной Европе.

Американские монополии захватили значительные позиции в экономике западноевропейских стран. В середине 70-х годов удельный вес продукции предприятий обрабатывающей промышленности, подпавших под иностранный контроль, в основном под американский, составлял: в Норвегии — 19 %, Франции — 27 %, доля иностранного капитала во внутренних промышленных инвестициях была равна в Англии 16 %, Франции — 24 %, в стоимости продукции добавленной обработкой в Англии — 13 %, и т. д.[13] Объем производства на контролируемых американскими мировыми монополиями предприятиях в Западной Европе вырос с 6,3 млрд. долл. в 1957 г., 18,8 млрд. долл. — в 1965 г. до 220 млрд. долл. в 1977 г. (последние имеющиеся данные), в том числе на страны «девятки» приходилось 184 млрд. долл., т. е. 84 % общего объема производства филиалов. О распределении производимой на филиалах американских монополий продукции по странам дают представление данные табл. 1, из них ясно,

ТАБЛИЦА 1

Прямые инвестиции США, распределенные по регионам и странам, млрд. долл.

Инвестиции	1950 г	1957 г	1966 г	1977 г	1980 г	1981 г	1982 г	1983 г
Всего	11,8	25,4	51,8	146,0	215,4	226,4	221,3	226,1
Развитые страны	5,7	14,0	35,3	110,1	158,2	165,4	163,1	169,6
Канада	3,6	8,8	15,7	35,1	45,1	45,1	44,5	47,5
Европа	1,7	4,2	16,4	62,6	96,3	101.5	99,9	102,5
ЕЭС (10) *	0,6	1,7	7,3	79,5	77,5	80,6	78,3	78,9
Дания, Ирландия, Греция	—	—	—	2,1	3,9	4,4	4,5	5,3
Бельгия и Люксембург	0,07	0,2	0,8	5,3	7,0	6,9	5,9	6,3
Франция	0,2	0,5	1,8	6,5	9,3	9,1	7,8	6,9
ФРГ	0,2	0,6	2,8	11,2	15,4	15,8	15,9	16,0
Италия	0,06	0,2	1,0	3,2	5,4	5,3	4,7	4,8
Голландия	0,08	0,2	0,9	4,5	8,0	8,8	8,8	8,6
Великобритания	0,8	2,0	5,4	16,7	28,8	30,3	30,8	30,6
Другие страны Западной Европы	0,2	0,5	3,7	15,2	18,8	20,9	21,5	23.6
Швейцария	0,03	0,07	1,9	7,2	11,3	12.5	13,3	15,1
Япония	0,02	0.2	0,7	4,6	6,2	6,8	6,9	8,1
Развивающиеся страны	5,7	10,3	13,9	31,8	53,2	56,2	53,2	51,0

* До 1977 г. ЕЭС рассчитано по 6 странам

Источник International Direct Investment US Department of Commerce, 1984, Aug., p. 49—51, Survey of Current Business, 1984, Aug

[13] OECD Observer, 1977, May, p. 8.

что объем продукции находится в прямой зависимости от объема прямых американских инвестиций в этих странах.

Сопоставление объема продукции, производимой на подконтрольных американскому капиталу предприятиях в Западной Европе, с экспортом товаров из США в этот регион со всей очевидностью показывает, что вывоз капитала обеспечил монополиям США сбыт товаров на значительно большую сумму, чем ввозилось из США в Западную Европу. В 1957 г. объем производства на подконтрольных предприятиях в Западной Европе составлял 6,3 млрд. долл., а экспорт товаров из США — 6 млрд. долл., т. е. они были примерно равны; в 1967 г. на филиалах производилось в 2,4 раза больше продукции, чем ее экспортировалось из США (23,1 млрд. долл. и 9,7 млрд. долл.), а в 1977 г. объем производства на филиалах был без малого в 7 раз выше экспорта из США (220 млрд. долл. и 34,8 млрд. долл.).

ТАБЛИЦА 2

Продажа продукции, произведенной на предприятиях, контролируемых частным капиталом США в 1977 г., млрд. долл.

Все капиталистические страны	597,0	ФРГ	48,0
В том числе:		Ирландия	1,8
Западная Европа	220,2	Италия	14,1
ЕЭС («девятка»)	183,8	Люксембург	0,7
Бельгия	14,8	Нидерланды	17,1
Дания	3,1	Англия	55,8
Франция	28,6	Прочие страны Западной Европы	36,7

Источник: Survey of Current Business, 1981, Oct., p 51

Прямые инвестиции США в западноевропейских странах — источник крупных ежегодных прибылей для американских мировых монополий. Из общей суммы чистого дохода, получаемого монополиями США от заграничных вложений, достигавшего в 1980 г. 37,1 млрд. долл., доход из стран Западной Европы составлял немногим менее половины этой огромной суммы — 16,1 млрд. долл. В 1983 г. он составлял 7,9 млрд. из 20,8 млрд. долл. (табл. 3). Некоторое сокращение дохода по сравнению с доходом 1980 г. связано в основном с кризисом 1980—1982 гг. и значительным повышением курса доллара. Показательно, что еще в 1960 г. доход американских монополий составлял всего около 600—700 млн. долл.[14]

Хотя экспорт товаров из США не играет основной роли в их экономической экспансии, о чем свидетельствуют приведенные данные, тем не менее взаимная торговля имеет большое значение для обоих империалистических центров, даже несмотря на усиление антиамериканской протекционистской политики «Общего рынка» и возведение в США протекционистских барьеров против импорта из этих стран. Абсолютные размеры американо-европейской торговли попрежнему велики, и западноевропейские страны остаются важными торговыми партнерами США. В послевоенный период, как показы-

[14] Survey of Current Business, 1983.

ТАБЛИЦА 3

Доход от прямых вложений США в Западной Европе (млрд. долл.)

	1980 г.	1981 г	1982 г	1983 г
Всего	37,14	32,4	22,3	28,8
в том числе в Западной Европе	16,1	11,8	9,2	7,9
ЕЭС	12,9	8,9	6,7	5,9
Великобритания	5,5	5,4	3,1	2,6
ФРГ	1,9	0,8	1,1	0,7
Нидерланды	1,8	1,2	1,2	1,2
Франция	1,3	0,1	0,1	—0,1
Италия	1,3	0,4	0,5	0,3
Ирландия	0,4	0,6	0,6	0,8
Дания	1,3	0,1	0,1	0,1
Бельгия — Люксембург	0,7	0,2	0,2	0,3

Источник Survey of Current Business, 1981, Aug., 1983, Aug, 1985, Aug.

ТАБЛИЦА 4

Экспорт — импорт США, млрд. долл.

Экспорт, импорт	1956 г	%	1960 г	%	1965 г.	%	1970 г	%	1975 г.	%
Экспорт, всего	17,0		18,9		27,2		42,6		108,1	
в том числе в Западную Европу	5,2	30,7	6,3	33,4	8,6	32,1	14,0	33.5	30,3	28
в ЕЭС	2,9	17,1	3,5	18,3	4,9	18,3	8,3	19,6	23,2	21,5
Импорт, всего	12,8		15,0		21,3		39,7		96,6	
в том числе из Западной Европы	2,9	22,6	4,2	27,9	6,2	29,7	11,0	31,0	20,1	22
из ЕЭС	11,4	10,8	2,3	15,1	3,4	16,5	6,6	17,1	16,7	17

Экспорт, импорт	1979 г	%	1982 г	%	1983 г.	%	1984 г	%
Экспорт, всего	181,8		211,2		200,5		217,8	
в том числе в Западную Европу	54,3	30	59,7	28,3	54,9	22,4	57,1	26,3
в ЕЭС	42,6	23	46,9	22,2	43,3	21,6	46,6	21,4
Импорт, всего	206,3		247,6		258,0		325,7	
в том числе из Западной Европы	41,7	20	52,9	21,4	53,9	28,8	71,0	21,8
из ЕЭС	33,3	16	42,3	13,0	43,7	16,9	57,0	17,7

Источники US Trade with Major World Areas Wash . 1980, p 4, 37, Survey of Current Business за соответствующие годы

вают данные табл. 4, на страны Западной Европы приходится около 1/3 американского экспорта, в импорте США поставки из этого региона составляют 20—30 %. Основные контрагенты американских монополий в Западной Европе — страны «Общего рынка», на них в 1984 г. приходилось 21,4 % экспорта из США и 17,7 % общего импорта США.

Показательно, что удельный вес Западной Европы во внешней торговле США на протяжении послевоенного периода довольно устойчив. Одна из причин этого заключается в том, что вывоз капитала и увеличение производства на подконтрольных предприятиях на месте в значительной мере замещали экспорт из США. Определенную роль сыграли и общие таможенно-тарифные барьеры, которыми страны «Общего рынка» пытались защититься от экспортной экспансии США.

Как видно из табл. 5, США в торговле с Западной Европой до 1984 г. имели постоянный актив. Крупных размеров этот актив достигал в 1946—1949 гг., когда экспорт США финансировался за счет государственного бюджета по программам «помощи». Размеры торгового актива первых послевоенных лет были значительно превзойдены только в 1974—1980 гг.

ТАБЛИЦА 5

Баланс торговли товарами и услугами между США и Западной Европой, млр. долл.

Год	Экспорт товаров из США в Западную Европу *	Импорт товаров из Западной Европы *	Торговый баланс	Экспорт товаров и услуг из США в Западную Европу	Импорт товаров и услуг из Западной Европы в США	Баланс торговли товарами и услугами
1946	4,2	0,7	3,5	5,4	1,3	4,1
1950	2,9	1,3	1,7	3,9	2,6	1,4
1955	4,3	2,4	1,9	5,8	5,6	0,2
1960	6,7	4,8	2,5	8,8	8,4	0,5
1965	8,9	6,2	2,7	12,8	11,2	1,6
1970	14,7	11,3	2,9	20,4	20,2	0,2
1975	30,3	21,0	9,4	41,0	36,7	4,4
1976	32,7	22,9	9,8	47,6	40,6	7,0
1977	34,8	27,7	7,1	52,0	47,6	4,4
1978	39,9	36,5	3,4	63,4	61,7	1,7
1979	54,3	41,7	12,6	89,2	74,9	14,4
1980	67,6	47,3	20,3	107,3	87,0	20,4
1981	65,1	52,9	13,2	105,9	97,0	9,0
1982	59,7	52,9	6,8	99,7	96,8	2,9
1983	54,9	53,9	1,0	92,5	98,6	—6,1
1984	57,1	71,0	—13,9	98,7	126,2	—27,5

* Кроме военных поставок и «даров»

Источники: Balance of Payments Statistical Supplement. US Department of Commerce Wash., 1963, Survey of Current Business, 1960—1985

Снижение конкурентоспособности американских товаров привело к появлению в 80-е годы пассива в торговле США с Западной Европой. Одновременно получает дальнейшее развитие тенденция к увеличению западноевропейских инвестиций в США. В результате у США возник крупный дефицит по так называемым невидимым статьям. Впервые за многие десятилетия страны Западной Европы получают на свои инвестиции в США больше, чем платят Соединенным Штатам.

Структура торговли США с Западной Европой претерпела заметную эволюцию. В первые послевоенные годы в экспорте США в эти страны высокий удельный вес занимали продовольствие и другие потребительские товары. Экспорт США в Западную Европу в 80-е годы состоял из продукции машиностроения и средств транспорта (35 %), химических товаров (10—11 %), продуктов питания (14—18 %), других видов готовой продукции (17—18 %) и сырья (15—17 %). Богатые природные ресурсы позволяют США экспортировать в больших объемах сельскохозяйственную продукцию, продукты питания и сырье. В импорте США из Западной Европы высокий удельный вес занимает продукция машиностроения и средства транспорта (более 40 %), химические товары (10 %), другие готовые изделия (около 40 %) и продукты питания (8—10 %). Следует отметить, что значительный удельный вес в торговле занимают внутрифирменные поставки американских международных монополий — оборудование вывозится в Западную Европу для установки на подконтрольных предприятиях, готовая продукция и компоненты импортируются с этих предприятий для сбыта в США.

В развитии послевоенной экономической экспансии США в Западную Европу большую роль сыграло использование американскими монополиями научно-технического превосходства США. Западноевропейские страны соглашались допускать частный американский капитал в надежде поднять свой научно-технический уровень. Однако монополии США, как видно из данных табл. 6, продавали патенты, лицензии и управленческие знания в основном своим подконтрольным предприятиям в Западной Европе. В 1980 г. в США из Западной Европы шло около 50 % всех поступлений от продажи патентов, лицензий и управленческих знаний — 3,6 млрд. долл. из 7,1 млрд. долл. США имели на протяжении всего послевоенного периода крупный актив в этих расчетах. В 1980 г. США получили из Западной Европы 3,6 млрд. долл. платежей, а выплатили Западной Европе за патенты, лицензии и управленческие знания 570 млн. долл. Основную сумму поступлений в США составляют поступления от подконтрольных предприятий, которые монополии США в первую очередь снабжают новинками. В 1980 г. они достигали 3,1 млрд. долл. из общих поступлений в сумме 3,6 млрд. долл.

Хотя США сохраняют технологическое лидерство, но благодаря тому, что в ряде западноевропейских стран, прежде всего ФРГ, рост научно-технического потенциала шел гораздо быстрее, разрыв между США и их западноевропейскими соперниками существенно сократился. На сокращение технологического разрыва, в частности,

ТАБЛИЦА 6

Баланс поступлений и платежей США по торговле патентами, лицензиями и управленческими знаниями со странами Западной Европы, млн. долл.

Год	Поступления				Платежи			
	Всего	в том числе из Западной Европы			Всего	в том числе Западной Европе		
		всего	от фирм, контролируемых США	от других фирм		всего	фирмам, контролируемым США	другим фирмам
1965	362	—	—	—	51	—	—	—
1960	837	—	—	—	75	—	—	—
1965	1314	—	—	—	135	—	—	—
1967	1516	659	468	191	166	113	19	94
1970	2134	926	675	251	225	142	42	100
1975	4008	1851	1493	358	473	322	159	163
1976	4084	1908	1539	369	482	326	165	161
1977	4474	2155	1723	432	434	311	155	156
1978	5429	2626	2161	465	610	485	311	174
1980	7082	3578	3176	502	817	769	528	241
1981	7293	3622	3021	601	711	766	535	231
1982	7139	3560	2985	575	337	570	356	224
1983	7854	3931	3315	616	452	488	276	212
1984	8072	4028	3390	638	495	560	343	217

Подсчитано по: Survey of Current Business, 1980, Jan., p. 29–35, 1981, June, 1983, June, 1985, Mar.

указывает соотношение американских патентов, зарегистрированных в других странах, и иностранных патентов, зарегистрированных в США. Во-первых, уменьшилось общее число патентов, регистрируемых Соединенными Штатами в других странах (с 45,6 тыс. в 1966 г. до 37,5 тыс. в 1975 г.). Во-вторых, хотя общий баланс обмена патентами сохраняется в пользу США, его актив сократился почти вдвое за 1966—1975 гг. В 1966 г. США зарегистрировали на 36 тыс. больше своих патентов, чем выдали патентов иностранным государствам, а в 1975 г. этот баланс в пользу США сократился до 19 тыс. В-третьих, у США образовался пассив в обмене патентами с их основными конкурентами: так, с 1966 г. число западногерманских патентов, регистрируемых в США, превышает число патентов, регистрируемых Соединенными Штатами в ФРГ.

Сокращение технологического разрыва выявилось в ряде отраслей и оказало большое негативное влияние на соотношение сил американских и западноевропейских монополий как на международном, так и на внутреннем рынке США, хотя и здесь, как и в целом, большего успеха в наступлении на позиции США добилась Япония. Необходимо также отметить, что при сокращении разрыва в традиционных отраслях и в отраслях средней наукоемкости США сохраняют лидерство в новейших отраслях промышленности.

Монополистический капитал США размахом своей внешнеэкономической экспансии в западноевропейские страны в послевоенный период в огромной степени обязан привилегированному положению доллара, за которым на основе Бреттон-Вудских соглашений была закреплена роль резервной валюты. Монополии США скупали в Западной Европе различные ценности — движимое и недвижимое имущество, акции, земельные участки и т. д. Эта, по определению президента Франции Шарля де Голля, чудовищно чрезмерная привилегия, которую мир предоставляет американской валюте, сыграла свою роль: она способствовала значительному укреплению экономических позиций международных монополий США в западноевропейских странах; она содействовала также осуществлению агрессивно-экспансионистской внешней политики США, поскольку позволяла оплачивать расходы по содержанию американских войск и строительству военных баз в Западной Европе. Статус доллара как главной резервной валюты капиталистического мира позволял США покрывать дефицит платежного баланса, порождаемого экспортом в крупных размерах капитала из США, а также расходованием валюты на военнополитические цели, за счет выпуска в каналы международного обращения обесценивающихся долларов.

Однако в 60—70-е годы отрицательное сальдо платежного баланса США в результате такого «дефицитного финансирования» стало хроническим и явилось одной из основных причин краха Бреттон-Вудской валютной системы. Правящие круги США, сознавая важную роль, которую доллар играет в осуществлении внешнеэкономической экспансии, на протяжении всего послевоенного периода принимали меры по его защите и по выравниванию платежного баланса. Основной упор при этом делался на увеличение экспорта и ограничение импорта США. В результате серии переговоров в рамках Генерального соглашения о торговле и тарифах (ГАТТ) Соединенным Штатам удалось добиться значительного снижения таможенных пошлин на промышленные товары, составляющие основу торговли между развитыми капиталистическими странами, но США оказались не в состоянии сохранить торговый актив в размерах, необходимых для финансирования военных расходов за границей и усиления экономической экспансии путем вывоза капитала. На смену торговому активу впервые за многие десятилетия пришел крупный пассив, который в 1971 г. составил 2,3 млрд. долл.

Наибольшей остроты кризис платежного баланса США достиг к августу 1971 г., когда стало ясно, что его дефицит может превысить 20 млрд. долл.

В этих условиях правительство Р. Никсона 15 августа 1971 г. в одностороннем порядке, не считаясь с интересами западноевропейских стран и пытаясь спасти быстро таявшие американские золотые запасы, объявило о прекращении обмена долларов на золото, а затем провело двукратную девальвацию доллара. Правительство США рассчитывало таким путем хотя бы временно обеспечить преимущество американским экспортерам и восстановить торговый актив, но эти надежды не оправдались.

70-е годы стали десятилетием крупного пассива во внешней торговле США и стремительного падения курса доллара. С 1971 г. и до конца 1980 г. курс доллара значительно понизился по отношению к основным валютам западноевропейских стран, особенно по отношению западногерманской марки, швейцарского франка и голландского гульдена. Падение курса доллара в 70-е годы было в 2,5 раза более глубоким, чем в результате самого разрушительного в истории капитализма кризиса 1929—1933 гг.

Такое крупное снижение курса доллара подорвало его международные позиции и изменило отношение к нему со стороны западноевропейских стран. В отличие от первых послевоенных лет, характеризовавшихся «долларовым голодом» и погоней этих стран за долларом, в 70-е годы наблюдался процесс «сбрасывания» доллара, перевод его в другие более устойчивые валюты и золото. В отдельные периоды этот процесс принимал кризисные формы, когда в некоторых западноевропейских странах временно отказывались обменивать доллары на валюту этих стран.

Дефицит платежного баланса стал для западноевропейских стран источником накопления долларовых претензий к США. Дефицит только частично был оплачен за счет золотых запасов США, а в остальной части покрывался увеличением внешней краткосрочной задолженности США, накачиванием в сферу международного обращения огромных сумм долларов. По имеющимся оценкам, сумма оторвавшихся от национальной базы долларов, так называемых «евродолларов», достигает 2 трилл.[15]

Эта огромная масса обращающихся за пределами США американских долларов стала одним из факторов, вызвавших кризис Бреттон-Вудской валютной системы, основанной на долларе. Экспансионистская и агрессивная политика США, имеющая следствием расходование за границей огромных долларовых средств, стала постоянным фактором инфляции в западноевропейских странах. Фактически США, злоупотребляющие привилегией доллара как резервной валюты, экспортируют инфляцию в эти страны.

Ослабление международных позиций доллара в 70-е годы и соответствующее усиление конкурирующих западноевропейских валют имело серьезные последствия для экономических отношений США с Западной Европой. Обесценение доллара способствовало, в частности, покупке западноевропейскими инвесторами американских предприятий и других видов собственности и увеличению потока их инвестиций в США. Падение курса доллара в 70-е годы оказало большое влияние на состояние торговых отношений США с Западной Европой, поскольку оно сделало более дешевым американские товары и более дорогим импорт товаров в США, т. е. обесценение доллара повышало ценовую конкурентоспособность американских товаров и понижало конкурентоспособность западноевропейских товаров. Использование пониженного курса валюты для форсирования внешнеторговой экспансии, к которому в 70-е годы открыто прибегал

[15] Morgan Guaranty Trust Co of World Financial Markets. N. Y., 1985, Mar.-Apr., p. 15.

монополистический капитал США, мало чем отличалось от валютного демпинга, практиковавшегося капиталистическими странами в предвоенный период. Монополистический капитал США, наживший баснословные барыши на завышенном курсе доллара, каким он был до 1971 г., в последующее десятилетие использовал его снижение для форсирования внешнеторговой экспансии методами валютного демпинга.

Однако США оказались неспособными полностью использовать преимущества, которые им обеспечивала девальвация доллара и снижение его курса в 70-е годы для того, чтобы хотя бы уравнять темпы роста экспорта с темпами увеличения импорта.

Новый этап валютной политики США начался с 1980 г. и характеризовался повышением курса доллара по некоторым подсчетам на 50—60 % по отношению к основным валютам. Это было связано с ростом военных расходов США, обусловивших огромный дефицит федерального бюджета. Для финансирования дефицита государство искусственно поддерживает ставки ссудного процента на высоком уровне, чтобы заинтересовать вкладчиков в покупке государственных облигаций. Высокие ставки ссудного процента оказали существенное влияние на состояние капиталистического мирового хозяйства. С одной стороны, в противоположность тому положению, что было в 70-е годы, высокий курс доллара ослабил ценовую конкурентоспособность американских товаров, сделав их дороже, с другой — он сделал дешевле импорт в США.

Результатом завышенного курса доллара и падения конкурентоспособности американских товаров явился огромный дефицит торгового баланса, составивший в 1984 г. около 120 млрд. долл. Ухудшилось и состояние платежного баланса США по текущим операциям, дефицит которого составлял в этом же году около 123 млрд. долл.[16]

Исчез актив США в торговле с Западной Европой, и она превратилась в главного кредитора Соединенных Штатов. В 1982 г. задолженность США западноевропейским государствам составила 308 млрд. долл., в то время как американские активы равнялись 256 млрд. долл., т. е. задолженность превышала активы на 52 млрд. долл.

За счет притока капитала из западноевропейских стран финансируется значительная часть дефицита государственного бюджета и государственного долга США. Это означает, что монополистический капитал США финансирует гонку вооружений и экономическое развитие страны в значительной мере путем обескровливания экономики западноевропейских стран.

Манипулируя курсом доллара, США укрепляют свои позиции в ущерб Западной Европе, хотя в долгосрочном плане процесс превращения США из страны-кредитора в страну-должника может иметь серьезные последствия для соотношения сил на международной экономической арене.

[16] Survey of Current Business, 1985, Mar.

Таким образом, и в валютно-финансовой сфере, ранее характеризовавшейся безраздельным господством доллара, развернулось ожесточенное империалистическое соперничество. Противоречия в области волютно-финансовых отношений вылились в открытую войну «процентных ставок» и манипулирование курсами валют.

Конец 70-х и начало 80-х годов были отмечены высокими ставками ссудного процента, при помощи которых в США пытались бороться с инфляцией.

В результате проводимой в США политики высоких процентных ставок произошло временное повышение курса доллара, поскольку покупка и помещение долларов в банки США приносит бóльшие проценты, чем в других странах. Это повышение курса доллара оказало прямое дезорганизующее воздействие на экономику капиталистических партнеров США.

Высокие проценты, выплачиваемые по кредитам в США, стали как магнит притягивать в них свободный капитал. Отлив капитала, в свою очередь, вызвал сокращение темпов роста новых капиталовложений в Западной Европе как раз в то время, когда эти страны стали нуждаться в модернизации оборудования, стимулировании темпов роста и сокращения растущей армии безработных. В опубликованном в 1982 г. докладе Европейской экономической комиссии ООН подчеркивается, что без увеличения капиталовложений, сдерживаемых американской политикой высоких процентных ставок, нынешний спад, поразивший экономику стран Запада, может перерасти в серьезный экономический кризис.

Стремясь ослабить негативные последствия американской политики высоких процентных ставок, ФРГ, Япония, Голландия, Франция, проводившие до этого противоположный курс, сдерживавшие рост процентных ставок как раз из-за опасения его отрицательного влияния на объем капиталовложений, а также из-за инфляционного эффекта на экономику, вынуждены были вслед за Соединенными Штатами также поднимать ставки. Высокие процентные ставки оказывают тормозящее влияние на экономику и стимулируют инфляционный рост цен в этих странах. В результате ограничительных мер потеряли работу миллионы рабочих в промышленности западноевропейских стран.

Кроме того, для стран Западной Европы и Японии повышение курса доллара и соответствующее снижение курсов их валют означало крупное удорожание импорта сырья и нефти, цены на которые, как правило, устанавливаются в долларах США. Так, несмотря на относительную стабильность мировых цен на нефть в долларах в 1980—1981 гг., стоимость импорта нефти западноевропейских стран, выраженная в их национальных валютах, в результате повышения курса доллара в те годы возросла на 140 %. Это явилось для Западной Европы третьим по счету нефтяным шоком (предыдущие были в 1973—1974 гг., когда цена на нефть выросла в 4 раза, и в 1978—1979 гг. — на 130 %). Удорожание импорта, в свою очередь, усилило инфляционный рост цен в этих странах.

Понижение в 80-е годы курса валюты западноевропейских стран

сделало их экспорт более дешевым по сравнению с американским, но рост их поступлений от экспорта не компенсировал удорожания импорта нефти и сырья в эти страны, происшедшего по вине правительства США. Это привело в 80-е годы к ухудшению внешнеторгового баланса стран Западной Европы.

В связи с переходом западноевропейских стран к политике высоких ставок дело приняло характер настоящей «войны» процентных ставок. Западноевропейские страны, вынужденные в ущерб своим экономическим интересам следовать зигзагам США в кредитно-денежной политике, обвиняют США в том, что они экспортируют экономическую депрессию, безработицу и навязывают им дефицит платежного баланса. Эти обвинения в адрес США высказывались на экономических совещаниях в верхах начиная с 1981 г., в повестке дня которых вопрос о прекращении «войны» процентных ставок был одним из основных.

Партнеры США также недовольны тем, что сдерживание экономического роста снижает налоговые поступления в государственные бюджеты Западной Европы и, как следствие этого, растут дефициты государственных бюджетов западноевропейских стран. Так, государственный долг ФРГ в 1981 г. (за год) увеличился примерно на 15 млрд. долл. В связи с этим правительство ФРГ прямо заявило США, что вынуждено искать пути сокращения государственных расходов и испытывает трудности в изыскании средств на увеличение военных расходов по программам НАТО. Очевидно, что если дело дошло до таких серьезных демаршей, то западноевропейские страны несут крупные издержки в результате экономической политики, проводимой США.

Еще более тяжким бременем политика высоких процентных ставок ложится на развивающиеся страны. Увеличение в США и по цепной реакции во всем капиталистическом мире процентных ставок на 1 % означает увеличение на 4 млрд. долл. дефицита платежного баланса развивающихся стран, поскольку они вынуждены платить большие проценты по получаемым кредитам, что усложняет их политические и экономические проблемы. Это, в свою очередь, порождает серьезные трудности для стран Западной Европы, для которых развивающиеся страны являются важными торговыми партнерами.

Масштабы экономической экспансии крупнейших монополий США в послевоенный период наглядно характеризуются соотношением американских заграничных активов и иностранных активов в США. Этот показатель свидетельствует об изменении положения США в капиталистическом мире в целом, в том числе в отношениях с Западной Европой, являющейся одновременно основным партнером — объектом экспансии и конкурентом США.

Из данных табл. 7 видно, что США за послевоенный период накопили огромные заграничные активы, которые возросли с 54,4 млрд. долл. в 1950 г. до 914,7 млрд. долл. в 1984 г. Внешняя задолженность США за это время увеличилась еще в большей степени — с 17,6 млрд. долл. до 886,4 млрд. долл. Чистые активы США

ТАБЛИЦА 7

Соотношение заграничных активов США и иностранных активов в США (млрд. долл.)

	1950 г	1960 г	1965 г	1970 г	1975 г	1980 г	1981 г
Активы США	54,4	85,6	120,4	165,5	295,1	606,7	716,9
Иностранные активы в США	17,6	40,9	58,8	106,8	221,2	486,1	560,4
Соотношение (1—2)	36,8	44,7	61,6	58,7	73,9	120,6	156,5

	1982 г	1983 г	1984 г	1984 г				
				Зап. Европа	Канада	Япония	Лат Америка	Другие страны и международные организации
Активы США	884,2	893,8	914,7	282,1	120,7	48,9	266,8	196,0
Иностранные активы в США	665,5	787,6	886,4	419,5	57,0	64,1	189,3	156,1
Соотношение (1—2)	168,6	106,2	28,2	—137,4	63,7	—15,2	77,5	39,9

Источники: Statistical Abstract. 1979, p 850, Survey of Current Business, 1981, Aug , 1985, June

(превышение активов над задолженностью) составили 106 млрд. долл. в 1983 г. Частные инвестиции достигают более 4/5 общей суммы заграничных активов США; более половины частных инвестиций приходится на прямые инвестиции. В 1982 г. совокупный объем инвестиций западноевропейских стран в США был на 51,1 млрд. долл. больше общей суммы американских инвестиций в Западной Европе — 307,5 млрд. и 256,5 млрд. долл., — т. е. западноевропейские страны являются нетто-кредитором США. Однако существует принципиальное различие между инвестициями США в Западной Европе и инвестициями западноевропейских стран в США. В первом случае преобладают высокоприбыльные прямые инвестиции, обеспечивающие контроль за деятельностью предприятий в западноевропейских странах, во втором случае вложения в основной массе осуществляются в форме портфельных инвестиций. Причем значительная часть иностранных инвестиций в США представлена вложениями в государственные облигации, т. е. фактически западноевропейские страны финансируют государственный долг США. Приток крупных сумм иностранного капитала в США в форме портфельных инвестиций, в том числе и из Западной Европы, не в последнюю очередь обусловлен тем, что иностранные инвесторы в условиях нестабильности в капиталистическом мире рассматривают США как последнюю цитадель капитализма. И в этом случае классовые соображения берут верх над расчетами прибыльности помещения капитала. Правда, высокие процентные ставки повысили, говоря образно, привлекательность США и по части прибыльности.

Прямые инвестиции западноевропейских стран в США составляли в 1980 г. 68,5 млрд. долл. из 101,8 млрд. долл., или примерно 2/3 всех иностранных прямых инвестиций в США. От этих инвестиций в том же году они получили чистого дохода 5.6 млрд. долл., т. е. почти в 3 раза меньше, чем выплатили американским международным монополиям, чей доход составлял 16,1 млрд. долл. Таким образом, американские инвестиции в Западной Европе приносят не только бо́льшую прибыль, но и более высокую, чем у западноевропейских стран, норму прибыли на капитал.

Вместе с тем сопоставление прямых инвестиций США в западноевропейских странах и последних в США показывает, что это соотношение пока остается в пользу США, чьи инвестиции более чем вдвое превышают аналогичные инвестиции западноевропейских стран. Этот разрыв свидетельствует о продолжающейся экономической экспансии крупнейших монополий США в Западной Европе.

Большие и значительно возросшие на протяжении послевоенного периода зарубежные активы США, преобладание в них прямых и других долгосрочных частных инвестиций отражают положение США как главного центра финансовой эксплуатации капиталистического мира.

Подчеркивая огромные масштабы послевоенной экономической экспансии американского монополистического капитала, Генеральный секретарь компартии США Гэс Холл отмечал: «Факт остается фактом: в первый послевоенный период Соединенные Штаты не только вынашивали планы расширения своего господства, но и больше, чем какая-либо иная держава за всю историю, преуспели в установлении контроля над экономикой значительных районов земного шара» [17].

Неравномерность экономического развития в послевоенные годы имела своим результатом то, что на рубеже 70—80-х годов выявилось существенное ослабление международных экономических позиций США относительно их основных конкурентов — Западной Европы и Японии. Это проявляется в снижении доли США в мировом капиталистическом производстве и мировом экспорте, в падении конкурентоспособности американских товаров и появлении у США хронического, достигающего огромных размеров дефицита торгового баланса, в ослаблении международных позиций американского доллара, подорванных разгулом инфляции в США. Происходит сокращение научно-технического разрыва, а в ряде отраслей достигается нивелировка уровней развития, сближение уровней производительности труда. Сами США становятся объектом экспансии западноевропейских стран и из кредитора превращаются в должника Западной Европы.

Экономическое соперничество за рынки сбыта, сферы приложения капитала, источники энергоносителей и сырья, за долю в мировом капиталистическом производстве достигло небывалого для послевоенного периода накала. По прогнозам даже многих американских исследователей, предстоит его дальнейшее обострение: «Напряжен-

[17] Пробл. мира и социализма, 1982, № 1, с. 11.

ность и трения обещают стать доминирующей чертой отношений между США, Европой, Японией. Одновременно будет брошен вызов лидерству американских компаний в ключевых отраслях промышленности во всем мире. . . В целом 80-е годы сулят необычайное обострение экономических проблем в отношениях между США и их союзником» [18].

Сложившееся к середине 80-х годов соотношение экономических сил США и Западной Европы отражает важный этап соперничества двух основных империалистических «центров силы», однако оно не является чем-то окончательным, застывшим. Неравномерность экономического и политического развития В. И. Ленин называл безусловным законом капитализма, отмечая при этом, что «равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может» [19].

Безусловно то, что перемены в балансе экономических сил империалистических держав будут происходить и в дальнейшем. В каком направлении изменятся в будущем позиции США, будет зависеть от многих экономических, политических и социальных факторов, от хода интеграционного процесса, от характера внутренней и внешней экономической политики США и их западноевропейских конкурентов.

«Несомненно, противоборство центробежных и центростремительных тенденций как результат изменений в соотношении сил, — отмечается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, — будет продолжаться в системе империализма и впредь. Трудно ожидать, что сложившийся комплекс экономических, военно-политических и других общих интересов трех „центров силы" в реальных условиях современного мира может быть разорван. Но в пределах этого комплекса Вашингтону не приходится ожидать безропотного повиновения союзников-конкурентов американскому диктату, тем более в ущерб их собственным интересам» [20].

[18] US News and World Report. 1980, Jan. 21, p. 62.
[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 417.
[20] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 16.

Политика США в отношении НАТО

А. Е. ЕФРЕМОВ

В политике создания империалистических военно-политических союзов, проводившейся США после второй мировой войны, особое значение приобрел Североатлантический блок (НАТО). 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне министрами иностранных дел Бельгии, Исландии, Дании, Канады, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Великобритании, Франции и Соединенных Штатов Америки был подписан договор, оформивший его возникновение.

Вашингтон видел в НАТО орудие политики, направленной прежде всего против Советского Союза и других социалистических стран, средство противодействия национально-освободительным движениям и инструмент поддержки крайней реакции в борьбе против демократических сил Европейского континента и всего мира [1].

Советское правительство изложило свою точку зрения на подлинные цели нового блока еще до подписания Североатлантического пакта. В частности, в Заявлении МИД СССР, опубликованном 29 января 1949 г., Меморандуме Правительства СССР от 31 марта 1949 г. отмечалось, что пакт нужен его организаторам отнюдь не для самообороны, а для осуществления политики развязывания новой войны. СССР указал, что договор о НАТО находится в прямом противоречии с принципами и целями Устава ООН [2].

Для того чтобы расчистить путь к вступлению США в мирное время в военный союз, необходимо было получить специальное разрешение законодательных органов. Как известно, после первой мировой войны американский сенат отказался ратифицировать подписанный президентом В. Вильсоном договор о Лиге Наций, и США остались вне этой организации. В случае с НАТО ситуация сложилась по-другому. Сенатор А. Ванденберг внес в сенат проект резолюции, рекомендовавшей присоединение Соединенных Штатов к «региональным коллективным мероприятиям, основанным на постоянной и эффективной самопомощи и взаимной помощи» [3]. 11 июня 1948 г. сенат одобрил соответствующую резолюцию.

В специальном заявлении государственного департамента, опубликованном 11 января 1949 г., отмечалось: «...впервые в истории нации Соединенные Штаты в мирное время объединились с государствами, расположенными за пределами Западного полушария» [4].

После подписания Североатлантического пакта Вашингтон принял

[1] Как отмечал английский министр Ф. Мали, на решение о создании НАТО во многом повлияли чисто внутренние для Европы факторы — «успехи коммунистов в Чехословакии» и «наличие сильных коммунистических партий в Италии и Франции» (*Mulley F.* The Politics of Western Defence. L., 1962, p. 229.)

[2] Внешняя политика Советского Союза, 1949: Сб. документов. М., 1953, с. 93, 621.

[3] Documents on American Foreign Relations. Princeton, 1950, vol. 10, p. 614, 302.

[4] New York Times, 1949, Jan. 15.

ряд мер для того, чтобы как можно быстрее создать на его основе мощную военную машину, которая служила бы его интересам. Уже в сентябре 1949 г. в столице США состоялось заседание высшего органа блока — Совета НАТО, в который вошли министры иностранных дел стран-членов. Совет образовал Комитет обороны, где были представлены министры обороны. Кроме того, был создан Военный комитет с участием начальников генеральных штабов и пяти региональных групп планирования. Вскоре дополнительно были учреждены комитеты по военному финансированию и экономическим вопросам [5].

Под давлением Вашингтона было создано объединенное командование вооруженными силами НАТО в Европе во главе с американским генералом. В декабре 1950 г. на этот пост был назначен Д. Эйзенхауэр. Его штаб-квартира разместилась вблизи Парижа. Ключевые посты в ней заняли представители американских вооруженных сил, назначенные руководителями штабных управлений — оперативного, разведывательного, организационного, боевой подготовки, личного состава и тыла.

С первых же лет создания Североатлантического блока Соединенные Штаты приняли ряд мер, направленных на установление как можно более жесткого контроля над территорией и вооруженными силами партнеров, чтобы не позволить им в случае возникновения в Европе вооруженного конфликта остаться в стороне. В этой целью была осуществлена так называемая интеграция и создана инфраструктура. Оба эти понятия определили специфические отличия НАТО от ранее существовавших военных блоков.

Интеграция сводилась к тому, что руководство вооруженными силами стран — членов НАТО в значительной мере стало осуществляться через наднациональные органы блока, где верховодили американцы. Под начало этих органов были поставлены многочисленные соединения армий и флотов стран — участниц НАТО.

Что же касается инфраструктуры, то в нее входили различные объекты, считавшиеся «общей собственностью» НАТО, — аэродромы, линии связи, бензохранилища, трубопроводы, портовые сооружения и т. п. С помощью инфраструктуры США обеспечивали условия для эффективных действий своих соединений, размещенных на западноевропейской территории. Вполне понятно, что при такой системе инфраструктуры США в случае военного конфликта, нанося удар по СССР с аэродромов НАТО в Западной Европе, тем самым ставили под ответный удар государства, на территории которых такие аэродромы были расположены.

Вашингтон всячески стремился втянуть в НАТО как можно больше стран. Членами блока стали Греция и Турция. Официальная процедура их приема была завершена в феврале 1952 г. Но главное внимание Вашингтона было направлено на то, чтобы ремилитаризовать ФРГ и включить ее в НАТО. В результате Парижских соглашений, заключенных 23 октября 1954 г., западные державы разрешили

[5] NATO: Facts and Figures. Brussels, 1969, p. 28, 29.

ФРГ создать вооруженные силы в составе 12 дивизий, а также военно-воздушные и военно-морские силы. С мая 1955 г. ФРГ официально стала членом НАТО, а затем мало-помалу начала оказывать все большее влияние на политику и стратегию блока.

Ремилитаризация ФРГ и ее прием в НАТО серьезно осложнили обстановку в Европе. В этих условиях 14 мая 1955 г. в Варшаве был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (Варшавский Договор). Тем самым агрессивному курсу западных держав был поставлен мощный барьер [6].

В течение первых лет существования НАТО были оформлены ее стратегические концепции, получившие название «щита и меча». «Щит» включал в себя сухопутные войска на территории европейского континента, поддерживаемые тактической авиацией и частями военно-морского флота. Это название, по замыслу лидеров НАТО, должно было производить впечатление, будто блок предназначен исключительно для обороны от «агрессии с Востока». Под «мечом» подразумевались стратегические ядерные силы США, которые, как указывалось в документах НАТО, будут пущены в ход в том случае, когда возможности «щита» будут исчерпаны. Вместе с тем НАТО одобрила провозглашенную в США доктрину «массированного возмездия», которая была чревата превращением какого-либо локального внеевропейского конфликта в мировую ядерную войну.

Серьезную угрозу безопасности народов Европы представляло решение США превратить Европейский континент в свой атомный плацдарм. В октябре 1953 г. первая из только что изготовленных в США «атомных пушек» была переброшена в ФРГ [7]. За ней последовали другие атомные орудия, а также ракеты и прочие виды тактического атомного оружия. В декабре 1954 г. на сессии Совета НАТО в Париже США решили, что стратегия блока будет строиться на широком применении этого оружия [8]. Верховному командованию войск НАТО в Европе, возглавлявшемуся генералами Пентагона, были даны полномочия использовать атомное оружие, даже если бы предполагаемый противник применил только неядерное оружие.

Военно-стратегические концепции США предусматривали прочную связь американских атомных планов с планами союзников, чтобы они вместе с Соединенными Штатами участвовали в нанесении со своих территорий ядерных ударов по войскам стран Варшавского Договора. Государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес заявил: «Наше правительство должно стремиться обеспечить США бомбами и базами как можно в большем количестве» [9]. Именно в таком духе и действовал Вашингтон, имея в виду широкое использование баз и на территории европейских союзников.

Особое внимание проблемам атомной войны в Европе уделила

[6] Подробнее см.: *Владимиров С., Теплов Л.* Варшавский Договор и НАТО: два курса, две политики. М., 1979.
[7] Keesing's Contemporary Archives. Bristol, 1954, vol. 9, p. 13357.
[8] *Macmillan H.* Tides of Fortune, 1945—1955. L., 1969, p. 568.
[9] *Dulles J. F.* War or Peace. N. Y., 1957, p. 239.

сессия Совета НАТО, проходившая в декабре 1957 г. в Париже. На этой сессии США предложили союзникам ядерные и баллистические ракеты среднего радиуса действия. Кроме того, они объявили о намерении создать в Европе крупные запасы атомного оружия. Оба эти предложения были одобрены под нажимом Вашингтона. На сессии Совета НАТО в Копенгагене (май 1958 г.) был утвержден план «МС-70». В нем шла речь о передаче партнерам США управляемых снарядов и ракет. Согласие на размещение на своих территориях ракет среднего радиуса действия «Юпитер» и «Тор» с дальностью действия 2000—2500 км и боевым зарядом в 1 мгт дали Англия, Италия и Турция. Остальные члены НАТО, однако, отказались от американских предложений [10].

Размещение ракет среднего радиуса действия, нацеленных на СССР и предназначенных, как об этом открыто говорили в кругах НАТО, для нанесения первого удара по советской территории, значительно усиливало угрозу возникновения мировой термоядерной войны. Об этом тогда же предупреждали многие трезвомыслящие политические деятели в США и ряде стран Западной Европы.

Окружение СССР американскими авиационными и ракетными базами, предназначенными для осуществления ядерных ударов по советской территории, вынудило Советский Союз принять необходимые меры для укрепления своей безопасности. Он взял на вооружение межконтинентальные ракеты, способные нанести ответный удар по территории США и их союзников по НАТО.

Весьма серьезную угрозу для дела мира в Европе таили в себе и планы некоторых высших представителей американской военной верхушки превратить НАТО в «четвертую атомную державу», помимо США, СССР и Англии. С таким планом выступил в 1957 г. верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал Л. Норстэд. Он потребовал от президента США Д. Эйзенхауэра предоставить в его распоряжение 600 ракет среднего радиуса действия. Впоследствии Норстэд заявил, что он хотел бы получить 300 ракет «Поларис» [11]. Эти ракеты должны были размещаться на мобильных установках (баржи, железнодорожные платформы и т. п.). Ракеты «Поларис» оснащены ядерной головкой. Первый их вариант имел дальность 1500 км, второй — 2500 км.

План Норстэда встретил сопротивление в определенных кругах как США, так и ряда западноевропейских стран — участниц НАТО, прежде всего Франции. Противники плана считали неблагоразумным предоставлять органам НАТО право решать вопрос об использовании ядерного оружия.

Между тем к проблеме ядерных сил НАТО все большее внимание стала проявлять ФРГ, где у власти стояла реакционная партия ХДС/ХСС, открыто выдвигавшая наряду с реваншистскими лозунгами призывы к ядерному вооружению. Лидер партии канцлер

[10] Подробнее см.: *Ефремов А. Е.* Европа и ядерное оружие. М., 1972, с. 46—47.
[11] Keesing's. . ., vol. 13, p. 17845.

К. Аденауэр в беседах как с представителями США, так и с политическими деятелями Западной Европы неоднократно подчеркивал стремление ФРГ получить доступ к ядерному оружию. В этих условиях и появился план многосторонних ядерных сил (МЯС), вокруг которого в первой половине 60-х годов развернулись острые дискуссии.

Более или менее окончательный вариант плана МЯС, о котором специальный представитель США информировал западноевропейских союзников в начале 1963 г., предусматривал создание флота из 25 надводных кораблей, каждый из которых оснащался 8 ракетами «Поларис». На 10 кораблях с 80 ракетами «Поларис» командирами кораблей были бы западногерманские офицеры. Таким образом, ФРГ располагала бы практически бóльшим числом ракет «Поларис», чем Англия, подготовившая программу спуска на воду 4 ядерных подводных лодок с 64 ракетами такого типа. В ФРГ к тому же надеялись взять под контроль и ряд кораблей других стран, в частности Греции и Турции, предоставив этим странам кредиты, в которых те крайне нуждались [12].

В конечном счете милитаристские круги ФРГ получили бы возможность осуществить заветную мечту — приобщиться к ядерному оружию. Они надеялись использовать его в планировавшейся ими реваншистской войне, втянув в нее с помощью атлантической интеграции и другие страны НАТО.

Подготовка к осуществлению планов МЯС развернулась полным ходом. Для того чтобы доказать практическую возможность эффективной деятельности многонациональной команды, американцы сформировали такую команду из представителей 7 стран на эсминце «Клод Рикеттс» и отправили его в продолжительное плавание.

Тем временем, однако, в Западной Европе нарастало сопротивление плану МЯС. Особенно решительную позицию заняла Франция. В заявлении 5 ноября 1964 г. премьер-министра Ж. Помпиду подчеркивалось, что Франция будет рассматривать МЯС как провокацию, кроме того, отмечался «агрессивный характер» многосторонних ядерных сил [13]. Отвергли планы МЯС и большинство других стран — участниц НАТО, в том числе Англия, Канада, Дания, Норвегия и др.

Англия со своей стороны предложила в декабре 1964 г. проект «Атлантических ядерных сил». Этот проект, хотя и в меньшей степени, чем МЯС, приближал ФРГ к возможности распоряжаться ядерным оружием.

Советский Союз подверг острой критике английский проект и МЯС. В Заявлении ТАСС 22 октября 1963 г. подчеркивалась опасность этих планов для дела мира. Советское правительство 11 июля 1964 г. направило правительствам США, Англии и некоторых других стран ноту, в которой отмечалось: «Если бы западные державы пошли по пути распространения ядерного оружия и приобщения к нему бундесвера, то намного увеличилась бы опасность возникновения

[12] *Kahn H.* Die Russen Kommen Nicht. München, 1969, S. 175.
[13] Цит. по: *Willis F. R.* France, Germany and the New Europe. Stanford, 1968, p. 334

термоядерного конфликта, в который многие страны, включая и самые крупные государства Запада, могли бы оказаться вовлеченными даже помимо своего желания» [14]. В коммюнике совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора 20 января 1965 г. содержалось предупреждение о том, что, если НАТО станет на путь создания многосторонних ядерных сил, государства — участники Варшавского Договора будут осуществлять необходимые защитные меры по обеспечению своей безопасности [15].

Твердая позиция, занятая в вопросе о МЯС социалистическими странами, возражения против этих планов большинства европейских партнеров Вашингтона, особенно Франции, в конечном счете привели к их провалу. Тем самым была значительно ослаблена серьезная угроза для народов Европейского континента.

Большие опасения существовали в связи с размещением в Европе ракет средней дальности действия «Юпитер» и «Тор». Специалисты предупреждали, что, поскольку эти ракеты, базировавшиеся в Англии, Италии и Турции, весьма уязвимы, у командования всегда будет соблазн пустить их в ход первыми. В Пентагоне, кроме того, были недовольны тем, что эти ракеты подлежали системе двойного вето, т. е. теоретически правительства стран, в которых они размещались, могли бы протестовать против их запуска. Поэтому США решили убрать ракеты из Европы, направив взамен к европейским берегам ядерные подводные лодки, оснащенные ракетами «Поларис». Их запуск мог быть осуществлен по приказу американского президента.

США не могли полностью пренебречь настроениями правящих кругов ФРГ, да и некоторых других стран НАТО в вопросах их приобщения к ядерному оружию. В декабре 1966 г. они создали Комитет ядерной обороны и его рабочий орган — группу ядерного планирования, постоянными членами которой стали ФРГ, Англия, Италия и США. Еще три члена меняются каждые 18 месяцев. Создание группы, ее первое заседание состоялось в Вашингтоне в апреле 1967 г.[16], оно явилось результатом определенного компромисса между США и их союзниками. США, сохранив ядерное оружие в своем непосредственном распоряжении, вместе с тем пошли на предоставление партнерам права участия в разработке проблем использования ядерного оружия, выбора целей для нанесения атомных ударов и т. п.

На практике, однако, Соединенные Штаты по-прежнему имели решающий голос в вопросах применения ядерного оружия, как и во всех других вопросах политики и стратегии Североатлантического блока. И та и другая определялись исключительно опасным курсом Соединенных Штатов, получившим название «балансирования на грани войны», концепциями «устрашения», «передовой обороны», предусматривавшими развязывание в Европе боевых действий «как можно дальше к Востоку». Так как США связаны множеством военных союзов с десятками неевропейских стран, для их партнеров по

[14] Внешняя политика Советского Союза: Сб. документов, 1964—1965. М., 1966, с. 27.
[15] См.: Там же, с. 113.
[16] Aspects of NATO Chronology (1945—1973). Brussels, 1973, p. 35.

НАТО существует постоянная угроза помимо своей воли быть втянутыми в различные авантюристические акции американского империализма в районах, далеких от «зоны НАТО». Да и на самом Европейском континенте, до предела насыщенном американскими атомными боеголовками (в 70-х годах их насчитывалось более 7 тыс., впоследствии 1 тыс. устаревших боеголовок была выведена, а на их место стали поступать модернизированные). Все это грозит Европе и всему человечеству гибельной для мировой цивилизации ядерной катастрофой.

С окончанием периода «холодной войны», когда в первой половине 70-х годов разрядка стала ведущей тенденцией, сложились благоприятные условия для роспуска противостоящих друг другу военно-политических группировок НАТО и Варшавского Договора. Однако империалистические круги — вдохновители политики Североатлантического блока, и думать не хотели о том, чтобы пойти на такой шаг, как и на другие реальные меры по разоружению. Они по-прежнему ссылались на миф о «советской военной угрозе». Но сама жизнь вносила в политику блока определенные коррективы.

В 1962 г. НАТО пересмотрела стратегию «меча и щита». Отныне «мечом» были объявлены обычные вооруженные силы блока, которым придавалось американское тактическое атомное оружие. «Щитом» стали считаться стратегические ядерные силы США. Новая стратегия ориентировала на возможность «ограниченной войны» в Европе [17].

Провал ставки Вашингтона на сохранение ядерного превосходства побудил Соединенные Штаты добиваться дальнейших изменений в стратегической доктрине НАТО. В то время как в начале 60-х годов США, отказавшись от доктрины «массированного возмездия», приняли доктрину «гибкого реагирования», другие члены НАТО еще долго выражали сомнения в целесообразности перехода к новой доктрине. В результате сильного давления американские установки взяли верх.

Принятая на сессии Совета НАТО в Брюсселе в декабре 1967 г. доктрина «гибкого реагирования» предусматривала, что в случае конфликта в Европе действия НАТО будут осуществляться поэтапно: вначале боевые действия должны были вестись без применения атомного оружия, на втором этапе должно было быть использовано тактическое атомное оружие в непосредственной зоне боевых действий и только на третьем этапе предусматривались удары стратегическими средствами по объектам в глубине обороны противника [18].

Такие планы не вполне устраивали Англию, ФРГ и некоторых других западноевропейских партнеров США по НАТО, считавших, что атомное оружие должно быть применено в случае вооруженного конфликта немедленно. Правящие круги этих стран заявляли, что НАТО следует использовать атомное оружие «с самого начала». Исходя из такого рода помыслов и была разработана концепция проведения «демонстративных», «селективных», или «избиратель-

[17] Foreign Affairs, 1958, Jan., p. 289.
[18] New York Times, 1967, Dec. 13.

ных ядерных взрывов». Англо-западногерманские планы означали отказ от существующего в НАТО порядка, при котором все решения должны приниматься на основе принципа единогласия. С той поры если бы США, например, надумали использовать атомное оружие с территории Англии и ФРГ, то все остальные страны оставались бы в стороне при принятии такого решения.

Одновременно усилилась подрывная деятельность НАТО против стран Варшавского Договора. При содействии американских экспертов в 1961 г. в НАТО был создан так называемый Атлантический институт для разработки программ психологической войны и ведения подрывной деятельности. Эти же задачи призван был решать Комитет по вопросам информации и культурным связям.

Штабом американских войск в Европе был разработан так называемый «план 100-1», предусматривавший ввод в соответствующую страну американских войск, если там сложится неудовлетворительное с точки зрения США внутреннее положение. В 1970 г. под руководством начальника штаба армии США генерала Уэстморленда был разработан документ под названием «Операции по стабилизации — разведка», в нем провозглашалось открытое вмешательство американских вооруженных сил в дела тех или иных государств при возникновении критических для реакционных кругов ситуаций [19].

На практике США неоднократно вмешивались в дела стран — членов НАТО, например в Греции, где при участии работавших в НАТО американских офицеров в 1967 г. был организован государственный переворот, осуществляемый по так называемому «плану Прометей». В начале 70-х годов стало известно о тесных связях американских офицеров с итальянскими заговорщиками, стремившимися к ликвидации в стране парламентского строя и установлению неофашистской диктатуры. Накануне парламентских выборов в Португалии у ее берегов НАТО провела военные маневры «Локт гейт-75». Целью этих маневров было показать португальским избирателям, что НАТО не остановится перед вооруженным вторжением в страну, если у власти окажутся демократические силы.

Бесцеремонность, с которой распоряжались в НАТО Соединенные Штаты Америки, вызывала растущее недовольство партнеров, постепенно укреплявшихся как в военном, так и в экономическом отношениях. Впрочем, по тем или иным причинам большинство из них предпочитали открыто его не выражать. Англия ориентировалась на «особые отношения» с США и надеялась с их помощью обеспечить свои интересы. ФРГ после вступления в НАТО уповала на содействие США ее реваншистской программе, а также оснащению бундесвера новейшим оружием. Малые страны не осмеливались возражать против американского диктата. Между тем Франция, сумевшая создать собственное атомное оружие, взяла курс на укрепление суверенитета и международных позиций. 14 сентября 1958 г. президент Ш. де Голль направил президенту США Д. Эйзенхауэру и премьер-министру Великобритании Г. Макмиллану меморандум, в котором он поставил

[19] Подробнее см.: *Ефремов А. Е.* Опасный бизнес торговцев смертью. М., 1981, с. 40.

под сомнение принадлежность Франции к НАТО, заявив, что «она больше не соответствует потребностям французской обороны» [20].

Последовали практические шаги: в марте 1959 г. средиземноморский флот Франции был выведен из-под командования НАТО. Вслед за тем французское правительство запретило ввоз во Францию американских атомных бомб, и наконец, в марте 1966 г. объявило, что Франция, оставаясь членом НАТО, выходит из ее военной организации. К 1 апреля 1967 г. должен был быть завершен вывод иностранных военных сооружений и штабов с территории Франции, что и было осуществлено. Штаб-квартира НАТО из-под Парижа переехала в окрестности Брюсселя.

С большим трудом Вашингтону удалось воспрепятствовать тому, чтобы вызванный выходом Франции из военной организации НАТО кризис не расшатал полностью систему НАТО. Тем не менее антиамериканские настроения в Западной Европе усиливались. В конце 60-х годов бывший верховный комиссар США в Западной Германии Дж. Макклой откровенно признал: общественность западноевропейских стран не перестает выражать возмущение по поводу «американского вторжения», «раболепия перед США», «рабства» [21].

Сложность обстановки в НАТО не могли не сознавать в Вашингтоне. Там решили, опираясь опять-таки на домыслы об «угрозе с Востока», «гальванизировать организацию Североатлантического блока». «Возрождение НАТО должно быть ныне поставлено во главу угла американской национальной политики», — заявил в ноябре 1968 г. за несколько дней до президентских выборов Р. Никсон [22]. Став президентом, он предпринял шаги с тем, чтобы побудить младших партнеров по блоку увеличить свой вклад в дальнейшее наращивание военных приготовлений.

В деятельности НАТО с конца 60-х годов определенную роль играет так называемая еврогруппа НАТО. В ее работе принимают участие министры обороны большинства западноевропейских стран — участниц НАТО, кроме Франции, Португалии (впоследствии также вступила в еврогруппу) и Исландии. Инициаторы создания группы — Великобритания и ФРГ — считали, что усилиями группы можно добиться более широкого участия всех европейских стран — участниц НАТО в гонке вооружений, дабы умерить недовольство Вашингтона недостаточными, по его мнению, военными приготовлениями партнеров. В будущем выявились и другие, первоначально скрытые цели группы: усилить позиции Западной Европы в принятии Североатлантическим блоком решений, увеличить ее удельный вес в рамках союза с Соединенными Штатами.

В соответствии с этими целями уже в декабре 1970 г. еврогруппа приняла так называемую Программу улучшения обороны Европы (ЕДИП) *. В 1971—1972 гг. ее члены обязались обеспечить вооружен-

[20] *Gaulle Ch. de.* Memoires d'espoir: Le renouveau 1958—1962. P., 1970, p. 214.
[21] *McCloy J.* The Atlantic Allience: Its Origin and its Future. N. Y., 1968, p. 81.
[22] New York Times, 1968, Nov. 2.
* European Defence Improvement Programme.

ные силы дополнительно 1300 танками и самоходными орудиями, 600 боевыми самолетами и вертолетами и другой техникой.

Вслед за тем были приняты решения о значительном увеличении военных расходов западноевропейских стран — участниц НАТО. Они увеличились с 24,5 млрд. долл. в 1970 г. до 91,8 млрд. долл. в 1979 г. Соответственно возросла доля этих стран в общих военных расходах НАТО: с 22,7 % в 1969 г. до 41,6 % в 1979 г.[23]

Создание еврогруппы было использовано западноевропейскими странами — участницами НАТО для координации политики в области военного производства и противостояния натиску американских военных концернов — главных поставщиков оружия партнерам. Американские монополии продают союзникам по НАТО примерно в 10 раз больше оружия, чем те — Соединенным Штатам. Под предлогом того, что оружие членов НАТО должно быть стандартизировано, США требуют от западноевропейских стран приобретения американских вооружений, которые-де отличаются более высокими тактико-техническими данными. В подписанном 6 октября 1949 г. президентом Г. Трумэном законопроекте об оказании военной помощи иностранным государствам предусматривалось выделить 1 млрд. долл. на вооружение стран — участниц НАТО. В последующие годы США передали европейским партнерам оружия на многие миллиарды долларов. Сумма военной помощи США странам Западной Европы с 1949 по 1971 г. составила 25 млрд. долл.[24] Расплачивались за эту помощь американские налогоплательщики, деньги которых шли в кассы военных монополий.

Для противодействия американским конкурентам страны Западной Европы, используя органы еврогруппы, начали создавать военно-монополистические объединения без участия США. ФРГ, Англия и Италия образовали компанию «Панавиа» для выпуска многоцелевого истребителя-бомбардировщика «Торнадо». К сотрудничеству была привлечена и Франция. При кооперации с ней ФРГ и Англия наладили производство некоторых типов ракет и самолетов. Вполне понятно, что это вызывает явное раздражение американских монополий.

Серьезное препятствие на пути осуществления своих целей НАТО усмотрела в разрядке международной напряженности. Печатные органы Североатлантического блока подвергли открытой критике советско-американские встречи в верхах, на которых были достигнуты соглашения об ограничении стратегических ядерных вооружений[25]. Разрядка была объявлена делом, «выгодным одним только русским». НАТО усиленно поддерживает реакционные круги в Вашингтоне, которые осуждают любые меры по реальному разоружению.

На политику и стратегию НАТО в конце 70-х — начале 80-х годов огромное влияние оказал рост милитаристских тенденций в политике

[23] NATO Review, 1981, N 1, p. 32; N 5, p. 14.
[24] Wehrkunde, 1971, N 8, S. 394.
[25] NATO's Fifteen Nations, 1972, Aug.-Sept., p. 11.

США, переход в наступление против политики разрядки, курс на возвращение к «холодной войне». США приложили большие усилия к тому, чтобы воспрепятствовать развитию связей западноевропейских стран—участниц НАТО с Советским Союзом, подорвать дух Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки, помешать переговорам, которые с октября 1973 г. ведутся по вопросу о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Эти цели были продиктованы тревогой Вашингтона в связи с укреплением сил социализма и ослаблением позиций капитализма в результате экономических кризисов и спадов, энергетического кризиса, роста безработицы и инфляции. Весьма обеспокоили США и крупные победы национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке, которые милитаристские круги пытались объяснить «деятельностью Кремля».

Империалистические круги стремились возложить вину за эти процессы прежде всего на разрядку. Они полагали, что в атмосфере конфронтации и вспышки военной истерии американскому капитализму удастся в значительной степени поправить свои дела. Вместе с тем, как отмечал в Политическом докладе XXVII съезду КПСС тов. М. С. Горбачев, «немалую роль, судя по всему, играет и расчет использовать напряженность для нажима на союзников, чтобы сделать их предельно послушными, подчинить диктату Вашингтона» [26].

Определенные силы в Вашингтоне стали открыто высказывать намерения добиться мировой гегемонии, для чего, по их мнению, следует обеспечить стратегическое превосходство США над Советским Союзом. Одним из главных решений этой задачи США считают дальнейшее укрепление военного потенциала НАТО в Европе.

Североатлантический блок уже давно располагает в Западной Европе огромной военной машиной. Под началом верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе (по традиции это всегда американский генерал) находится крупная группировка сухопутных войск. Им придано 3200 тактических боевых самолетов, базирующихся на 200 аэродромах НАТО, соединенных трубопроводами со складами, где хранится горючее. В Западной Европе размещено 6 тыс. атомных боеголовок, контроль за которыми осуществляют американцы. Там же расположено более 3 тыс. средств доставки атомных бомб и снарядов к цели [27]. Кроме того, на территории ФРГ находятся также более 50 тыс. французских войск, статус которых определен особым соглашением Франции с ФРГ [28]. Их командование осуществляет регулярное сотрудничество со штаб-квартирой НАТО.

Советские компетентные органы опубликовали данные, свидетельствующие о том, что соотношение обычных, или как их еще называют, сил общего назначения (т. е. неядерных) между странами НАТО и странами Варшавского Договора характеризуется примерным

[26] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 11.
[27] The Military Balance, 1980–1981. L., 1980, p. 19; Междунар. жизнь, 1984, № 4, с. 153.
[28] World Armaments and Disarmament. SIPRI Yearbook, 1983. L., 1983, p. XLIX.

равновесием. В Европе 94 дивизиям НАТО с учетом Франции и Испании противостоят 78 дивизий стран Варшавского Договора. Следует при этом учесть, что численность развернутых дивизий США равна 16—19 тыс. человек, а Варшавского Договора — максимум 11—12 тыс. Несмотря на несколько большее количество боевых самолетов у стран Варшавского Договора, НАТО имеет превосходство по боевым возможностям средств авиационной поддержки и по числу вертолетов. НАТО располагает 25 тыс. танков (включая хранящиеся на складах в Европе), их столько же и у стран Варшавского Договора. В Центральной Европе сухопутные войска НАТО и ВВС насчитывают 991 тыс. человек, их число у стран Варшавского Договора составляет 979 тыс. человек [29].

Что касается сравнения военно-морских сил двух военно-политических группировок, то страны Варшавского Договора располагают бóльшим числом мелких надводных кораблей, в задачу которых входит исключительно охрана и оборона своего побережья. В НАТО, между тем, почти втрое больше линкоров, крейсеров и ракетных фрегатов, предназначенных для действия в составе ударных группировок. Численность морской пехоты США в 16 раз превышает численность морской пехоты СССР [30]. Все эти факты полностью опровергают фальсифицированные сведения ЦРУ о том, будто бы Соединенные Штаты и НАТО отстают в военной области.

Тем не менее накопленный в Европе гигантский военный потенциал Запада Вашингтон решил еще более усилить в процессе «модернизации НАТО». Во второй половине 70-х годов на передний план выдвинулась проблема создания нейтронного оружия и развертывания его в зоне НАТО.

Имеется немало публикаций о специфике нейтронного оружия [31] — оно вызывает повышенную радиацию, приводит к гибели людей, быстрой или медленной в зависимости от ее уровня. Между тем материальные ценности страдают в меньшей степени. Это свидетельствует о том, что нейтронная бомба — оружие агрессора, который хотел бы захватить нетронутыми промышленные объекты, в то время как войска и гражданское население противной стороны были бы уничтожены.

Но военную верхушку США, высказавшуюся за широкое производство и развертывание нейтронной бомбы, интересует не только этот фактор. Она пытается убедить мир в том, что между атомным и обычным оружием практически нет отличия, понизить так называемый ядерный порог и тем самым позволить милитаристским кругам повысить эффект «ядерного устрашения» при проведении политики «с позиции силы». Развертывание нейтронного оружия неизмеримо увеличило бы опасность возникновения ядерной войны в Европе, которая неизбежно перерастет в глобальную.

[29] Правда, 1985, 13 авг.

[30] Откуда исходит угроза миру? 3-е изд. М., 1984, с. 76—80.

[31] *Tehasow I.* et al. Sowjetische Mediziner über die Gefahren eines Nuclear Krieges. M., APN, 1982; Defense Monitor, 1981, vol. 10, N 7, p. 1—12; IPW Berichte, 1978, N 4, S. 37—41; Междунар. жизнь, 1978, № 4, с. 64—75.

Вокруг нового оружия развернулась острая дискуссия. С одной стороны, наиболее воинственные элементы в США и лидеры военной организации НАТО, в частности бывший во второй половине 70-х годов верховным главнокомандующим объединенными вооруженными силами НАТО в Европе американский генерал А. Хейг, настойчиво ратовали за нейтронную бомбу. С другой — ряд американских сенаторов и видных политических деятелей Западной Европы выступили с предостережением против нового оружия. Федеральный секретарь социал-демократической партии ФРГ Э. Бар назвал его «символом извращенного ума» [32].

Нейтронную бомбу осудили самые широкие слои мировой общественности. Под воззванием Всемирного Совета Мира с требованием не допустить производства новых средств оружия массового уничтожения поставили свои подписи 700 млн. человек.

Предложение договориться о взаимном отказе от нейтронного оружия Советский Союз выдвинул в декабре 1977 г.[33] В марте 1978 г. СССР и ряд других социалистических стран внесли на рассмотрение Комитета по разоружению проект конвенции о запрещении производства, накопления, развертывания и применения ядерного нейтронного оружия [34].

Тогдашний президент США Д. Картер, не имея возможности игнорировать протесты по поводу новых планов Пентагона, в апреле 1978 г. принял решение отложить производство нейтронного оружия. Однако уже в октябре того же года он дал указание продолжать работы над его созданием. Президент США Р. Рейган в августе 1981 г. распорядился о полномасштабном производстве такого оружия. И опять, как и четыре года назад, решение администрации США натолкнулось на мощное сопротивление со стороны мировой общественности. Правительства Голландии, Норвегии, Канады, лейбористская партия Англии, видные деятели правящих партий ФРГ и многие другие высказали неодобрение решению Рейгана. Вашингтону, таким образом, не удалось заставить союзников согласиться разместить у себя нейтронное оружие. Тем не менее США продолжают оказывать на них мощное давление, добиваясь удовлетворения требований Пентагона.

Администрация Рейгана наряду с разработкой планов, касающихся производства нейтронного оружия, в начале 1982 г. заявила, что приступит к широкому производству еще одного вида оружия массового уничтожения — химического. Новые его типы, так называемые «бинарные», США намереваются разместить в Западной Европе, делая, таким образом, ставку не только на ядерную, но и химическую войну в европейском регионе. В 1985 г. конгресс США принял решение о выделении средств для организации выпуска такого оружия. Верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал Роджерс в начале сентября того же года

[32] Die Zeit, 1981, 14. Aug.
[33] Летопись внешней политики СССР, 1917—1918. М., 1978, с. 346—347.
[34] Внешняя политика Советского Союза: Сб. документов, 1978. М., 1979, с. 35—37.

потребовал от западноевропейских стран — участниц блока приступить к наращиванию арсеналов бинарных боеприпасов. Затем в ФРГ прошли маневры войск НАТО «Отм фордж-85», на которых американские и западногерманские части отрабатывали задачи с применением химического оружия, включая бинарное [35].

Важной вехой взвинчивания гонки вооружений США и некоторыми другими странами стала сессия Совета НАТО в мае 1978 г. в Вашингтоне. На сессии была одобрена долгосрочная программа вооружений, рассчитанная на 15 лет. Общая сумма дополнительных расходов, связанных с осуществлением этой программы, — 80 млрд. долл., половину из которых должны предоставить западноевропейские страны — участницы НАТО и Канада.

Программа предусматривает проведение около 100 различных мероприятий по усилению военного потенциала НАТО — увеличение числа находящихся на вооружении войск блока танков, вертолетов, ракет «воздух—земля», противотанкового оружия, оснащение сил НАТО новейшим электронным оборудованием. Особое внимание уделено созданию в Западной Европе складов тяжелого вооружения для трех американских дивизий, которые намечалось быстро перебросить в Европу «в случае кризиса» [36].

Решения майской сессии Совета НАТО были осуждены социалистическими странами. В Декларации государств — участников Варшавского Договора, принятой 23 ноября 1978 г., подчеркивалось: «Эти решения, ведущие к усилению гонки вооружений, как и другие действия НАТО, имеющие характер военных демонстраций, преследуют цели достижения странами НАТО военного превосходства над социалистическими и другими странами мира в расчете на то, чтобы диктовать свою волю независимым государствам, подавить борьбу народов за национальное и социальное освобождение» [37].

Линия на достижение военного превосходства, которая выявилась на сессии Совета НАТО в Вашингтоне, была вскоре снова отчетливо подтверждена в новых планах Пентагона, связанных с намерениями разместить в Западной Европе ядерные ракеты средней дальности действия.

Еще одним шагом на пути гонки вооружений, носящем исключительно опасный характер для мира в Европе, стали решения декабрьской сессии Совета НАТО в 1979 г. о развертывании в ряде стран Западной Европы американских ядерных ракет средней дальности действия. Под нажимом США было решено разместить 108 пусковых установок ракет «Першинг-2» с дальностью действия примерно 2500 км и 464 крылатые ракеты с дальностью действия 2600 км в ФРГ, Англии, Италии, Бельгии и Нидерландах [38]. Такое решение объяснялось как вызванное необходимостью «довооружения», поскольку-де

[35] См.: Правда, 1985, 20 сент.
[36] Подробнее см.: *Халоша Б. М.* Военно-политические союзы империализма. М., 1982, с. 185—187.
[37] Внешняя политика Советского Союза: Сб. документов, 1978, с. 201.
[38] См.: Откуда исходит угроза миру?, с 74.

Советский Союз в предшествовавшие годы развернул в Европе ракеты, именуемые по натовской терминологии «СС-20», и тем самым якобы нарушил баланс сил между НАТО и силами Варшавского Договора. Близкие к Пентагону источники даже стали утверждать, что СССР в Европе обладает в отношении США превосходством в соотношении 7:1 [39].

На самом деле такого рода утверждения представляют собой явные домыслы. Советский Союз в ряде официальных заявлений решительно опроверг их. В ноябре 1981 г. отмечалось, например, что между НАТО и СССР существовало примерное равенство в области средств средней дальности. Советский Союз располагал 975 единицами, а НАТО — 986. В числе последних 700 принадлежало США. Кроме того, 64 баллистические ракеты и 55 бомбардировщиков составляли английский потенциал, 98 ракет на пяти атомных подводных лодках и 46 бомбардировщиков — потенциал Франции. В 1985 г. Франция ввела в строй шестую атомную подводную лодку, оснащенную ракетами, способными направить к цели 96 ядерных зарядов.

По числу ядерных боезарядов, выводимых на цель за один пуск, НАТО располагало полуторным преимуществом. Если же в Западной Европе будут развернуты дополнительно почти 600 новых американских ракет, то по носителям НАТО получит полуторное преимущество, а по ядерным боезарядам примерно двойное [40].

Советский Союз предложил конструктивную программу осуществления мероприятий для предотвращения гонки вооружений в области ракет среднего радиуса действия.

Огромный интерес мировой общественности вызвали советские предложения по проблеме ракет среднего радиуса действия в Западной Европе, изложенные советским руководством 3 февраля 1982 г. на встрече с представителями Консультативного совета Социалистического интернационала по разоружению в Москве. Было подчеркнуто, что Советский Союз готов к полному отказу обеих сторон — Востока и Запада — от всех видов оружия средней дальности, нацеленных на объекты в Европе. Более того, советская сторона проявляла готовность договориться о полном избавлении Европы от ядерного оружия как средней дальности, так и тактического.

До той поры пока Запад не хотел пойти на такие кардинальные решения, СССР был готов для начала условиться о крупном сокращении обеими сторонами ядерных средств средней дальности на сотни единиц: например, сократить к 1999 г. имевшееся число ядерных вооружений средней дальности каждой стороны в 3 или даже более раз, идя к этому поэтапно. В ближайшие годы арсеналы сторон были бы сокращены примерно на треть, а в последующем осуществлены новые сокращения.

В дальнейшем, в марте 1982 г., советское руководство приняло решение ввести в одностороннем порядке мораторий на развертывание ядерных вооружений средней дальности в европейской части

[39] US News and World Report, 1981, Dec. 14.
[40] См.: Правда, 1981, 3 нояб.

СССР. Советский Союз был намерен сократить число своих ракет средней дальности [41]. В мае того же года СССР приступил к такому сокращению.

Новое предложение по вопросам ракет средней дальности было выдвинуто 21 декабря 1982 г. В нем выражалась готовность СССР иметь в Европе столько же ракет, сколько их имеет Англия и Франция. В мае и августе 1983 г. это предложение было дополнено Ю. В. Андроповым [42]. В случае достижения взаимоприемлемого соглашения, включая отказ США от развертывания в Европе новых ракет, СССР не только осуществил бы сокращение своих ракет до уровня, равного численности ракет у Великобритании и Франции, но и ликвидировал бы значительное число ракет СС-20.

Советские предложения открывали путь к быстрейшему решению проблемы на базе равной безопасности сторон. Однако официальные круги Вашингтона поспешили их отклонить, продемонстрировав тем самым нежелание отказаться от курса на форсирование гонки вооружений, а в конце ноября 1983 г. США приступили к размещению своих ракет в Западной Европе.

В целях облегчения договоренности о скорейшем взаимном сокращении ядерных средств средней дальности в Европе СССР внес новые важные предложения. Выступая в октябре 1985 г. перед французскими парламентариями, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев напомнил, что Советский Союз объявил мораторий на размещение в Европе ракет средней дальности, что число ракет, которые СССР имеет на боевом дежурстве в европейской зоне, составляет 243 единицы, а это соответствует уровню 1984 г., когда было начато дополнительное размещение советских ракет в ответ на установку американских ракет средней дальности. Дополнительно развернутые при этом ракеты СС-20 сняты с боевого дежурства, а стационарные сооружения для размещения ракет демонтируются. СССР снял с вооружения ракеты СС-5 и продолжает снимать ракеты СС-4. Это значит, что в целом число ракет-носителей средней дальности в европейской зоне СССР теперь значительно меньше, чем 10 или даже 15 лет назад.

США, побуждая западных партнеров к еще более дорогостоящей гонке вооружений, ставят не только под удар жизненные интересы последних, но и пытаются помешать развитию взаимовыгодных отношений Западной Европы с социалистическими государствами, в частности в связи с событиями в Польше.

По настоянию США в Брюсселе в январе 1982 г. было созвано чрезвычайное совещание министров иностранных дел стран—участниц НАТО. Принятое на совещании заявление по поводу событий в Польше представляет собой пример грубого и бесцеремонного вмешательства во внутренние дела Польской Народной Республики. В документе указывалось, что союзники США обязались пересмотреть свои дальнейшие экономические и коммерческие отношения с Советским Союзом. Речь, как видно из того же документа, шла о санкциях

[41] Там же, 1982, 17 марта.
[42] Там же, 22 дек., 1983, 4 мая, 27 авг.

против СССР по вопросам импорта, соглашения о морских перевозках и воздушных сообщениях, кредитования экспорта и т. п. В Париже в том же месяце состоялись заседания Координационного комитета по осуществлению контроля над экспортом в социалистические страны (КОКОМ) с участием представителей стран НАТО (кроме Исландии) и Японии. США потребовали от союзников принятия конкретных мер по свертыванию торгово-экономических и иных связей с СССР.

Вашингтон, следуя курсом конфронтации, пригрозил европейским партнерам по НАТО экономическими санкциями, если они не поддержат его в организации финансово-экономического бойкота Польши и СССР. Эти требования натолкнулись, однако, на отпор ряда правительств стран Западной Европы, отлично сознающих, что американский курс приведет к обострению их экономических трудностей, дальнейшему росту безработицы. Вопреки нажиму США Франция и другие западноевропейские государства подписали договор с Советским Союзом о поставках природного газа в обмен на промышленное оборудование для газопровода.

Разногласия между странами Западной Европы и США, усилившиеся в результате авантюристической военной стратегии и политики Вашингтона, таким образом, еще более обострились в связи с бесперспективной линией Вашингтона в отношении экономических связей Восток—Запад.

Эти разногласия приобрели еще большую остроту из-за огромных трудностей, которые испытывают западноевропейские страны — участницы НАТО в результате осуществляемого ими под постоянным давлением США увеличения военных расходов. Хотя экономическое положение в странах Запада в конце 70-х—начале 80-х годов характеризовалось экономическими кризисами и спадами, военные бюджеты из года в год поглощали гигантские средства. Об этом свидетельствуют военные расходы (млрд. долл.) стран НАТО [43]:

1949	18,7	1980	256,2
1959	60,8	1981	267,1
1970	104,2	1982	283,8
1979	248,1	1983	307,1

Основную долю военных расходов стран НАТО несут США, где эти расходы достигают астрономических цифр. В Ежегодниках Стокгольмского международного института по изучению проблем мира отмечалось, что военный бюджет США, подготовленный администрацией Картера, а затем одобренный и Рейганом, намечал с 1981 г. увеличение военных расходов в реальном исчислении на 4,6 %. В действительности военные расходы США в 1980 г. увеличились на 6,9 %, в 1981 г. — на 9 %, в 1982 г. — на 11,3 %. Если они в 1982 г. составляли 167,6 млрд. долл., то на 1986 г. конгресс запланировал ассигновать уже 302,5 млрд. долл.

[43] NATO: Facts and Figures, p. 224; World Armaments and Disarmament. SIPRI Yearbook, 1983, p. 161; SIPRI Yearbook, 1984. L., 1984, p. 118.

Американские союзники по НАТО, согласившись в 1977 г. увеличивать ежегодно военные расходы в реальном исчислении на 3 %, вскоре, однако, убедились, что эта цель не может быть достигнута из-за кризисного состояния экономики. Это касалось прежде всего Бельгии, Голландии, Дании.

С целью побудить западноевропейских союзников значительно увеличить военные расходы Соединенные Штаты в начале 80-х годов на заседаниях органов НАТО стали все настойчивее добиваться одобрения так называемой «доктрины Роджерса», сформулированной верховным главнокомандующим объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. Эта доктрина была официально одобрена Комитетом военного планирования НАТО в ноябре 1984 г. Генерал Роджерс предложил ориентировать военную машину НАТО на подготовку ударов обычными вооружениями, приближающимися по своей мощи к ядерному оружию, по глубинным районам стран Варшавского Договора, включая территорию СССР. Свои предложения он пытался представить как панацею от опасности ядерной войны. В действительности ставилась цель: отвлечь внимание общественности от действий НАТО, направленных на размещение в Западной Европе новых американских ядерных ракет, на которые делал главную ставку Пентагон, а заодно и заставить западноевропейских союзников выделить крупные средства на «обычное» оружие. Последние, однако, продолжают сопротивляться требованиям США резко увеличить финансовый вклад в НАТО, хотя кое в чем вынуждены уступать давлению старшего партнера.

Еще один комплекс противоречий возник в НАТО в связи со стремлением США расширить «зону ответственности НАТО». Речь шла о том, чтобы использовать организацию Североатлантического блока для поддержки агрессивных акций Вашингтона на Ближнем Востоке, в Африке, в районе Карибского моря, бассейне Индийского океана, в других районах, объявленных сферами «жизненных интересов» Соединенных Штатов.

Как и в прошлом, США становились в позу защитников тех или иных стран, которым якобы угрожает «советская агрессия». «Мы намереваемся побудить европейских союзников оказать экономическую и военную помощь этим находящимся под угрозой государствам и там, где они могут, предоставить контингенты войск», — заявил, выступая перед конгрессменами, заместитель министра обороны США Р. Комер [44].

Штаб-квартира НАТО в Брюсселе, как всегда, поддержала новые замыслы США. Однако большинство партнеров США по НАТО не выразили желания оказаться втянутыми в авантюры Пентагона, затеваемые за пределами «зоны НАТО». За отдельными исключениями (это прежде всего касается Великобритании, обещавшей Вашингтону активную поддержку), они лишь изъявили согласие увели-

[44] Fiscal Year 1979 Defence Budget Overview. Hearing before the Task Force on National Security and International Affairs of the Committee on the Budget House of Represantatives. 95 Congr., 2nd Ses. Wash., 1978, p. 347.

чить военный вклад в НАТО с тем, чтобы Соединенные Штаты могли усиливать свой военный потенциал в Персидском заливе, в Индийском океане и некоторых других внеевропейских районах.

Обратило, впрочем, на себя внимание участие Канады, Голландии, Бельгии, Великобритании и ФРГ в крупномасштабных военно-морских учениях НАТО «Сейф пасс-82», проведенных впервые в истории этого блока во Флоридском проливе и Мексиканском заливе. Такого рода маневры явно означали уступку требованиям Вашингтона проявить с ним солидарность в связи с усилением его вмешательства в дела стран Карибской зоны Латинской Америки.

Попытки США раздвинуть географические рамки деятельности НАТО нашли отражение в принятой в июне 1982 г. в Бонне Декларации Совета НАТО [45]. Этот документ усилил угрозу безопасности ряду государств Азии, Африки и Латинской Америки и поэтому вызывает серьезную озабоченность мировой общественности.

Явно противоречит интересам укрепления мира и курс США на вовлечение в НАТО новых стран. В ноябре 1981 г. тогдашнее правительство Испании, опираясь на большинство в парламенте, приняло решение о вхождении страны в НАТО. Такое решение вызвало мощные протесты со стороны широких слоев населения. Победившая на парламентских выборах в октябре 1982 г. Испанская социалистическая рабочая партия образовала правительство, объявившее о намерении «заморозить» переговоры об участии Испании в военной организации НАТО и провести в стране референдум об участии в Североатлантическом блоке.

Значительное беспокойство Вашингтона вызывало положение, сложившееся внутри одного из участников НАТО — Греции. В результате парламентских выборов в октябре 1981 г. к власти пришло правительство во главе с лидером партии Всегреческое социалистическое движение А. Папандреу. Одним из основных лозунгов партии в предвыборной кампании был лозунг о пересмотре отношений с НАТО. Папандреу заявил, что видит угрозу для Греции не со стороны Варшавского Договора, а в действиях Турции. Греция выступала против размещения в Западной Европе новых ядерных вооружений, за вывод с ее территории ядерного оружия, высказалась за создание на Балканах безъядерной зоны.

К середине 80-х годов в НАТО продолжали нарастать противоречия между США и их западноевропейскими союзниками по ряду вопросов. О них подробно рассказано, например, в сборниках статей видных политологов стран Запада, таких, как «Союзники в беспокойном мире. Угроза сотрудничеству США и Западной Европы», «Европа и Америка. Конец одной эры» [46]. Авторы подчеркивают, что комплекс «атлантических противоречий» охватывает политические, военные, экономические, социальные и культурные вопросы, что затрудняет единый подход союзников к решению современных проблем. Так,

[45] NATO Review, 1982, N 8, p. 27.

[46] Allies in a Turbulent World: Challenges to US and Western European Cooperation. Lexington, 1982; Europa und Amerika. Ende einer Ara/Hrsg. M. J. Lasky, H. Hegewisch Weinheim; Basel, 1984.

западноевропейские страны — участницы НАТО все громче выражают несогласие с разработанными в США планами «ограниченной ядерной войны» в Европе, с курсом на безудержный рост военных расходов.

Открытое недовольство некоторые партнеры США выражали в связи с провозглашением президентом Р. Рейганом программы стратегической оборонной инициативы (так называемых звездных войн) — курса на милитаризацию космоса. На сессиях Совета НАТО в июне и октябре 1985 г. в Лиссабоне и в Эвере, около Брюсселя, нажим представителей США, требовавших от союзников участия в этой программе, вызвал возражения ряда стран. Они высказывались за необходимость внимательного изучения советских предложений, направленных на предотвращение милитаризации космоса, и за соблюдение заключенного между СССР и США Договора по противоракетной обороне.

Недовольны союзники США и американской политикой протекционизма в торговле, высокими процентными ставками американских банков. Их тревожит произраильский курс США на Ближнем Востоке, препятствующий мирному урегулированию арабо-израильского конфликта. В Западной Европе множатся протесты против агрессивной политики США в Центральной Америке. Вторжение США на Гренаду было единодушно осуждено в западноевропейских странах НАТО. Эти и другие разногласия наносят значительный ущерб сплоченности блока. Бывший главнокомандующий ОВС НАТО в Европе, впоследствии некоторое время занимавший в администрации Рейгана пост государственного секретаря А. Хейг, пришел в 1984 г. к выводу, что существовавшее в НАТО единство по основным вопросам политики и экономики находится в состоянии «дезинтеграции» [47].

В попытках преодоления таких разногласий Вашингтон широко применяет различные методы: с одной стороны, он усиливает давление на союзников, используя свои ведущие позиции в мировой капиталистической экономике и валютно-финансовой системе; с другой — расширяет пропагандистскую кампанию, стремясь запугать союзников мифом о «советской угрозе» и под предлогом ее возрастания принудить их продолжать следовать в фарватере американского империализма.

В осложнившейся международной обстановке Советский Союз и его союзники продолжают умножать усилия, направленные на укрепление разрядки и предотвращение мировой войны. Странам социализма чужда блоковая политика. Они неоднократно заявляли о готовности пойти на роспуск военных организаций Варшавского Договора, если одновременно будут ликвидированы военные организации НАТО, предлагали начать со взаимного сокращения военной деятельности. Эту позицию СССР поддерживают сторонники мира во всем мире — все, кто выступает против гонки вооружений за осуществление мер по реальному разоружению.

[47] *Haig A.* Caveat, Realism. Reagan and Foreign Policy, N. Y., 1984, p. 227.

АГРЕССИВНЫЙ КУРС США В ЗАПАДНОМ ПОЛУШАРИИ

♦

Экономическая экспансия США в Латинской Америке

П. Н. БОЙКО

В. И. Ленин, подчеркивая характерную особенность североамериканского империализма, писал, что «Америка... грабит всех, и она грабит очень оригинально. У нее нет колоний» [1]. Страны Латинской Америки, которые В. И. Ленин относил к типу «политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости» [2], одними из первых стали жертвами такого грабежа, в известном смысле испытательным полигоном североамериканского неоколониализма. Политика США в отношении своих южных соседей полностью подтвердила пророческие слова выдающегося предводителя борьбы латиноамериканских народов за независимость Симона Боливара, который еще в 1829 г. заметил, что Соединенные Штаты, «похоже, само Провидение предназначило для того, чтобы обрушить на Америку напасти, прикрываясь именем свободы» [3].

В империалистической экспансии США в странах Латинской Америки можно выделить ряд этапов и фаз, определяемых как изменениями конкретно-исторических условий мирового развития — прежде всего процессом углубления и обострения развернувшегося после Великой Октябрьской социалистической революции общего кризиса капитализма и происходящими сдвигами на мировой арене, — так и присущими капитализму внутренними особенностями развития на его империалистической стадии.

На заре империалистической эры капиталовложения США в странах Латинской Америки уступали не только капиталовложениям Англии, но и Германии и Франции. В 1897 г. они составляли лишь 308 млн. долл. Это были прямые инвестиции в Мексике и на Кубе. После испано-американской войны 1898 года и фактического превращения Кубы в полуколонию США североамериканские инвестиции

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 67
[2] См.: Там же, т. 27, с. 383.
[3] *Боливар С.* Избранные произведения: Речи, статьи, письма, воззвания, 1812—1830. М., 1983, с. 169.

в Латинской Америке стали быстро возрастать и в 1914 г. достигли 1,6 млрд. долл., в том числе 1,3 млрд. долл. составляли прямые капиталовложения. Основная их доля по-прежнему приходилась на Кубу и Мексику, которые являлись главным районом приложения американского капитала.

Надо заметить, что до второй мировой войны, т. е. в начальный период эпохи империализма и на протяжении первого этапа общего кризиса капитализма, господство империалистических держав и империалистическая эксплуатация народов Латинской Америки осуществлялась в большой мере традиционными методами — через внешнеторговый обмен и захват монополиями экспортных отраслей экономики латиноамериканских стран. С одной стороны, эти государства служили источником сельскохозяйственного и другого сырья, а с другой — рынком сбыта промышленных товаров и сфер приложения капитала. Преобладание таких форм экономической экспансии определяло соответствующие формы экономической зависимости, при которых латиноамериканские государства выступали в роли почти что торговых колоний [4] великих империалистических держав. Однако в результате мирового капиталистического кризиса 1929—1933 гг., вызвавшего сокрушительное потрясение экономики всей капиталистической системы и относительное ослабление позиций империалистических монополий в Латинской Америке (к концу 1939 г. иностранные инвестиции в регионе оказались на 1 млрд. долл. меньше, чем в довоенном 1914 г.), в наиболее крупных странах континента началась так называемая «импортзамещающая индустриализация».

В полную силу процесс «замещения импорта» развернулся в годы второй мировой войны и в период первых послевоенных лет. Он привел к определенной диверсификации производства латиноамериканских стран, расширению их внутреннего рынка и самообеспечению многими товарами, ранее ввозившимися из-за границы.

Но еще до окончания второй мировой войны монополистический капитал США повел новое наступление на латиноамериканском фронте. К 1948 г. он восстановил по общему объему капиталовложений занимавшиеся им до 1929 г. позиции и стал быстро наращивать темпы своего проникновения, обращая «импортзамещающую индустриализацию» в свою пользу. Таблица 1 дает некоторое представление о масштабах и динамике этого проникновения на протяжении последнего полувека.

Вследствие усиления экспансии, а также существенного ослабления своих основных империалистических конкурентов североамериканский капитал уже в первые послевоенные годы стал неоспоримым лидером проникновения в латиноамериканскую экономику. После этого главным препятствием для распространения господства США в Латинской Америке оказалось не соперничество других империалистических держав, а сопротивление национальных сил, народов Латинской Америки. Подавление этого сопротивления становится

[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 383.

ТАБЛИЦА 1

Частные прямые капиталовложения США в странах Латинской Америки (млн. долл.) *

Страна	1929 г	1943 г	1950 г	1961 г	1974 г	1980 г
Аргентина	332	380	355	635	1 138	2 446
Бразилия	193	337	644	1 000	3 760	7 546
Венесуэла	232	373	993	3 017	1 804	1 897
Колумбия	124	117	193	425	617	961
Куба	919	526	642	—	—	—
Мексика	682	286	414	822	2 864	5 940
Панама	28	110	348	468	1 604	3 190
Перу	123	71	144	437	900	1 668
Чили	422	328	540	725	287	306
Другие страны	404	297	459	637	6 517	14 321
в т. ч. Берму и Багамские о-ва	...	...	...	...	3 027 **	13 575 **
Всего	3 462	2 721	4 735	8 166	19 491	38 275

* *Mikesell R. F.* Inversiones extranjeras en América Latina. Wash., 1956; Survey of Current Business, Aug. 1963, Aug. 1976, Aug. 1981.

** Капиталовложения в основном в финансовую сферу.

впредь основным содержанием политического курса американского империализма на латиноамериканском континенте.

Среди чисто экономических особенностей послевоенной экспансии монополистического капитала США в страны Латинской Америки обращает на себя внимание стремление североамериканских монополий подчинить процесс «импорзамещающей индустриализации» своему контролю. Уже в 1950—1952 гг. произошел резкий прирост капиталовложений США в обрабатывающую промышленность латиноамериканских стран. Доля этих вложений в общем объеме частных прямых инвестиций Соединенных Штатов в регионе достигла 20 %. К 1961 г. объем американских капиталовложений в обрабатывающую отрасль региона превысил 1,6 млрд. долл., хотя их доля в общей сумме инвестиций продолжала оставаться на уровне десятилетней давности в связи с одновременным существенным приростом инвестиций в нефтяную и горнодобывающую промышленность. Это лишь свидетельствует о том, что на данном этапе монополистический капитал США вовсе не собирался отказываться от традиционных сфер приложения капитала. Он сохранял и усиливал в регионе черты традиционной полуколониальной и зависимой экономической структуры, преодоление которых, казалось бы, наметилось с развертыванием «импортзамещающей индустриализации».

Но уже в 50-е годы захват «динамичных», наиболее перспективных отраслей латиноамериканской промышленности стал одним из характерных элементов неоколониалистской стратегии североамериканского капитала. При этом проникновение в отрасли, которые, по меткому выражению видного аргентинского исследователя Х. Фучса, «замещают импорт, но не освобождают нас от зависи-

мости» [5], представляло собой не что иное, как захват иностранными монополиями внутреннего рынка латиноамериканских стран изнутри, и, не устраняя их экспансии по традиционным каналам международного капиталистического рынка, дополнило ее прямой экспансией на внутреннем рынке.

Следует остановиться на одной важной особенности этого процесса, проявившейся уже в самом его начале и определившей затем одну из наиболее характерных черт неоколониалистской стратегии империализма на всех последующих этапах. Дело в том, что свою политику по завоеванию местного рынка изнутри североамериканский монополистический капитал проводил с активным привлечением к ней верхних слоев латиноамериканской буржуазии. Распространенной формой такого «делового» сотрудничества явилось создание так называемых «смешанных предприятий». Так, в отчете консультативной группы, исследовавшей по поручению Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛА) и Организации американских государств (ОАГ) в конце 50-х годов вопрос о частных иностранных инвестициях в Латиноамериканской зоне свободной торговли, отмечалось, что «в последние годы очень усилилась тенденция к образованию смешанных предприятий». «Нет данных о численности смешанных предприятий ... хотя в опубликованном в 1958 г. в Бразилии сборнике называется цифра 1496 предприятий такого типа, — говорилось в другой части этого исследования. — Общая сумма капиталов этих предприятий достигла примерно 650 млн. долл., что означает более 20 % всех прямых иностранных капиталовложений в Бразилии. Данные, представленные Мексиканским банком о своей стране, свидетельствуют, что там 11 % всех новых прямых иностранных инвестиций между 1950 и 1957 гг. были сделаны в смешанные предприятия» [6].

Усиление экспансии североамериканского монополистического капитала на гребне развернувшегося в странах Латинской Америки процесса «замещения импорта» вскоре привело к тому, что не только внутренний рынок и важнейшие отрасли хозяйства этих стран были поставлены под контроль американских трестов, но и сам процесс промышленного развития, осуществляясь под эгидой и в интересах иностранных монополий, приобрел деформированный, однобокий характер, как и вся экономическая структура развивающихся латиноамериканских государств.

В этом кроется глубинная причина резкого обострения к концу 50-х годов структурного кризиса в Латинской Америке, который все явственнее начинал выступать как кризис капиталистического пути развития [7]. В сущности, экспансия монополистического капитала США после второй мировой войны подавляла бурно вспыхнувший в период ослабления империалистического диктата процесс развития раннекапиталистических форм, прежде всего мелкотовар-

[5] *Fuchs Jaime.* Argentina, su desarrollo capitalista. Buenos Aires, 1965, p. 369.
[6] N. U. Las inversiones privadas extranjeras en la Zona Latinoamericana de Libre Comercio. México, 1960, p. 17.
[7] См. подробнее: *Бойко П. Н.* Латинская Америка: экспансия империализма и кризис капиталистического пути развития. М., 1973.

ного и среднего производства, форм «классического» капитализма. Международный монополистический капитал становился теперь для латиноамериканских стран не только внешним, но и внутренним фактором, а противоречия с империализмом США все более наглядно представали не только как противоречия внешнего характера, но и как противоречия внутреннего развития.

На рубеже 50-х и 60-х годов, в условиях крушения колониальной системы империализма, дальнейшего углубления и обострения вступившего в новый этап общего кризиса капитализма и существенного изменения соотношения сил между двумя противоположными общественно-экономическими системами, при котором социализм все более выступает как определяющий фактор мирового развития, развернувшиеся в Латинской Америке социально-экономические и политические процессы привели здесь к качественно новой ситуации. Высшим олицетворением наступивших перемен стала революционная Куба. «Кубинская революция, — отметило Международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г., — разорвала цепь империалистического гнета в Латинской Америке и привела к созданию первого социалистического государства на Американском континенте, ознаменовав исторический поворот и открыв здесь новый этап революционного движения» [8].

Империалистические круги отдавали себе отчет в том, что означал пример Кубы в условиях углубления противоречий социально-экономического развития, усиления тенденции к замедлению темпов экономического роста и недовольства не только среди трудящихся, но и среди значительной части местной буржуазии латиноамериканских стран. Империализм столкнулся с необходимостью приступить к существенному пересмотру приемов и методов своей неоколониалистской стратегии, к принятию срочных мер, чтобы, как тогда говорили его идеологи, ответить на «вызов судьбы», подразумевая под таким вызовом пример Кубы.

Так родилась стратегия «капиталистической модернизации», первоначально воплотившаяся в программе «Союза ради прогресса». Цель ее состояла в том, чтобы предотвратить рост влияния Кубинской революции на континенте, упрочить поколебленные позиции империализма и удержать страны региона в русле капиталистического развития как составные звенья неоколониальной системы империалистической эксплуатации. Большое место в новой стратегии было отведено подновлению и упрочению расшатывавшейся социальной опоры империалистического влияния на местах, прежде всего скреплению альянса с латиноамериканской национальной буржуазией, которая выступала все настойчивее с требованиями развития национальной промышленности, различными проектами частичных реформ, таких, как введение государственного регулирования и программирования экономики, создание региональной интеграции и др. Монополистической верхушке США пришлось менять свое прежнее

[8] Международное Совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. М., 1969, с. 314.

отрицательное отношение к таким проектам и даже объявить о своей готовности содействовать экономическому развитию континента, пообещав направить на эти цели в ближайшее десятилетие 20 млрд долл. «Эта сумма, — заметил Эрнесто Че Гевара, возглавлявший кубинскую делегацию на совещании в Пунта-дель-Эсте (1961 г.), на котором Соединенными Штатами была видвинута широковещательная программа „Союза ради прогресса", — составляет $^{2}/_{3}$ той, которую наш премьер-министр назвал в качестве необходимой для развития Латинской Америки. Еще чуть-чуть . . . и получилось бы 30 млрд.» [9].

Основную опору империализма в проведении курса на капиталистическую «модернизацию» в Латинской Америке составляли наиболее консервативные национал-реформистские круги местной буржуазии, а также реакционная военная верхушка. В Бразилии (1964 г.) и Аргентине (1966 г.) к власти пришли военные режимы, которые настежь открыли ворота для иностранного капитала. В результате только прямые частные капиталовложения США увеличились в экономике Аргентины к 1974 г. примерно в полтора раза, а в Бразилии — почти в четыре раза по сравнению с началом 60-х годов (см. табл. 1). Бразилия вышла на первое место среди латиноамериканских государств по общему объему частных прямых инвестиций США.

Общие же капиталовложения США в Латинской Америке увеличились с 1960 по 1974 г. в четыре раза, причем главным образом в форме кредитов и займов, прежде всего частных (за счет портфельных инвестиций), как это можно проследить по табл. 2.

ТАБЛИЦА 2

Капиталовложения США в Латинской Америке (млрд. долл. на конец года) *

Год	Частные инвестиции			Государственные кредиты и займы	Все капиталовложения
	прямые	портфельные	все частные инвестиции		
1960	7,4	3,1	10,5	2,0	12,5
1968	11,0	8,6	19,6	5,3	24,9
1974	19,5	20,2	39,7	8,3	48,0
1976	23,9	46,3	70,2	10,0	80,2
1980	38,2	111,8	150,0	11,8	161,8

* Survey of Current Business, Aug 1962, Aug. 1970; Aug 1976, 1978, 1981

Нельзя не отметить, что бóльшая часть этих вложений США была направлена в Бразилию. Достаточно сказать, что только по государственной линии бразильское правительство получило с 1964 по 1972 г. экономическое содействие в объеме 2,5 млрд. долл., что позволило ему, в частности, увеличить долю государственных инвестиций с 39 % в 1960/61 г. до 52 % в 1969/70 г. По свидетельству ЭКЛА,

[9] *Che Guevara E.* Obras, 1957—1967. La Habana, 1970, t. 2, p. 437.

благодаря небывалому притоку внешних средств участие Бразилии в латиноамериканском импорте возросло с 16 % в 1969 г. до 23 % в 1972 г.[10] Бразилия стала «привилегированным союзником» США на латиноамериканском континенте.

Этот «избирательный подход» явился новым элементом, привнесенным в стратегию капиталистической «модернизации» американским империализмом после того, как программа «Союза ради прогресса» обнаружила свою несостоятельность и положение латиноамериканских стран становилось все более неустойчивым. Темпы экономического роста по региону в целом (вместо обещанных по программе 2,5 % в среднем в год на душу населения) составляли в 1960—1968 гг. всего лишь 1,8 % и оказались ниже, чем в предыдущее десятилетие. Судя по всему, в таких условиях и было решено правящей олигархией США сконцентрировать усилия на крупнейшей стране региона. Подоплека такой ориентации была раскрыта и выражена затем в формуле американских стратегов: «Куда пойдет Бразилия, туда пойдет вся Латинская Америка».

Огромный приток иностранного капитала, активное вмешательство в экономику со стороны государства, проводившего целенаправленную политику концентрации доходов на основе нещадной и растущей эксплуатации трудящихся, заложили основу так называемой «бразильской модели развития», рекламированной на фоне «бразильского экономического чуда» как образец для всеобщего подражания странам не только Латинской Америки, но и всего развивающегося мира.

Нельзя отрицать важной роли, которую сыграли отмеченные факторы, особенно государство и государственный сектор экономики Бразилии, в ускорении темпов экономического роста страны. Но ничто так не способствовало довольно продолжительному экономическому подъему с высокими показателями прироста валового внутреннего продукта (ВВП) не только Бразилии, но и Латинской Америки в целом (1968—1973 гг.: Латинская Америка — 7 %, Бразилия — свыше 11 %), как сложившаяся в конце 60-х—начале 70-х годов конъюнктура общего экономического оживления в капиталистическом мире.

Однако после наступления в экономике США явлений так называемой «стагфляции» для латиноамериканских стран также начался период экономических неурядиц. В самой Бразилии в 1974—1975 гг. наметилась тенденция ко все большему замедлению темпов роста ВВП, которые в 1975 г. составляли 5,6 %, в 1977 г. — 4,7, а в 1981 г. впервые за всю послевоенную историю Бразилии ВВП сократился абсолютно на 3,6 %. «Бразильская модель» очень скоро оказалась в фазе кризиса. Она, по замечанию ЭКЛА, «не могла не обнаружить свою сильную взаимосвязь с развитием ситуации в группе стран, которые определяют колебания в мировой экономической системе, свою зависимость от этих стран» [11]. Иными словами, никакая модель,

[10] N. U. Estudio económico de América Latina 1972. N. Y., 1974, p. 21.
[11] N. U. Estudio económico de América Latina 1975. Santiago de Chile, 1976, p. 114.

основанная на политике «открытых дверей» для хищнической деятельности международного монополистического капитала, не в состоянии преодолеть неумолимые противоречия, присущие капиталистическому развитию в условиях экономической зависимости от империализма и в рамках его неоколониальной системы эксплуатации и господства.

Зависимость экономического роста региона от поступления средств из-за границы возрастала в такой степени, что к 1971 г. доля иностранных инвестиций в общих капиталовложениях латиноамериканских стран превысила 10 % [12]. В Бразилии доля иностранного, прежде всего североамериканского, акционерного капитала в обрабатывающей промышленности увеличилась с 18,9 % в 1965 г. до 28,6 % в 1975 г.[13] А в Мексике, согласно сведениям Национального банка внешней торговли, обосновались 412 иностранных компаний, принадлежащих крупнейшим корпорациям США. Они, писала 15 ноября 1971 г. мексиканская газета «Эксельсиор», «импортируют технологию, не передавая ее нашей стране, и накладывают дополнительное бремя на наш платежный баланс . . . не считаются с национальными интересами» и «с целью освободиться от выплаты налогов вывозят свои прибыли под видом выплат за техническое обслуживание».

Именно в ходе капиталистической «модернизации» вывоз технологии стал одной из главных форм неоколониалистской экспансии монополистического капитала США в страны региона. Монополия на технологию превратилась в один из важнейших рычагов подчинения последних диктату североамериканских корпораций и извлечения дополнительной монопольной сверхприбыли. Новыми приемами «промышленного неоколониализма» США стали также организация производства с незавершенным циклом, перенесение в латиноамериканские страны, как и в другие развивающиеся государства, наиболее материалоемких и «грязных» отраслей промышленности (металлургической, химической и др.) и ориентация этих отраслей на рынок развитых капиталистических государств.

Капиталистическая «модернизация» под эгидой американских монополий усилила не только внутриотраслевые, межотраслевые, но и региональные диспропорции развития промышленности и всего хозяйства латиноамериканских стран. Дальнейшая концентрация промышленного производства шла в основном вокруг крупных городов. Все более разительным становился контраст между немногими центрами индустрии и периферией, между «полюсами развития» и внутренними областями. Неизбежным следствием такого явления в условиях хронического аграрного кризиса и застоя сельского хозяйства стали потоки мигрантов из сельской местности, новые трущобы вокруг городов, новые массы «маргинального» населения, не имеющего ни крова, ни работы, ни хлеба. Богатые становились все богаче, а бедные все беднее. Одновременно усилился процесс

[12] N. U. América Latina y la estrategia internacional de desarrollo. Segunda parte. Quito, Ecuador, 1973, p. 100.
[13] N. U. Estudio económico de América Latina 1976. Santiago de Chile, 1977, p. 88.

расслоения самой национальной буржуазии — все плоды «делового» сотрудничества с финансовой олигархией США и международным монополистическим капиталом доставались все более узкой группе местной элиты.

В первой половине 70-х годов наметилось новое усиление экономических противоречий и обострение кризиса мировой капиталистической системы.

Наряду с этим сложилась новая ситуация в Латинской Америке. Неравномерность экономического развития, рост внутренних контрастов и антагонизмов, общая зависимость континента от североамериканского капитала достигли новых масштабов, придавая новую глубину и остроту развертывающемуся здесь кризису капиталистического пути развития.

Стратегия капиталистической «модернизации» зашла в тупик. Разумеется, откликнувшись на требования латиноамериканской буржуазии и взяв курс на «содействие прогрессу» стран региона, североамериканская монополистическая олигархия вовсе не заботилась о нуждах подлинного социально-экономического развития континента. Она пеклась прежде всего о том, как изменить здесь складывавшуюся не в ее пользу расстановку классовых и политических сил, поставить под свой контроль неотвратимые тенденции, диктуемые объективными экономическими потребностями, подчинить их целям своей неоколониалистской политики и империалистического диктата.

Но в осуществлении этих целей империализм потерпел ряд неудач. После провала «Союза ради прогресса», а вслед за этим и проектов социал-реформистских кругов в целом ряде стран Латинской Америки (Перу, Панаме, Боливии и др.) уже к концу 60-х годов к власти пришли правительства во главе с «новыми военными», которые начинали осуществлять прогрессивные социально-экономические преобразования национально-демократического и антиимпериалистического типа. Крупнейшим ударом для «мирной регулируемой революции» стало поражение на президентских выборах 1970 г. буржуазно-реформистских проимпериалистических кругов и приход к власти правительства Народного единства в Чили. Последовавший здесь в 1973 г. реакционный проамериканский военный переворот (как и в Боливии в 1971 г.) явился лишь подтверждением того, что никаких иных аргументов в свою пользу империализм не смог выставить, кроме экономического саботажа, диверсий, подкупа и грубого насилия военной машины.

Наряду с этим потерпела крах организованная Соединенными Штатами блокада Кубы. Многие латиноамериканские страны восстановили дипломатические и торговые отношения с Островом свободы. Впервые была создана общеконтинентальная организация — Латиноамериканская экономическая система (ЛАЭС), включающая практически все страны региона, в том числе Кубу, но без участия США. Тенденция к проведению самостоятельного курса на международной арене все более укреплялась во многих государствах Латинской Америки, не исключая Бразилию, на которую империализм США делал в своей латиноамериканской и глобальной стратегии особую

ставку. В условиях растущих экономических трудностей и дискриминационных мер американского правительства в связи с обострившимся в капиталистическом мире экономическим кризисом, образовывалась все бóльшая брешь в, казалось бы, нерушимом альянсе между империализмом США и правящими кругами крупнейшей латиноамериканской страны, в которой теперь — в противовес утверждениям основателей бразильского военного режима, пропагандированным прессой в первые годы после военного переворота, — полностью укоренилось сознание, что далеко не «все, что хорошо для Соединенных Штатов, хорошо для Бразилии». Сильнейший удар по позициям североамериканского капитала нанесла в середине 70-х годов развернувшаяся в странах региона национализация природных богатств и ряда отраслей — меднорудной промышленности в Чили, нефтяной — в Перу, нефтяной и железорудной — в Венесуэле и др.

Все эти процессы обозначили различные вехи заката империалистической стратегии, основанной на «содействии развитию», и предопределили ее последующую трансформацию в стратегию неприкрытого неоколониализма и экономического диктата.

Основные аспекты новых направлений экономической стратегии Вашингтона в отношении латиноамериканских стран были довольно недвусмысленно сформулированы специальной комиссией США по связям с Латинской Америкой в виде рекомендаций сменившему республиканскую администрацию правительству Картера. В представленном докладе особый упор делался на финансовые темы. Согласно рекомендациям комиссии, новая администрация должна была прекратить финансирование стран региона по линии двусторонних государственных соглашений (прежде всего это касалось самых крупных стран) и перенести центр тяжести на «вненациональное» финансирование в рамках системы, «лучше всего приспособленной к частной инициативе». В сущности, речь шла о том, чтобы, с одной стороны, лишить латиноамериканские страны возможности использовать наиболее льготные и такие формы приложения американского капитала, которые позволяли им, как в случае с Бразилией, расширять и укреплять в какой-то мере государственный сектор экономики, составляющий основу самостоятельного развития, а с другой — утвердить над экономикой и экономической политикой этих стран прямой контроль североамериканских транснациональных корпораций (ТНК) финансового капитала.

Сформулированный в этих рекомендациях курс отразил тенденцию, которая становилась уже доминирующей в общем направлении экономической экспансии США в Латинской Америке и в мире в целом. Об этом можно судить по табл. 3.

Сразу бросается в глаза небывалый рост доли портфельных частных инвестиций — с 29,4 % в 1971 г. до 69,2 % в 1980 г. А заграничные портфельные инвестиции — вклады в виде ценных бумаг, краткосрочных и долгосрочных процентных кредитов и займов и пр. — представляют как раз такой способ экономической экспансии монополистического капитала, который, избавляя от всяких пред-

ТАБЛИЦА 3

Структура капиталовложений США в Латинской Америке по видам инвестиций (% на конец года) *

Год	Частные инвестиции		Государственные	Все капиталовложения
	прямые	портфельные		
1971	49,6	29,4	21,0	100
1974	40,6	42,2	17,2	100
1976	29,8	57,8	12,4	100
1980	23,6	69,2	7,2	100

* *Подсчитано по* Survey of Current Business, 1973, 1976, 1978, 1981

варительных компромиссов и уступок (определяющих черту государственного инвестирования), дает ему возможность добиваться непосредственного контроля над экономикой или над частью хозяйственного механизма той или иной страны и подчинения хозяйственной структуры интересам извлечения монопольно высокой прибыли и системе распределения всей массы капиталистической прибыли и национального богатства «по силе» — через простую «стрижку купонов».

Следует заметить, что доля частных портфельных инвестиций США в общем объеме капиталовложений в 70-е годы возросла в капиталистическом мире с 28,0 % в 1971 г. до 49,6 % в 1980 г., т. е. примерно в 1,7 раза, при одновременном падении доли государственных инвестиций с 25,8 до 14,9 %, а прямых частных — с 46,2 до 35,3 % [14]. Латинская Америка, однако, заняла особое место на новой фазе империалистической экспансии: в отличие от превалировавшей на протяжении многих лет тенденции в рассматриваемый период доля инвестиций США, размещенных в Латинской Америке, увеличилась в общей сумме всех североамериканских капиталовложений за границей с 17,7 до 26,7 %. Причем удельный вес портфельных инвестиций вырос более чем в два раза при одновременном сокращении доли прямых и государственных капиталовложений соответственно в два и три раза.

Отмеченные факты свидетельствуют, в частности, о том, что Латиноамериканский континент вновь занял важное место в приоритетах глобальной политики империализма США как «тыл», который потребовал приложения растущих усилий в связи с развернувшимися здесь не только политическими, но и экономическими процессами. Вместе с тем в Латинской Америке в наиболее выраженной форме проявились некоторые характерные сдвиги в функционировании всей системы империалистической эксплуатации и господства с вытекающими из этого последствиями. Сокращение доли государственных капиталовложений в пользу частных инвестиций свидетельствовало об отходе от методов государственно-монополистического регулирования процесса извлечения и перераспределения монопольной сверх-

[14] Подсчитано по: Survey of Current Business, 1973, 1981.

прибыли в сторону его «либерализации» и в интересах частномонополистического капитала с соответствующим усилением стихийности этого процесса, ведущим к необычайному углублению и обострению в дальнейшем всех его противоречий. Относительное уменьшение прямых капиталовложений в пользу портфельных инвестиций, т. е. спекулятивных сделок финансового капитала, это не что иное, как относительное сокращение производительного капитала в современной капиталистической системе, обострение борьбы за распределение и перераспределение капиталистической собственности и новое усиление загнивания и паразитического характера капитализма.

Все это связано с необычайным ростом концентрации и централизации капитала под эгидой международных монополий и с существенными изменениями в самой органической структуре последних. Подтверждение тому — положение, которое в рассматриваемый период заняли в Латинской Америке, как и во всей мировой капиталистической экономике, североамериканские ТНК — гигантские монополистические объединения, представляющие собой качественно новую ступень и наиболее завершенную форму слияния банковского, промышленного и торгового капитала. Каждая транснациональная корпорация образует единую централизованную и довольно диверсифицированную многоотраслевую монополистическую структуру со своими звеньями во многих странах и регионах капиталистического мира. Все вместе ТНК составляют современную элиту монополистического капитализма [15]. Так, три четверти вложенного в Латинской Америке североамериканского частного капитала приходятся на 200 транснациональных корпораций США. В Мексике 10 американских монополий контролируют половину всех инвестиций Соединенных Штатов. Как отмечается во многих исследованиях, в том числе в работах советских авторов, североамериканские ТНК в Латинской Америке обладают огромным производственным и финансовым потенциалом, весьма интенсивной системой международных связей, широкими возможностями воздействия не только на экономические процессы, но и практически на все стороны жизни стран континента [16].

Становление ТНК как господствующей в латиноамериканской и мировой капиталистической экономике наднациональной, надгосударственной силы[17] привнесло существенные изменения во всю систему империалистического господства и эксплуатации в сторону более полного ее подчинения интересам элиты монополистического капитала, создавшей в 1973 г. свой стратегический штаб — «трехстороннюю», или «триконтинентальную», комиссию транснациональных корпораций США, Западной Европы и Японии. Оно предопре-

[15] Подробнее о ТНК см. выше статью Астаповича А. З. «Экономическая экспансия США».

[16] США и Латинская Америка. М., 1978.

[17] Транснациональные сверхмонополии «представляют собой возрастающую угрозу для национальной независимости и экономической самостоятельности даже развитых капиталистических стран, не говоря уже о менее развитых» (Мировая экономика и междунар. отношения, 1979, № 6, с. 21).

делило подчеркнуто глобальный, всеобъемлющий характер новых стратегических установок империализма, новые черты и главные направления его экспансии во всем мире и в Латинской Америке в условиях углубления и обострения кризиса капиталистической системы.

Новая глобальная стратегия империализма, как и создание «триконтинентальной» комиссии ТНК, была нацелена в значительной мере на то, чтобы притупить раздирающие монополистическую элиту и весь капиталистический мир острые противоречия, более интенсивно используя объективно развивающиеся процессы международной специализации и кооперирования. При этом попытки одностороннего обращения растущих мирохозяйственных связей в пользу ТНК увязываются с так называемым «новым международным капиталистическим разделением труда», т. е. новым разделом и переделом всего хозяйственного пространства капитализма, в том числе в Латинской Америке и в развивающихся странах, с целью его дальнейшего освоения и полной интеграции в некую наднациональную систему под эгидой транснациональных монополий. В отношении латиноамериканских и других развивающихся стран под убедительным внешне предлогом необходимости более эффективного их включения в современную структуру мирового хозяйства для ускорения общих темпов экономического роста поставлена цель установить в создавшихся условиях мирового развития более полный и непосредственный контроль ТНК над экономической и общественно-политической жизнью этих стран за счет «привязывания», подчинения или прямой маргинализации местного капитала и других секторов национальной экономики, по-новому «вписать» каждую страну в сферу влияния соответствующей специализированной группы транснациональных корпораций и в общую «обновленную» систему неоколониальной эксплуатации и империалистического господства.

Универсальной методологической основой, предписывающей пути и методы интегрирования каждой страны в новую экономическую структуру капиталистического мира, были провозглашены неолиберальные постулаты «чикагской школы», среди которых особо следует выделить принципы «открытой экономики», подсобной роли государства и госсектора и следования монетаристской политике как уникальному методу экономического регулирования.

Данная стратегия, в преломлении к тем латиноамериканским и другим развивающимся странам, в которых госсектор достиг значительных масштабов, предполагает обязательное его ослабление в целях подчинения всего хозяйственного механизма интересам ТНК. Другое дело, что такие устремления довольно ограниченных групп встречают большое сопротивление со стороны широких общественно-экономических и социально-политических сил, и даже в Чили до сих пор ставленникам транснациональной монополистической элиты США не удалось добиться приватизации национализированной при правительстве Народного единства меднорудной промышленности.

Нельзя недооценивать и значение проповеди и практического применения монетаристской политики, придающей особую изощренность механизму неоколониальной эксплуатации. Именно применение монетаристских рецептов «чикагской школы» якобы для обеспечения «свободного действия» рыночных законов наилучшим образом подключает национальные финансовые системы к общему механизму «стрижки купонов» транснациональным монополистическим капиталом. Оно обеспечивает интенсивное использование этих систем для получения максимальных прибылей ТНК за счет всех отсталых секторов национальной экономики, дальнейшую и беспрецедентную по своим масштабам концентрацию капиталистической собственности в ТНК, присвоение ими и сотрудничающей с ними небольшой группой местной олигархической элиты все большей части национального дохода за счет, прежде всего, трудящихся Латинской Америки, а также ограбления и разорения растущей части местных предпринимателей, всех прочих слоев и социальных групп латиноамериканского общества. К концу 70-х годов 44 % национального дохода региона концентрировались в руках прослойки, составлявшей не более 10 % населения, а более 100 млн. латиноамериканцев не имели достаточно средств; «чтобы удовлетворить свои элементарные потребности» [18]. Все большая часть производимых в странах материальных благ уплывала за границу, прежде всего в США, в порядке выплат процентов по внешней задолженности, через механизм «трансфертных цен» ТНК, неэквивалентный обмен и по другим каналам.

Некоторые результаты новой стратегии империализма и экономической экспансии ТНК с точки зрения их последствий для социально-экономического развития латиноамериканских стран подведены в принятом в мае 1981 г. сессией ЭКЛА документе, наметившем программу регионального развития на текущее десятилетие.

Отмечая усиление «негативных последствий нынешних форм включения» латиноамериканских стран в структуру рыночной экономики высокоразвитых капиталистических государств, ЭКЛА подчеркивает «детерминирующую в этом роль транснациональных корпораций, а также частных банков и международных финансовых учреждений» [19]. «Транснациональные корпорации, — говорится в документе, — пренебрегают в своей деятельности теми принципами, которых придерживается международное сообщество и которые определены Хартией экономических прав и обязанностей государств. Тот факт, что весьма существенная часть импорта, внешнего финансирования и внедряемой технологии приходится на эти корпорации, так же как и их ограниченное участие в поощрении экспорта, составляет коренную причину неравновесия и зависимости экономик многих латиноамериканских стран от внешних факторов, усиления деформации их хозяйственной структуры» [20].

[18] Notas sobre la economia y el desarrollo de América Latina. Santiago de Chile. N 341/342, 1981, jun., p. 3.
[19] Ibid., p. 1, 2.
[20] Ibid., p. 2.

В документе приводятся основные данные о последствиях функционирования «асимметричной структуры внешнеэкономических связей», т. е. проникновения транснационального монополистического капитала в латиноамериканские государства: дефицит платежного баланса по текущим расчетам увеличился за истекшее десятилетие в среднем до 3,3 % ВВП латиноамериканских стран против 1,9 % в 60-е годы, а выплаты по внешней задолженности, которая возросла с 10 млрд. долл. в 1965 г. до 150 млрд. долл. в 1980 г., вместе с вывозом прибылей на вложенный иностранный капитал стали поглощать примерно 45 % стоимости всего латиноамериканского экспорта [21].

Иными словами, происходит небывалое усиление ограбления латиноамериканских наций. Все страны континента являются данниками транснационального монополистического капитала, и прежде всего монополистической элиты США. Самые различные социально-классовые слои каждой нации, за исключением узкой ассоциированной с ТНК олигархической прослойки, становятся, хотя и в неодинаковой мере, плательщиками дани. Противоречие с империализмом в эпоху ТНК приобретает общенациональный характер.

Социально-экономическую основу этого противоречия гениально сформулировал В. И. Ленин в своей критике каутскианской теории «сверхимпериализма»: «Теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом... что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими „операциями“ (и гигантскими прибылями) финансового капитала и „честной“ торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью — с другой, и т. д.» [22] Это универсальное для характеристики самых глубоких и коренных противоречий капиталистической системы империалистической эпохи ленинское положение приобретает тем большее значение в сегодняшней Латинской Америке, где элита финансового капитала, в лице прежде всего североамериканских ТНК, обирает получившую широкое развитие «честную» торговлю, «честное» мелкое предпринимательство, и значительную часть местной «независимой» или менее удачливой крупной буржуазии. Причем указанное противоречие становится еще глубже, когда дело доходит, особенно в условиях кризиса и экономического передела, до нарушения «партнерства» ТНК даже с бывшими «привилегированными союзниками», которые в новых условиях перестают выступать в качестве таковых и также становятся жертвами сделок транснациональной финансовой элиты.

Какие же аргументы в пользу ТНК выдвигают их апологеты? В сущности только одни: ТНК — носители передовой технологии, высокой экономической эффективности, научно-технического про-

[21] Ibid.
[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 415.

гресса [23]. Но ТНК не носители, а монополизаторы как научно-технического прогресса, так и «эффективности». То, что выдается за благо, в действительности основано на коренном пороке частнокапиталистической монополии вообще — на частном присвоении результатов общественного труда. Порок этот нигде не вступает в столь явное и безысходное противоречие с общественным характером труда, как в условиях ТНК. Сейчас он более, чем когда-нибудь раньше, представляет огромную угрозу для всего человечества. Гонка вооружений, стремление к извлечению все большей массы прибыли, к мировой гегемонии и господству есть не что иное, как следствие глубочайшего загнивания монополистического капитализма на его современной стадии и растущей роли ТНК в капиталистическом мире.

Что же касается осуществляемой транснациональным монополистическим капиталом стратегии «нового» международного капиталистического разделения труда, то для развивающихся и экономически зависимых стран Латинской Америки она означает дальнейшее подчинение их экономики интересам ТНК на путях еще большего усиления эксплуатации экономических, природных и людских ресурсов данных государств, новую ступень их закабаления с целью превращения, в соответствии с устремлениями империалистических стратегов, в простые придатки ТНК, в низшие звенья механизма извлечения монопольной сверхприбыли североамериканским и другим иностранным монополистическим капиталом. Именно система ТНК, применительно к странам Латинской Америки и другим развивающимся государствам, позволяет в наиболее полном виде приспособить всю хозяйственную их структуру под этот механизм неоколониальной эксплуатации, извлекать максимальную выгоду путем комплексного применения всех форм экономического проникновения и господства, сочетать самые изощренные из них с методами неприкрытого экономического и политического диктата и прямого захвата. Посредством такой системы целые государства превращаются по существу в филиалы ТНК. «Фактория или нация?» — этот вопрос, поставленный аргентинскими коммунистами в 1979 г.[24], приобретает все более жгучую актуальность для всех народов Латинской Америки.

Сопротивление империалистическому засилью со стороны стран региона, Азии и Африки неуклонно растет. Как сказано в новой редакции Программы КПСС, народы этих стран «продолжают упорную, справедливую борьбу против неоколониализма, вмешательства в свои внутренние дела, против расизма и апартеида. Это сопротивление объективно смыкается с общей антиимпериалистической борьбой народов за свободу, мир и социальный прогресс» [25].

[23] Этот аргумент небезуспешно используется проводниками «линии ТНК», в частности, в рамках «международных» финансовых организаций при выделении «официальных» кредитов латиноамериканским и другим развивающимся странам.

[24] См.: *Ghioldi R., Iscaro R., Tadioli P., Pereyra J., Rodríguez I., Nadra F., Arévalo O.* Plan alternativo para salir de la crisis. Modernizar e independizar la economía nacional. Buenos Aires, 30 de abril de 1979.

[25] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.; 1986, с. 135.

Классовая борьба пролетариата в странах Латинской Америки сливается с общенациональной борьбой против империализма. Никогда коренные задачи рабочего класса не переплетались так тесно с общенациональными задачами обеспечения самостоятельного социально-экономического развития и национального обновления. В сущности, борьба за право на самостоятельное национальное развитие в современных условиях Латинской Америки — это борьба против империалистического диктата США, против транснационального монополистического капитала и навязываемой им неоколониальной системы эксплуатации и господства; это форма проявления борьбы наций за право на самоопределение — за право наций на свободное отделение от этой системы, установленной империализмом США.

С точки зрения внутренних факторов это есть борьба против занятых в экономике позиций ТНК и связанной с ними местной олигархической элиты, за укрепление национальных секторов экономики — прежде всего государственного сектора — и за создание экономической структуры переходного типа, открывающей путь к становлению новой общественно-экономической формации.

В свете изложенного выше становится понятным то особое место, которое Латинская Америка стала занимать в глобальной стратегии империализма с приходом в Белый дом самых агрессивных, самых реакционных кругов финансовой олигархии США. Подход правительства Р. Рейгана к странам региона весьма четко определен в так называемом «документе Санта-Фе» — специальном докладе, подготовленном в 1980 г. для новой американской администрации. Название этого доклада говорит само за себя: «Межамериканские отношения — щит безопасности нового мира и меч, проектирующий глобальную мощь Соединенных Штатов» [26]. В «документе Санта-Фе» без обиняков говорится: «Это полушарие пока еще является половиной земного шара, нашей половиной, американской половиной. Наше геостратегическое будущее — экономическое, социальное и политическое — должно обеспечиваться системой безопасности, охватывающей все полушарие» [27].

Для создания такой «системы безопасности» авторы доклада предлагали прямое вмешательство во внутренние дела латиноамериканских государств, «доказывали» необходимость укрепления «оборонительной системы» в Южной Атлантике в рамках НАТО и т. д. Развязанная администрацией Рейгана кампания против Кубы, Никарагуа, вмешательство в дела Сальвадора, кровавое вторжение на Гренаду — составная часть курса Белого дома в Латинской Америке. На современном этапе империализм посягает на независимость

[26] Такое название дано изданию документа на испанском языке: Las relaciones interamericanas: escudo de la seguridad del nuevo mundo y espada de la proyección del poder global de Estados Unidos. Informe elaborado por el Comité de Santa Fe (EE. UU.) mayo de 1980, por encargo del Consejo para la Seguridad Interamericana y redactado por L. Francis Bouchey, Roger W. Fontaine, David C. Jordan, Gordon Summer, Lewis Tabs, ed. e Introducción de Ronald F. Docksall.

[27] Цит. по: Problemas de Economía, Buenos Aires, 1981, Nov.-Dic., N 68, p. 4

и самоопределение латиноамериканских стран не только в силу своей органической несовместимости со свободой и самоопределением народов, но и в силу стремления уничтожить всякую основу политической самостоятельности в Латинской Америке вообще.

«В сущности, Северная Америка претендует диктовать определенные политические, экономические и социальные схемы, которые пригодились бы для нового международного разделения труда, управляемого „трехсторонней" комиссией... Концепция комиссии основана на том, что возможность государств-наций решать национальные проблемы исчерпала себя. Следовательно, требуется такая политика, которая отвергла бы существующую концепцию о нациях или о самостоятельных нациях, чтобы утвердить наднациональную власть... Перед такой перспективой независимым нациям остается только два пути: или подчиниться, или сражаться» [28]. Приведенные слова взяты не из «подрывных» изданий, за каковые североамериканская пропаганда выдает все газеты и журналы, излагающие подобные позиции, а из органа аргентинских военных кругов. И напечатаны они были еще в 1978 г. Сегодня эти слова приобретают еще большую актуальность в свете проводимого Белым домом с начала 80-х годов политического курса в Латинской Америке.

Создаваемая североамериканским империализмом наднациональная система неоколониального господства под эгидой ТНК уже не может быть прочной, опираясь на национальные институты экономически угнетаемых, но политически все же независимых стран. Поэтому ей обеспечивается поддержка военной силы империализма путем размещения военных баз США и их империалистических партнеров по НАТО в стратегических точках планеты. Яркое тому подтверждение — события вокруг Фолклендских (Мальвинских) островов и Гренады. Стремление империалистических кругов США закрепиться, в частности, в Южной Атлантике через НАТО и своих английских партнеров и разместить там свои военные силы никак нельзя объяснить соображениями военного противостояния со странами — членами Варшавского Договора. Такое стремление связано лишь с намерением США держать под прицелом своих крылатых ракет Аргентину, Бразилию, а заодно и весь юг континента, обеспечить здесь охрану интересов североамериканского империализма.

[28] *Gilardi Novaro E.* La Alianza Trilateral y la caducidad de los Estados-Nación. — Estrategia, Buenos Aires, 1978, N 54, p. 31—32.

Панамериканизм после второй мировой войны

М. В. АНТЯСОВ

Ситуация, сложившаяся после второй мировой войны, требовала от Соединенных Штатов внесения определенных изменений в тактику их действий в Латинской Америке, применения более «тонких» методов политики, рассчитанных на то, чтобы и в новой обстановке сохранить свое господство. Отсюда стремление США шире использовать концепции панамериканского «братства», панамериканскую систему.

Задача обновления панамериканской политики Вашингтона встала еще перед избранным в 1932 г. американским президентом Ф. Рузвельтом. Оценивая обстановку в Латинской Америке, новый президент пришел к выводу, что от методов открытых интервенций целесообразно отказаться или по крайней мере ограничить практику их применения.

Став президентом, Рузвельт неоднократно подчеркивал, что «восстановление порядка есть общее дело всего континента» [1]. Вмешательство, интервенция, если надо вооруженная, оставались средством подавления непокорных стран, но упор делался теперь на панамериканском сотрудничестве в направлении осуществления этих целей. По словам официального историографа политики США в Латинской Америке Бимиса, эта концепция означала «совместную» интервенцию, «возможно, лишь в номинальном значении», поскольку «основной силой любой коллективной интервенции, особенно в Карибском районе, будут США». Главное в этой концепции заключалось в «предоставлении США панамериканского мандата для будущих интервенций» [2].

Другой стороной политики Рузвельта было стремление к созданию такого панамериканского блока, который не только служил бы целям подавления неугодных режимов в Латинской Америке, но и являлся бы эффективным орудием Соединенных Штатов в «большой» международной политике.

Двойная задача — обеспечить методами псевдоколлективного вмешательства повиновение латиноамериканских стран и создать вместе с ними единый блок, который служил бы для поддержки акций США на мировой арене, — определяла выдвижение панамериканизма на первый план во всей политике США в Латинской Америке.

На 7-й панамериканской конференции в Монтевидео в 1933 г., на чрезвычайной конференции американских стран в Буэнос-Айресе в 1936 г., когда впервые в истории панамериканизма делегацию

[1] Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. N. Y., 1938, vol. 11, p. 545—546.
[2] *Bemis S. F.* The Latin American Policy of the United States. N. Y., 1943, p. 277.

США возглавил лично президент, и на 8-й панамериканской конференции в Лиме в 1938 г. США шаг за шагом закладывали основы формирования военно-политического блока американских государств.

Особую активность развил Вашингтон в условиях начавшейся второй мировой войны. Уже в сентябре 1939 г. на 1-м консультативном совещании министров иностранных дел американских государств, проходившем в Панаме, США добились принятия резолюции о проведении общей политики нейтралитета, создания постоянного комитета для наблюдения за выполнением этого решения и объявления значительной части Атлантического и Тихого океана зоной безопасности, границы которой отстояли за тысячу миль от Американского континента и где американские страны, а фактически США, получали право контроля.

Следующий шаг был сделан на 2-м совещании министров иностранных дел американских стран, состоявшемся летом 1940 г. в Гаване. Гаванское совещание приняло решение о создании панамериканской комиссии для осуществления «коллективной опеки над колониями европейских держав в Америке» [3].

Наконец, после вступления США во вторую мировую войну, в соответствии с решениями 3-го панамериканского совещания министров иностранных дел, состоявшегося в 1942 г. в Рио-де-Жанейро, был создан существующий и поныне Межамериканский совет обороны во главе с американским генералом. Совет стал с тех пор основным органом контроля Пентагона над армиями американских стран.

В период войны каналы панамериканской системы использовались США для получения стратегического сырья, например путем создания так называемой Межамериканской комиссии по развитию во главе с Н. Рокфеллером, для оказания помощи американской военной машине, для создания сети американских морских и авиационных баз. Вместе с тем на панамериканскую систему в качестве серьезного политического фактора рассчитывали США и при определении судеб будущего мира. Как писал С. Уэллес в 1944 г., «региональная американская система должна... будет играть жизненно важную роль в новом мировом порядке» [4]. В этих целях на созванной в марте 1945 г. Чапультепекской конференции стран Америки было принято решение о дальнейших шагах по созданию постоянной межамериканской военно-политической организации. Чапультепекская декларация предусматривала оказание взаимной помощи, включая применение вооруженной силы, против любой агрессии извне.

Чапультепекская конференция как бы заключала 12-летний период панамериканской политики Рузвельта. Надо сказать, что в основном президент США добился своих целей — к концу войны панамериканская система, блок американских государств могли

[3] The International Conference of American States. 1st Suppl., 1933—1940. Wash., 1940, p. 334—337, 364—365.
[4] *Welles S.* The Time for Decision. N. Y., 1944, p. 240.

служить в общем важным орудием политики США в Латинской Америке, а также и в борьбе за мировую гегемонию.

* * *

В первые послевоенные годы США продолжали активные усилия по завершению сколачивания военно-политического союза латиноамериканских стран, используя его теперь в качестве одного из орудий своего антисоветского курса. Важнейшим этапом на этом пути стал созыв в Рио-де-Жанейро в августе 1947 г. специальной Межамериканской конференции министров иностранных дел «для заключения Договора об обороне Западного полушария». Договор не только предусматривал взаимные военные обязательства американских стран, т. е. практически создавал военный союз, но и устанавливал так называемую «зону безопасности Западного полушария», далеко выходившую за пределы американского континента. В нее включались, помимо США и стран Латинской Америки, также Канада, Гренландия, все владения европейских стран в Западном полушарии, территории Арктики и Антарктики, а также большие пространства Атлантического и Тихого океанов (граница зоны по Тихому океану проходила, например, в 1200 милях западнее Панамского канала). В пределах этой зоны любое нападение на ту или иную американскую страну рассматривалось как агрессия против всех американских стран. Мало того, договор предусматривал, что такой агрессией считается и конфликт с американской страной вне зоны. Практически только Соединенные Штаты имели свои воинские части вне Американского континента, и, следовательно, любой конфликт, спровоцированный империализмом США, мог рассматриваться как агрессия против всех американских стран.

Наконец, по-видимому, считая все это недостаточным, делегация США настояла на внесении в договор статьи 6, согласно которой вся система Панамериканского союза приводилась в действие даже в случае такой угрозы, которая «не представляла бы собой вооруженного нападения» или же в случае «внутриконтинентального или внеконтинентального конфликта», или возникновения любой «ситуации, которая может угрожать миру Америки» [5].

Таким образом, договор открывал весьма широкие возможности для его использования в целях подавления демократических и национально-освободительных движений в Латинской Америке, представив их как угрозу для мира в Западном полушарии. Вместе с тем создавалась правовая основа для того, чтобы добиваться участия латиноамериканских стран в военных авантюрах империализма США в любом районе мира.

Завершающим этапом строительства всего здания панамериканизма явилось преобразование Панамериканского союза с его довольно рыхлой организационной структурой, созданной постепенно более чем за полвека в результате принятия десятков различных

[5] Documents of Inter-American Cooperation. Philadelphia, 1955, vol. 11, p. 171—176.

резолюций на панамериканских конференциях, в Организацию американских государств (ОАГ). На 9-й Межамериканской конференции, состоявшейся в марте 1948 г. в Боготе (Колумбия), был принят Устав этой организации, утверждена ее структура. Помимо созываемых раз в пять лет панамериканских конференций, а также совещаний министров иностранных дел, весьма большие права получал Совет ОАГ, который состоял из послов американских стран в Вашингтоне, действовал практически постоянно и в чрезвычайных ситуациях мог заменять другие органы. Ему подчинялись советы по экономическим и социальным вопросам, по культуре, по юридическим проблемам, а также секретариат ОАГ, возглавляемый избиравшимся на десять лет генеральным секретарем.

Конечно, США должны были пойти на то, чтобы включить в Устав ОАГ в соответствии с положениями Устава ООН пункты, предусматривающие равенство государств, закреплявшие принцип невмешательства. Однако одновременно в Уставе ОАГ (ст. 25) были воспроизведены основные положения заключенного в Рио-де-Жанейро Договора о защите Западного полушария, обеспечивалась тем самым возможность вмешательства в дела любой латиноамериканской страны под предлогом защиты мира на Американском континенте. К тому же уставом ограничивалось право американских стран обращаться в Организацию Объединенных Наций; все возникающие конфликты вначале должны были рассматриваться в рамках той же ОАГ [6].

Кроме того, следует отметить, что сразу же после подписания Устава ОАГ США добились принятия в Боготе резолюции «О сохранении и защите демократии в Америке». Резолюция обязывала все американские страны «обмениваться информацией о коммунистической деятельности» в Западном полушарии и тем самым по существу предоставляла ОАГ возможность вмешиваться во внутренние дела стран под предлогом борьбы против «коммунистической опасности».

Впоследствии на 4-м совещании министров иностранных дел стран — членов ОАГ (апрель 1951 г.) Соединенные Штаты навязали решения, предписывающие латиноамериканским странам заключение с США двусторонних соглашений о предоставлении своей территории для создания американских военных баз. Была также принята резолюция «Об укреплении внутренней безопасности», в которой рекомендовалось ввести в законодательство американских государств положения об ограничении деятельности коммунистических партий, а также об ограничении в передвижении лиц, «подозреваемых в симпатиях к коммунизму» [7].

Пришедшее к власти в 1952 г. правительство Д. Эйзенхауэра выдвинуло «новую» формулу панамериканской солидарности — «доб-

[6] *Gantenbein J.* The Evolution of our Latin-American Policy: A Documentary Record. N. Y., 1950, p. 855—871.

[7] Fourth Meeting of Consultation of Ministers of Foreign Affairs of American States: Report to the Secretary of State. Wash., 1953, p. 144.

рое партнерство». На практике наиболее характерной ее чертой явилось дальнейшее усиление ультрареакционных антикоммунистических тенденций, что, собственно, вытекало из общего курса администрации, сердцевиной которого была агрессивная доктрина «отбрасывания», а внутри страны — разгул маккартизма.

Конкретное воплощение линия Даллеса в Латинской Америке нашла в действиях США на 10-й панамериканской конференции, состоявшейся в Каракасе в марте 1954 г. Хотя повестка дня конференции охватывала 113 вопросов, интерес американской делегации, возглавлявшейся Даллесом, сосредоточивался на одном пункте: «вмешательство международного коммунизма в дела американских стран». Практически действия США были направлены на удушение прогрессивного режима в Гватемале, хотя он и не выходил за рамки умеренных буржуазно-демократических преобразований.

Опасность американских планов была очевидной для многих латиноамериканских стран. Представитель Гватемалы выразил на конференции протест по поводу «перенесения маккартизма на международную арену». Делегат Мексики указывал, что предлагаемые США меры могут вызвать интервенцию против правительства, которое будет обвинено в коммунизме просто потому, что эта страна пытается с полным правом завоевать экономическую независимость [8]. Против американских планов выступил и делегат Аргентины. Определенные оговорки высказали и другие делегации. Однако, прибегнув к методам нажима и обещаниям помощи, США добились того, что 17 голосами против 1 (Гватемала), при 2 воздержавшихся (Мексика и Аргентина) на конференции была принята так называемая «резолюция № 93», указывающая на необходимость немедленных консультаций американских стран в случае «господства или контроля над политическими институтами любого американского государства со стороны международного коммунистического движения». Такой случай расценивался как «угроза суверенитету и политической независимости американских государств» [9].

Резолюция, принятая каракасской конференцией, создавала как бы политическую и правовую платформу для агрессии против Гватемалы. 18 июня 1954 г. отряды мятежников, обученные и вооруженные с помощью США, вторглись на ее территорию. Правительство Гватемалы обратилось в Совет Безопасности ООН. Однако американский представитель Лодж, который, кстати, занимал в этот период пост председателя Совета Безопасности, сослался на то, что Совет Безопасности не должен обсуждать гватемальский спор, поскольку-де вопрос этот будет разобран Организацией американских государств. Одновременно в рамках ОАГ США вместе со своими союзниками из лагеря латиноамериканской реакции потребовали созыва совещания министров иностранных дел стран — членов этой организации, созыв которого и был намечен на 7 июля в Рио-де-

[8] *Ториэльо Г.* Битва за Гватемалу. М., 1956, с. 99, 228—250.

[9] The Inter-American Conference (10th): Report of the Delegation of the U. S. A. Wash., 1955, p. 157.

Жанейро. В результате всех этих маневров США удалось добиться в Совете Безопасности ООН пятью голосами против четырех (при нескольких воздержавшихся) отклонения просьбы Гватемалы и тем самым сорвать обсуждение вопроса об агрессии в стране. 27 июня прогрессивное правительство Арбенса пало, и в Гватемале был установлен жесточайший военно-полицейский режим.

Агрессия в Гватемале отчетливо показывает способы использования со стороны США панамериканской системы для свержения правительства, решившегося проводить независимую политику, и для сохранения господства США в Латинской Америке.

Своеобразной вершиной развития панамериканского «единства» явилась Панамская юбилейная конференция президентов американских стран в 1956 г., принявшая специальную торжественную декларацию, посвященную 130-летию панамериканской общности, основы которой якобы были заложены еще Боливаром. В решениях конференции говорилось о необходимости дальнейшего укрепления панамериканизма, создании в этих целях в рамках ОАГ специального Комитета представителей президентов американских стран [10].

* * *

Однако уже тогда в казавшемся внешне столь прочным здании панамериканизма появились ощутимые трещины. Рубеж 50—60-х годов стал периодом первого послевоенного кризиса панамериканской системы. Причины его носили различный характер. Прежде всего он был частью четко обозначившегося в это время общего кризиса даллесовского антисоветского курса. Появление советских искусственных спутников Земли подорвало в глазах всего мира, в том числе и в Латинской Америке, миф о всемогуществе Соединенных Штатов. Началась первая оттепель в международных отношениях послевоенного периода — что также не могло не колебать устои панамериканизма, тесно связанного с общей атмосферой «холодной войны». Шел процесс бурного распада колониальной системы, в Африке и Азии появились десятки новых независимых государств, на которые страны Латинской Америки начинали смотреть как на своих естественных союзников, вопреки официальной линии панамериканизма, обрекавшей Латинскую Америку на политическую изоляцию от Азии и Африки.

К этому добавились и свои, так сказать, локальные проблемы. В экономической области страны Латинской Америки оказались глубоко затронуты резким падением цен на сырьевые товары, начавшимся после короткого бума, вызванного корейской войной. Экономический кризис обострил и политическую обстановку в Латинской Америке. Одна за другой под напором народных масс падают военные диктатуры Хименеса в Венесуэле, Одриа в Перу, Пинильи в Колумбии, являвшиеся оплотом Вашингтона. Наконец, в январе 1959 г. завершилась победой длительная борьба кубинских революционеров; вместо пользовавшегося полной поддержкой США коррумпирован-

[10] The Department of State Bulletin, 1956, Aug. 6.

ного режима Батисты на Кубе пришло к власти революционное правительство Ф. Кастро. Причем произошло это в районе, где власть США считалась ранее неоспоримой. Кубинская революция означала открытый вызов господству США в Латинской Америке, оказала огромное политическое влияние на все страны континента, открыла по сути принципиально новую главу в межамериканских отношениях.

Неудивительно, что кубинский вопрос на долгое время становится центром действий США в рамках панамериканской системы. Уже 1 июля 1959 г. Эйзенхауэр выступил с требованием, чтобы ОАГ занялась проблемами ликвидации «ситуации, сложившейся в районе Карибского моря в связи с политикой, проводимой правительством Кубы» [11]. В августе того же года на 5-м совещании министров иностранных дел стран — членов ОАГ США сделали первую попытку добиться осуждения Кубы. Правда, попытка эта окончилась провалом.

Тем не менее США не отказались от мысли использовать ОАГ в целях своей антикубинской политики. Летом 1960 г. американская дипломатия, действуя, так сказать, по гватемальскому варианту, торпедировала обсуждение в Совете Безопасности ООН жалобы на агрессивные акции США ссылкой на необходимость рассмотрения вопроса в ОАГ. В августе 1960 г. на 7-м совещании министров иностранных дел американских стран в Сан-Хосе (Коста-Рика) США представили меморандум, утверждавший, будто Куба занимается подготовкой агрессии против других латиноамериканских стран, стремится «распространить коммунистические революции по всей Латинской Америке». Утверждалось, что-де существует угроза вмешательства «неконтинентальной державы», — имелся в виду Советский Союз, — «в дела американских государств». Сам факт принятия Кубой советской помощи объявлялся противоречащим принципам панамериканизма, нарушением межамериканских договоров и соглашений [12].

Хотя американской дипломатии и не удалось добиться введения санкций против Кубы, в принятой на совещании Декларации Сан-Хосе осуждалось якобы имеющее место «вмешательство» социалистических стран в дела Западного полушария, содержалось предупреждение о необходимости соблюдения всеми американскими странами «межамериканской дисциплины». Надо сказать, что консервативные круги США сочли эти меры недостаточными, выступая за создание панамериканских вооруженных сил с целью осуществления прямых антикубинских акций.

Пришедшее в начале 1961 г. к власти в США правительство Дж. Кеннеди в целом продолжало эту антикубинскую линию в межамериканских делах. Однако, будучи незаурядным политическим деятелем, Дж. Кеннеди, остро чувствовал, что ограничиваться лишь прежними «силовыми» методами в новой обстановке нельзя. Следо-

[11] The New York Times, 1958, July 2.
[12] The Department of State Bulletin, 1960, Sept. 12.

вательно, задача, по мнению Кеннеди, заключалась в том, чтобы найти в Латинской Америке третью альтернативу, причем такую, которая оказала бы затем решающее влияние на все развивающиеся страны, на мировую ситуацию в целом. В этом новый президент видел назначение панамериканской политики США.

С учетом общей обстановки Кеннеди постарался «подать» свою социально-экономическую программу максимально эффектно. Он изложил ее в речи 13 марта 1961 г., призвав американские страны объединиться в новом «Союзе ради прогресса». В речи содержались в общем виде десять пунктов, к которым сводилась эта программа, и предлагалось для ее принятия созвать на министерском уровне совещание Экономического и социального совета ОАГ [13].

Одновременно американская администрация активно готовилась к продолжению борьбы против революционного режима на Кубе, попытка свержения которого прямым нападением потерпела сокрушительное поражение в апреле 1961 г. Это поражение, однако, не остановило антикубинской политики Кеннеди, но лишь заставило проводить ее более осторожно и в еще большей мере опираясь на панамериканскую систему. Собственно, вся латиноамериканская политика Кеннеди шла как бы в двух взаимосвязанных направлениях — с одной стороны, провозглашение планов широкой и щедрой экономической помощи латиноамериканским странам, с тем чтобы приглушить социально-экономические причины революционного взрыва, а с другой — активные меры по подавлению революционного движения, прежде всего на Кубе.

В августе 1961 г. и в феврале следующего, 1962 г. в Пунта-дель-Эсте (Уругвай) состоялись две конференции, проведенные под эгидой ОАГ. Занимались они разными делами: в одном случае обсуждалась экономическая программа, во втором — антикубинские акции. Но цель была одна — сохранить в новых условиях господство США в Латинской Америке. На первой из этих конференций США обещали выделить 20 млрд. долл. в течение десятилетия для экономической помощи Латинской Америке; был принят Устав «Союза ради прогресса» и так называемое «Обращение к народам Америки». Надо сказать, что в этих документах, пожалуй, впервые в истории панамериканизма были поставлены социальные проблемы. Среди целей Союза, записанных в уставе, значились такие, как осуществление аграрной реформы, искоренение неграмотности, расширение деятельности в области здравоохранения, предоставление «справедливой» заработной платы, перераспределение системы налогов, «чтобы помочь нуждающимся», и, наконец, расширение жилищного строительства для семейств с низким уровнем дохода [14].

При оценке программы «Союза ради прогресса» весьма важны ленинские указания о том, что «бывают исторические ситуации, когда реформы, в особенности же обещания реформ, преследуют исключительно одну цель: приостановить брожение народа, заставить

[13] Public Papers of the Presidents of the US, 1961. Wash., 1962, p 173, 177.
[14] Alliance for Progress OEA/Ser, H/X11. 1. rev., p. 3—16.

революционный класс прекратить или, по крайней мере, ослабить борьбу» [15]. Программа «Союза ради прогресса» в целом как раз и предназначалась для того, чтобы самим провозглашением его предотвратить революционный взрыв в Латинской Америке, а широкими обещаниями помощи «купить» правящие круги латиноамериканских стран для совместных действий в рамках ОАГ против Кубы.

Эта антиреволюционная направленность Союза отчетливо проявилась во время следующего совещания в том же Пунта-дель-Эсте — 8-го совещания министров иностранных дел американских стран. На этом совещании посредством дипломатического нажима и в обстановке эйфории, воцарившейся в связи со щедрыми обещаниями американских капиталов, США удалось добиться исключения Кубы из Организации американских государств. Чтобы подвести под это решение «теоретическую» базу, совещание провозгласило тезис о «несовместимости» коммунистической идеологии с принципами межамериканской системы, объявив, что «приверженность какого-либо члена ОАГ идеям марксизма-ленинизма несовместима с пребыванием в межамериканской системе». На совещании был также создан специальный комитет по вопросам «безопасности» Западного полушария и вынесено решение о прекращении торговли оружием с Кубой и о возможности установления в дальнейшем полного торгового эмбарго [16].

Оценивая итоги панамериканской политики Кеннеди, следует отметить, что в течение этого краткого периода была предпринята, пожалуй, самая крупная после Рузвельта попытка существенного обновления здания панамериканизма.

Вместе с тем Кеннеди не мог решить той задачи, которую он ставил, — повернуть развитие Латинской Америки посредством мероприятий в рамках панамериканской системы в русло стабильного капиталистического развития. Те реформы, которые были проведены в рамках «Союза ради прогресса», носили сугубо половинчатый, а зачастую и просто символический характер. К тому же вскоре обозначилось и сопротивление этим реформам со стороны консервативных кругов североамериканского бизнеса. «Мы не хотели по существу, чтобы реформы были проведены, — замечал по этому поводу сенатор Черч, — как бы сильно мы ни желали этих реформ и экономического развития в Латинской Америке, еще сильнее мы стремились к стабильности, антикоммунизму и благоприятному климату для американских капиталовложений» [17]. Радикальные противоречия между империализмом США, с одной стороны, и социальными процессами в Латинской Америке — с другой, не мог ликвидировать с помощью мостов панамериканизма даже такой крупный политический архитектор, каким был Дж. Кеннеди.

[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 320.
[16] The Department of State Bulletin, 1962, Febr. 19.
[17] Latin America and the US in the 1970's. N. Y., 1970, p. 226.

* * *

Пришедший к власти в результате трагедии в Далласе новый американский президент Л. Джонсон, хотя и провозгласил на первых порах, что правительство США намерено продолжать «мирную демократическую и социальную революцию в Западном полушарии», на деле начал свертывать программу «Союза ради прогресса», в то же время активно продолжая антикубинскую кампанию. Как подчеркивал государственный секретарь Д. Раск, «вопрос о том, какие меры могут быть приняты против Кубы, — это главный вопрос, стоящий перед ОАГ» [18].

В июле 1964 г., действуя на основе «жалобы» Венесуэлы, 9-е совещание министров иностранных дел стран — членов ОАГ 15 голосами против 4 приняло резолюцию, рекомендовавшую всем государствам, входящим в ОАГ, прекратить всякую торговлю с Кубой, прервать морские и воздушные связи, разорвать дипломатические и консульские отношения. К осени 1964 г. все страны Латинской Америки, кроме Мексики, порвали какие бы то ни было отношения с Кубой. Казалось, американская дипломатия одержала почти полную победу.

Администрация Джонсона, будучи уверенной в послушности ОАГ, сочла возможным использовать ее в качестве орудия и в ходе событий в Доминиканской Республике, не особенно церемонясь в методах своих действий. В апреле 1965 г. группа молодых офицеров в этой стране при широкой поддержке народа свергла реакционную диктатуру, заявив о намерении установить конституционное правление. Три дня спустя под предлогом «угрозы для жизни американских граждан» и без каких-либо консультаций в рамках ОАГ Джонсон начал вооруженную интервенцию в этой стране. Лишь после этого, спохватившись о соблюдении декорума, правительство США дало инструкцию своему представителю в ОАГ информировать о случившемся латиноамериканские страны и призвать их оказать содействие в «спасении» Доминиканской Республики от коммунистической угрозы. 1 мая сюда была послана комиссия ОАГ, а 6 мая специально созванное 10-е совещание министров иностранных дел стран — членов ОАГ приняло решение о создании межамериканских вооруженных сил и направлении их в Доминиканскую Республику [19].

Летом 1966 г. под дулами автоматов оккупантов в стране проходили выборы, приведшие к власти угодное для американцев правительство, и в сентябре того же года войска были, наконец, выведены. Правительство Джонсона решило пойти дальше — создать постоянные межамериканские вооруженные силы, своего рода коллективный корпус «быстрого развертывания», который мог бы действовать в Латинской Америке. В обстановке взлета агрессивных настроений в США, совпавших с начальным периодом вьетнамской войны, идея эта получила поддержку в конгрессе. Палата представителей

[18] The New York Times, 1964, Mar. 7.
[19] The Department of State Bulletin, 1965, May 31.

США приняла так называемую «резолюцию 312», призвавшую ОАГ к созданию «подлинной военной организации, которая будет известна как военное командование ОАГ и сможет обеспечить, чтобы государства-члены выделили военные соединения различной численности». Конгресс даже ассигновал необходимые средства для «содействия межамериканским вооруженным силам, находящимся под контролем ОАГ» [20].

Но США переоценили свои возможности. Несмотря на все усилия американской дипломатии, предложение о создании постоянных межамериканских вооруженных сил провести не удалось. Более того, большинство латиноамериканских стран выступило за такую реформу Организации американских государств, которая в известной мере ослабляла бы полномочия находящегося в Вашингтоне и, следовательно, в наибольшей мере подчиненного влиянию США постоянного Совета ОАГ. В частности, латиноамериканские страны настояли на том, чтобы в качестве высшего органа ОАГ признавалась, вместо собиравшейся раз в пять лет межамериканской конференции, созываемая ежегодно Генеральная ассамблея. Ей должны были подчиняться три совета ОАГ на равных правах — по политическим, экономическим и культурным вопросам. Кроме того, в Устав ОАГ включались принципы «Союза ради прогресса», а также в общем виде некоторые экономические положения [21].

Все это дало основание для довольно прохладного отношения США к реформе ОАГ, поскольку она, как подчеркивал представитель США в организации Дрейер, «не продвинула вперед дело обеспечения безопасности континента. Центр ее лежал в экономической области, т. е. в том, в чем были заинтересованы страны Латинской Америки» [22]. Тем не менее США оказались вынужденными согласиться с этими изменениями, и новый Устав ОАГ, действующий до сих пор, вступил в силу в 1970 г.

Американские исследователи выделяют именно середину 60-х годов как своего рода водораздел, как период, когда гегемония США в межамериканской системе, на какое-то время (после отпадения от нее Кубы) восстановленная усилиями администрации Кеннеди, начинает вновь постепенно идти на убыль, причем процесс этот углубляется в дальнейшем. Ключ к этому они ищут в значительной мере в личных качествах Джонсона, отсутствии «тонкости» в его подходе к межамериканским проблемам, что проявилось в период доминиканского кризиса, и в отказе от посредничества ОАГ в американо-панамском конфликте, вспыхнувшем в 1964 г., и в ослаблении внимания к социальной программе «Союза ради прогресса». Видимо, однако, неудача попыток укрепления панамериканской системы, обозначившаяся в последние годы пребывания у власти Джонсона, связана прежде всего не с его личными качествами, а с поражениями общей политики США, наиболее ярко проявив-

[20] Congressional Record, 89th Congr., 1st Ses., 1965, p. 9916, 11431.
[21] The Americas, Wash., 1970, Apr. 22.
[22] Latin America and the US in the 1970's, p 147—148.

шимися в провале агрессии во Вьетнаме и отчетливо выразившимися и в Западном полушарии. Разумеется, предпринимаемые на основе прежних представлений о мире, без учета реального положения дел попытки Джонсона в обнаженно грубой форме восстановить диктат США в конечном счете лишь способствовали ослаблению влияния американского империализма как в мире в целом, так и на Американском континенте в частности.

* * *

Глубинный кризис политики США в Латинской Америке продолжал нарастать, и к 1973 г. он принял открытые формы в ОАГ. Причины обострения этого кризиса очевидны — здесь сказывались и наступивший период разрядки международной напряженности, подрывавший устои антикоммунистического панамериканизма, и поражение США во Вьетнаме, и, наконец, внутриполитический кризис в США, вошедший в историю под именем «Уотергейта», в ходе которого, в частности, были вскрыты те отвратительные методы, к которым прибегали США для сохранения господства в Латинской Америке и свержения неугодных правительств.

На III сессии Генеральной ассамблеи ОАГ, состоявшейся в апреле 1973 г., Колумбия, Коста-Рика и Венесуэла внесли проект резолюции, в котором в качестве принципа межамериканских отношений провозглашался «политический и идеологический плюрализм». Несмотря на сопротивление стран с правыми режимами и скрытую оппозицию США, эта формула была принята. Она означала определенный разрыв с основной догмой панамериканизма, принятой в период «холодной войны» и объявлявшей идеи научного социализма «чуждыми» для американских стран, а, следовательно, подлежащими запрещению и преследованиям. В практическом плане признание нового принципа создавало идеологическую основу для отмены санкций против Кубы.

Одновременно латиноамериканские страны выступили за новую реформу самой ОАГ, добиваясь, чтобы она занималась в большей мере проблемами экономического развития и чтобы были устранены возможности использования ее Вашингтоном для вмешательства во внутренние дела государств континента. В ОАГ была создана специальная комиссия для реорганизации межамериканской системы «с учетом изменений в мировой политике, включая налаживание отношений между СССР и США» [23].

В противовес этим инициативам новый государственный секретарь США Г. Киссинджер 5 октября 1973 г. возвестил о стремлении США приступить к «новому диалогу» с латиноамериканскими странами. Подчеркнув, что США собираются рассматривать «дела Американского континента как имеющие высший приоритет» и воздав хвалу ОАГ, Киссинджер вместе с тем предложил провести этот

[23] OEA/Ser. G. CP/ASTA, 11574, enero 1974.

«диалог» вне рамок ОАГ [24]. Будучи опытным политиком, он хорошо чувствовал ту атмосферу, которая установилась в ОАГ, и поэтому рассчитывал путем переговоров с отдельными странами вне рамок ОАГ, где США были связаны правилами коллективного обсуждения проблем, постепенно вывести межамериканские отношения из тупика за счет непринципиальных уступок, создать более благоприятный для США климат этих отношений, а затем уже закрепить результаты в решениях ОАГ.

В рамках указанного «нового диалога» Киссинджером было проведено два тура консультаций — в феврале и апреле 1974 г., причем без участия генерального секретаря ОАГ. В ходе консультаций латиноамериканские страны настаивали на том, чтобы ОАГ основывалась на принциах мирного сосуществования, на праве стран выбирать политическую и социальную систему, на отказе от применения силы и принудительных мер в рамках ОАГ, от использования экономической помощи для целей политического давления.

Одновременно большинство латиноамериканских стран потребовали отмены антикубинских решений, принятых ОАГ десять лет назад. Эти требования были выдвинуты в ноябре 1974 г. на 15-м консультативном совещании министров иностранных дел американских стран в Кито. Но решение об отмене санкций против Кубы, однако, не было принято, поскольку против санкций голосовало менее двух третей.

Также по требованию латиноамериканских стран в июле 1975 г. в Сан-Хосе (Коста-Рика) было созвано совещание американских государств в целях принятия поправок к Договору Рио-де-Жанейро. 19 стран против 2 высказались за то, чтобы санкции по договору отменялись простым большинством. На практике это означало отмену таких санкций против Кубы. Однако критике был подвергнут и договор в целом. США с трудом удалось сохранить его за счет внесения ряда поправок, которые несколько сужали возможности использования ими договора в своих интересах. Прежде всего в договор вводилось принятое ООН в 1974 г. четкое определение агрессии. Далее сужалась географическая зона действия договора — из нее исключались Гренландия и полоса открытого моря за пределами 200-мильной зоны. Поправками предусматривалось также, что ОАГ не может вмешиваться в конфликты, если против ее вмешательства возражает сама страна, ставшая жертвой агрессии. Наконец, ни одно государство, согласно принятым поправкам, не обязано было предоставлять свои вооруженные силы по решениям межамериканских органов без собственного на то согласия.

Весьма существенным явилось включение в Договор Рио-де-Жанейро специальной статьи 11 о коллективной гарантии экономической безопасности. За это ратовали все американские страны, и лишь США сделали оговорку о том, что они «не принимают никаких обязательств заключить, подписать или ратифицировать договор или

[24] The Department of State Bulletin, 1973, Oct. 29

конвенцию относительно коллективной экономической безопасности» [25].

Состоявшееся в Сан-Хосе 16-е консультативное совещание министров иностранных дел стран—членов ОАГ отменило все санкции против Кубы. Была принята резолюция, разрешающая «государствам — участникам межамериканского Договора о взаимной помощи в соответствии с национальной политикой и интересами каждой из них нормализовать или осуществлять свои отношения с Республикой Куба на уровне и в форме, которые каждое государство сочтет для себя подходящими». Показательно, что США пришлось голосовать за эту резолюцию, хотя ее принятие обозначало бесславный конец политики изоляции и блокады Кубы, проводимой США через ОАГ.

Признаком поражения политики панамериканского «единства» с его тенденцией к изоляции американских стран от остального мира явилось и проведение в августе 1975 г. в Лиме совещания министров иностранных дел неприсоединившихся стран, приобщение к этому движению большинства государств Латинской Америки (на конференции в Коломбо в 1976 г. в качестве членов и наблюдателей принимали участие 19 стран Американского континента), а также создание в октябре 1975 г. латиноамериканской экономической системы — объединения латиноамериканских стран, куда с самого начала вошла Куба и куда в то же время не были допущены Соединенные Штаты.

В этих условиях в США во второй половине 70-х годов начинает преобладать линия на проведение скорее двусторонних отношений с государствами Латинской Америки. Как утверждал в своем выступлении в сентябре 1975 г. Киссинджер, «не может быть единой политики в отношении богатых разнообразием стран Латинской Америки. Региональная концепция в конце концов — абстракция» [26]. Что же касается ОАГ, то США сосредоточили усилия на том, чтобы не допустить требуемой латиноамериканскими странами реформы организации, и отклонили новый проект ее устава, где главное место занимало положение о необходимости противодействия экономической агрессии. В противовес этому США выступили за «упрощение» ОАГ, в частности ликвидацию ее советов по политическим, экономическим и культурным делам.

Вместе с тем США попытались несколько изменить акценты в своей политике в ОАГ с целью подкрепить пошатнувшийся авторитет: приоритет отдавался так называемой «проблеме защиты прав человека». Применительно к межамериканским отношениям кампания в защиту прав человека была призвана в более утонченной, внешне якобы объективной и беспристрастной форме выполнять ту же роль, что и откровенный антикоммунизм в годы «холодной войны». Вместе с тем эта кампания предназначалась для того, чтобы как-то отмежеваться от военно-полицейских режимов, связи США с кото-

[25] The Department of State Bulletin, 1975, Nov. 29; The Americas, 1975, N 9.
[26] The Department of State Bulletin, 1975, Nov. 29.

рыми получили широкую и скандальную огласку в ходе расследований во время «Уотергейта» и непосредственно после него.

В этой обстановке уже Киссинджер на VI сессии Генассамблеи ОАГ в 1976 г. призвал активизировать работу Межамериканской комиссии по правам человека. Антикоммунистический аспект этих действий отчетливо проявился в предложении госсекретаря США выделить две страны — Чили и Кубу, поставив их на одну доску, обвинив в нарушениях прав человека и требуя, чтобы именно на них было сфокусировано внимание Межамериканской комиссии [27]. Так, под маской «беспристрастия» вновь центр тяжести в деятельности ОАГ переносился на антикубинские меры, хотя в правовом отношении Куба даже и не являлась членом организации.

Наиболее широко тема «защиты прав человека» была использована в панамериканской политике Дж. Картером. Вплоть до последнего своего выступления по межамериканским делам в ноябре 1980 г. на X сессии Генассамблеи ОАГ в Вашингтоне он неизменно повторял, что именно в кампании «в защиту прав человека» его администрация видит «основное обязательство США в Западном полушарии». Картером были осуществлены некоторые акции внешнего характера, подкреплявшие провозглашенный им политический курс. Так, в 1978 г. США выступили против проведения очередной сессии Генассамблеи ОАГ в Монтевидео, ссылаясь на то, что это может расцениваться как поддержка милитаристского режима в Уругвае. Межамериканская комиссия по правам человека провела в следующем, 1979 г. расследование «нарушений прав человека» в Аргентине. В июле 1980 г. США поддержали в Совете ОАГ резолюцию, выражавшую сожаление в связи с военным переворотом в Боливии.

Одновременно лозунг «защиты прав человека» применялся как благовидный предлог для вмешательства во внутренние дела государств с целью смягчения антиимпериалистической борьбы, поддержки кругов, близких к США. В частности, этим целям было подчинено направление комиссий ОАГ по наблюдению за выборами в Доминиканскую Республику и Панаму и, особенно, использование системы ОАГ в действиях США в отношении событий в Никарагуа, занявших в 1978—1979 гг. центральное место в межамериканских отношениях.

В условиях поднявшегося в августе 1978 г. всенародного восстания в этой стране против режима Сомосы, десятилетиями служившего одной из опор США в Центральной Америке, Вашингтон, не решаясь открыто поддерживать одиозный режим, прибег к помощи ОАГ. Совет ОАГ направил в Никарагуа посредническую группу в составе представителей США, Доминиканской Республики и Гватемалы; одновременно в страну выехали члены Межамериканской комиссии по правам человека. Смысл действий США — спасение режима Сомосы, возможно, с заменой его самого — был понятен в Латинской Америке.

[27] Ibid., 1976, July 12.

Камнем преткновения стал сам диктатор Сомоса, категорически отвергнувший предложенный ОАГ план проведения в Никарагуа плебисцита под контролем организации. Но упорство диктатора лишь на время приостановило действия ОАГ. Когда революционное движение в Никарагуа разрослось, угрожая опрокинуть и самого диктатора, и расчеты США на сохранение «сомосизма без Сомосы», США вновь пустили в ход механизм ОАГ. На созванном в июне 1979 г. в Вашингтоне 17-м консультативном совещании министров иностранных дел стран — членов ОАГ госсекретарь США Вэнс представил план урегулирования кризиса в Никарагуа. Он предусматривал прекращение огня в стране, что в тот момент было на руку добивавшемуся передышки Сомосе, прекращение поставок оружия воюющим сторонам, отправление в Никарагуа специальной миссии ОАГ. Ключевое значение в плане имел пункт о создании совместных экспедиционных сил ОАГ для направления в Никарагуа. США настойчиво отстаивали этот проект, который, как утверждала американская печать, был внесен по прямому настоянию Бжезинского.

Однако этот план, означавший американскую интервенцию под флагом ОАГ, вызвал довольно холодный прием на совещании, хотя правительство Сомосы отнеслось к нему «с интересом». В итоге трехдневных дебатов большинство стран — членов ОАГ высказалось за резолюцию, существенно отличавшуюся от американского проекта. В этой резолюции, внесенной 12 странами, указывалось, что гражданская война в Никарагуа должна быть прекращена на основе немедленной замены режима Сомосы и создания демократического правительства. Именно это решение и было принято ОАГ, несмотря на открытое сопротивление ряда стран с военно-полицейскими режимами и на скрытые попытки торпедировать его со стороны США. Никарагуанские события обнажают методы использования ОАГ со стороны США против революционного движения и вместе с тем показывают изменившуюся обстановку в Латинской Америке, которая сорвала эти планы США.

* * *

Определившееся к началу 80-х годов усиление агрессивных тенденций в политике американского империализма, так же как и ослабление его позиций в Азии и Африке, повысившее ценность стран Западного полушария для США как поставщика сырья, рынков приложения капиталов, потенциальных военных партнеров, не могли не привести к усилению интереса США к деятельности межамериканской системы. К активизации действий в рамках ОАГ подталкивает Соединенные Штаты и развитие революционных процессов в самом Западном полушарии, особенно в странах Центральной Америки — после Никарагуа в Сальвадоре и Гватемале, — бывших ранее заповедным полем монопольного господства США.

Курс на «энергичные» действия в целях восстановления гегемонии США на Американском континенте был с первых же дней провозглашен новым американским президентом Рейганом. При этом,

кстати, была поставлена под вопрос полезность картеровской политики «защиты прав человека», поскольку побочным ее результатом являлось ослабление связей с традиционными друзьями США — правыми режимами.

На практике «наступление» США в ОАГ началось в конце 1981 г., когда отчетливо определилась неудача попыток США справиться с революционным движением в Сальвадоре и поставить на колени Никарагуа при помощи американских угроз, подрывных действий ЦРУ и расширении военной помощи. В декабре 1981 г. в ходе XI сессии Генассамблеи ОАГ государственный секретарь США Хейг заявил, что Соединенные Штаты будут искать поддержки у других американских стран в целях отражения «угрозы», нависающей над Американским континентом. 19 января 1982 г. при активной поддержке США Сальвадор, Коста-Рика и Гондурас создали так называемое Центральноамериканское сообщество, как бы окружившее кольцом революционную Никарагуа. Десять дней спустя к сообществу присоединились США, Колумбия и Венесуэла. На совещании шести стран было принято заявление, подчеркивающее намерение обратиться к органам межамериканской системы для защиты от «любого типа агрессии». 18 февраля под нажимом США и солидарных с ними стран Совет ОАГ вынес решение о направлении наблюдателей за проведением выборов в Сальвадоре. Это решение было прямым вызовом не только патриотам Сальвадора, указывавшим, что выборы в условиях полицейского террора будут фальсификацией, но и мировому общественному мнению, ООН, рекомендовавшей осуществление политического урегулирования в Сальвадоре путем переговоров.

Следующим шагом было выступление президента Рейгана в ОАГ 24 февраля 1982 г. с программным заявлением по проблемам Западного полушария в целом и особенно Центральной Америки. По классическим рецептам оно состояло из двух частей: экономических посулов и требования коллективных действий для обуздания революции. Что касается первых, то они были достаточно скромны, причем в отличие от «Союза ради прогресса» упор делался на частные «инициативы» и торговлю.

В политической части программа Рейгана как бы синтезировала все догмы панамериканизма. Ключевой ее тезис: Западное полушарие — это «особый район с особой судьбой». Отсюда следовал ряд выводов: во-первых, революционные идеи есть «чуждые для Америки идеологии», которые «рождены не в нашем полушарии», а следовательно, подлежат преследованию; во-вторых, «неамериканские» страны и организации не должны вмешиваться в дела Западного полушария (на этом основании «одергивают» Францию, чтобы она «не мешала» США в Сальвадоре и Никарагуа, а также отвергают и возможность акций ООН, для которой, по словам Хейга, США «не видят никакой роли в нашем полушарии»); наконец, в-третьих, согласно Рейгану, Западное полушарие — район, имеющий «уникальное» предназначение, «надежда для всего человечества», иначе говоря, порядки в этом районе должны стать прообразом всего мира.

В практическом плане программа Рейгана предусматривает действия в соответствии с Договором Рио-де-Жанейро «в сотрудничестве с другими заинтересованными демократическими странами» для обеспечения безопасности Западного полушария, «где затронуты жизненные интересы США». На основе этой программы США снова пытаются прибегнуть к своему старому методу — созданию межамериканских сил для «коллективной» борьбы против демократического движения. С этих позиций США накладывают 2 апреля 1982 г. вето на предложенную в ответ на обращение Никарагуа в Совет Безопасности ООН двумя латиноамериканскими государствами, входящими в Совет — Панамой и Гайаной, и поддержанную почти всеми другими его членами резолюцию, призывающую все страны воздерживаться «от прямого или косвенного, открытого или скрытого применения силы в отношении какой-либо страны Центральной Америки или Карибского района».

Каковы будущие перспективы межамериканской системы? Естественно, они определяются конкретными историческими условиями. Революционное движение, ставящее под угрозу господство США в Латинской Америке, отвергает и связанные с этим господством идеологию и систему панамериканизма. Как заявил в ООН один из руководителей никарагуанской революции, Д. Ортега, страны Латинской Америки «не могут считаться геополитическими резервами США или частью их так называемых „стратегических границ", поскольку это является ограничением нашего суверенитета и независимости». С другой стороны, развитие революционного движения может и дальше толкать латиноамериканскую буржуазию, несмотря на острые разногласия с США, к сохранению и укреплению политического союза с Вашингтоном, к сохранению щита панамериканизма в качестве прикрытия от напора революционных масс.

В этих условиях возрастает значение преодоления панамериканской идеологии, панамериканской системы как одного из важнейших орудий агрессивной политики американского империализма в Западном полушарии и в международных отношениях в целом.

Военная политика США в Латинской Америке

В. Н. СЕЛИВАНОВ

В конце XIX в., когда началась борьба за империалистический передел мира, правящие круги Вашингтона стали внимательно прислушиваться к голосам военных стратегов, стремившихся доказать необходимость для США вооруженной экспансии, использования военной силы как решающего внешнеполитического фактора.

Крупнейшим теоретиком такого рода был офицер военно-морского флота США А. Т. Мэхэн. Еще накануне испано-американской войны

1898 г., исходя из положения, что основой мощи государства является военно-морская сила, обладание сетью военных баз и господство на морских путях, он призывал к установлению полного контроля Соединенных Штатов прежде всего в Карибском районе, считая это главным условием завоевания господства над всей Латинской Америкой.

Широкая программа экспансии, изложенная в работах Мэхэна, с достаточной полнотой отразила взгляды современного ему руководства США на страны Карибского бассейна как на ближайший объект такой экспансии, который станет плацдармом для продолжения ее на латиноамериканские страны, лежащие южнее.

В период, предшествовавший первой мировой войне, империализм США в значительной мере стал контролировать экономику и политику карибских стран. Это было достигнуто, как правило, с помощью военной силы — оккупация Кубы и Пуэрто-Рико, вооруженные интервенции в Никарагуа, Гаити, Доминиканскую Республику. Возникли военные базы США в зоне Панамского канала, в Гуантанамо на Кубе, в Пуэрто-Рико.

Первая мировая война дала Соединенным Штатам возможность усилить и расширить экспансию в страны Южной Америки, поскольку основные силы соперников США в течение нескольких лет были скованы военными операциями в Европе. Уже во время войны американские политические деятели заговорили о создании межамериканского военного блока во главе с Соединенными Штатами, выдвигали идеи стандартизации вооружения.

Одновременно с укреплением позиций США в Карибском районе и распространением их влияния южнее в военной политике США наметилась новая тенденция: в 20-х годах они, помимо многократно применявшейся прямой военной интервенции для подавления освободительного движения, стали прибегать к скрытой форме военного вмешательства — так называемой военной помощи.

Готовясь ко второй мировой войне, Соединенные Штаты рассчитывали использовать участие европейских держав в военных действиях на удаленных от Западного полушария территориях для установления своего контроля над ним под предлогом организации обороны, максимально эксплуатируя военный потенциал Латинской Америки, опираясь на военные базы, контролируя богатые источники стратегического сырья. Уже в предвоенный период правящими кругами США были приняты меры, направленные на создание межамериканского «оборонительного» военного блока.

За время войны Вашингтону удалось создать в Западном полушарии военно-стратегический комплекс, куда в той или иной степени входили все латиноамериканские страны и функционирование которого осуществлялось под номинальным наблюдением созданного в 1942 г. Межамериканского совета обороны (МСО), состоящего из военных представителей стран — участниц Панамериканского союза.

В первые послевоенные годы руководящие круги США, исходя их существовавшей в тот период монополии на атомную бомбу, призна-

вавшуюся как абсолютное оружие, считали, что территория континентальной Америки недосягаема для ответного удара с воздуха.

Исходя из этого стратегического предположения, правительство США постаралось усилить те формы военного сотрудничества с латиноамериканскими странами, которые сложились в 1939—1945 гг., сохранить имеющийся военно-стратегический комплекс и использовать его в своих агрессивных целях.

Уже в сентябре 1945 г. адмирал Струв Хэнсел, помощник военно-морского министра США, открыто заявил, что Соединенные Штаты должны закрепить за собой гигантское кольцо военно-морских баз, возникшее в годы войны [1]. А в октябре того же года через Межамериканский совет обороны был представлен на рассмотрение стран — членов Панамериканского союза проект программы, предусматривающей стандартизацию систем вооружения, комплектования и подготовки кадров в вооруженных силах американских государств [2]. 6 мая 1946 г. президент США Г. Трумэн предложил конгрессу проект так называемого «Плана военного сотрудничества американских республик», сводившийся в конечном счете к созданию подчиненной Соединенным Штатам объединенной вооруженной силы Американского континента от Аляски до Антарктики [3]. Ввиду неприкрыто гегемонистского характера этого проекта все латиноамериканские страны сочли его совершенно неприемлемым, а протесты самых широких кругов общественности Латинской Америки обусловили полный провал его.

Однако США не оставили попыток добиться военного преобладания в Латинской Америке. Достижению этой цели содействовало заключение Межамериканского «договора о взаимной помощи». Он был подписан 2 сентября 1947 г. в Рио-де-Жанейро на Межамериканской конференции по поддержанию мира и безопасности, проходившей в обстановке «холодной войны», в условиях возможности представителям США диктовать свою волю латиноамериканцам. Подписание Договора Рио-де-Жанейро ознаменовало появление в Западном полушарии военного блока под эгидой США — первого в цепи военных блоков, созданных американским империализмом в послевоенное время.

Участники договора обязывались «оказывать помощь в отражении нападения» (ст. 3) на любое из американских государств, расположенных в границах установленной «зоны безопасности». Границы «зоны безопасности» проходят: на западе — от Северного полюса через Берингов пролив, по Тихому океану, примерно в 1200 милях западнее Панамского канала, к Южному полюсу; на востоке — от восточного берега Гренландии по Атлантическому океану, через район, лежащий между северо-восточным выступом Бразилии и Дакаром, к Южному полюсу (ст. 4).

[1] *Марион Дж.* Базы и империя. М., 1948, с. 27.
[2] *Duggan L.* The Americas. N. Y., 1949, p. 186.
[3] См. об этом: *Арисменди Р.* Вторжение доллара в Латинскую Америку. М., 1948, с. 28, а также: *Гвоздарев Б. И.* Организация американских государств. М., 1960, с. 66—67.

Согласно договору страны-участницы должны проводить консультации о совместных действиях «по сохранению мира и безопасности континента» в случае вооруженного нападения или угрозы другого вида агрессии против одного из американских государств (ст. 3 и 6). Такие действия становятся обязательными для всех американских стран после решения, принятого большинством в две трети голосов (ст. 17). Особое значение имеет ст. 6 Договора Рио-де-Жанейро, трактующая агрессию как «не являющуюся вооруженным нападением, или внутриконтинентальным или внеконтинентальным конфликтом...» [4]. Такое толкование позволяло США предпринимать вооруженное вмешательство во внутренние дела латиноамериканских стран, военной силой подавлять освободительное движение, что впоследствии и происходило неоднократно. В частности, под прикрытием Договора Рио-де-Жанейро были совершены интервенции США в Гватемалу (1954 г.) и Доминиканскую Республику (1965 г.).

Договор Рио-де-Жанейро стал прообразом военных блоков, созданных США в последующие годы (НАТО и др.). Дж. Ф. Даллес вскоре после подписания этого межамериканского договора заявил, что он «станет моделью для подобных же региональных пактов в других районах мира, в первую очередь в Западной Европе» [5].

Основные положения Договора Рио-де-Жанейро вошли в устав Организации американских государств (ОАГ), созданной взамен Панамериканского союза на Межамериканской конференции в Боготе в 1948 г. и ставшей одним из важных орудий экспансии США в Латинской Америке.

В начале 50-х годов США навязали латиноамериканским странам двусторонние военные соглашения. Латиноамериканские страны, заключившие эти соглашения, брали на себя ответственность за: 1) поддержание внутренней безопасности на своей территории; 2) оборону своей территории, включая прибрежные воды и линии воздушных сообщений; 3) участие в совместных боевых операциях как в пределах Западного полушария, так и на других театрах военных действий, используя для этого вооруженные силы, не занятые обеспечением континентальной безопасности. Соединенные Штаты, со своей стороны, обязывались оказывать военную помощь в размерах ежегодно выделяемых конгрессом ассигнований.

В соответствии с этими соглашениями США развернули широкую программу военной помощи, снабжая латиноамериканские страны оружием и военным снаряжением, обеспечивая подготовку командных кадров. Активизировалась деятельность американских военных миссий, находившихся в странах Латинской Америки.

Говоря о роли латиноамериканских стран в военно-стратегических планах США, М. Эйзенхауэр, брат президента Соединенных Штатов, в официальном отчете о поездке по странам континента в 1953 г. с удовлетворением констатировал: «В случае всеобщей

[4] Текст Договора см.: *Гвоздарев Б. И.* Указ. соч., с. 267—272.

[5] *Burr R. N., Hussey R. D.* Documents on Inter-American Cooperation, 1881—1948. Philadelphia, 1955, vol. 2, p. 178.

войны Латинская Америка может сделать гораздо больше, чем только снабжать нас стратегическими материалами. Она может помочь сохранить воздушные и морские коммуникации, в том числе Панамский канал; она может, как в период второй мировой войны, предоставить нам военно-воздушные и военно-морские базы, предоставить вооруженные силы, обученные применять стандартизованное оружие» [6].

В 1954 г. правящие круги США испытали на практике межамериканскую военную систему. Была организована вооруженная интервенция в Гватемалу, где прогрессивное правительство Х. Арбенса Гусмана проводило демократические преобразования, что наносило ущерб позициям американских монополий. На 10-й Межамериканской конференции в Каракасе (март 1954 г.) под нажимом США была принята резолюция, призывавшая к применению всех мер, вытекающих из положений Договора Рио-де-Жанейро, вплоть до вооруженной интервенции. Такая интервенция была предпринята силами вооруженных и обученных Соединенными Штатами наемников с территории Гондураса. Правительство Арбенса вынуждено было сложить свои полномочия, власть в Гватемале надолго перешла в руки реакционной военщины, позиции американских монополий в стране были восстановлены.

В обстановке резкого усиления антиимпериалистического, революционного движения народов Латинской Америки во второй половине 50-х годов правящие круги Вашингтона изыскивали новые методы и формы сохранения своего влияния на континенте, новые формы проведения военной политики.

В конце 1958 г. по решению правительства США было создано Южное командование США, главная квартира которого расположилась в Куорри-Хайтс, в зоне Панамского канала. Объединенный комитет начальников штабов — высший американский военный орган, определяющий конкретные мероприятия военной политики США в глобальном масштабе, так сформулировал функции Южного командования: «...руководство операциями — включая как противовоздушную оборону, так и защиту морских коммуникаций — в районе Центральной и Южной Америки, а также Мексики» [7].

Южное командование США, в составе которого насчитывается до 600 офицеров, непосредственно направляет функционирование крупнейшего американского военного комплекса в зоне Панамского канала. Численность вооруженных сил США, находящихся здесь, составляет около 11 тыс. человек и включает в себя 193-ю пехотную бригаду, два батальона ракет класса «земля—воздух» и авиационные части. Однако воинский контингент США в зоне канала может быть быстро увеличен за счет переброски сюда частей корпуса «быстрого реагирования».

В зоне Панамского канала Южное командование располагает многочисленными военными объектами: в Форт-Клейтоне — центр стратегических коммуникаций, в Форт-Гулике — межамериканская

[6] Department of State Bulletin. Wash., 1953, Nov. 23, p. 698.
[7] Military Review, Fort Leavenworth, 1968, June, p. 83.

армейская школа «Американас», в Бальбоа и Колоне — военно-морские сооружения, в Албрук-Филде, Коко-Соло, Говарде — аэродромы, несколько специальных межамериканских школ, склады вооружения и военного снаряжения и боеприпасов, включая ядерные боеголовки. На содержание военного комплекса в зоне Панамского канала со времени его основания в 1904 г. США затратили около 5 млрд. долл.[8]

Для осуществления экстренных карательных действий Южное командование США имеет в своем распоряжении 8-ю группу войск специального назначения — так называемых «зеленых беретов».

Официальный, оговоренный в соглашениях военный контроль над странами Латинской Америки Южное командование осуществляет через военные группы США, объединяющие армейские, авиационные и военно-морские миссии, существующие в латиноамериканских странах. Помимо контроля и наблюдения через систему военной помощи и военные миссии, Южное командование США занимается подготовкой и проведением межамериканских и региональных военных совещаний (совместно с МСО), организует различного рода межамериканские военные учения, руководит топографическими съемками в латиноамериканских странах. В специальных школах, расположенных в зоне Панамского канала, обучается ежегодно до 3 тыс. латиноамериканских военнослужащих по широкому кругу военных специальностей: здесь имеются школы партизанской войны, борьбы с подрывной деятельностью, пехотная, штабная, офицеров резерва, связи, парашютно-десантная, топографическая [9].

В связи с дальнейшим усилением освободительного движения латиноамериканских народов, свержением в ряде стран проамериканских диктатур и, наконец, победой революции на Кубе военное руководство США углубляло свои концепции относительно роли и места Латинской Америки в военной политике Вашингтона. По словам американского военного специалиста Г. Хови, в США вынуждены были признать, что «политика подготовки к обороне полушария, обусловленная Договором Рио-де-Жанейро и характером североамериканской военной помощи, ошибочно, по-видимому, направлялась по пути приготовлений к отражению несуществующей угрозы извне» [10]. А победа революции на Кубе и «вероятность появления новой Кубы обязывали к проведению гибкой и разносторонней военной политики» [11], — писал Дж. Рейди.

Место Латинской Америки в глобальных стратегических планах руководства США было определено в так называемом «Генеральном плане обороны Западного полушария», составленном МСО. Этот «план» был скоординирован с принятым американскими военными стратегами делением всего мира на два больших района — «сферы». «Первичная сфера» располагается между 10-й и 40-й параллелями

[8] *Wood D.* Armed Forces in Central and South America. L., 1967, p. 19—20; Congressional Record, 1972, Apr. 18, p. H 3254—H 3256.
[9] La Documentation Francaise. Paris, N 3454, p. 21.
[10] *Hovey H. A.* United States Military Assistance. N. Y., 1965, p. 57.
[11] *Reidy J. W.* Strategy for the Americas. N. Y., 1966, p. 6.

северной широты. По мнению теоретиков Пентагона, эта территория «служит ареной вооруженных конфликтов между свободным миром и коммунистическими странами». «Вторичная сфера» — это все районы все «первичной сферы», имеющие второстепенное военно-стратегическое значение. По этому условному делению Латинская Америка преимущественно находится во «вторичной сфере». Составляя свой «генеральный план», МСО исходил из того, что вероятность прямого вооруженного нападения со стороны европейских держав на латиноамериканские страны весьма мала. Поэтому основные функции вооруженных сил стран континента должны состоять в «поддержании внутреннего порядка» и «предупреждении подрывной деятельности», в «защите жизненно важных военных и экономических учреждений», в обеспечении противовоздушного и противолодочного патрулирования и охране коммуникаций и, наконец, в предоставлении США стратегических сырьевых материалов. И только в случае крайней необходимости латиноамериканские страны принимают на себя ответственность за оборону своего континента, чтобы высвободить вооруженные силы США, обычно выполняющие эту задачу, для действий в районах «первичной сферы» [12].

Таким образом, внимание военных руководителей США и межамериканских военных органов концентрировалось на подавлении растущего освободительного движения в странах Латинской Америки. Политика «внешней обороны» заменялась политикой «внутренней безопасности», предусматривавшей военные приготовления к борьбе против любого вида «подрывной деятельности». Заместитель министра обороны США Р. Гилпатрик говорил: «Мы стремимся усилить и усовершенствовать вооруженную защиту наших друзей... в соответствии с их нуждами, уделяя особое внимание предотвращению ими ограниченных малых войн, подрывных действий и партизанских движений» [13].

Считая Латинскую Америку потенциальным районом возникновения локальных войн, Пентагон в течение 60-х годов применял здесь в качестве составной части доктрины «гибкого реагирования» доктрину «противоповстанческих действий». Она предполагает немедленное подавление военными и полувоенными («парамилитаристскими») средствами любого проявления не только активного революционного движения, но и попыток демократических преобразований, предпринимаемых прогрессивным правительством той или иной страны. Диапазон «противоповстанческих действий» довольно широк — от открытого военного вторжения вооруженных сил США, как это было в 1965 г. в Доминиканской Республике, до малозаметных внешне мероприятий, проводимых среди гражданского населения национальными силами безопасности и полиции под наблюдением военных миссий Соединенных Штатов в рамках так называемой «гражданской миссии». В развитии доктрины «противоповстанческих дей-

[12] *Lloyd Macham J.* The United States and Inter-American Security. Austin, 1961, p. 333—334.
[13] Congressional Record, 1962, Apr. 10, p. 5681.

ствий» применительно к Латинской Америке принимали участие Военное ведомство США и межамериканские военные органы (МСО, Центральноамериканский совет обороны — ЦАСО), вооруженные силы и силы безопасности латиноамериканских стран. К решению теоретических проблем часто привлекались государственные и частные научно-исследовательские учреждения США.

Большое значение в осуществлении «противоповстанческих действий» придавалось (и придается) специально обученным и вооруженным карательным силам. В апреле 1961 г., в дни развязывания вооруженной агрессии против Республики Куба, тогдашний министр обороны США Р. Макнамара заявил: «Наши силы ведения локальной войны нужно должным образом организовать, должным образом обучить и должным образом вооружить, чтобы они успешно действовали в условиях широкого диапазона таких военных действий; они должны иметь достаточно быстрые транспортные средства, чтобы прибыть в любой пункт при первой необходимости» [14].

Тогда же к экстренному созданию специальных войск для ведения локальной войны призывал и президент США Д. Кеннеди. В 1961 г. был создан межведомственный комитет по «противоповстанческим действиям». В него вошли председатель Объединенного комитета начальников штабов (видов вооруженных сил США), заместитель государственного секретаря, заместитель министра обороны и другие высокопоставленные чиновники. Заседания этого комитета проходили раз в неделю в Белом доме.

В Форт-Брэгг (Северная Каролина) были созданы школа специальных форм войны и научно-исследовательский отдел, подчиненные штабу армии США, а также так называемая 7-я группа, которая занимается проблемами Латинской Америки [15]. Уже в 1963 г., по заявлению генерала М. Тэйлора, руководившего тогда Объединенным комитетом начальников штабов, в США было подготовлено 57 тыс. специалистов по «партизанским операциям».

В течение 60-х годов Пентагон развернул боевые формирования, специально приспособленные к действиям в условиях локальных войн, которые активно участвовали в подавлении освободительного движения в латиноамериканских странах. Так, в Санто-Доминго в 1965 г. действовали подразделения корпуса морской пехоты и 82-я воздушно-десантная дивизия США. Группы специальных диверсионных войск, так называемых «зеленых беретов», посылались для ликвидации партизанских отрядов в Боливии, Колумбии и Гватемале.

Доктрина «противоповстанческих действий» предусматривает, помимо подготовки особых формирований в вооруженных силах США и выработки для них новой тактики, также и соответствующую военную помощь латиноамериканским союзникам США. Страны Латинской Америки в соответствии с программами военной помощи получают специальное вооружение и снаряжение для «противоповстан-

[14] Цит. по кн.: *Kaufmann W. W.* The McNamara Strategy. N. Y. etc., 1954, p. 59.
[15] *Трофименко Г. А.* Стратегия глобальной войны. М., 1968, с. 121—122.

ческих» воинских частей и подразделений. Личный состав их проходит подготовку либо под руководством американских военных миссий, либо в военно-учебных центрах США и зоны Панамского канала.

Важным аспектом военной политики США в Латинской Америке является стремление к созданию, помимо Договора Рио-де-Жанейро, региональных военных блоков. Уже в 50-х годах вашингтонское руководство планировало создать три таких блока под эгидой США — в Южной Атлантике, на южноамериканском побережье Тихого океана и в Центральной Америке. Активную роль в реализации этих планов призван был сыграть Межамериканский совет обороны. В мае 1957 г. МСО провел в Буэнос-Айресе совещание с военными руководителями Аргентины, Бразилии, Парагвая и Уругвая по вопросу об организации военного пакта в Южной Атлантике.

Однако заметных успехов США достигли лишь в Центральной Америке, где они создали военно-политический блок некоторых стран этого района. Этот блок должен был служить орудием борьбы против Республики Куба и освободительного движения народов центральноамериканских стран. Он был образован в 1964 г. под названием Центральноамериканского совета обороны в качестве «оборонительного органа» и объединил военные ведомства Гватемалы, Гондураса, Никарагуа и Сальвадора. ЦАСО координировал военные мероприятия стран-участниц, направленные на «защиту от коммунистической агрессии» на территории Центральной Америки.

В рамках ЦАСО удалось провести некоторые конкретные мероприятия по выполнению его основной функции. Так, в 1965 г. на совещании ЦАСО в Манагуа (Никарагуа) представители вооруженных сил четырех стран-участниц договорились, что каждая из них обязуется выделить по 500 солдат, специально обученных тактике антипартизанской борьбы, для использования их в любой из стран-членов, если «это будет необходимо». Согласно этой договоренности впоследствии специальные подразделения Гондураса и Никарагуа использовались в Гватемале, гватемальские подразделения — в Никарагуа и Сальвадоре.

На очередной сессии ЦАСО в середине 1966 г. в Сан-Сальвадоре было решено включить в него не только министерства обороны, но также и ведомства безопасности стран-членов. Это увеличивало диапазон деятельности ЦАСО, а, кроме того, облегчило бы вступление в него Коста-Рики, не имеющей армии, и Панамы, располагающей лишь национальной гвардией, т. е. по существу лишь внутренними войсками.

Деятельность ЦАСО с самого начала направлялась и контролировалась Пентагоном и ЦРУ при активном содействии реакционной военщины стран региона. Одним из самых активных деятелей ЦАСО был диктатор Никарагуа А. Сомоса. По его инициативе министры обороны стран-членов провели в Манагуа в ноябре 1967 г. совещание, где обсуждали практику «борьбы с инструкциями международного коммунизма». В Манагуа делегация Гватемалы предложила объединить военно-воздушные силы Центральной Америки. В связи с этим Сомоса заявил, что «ЦАСО и объединенные военно-воздушные силы

создадут возможность осуществлять вооруженное вмешательство в дела любой страны, где возникает угроза коммунизма».

Вскоре после этого совещания, в январе 1968 г., Никарагуа направила в Гватемалу группу офицеров, которые обсудили с гватемальскими военными возможность совместных действий вооруженных сил Центральной Америки против повстанческих движений.

За время своего существования в рамках ЦАСО были проведены следующие военные мероприятия: 1) унифицирована организация представленных в нем армий; улучшена мобильность войск [16]; 2) унифицирована система подготовки военных кадров (это осуществлялось военными миссиями США как в соответствующих странах, так и в межамериканских военных центрах в зоне Панамского канала, а также в военно-учебных центрах США); 3) стандартизовано вооружение и снаряжение вооруженных сил стран-членов.

Создание центральноамериканского военного блока с удовлетворением было встречено правящими кругами США. В Пентагоне и государственном департаменте ЦАСО считали прообразом других региональных военных блоков большего масштаба в Латинской Америке, ибо его структура соответствовала рекомендациям Пентагона.

Однако вскоре после образования ЦАСО обнаружилась его непрочность. Уже на 5-м чрезвычайном совещании блока (г. Гватемала, апрель 1969 г.), созванном, чтобы создать объединенные военно-воздушные силы, его участники не смогли договориться по главному вопросу и ограничились решением установить «систему еженедельной военной почты» и унифицировать военные знаки различия.

А в середине 1969 г. разногласия между Гондурасом и Сальвадором по территориальным и иным вопросам привели к вооруженному конфликту между ними — к так называемой «футбольной войне». Лишь в результате напряженных усилий дипломатии США и Пентагона тогда удалось предотвратить развал ЦАСО.

Наряду с мероприятиями, направленными на создание региональных военных блоков в Латинской Америке, правящие круги США уделяли большое внимание проблеме так называемых «межамериканских вооруженных сил».

Как уже говорилось, идея создания объединенных вооруженных сил латиноамериканских стран под фактическим командованием Пентагона возникла еще в первые послевоенные годы. Она содержалась, в частности, в послании президента Г. Трумэна от 6 мая 1946 г. Однако реакция латиноамериканцев на него была столь резко отрицательной, что в США на время оставили эту идею. Она всплыла вновь

[16] Особое внимание при этом уделялось развитию воздушных транспортных средств, что соответствует положениям доктрины Пентагона о локальных войнах. Одно из положений «местной доктрины» ЦАСО гласит, что «в случае возникновения восстания соответствующая национальная армия будет действовать в первую очередь. Если эта армия окажется неспособной осуществить срочную „профилактику", тогда по ее просьбе она получит необходимые подкрепления, если это не ослабит в значительной степени возможность контроля над другими районами, которые расцениваются как критические» (Cuadernos Americanos, México, 1967, mayo-júnio, p. 48).

в конце 50-х — начале 60-х годов, когда перед лицом подъема освободительного движения латиноамериканских народов правящие круги США искали новые формы и методы его подавления.

2 июля 1960 г. сенатор от штата Флорида Д. А. Смазерс направил тогдашнему государственному секретарю К. Л. Гертеру письмо, в котором предлагал рассмотреть возможность создания «межамериканских полицейских сил, подчиненных Организации американских государств». Эти силы, по мнению сенатора, могли бы использоваться в соответствии с положениями Договора Рио-де-Жанейро и в целях «обеспечения безопасности, против внутренней угрозы» [17].

В августе 1960 г. сенат США опубликовал «Документ 125», озаглавленный «Отношения между Соединенными Штатами и Латинской Америкой». В нем, в частности, содержалась рекомендация создать небольшие межамериканские вооруженные силы, обученные ведению партизанской войны и акций против «подрывной деятельности». Эти силы, разъясняли авторы документа, могли бы быть использованы заинтересованными правительствами с согласия совета Организации американских государств. Документ разъяснял, что эти вооруженные силы могут находиться «в распоряжении совета ОАГ, который будет готов использовать их в любой момент» [18].

Дальнейшее развитие идея межамериканских вооруженных сил получила в поправках, внесенных конгрессом США в 1961 г. к закону о предоставлении помощи иностранным государствам. В дополнении к 3-му параграфу ст. 502 закона говорилось: «Конгресс считает, что значительным вкладом в дело сохранения мира было бы создание международных вооруженных сил, подчиненных Организации американских государств» [19]. В конце 1961 г. с заявлением о необходимости создания межамериканских вооруженных сил выступил председатель МСО генерал Барнс. Его поддержал военный советник президента Кеннеди генерал М. Тэйлор, потребовавший сформировать 50-тысячную армию для подавления «подрывной деятельности» в Латинской Америке [20].

Подготовительная работа к созданию межамериканских вооруженных сил велась и в 1961—1965 гг. В 1964 г. появилось исследование, озаглавленное «Международные вооруженные силы»; оно было подготовлено по правительственному заказу научным центром технологического института в Массачусетсе. Его авторы (Г. Моргентау, Л. Блумфельд, Г. Дикс и другие) провели военный, правовой и политический анализ возможности создания межнациональных вооруженных сил, их преимуществ и недостатков [21].

Когда в апреле 1965 г. в Доминиканской Республике возникло активное народно-патриотическое движение и США начали воору-

[17] Department of State Bulletin, 1960, Aug. 15, p. 246—247.
[18] United States-Latin America Relations. US Senate, 89th Congr., 2nd Ses. Wash., 1960, p. 242.
[19] 89th Congr., 2nd Ses. Joint Committee Print Legislation of Foreign Relation. Wash.. 1961, p. 25—26.
[20] Междунар. жизнь, 1967, № 3, с. 38.
[21] International Military Forces / Ed. Massachusett's Institute of Technology, 1964.

женную интервенцию для его подавления, X консультативное совещание министров иностранных дел стран—членов ОАГ под нажимом американской дипломатии приняло решение о создании межамериканских вооруженных сил.

На факт создания межамериканских вооруженных сил живо реагировала военная печать США. В июне 1965 г. в одном из ведущих американских военных журналов «Милитэри ревью» появилась статья Г. Аарона, в которой автор убеждал латиноамериканцев в полезности этой меры: «Нужна инициатива и позитивное отношение политических и военных лидеров латиноамериканских стран для успеха этой меры. Многие из них... верят в способность политических руководителей ОАГ создать и контролировать такой военный механизм. Они должны развивать коллективное чувство ответственности за безопасность полушария». Далее Г. Аарон, в частности, писал: «Межамериканские силы должны состоять в основном из латиноамериканцев, при их же оперативном руководстве. Помощь Соединенных Штатов будет состоять только в предоставлении технического персонала, вооружения и снаряжения. Численность войск США (в составе межамериканских вооруженных сил. — *В. С.*) не должна быть слишком большой» [22]. Но в момент появления этой статьи в распоряжении так называемого «объединенного командования ОАГ» в Доминиканской Республике находилось 19 600 военнослужащих из США, 1250 — из Бразилии, 250 — из Гондураса, 175 — из Никарагуа и 20 — коста-риканских полицейских. Таким образом, межамериканские вооруженные силы фактически состояли из регулярной армии США лишь под слабым прикрытием межамериканского флага ОАГ.

Военно-политическое руководство США осталось удовлетворено опытом создания временных межамериканских вооруженных сил для карательных акций в Доминиканской Республике. «Создание постоянных межамериканских сил, — писал Дж. Рейди, — вполне может стать серьезным и конструктивным решением проблемы выхода из анархических ситуаций, подобных тем, которые были... в Доминиканской Республике» [23].

В период доминиканского кризиса 1965 г. конгресс США одобрил еще одну поправку к закону о предоставлении помощи иностранным государствам. В дополнении к ст. 511 закона уточнялось, что впредь из общей суммы расходов на военную помощь странам Латинской Америки часть средств должна быть использована в течение каждого финансового года на планы региональной обороны: 25 млн. долл. должны «использоваться для помощи... межамериканским вооруженным силам под контролем Организации американских государств» [24].

Правящие круги США, изыскивая методы усиления военной экспансии в страны Латинской Америки, вот уже более трех десятилетий уделяют много внимания программам обучения латиноамери-

[22] Military Review, 1965, June, p. 67—68.
[23] *Reidy J. W.* Op. cit., p. 128
[24] 89th Congr., 1st Ses. H. R. 7750. Wash., 1965, p. 35—36.

канских военнослужащих и их идеологической «обработке» военными инструкторами-американцами. Интенсивная подготовка командного состава вооруженных сил континента для борьбы против революционных выступлений (партизанская война, уличные манифестации и т. п.) с учетом национальных особенностей считается одной из важнейших задач военной политики США в Латинской Америке.

В свое время министр обороны США Р. Макнамара так определил цели и задачи этих программ: «По-видимому, наибольшую пользу... мы извлечем, обучая определенные группы офицеров и специалистов в военных учебных заведениях и центрах в США и за их пределами. Эти специально отобранные в союзных странах люди сами становятся инструкторами и, возвращаясь к себе на родину, получают руководящие посты, ибо имеют знания и могут передать эти знания войскам, находящимся у них в подчинении. Нет нужды останавливаться на том, что весьма ценно иметь в руководстве таких людей. Самым важным для нас является сделать из них друзей» [25].

За послевоенный период по такого рода программам обучения, которые являются частью программ военной помощи США странам Латинской Америки, прошли подготовку десятки тысяч латиноамериканских военнослужащих.

Крупнейшим центром такой подготовки является школа «Американас» (Форт-Гулик, зона Панамского канала); в ней имеется 40 различных курсов, где слушатели изучают как основные военные и технические дисциплины, так и сложные приемы «противоповстанческих действий» и сбора разведывательных сведений. В середине 70-х годов в школе насчитывалось 1750 слушателей, а за все время существования школы ее окончило более 30 тыс. человек. Преподавание ведется на испанском языке. В школе трудятся в основном 200 американских преподавателей и инструкторов, но, кроме них, в штате состоят около 40 преподавателей и инструкторов из 15 латиноамериканских стран [26]. Программа обучения в школе выдержана в духе антикоммунизма и преклонения перед идеалами панамериканизма и межамериканского сотрудничества, слушателям стараются привить ненависть к революционным идеям. Свыше 170 выпускников школы «Американас» стали главами правительств, министрами, командующими различных видов вооруженных сил, начальниками штабов и руководителями разведок во многих странах Латинской Америки. Шесть выпускников Форт-Гулика занимали руководящие посты в чилийских вооруженных силах после реакционного переворота 1973 г., среди них — генерал А. Пиночет.

Важное место в системе межамериканских военно-учебных центров занимает Олбрук-Филд (зона Панамского канала), где размещается Межамериканская академия военно-воздушных сил, а также специальная школа, изучающая методы выживания в тропических условиях.

[25] Цит. по кн.: *Feis H.* Foreign Aid and Foreign Policy. N. Y., 1964, p. 151.
[26] The Guardian, L., 1974, Apr. 16.

В течение 60-х годов сеть межамериканских военно-учебных центров стала внедряться и в пределы стран Южной Америки. Так, в середине 1966 г. в военной школе в Толемаиде (Колумбия) начали работать курсы по «усовершенствованию техники ведения антипартизанской войны», где обучались американские, аргентинские, венесуэльские, перуанские и уругвайские офицеры [27]. В начале 1968 г. по рекомендациям МСО военное министерство Бразилии закончило создание в Манаусе крупного межамериканского военно-учебного центра, готовящего офицеров и сержантов — экспертов по антипартизанским действиям в условиях джунглей [28].

Пентагоном разработаны и разосланы военным представителям и миссиям США в странах континента специальные инструкции о порядке отбора латиноамериканских военнослужащих в такого рода военно-учебные заведения. При этом должны строго учитываться их политические взгляды, социальное происхождение, уровень общей подготовки и т. д. К отбору привлекаются посольства США, американские военные миссии, различные правительственные органы США, включая ЦРУ.

С начала 60-х годов в Пентагоне стало распространяться мнение о большей эффективности подготовки командных и специальных кадров для вооруженных сил Латинской Америки не в военно-учебных центрах, а с помощью специальных выездных миссий, в которые входили бы преподаватели и инструкторы вооруженных сил США из числа «зеленых беретов» — так называемые «мобильные инструкторские команды». Через эти «мобильные инструкторские команды» Пентагон получал бы дополнительные возможности контроля над вооруженными силами стран Латинской Америки.

Уже в 1962 г. военно-воздушные силы США направили группы авиадесантников для обучения латиноамериканцев тактике партизанской и контрпартизанской войны [29]. Вскоре и армия США стала прикомандировывать к своим миссиям в Латинской Америке мобильные инструкторские команды [30]. Число таких команд в течение 60-х—70-х годов увеличивалось. Так, только в Гватемале численность американских военнослужащих, входящих в их состав, доходило до 800 человек, в большинстве — «зеленых беретов». По оценке американского генерала Россона «эти отряды весьма эффективны и их очень ценят. Их посылают в латиноамериканские страны по особому требованию соответствующих правительств для обучения военного персонала конкретным вещам, которым они не могут научиться ни в одном учебном заведении» [31].

Функции мобильных инструкторских команд США, однако, этим не исчерпываются. Как сообщала военная пресса США, их члены должны подслушивать телефонные и радиопереговоры, наблюдать за перемещением войск, собирать сведения об имеющих военное значе-

[27] Проблемы мира и социализма, 1967, № 2, с. 48.
[28] Embaixada do Brasil em Moscou: Boletim Informativo, 1968, 16 jan.
[29] The New York Times, 1962, May 18.
[30] The New York Times, 1962, June 14.
[31] The Guardian, 1974, Apr. 16.

ние объектах и другую разведывательную информацию. В случае возникновения активного освободительного движения в той или иной латиноамериканской стране функции мобильных инструкторских команд усложняются. Журнал «Милитэри ревью» писал, что все военные миссии США, включая мобильные инструкторские команды, в момент, когда повстанческая деятельность разовьется до серьезных масштабов, переходят к оказанию оперативной помощи национальным вооруженным силам еще до того, как в чрезвычайных обстоятельствах в страну могут быть введены более значительные боевые части армии США [32].

Особое место в межамериканской системе подготовки занимает Межамериканский колледж обороны (МКО), основанный в октябре 1962 г. по рекомендациям Межамериканского совета обороны. Созданный по образцу Колледжа обороны НАТО, МКО находится в Форт-Лесли-Макнейр «по причине его близости к штаб-квартире МСО в Вашингтоне» [33].

Межамериканский колледж обороны подчинен МСО, и задача его, по определению военной прессы США, следующая: «Проводить обучение слушателей по освоению основных принципов межамериканской системы, политических, социальных и военных факторов, составляющих главные компоненты межамериканской обороны, с задачей усовершенствовать познания отборного персонала вооруженных сил и должностных лиц гражданских правительств американских стран с тем, чтобы они применили полученные знания в деле международного сотрудничества» [34].

Руководство МКО — директор, его заместитель и начальник учебной части — назначаются МСО от трех стран, причем директором всегда является высший офицер вооруженных сил США. Число слушателей — 60 человек; каждая страна — член МСО может направить 5 слушателей (из них 1 — гражданское лицо), отобранных правительством данной страны, в ранге полковника или подполковника.

По словам сотрудника Пентагона полковника Р. Дж. Стилмэна, программа МКО «направлена на расширение индивидуального и общего понимания проблем безопасности, стоящих перед Америкой, и путей дальнейшего прогресса межамериканской системы» [35].

В целом же задача Межамериканского колледжа обороны, как и других межамериканских военно-учебных центров, сводится к подготовке таких военных кадров, которые в Латинской Америке проводили бы политику, способствующую подчинению стран континента военно-политическим целям руководства США.

Выше упоминалась так называемая «гражданская миссия» вооруженных сил — важный элемент комплекса военных мероприятий в борьбе с освободительным движением латиноамериканских народов, получивший особенно широкие масштабы в 60-х годах.

[32] Military Review, 1965, Apr., p. 30—31.
[33] Marine Corps Gazette. Quantico; New York, 1965, Sept., p. 24.
[34] Ibid.
[35] Ibid., p. 26.

В Пентагоне содержание «гражданской миссии» определялось таким образом: «Использование по преимуществу местных вооруженных сил для осуществления проектов, имеющих общественно-полезное значение на всех уровнях и в таких областях, как просвещение, общественные работы, сельское хозяйство, транспорт, здравоохранение и другие, содействующих социально-экономическому развитию. Цель их — сделать более благоприятным мнение населения о вооруженных силах». Со стороны США к участию в проведении программ «гражданской миссии» привлекались мобильные инструкторские команды, сотрудники геодезической службы армии США, инженерного и медицинского корпусов, а также подразделения 8-й группы войск специального назначения [36].

Все эти мероприятия ничего общего с подлинным содействием социально-экономическому развитию, конечно, не имели. Авторы идеи «гражданской миссии» полагали, что выполнение этой фактически пропагандистской программы поможет добиться лояльного отношения населения к диктаторским проамериканским режимам, изолирует его от революционных организаций, от партизанского движения.

«Гражданская миссия» вооруженных сил затронула многие сферы экономической и социальной жизни ряда латиноамериканских стран. Воинские части и подразделения принимали участие в строительстве школ и больниц, в уборке урожая и т. д. В актив «гражданской миссии» засчитывалось участие латиноамериканских военных в спасательных работах в случае стихийных бедствий (как было, например, в Чили и Перу), обучение грамоте призывников, овладение солдатами профессиями трактористов и шоферов, эпизодическая помощь технических специалистов в производстве гражданских строительных работ. Руководящие круги США считали «гражданскую миссию» перспективной формой борьбы за сохранение своих позиций в Латинской Америке. Не случайно подкомиссия по латиноамериканским делам палаты представителей предложила, чтобы США, «предоставляя военную помощь латиноамериканским странам, больше внимания уделяли отправке материалов для местных военных соединений, занятых осуществлением гражданских программ» [37].

Значительное место «гражданская миссия» занимала в инструкциях МСО, рассылавшихся из Вашингтона главным штабам латиноамериканских армий [38]. В таких инструкциях подчеркивалась задача «пробудить доверие крестьян и всего народа страны к вооруженным силам; изолировать гражданское население от повстанцев, а при возможности и противопоставить их друг другу; применяя методы психологической войны, обеспечить солидарность народа с официальной политикой правительства; искоренить политическое инакомыслие, заменяя его антикоммунизмом» [39].

[36] Междунар. жизнь, 1973, № 1, с. 50.
[37] The New York Times, 1965, Apr. 16.
[38] Organizacion de los Estados Americanos: Informe anual. ., 1972, p. 65.
[39] Documentos politicos, Bogotá, 1966, mar.-abr., p. 15.

Генерал Портер, в течение ряда лет возглавлявший Южное командование США, утверждал, что «гражданская миссия» не только является средством «улучшения репутации вооруженных сил», но и в значительной мере «содействует внутренней безопасности, лишая повстанческие группы надежного убежища в отдаленных районах и расширяя возможности сил внутренней безопасности в отношении сбора разведывательной информации» [40].

Финансирование программ «гражданской миссии» в значительной мере брали на себя Соединенные Штаты, осуществляя его по различным каналам, включая и невоенные. В общей сумме программ военной помощи США странам Латинской Америки доля расходов на специальное снаряжение для выполнения «гражданской миссии» составила в 1966/67 г. 13,8 %. К выполнению «гражданской миссии» привлекалась поставлявшаяся из США военная техника: транспортные самолеты, грузовики, джипы, средства связи. В ведомства латиноамериканских армий, руководящих «гражданской миссией» на местах, поступали также крупные суммы от «Союза ради прогресса», Управления международного развития (УМР) США, Фонда Рокфеллера.

Однако в отдельных странах программы «гражданской миссии» приводили к неожиданным результатам. Так, например, в Перу, где эта программа имела широкий размах, пришедшие к власти в 1968 г. патриотические группировки военных применили опыт и знания, полученные в ходе проведения «гражданской миссии» в интересах независимого экономического развития страны, порой в ущерб интересам американских монополий.

Важную роль в военно-стратегических планах США относительно Латинской Америки играли и играют военные базы. Они используются как опорные пункты военного влияния Соединенных Штатов, как инструмент неоколониалистской политики, плацдармы подавления освободительного движения. Всего в Латинской Америке насчитывается около 50 военных баз США различного характера и назначения.

Особое значение придается в США военным базам в районе Карибского моря, где эти базы особенно многочисленны: они располагаются по дуге от полуострова Флорида (США) до берегов Венесуэлы. 13 американских военных баз размещаются на острове Пуэрто-Рико, они занимают $^1/_6$ его территории. В Сан-Хуане и Рузвельт-Роудсе располагаются военно-морские базы, причем Пентагон планирует превратить Рузвельт-Роудс в основную учебно-тренировочную базу военно-морских сил США. На ее строительство было ассигновано 150 млн. долл. На Пуэрто-Рико находится крупная база американской стратегической авиации — Рамей. В Рамее, Сан-Хуане и Рузвельт-Роудсе размещены подземные склады ядерных боеголовок. В комплекс американских военных баз Карибского района входят также базы в Гайане, на Багамских и Виргинских о-вах, на о-вах Антигуа, Сент-Люсия и др.

[40] Military Review, 1968, June, p. 88.

На юге Карибского района, на о-ве Тринидад, находится база ВВС и ВМС Чагуарамос. Она может принимать крупные корабли, имеет аэродром для стратегических бомбардировщиков; гарнизон ее насчитывает около 1 тыс. военнослужащих.

Большое значение в США придается незаконно удерживаемой ими военно-морской базе Гуантанамо на территории Кубы. Пентагон рассматривает ее как «ключевую базу подводного флота в Карибском районе и в Центральной и Южной Америке». По оценке американских специалистов, она «является одним из важнейших стратегических пунктов всего Карибского района, охраняющих подходы к Панамскому каналу... Гуантанамо была и является сегодня символом военной мощи и присутствия США на Карибах» [41].

В конце 60-х—начале 70-х годов отношение руководства США к Латинской Америке и ее вооруженным силам заметно изменилось. Это было связано с общим пересмотром стратегических концепций Соединенных Штатов перед лицом происходящего углубления общего кризиса капитализма, усиления мировой социалистической системы и роста освободительного движения. Итогом этого пересмотра стала так называемая стратегия «реалистического устрашения», на годы определившая содержание военной доктрины американского империализма. Как важная составляющая в стратегию «реалистического устрашения» вошла концепция «нового партнерства», которой странам—союзницам США (в Латинской Америке — странам—членам блока Рио-де-Жанейро) навязывается значительное увеличение доли в военных приготовлениях к возможным вооруженным конфликтам. Теперь вооруженным силам латиноамериканских стран предписывалась не только, как это было ранее, внутренняя функция подавления народных движений, но и внешняя — подавление освободительных движений и защита интересов империализма за пределами своих стран. В конечном счете смысл новых военно-стратегических концепций США и их реализации применительно к латиноамериканским странам состоял в том, чтобы за счет этих стран расширить «военное присутствие» США, наращивая военный потенциал латиноамериканских государств за счет их же народов с задачей готовиться к войнам различных масштабов, к возможному участию в военных авантюрах империализма.

Разработка новой военной политики проходила в США в условиях определенных разногласий между различными фракциями американских правящих кругов. Эти разногласия отразились и на определении военной политики США в Латинской Америке в конце 60-х годов, когда влиятельная группа конгрессменов добилась запрета на поставки в страны континента танков, сверхзвуковых самолетов и другого современного наступательного вооружения. Отметим, что до конца 60-х годов считалось достаточным поставлять латиноамериканским вооруженным силам уже списанное из арсеналов США вооружение довоенных образцов — различное стрелковое оружие, тихоходные со слабой броней танки и бронемашины, дозвуковые поршневые

[41] Marine Corps Gazette, 1968, June, p 32—33.

самолеты, сторожевые корабли и эсминцы, — оно было вполне пригодно для задач «поддержания внутреннего порядка».

В 1968 г. та же группировка конгрессменов добилась ограничения военной помощи США латиноамериканским странам потолком в 100 млн. долл. в год. С другой стороны, именно к этому периоду относится известный доклад Нельсона Рокфеллера, отразивший интересы военно-промышленного комплекса (ВПК), где, в частности, содержалась такая рекомендация: «Соединенные Штаты должны с бóльшим вниманием отнестись к тому, что военные других американских стран, признавая важность своей задачи по поддержанию внутренней безопасности, не считают ее единственной. Они полагают, что более традиционной ролью вооруженных сил является защита территории своих стран, и для них вопросом естественной профессиональной чести является желание получить современное вооружение» [42].

С конца 60-х годов, когда в отношениях США с их военными союзниками стала реализоваться концепция «нового партнерства», резко возрастают военные расходы стран Латинской Америки, что обусловливалось закупками современного дорогостоящего вооружения. В 1968—1976 гг. на его закупку латиноамериканские страны истратили не менее 3,5 млн. долл. При этом лишь 30 % этой суммы пошло на закупку так называемого «противопартизанского оружия» для обеспечения внутренней безопасности; около 70 % — на вооружение для целей «обороны от внешнего противника» [43]. Военно-промышленные монополии США активно поставляют такое вооружение с 1973 г., когда президент Никсон отменил ограничение на экспорт оружия в развивающиеся страны, разрешив продажу современных истребителей Ф-5Е пяти латиноамериканским странам.

Реализуя концепцию «нового партнерства» в рамках межамериканской военной системы, правящие круги США опираются прежде всего на «ключевые» страны Латинской Америки, учитывая связи между американским империализмом и крупной буржуазией, земельной олигархией и реакционной военщиной этих стран, что определяет известную общность их интересов. С этим связано появление в таких «ключевых» странах своих стратегических концепций, которые призваны теоретически оправдать дальнейшее укрепление военного союза с США, милитаризацию и гонку вооружений.

Так, находившиеся у власти в Бразилии во второй половине 60-х — начале 80-х годов вооруженные силы руководствовались в своей военно-политической деятельности доктриной «национальной безопасности», разработанной в Высшей военной школе, созданной и функционирующей при содействии Пентагона. В доктрине «национальной безопасности» выделялись ее внутренний и внешний аспекты, предусматривающие вооруженное противодействие революционным движениям как в пределах, так и за пределами Бразилии, вплоть до открытого военного вторжения в районы, где такое движение прини-

[42] Цит. по: Chile-América. Roma, 1977, lugl.-ag., N 33/34, p. 97.
[43] США и Латинская Америка. М., 1978, с. 215.

мает угрожающие для сохранения капиталистического строя масштабы. Известно о проекте создания в Бразилии бригады из 7 тыс. парашютистов, которая сможет развернуть боевые действия в любом районе Латинской Америки не позднее чем через 24 часа [44].

Весьма агрессивный характер носят геополитические концепции, исповедуемые военщиной в Чили. Активным проповедником таких концепций стал здесь еще до своего прихода к власти А. Пиночет, автор книги «Геополитика». Ставя во главу угла понятие «жизненного пространства», Пиночет пишет в этой книге: «Для развития человека необходимо пространство; то же относится к государству, когда его рост вызывает необходимость захвата дополнительных земель». Исходя из этого, чилийские геополитики ставят в качестве важной задачи так называемую «континентализацию страны», утверждение чилийского военного присутствия на Южном конусе и на всем южноамериканском материке. Для этого они считают необходимым во-первых, «экспансию на север», а, во-вторых, «использование любых обстоятельств для проведения экспансии к востоку». При этом подчеркивается наступательный характер этой стратегии, «опирающейся на глубоко националистическую доктрину» [45].

Одной из важных составных частей стратегии «реалистического устрашения» стала активно осуществляемая так называемая «морская стратегия». Главное содержание ее сводилось к сосредоточению усилий в строительстве вооруженных сил преимущественно на развитии ВМС и к их использованию как важнейшего средства для достижения агрессивных целей милитаристских кругов США [46]. Естественно внимание стратегов Пентагона к латиноамериканским союзникам, территория которых открыта к стратегически важным районам Мирового океана. Соединенные Штаты ставили и ставят цель «усилить... контроль над двумя побережьями — Атлантическим и Тихоокеанским, и тем самым над Магеллановым проливом, который обеспечивает переход из одного океана в другой» [47]. Но, не имея реальных возможностей своими силами установить этот контроль, США желали бы сделать это руками своих латиноамериканских партнеров и усиленно подталкивали их к этому. И не случайно важнейшим в геополитических концепциях чилийской военщины становится их морской аспект. Так, в Чили провозглашается необходимость широкой военно-морской экспансии в так называемый «юго-восточный квадрант» Тихого океана, куда включается часть Австралии и вся Новая Зеландия. Чилийские стратеги говорили об «особой миссии» Чили в тихоокеанской акватории, во имя чего надо интенсивно наращивать военно-морскую и военно-воздушную мощь. Авторы этой «тихоокеанской концепции» прямо заявляли, что, реализуя ее, Чили выполнит свой долг по отношению к партнерам по пакту Рио-де-Жанейро [48].

[44] Лат. Америка, 1976, № 6, с. 48.
[45] Цит. по: Estrategia, Buenos Aires, 1977, sept.-oct., N 48, p. 58—60.
[46] Зарубежное военное обозрение, 1978, № 2, с. 7—14.
[47] Témoignage chrétien. P, 24 juill. 1975, N 1620, p. 6.
[48] Estrategia, nov.-dic de 1974 — en.-febr. de 1975, N 31/32, p. 63—71.

Бразилия и Чили — лишь два примера того, как латиноамериканские страны втягивались в «новое партнерство». В той или иной мере это касается и других стран континента, с которыми США стараются укреплять и расширять военное сотрудничество.

Это сотрудничество означает прежде всего, что страны Латинской Америки в качестве военных партнеров США вынуждены делать из года в год возрастающие «вклады» в дело обороны американского континента от «внеконтинентального противника», обновляя свои арсеналы все новыми видами современного вооружения.

Тот факт, что доля США в общем объеме военных закупок латиноамериканских стран в последние годы снижается относительно объема закупленного в Западной Европе вооружения, вовсе не означает, что его меньше приобретается у американских военно-промышленных монополий; просто этот общий объем военных закупок значительно увеличился, и это в конечном счете не противоречит целям империализма США. В списках основных контрактов на поставки вооружения из США в страны Латинской Америки мы находим самые современные истребители, транспортные самолеты, вертолеты, специальные «противопартизанские» самолеты, самое различное стрелковое оружие, боевые корабли, различные боеприпасы.

В ряде стран Латинской Америки возникают условия для появления своих военно-промышленных комплексов, связанных экономически и политически с США. В этих странах при помощи ВПК США происходит быстрое складывание развитой военной экономики.

В Бразилии в 1975 г. было создано ведомство по производству вооружения и военного снаряжения «Индустриа ду материал белику ду Бразил» (ИМБЕЛ), которое в значительной степени контролируется иностранными монополиями, в том числе американскими. Интенсивное развитие ИМБЕЛ уже привело к почти полному самообеспечению бразильских вооруженных сил вооружением национального производства. Военная промышленность Бразилии производит в крупных масштабах боеприпасы, взрывчатые вещества, тяжелое и легкое стрелковое и артиллерийское вооружение, тактические ракеты. Налажено серийное производство бронетанковой техники, включая легкие и средние танки. Авиационная промышленность (в сотрудничестве с дочерними компаниями американской корпорации «Локхид») производит тактические истребители, транспортные, патрульные и разведывательные самолеты. Бразилия выдвинулась на шестое место в мире среди стран—экспортеров вооружения; ее военная продукция, прежде всего — бронетанковая техника, экспортируется в страны Азии, Африки и Латинской Америки. В 1981 г. экспорт бразильского вооружения составил в стоимостном выражении 1,5 млрд. долл.

Вторым крупнейшим производителем вооружения в Латинской Америке стала в последние годы Аргентина, начавшая интенсивное развитие военной промышленности по так называемому плану «Европа», разработанному в конце 60-х годов. При помощи американских монополий Аргентина первой из латиноамериканских стран освоила производство вертолетов, а при помощи западногерманских фирм —

производство танков и боевых машин пехоты. Помимо стрелкового и артиллерийского вооружения, Аргентина серийно производит легкие боевые и транспортные самолеты; небольшое число легких «противопартизанских» штурмовиков было продано в некоторые латиноамериканские страны [49].

Приход к власти правительства Р. Рейгана ознаменовался активизацией экспансионистской политики Вашингтона в отношении латиноамериканских стран. Заявления и действия рейгановской администрации показывают, что Латинская Америка представляется ей неким испытательным полигоном, где решается задача глобального наступления империализма, предпринимаемого в рамках «противодействия» Советскому Союзу и «международному коммунизму». Расширяя военные мероприятия, направленные против революции в Никарагуа, против освободительного движения в других странах Латинской Америки, Вашингтон резко активизирует широкий диапазон форм и методов своей военной политики в этом районе мира.

Среди мероприятий, запланированных Белым домом, фигурируют, в частности, следующие: расширение военной и экономической помощи военным режимам, усиление подготовки военных кадров из латиноамериканских стран, размещение военных советников в странах района, создание новых военных союзов, возобновление коллективных антикоммунистических соглашений о «безопасности» в Западном полушарии на основе либо Договора Рио-де-Жанейро, либо новых подобных соглашений.

Проявляя заинтересованность в военном партнерстве с латиноамериканскими вооруженными силами, правящие круги США заинтересованы в милитаризации стран Латинской Америки, втягивании их в гонку вооружений. ВПК США изъявляет готовность к дальнейшему наращиванию поставок вооружения в латиноамериканские страны.

Однако стремление Вашингтона поставить вооруженные силы латиноамериканских стран под свой контроль, заставить их служить агрессивным целям империализма США ныне встречает серьезное сопротивление. Развертывание освободительного антиимпериалистического движения в Латинской Америке оказало глубочайшее влияние на все социальные группы латиноамериканского общества, не оставив в стороне и военных. Теперь уже не может быть и речи о беспрекословном диктате США в Латинской Америке, ряд стран которой достиг многого в своем экономическом и социальном развитии, установил и углубил разнообразные контакты со странами социалистического содружества. В отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии говорилось: «Значительно повысилась роль на мировой арене государств Латинской Америки, в том числе таких, как Мексика, Бразилия, Аргентина, Венесуэла, Перу. Мы с удовлетворением отмечаем расширение взаимополезных связей СССР с латиноамериканскими странами, готовы расширять эти связи и дальше» [50].

[49] Зарубежное военное обозрение, 1982, № 2, с. 23.
[50] Правда, 1981, 24 февр.

Это новое положение латиноамериканских стран в мире и обусловливает растущее противодействие агрессивным планам Вашингтона в Латинской Америке. Поэтому правящие круги США ищут новые формы и методы своей военной политики в Латинской Америке, основным содержанием которой по-прежнему остается удержание стран этого района в орбите военного и политического влияния Соединенных Штатов, защита интересов империалистических монополий.

Агрессивная политика США в отношении Республики Куба (1959—1983)

М. С. ЗУБАТКИН, Е. А. ЛАРИН

1 января 1959 г. на Кубе победила народная революция. Для кубинского народа это событие означало коренной перелом в его истории, явилось кульминационным моментом многовековой борьбы за подлинную свободу и независимость, впервые открыло перспективы самостоятельного и достойного существования. «Победа, одержанная 1 января, — отмечается в Программной платформе Коммунистической партии Кубы, — была историческим событием, навсегда подвела черту четырем с половиной векам колониального и неоколониального господства и угнетения трудящихся масс и всего народа, векам голода, безработицы, дискриминации, произвола, преступлений и невежества» [1].

К моменту победы революции Куба была одной из наиболее закабаленных американским империализмом стран континента. В конце 1958 г. монополии США почти полностью контролировали производство главных экспортных культур Кубы — сахара и табака, 90 % — телеграфной и электрической сети, 50 % — железных дорог, 90 % — горнодобывающей промышленности. Американцам принадлежало на Кубе 30 % всех обрабатываемых земель. Капиталовложения США на острове приближались к 1 млрд. долл.[2] Более 60 % кубинского экспорта и 80 % импорта приходилось на долю США. 60 % основного экспортного товара республики — сахара предназначалось к поставкам на рынок США [3]. Эта привязанность кубинской экономики к американскому рынку оборачивалась для монополий США многомиллионными прибылями.

Куба находилась и в полной политической зависимости от США. Сменявшиеся кубинские президенты и диктаторы были неизменны в приверженности интересам Вашингтона. Как внутренняя, так и

[1] I съезд Коммунистической партии Кубы. М., 1976, с. 295—296.
[2] US Department of Commerce. US Investment in Cuba. Wash., 1959, p. 10.
[3] Пять лет Кубинской революции. М., 1964, с. 87.

внешняя политика страны определялась не в президентском дворце Гаваны, а в посольстве США. Естественно, что стратеги Вашингтона не могли смириться с желанием народа маленькой Кубы жить «по-кубински», а не «по-американски». Они боялись революционного воздействия Кубы на другие страны Латинской Америки. «В Латинской Америке, — писала американская газета „Нью-Йорк таймс", — мы, по-видимому, находимся на исходе определенной эры. На протяжении 150 лет Соединенные Штаты осуществляли своего рода гегемонию в Западном полушарии. Ныне мы должны признать, что наша политика по отношению к Латинской Америке потерпела неудачу. Демократия, сильное давление масс, требующих социальной справедливости, притягательная сила экономических успехов коммунизма для слаборазвитых стран — эти и другие силы изменили ситуацию в мире и вместе с ней наше полушарие и наше место в нем. Кубинская революция подобна химическому катализатору, приведшему в действие эти силы, — и плоды ее неумолимо горьки для нас» [4]. В Вашингтоне поняли, что сам факт существования революционной Кубы несет в себе предзнаменование «начала конца» всей системы империалистического господства США в Западном полушарии.

8 января 1959 г., выступая перед ликующими кубинцами, Фидель Кастро говорил: «Мы переживаем решающий момент нашей истории. Тирания пала. Радость велика. Но тем не менее нам предстоит еще много сделать. Мы не обольщаемся тем, что в будущем все будет просто. Возможно, в будущем будет еще труднее» [5]. Это предвидение Ф. Кастро полностью оправдалось. Кубинскому народу пришлось отстаивать завоевания революции в условиях тяжелейшей борьбы с внутренней контрреволюцией и империалистической реакцией, использовавшей для удушения Кубинской революции весь арсенал своих средств, применяемых для подавления национально-освободительных и революционных движений, от военной интервенции и экономической блокады до широкомасштабной психологической войны.

Американская пропагандистская машина начала идеологические диверсии против повстанцев, возглавляемых Ф. Кастро, задолго до свержения диктатуры Батисты. Так, в апреле 1958 г. сотрудники вашингтонского агентства «Юниверсал ризерч энд консалтэнс инк» подготовили для советников диктатора доклад «О психологии войны и пропаганде», в котором, в частности, предлагалось: «. . .развенчивать созданный вокруг Ф. Кастро ореол лидера, доказывая при этом его зависимость от лиц, которым абсолютно безразличны и нынешние и будущие интересы Кубы. . . высмеивать Фиделя Кастро перед народом. . .» [6].

В самом начале января 1959 г. тон американской прессы несколько изменился. 3 января газета «Вашингтон пост» писала в своей

[4] Цит. по: *Сергеев К. С., Ткаченко В. Г.* Латинская Америка: борьба за независимость. М., 1975, с. 31.
[5] I съезд Коммунистической партии Кубы, с. 35.
[6] *Ларин Е. А.* Повстанческая армия в Кубинской революции. М., 1977, с. 168.

передовой статье: «Это известный факт, что „Движение 26 июля" пользовалось симпатией и поддержкой большей части кубинского общества, включая и благоразумных торговцев. Эти факторы надо иметь в виду наряду с версией о том, что Движение Кастро является колыбелью кубинского коммунизма».

Белый дом занял выжидательную позицию. «1 января 1959 г., — писал исполнительный директор ЦРУ Лиман Киркпатрик-младший, — Ф. Кастро и его бородатые сторонники взяли Кубу под свой контроль. В Вашингтоне были различные точки зрения на то, какой тип правительства предложит Кастро. Когда был объявлен состав первого кабинета, появилась надежда, так как в него вошли некоторые из наиболее уважаемых политических фигур Кубы» [7]. Киркпатрик имел в виду лидеров той части кубинской буржуазии, которая, стремясь к восстановлению ряда буржуазно-демократических свобод и привилегий, попранных диктатурой, формально в этот период примыкала к лагерю революции или заявляла о своей солидарности с ним. Один из этих лидеров, М. Уррутиа, 3 января 1959 г. был назначен временным президентом Кубы. Обнародуя свое внешнеполитическое кредо, он заявил, что будет «содействовать делу укрепления дружбы с Соединенными Штатами и не позволит себя использовать коммунистам» [8].

Получив подобные гарантии, 7 января 1959 г. Белый дом признал новое кубинское правительство. Буржуазно-реформистские элементы типа Уррутиа, М. Кардоны, Р. Аграмонте и стоявшие за ними латифундисты, сахарные магнаты и остатки реакционной военщины стремились к сохранению капиталистического строя и вассальной зависимости Кубы от США. Вашингтон рассчитывал, опираясь на них, затормозить развитие Кубинской революции, направить ее в спокойное русло буржуазного парламентаризма, не прекращая при этом тайной войны против Ф. Кастро и его соратников.

Проводимая М. Уррутиа и М. Кардоной политика, направленная на раскол революционных сил и свертывание коренных социально-экономических преобразований, привела в середине февраля 1959 г. к первому правительственному кризису, в результате которого премьер-министр М. Кардона ушел в отставку.

16 февраля Революционное правительство возглавил Ф. Кастро, «...Революция никогда не отойдет от принципов, за которые мы боролись», — говорил он в своей речи по случаю вступления на пост премьер-министра. И далее подчеркнул: «Раз мы стали революционерами, то мы сумеем ими остаться, каких бы усилий, риска и жертв это нам ни стоило» [9]. Революционное правительство, возглавляемое Ф. Кастро, взяло решительный курс на проведение в жизнь коренных социально-экономических преобразований и независимой внешней политики.

[7] *Kirkpatrick Lyman B.* The Real CIA. N. Y.; L., 1968, p. 179.
[8] US News and World Report, 1959, Jan. 9, p. 3
[9] *Кастро Ф.* Речи и выступления. М., 1960, с. 99, 116—117.

Еще 15 января 1959 г. Ф. Кастро, касаясь кубино-американских отношений, заявил: «Мы хотим поддерживать с Соединенными Штатами хорошие отношения, но покорность — никогда! Интересы нескольких компаний не являются интересами Кубы» [10]. Большой резонанс вызвали слова Ф. Кастро о том, что Куба не намерена поддерживать США в их усилиях по нагнетанию в мире атмосферы «холодной войны». «Кастровский нейтралитет — откровенный вызов США», — негодовал журнал «Тайм» [11]. Вызовом Соединенным Штатам счел Белый дом и ответ Ф. Кастро на вопрос: «Что Вы думаете о торговле с Советским Союзом и другими коммунистическими странами?» «Мы будем продавать им, если они готовы покупать у нас» [12], — последовал ответ корреспонденту журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Подобная самостоятельность противоречила, по мнению Вашингтона, всем нормам отношений США с латиноамериканскими странами, тем более отношениям с их вчерашней фактической полуколонией. Поэтому американские правящие круги уже в первые месяцы после победы Кубинской революции дали санкцию своим спецслужбам на проведение враждебных акций против острова Свободы.

Координировавший в ЦРУ операции против социалистических стран и прогрессивных правительств Гарри Розитцке сделал в своей книге «Секретные операции ЦРУ» весьма красноречивое признание: «Между 1959 и 1962 гг., — откровенничал он, — Белый дом, Совет национальной безопасности и его спецотдел... всерьез обсуждали вопрос об убийстве лидеров иностранных государств. В двух случаях ЦРУ приказало готовить покушения. Оба лидера — конголезец Патрис Лумумба и кубинский премьер Фидель Кастро рассматривались на самых высоких уровнях в Вашингтоне как носители весьма серьезной угрозы национальной безопасности (США. — *Е. Л.*), что оправдывало их физическое уничтожение» [13].

Уже 2 февраля 1959 г. на Кубе был задержан американский гражданин Аллен Роберт Майер, имевший задание ЦРУ совершить покушение на жизнь Ф. Кастро [14].

15 апреля 1959 г. начался визит Ф. Кастро в США по приглашению Общества американских газетных редакторов. На первой же пресс-конференции журналисты спросили Ф. Кастро, не приехал ли он за экономической помощью. «Нет, — ответил лидер Кубинской революции, — мы гордимся своей независимостью и не собираемся ничего просить» [15]. Визит был неофициальным. Тем не менее 17 апреля состоялась встреча Ф. Кастро с вице-президентом США Р. Никсоном, продолжавшаяся 2 часа 20 минут. Последний высказал недовольство правительства США актами правосудия над батистовскими

[10] US News and World Report, 1959, Jan. 16, p. 54.
[11] Time, 1959, Apr 6, p. 110.
[12] US News and World Report, 1959, Jan. 16, p. 68.
[13] *Rositztke Harry.* The CIA's Secret Operations. N. Y., 1977, p. 196.
[14] *Alvares Rios Baldomero.* Cuba: Revolución e imperialismo. La Habana, 1969, p. 124.
[15] *Quiroga Alfredo* La Revolución cubana. Barselona, 1976, p. 143.

военными преступниками и усилением влияния кубинских коммунистов на общественно-политическую жизнь Кубы. Докладывая затем правительству США об этой беседе, вице-президент сделал вывод о необходимости подготовки вооруженных формирований из числа кубинских контрреволюционеров для свержения Революционного правительства, возглавляемого Ф. Кастро [16]. Оценивая итоги визита, журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» констатировал: «Многие вопросы остались без ответа» [17].

На один из них ответ был дан несколько недель спустя. 17 мая Ф. Кастро подписал закон о проведении в стране аграрной реформы. Его основные положения были направлены на изменение всей структуры землевладения на Кубе. Решающий удар был нанесен латифундизму. Были национализированы плантации, принадлежавшие иностранным компаниям. Среди «пострадавших» оказались и некоторые представители американских правящих кругов, например директор ЦРУ А. Даллес, хозяин компании «Франсиско шугар К°», владевшей на Кубе 71 303 га.

Аграрная реформа, с одной стороны, способствовала дальнейшей радикализации широких народных масс, а с другой — явилась тем своеобразным Рубиконом, перейдя который, Революционное правительство вызвало на себя «массированный огонь» контрреволюционных сил внутри страны и империалистической реакции за ее пределами, прежде всего в США. Небывалую по своему размаху антикубинскую кампанию начала американская пресса. Журнал «Тайм», игравший первую скрипку в идеологических диверсиях против Кубы, клеветнически назвал аграрную реформу «рабством», «кануном конвульсий и насилия» [18]. В ходе разгула антикубинской истерии в Соединенных Штатах Гавана именовалась не иначе, как «центром подрывной коммунистической деятельности в Западном полушарии».

В то же время перешли в атаку правые силы на Кубе. В июле 1959 г. сторонники временного президента М. Уррутиа спровоцировали новый правительственный кризис, закончившийся их полным поражением. Уррутиа был смещен с занимаемого поста. Фиаско ожидало и богатого рисовода У. Матоса, пытавшегося в октябре 1959 г. поднять мятеж в г. Камагуэе.

Опираясь на рабочий класс, который, по словам Ф. Кастро, держал «в своих руках судьбы страны» [19], Революционное правительство продолжало наступление на позиции местного и иностранного капитала. В июле и октябре 1960 г. были национализированы все иностранные, в том числе американские, компании, а также крупные предприятия кубинских капиталистов. Таким образом, к концу 1960 г., когда в руках государства оказалось около 80 % всех промышленных мощностей Кубы, была решена одна из главных задач антиимпериалистической революции — достижение экономи-

[16] Ibid., p. 143.
[17] US News and World Report, 1959, May 5, p. 37.
[18] Time, 1959, June 15, p. 30.
[19] *Кастро Ф.* Речи и выступления, с. 20.

ческой независимости. Переход основных средств производства под контроль государства наряду с преобразованиями надстроечного характера, проводившимися в этот период, положили начало социалистическому этапу Кубинской революции.

Прогрессивные социально-экономические преобразования, их антиимпериалистическая направленность, последовательная, бескомпромиссная внутренняя и внешняя политика Революционного правительства лишили Вашингтон всяких надежд на возможность реставрации на Кубе старого полуколониального режима. ЦРУ, госдепартамент, Пентагон, американские монополии начали широкую враждебную кампанию против острова Свободы.

Прежде всего были приведены в действие рычаги экономического давления. Еще до национализации американские нефтяные компании прекратили операции на Кубе, отказались ввозить туда свою нефть и перерабатывать купленную Кубой в Советском Союзе. Затем правительство Д. Эйзенхауэра, защищая интересы монополий, уменьшило на 700 тыс. т квоту на продажу кубинского сахара в США, резко сократило экспорт американских товаров на Кубу, лишило ее кредитов.

В этих условиях огромную роль в защите и поступательном развитии Кубинской революции сыграл внешний фактор — солидарность и поддержка острова Свободы странами социалистического содружества, и прежде всего Советским Союзом. СССР, верный ленинским принципам пролетарского интернационализма, решительно встал на сторону революционной Кубы, и в ответ на экономические санкции правительства США закупил кубинский сахар и предоставил Кубе необходимое количество нефти, а также кредиты. 9 июля 1960 г. в ответ на усилившиеся происки реакционных кругов США Советское правительство заявило, что «СССР окажет кубинскому народу всестороннюю помощь, в том числе и военную, если Куба подвергнется агрессии со стороны американского империализма» [20]. В конце 1960 г., когда экономическая агрессия США достигла крайних пределов, Советский Союз и Республика Куба подписали соглашение, по которому СССР брал на себя обязательства увеличить закупки кубинского сахара и полностью обеспечить Кубу нефтью и нефтепродуктами.

Не добившись своих целей применением экономических санкций, Вашингтон начал подготовку военных авантюр. «Уже в начале 1960 г., — писал о «кубинской проблеме» в мемуарах президент США Эйзенхауэр, — у правительства не было сомнения в необходимости что-то предпринять. Вопрос состоял только в том: что, когда и при каких обстоятельствах» [21]. При этом большое значение придавалось кубинским контрреволюционным силам, окопавшимся в США. 17 марта 1960 г. Д. Эйзенхауэр приказал ЦРУ начать на территории Гватемалы тренировки кубинских наемников, а в конце 1960 г.

[20] Правда, 1960, 10 июля.
[21] *Eisenhower Dwight D.* The White House Years: Waging Peace, 1956—1961. L., 1966, p. 525.

начал формироваться так называемый «фронт для борьбы против Кастро». «Ради осуществления своих целей, — писал Л. Киркпатрик, — лидеры кубинских эмигрантов стучались в любую дверь, которая распахивалась перед ними в Вашингтоне, — в конгресс, Пентагон, ЦРУ, Белый дом» [22].

Разработанный в 1960 г. госдепартаментом США план предусматривал, по словам его авторов, что «разрыв дипломатических и экономических соглашений с правительством Кастро должен предшествовать началу военных операций освободительных сил Кубы (т. е. контрреволюционных наемников. — *Е. Л.*) против Кастро» [23].

Предельно обостряя кубино-американские отношения, Вашингтон в то же время предпринял ряд шагов, направленных на достижение дипломатической изоляции острова Свободы. «Мы знали, — отмечал Д. Эйзенхауэр, — что поспешные односторонние действия могут фатально повлиять на наши надежды по сплочению Западного полушария и Организации американских государств (ОАГ) при решении международных проблем, представляющих взаимный интерес». «Мы знали также, — продолжал он, — что Фидель Кастро был героем в глазах народных масс большинства латиноамериканских стран» [24]. Стремясь нейтрализовать огромное влияние, оказанное Кубинской революцией на революционный процесс в Латинской Америке, правящие круги США попытались склонить латиноамериканские правительства к коллективным санкциям против Кубы. С этой целью в начале 1960 г. Д. Эйзенхауэр совершил поездку по странам континента.

В августе 1960 г. в Сан-Хосе (Коста-Рика) состоялось совещание министров иностранных дел стран — членов ОАГ. Используя традиционные методы давления, делегации США удалось добиться принятия антикубинской декларации, осуждавшей Кубу как государство, подверженное внеконтинентальному влиянию, что квалифицировалось как угроза суверенитету и независимости всех стран Западного полушария.

В сентябре 1960 г. конгресс США принял закон о санкциях против любого государства, оказывающего Кубе экономическую или военную помощь.

Экономическая и политическая агрессия Вашингтона, широкомасштабная психологическая война, основанная на клевете в адрес Кубинской революции и ее лидеров, подрывная и шпионская деятельность американских спецслужб достигли к концу 1960 г. крайних пределов. Логическим завершением враждебных акций США явился разрыв дипломатических отношений с Кубой в начале января 1961 г.

В первом квартале 1961 г. подготовка к открытой военной интервенции против Кубы вступила в решающую фазу. Около 6 тыс. кубинских наемников [25] под руководством инструкторов ЦРУ прошли

[22] *Kirkpatrick Lyman B.* Op. cit., p. 188.
[23] *Alvares Rios Baldomero.* Op. cit., p. 88.
[24] *Eisenhower Dwight D.* Op. cit., p. 525.
[25] Historia de una agresión. La Habana, 1962, p. 57.

курс «обучения» в лагерях Гватемалы и Никарагуа. С 24 по 27 февраля специальная комиссия Пентагона провела инспекторскую проверку контрреволюционной бригады» [26].

Первоначально планировалось организовать «партизанскую войну против Кастро», т. е. использовать те же методы, которые успешно применялись кубинскими революционерами в годы борьбы против диктатуры Батисты. При этом предполагалось, что саботаж в горах и бандитизм в сельской местности, осуществленные этими «партизанами», вместе с экономическими трудностями, порожденными блокадой, вызовут массовое недовольство и панику, будут способствовать росту оппозиции среди рабочего класса и разложению революционной армии. После тщательного обсуждения ЦРУ отвергло этот вариант, так как, по словам Л. Киркпатрика, «правительство Кастро было особенно популярно среди рабочих, крестьян и солдат. . . а реальная оппозиция революции существовала только среди имущих классов, большинство представителей которых покинуло Кубу» [27].

Вместо «партизанской войны», перспективы победы которой, по мнению ЦРУ, были весьма отдаленными и далеко не очевидными, решено было прибегнуть к открытой военной интервенции. И в кабинетах ЦРУ и Пентагона родилась операция «Плуто». Суть ее заключалась в высадке наемников на Плая-Хирон, захвате части кубинской территории и создании марионеточного правительства во главе с М. Кардоной, которое незамедлительно признали бы США и оказали бы ему всестороннее содействие в свержении революционной власти. Поначалу на эту операцию было выделено 13 млн. долл.[28] На авиационной базе в Никарагуа вместе с бомбами и ракетами хранились 11 млн. листовок различного содержания, специально рассчитанных на кубинских солдат, крестьян, рабочих.

Десять месяцев подготовки не прошли бесследно. И когда 20 января 1961 г. в Белый дом вошел новый президент Д. Кеннеди, он получил исчерпывающую информацию о том, что делается ЦРУ для подготовки интервенции на Кубу. В феврале Кеннеди отдал приказ об ассигновании еще 4 млн. долл. кубинским эмигрантам, которые «борются против коммунистического проникновения в Западное полушарие» [29].

4 апреля на заседании Совета национальной безопасности под председательством президента США принимается окончательное решение о вооруженном вторжении на Кубу.

Очевидно, на самом высоком уровне поднимался вопрос об участии американских войск в этой авантюре, но, по свидетельству начальника отдела разведки госдепартамента Р. Хилсмэна, директор ЦРУ А. Даллес и его заместитель Р. Биссел, непосредственно отвечавший за проведение операций «Плуто», заверили Д. Кеннеди, что она

[26] *Johnson Haynes.* The Bay of Pigs. N. Y., 1964, p. 66.
[27] *Kirkpatrick Lyman B.* Op. cit, p. 192.
[28] *Schlesinger Arthur M., Jr.* A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House. L., 1965, p. 195.
[29] *Lamont C.* The Crime against Cuba. N. Y., 1961, p. 32.

будет иметь успех и без вмешательства вооруженных сил США [30]. Тем не менее, как отмечал Ф. Кастро, 20 американских летчиков [31] участвовали в интервенции 1961 г.

Своеобразной прелюдией к интервенции явилась опубликованная госдепартаментом США 3 апреля 1961 г. Белая книга. В этом официальном документе Вашингтон, оправдывая проводимую им необъявленную войну против Кубы, ультимативно заявлял: «Мы вновь требуем, чтобы правительство Кубы порвало свои связи с международным коммунизмом» [32].

Первоначально высадка наемников назначалась на 1 мая 1961 г. Известный американский политический обозреватель Д. Пирсон считал, что ее срок был перенесен из-за приближающегося сезона дождей, которые могли затормозить развитие операции, но, как показал в своей книге «Залив свиней» Х. Джонсон, причина переноса имела другую подоплеку — ЦРУ поспешило начать операцию «Плуто» на две недели раньше намеченного срока, потому что в мае, по данным американской разведки, на Кубу должны были прибыть советские самолеты типа «МИГ» [33].

Высадка 17 апреля 1500 наемников на Плая-Хирон вызвала бурю негодования во всех странах мира. 18 апреля 1961 г. Советское правительство, решительно осудив эту провокационную акцию, заявило, что «Советский Союз, как и другие миролюбивые страны, не оставит в беде кубинский народ и окажет ему всю необходимую помощь и поддержку в справедливой борьбе за свободу и независимость Кубы» [34].

16 апреля Ф. Кастро, обращаясь к народу, заявил о социалистическом характере Кубинской революции. Буквально вся Куба встала на ее защиту. Операция «Плуто» закончилась полным провалом. Менее чем за 72 часа революционные войска, возглавляемые Ф. Кастро, наголову разбили контрреволюционное отребье.

18 апреля М. Кардона, «возглавивший» сформированное им правительство «Made in USA», и пять членов его «кабинета», вместо ожидавшегося ими триумфального прибытия в «поверженную» Гавану, на самолете ВВС США были доставлены в Вашингтон, где их в течение 10 минут принимал президент США Д. Кеннеди, выразивший восхищение контрреволюционерами — участниками операции «Плуто» и заверивший лидеров гусанос, что в ее провале виноваты не они, а он — президент Соединенных Штатов Америки [35].

В ходе боев на Плая-Хирон потери интервентов составили: 92 человека погибли, из них 88 кубинских наемников и 4 американца, 1197 человек были взяты в плен, сбито 10 самолетов «Б-26»,

[30] *Hilsman Roger.* To Move a Nation. N. Y., 1967, p. 321.
[31] *Кастро Ф.* Речи и выступления 1961—1963 гг. М., 1963, с. 734.
[32] Bohemia, 1981, N 16, p. 17.
[33] *Johnson H.* Op. cit., p. 64.
[34] Правда, 1961, 18 апр.
[35] *Sidey Hugh.* John F. Kennedy: Portrait of a President. L., 1964, p. 137. Гусанос — презрительная кличка, данная кубинским народом контрреволюционерам (от исп. gusano — червяк).

потоплено 2 транспортных корабля. Революционные вооруженные силы потеряли 156 человек [36].

19 апреля контрреволюционеры были полностью разгромлены Повстанческой армией и отрядами народной милиции Кубы под командованием Фиделя Кастро. Операция, стоившая Вашингтону 80 млн. долл., обернулась для ее организаторов позорным провалом. «В заливе Кочинос, — заявил Фидель Кастро, — империалисты США потерпели свое первое крупное историческое поражение на Американском континенте» [37].

Кого же официальный Вашингтон лицемерно называл «освободителями Кубы»? В состав бригады № 2506, прибывшей на Плая-Хирон на американских транспортных судах и под прикрытием авиации и военных кораблей США, входили 100 латифундистов, 67 богатых домовладельцев, 112 крупных торговцев, 37 капиталистов, 194 батистовских военных преступника и тому подобные «освободители». Они «боролись» прежде всего за возвращение им 370 тыс. га земли, экспроприированных революцией, а также 9668 домов и роскошных аппартаментов, 70 заводов, 10 сахарных сентралей, 5 рудников, 3 банков, 12 кабаре и т. д.[38]

События на Плая-Хирон показали, что времена триумфальных маршей американских морских пехотинцев или наемников по странам Центральной Америки и Карибского бассейна безвозвратно канули в прошлое. Героизм и морально-политическое единство кубинского народа, твердая, принципиальная позиция стран социалистического содружества, их всесторонняя помощь революционной Кубе обрекли на провал организованную, подготовленную и финансировавшуюся Вашингтоном антикубинскую авантюру.

Но американские правящие круги разрабатывали новые планы свержения Революционного правительства Кубы. «Наша политика — это ликвидация режима Кастро», — заявил в сентябре 1962 г. вице-президент США Л. Джонсон [39]. После краха операции «Плуто» еще туже сомкнулось кольцо экономической блокады. 3 февраля 1962 г. Д. Кеннеди объявил о полном эмбарго на торговлю с Кубой. Грубо попирая нормы международного права, США потребовали от стран, зависимых от американского капитала, прекратить на Кубу ввоз даже продовольственных товаров и медикаментов. Иностранным судам, побывавшим на острове Свободы, запрещалось входить в американские порты. Государства, не подчинившиеся окрику Белого дома, подвергались политическому давлению и различного рода экономическим санкциям. В начале 1962 г. в Пунта-дель-Эсте на 8-м консультативном совещании министров иностранных дел стран — членов ОАГ госдепартаменту удалось протащить решение об исключении Кубы из Организации и о разрыве латиноамериканскими странами дипломатических, консульских и торговых отношений с ней.

[36] Плайя-Хирон: Историческое значение и уроки. М., 1982, с. 53.
[37] Правда, 1962, 19 апр.
[38] Bohemia, 1981, N 16, p. 49.
[39] *Alvares Rios Baldomero.* Op. cit., p. 102.

Кубинский народ ответил на этот произвол Второй Гаванской декларацией, принятой 4 февраля 1962 г. и подтвердившей его непреклонную решимость идти по социалистическому пути. Вторая Гаванская декларация резко осудила посягательства реакционных кругов на завоевания Кубинской революции, разоблачила империалистическую политику США и призвала латиноамериканские народы к борьбе за полное национальное освобождение.

Началась настоящая осада Кубы. С территории США участились воздушные и военно-морские нападения на прибрежные населенные пункты острова. В горах Эскамбрая активизировались контрреволюционные банды, организованные и финансированные ЦРУ. Всего на Кубе с 1959 по 1965 г. действовало 179 таких банд, насчитывавших около 3600 гусанос [40]. ЦРУ усиленно разрабатывало планы покушений на жизнь Ф. Кастро, Р. Кастро, Э. Че Гевары и других государственных деятелей Кубы. В докладе сенатской комиссии США по расследованию деятельности ЦРУ, опубликованном в 1975 г., говорилось: «Мы имеем конкретные доказательства организации по крайней мере 8 заговоров с целью убийства Фиделя Кастро в период с 1960 по 1965 г., в которых замешано ЦРУ» [41]. К каким только ухищрениям ни прибегали рыцари «плаща и кинжала».

16 августа 1960 г. в оперативном отделе ЦРУ была приготовлена коробка любимых сигар Фиделя Кастро, пропитанная ядом такой силы, что человек, взявший сигару в рот, скончался бы прежде, чем ему успели бы дать противоядие. В августе того же года ЦРУ установило контакт с известным чикагским гангстером Джоном Ропелли, поручив ему организовать убийство Фиделя Кастро и пообещав за это 150 тыс. долл. В апреле 1961 г. ЦРУ передало своим агентам на Кубе специальную жидкость, которую следовало влить в пищу Фиделя Кастро, после чего тот заболеет и через два-три дня умрет, причем вскрытие не обнаружит причин смерти. После провала всех этих попыток в апреле 1962 г. ЦРУ вновь передало на Кубу четыре таблетки с ядом для отравления Фиделя Кастро (а заодно, по «инициативе» кубинских контрреволюционеров, также Рауля Кастро и Че Гевары). В начале 1963 г. был разработан новый план — поместить начиненную взрывчаткой экзотическую морскую раковину в том месте, где Фидель Кастро занимается подводным плаванием. Тогда же возникла новая идея — через американских друзей Фиделя подарить ему костюм для подводного плавания, обработанный болезнетворными микроорганизмами. 17 марта 1967 г. были задержаны три контрреволюционера, прибывших из США с целью покушения на премьер-министра революционной Кубы. В 1971 г. был подготовлен план покушения на Фиделя Кастро во время его поездки в Чили. Эти попытки ЦРУ физически уничтожить руководителя Кубинской революции продолжались и в последующие годы.

«Всему миру известно, — говорил Ф. Кастро на II съезде Компар-

[40] Granma, 1970, 25 mayo.
[41] I съезд Коммунистической партии Кубы, с. 188.

тии Кубы, — что власти Соединенных Штатов планировали, организовывали и поощряли убийство руководителей Кубинской революции. Организационным центром этих гнусных действий было ЦРУ» [42]. Нагнетанию напряженности в начале 60-х годов способствовало и резко возросшее количество провокаций (с 1962 по 1967 г. оно превысило 5 тыс.[43]) со стороны гарнизона военно-морской базы США в Гуантанамо. Назревала новая военная интервенция.

В этих условиях кубинское правительство приняло решение в целях усиления обороноспособности страны разместить на своей территории советское оружие стратегического назначения. В ответ на это с 22 октября 1962 г. США установили военно-морскую блокаду Кубы. Вокруг острова Свободы было сконцентрировано 183 боевых корабля США, Пентагон привел в полную боевую готовность 100 тыс. американских солдат и офицеров во Флориде и контингенты своих войск в Западной Европе, дополнительно призвал на военную службу 150 тыс. резервистов и значительно усилил гарнизон в Гуантанамо [44].

В Заявлении от 23 октября 1962 г. Советское правительство выступило с решительным осуждением этих «беспрецедентных агрессивных действий» и предупредило Белый дом, что «если агрессоры развяжут войну, то Советский Союз нанесет самый мощный ответный удар» [45]. Вооруженные силы СССР и стран Варшавского Договора были приведены в полную боевую готовность.

Безрассудная политика реакционных кругов США вызвала острейший международный кризис. Мир оказался на грани новой мировой войны. Во имя предотвращения военного конфликта Советский Союз, получив от правительства США на состоявшихся в конце октября—начале ноября 1962 г. советско-американских переговорах гарантии о ненападении на Кубу, вывез с ее территории стратегическое оружие. В результате достигнутых на переговорах соглашений 21 ноября того же года США сняли военно-морскую блокаду Кубы и отменили все вышеназванные военные приготовления. «В качестве одного из условий прекращения конфликта, — говорил в декабре 1975 г. на I съезде Коммунистической партии Кубы Ф. Кастро, — явилось обещание США не нападать на Кубу. В то время нам, кубинцам, нелегко было понять все значение такого решения. Сегодня же, по прошествии 13 лет, мы объективно приходим к выводу, что октябрьский кризис 1962 г. означал победу революционного лагеря» [46].

В первое десятилетие после победы революции кубинский народ вел тяжелейшую политическую, экономическую, идеологическую и вооруженную борьбу, мобилизуя все свои усилия и материальные ресурсы на отражение внешней агрессии, империалистической бло-

[42] II съезд Коммунистической партии Кубы. М., 1982, с. 168.
[43] Granma, 1970, 25 mayo.
[44] *Громыко Анат. А.* 1036 дней президента Кеннеди. М., 1968, с. 211—227.
[45] Правда, 1962, 24 окт.
[46] I съезд Коммунистической партии Кубы, с. 46.

кады и подавление классовых врагов революции внутри страны, воодушевляемых и поддерживаемых Вашингтоном. «Первые десять лет, — отмечал Ф. Кастро, — наш народ почти не мог заниматься хозяйством, все было направлено на то, чтобы выжить, выстоять» [47].

После поражения на Плая-Хирон ЦРУ, которое, по свидетельству газеты «Нью-Йорк таймс», Д. Кеннеди хотел за этот провал разделить на тысячу частей и развеять по ветру [48], было поручено активизировать тайную войну против Кубы. С этой целью в феврале 1962 г. в Майами было создано специальное отделение ЦРУ во главе с бывшим руководителем службы секретных операций в Западном полушарии Т. Шакли. Этот оперативный центр получил кодовое название «Дж. М. Вейв». Его штат (700 человек) и бюджет (свыше 50 млн. долл.) оказались самыми крупными среди отделений ЦРУ, ведших подрывную работу против стран Латинской Америки. В задачи «Дж. М. Вейв» входили организация террористических акций на Кубе, субсидирование кубинских контрреволюционных групп, слежка за кубинскими эмигрантами в США и т. д. В распоряжении Т. Шакли находилась широко разветвленная агентурная сеть, охватывавшая все страны Центральной Америки. Кроме того, в каждом крупном отделении ЦРУ за границей имелись сотрудники, разрабатывавшие операции против Кубы, направленные на разрыв дипломатических и других отношений страны пребывания с Кубой и активизацию антикубинской деятельности [49]. Отдел в Майами просуществовал до 1969 г., когда его функции перешли в ведение центрального аппарата ЦРУ.

Кроме ЦРУ, активное участие в организации провокаций против Кубы принимал и Пентагон. В 60-х годах самолеты ВВС США более тысячи раз нарушали воздушное пространство Кубы [50], многократно в нейтральных водах задерживались кубинские рыболовные суда.

Мужество, стойкость, революционная бдительность бойцов кубинской армии, Комитетов защиты революции, всего кубинского народа сорвали самые изощренные планы борьбы против острова Свободы. Встретив решительный отпор, отмечал Ф. Кастро, «враг был вынужден отказаться от прямых форм борьбы и перешел к новым методам действий, к борьбе, рассчитанной на длительный период, с применением различных форм проникновения, с использованием тайных агентов, экономического саботажа, попыток идеологического проникновения и диверсий, а также всех других средств борьбы против Революции» [51].

В середине 70-х годов в Майами вновь был создан «Кубинский фронт национального освобождения», в состав которого вошли все основные кубинские контрреволюционные организации, обосновав-

[47] *Кастро Ф.* Сила революции — в единстве. М., 1972, с. 117.
[48] *Alvares Rios Baldomero.* Op. cit., p. 103.
[49] *Тарасов К.* Тайная война империализма США в Латинской Америке. М., 1978, с. 101—102.
[50] Там же, с. 103.
[51] I съезд Коммунистической партии Кубы, с. 187.

шиеся в США. Основной формой борьбы этого фронта стал терроризм — нападение на кубинские самолеты, суда, посольства и представительства Республики Куба в различных странах. Его действия направляет и координирует ЦРУ.

«Пропаганда мощнее бомб!» — этот призыв к усилению подрывного идеологического воздействия на мир социализма, брошенный в начале 60-х годов советниками Д. Кеннеди, с особым размахом стал проводиться в жизнь Белым домом в 70—80-е годы, когда идеологические диверсии стали одним из главных орудий борьбы империализма против стран социалистического содружества. Более четверти века Вашингтон ведет непрерывную «психологическую» войну против острова Свободы. «За мои более чем 30 лет работы в газете „Нью-Йорк таймс", — писал американский журналист Герберт Метьюз, — я не помню, чтобы какое-либо великое событие так ложно интерпретировалось и освещалось с такой тенденциозностью, как Кубинская революция» [52].

Более четверти века спецслужбы «доброго соседа» ведут подрывную работу, направленную на удушение Кубинской революции. С 1966 г. до конца 1976 г. активно «сотрудничал» с ЦРУ кубинский разведчик Николас Сиргадо Риос, получивший за «успешную работу» на американскую разведку поздравительное послание от государственного секретаря США Г. Киссинджера и награжденный от его имени в 1976 г. часами. Весьма красноречивый факт! Интервью Н. Сиргадо Риоса кубинскому журналу «Боэмия» свидетельствует, насколько расширился спектр информации, собираемой спецслужбами США о Кубе в 70-е годы. Характер информации показывает основные направления, по которым Вашингтон осуществляет или готовит подрывные акции против острова Свободы.

ЦРУ особенно интересуют все сведения о Фиделе Кастро (состояние здоровья, настроение, часы передвижения в различные пункты, лечащие врачи, заботы, которые могут угнетать его в данный момент, даты возможных поездок и т. п.), а также данные о других руководящих деятелях Кубы.

Большое значение придавалось таким вопросам, как отношения Кубы со странами Латинской Америки, особенно с правительствами О. Торрихоса в Панаме и С. Альенде в Чили.

Много заданий Н. Сиргадо Риос получал от ЦРУ и по выяснению связей Кубы с африканскими странами, прежде всего с Анголой.

По мере роста и укрепления авторитета движения неприсоединения ЦРУ стало требовать от кубинского разведчика данные, касающиеся роли Кубы в этом движении, и «есть ли какие секретные соглашения и какие именно»?

Особый интерес ЦРУ был прикован к отношениям Кубы с СССР и проблемам, касающимся внутриполитического и экономического положения острова Свободы. Экономические планы и оценка возможности их выполнения, капиталовложения, подписание соглашений, участие Кубы в СЭВ, вооружение кубинской армии, организационная

[52] *Alvarez Rios Baldomero.* Op. cit., p. 12.

структура Коммунистической партии Кубы, подготовка к ее I съезду, организация народной власти на местах, выборы — все эти и многие другие сведения собираются в «кубинском досье» штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли [53] — досье для новых диверсий, террористических актов, провокаций, клеветы. Но все антикубинские авантюры Белого дома обречены на провал.

Установив экономическую блокаду Кубы, Вашингтон приложил немало усилий к тому, чтобы она была поддержана и другими странами. Еще 24 августа 1960 г. сенатом США была одобрена поправка к Закону об иностранной помощи, устанавливавшая, что всякое государство, которое будет оказывать экономическую помощь Кубе или будет продавать ей оружие, будет лишено американской помощи. 16 сентября 1960 г. США направили своим союзникам — членам НАТО циркулярную ноту, побуждая их рассмотреть вопрос о сокращении закупок кубинского сахара. Через полтора года после объявления США о введении полного эмбарго на торговлю с Кубой представители американского правительства, посетившие страны — члены НАТО, вновь требовали от них присоединения к экономической блокаде Кубы. 24 марта 1962 г. министерством финансов США был наложен запрет на ввоз в Соединенные Штаты товаров других стран, полностью или частично изготовленных из кубинского сырья. 24 сентября госсекретарь США потребовал от членов НАТО воспрепятствовать участию судов их стран в перевозке товаров на Кубу. Когда же все эти меры не дали желаемых результатов, 18 февраля 1964 г. США сообщили о прекращении «помощи» Англии, Франции и Испании. К середине 1967 г. «черный список» судов, совершавших вопреки воле США — перевозки товаров на Кубу, включал уже 227 единиц торгового флота 20 капиталистических стран [54].

Этой линии Вашингтон следовал и в последующие годы. Летом 1968 г. в ходе предвыборной кампании Р. Никсон в интервью газете «Майами геральд» так обозначил свои взгляды в отношении Кубы. «Я считаю, — заявил кандидат в президенты, — что в своей политике по отношению к Кубе США должны усилить экономическую блокаду, а также добиваться поддержки этой акции со стороны других западных стран» [55].

Правительство США своими противозаконными экономическими действиями нанесло республике значительный ущерб. «Ни одна страна Латинской Америки, — отмечал на I съезде Компартии Кубы Фидель Кастро, — никогда не получала таких жестоких ударов по своим жизненно важным интересам» [56]. Действительно, по оценке Национального банка Кубы, ущерб, нанесенный экономике страны в результате преступной блокады со стороны Вашингтона, превысил сумму в 9 млрд. долл.[57]

[53] Cuba acusa a la CIA. — Bohemia, 1979, N 33, p. 60—65.
[54] Congressional Record-House, 1967, June 28, p. 8237.
[55] Miami Herald, 1968, July 8.
[56] I съезд Коммунистической партии Кубы, с. 43.
[57] Granma, 1983, 24 Mayo.

Требуя отмены экономической блокады, Куба исходила прежде всего из политических принципов, основанных на равенстве и уважении суверенитета всех народов. При всем ущербе, нанесенном ее экономике действиями США, Вашингтону не удалось добиться желаемой цели — два с лишним десятилетия блокады отнюдь не привели к «развалу кубинской экономики». Напротив, благодаря самоотверженному труду кубинского народа, а также братской помощи Советского Союза и других социалистических стран народное хозяйство Кубы развивается темпами, каких не знает ни одна страна Латинской Америки.

Отдавая себе отчет в революционизирующем примере Кубы для народов континента, империалистические круги США направили свои усилия на всемерную дискредитацию этой страны, на то, чтобы добиться полного разрыва традиционных связей между Кубой и другими латиноамериканскими государствами. Для достижения этих целей использовалась Организация американских государств, к моменту победы Кубинской революции послушно проводившая политику угодную Вашингтону.

Уже через полгода после победы революции на Кубе, 1 июля 1959 г. американский президент, выразив обеспокоенность «положением в районе Карибского моря в связи с политикой, проводимой правительством Кубы», порекомендовал ОАГ выступить с «инициативой, направленной на ликвидацию такого положения» [58]. Отправляясь через семь месяцев в турне по ряду латиноамериканских стран, Эйзенхауэр не скрывал своих антикубинских целей. «Президент, — отмечал журнал „Бизнес уик", — надеется заручиться поддержкой для определенных мер, которые Соединенным Штатам придется в будущем принять на Кубе» [59]. И через полгода на совещании министров иностранных дел американских государств под давлением госсекретаря США была принята резолюция «О соблюдении межамериканской дисциплины», в которой содержались угрозы в адрес Кубы.

Собираясь на свои конференции и совещания, ОАГ с каждым разом усиливала нападки на революционную Кубу, следуя приказам из Вашингтона. «Все конференции ОАГ, начиная с 5-го Консультативного совещания министров иностранных дел стран — членов ОАГ, состоявшегося в Сантьяго в 1959 г., — отмечалось в кубинской газете „Нотисиас де ой", — были использованы Соединенными Штатами Америки для того, чтобы добиться одобрения их антикубинских планов» [60].

В своем стремлении сколотить единый антикубинский блок латиноамериканских государств Вашингтон не только применял методы откровенного нажима и давления, но и стремился противопоставить влиянию Кубинской революции реформистские планы так называемой «мирной регулируемой революции». В этих целях в начале

[58] The New York Times, 1959, July 2.
[59] Business Week, 1960, Febr. 20.
[60] Noticias de Hoy, 1965, 11 Febr.

1961 г. США выдвинули широко разрекламированную программу «Союз ради прогресса», сулившую народам стран Латинской Америки решение их насущных социальных и экономических задач. План этот по существу являлся «еще одним инструментом для ведения „холодной войны" против Кубы» [61]. В январе 1962 г. на 8-м Консультативном совещании министров иностранных дел стран — членов ОАГ было принято решение об исключении Кубы из этой организации и всех других органов «межамериканской системы» под предлогом «несовместимости» социального строя Кубы с принципами этой системы. В июле 1964 г. ОАГ, по указке Вашингтона, приняла резолюцию о проведении комплекса антикубинских «санкций».

Таким образом, осуществляя политику возведения «санитарного кордона» вокруг Кубы, Вашингтон сумел (на какое-то время) прервать ее связи с другими латиноамериканскими странами. Понадобилось определенное время и новые успехи Кубинской революции, чтобы и эта стратегия Вашингтона завершилась очередным провалом.

В своей враждебной деятельности против Кубинской революции империалистические круги США, как мы видели, применяли самый широкий арсенал действий: от прямых угроз и военного вторжения до подрывных акций и экономической блокады. Однако имперская логика вашингтонских правителей включала в себя и еще один элемент. Речь идет о политике «кнута и пряника». Эту политику они попробовали применить также и к революционной Кубе. Еще в самом начале революции американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» многозначительно намекала: «Если Кастро окажется сговорчивым, то он может надеяться на изменение политики Соединенных Штатов и на их помощь» [62].

Как показали дальнейшие события, революционная Куба отнюдь не проявила склонности к «сговорчивости» с американским империализмом, и все применявшиеся Соединенными Штатами средства не привели к подавлению Кубинской революции.

Тогда в самих Соединенных Штатах стали раздаваться голоса о необходимости изменения политики в отношении Кубы. Сенатор Эдвард Кеннеди заявил, что «настала пора покончить со странным конфликтом» [63]. Группа конгрессменов-республиканцев в докладе «О разрядке в отношениях с Кубой» пришла также к выводу, что «было бы в интересах США начать такой диалог с Кубой, который мог бы привести в конечном счете к нормализации отношений между обеими странами» [64].

Что касается позиции Кубы, то на протяжении всех послереволюционных лет она отличалась ясностью и последовательностью: Куба не считает народ Соединенных Штатов враждебным народом, Куба не сделала ни одного шага, направленного против интересов

[61] Organización de los Estados Americanos: Reunión Extraordinaria del Consejo Económico y Social al Nivel Minesterial, Uruguay, agosto, 1961, Documentos oficiales OAE, Ser. H/XI, ESPRE-Doc. 39, p. 2.
[62] New York Gerald Tribune, 1959, Apr. 13.
[63] New York Times Magazine, 1973, Jan. 13.
[64] Christian Science Monitor, 1973, Jan. 30.

народа США, и если какое-либо американское правительство встанет на путь отказа от агрессивной политики в отношении Кубы, то оно, естественно, встретит понимание в решении различных проблем двусторонних отношений при условии соблюдения принципов равенства и взаимного уважения, отмены экономической блокады и возвращения Кубе ее территории, занятой США под военно-морскую базу в Гуантанамо.

Исходя из такой принципиальной политики и демонстрируя свою добрую волю, правительство Кубы пошло осенью 1972 г. при посредничестве швейцарского посольства в Гаване на переговоры с США по вопросу о мерах предотвращения угона самолетов и морских судов. 15 февраля 1973 г. соответствующее соглашение было подписано. Это породило некоторые надежды в кругах трезвомыслящих американских политиков. После ухода с политической арены президента Никсона общественность заинтересованно ждала, какую политику в отношении Кубы будет проводить его преемник. «Наша политика по отношению к Кубе, — заявил новый американский президент Дж. Форд на пресс-конференции 28 августа 1974 г., — определяется санкциями, одобренными и принятыми ОАГ» [65]. Поскольку к этому времени в ОАГ уже заметно нарастали настроения в пользу отмены принятых десять лет назад антикубинских «санкций», то это заявление было воспринято как намек на то, что «Вашингтон так же, как и его соседи в Латинской Америке, продвигается вперед в кубинском вопросе» [66].

Кубинское правительство, верное своей принципиальной политике, отдало должное этим новым моментам в позиции США. Оно пригласило в Гавану группу американских конгрессменов. После их визита голоса в Соединенных Штатах в пользу нормализации отношений с Кубой зазвучали настойчивее. «Политика изоляции Кубы, — отмечал председатель сенатской комиссии по иностранным делам Дж. Спаркмэн, — завершилась провалом. Пришло время тщательно взвесить возможность изменения американской политики, имея в виду прекращение экономического бойкота и восстановление с ней нормальных отношений» [67]. «Наша политика непризнания Кубы, — заявил конгрессмен М. Харрингтон, — принесла нашим внешнеполитическим интересам больше вреда, чем пользы. Мы не оторвали Кубу от остальной части мира, а оторвали себя от Кубы» [68].

Казалось, что в Соединенных Штатах побивала себе дорогу реалистическая тенденция пересмотра обанкротившейся политики в отношении Кубы. Эта тенденция еще заметнее обозначилась в начале правления администрации Картера. 28 апреля 1977 г. в Гаване было подписано соглашение между США и Кубой по вопросам рыболовства и морских границ. 10 мая сенатская комиссия по иностранным делам одобрила поправку к законопроекту, разрешающему

[65] The New York Times, 1974, Aug. 29.
[66] Christian Science Monitor, 1974, Sept. 3.
[67] Congressional Record, Wash., 1974, vol. 112, Febr., N 21, p. A 495.
[68] Ibid., p. A 497.

американским компаниям поставлять на Кубу продовольствие, сельскохозяйственную продукцию и медикаменты [69]. Наконец, 1 сентября 1977 г. по взаимной договоренности были открыты «отдел интересов» США при швейцарском посольстве в Гаване и аналогичный «отдел интересов» Кубы при посольстве ЧССР в Вашингтоне. Впервые за 16 лет после разрыва США отношений с Кубой в столицах двух стран появились дипломаты, деятельность которых при взаимном желании обеих сторон могла бы способствовать определенному улучшению двусторонних отношений.

Но и при этом США продолжали преследовать свои имперские цели в отношении Кубы. 17 марта 1978 г. президент Картер, используя в качестве предлога интернациональную помощь Кубы народу Эфиопии, вновь прибег к привычному языку нападок, оскорблений и угроз в отношении Кубы [70]. 28 июня 1978 г. сенат США проголосовал за прекращение с Кубой любых контактов дипломатического и экономического характера.

С приходом в 1981 г. к власти новой администрации официальным курсом США был провозглашен «крестовый поход» против мирового социализма. Особое внимание в его осуществлении уделялось социалистической Кубе, находящейся в непосредственной близости от США. Целью американской политики стало стремление заставить кубинское правительство «отказаться от прежнего курса», т. е. от продолжения строительства социализма на Кубе и поддержки антиимпериалистической борьбы народов.

Администрация США в проведении своей антикубинской политики не ограничивается лишь пропагандистско-идеологическими кампаниями. Одновременно она прибегает и к методам прямого политического давления на различные, и прежде всего латиноамериканские, страны, чтобы «оторвать» их от революционной Кубы, заставить следовать антикубинскому курсу. 24 февраля 1982 г. Рейган выступил в штаб-квартире ОАГ в Вашингтоне, где провозгласил так называемую «новую карибскую инициативу». Суть ее состоит в том, чтобы ценой обещаний очередной порции экономической «помощи» странам Центральной Америки и Карибского бассейна добиться от них свертывания отношений с социалистической Кубой. Этим же целям служила и поездка вице-президента США Дж. Буша по странам Латинской Америки в октябре 1981 г. В декабре того же года на очередной сессии ОАГ в Сент-Люсии американская делегация приложила все усилия для сколачивания антикубинского блока латиноамериканских государств [71].

В Ки-Уэсте было создано региональное Карибское объединенное командование США, в задачу которого входит сбор разведывательной информации в странах Карибского бассейна и Центральной Америки с использованием разведывательных самолетов и других технических средств. Осенью 1981 г. у берегов Кубы были проведены учения

[69] The New York Times, 1977, 11 May.
[70] Foreign Affairs, 1978, vol. 57, p. 654.
[71] Department of State Bulletin, 1982, vol. 82, 2058, p. 4.

«Оушн венчер-81», в которых участвовало 17 тыс. американских военнослужащих, десятки кораблей, сотни боевых самолетов [72]. Через полгода к участию в маневрах «Оушн венчер-82» было привлечено уже 45 тыс. военнослужащих, 350 самолетов различных типов (в том числе стратегические бомбардировщики «В-52»), 60 кораблей, а также крупные «силы быстрого развертывания» [73].

Как сообщает кубинская печать, поблизости от кубинских берегов постоянно размещаются более 450 современных истребителей-бомбардировщиков США, а в американских водах в этом районе курсируют три авианосца [74]. В 1982 г. американский сенат принял так называемую «поправку Симмса», предусматривающую принятие против Кубы «любых мер, включая применение оружия» [75]. 4 октября 1983 г. Рейган подписал законопроект о создании во Флориде радиостанции, специально предназначенной для вещания на Кубу (начала работу 20 мая 1985 г.).

К новым преступлениям США относится ведение необъявленной биологической войны против Кубы. В конце 70-х — начале 80-х годов на острове были поражены обширные массивы сахарного тростника и имели место несколько эпидемий среди скота. В 1981 г. 237 тыс. кубинцев переболело лихорадкой денге, а затем началась эпидемия геморрагического конъюнктивита, в результате которой погибли 156 человек, в том числе 29 детей [76].

Антикубинские действия администрации США включают усиление экономической блокады Кубы. 17 апреля 1982 г. правительство США, ссылаясь на закон, запрещающий «вести торговлю с врагом», отдало распоряжение прекратить полеты на Кубу самолетов американской авиакомпании «Американ эйруэйз чартерс». Вслед за этим последовал запрет судам государств, ведущих торговлю с Кубой, останавливаться во время рейсов в портах США. Была разработана «программа развития» для стран Центральной Америки и Карибского бассейна, целью которой являлось «установление полной экономической и торговой блокады Кубы».

Как видим, Соединенные Штаты в своем стремлении погасить факел революции в Западном полушарии, «закрыть» дорогу социализму на Американском континенте использовали все доступные им средства. И хотя президент Рейган, выступая на встрече в Белом доме с лидерами кубинской эмигрантской общины 20 марта 1984 г., с присущей ему самоуверенностью воскликнул: «Мы повернем вспять ход событий!», — четверть века существования свободной Кубы свидетельствует о том, что подобные пожелания относятся к области иллюзий.

«Империализм, — подчеркивал Ф. Кастро, — недооценил героическое сопротивление рабочего класса и народа Кубы и их готовность к борьбе. Он также не учел особенностей исторической

[72] Известия, 1981, 17 нояб.
[73] Правда, 1982, 5 мая.
[74] Granma, Resumen Semanal, 1982, 11 Mar.
[75] The Washington Post, 1982, Aug. 13.
[76] См.: *Сергеев Ф.* Тайная война против Кубы. М., 1982, с. 181—183.

эпохи, в условиях которой осуществлялась революция, и изменений в соотношении сил на мировой арене, нашедших свое конкретное отражение в разрешении октябрьского кризиса, а в общей форме — в существовании и развитии Кубинской революции.

Внутреннее единство и революционная решимость, а также солидарность народов мира, социалистических государств, и особенно солидарность Советского Союза, его экономический, политический, военный и технический вклад позволили нанести поражение вооруженным агрессиям, которые осуществлялись или поощрялись Соединенными Штатами; ликвидировать последствия экономической блокады; создать условия, которые гарантировали и гарантируют дальнейшее развитие нашей экономики, а также превращение Кубинской революции в необратимое социальное явление» [77].

Опираясь на помощь Советского Союза и других стран социалистического содружества, пользуясь поддержкой всех прогрессивных сил мира, Республика Куба успешно противостоит всем враждебным действиям Соединенных Штатов Америки. История этого противоборства убедительно свидетельствует, что агрессивная политика США в отношении Республики Куба доказала свою полную несостоятельность и историческую бесперспективность.

[77] I съезд Коммунистической партии Кубы, с. 301—302.

Агрессия против Гренады

Н. В. МОСТОВЕЦ

Одним из чудовищных злодеяний американского империализма последней четверти нашего века является вооруженная интервенция против небольшой по размеру страны Западного полушария, Гренады, расположенной в Карибском бассейне, в самой южной части Антильских о-вов.

Что же произошло на этом острове? Почему крупнейшая страна капиталистического мира бросила свои вооруженные силы против страны, население которой в 2000 с лишним раз, а территория в 34 тыс. раз (!) меньше?

В марте 1979 г. весь мир облетела весть — на маленьком острове в Карибском море произошла народная революция. Пала ненавистная диктатура, пользовавшаяся поддержкой империалистических государств, и к власти пришло народное правительство, объявившее о строительстве нового, демократического общества.

Это была вторая народная революция в Западном полушарии, свершившаяся через 20 лет после победоносной Кубинской революции. За Гренадой последовала Никарагуа, где народ после многолетней борьбы изгнал кровавого диктатора Сомосу. Под ударами народ-

ных масс, поднявшихся на революционную борьбу, начала рушиться колониальная система в бассейне Карибского моря.

История острова Гренада полна самых невероятных событий. Открытый Колумбом во время его третьего плавания к берегам Нового Света в 1498 г., о-в Гренада вместе с примыкающими к нему небольшими островами, получившими название Гренадины, очень скоро привлек к себе внимание искателей приключений, легкой наживы, а также многочисленных торговцев, прибывающих из Европы. Их манили сюда свободные земли, которые при благоприятном климате давали прекрасный урожай хлопка, кофе, какао-бобов, мускатного ореха и других видов пряностей. Первые разбросанные повсюду небольшие поселения европейцев создавались здесь испанцами, французами, англичанами.

В 1650 г. остров был куплен Францией, и губернатор французской колонии Мартиники основал здесь самое крупное поселение европейцев, ставшее впоследствии столицей Сент-Джорджесом.

Французские колонизаторы оседали на гренадском побережье, захватывая места, давно обжитые коренным населением — индейцами-карибами. Аборигены отчаянно, но безуспешно сопротивлялись незванным пришельцам, но безуспешно. Рассказывают, что в 1655 г. французские колонизаторы окружили последних карибов, оставшихся на Гренаде, и предложили им сдаться. Но индейцы гордо отказались от плена и бросились в кипящую бездну. Сейчас на этом месте стоит город Сен-Патрик. Войны за овладение острова продолжались долго. В 1763 г. Гренаду захватили англичане, господствовавшие в Карибском море. Однако в 1779 г. во время Семилетней войны Франция вернула себе остров. Правда, ненадолго. После понесенного французами поражения в войне остров по договору в 1783 г. был возвращен Великобритании, которая превратила его в свою колонию.

С появлением европейцев на острове стали возникать крупные плантации по выращиванию хлопка, какао-бобов, кофе, мускатного ореха. В целях получения дешевых рабочих рук владельцы плантаций начали привозить из Африки чернокожих рабов. Последние не только использовались на плантациях, многие из них служили в управленческом аппарате и обслуживали белых. Постепенно черное население стало составлять большой процент среди гренадцев.

Рабы, подвергавшиеся жестокой эксплуатации, вели упорную борьбу за свободу. Одно из крупных их выступлений вспыхнуло в 1795 г. под предводительством Федона. Восставшие сражались под лозунгом «Свобода, равенство или смерть!». Английские колонизаторы, напуганные размахом восстания, бросили на его подавление все силы, сосредоточенные на острове. Над восставшими была учинена жестокая расправа.

Восстание рабов под руководством Федона — яркая страница в истории гренадского народа. Гренадцы высоко чтят имя Федона — национального героя. Борьба рабов была небезуспешной. В 1838 г. рабство в Гренаде было отменено.

Хотя Гренада являлась аграрным придатком метрополии, здесь

постепенно развивалась и местная промышленность. Возникли заводы по переработке сахарного тростника, производству рома, по очистке хлопка, мебельная и швейная фабрики. Остров привлекал многочисленных туристов, что обусловило необходимость строительства гостиниц и дорог. Все это вело к тому, что на Гренаде зарождалась мелкая буржуазия, развивался рабочий класс, а впоследствии возникли профсоюзы и политические партии. Произошло это уже в 20—30-х годах XX в. Первые профсоюзы, несмотря на свою малочисленность и слабость, были важным орудием в борьбе рабочего класса за свои права.

Первый крупный профсоюз работников умственного и физического труда возник в 1950 г. Во главе его стал один из рабочих активистов, Эрик Гейри, честолюбивый человек, стремившийся любым путем прийти к власти. Он умело использовал для поднятия своего авторитета растущее недовольство батраков и арендаторов, которые добивались от владельцев плантаций мускатного ореха и какао улучшения условий труда, в частности повышения заработной платы. В поддержку этих требований весной 1951 г. все профсоюзы по призыву Э. Гейри объявили всеобщую забастовку. Забастовка закончилась победой. Авторитет Гейри возрос, он решил создать свою политическую партию. Образованная в том же году партия получила название Народной партии и осенью победила на выборах. Обещания Гейри улучшить положение рабочего класса и всех трудящихся, добиться независимости страны еще больше подняли авторитет как его самого, так и его партии.

В 1953 г. Народная партия была переименована в Объединенную лейбористскую партию, которая побеждала на выборах в 1954, 1961, 1967, 1972 гг.

В 1958 г. Великобритания вынуждена была предоставить Гренаде, как и другим колониям в Карибском районе, ограниченную автономию, а в 1967 г. статус «ассоциированного с Великобританией государства» с полным внутренним самоуправлением.

Когда Гренада в 1967 г. получила статус «ассоциированного с Великобританией государства», Э. Гейри как лидер победившей партии стал премьер-министром. Так бывший профсоюзный деятель превратился в главу государства, хотя и «ассоциированного», но все же государства. До этого Гренада управлялась только генерал-губернатором, назначаемым английским королем. Став премьер-министром, Гейри забыл о своих обещаниях заботиться о нуждах трудящихся, взяв курс на сотрудничество с местной и иностранной, в первую очередь английской и американской, буржуазией. Гренада фактически оставалась английской колонией, народ которой подвергался жестокой эксплуатации. А премьер-министр полностью поддерживал политику Великобритании, подавляя с помощью созданной им вооруженной силы всякое недовольство. Власть же фактически оставалась в руках генерал-губернатора.

Но в эти же годы на Гренаде шло формирование местной интеллигенции. За время, прошедшее после второй мировой войны, число лиц со средним образованием, увеличилось более чем в 6 раз, с выс-

шим — вдвое. Последнему обстоятельству способствовало обучение молодежи в университетах Лондона, Торонто, Кингстона. Передовая молодежь, радикально настроенная интеллигенция, получившая образование в США, Канаде и европейских странах, стали создавать организации, ставившие целью борьбу за независимость страны и социальные перемены.

В начале 70-х годов возникли две такие политические организации: весной 1972 г. Объединенный поход за благосостояние, образование и освобождение (ДЖУЭЛ) [1] под руководством Юнисона Уайтмена, а осенью того же года — Новое движение за народные ассамблеи во главе с Морисом Бишопом. С момента образования их цель была едина — уничтожение ненавистного народу диктаторского режима; это сблизило обе организации, и в марте 1973 г. они объединились в одну партию — Новое движение ДЖУЭЛ (НДД).

Партия обратилась к народу Гренады с манифестом, в котором излагались идеологические и программные основы партии. Манифест призывал народ стать хозяином своей страны.

Требование масс о предоставлении полной самостоятельности стране, что нашло отражение и в манифесте партии Новое движение ДЖУЭЛ, привело к тому, что 7 февраля 1974 г. Гренада получила независимость в рамках британского содружества наций. Британская королева, представленная в Гренаде назначенным ею генерал-губернатором, оставалась главой государства. Первым премьер-министром уже независимого государства стал опять-таки Э. Гейри. Над его резиденцией в Сент-Джорджесе взвился красно-желто-зеленый флаг с изображением мускатного ореха — одного из главных продуктов, составляющих богатство страны.

Но принесла ли независимость облегчение народу? Нет. Никаких изменений в сравнении с тем, что было в течение многовекового колониального гнета, не произошло. Правящая клика во главе с Гейри, лишившая народные массы самых элементарных прав, начала преследовать прогрессивные силы, пыталась расправиться с партией ДЖУЭЛ, ставшей главной политической силой, выступающей против диктатуры. В стране господствовал террор — полиция днем и ночью арестовывала людей, чинила расправу над невиновными, разгоняла демонстрации, применяя огнестрельное оружие. Специальные отряды солдат, так называемых «мангустов» («зеленых бестий»), созданные для расправы над населением, и полицейские арестовывали всех, кто выражал недовольство политикой новоиспеченного правителя.

По словам лидера партии Новое движение ДЖУЭЛ Мориса Бишопа, «страной правил тупоголовый диктатор, погруженный в трансцендентальные раздумья о НЛО, преследуемый мыслью о своем божественном происхождении и одновременно жестокий и безжалостный в применении своей власти» [2].

Гейри установил отношения с самыми реакционными режимами

[1] Joint Endeavour for Welfare, Education and Liberation.
[2] *Bishop M.* Selected Speeches, 1979—1981. Casa dei Las Americas. Havana, 1982, p. 265.

Чили, Гаити, Южной Кореи, ЮАР. Диктатор совершенно не занимался вопросами экономического развития страны. То, что страна получала от экспорта традиционных товаров — бананов, какао-бобов, мускатного ореха, Гейри клал в свой карман. Он присвоил себе огромные участки земли, став крупнейшим плантатором. Промышленность не развивалась. Безработица достигла 50 %[3].

Страшную картину представляла страна. Надолго останутся в памяти народа «кровавые воскресенья», «кровавые понедельники», когда «мангусты» и полиция чинили жестокую расправу над населением за выражаемое им недовольство. Сколько детей, женщин погибло во время диктатуры, этого не сосчитать.

Недовольство масс кровавым режимом росло с каждым днем. Видя это, Гейри усиливал репрессии. Но активизировала свою деятельность и оппозиция. Оппозиционные партии, среди которых находилась и партия Новое движение ДЖУЭЛ, образовали Народный альянс, принявший участие в выборах 1976 г. Выборы проходили в условиях террора. Избирателям угрожали увольнением с работы, голосовавших за кандидатов оппозиции избивали, бросали в тюрьмы. Улицы патрулировали «мангусты» и полицейские. Однако, несмотря на террор, 48,5 % избирателей отдали голоса кандидатам оппозиции. В результате 6 мест из 15 получили в парламенте представители партий, входящих в Народный альянс. Три из них принадлежали партии ДЖУЭЛ.

Итак, в руках партии ДЖУЭЛ оказалась важная трибуна, которую ее молодой лидер, юрист по образованию, Морис Бишоп использовал для разоблачения антинародной политики диктатора Гейри. Одновременно партия ДЖУЭЛ готовилась к захвату власти. Она вела работу среди народа и армии, создавала свои вооруженные силы — повстанческие отряды. Медлить было нельзя. Следовало воспользоваться недовольством масс, растущей ненавистью к существующему режиму, а главное — выбрать момент так, чтобы выступление оказалось для диктатора и его клики неожиданным. И такой момент наступил.

12 марта 1979 г. Гейри отправился в США, чтобы получить новые указания от хозяев и выпросить для себя новые блага. «Мангустам» Гейри строго приказал охранять его резиденцию. Мог ли диктатор предполагать, что он больше никогда не вернется в страну?

Руководство партии ДЖУЭЛ, узнав об отъезде Гейри, приняло решение немедленно начать восстание. Промедление могло привести к срыву плана. И вот утром 13 марта молодые революционеры, возглавляемые Бишопом, атаковали расположенные на окраине Сент-Джорджеса казармы, где находились основные части армии Гейри, а также терроризирующие народ «мангусты». 300 солдат, не ожидавшие нападения, были застигнуты врасплох. Многие без сопротивления сдались в плен, остальные разбежались, даже не успев захватить оружие.

Вслед за захватом казарм и разгромом основной части банд

[3] Ibid.

«мангустов» повстанцы овладели радиостанцией и обратились к народу с призывом присоединиться к революционным силам и покончить с ненавистным режимом.

Студенты, рабочие, как мужчины, так и женщины и даже дети, присоединялись к повстанцам. Силы революции росли. Одни бросились к резиденции премьер-министра, другие — к зданию телеграфа и иным объектам, имеющим стратегическое значение. В данный момент необходимо было помешать сторонникам Гейри связаться с ним и просить помощи у США или соседних реакционных режимов. Империалистические круги Соединенных Штатов могли буквально в считанные часы перебросить свои вооруженные силы и подавить революцию. Все это было учтено руководителями восстания. Морис Бишоп находился в самой гуще событий.

В резиденции премьер-министра были обнаружены потайные ходы. Бишоп и сопровождавшие его люди, в том числе иностранные корреспонденты, спускаются в тайники, где выявляют вещи, свидетельствующие о тесных связях Гейри с Пиночетом. Здесь в подвале были найдены и сотни экземпляров написанной Гейри «молитвы нации», предназначенной для распространения среди населения. Диктатор обращался к всевышнему с просьбой благословить частную собственность, капитализм, Международный банк реконструкции и развития, оградить Гренаду от влияния коммунизма, от забастовок и народных выступлений. Молитва не спасла диктатора.

Итак, на маленьком острове в Карибском море произошла вторая после Кубинской антиимпериалистическая народная революция. К власти пришло народное революционное правительство (НРП) во главе с лидером партии Новое движение ДЖУЭЛ Морисом Бишопом.

Морис Бишоп так охарактеризовал гренадскую революцию: «День 13 марта 1979 г. стал новой светлой зарей для народа Гренады и трудящихся всего Карибского бассейна. Эта заря ознаменовала конец долгого мрачного периода террора и стала началом нового дня. Наш героический народ — восставшие против Гейри массы бросили вызов истории и, говоря словами карибского поэта Эдварда Брэтуайта, „сорвали дверь и вошли в утро, будучи уверенными в будущем. Пути назад нет". Как уже часто говорилось до этого, когда осознавший себя и решительный народ поднимался как одно целое, вновь воскликнем: „Довольно! Несправедливость, тирания и эксплуатация обречены. Начинается новая славная глава в истории человека: строительство бедными и для бедных общества равенства и справедливости"» [4].

Народное революционное правительство получило тяжелое наследие: находящаяся в полном упадке экономика, разграбленная диктатурой казна, массовая безработица, голод и нищета. Нужно было, не теряя времени, улучшать положение, поднимать экономику, уровень жизни народа. Все это стало возможно благодаря рожденному революцией энтузиазму широких народных масс. Тысячи гренадцев выходили на строительство дорог и жилищ. С восхищением пресса

[4] Ibid., p. 264.

писала об этом энтузиазме, подчеркивая один важный фактор — единство народа и партии, полную поддержку руководства партии и правительства со стороны масс.

За четыре года, прошедших после прихода к власти народного правительства, возглавляемого Бишопом Морисом, была разработана программа широких демократических преобразований, которая включала предоставление политических и социал-экономических прав народу, проведение аграрной реформы, принятие мер, направленных на создание государственного сектора экономики и ликвидацию господства иностранных монополий в экономике страны. Быстро менялся облик молодого карибского государства. Развивалась основная отрасль экономики страны — сельское хозяйство, в котором было занято 28 % трудоспособного населения страны. Проводилась аграрная реформа. Была экспроприирована земельная собственность Гейри и его приспешников, изъяты излишки земли у иностранных и местных крупных землевладельцев, созданы агропромышленные предприятия и государственные фермы.

Гордостью гренадцев стал строившийся с помощью Кубы недалеко от Сент-Джорджеса международный аэропорт Пойнт-Сэлайнз. Это строительство вызывало злобу администрации США. Президент Рейган во время одного из своих выступлений заявил, будто строящийся международный порт в Пойнт-Сэлайнз есть не что иное, как «военно-воздушная база», которая станет «мостом для советско-кубинской экспансии» в Карибском бассейне. При этом он размахивал снимками строящегося аэропорта. Заявление главы Белого дома подверглось осмеянию даже в американской печати.

Гренада стала государством народной демократии, выражающей интересы рабочих и крестьян. Ее признало большинство стран Латинской Америки, Европы, Азии, Африки. Молодое свободное государство стало участником движения неприсоединения и вошло в координационное бюро, а партия Новое движение ДЖУЭЛ была принята в члены Социалистического интернационала. Гренада установила дипломатические отношения более чем с 60 странами, в том числе со всеми государствами социалистического содружества.

Если прогрессивные, демократические силы всего мира встретили гренадскую революцию с восторгом, то у правящих кругов США, все еще продолжающих считать Центральную Америку и Карибский район своей вотчиной, где Пентагон располагает почти полусотней военных баз и объектов, успехи народа Гренады вызывали растущую тревогу и ненависть.

На следующий день после революции, 14 марта 1979 г., Вашингтон официально выразил «серьезную озабоченность случившимся» и с тех пор проводил в отношении Гренады откровенно враждебную политику. США, пытаясь задушить гренадскую революцию, грубо вмешивались во внутренние дела страны. ЦРУ разработало план под кодовым названием «Пирамида», предусматривавший организацию морской блокады и экономического бойкота Гренады, лишение ее кредитов и займов со стороны международных банков и Европейского экономического сообщества (ЕЭС). США начали создавать «санитар-

ный кордон» вокруг острова. В районе Центральной Америки и Карибского бассейна Пентагон, располагая 47 военными базами и объектами, держал под ружьем 16 тыс. солдат.

Составной частью интервенционистской политики США стали военные маневры, проводимые в Карибском море с небывалым размахом («Блэк фьюри», «Блэк хок IV», «Ридекс-1—81», «Оушн Венчер—81», «ИГЛ-Виста», «Ридекс-2—81»).

После прихода к власти Рейгана в Белом доме откровенно заговорили об американском десанте, чтобы «выжечь марксистскую заразу на третьей Кубе». И хотя никаких поводов к этому не было, подобные планы, как отмечала пресса, ставились на повестку дня каждые три месяца. План «Пирамида» уточнялся, конкретизировался. Агентура ЦРУ, первые годы прятавшаяся в подполье, активизировалась.

В августе 1981 г. США по разработанному администрацией Рейгана плану провели на о-ве Вьекес, неподалеку от Пуэрто-Рико, маневры по высадке десанта под кодовым названием «Оушн Венчер—81». Эти маневры явились генеральной репетицией высадки на Гренаду. Не случайно спикер палаты представителей американского конгресса Томас О'Нил, осуждая администрацию за вторжение на Гренаду, заявил, что администрация в течение двух лет ждала повода, чтобы вторгнуться на Гренаду. О'Нил явно намекал на маневры на о-ве Вьекес.

Высадка на о-в Вьекес производилась под предлогом защиты жизни американских граждан, которым якобы угрожала опасность. Таков метод — любую агрессию оправдать защитой жизни американцев.

Командующий ВМС в этом районе контр-адмирал Р. Маккензи заявил, что весь Карибский бассейн представляет для Соединенных Штатов «единую военно-политическую проблему», а Куба, Никарагуа и Гренада являются для Вашингтона «по существу одной страной». На территории самих США в специальных лагерях проходят подготовку диверсанты, предназначенные для засылки в страны Карибского региона и Центральную Америку.

В июле 1983 г. США, развязав бешеную антиникарагуанскую кампанию, собрали в Карибском море армаду своих военных кораблей. Такой военно-морской силы США здесь еще не сосредоточивали. Были переброшены даже корабли с Тихого океана.

Действия американской администрации в Центральной Америке и Карибском бассейне являют собой образец гегемонизма. Отрицая право народов этого района на самоопределение, на самостоятельность в проведении своей внутренней и внешней политики, Вашингтон делает все, чтобы оттянуть час победы освободительных движений, а в страны, где силы демократии и прогресса добились успеха, экспортировать контрреволюцию.

США предпринимали несколько попыток свергнуть революционно-демократическое правительство Гренады, убить лидера партии Новое движение ДЖУЭЛ, премьер-министра страны Мориса Бишопа. Так, агенты ЦРУ 19 июня 1980 г. подложили бомбы под пра-

вительственную трибуну на стадионе, где должен был происходить массовый митинг. Последовал большой силы взрыв, от которого пострадало много людей. Только случайность спасла Бишопа и других членов правительства от гибели.

Одновременно агентура ЦРУ весьма активно пыталась нанести ущерб экономике страны, посеять недоверие к революционному правительству. Плантаторы, связанные с компрадорской буржуазией, саботировали прогрессивные преобразования, спекулируя на экономических трудностях, вызванных падением мировых цен на традиционную экспортную продукцию. Контрреволюционные действия плантаторов сомкнулись с саботажем части городской буржуазии. Реакционное руководство американского профсоюза докеров Восточного побережья через свою агентуру создало на Гренаде профсоюз портовых рабочих в составе 100 человек. «Рабочим» здесь принадлежали лавки и таксомоторный парк. Это была подлинная мафия. Действуя по указанию реакционного руководства американского профсоюза, она постоянно угрожала парализовать забастовкой связь Гренады с внешним миром.

Подрывные элементы вели против народной власти «психологическую войну»: издавали контрреволюционные листки, распространяли провокационные слухи. Подрывную антигренадскую пропаганду поддерживал с о-ва Антигуа мощный радиопередатчик «Голоса Америки», которому помогал основавшийся на о-ве Монтсеррат филиал западногерманской «Немецкой волны».

Белый дом, ЦРУ и Пентагон, готовившиеся к агрессии против революционной Гренады, искали лишь удобного предлога, но гибкая политика правительства Бишопа, его широкие связи с внешним миром, где оно находило поддержку, срывали планы американского империализма.

К концу третьего года существования республики в руководстве партии и правительства стали возникать серьезные разногласия, которые под воздействием оказавшихся в органах власти и в вооруженных силах агентов ЦРУ усиливались. Заместитель премьер-министра Б. Корд, поддерживаемый сообщниками, выдвинул требование о реорганизации партийной и государственной власти, предусматривающее смещение Бишопа с поста премьер-министра и назначение на этот пост самого Корда. Причина неожиданной оппозиции Корда к Бишопу — личные мотивы, честолюбие. А этим воспользовались враги революции. Окружение Корда, где окопались агенты ЦРУ, причем на ответственных постах, толкало его на открытые действия против Бишопа. ЦРУ перешло в наступление.

В октябре 1983 г. во время поездки М. Бишопа по странам социалистического содружества и на Кубу. Б. Корд сколачивал оппозицию. И когда М. Бишоп вернулся в страну, он был посажен под домашний арест.

Администрация США решила немедленно воспользоваться сложившейся ситуацией. Под предлогом «спасения Бишопа», которого ранее в Соединенных Штатах не хотели признавать, была развернута подготовка к вооруженной интервенции. Для прикрытия этой бандит-

ской операции флагом «коллективного вмешательства» Вашингтон подключил к ней реакционные режимы восточнокарибских стран — Барбадоса, Сент-Люсии, Сент-Винсента, Доминики, Антигуа, Ямайки. По сигналу из Вашингтона они договорились о создании многонациональных вооруженных сил и, обратившись за «помощью» к США, предложили предпринять совместное вооруженное вмешательство на Гренаду якобы для восстановления там демократии.

19 октября премьер-министр Барбадоса Адамс заявил, что его кабинет на чрезвычайном заседании принял «план спасения Бишопа». Но «спасать» Бишопа не пришлось ни Адамсу, ни его вашингтонским хозяевам, так как именно в этот день Бишоп был зверски убит. Постепенно из разных источников становится известно, что по мере разрастания конфликта в ЦК НДД в стране резко активизировались притаившиеся враги революции и связанные с ними агенты ЦРУ. Произошло, таким образом, своего рода смыкание заговорщиков, стремившихся захватить власть под предлогом необходимости исправления якобы допущенных Бишопом ошибок, и агентов ЦРУ, действовавших по указке из США.

Утром 19 октября народ, узнавший о том, что премьер-министр находится в опасности, бросился к его дому. По сообщениям печати, М. Бишопа пришли освобождать тысячи гренадцев. Они смяли охрану и освободили премьер-министра. Затем толпа вместе с Бишопом двинулась к казармам, где размещались арсенал и штаб вооруженных сил. Произошло вооруженное столкновение. Кто начал первым стрелять, сейчас трудно установить. Воспользовавшись беспорядками, это могли сделать и контрреволюционные элементы и вооруженные провокаторы, затесавшиеся в толпу. Это могло быть сделано и по приказу сверху. Погибло много людей. Был убит и М. Бишоп, а также ряд министров и профсоюзных деятелей.

Была ли расправа над премьер-министром Гренады учинена контрреволюционными элементами или инспирирована агентами ЦРУ, трудно сказать. Но одно несомненно — события, приведшие к такому трагическому концу, результат заговора ЦРУ, использовавшего Корда и его сообщников в качестве послушного орудия.

Беспорядки на улицах усилились. Появились плакаты с враждебными лозунгами; контрреволюционные элементы на улицах открыто призывали к свержению власти.

Завоевания революции оказались под угрозой. Был создан Революционный военный совет во главе с министром вооруженных сил Х. Остином. РВС обратился к народу с призывом соблюдать спокойствие и прекратить беспорядки. Это был роковой час республики.

Соединенные Штаты решили незамедлительно воспользоваться событиями и начать вторжение на остров.

Как пишет колумбийский писатель Гарсиа Маркес, «Соединенные Штаты, делавшие в последние годы все возможное, чтобы положить конец демократическим преобразованиям на острове и огромной популярности Бишопа, даже мечтать не могли о таких двух союзниках, которые в недобрый час заплутались в дебрях политики» [5].

[5] Al Paice, Madrid, 1983, Oct 30.

И вот на рассвете 25 октября 1983 г. тысячи американских морских пехотинцев и воздушных десантников начали вторжение на Гренаду. В тот же день президент Рейган выступил по телевидению, чтобы «объяснить» американцам предпринятую им акцию. По его словам, «самой важной причиной» такой «решающей акции» было стремление США «защитить жизни ни в чем не повинных людей, включая до тысячи американцев». Затем президент сделал акцент на том, что войска Пентагона были высажены на острове еще и для того, «чтобы помочь восстановлению демократических институтов на Гренаде» и «не допустить усиления хаоса». Причем делалось это якобы «по настоятельной официальной просьбе» Организации восточнокарибских государств (ОВКГ), а это означает, что речь идет о «коллективных акциях». Позже, по мере надобности, Рейган и его ближайшие сотрудники добавляли к такого рода «аргументации» новые вымыслы и лживые утверждения.

Вскоре на Гренаду были доставлены несколько сотен солдат зависимых от США восточнокарибских стран — Ямайки, Антигуа, Доминики, Барбадоса, Сент-Винсента, Сент-Люсии. За год до событий в Гренаде по указке Вашингтона эти страны создали так называемую «региональную систему обороны и безопасности». На территории Барбадоса и ряда других из этих стран расположены военные объекты Пентагона. Соединенные Штаты использовали участие карибских марионеток в агрессии, чтобы прикрыть это злодейское нападение, придать ему видимость «коллективной», или «многонациональной», акции. Американские головорезы, прошедшие специальное обучение по организации расправы над населением оккупируемых ими территорий, творили бесчинства, не уступая в зверствах немецким захватчикам в годы второй мировой войны.

Гренадский народ оказал упорное сопротивление оккупантам. Исключительный героизм в боях с американскими захватчиками проявили кубинцы, находившиеся в Гренаде на строительстве международного аэропорта Пойнт-Сэлайнз. В этой связи нужно отметить, что американский еженедельник «Пиплз уорлд» писал, что уже в конце сентября—начале октября 1983 г. (когда кризис в руководстве партии Новое движение ДЖУЭЛ достиг наибольшей остроты, о чем администрация США хорошо знала) в окрестностях американского города Эфрата (штат Вашингтон) отборные части 75-й воздушно-десантной дивизии проводили отработку высадки десантников в условиях, воспроизводивших обстановку в районе строительства аэропорта Пойнт-Сэлайнз. В ночное время «рейнджеры» выбрасывались на парашютах, расчищали взлетно-посадочные полосы местного аэродрома от специально нагроможденных строительных материалов, обеспечивали «круговую оборону». Вслед за ними на аэродром приземлялись военно-транспортные самолеты с дополнительными подразделениями. Именно эти десантники были первыми брошены в Гренаду, повторив все, что они делали в ходе репетиции в окрестностях Эфрата. Но американцы понесли в районе Пойнт-Сэлайнза немалые потери.

Буржуазная пресса была вынуждена признать, что подавить со-

противление гренадцев интервентам оказалось нелегко. Особенно долго держались опорные пункты защитников — Форт-Фредерик и Ричмонд-Хилл.

С помощью мощной огневой поддержки военных кораблей, самолетов и вертолетов оккупантам лишь к концу октября удалось выбить патриотов из Сент-Джорджеса и захватить отдельные позиции в других районах. Но защитники Гренады ушли в горы, продолжая сражаться с превосходящими силами противника.

Мир был возмущен бандитской акцией, совершенной по приказу президента Рейгана. Его заявление о том, что США осуществляли «спасательную миссию» ради сохранения жизней обучавшихся на Гренаде американских студентов-медиков, а также в целях «восстановления демократии» и защиты «жизненных интересов» Соединенных Штатов на острове, никого не могло ввести в заблуждение. Все социалистические страны, а также правительства подавляющего большинства развивающихся и капиталистических стран, включая союзников Вашингтона по блоку НАТО, осудили агрессию США против Гренады, квалифицировав ее как противоправную и аморальную акцию.

Позиция Советского Союза была изложена в Заявлении ТАСС, где говорилось, что речь «идет о прямой вооруженной агрессии против миролюбивого народа малой, никому и ничем не угрожающей страны. Цель — свержение существующего там общественного строя, попытка с помощью силы навязать гренадскому народу порядки, угодные Вашингтону, запугать другие свободолюбивые народы Латинской Америки, да и не только их.

Своими действиями в отношении Гренады правительство Соединенных Штатов Америки продемонстрировало полное презрение к общепринятым нормам международного права, втоптало в грязь высокие принципы Устава Организации Объединенных Наций. Это прямое свидетельство того, что Вашингтон во имя достижения своих захватнических целей не намерен считаться с правом народов на самостоятельное развитие, бросает открытый и наглый вызов воле народов, мировому общественному мнению.

Бандитское нападение на Гренаду со всей очевидностью показывает ту опасность, которую несет для дела мира и свободы народов курс, проводимый в международных делах нынешней американской администрацией.

ТАСС уполномочен заявить, что Советский Союз решительно осуждает агрессию Соединенных Штатов против Гренады и клеймит ее как преступление против мира и человечества. Долг всех государств и народов твердо выступать против произвола и беззакония, чинимого Вашингтоном, в защиту гренадского народа.

Агрессия против народа Гренады должна быть прекращена, оккупанты должны немедленно убраться из пределов этого независимого государства» [6]. На чрезвычайном пленарном заседании 38-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН абсолютным большинством голосов

[6] Правда, 1983, 23 окт.

была принята резолюция, осуждающая агрессию США против независимого суверенного государства Гренады, показывающая противоправность и аморальность действий администрации Рейгана.

В резолюции «Положение на Гренаде» подчеркивалось, что вооруженная интервенция на Гренаде является грубым нарушением международного права и посягательством на независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность этого государства.

Резолюция напоминала, что в соответствии с пунктом 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций все государства-члены обязаны воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, или от любых иных действий, не совместимых с принципами Устава. Она призывала все государства проявлять строжайшее уважение к суверенитету, независимости и территориальной неприкосновенности Гренады. Требовала немедленного прекращения вооруженной интервенции и немедленного вывода иностранных войск из Гренады.

За проект резолюции в целом проголосовали 108 государств, против — 9: США, Антигуа и Барбуда, Барбадос, Доминика, Сальвадор, Израиль, Ямайка, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины. Весьма показательно, что среди неамериканских государств, проголосовавших против резолюции, был только Израиль.

Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко во время советско-сирийских переговоров в Москве отметил 11 ноября 1983 г. «всеобщее осуждение американской агрессии в Гренаде, о чем, в частности, свидетельствует соответствующая резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН».

Народ Гренады успел сразу же познать все прелести экспортного варианта «демократии по-американски»: бомбежки, гибель людей, несанкционированные аресты, концентрационные лагеря, допросы и пытки, уничтожение каждого, кто оказывал сопротивление агрессии. Расширяя кампанию репрессий против членов и многочисленных сторонников запрещенной оккупантами партии Новое движение ДЖУЭЛ, США способствовали возрождению реакционных, отвергнутых гренадским народом партий и политических группировок, возвращению на остров контрреволюционного отребья, известного своими антикоммунистическими проамериканскими взглядами. Сразу же получили право на существование проимпериалистические группировки, распущенные после революции, прежде всего принесшая много бед и страданий гренадскому народу Объединенная лейбористская партия, возглавляемая бывшим диктатором Э. Гейри. Сам Гейри, нашедший после свержения убежище в США, при содействии американской администрации вернулся на Гренаду. Он намеревался принять участие в выборах, надеясь вновь оказаться у кормила власти.

Генерал-губернатор Скун с помощью американской администрации сформировал временное правительство — консультативный совет, в состав которого вошли представители буржуазии, крупных землевладельцев, стоявших в оппозиции к Бишопу. Выборы были

отложены. Оккупанты и реакционные силы понимали, что, прежде чем проводить выборы, нужно расправиться с нежелательными элементами, противниками оккупационного режима. С этой целью в США была отправлена вся документация государственных учреждений, чтобы изучить списки служащих гренадских учреждений, выявить членов общественных организаций, профсоюзов, узнать, каковы были планы правительства Бишопа относительно развития страны и его международная политика.

Из тюрем были выпущены политические и уголовные преступники.

Временное правительство отменило все завоевания революции — упразднило бесплатное обучение, бесплатное медицинское обслуживание, установленные пенсии и пособия бедным, распустило сельскохозяйственные кооперативы. Крупным землевладельцам возвращены их имения. Вернул, хотя и не все, свои поместья Гейри.

Соединенные Штаты превратили Гренаду в свою военно-морскую и военно-воздушную базу. Госсекретарь США Шульц, посетивший Гренаду вскоре после оккупации, заявил, что Соединенные Штаты намерены остаться на острове надолго. Отсюда легко контролировать весь Карибский район. США в короткий срок закончили строительство аэропорта Пойнт-Сэлайнз, превратив его в военно-воздушную базу, одну из крупнейших в районе. Прекрасные, удобные бухты стали местом стоянки судов военно-морского флота США. Гренада стала опорным военным пунктом для США, откуда они могут совершать провокационные действия против Кубы и Никарагуа, а также вести борьбу против национально-освободительного движения.

Террор против сторонников народного правительства не прекращается. В условиях террора, запугивания прошли выборы правительства. Как и всюду, где хозяйничают Соединенные Штаты, выборы представляли собой обыкновенный фарс. Наскоро была создана новая партия, лидер которой Блэй и стал президентом Гренады. Но марионетка Блэй никакой роли по существу не играет. За его спиной стоят оккупанты, продолжающие «наводить порядок».

Однако гренадский народ не сломлен, он продолжает готовиться к борьбе. Возрождается партия Новое движение ДЖУЭЛ, создана партия — Движение Мориса Бишопа. Идеи революции продолжают жить в гренадском народе.

Проникновение американского капитала в Канаду

В. В. ПОПОВ, В. В. СУЩЕНКО

Исторически Канаде — крупнейшему британскому доминиону, огромной малозаселенной стране, лежащей к северу от США, — суждено было стать одним из первых объектов экспансии американских монополий. В текущем столетии Канада является важнейшей сферой внешнего инвестирования США. Еще в 60-е годы на нее приходилось свыше четверти всех заграничных американских капиталовложений, в настоящее время — $^1/_6$ — больше, чем на любую другую страну. В Канаду направляется $^1/_5$ всего экспорта США; из Канады американская промышленность получает многие важнейшие виды сырья.

Решающую роль в приобретении Канадой столь важного места в качестве объекта экспансии американских монополий сыграло то обстоятельство, что последние имели в Канаде возможность получать более высокую норму прибыли, чем в самих Соединенных Штатах. Канада располагала огромными и сравнительно доступными запасами полезных ископаемых, которые были столь необходимы быстрорастущей американской промышленности и находились в непосредственной близости от индустриальных центров США. С другой стороны, в Канаде американский капитал приобретал рынок сбыта готовых изделий, весьма емкий по той причине, что канадская обрабатывающая промышленность в начале века сильно отставала в развитии от американской.

Издержки производства на канадских предприятиях были ниже, чем в США: Канада обладала естественными преимуществами в том, что касается разработки минерального и лесобумажного сырья, и, кроме того, относительно дешевой рабочей силой [1].

Не меньшее значение имело и то обстоятельство, что в глазах американских инвесторов Канада выглядела едва ли не самым стабильным, «безопасным» и «надежным» в политическом отношении районом. Действие этого фактора особенно усилилось после второй мировой войны, когда Канада оказалась связанной с США сетью военных и политических соглашений и была прочно втянута в орбиту влияния американского империализма.

Наконец, экспансия американского капитала в Канаду существенно облегчалась территориальной близостью последней, сходным характером исторического развития двух стран, языковой общностью

[1] Долгое время заработная плата в Канаде была существенно ниже, чем в США. Еще в 1952 г. средний часовой заработок промышленного рабочего в Канаде был на 30 % ниже заработка американского рабочего (*Сущенко В. В.* Экспансия американского империализма в Канаде после второй мировой войны. М., 1953, с. 16). Лишь в 70-е годы эта разница была сведена на нет.

большинства населения, единством технических стандартов и т. д.

К тому же канадское правительство вплоть до самого последнего времени не только не препятствовало, но, напротив, способствовало проникновению американского капитала в страну. Причина заключалась в том, что канадская буржуазия в отличие, скажем, от американской формировалась и развивалась в условиях колониальной зависимости от Великобритании, которая долгое время сдерживала промышленное развитие своих североамериканских колоний, отводя им в рамках имперской стратегии роль аграрно-сырьевых придатков метрополии. В Канаде поэтому национальное промышленное предпринимательство даже к началу XX в. было развито крайне слабо, а доминирующие позиции в экономической и политической жизни прочно удерживались торгово-финансовой буржуазией, обслуживавшей торговлю с метрополией.

Эта буржуазия (представленная в основном владельцами банков, торговых, страховых и железнодорожных компаний), в свою очередь, не желала вкладывать капитал в промышленные отрасли, считая такие вложения чрезмерно рискованными. В том, что касается промышленного развития, правящий класс Канады — торгово-финансовая элита — предпочитал полагаться на промышленные компании США. «Вместо того чтобы идти на риск, поддерживая отечественных канадских промышленников, финансовые компании часто оказывали поддержку более прочным и надежным компаниям из Соединенных Штатов», — пишет известный канадский социолог У. Клемент [2]. Эту же мысль подчеркивает Т. Нэйлор — известный специалист по экономической истории Канады. Контроль коммерческого сообщества Монреаля над государственным аппаратом и государственной политикой, отмечает он, привел к тому, что «развитие национального промышленного предпринимательства стало ненужным», и это повлекло за собой политику опоры на американское промышленное предпринимательство [3].

Провозглашенная еще в 1879 г. «национальная политика» в немалой мере содействовала экспансии американского капитала в Канаду: введенные тогда протекционистские таможенные пошлины, препятствуя импорту промышленных изделий из США, прямо стимулировали создание американскими корпорациями предприятий к северу от 49-й параллели. В дальнейшем был принят и ряд других мер, способствовавших привлечению иностранного капитала. Среди них особое место занимала широко практиковавшаяся канадскими муниципалитетами система бонусов, которая предусматривала бесплатное предоставление иностранным предприятиям участков земли, освобождение от налогов, льготное пользование услугами коммунальных предприятий, строительство муниципалитетами отводных железнодорожных веток и даже денежные подарки.

[2] *Clement W.* Continental Corporate Power: Economic Linkages between Canada and the United States. Toronto, 1975, p. 79.

[3] *Naylor T.* The History of Canadian Business, 1867—1914. Toronto, 1975, vol. 2, p. 283.

Еще в конце прошлого века, таким образом, сложился союз канадской торгово-финансовой буржуазии, интересы которой доминировали в Оттаве, и промышленных монополий Соединенных Штатов. С самого начала это был неравный союз, базировавшийся на весьма своеобразном разделении сфер влияния. Канадский крупный капитал продолжал преобладать в непромышленных отраслях (кредитно-финансовая система, торговля, транспорт, связь, предприятия общественного пользования), тогда как американские монополии со временем заняли господствующие позиции в большинстве отраслей ведущей сферы национального хозяйства Канады — промышленности.

После второй мировой войны Канада напоминала гигантский аукцион по распродаже американцами военных заводов и сырьевых ресурсов, чему в немалой степени способствовала политика тогдашнего министра торговли К. Д. Хау. В этот же период действовал так называемый «план Эббота» — специальная программа, стимулировавшая приток американского капитала для разработки сырьевых ресурсов и экспорт необработанного сырья в США.

На протяжении второй половины XIX и начала XX в. экономическое развитие Канады происходило под превалирующим влиянием английского капитала. Об этом свидетельствует и соотношение капиталовложений различных стран в Канаде, и структура внешней торговли, и весь характер хозяйственных связей доминиона в тот период.

В текущем столетии в национальное хозяйство Канады усиленно стал проникать американский капитал. Изменение в соотношении сил США и Англии, явившееся проявлением действия закона неравномерности экономического и политического развития в эпоху империализма, раньше всего обнаружилось в Канаде. В течение всего нынешнего столетия британский империализм сдавал здесь свои позиции, а американский — усиливал. Движение иностранных инвестиций в Канаде (см. табл. 1) отражает неуклонное ослабление связей Канады с метрополией и усиление ее зависимости от США.

Первая мировая война была периодом быстрого вытеснения из Канады британского капитала американским. К концу 1922 г. американские инвестиции здесь уже несколько превысили британские.

В годы относительной стабилизации капитализма американские инвестиции в Канаде росли как по абсолютной величине, так и в процентном отношении к британским. Последние за указанный промежуток времени, хотя и увеличились несколько по абсолютной величине, однако не достигли довоенного уровня; доля же их во всех иностранных инвестициях значительно снизилась.

В годы второй мировой войны произошло резкое увеличение американских капиталовложений в Канаде. В то же время Великобритания репатриировала значительную часть своих вложений из Канады для оплаты военных расходов. Всего за годы второй мировой войны Великобритания утратила в этой стране капиталовложения на общую сумму около 1 млрд. долл. (главным образом путем продажи облигаций и отчасти путем продажи акций промышленных компаний).

ТАБЛИЦА 1

Иностранные капиталовложения в Канаде *

Год	Инвестиции всех стран, млн долл	Инвестиции США		Инвестиции Англии	
		млн долл	% ко всем иностранным инвестициям	млн долл	% ко всем иностранным инвестициям
1900	1 232	168	13,6	1050	85,3
1914	3 837	881	23,0	2778	72,4
1919	4 637	1 818	39,2	2645	57,1
1922	5 207	2 593	49,8	2464	47,3
1926	5 966	3 465	58,1	2355	39,5
1930	7 614	4 660	61,2	2766	36,3
1933	7 365	4 492	61,0	2683	36,4
1939	6 913	4 151	60,0	2476	35,8
1945	7 092	4 990	70,3	1750	24,7
1950	8 664	6 549	75,6	1750	20,2
1955	13 527	10 295	76,1	2384	17,6
1960	22 214	16 718	75,3	3359	15,1
1965	29 603	23 389	79,0	3512	11,9
1970	44 232	34 978	79,1	4087	9,2
1975	69 283	52 971	76,5	5704	8,2
1977	91 599	65 752	71,8	6759	7,4
1980	129 000	89 455	69,4	8669	6,7

* Canada's International Position, 1977 Ottawa, 1981, p 66–67, 1979 and 1980 Ottawa, 1984, p 59

Доля США в иностранных капиталовложениях в Канаде к концу второй мировой войны превысила 70 %, тогда как доля бывшей метрополии упала до 25 %.

Особенно интенсивно экспансия американских монополий в Канаде протекала после второй мировой войны. Американские инвестиции в Канаде в послевоенный период возросли более чем в 10 раз и к концу 70-х годов достигли 70 млрд. долл. Именно в послевоенный период американские компании заняли господствующие позиции в канадской промышленности. Канадский прогрессивный исследователь Дж. Лаксер отмечает, что они во многом заменили национальную торгово-финансовую буржуазию в ее прежней роли ведущей силы в канадском государстве [4].

Важной особенностью американских капиталовложений в Канаде было то, что, в отличие от английских, они осуществлялись с самого начала в значительной степени в форме прямых инвестиций, т. е. обеспечивали контроль над предприятиями.

Как видно из табл. 2, американские инвестиции в Канаде до второй мировой войны почти наполовину, а после второй мировой войны —

[4] Canada Ltd. The Political Economy of Dependency. Toronto, 1973, p 127.

ТАБЛИЦА 2

Американские прямые капиталовложения в Канаде *

Год	Всего млн долл	% ко всем американским инвестициям	% ко всем иностранным прямым инвестициям
1926	1 403	43,9	78,7
1930	1 993	42,8	82,1
1933	1 933	43,0	82,2
1939	1 881	45,3	81,9
1945	2 304	46,2	84,9
1950	3 426	52,3	86,2
1955	6 513	63,3	84,3
1960	10 549	63,1	82,0
1965	14 059	60,1	81,0
1970	21 403	61,2	81,0
1975	29 666	56,0	79,3
1977	34 720	52,8	79,5
1980	48,684	54,4	79,0

* Canada's International Investment Position, 1977 Ottawa, 1981, p 63, 68, 1979 and 1980 Ottawa, 1984, p 58—59

больше чем наполовину состояли из прямых капиталовложений. Доля же Соединенных Штатов в сумме иностранных прямых капиталовложений в Канаде с 1926 г. никогда не опускалась ниже $^3/_4$. На практике это означало приобретение американскими монополиями контроля над огромным сектором канадской экономики, в первую очередь промышленными отраслями.

До 50-х годов 50—60 % американских капиталовложений направлялось в обрабатывающую промышленность и 10—20 % — в предприятия общественного пользования (см. табл. 3). Впоследствии это соотношение несколько изменилось, но отрасли обрабатывающей промышленности продолжали оставаться важнейшей сферой приложения американского предпринимательского капитала. Наряду с этим монополии США всевозрастающую часть вложений стали направлять в разработку канадских природных ресурсов — в добывающую и нефтегазовую промышленность. В 50—70-е годы на эти отрасли приходилась примерно третья часть всех американских прямых инвестиций [5].

Таким образом, структура американских прямых капиталовложений в Канаде в послевоенный период приобрела ярко выраженный крен в сторону добывающих отраслей.

Наиболее интенсивно корпорации США внедрялись именно в «ресурсные» отрасли промышленности (см. табл. 4). Американский кон-

[5] Надо иметь в виду, что доля добывающих отраслей в валовом внутреннем продукте, общей занятости, совокупных активах и других экономических показателях сравнительно невелика — примерно 5 %.

ТАБЛИЦА 3

Отраслевая структура прямых американских капиталовложений в Канаде, % *

Отрасль	1926 г	1939 г	1945 г	1950 г	1955 г	1960 г	1965 г	1970 г	1975 г	1980 г
Обрабатывающая промышленность	58,3	52,3	51,7	59,1	43,5	41,2	43,9	41,8	45,6	43,4
Добывающая промышленность	10,0	10,5	9,3	13,2	12,0	12,8	13,2	13,3	9,5	7,3
Нефтегазовая промышленность	—	—	6,1	—	25,1	27,3	26,0	24,7	23,3	27,4
Предприятия общественного пользования	17,7	21,2	14,9	11,1	4,1	2,1	2,0	1,7	1,6	1,0
Прочие	13,9	15,9	17,3	16,6	15,2	16,5	14,8	17,1	20,0	20,9

* Canada's International Investment Position, 1968—1970 Ottawa, 1975, p 116—117, 1979 and 1980 Ottawa, 1984, p 70—71.

ТАБЛИЦА 4

Американский контроль в канадской экономике, % к инвестированному капиталу (в скобках — иностранный контроль) *

Отрасли	1926 г.	1948 г	1957 г	1962 г	1970 г	1976 г	1979 г
Обрабатывающая промышленность	30 (35)	39 (43)	43 (56)	45 (60)	47 (61)	42 (55)	39 (51)
Нефтегазовая промышленность	—	—	70 (76)	62 (74)	61 (76)	54 (68)	40 (53)
Добывающая промышленность	32 (38)	37 (40)	52 (61)	51 (57)	59 (70)	41 (55)	37 (51)
Железнодорожный транспорт	3 (3)	3 (3)	2 (2)	2 (2)	2 (2)	1 (1)	1 (1)
Прочие предприятия общественного пользования	20 (20)	24 (24)	4 (5)	4 (4)	4 (7)	4 (4)	4 (4)
Все вышеперечисленные отрасли, торговля и строительство	15 (—)	22 (9)	27 (32)	27 (34)	28 (36)	24 (31)	22 (28)

* *Safarian A E.* Foreign Ownship of Canadian Industry Toronto, 1973, p 14, Canada's International Investment Position, 1977. Ottawa, 1981, p 114—115; 1979 and 1980 Ottawa, 1984, p. 97

троль в добывающей промышленности возрос с 32 % в 1926 г. до 59 % в 1970 г. Нефтегазовая промышленность Канады с самого момента возникновения развивалась преимущественно усилиями американского капитала. Первое крупное месторождение нефти, обнаруженное в Канаде во время второй мировой войны (Ледюк, провинция Альберта), сразу же оказалось под контролем американ-

ских нефтяных монополий. Именно американские нефтяные гиганты «Империал ойл» (дочерняя компания американской «Экссон»), «Тексако», «Галф ойл», «Мобил ойл», «Шеврон стандард» (дочерняя компания американской «Стандард ойл оф Калифорния»), «Амоко Кэнада» (дочерняя компания американской «Стандард ойл оф Индиана») в послевоенный период фактически создали канадскую нефтегазовую промышленность. В 70-е годы перечисленные шесть компаний были крупнейшими в отрасли; на их долю приходилось более половины всей добычи нефти.

Интенсивно внедрялся американский капитал и в добычу металлических руд. Важнейшее месторождение железной руды в Канаде — Квебек-Лабрадорское — было захвачено шестью американскими стальными монополиями («Рипаблик стил», «Армко стил», «Нешнл стил» и др.), которые в 1949 г. создали совместно с канадским капиталом компанию «Айрон ор компани оф Кэнада», превратившуюся в крупнейшего поставщика железной руды в стране. Второе место заняла «Квебек Картье майнинг компани» — дочернее предприятие гигантской морганов ской монополии «Юнайтед Стейтс стил».

После второй мировой войны быстро расширилось участие американского капитала в добыче цветных металлов. Если до войны американские монополии контролировали 40 % всей добычи цветных металлов в Канаде, то уже в начале 50-х годов этот показатель достиг 70 % [6]. Бо́льшая часть никеля (Канада является крупнейшим в капиталистическом мире производителем этого металла) с давних пор добывается в Канаде монополией «ИНКО», в которой значительное участие принимает капитал США. Последняя, кроме того, контролирует значительную часть добычи и производства меди. Выплавка алюминия с конца прошлого века находится в руках американской «АЛКОА», контролируемой Меллонами. Ее канадские дочерние компании — сначала «Норзерн алюминиум», затем (с 1928 г.) «Алюминиум лимитед» («Алтед», впоследствии — «Алкан») — удерживали господствующие позиции в выплавке алюминия [7].

Лидером в добыче асбеста в Канаде стала американская «Джонс-Мэнвилл». В начале 60-х годов на ее долю приходилось 65 % добываемого в капиталистическом мире асбеста [8].

В обрабатывающей промышленности страны американский контроль возрос с 30 % в 1926 г. до 47 % в 1970 г. (см. таблицу 4). Автомобилестроение — важнейшая отрасль канадского обрабатывающего сектора, ныне превратившаяся в крупнейшую по объему выпускаемой продукции, — с самого начала развивалось под знаком экспансии американского капитала. Уже к 30-м годам нынешнего века сложилась современная фирменная структура канадской авто-

[6] *Сущенко В. В.* Указ. соч., с. 93.

[7] В 70-е годы контроль над «ИНКО» и «Алкан», по некоторым данным, перешел к канадскому капиталу (*Clement W.* Op. cit., p. 154—155, 160—162; *Newman P.* The Canadian Establishment. Toronto, 1975, p. 398—399)

[8] *Сущенко В. В.* Монополистический капитал Канады. М., 1964, с. 131.

мобильной промышленности, характеризующаяся практически безраздельным господством в отрасли трех американских автомобильных гигантов — компаний «Форд», «Дженерал моторз» и «Крайслер». В 30-е годы на долю американского капитала приходилось свыше 80 % всех продаж автомобилей в Канаде, в настоящее время — свыше 90 % [9].

Доминирующее положение заняли американские монополии также в химической и резинотехнической промышленности Канады. Активно вытесняя из химической промышленности английский капитал, американская «Дюпон де Немур» превратилась в послевоенный период в одну из крупнейших компаний отрасли. В 70-е годы на предприятиях, контролируемых американским капиталом, производилось уже более 60 % всей продукции химической промышленности Канады и 80 % продукции резинотехнической промышленности. В нефтепереработке и коксохимии, где господствующие позиции захватили американские нефтяные ТНК, доля американского капитала в 70-е годы составляла 70 % [10].

Электротехническая промышленность Канады стала ареной борьбы известных американских монополий «Дженерал электрик», «Вестингауз», АТТ («Американ телефон энд телеграф»). К 70-м годам дочерние компании и филиалы этих и других американских корпораций контролировали 60 % производства в данной отрасли.

Сильные позиции захватили американские монополии в канадской целлюлозно-бумажной промышленности (вторая по величине компания — дочернее предприятие американской «Интернэшнл пейпер»), сельскохозяйственном машиностроении («Интернэшнл харвестер»), общем машиностроении и других отраслях.

Разумеется, в промышленности Канады активно действует и национальный монополистический капитал. Собственно канадские монополии занимали и занимают ныне лидирующее положение в черной металлургии («Стилко», «Алгома стил», «Доминион стил энд коул»), в производстве напитков («Сигрэм», «Канэдиан бруэриз» и др.) и в пищевой промышленности. В других отраслях канадские фирмы (в добыче цветных металлов — «Коминко», «Норанда майнз», в целлюлозно-бумажной промышленности — «Абитиби», «Макмиллан Блодэл», в химической — «Доминион тар энд кемикл», в сельскохозяйственном машиностроении — «Мэсси-Фергюсон») с давних пор довольно успешно конкурировали с иностранными, в том числе американскими.

Тем не менее в большинстве промышленных отраслей страны американские корпорации прочно заняли положение лидеров, оттеснив канадский капитал. Они превратились в силу, которая определяет и направляет развитие канадской промышленности и во многом — всей канадской экономики. Экспансия американских компаний в канадской промышленности стала главным фактором экономи-

[9] *Clement W.* Op. cit., p. 75; Canada's International Investment Position, 1977. Ottawa, 1981, p. 120--121.

[10] Канада на пороге 80-х годов. М., 1979, с. 47.

ческой интеграции Канады и США, осуществляемой преимущественно на частномонополистической основе.

Захват американскими монополиями ключевых позиций в экономике северного соседа повлек за собой ряд специальных соглашений между Канадой и США, причем не только экономического, но и военно-политического характера. Так, в 1950 г. между двумя североамериканскими странами было подписано соглашение «о принципах экономического сотрудничества», означавшее возобновление соглашения 1941 г., заключенного в Гайд-парке (последнее действовало во время второй мировой войны и предусматривало тесное сотрудничество двух стран в области военного производства). Соглашение 1950 г. предусматривало отмену ограничений в канадо-американской торговле оружием, «согласование усилий» для максимального расширения производства товаров военного назначения, совместный контроль и распределение дефицитного стратегического сырья, обмен техническим опытом в области военного производства и т. д. В 1958 г. в развитие этого соглашения была принята «программа совместного производства вооружений», в соответствии с которой канадские фирмы (представленные в основном филиалами и дочерними компаниями могущественных американских военных концернов) получили право участвовать на равных условиях с компаниями США в торгах при размещении Пентагоном военных заказов. Результатом этих соглашений было превращение канадской оборонной промышленности в придаток американской военной машины. Канадская военная промышленность превратилась в поставщика отдельных узлов и деталей для американских фирм, занятых производством вооружений. «Согласно первоначальному замыслу, соглашение 1958 г. должно было привести к созданию жизнеспособной военной промышленности в Канаде, — отмечалось в специальном исследовании канадского сенатского комитета по иностранным делам, — однако сейчас, вполне возможно, Канада уже потеряла способность разрабатывать и производить полностью почти все системы оружия, а вместе с этим и другие способности к технологическим нововведениям» [11].

Не менее важно и то обстоятельство, что соглашения 1950 и 1958 гг. привели к вполне реальному ограничению политического суверенитета Канады. Превратившись в придаток военно-промышленного комплекса США, канадская оборонная промышленность стала автоматически включаться в поставки вооружений для военных авантюр американского империализма, как это произошло, например, во время войны США во Вьетнаме.

В 1949 г. Канада вслед за Соединенными Штатами ратифицировала договор о вступлении в НАТО. В 1958 г. было подписано соглашение о создании Объединенного канадо-американского командования противовоздушной обороны Североамериканского континента

[11] Canada-United States Relations. Vol. 2 Canada's Trade Relations with the United States. Ottawa, 1978, p. 91.

(НОРАД). В скором времени в соответствии с этим соглашением на канадской территории были размещены фактически находящиеся под прямым американским контролем средства противовоздушной обороны, включая ракеты «Бомарк» с ядерными боеголовками.

Воздействие, оказанное на развитие Канады глубоким проникновением в ее экономику американского капитала, было неоднозначным.

С одной стороны, не подлежит сомнению тот факт, что американские инвестиции в канадскую экономику способствовали экономическому росту, стимулировали хозяйственное развитие страны. «Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его», — подчеркивал В. И. Ленин [12]. Именно благодаря американскому капиталу, который принес в канадскую промышленность новейшую технологию, передовой управленческий и организаторский опыт, Канаде удалось в послевоенный период выдвинуться в ряд лидеров по уровню эффективности производства, вплотную приблизиться к США по степени хозяйственного развития и стандартам потребления. Однако американские прямые инвестиции способствовали хозяйственному развитию Канады лишь в сравнении с теми перспективами, которые открывались для нее при развитии в рамках британской колониальной системы и зависимости от бывшей метрополии.

С другой стороны экспансия американского капитала привела к многочисленным негативным последствиям. Хозяйственное развитие страны, ориентированное на импорт американского предпринимательского капитала, оказалось однобоким, ущербным, породило серьезные структурные диспропорции в национальном хозяйстве, многими нитями зависимости привязало канадскую экономику к американской.

Огромный сектор национальной экономики оказался под контролем американских монополий. Управляемые из-за границы дочерние компании и филиалы ТНК образуют в Канаде настоящую американскую «экономическую империю». Возглавляющие эти компании директора и менеджеры не принимают важных самостоятельных решений. Последние диктуются штаб-квартирами монополий, находящимися в США, и часто противоречат жизненным интересам Канады.

Захватив ключевые позиции в канадской промышленности, американские монополии стали оказывать сдерживающее воздействие на развитие собственно канадского предпринимательства, представленного в значительной мере средними и мелкими компаниями. Контролируемые национальным капиталом предприятия (а на их долю приходится свыше половины всей выпускаемой промышленной продукции), в полной мере испытывая все тяготы конкурентной борьбы с более мощными и эффективными американскими фирмами, очень часто не имеют возможности наладить современное производство.

[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 362.

Другое последствие глубокого внедрения американского капитала в канадскую экономику — сильная технологическая зависимость Канады от США. Американские монополии предпочитают вести научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) там, где расположены их головные заводы, т. е. в США, и в уже готовом виде передавать технологию на предприятия своих зарубежных филиалов и дочерних компаний, в том числе канадских. Национальные же фирмы, вынужденные вести нелегкую конкурентную борьбу с американскими монополиями, редко бывают в силах выделить достаточные средства для ведения НИОКР. В результате научные исследования и разработки в канадской промышленности развиты слабо (по сравнению с другими странами), а нормальное функционирование канадского промышленного организма зависит от поступления технологии из Соединенных Штатов. Канадская промышленность оказалась «обезглавленной»: уровень эффективности производства и связанный с этим уровень потребления зависят от технологических связей с предприятиями, находящимися в США.

Экспансия американского капитала во многом способствовала формированию ущербной отраслевой структуры канадской экономики — гипертрофированному развитию сырьевых отраслей и относительно слабому развитию многих отраслей обрабатывающей промышленности. С самого начала американские прямые капиталовложения направлялись в сырьевые отрасли канадской экономики для создания предприятий, ориентированных на вывоз продукции в Соединенные Штаты. Используя благоприятные естественные условия добычи полезных ископаемых в Канаде, американские ТНК, располагавшие новейшей технологией, в короткий срок создали на канадской земле крупномасштабное производство промышленного сырья и полуфабрикатов на экспорт. В результате в послевоенный период отрасли, связанные с добычей и первичной обработкой минерального и лесобумажного сырья, получили чрезмерное развитие.

Канада экспортирует ныне (в основном в США) свыше 80 % минерального сырья и полуфабрикатов, примерно половину производимых леса, древесины и целлюлозно-бумажных изделий. Доля сырьевых товаров до сих пор составляет почти $^{2}/_{3}$ канадского экспорта — больше чем у любой другой промышленно развитой страны Запада. Торговый баланс по статье «сырье и полуфабрикаты» все время сводится со значительным положительным сальдо, величина которого в начале 80-х годов превысила 30 млрд. долл.

В отличие от сырьевых отраслей Канады, где американские предприятия создавались для удовлетворения потребностей рынка США, в обрабатывающей промышленности филиалы и дочерние компании американских ТНК ориентировались преимущественно на канадский внутренний рынок [13]. В отраслях вторичной обработки не было тех естественных благоприятных условий (в виде, например, легкодоступных залежей полезных ископаемых), какие имелись в сырьевом секторе канадской экономики. Напротив, существовавшие

[13] Положение стало меняться с конца 50-х годов, о чем подробнее говорится ниже.

здесь препятствия для рационального использования современной технологии, связанные с относительной узостью канадских отраслевых рынков сбыта готовых изделий, мешали американским монополиям наладить крупносерийное высокоэффективное производство [14]. Преимущества, которые получали американские фирмы при размещении своих предприятий в США (возможность организации крупносерийного высокоэффективного производства), во многих случаях перевешивали выгоды, возникавшие при создании заводов на канадской территории (экономия на транспортных издержках, таможенных пошлинах, заработной плате и др.). В обрабатывающей промышленности Канады американские ТНК строили поэтому такие предприятия, которые были ориентированы на удовлетворение, причем частичное, потребности внутриканадского рынка, а значительную часть готовых изделий, предназначенных для потребления в Канаде, предпочитали производить в США. В результате многие отрасли обрабатывающей промышленности Канады получили недостаточное развитие, а значительная часть потребностей страны в продукции этих отраслей удовлетворяется за счет импорта. Так, доля импорта в потреблении продукции общего и транспортного машиностроения составляет свыше 75 %, для электротехнической промышленности этот показатель равен 36 %, для химической — 31 % и т. д. Ни в одной из канадских обрабатывающих отраслей объем внутреннего производства не превышает объема потребления. Доля готовых изделий в канадском импорте очень высока — около 70 %, а торговый баланс по этой статье постоянно сводится Канадой с крупным дефицитом, составившим в начале 80-х годов более 15 млрд. долл.

Внедрение американского капитала привело, таким образом, как бы к раздвоению канадской промышленности. На одном полюсе возник мощный высокоэффективный, ориентированный на внешний рынок сырьевой сектор, на другом — низкоэффективные относительно слаборазвитые и страдающие от конкуренции импортируемых готовых изделий отрасли вторичной обработки.

Своеобразное положение заняла Канада и на мировом рынке в рамках международного разделения труда. Она превратилась в поставщика сырья и полуфабрикатов и в рынок сбыта готовых изделий для Соединенных Штатов.

С конца 50-х годов усилиями американских монополий в обрабатывающей промышленности Канады быстро расширяется экспортный сектор (ориентированный на вывоз продукции в США). Возникновение его связано с переходом ряда промышленных отраслей на режим беспошлинной торговли с Соединенными Штатами. Наиболее крупной из этих отраслей является автопромышленность. В 1965 г. между Канадой и США было заключено соглашение о беспошлинной торговле автомобилями и частями к ним [15]. «Большая тройка»

[14] См. об этом подробнее: *Попов В. В.* Эффективность производства и монополистическая конкуренция в промышленности Канады. — Мировая экономика и междунар. отношения, 1979, № 10.

[15] Кроме автопромышленности, на режим беспошлинной торговли с США в разное

американских автомобильных гигантов, получив возможность беспрепятственного доступа на весь североамериканский рынок, «рационализировала» производство с учетом своих глобальных интересов. Выпуск продукции в Канаде был резко расширен. Всего через несколько лет после заключения соглашения канадское автомобилестроение превратилось в высокоспециализированную отрасль: однако часть производимых узлов и деталей, а также готовых автомашин стала поступать из США; оттуда же теперь ввозится бóльшая часть потребляемой автопродукции. В 1978 г. транспортное машиностроение Канады (а оно на 90 % представлено автопромышленностью) направляло на экспорт свыше трех четвертей производимой продукции; за счет импорта, с другой стороны, удовлетворялось свыше трех четвертей потребностей в изделиях этой отрасли [16].

В настоящее время практически вся торговля изделиями автопромышленности между США и Канадой (свыше 90 % экспорта и более 80 % импорта) представляет собой внутрифирменный обмен между компаниями «большой тройки» в США и их дочерними фирмами в Канаде, т. е. не является даже торговлей в обычном смысле этого слова. При этом обмен осуществляется на базе особого неравноправного разделения труда: в Канаде расширено производство относительно технически несложных и малонаукоемких изделий, тогда как в США, напротив, увеличен выпуск технически сложной и наукоемкой продукции. С точки зрения американских автомобильных монополий такое решение было вполне естественным. На территории США они располагают значительно более широкими возможностями (в виде лучшей производственной инфраструктуры, лучших ресурсов инженерного и высококвалифицированного труда и т. д.) для организации производства высокотехнической и наукоемкой продукции. В 1975 г., например, американские автомобильные монополии затратили на проведение НИОКР в США 2 млрд. долл., тогда как на ее канадских предприятиях эти затраты были в 400 (!) раз меньше — всего 5 млн. долл. Зато канадские заводы отчисляли ежегодно по крайней мере 230 млн. долл. своим компаниям в Соединенных Штатах для ведения НИОКР — за счет этих средств в США разрабатываются и производятся те самые высокотехнические изделия, которые впоследствии вывозятся из США в другие страны, в том числе и в Канаду [17].

Таким образом, с начала 60-х годов Канада наряду с прежними функциями поставщика сырья и полуфабрикатов и рынка сбыта готовых изделий стала выполнять еще одну — поставлять в США в рамках внутрифирменного обмена, осуществляемого американскими ТНК, низкотехнические узлы и детали.

Внедрение американского капитала в канадскую промышленность явилось важной экономической основой усиления центробежных тен-

время были переведены сельскохозяйственное машиностроение и военная промышленность.

[16] The Financial Post, 1980, Mar. 1.

[17] Canada-United States Relations, vol. 2, p. 101.

денций в канадской конфедерации, развития регионалистских устремлений в канадских провинциях. Экспансия американских ТНК привела к расщеплению канадской хозяйственной системы на отчетливо выраженные подрайоны, представляющие собой северные продолжения экономических районов США и обслуживающие американский рынок. Для канадских периферийных провинций, в особенности западных, где в послевоенный период американский капитал развернул крупномасштабную разработку ресурсов для вывоза в США, экономические связи с близлежащими американскими штатами постепенно стали приобретать более важное значение, чем хозяйственные контакты с другими канадскими районами. «Становление континентальной североамериканской экономики и транснациональных корпораций. . . — отмечает канадский исследователь П. Филлипс, — низвело канадскую экономику на положение регионов американской экономики» [18].

Действующие в канадских периферийных провинциях американские сырьевые монополии и примыкающие к ним национальные фирмы сырьевых отраслей выступают за ничем не ограниченную интеграцию канадской экономики с американской. Позиция правительств многих периферийных провинций в значительной степени определяется именно этими силами, что вызывает столкновения с Оттавой, которая в период пребывания у власти правительства П. Трюдо пыталась ограничить канадо-американскую интеграцию определенными условиями, в частности приостановить бесконтрольную эксплуатацию американскими ТНК невоспроизводимых природных ресурсов страны. Регионалистские устремления канадских провинций и связанные с этим острые федерально-провинциальные разногласия во многом вызваны, таким образом, континенталистскими интересами американских сырьевых монополий.

Еще одно последствие экспансии американского капитала — распространение в Канаде американского образа жизни, разрушение национальной самобытности. «Располагая мощным аппаратом рекламы, — отмечает советский исследователь Л. А. Баграмов, — ТНК формируют вкусы потребителей и создают спрос на продукт еще до того, как он появляется на местном рынке. С другой стороны, в самой иностранной технологии заложено отрицание национальной культуры, ибо она внедряется тем быстрее и эффективнее, чем меньше этому мешают национально-культурные различия» [19]. Вместе с американским капиталом поэтому в Канаду пришли и американские стандарты жизни и потребления.

Наконец, внедрение американских монополий в канадскую экономику привело к ограничению политической самостоятельности страны. Сильная экономическая зависимость Канады от южного соседа, возникшая вследствие захвата американскими монополиями ключевых позиций в канадской промышленности, сковывает свободу

[18] Canada and the Burden of Unity. Toronto, 1977, p. 22.
[19] Канада на пороге 80-х годов, с. 62.

действий правительства Канады в самых различных областях. Принимая те или иные решения, оно всегда вынуждено считаться с возможной реакцией США, так как даже незначительное ограничение Соединенными Штатами хозяйственных связей с Канадой грозит ей весьма серьезными последствиями.

Кроме того, законодательство США в ряде случаев предусматривает экстерриториальное применение американских законов — распространение их на филиалы и дочерние компании американских ТНК. По американскому Закону о торговле с врагом запрещается экспорт в отдельные страны товаров с предприятий, которые подконтрольны капиталу США. На основании этого закона Соединенные Штаты, например, пытались воспрепятствовать в 1974 г. канадским поставкам на Кубу железнодорожных локомотивов и конторского оборудования. Американское законодательство о контроле над экспортом запрещает в отдельных случаях вывоз из других стран товаров, содержащих американские компоненты или произведенных на основе американской технологии. Экстерриториальное применение в Канаде находили также американское антитрестовское законодательство, законы, регулирующие продажу ценных бумаг, и меры, направленные на улучшение платежного баланса США.

Многочисленные негативные последствия, к которым привело глубокое проникновение в Канаду американского капитала, стали причиной возникновения в Канаде антиамериканских настроений. Они усилились в 60—70-е годы, после того как эти последствия стали особенно заметны.

При этом монополистическая буржуазия Канады не была в целом серьезно заинтересована в ограничении экспансии американского капитала, ее вполне устраивала роль младшего партнера монополий США. Прибыли собственно канадских монополий часто прямо зависели от темпов экспансии американских фирм в промышленность страны. Для канадских банков, например, увеличение иностранной собственности вело к росту спроса на их кредиты, поскольку именно они финансировали все поглощения, слияния и учреждение компаний; для предприятий общественного пользования и транспортных предприятий расширение американского проникновения в канадскую промышленность вело, с одной стороны, к расширению спроса на их услуги, с другой — к удешевлению средств производства, которые они приобретали, и т. д.

Даже те немногочисленные собственно канадские монополии, которые действовали в промышленной сфере, не выступали против роста иностранной собственности. Они, как правило, были достаточно сильны, чтобы не бояться конкуренции иностранных компаний [20].

В целом, по словам У. Клемента, не существовало «принципиального конфликта интересов между иностранными капиталистами, кон-

[20] Характерен в этом отношении пример уже упоминавшейся корпорации «Мэсси Фергюсон». Крупнейший канадский бизнесмен Дж. Макдугалд, будучи президентом этой компании и осуществляя не только формальный, но и реальный контроль над ней (владея контрольным пакетом акций), легко находил общий язык с руководителями американских компаний и был убежденным антинационалистом.

тролирующими основные промышленные отрасли канадской экономики, и ведущими национальными капиталистами, процветающими в сфере обращения и прочих непромышленных отраслях» [21]. Типичной для крупного национального бизнеса была фигура известного канадского финансово-промышленного магната Э. П. Тейлора, который заявлял: «Если бы не расовые и политические проблемы Соединенных Штатов, две страны могли бы объединиться. Я выступаю против попыток уменьшить иностранную собственность в канадских компаниях. Я думаю, что естественное развитие должно идти своим путем» [22].

Иную позицию занимала немонополистическая национальная буржуазия, в особенности та ее часть, которая связана с обрабатывающим сектором. Именно мелкие и средние предприниматели, действовавшие в обрабатывающей промышленности, больше всего страдали от конкуренции со стороны мощных американских монополий. Ограничение деятельности американских фирм было поэтому для немонополистической национальной буржуазии жизненно важным условием существования. Объединенные в Канадскую конфедерацию независимого бизнеса, мелкие и средние предприниматели решительно требовали ограничить всевластие американских корпораций и обеспечить широкую государственную поддержку развитию национального предпринимательства.

В 60—70-е годы все решительнее стали выступать за укрепление национального суверенитета, ослабление зависимости от США широкие круги канадской общественности. В частности, они требовали ограничить деятельность иностранных, т. е. главным образом американских, корпораций в Канаде, приостановить бесконтрольную разработку и распродажу природных ресурсов, и т. д.

Правительственная политика, выражавшая интересы монополистической буржуазии, не могла вместе с тем не учитывать требований других классов и социальных групп. Именно этим объясняются те меры по ограничению иностранного и стимулированию национального капитала, которые предлагались отдельными канадскими политиками в 60-е годы и были осуществлены в течение последующего десятилетия.

В начале 1961 г. Дж. Койн представил кабинету министров меморандум, в котором предлагал, в частности, увеличить налогообложение прибылей, переводимых из Канады иностранными фирмами, и учредить для оказания помощи новым канадским промышленным корпорациям, финансируемым местным, а не иностранным капиталом, государственную Корпорацию содействия экономическому развитию. Однако под нажимом США эти предложения были отклонены, а сам Койн после того, как законопроект о его смещении с должности утвердила палата общин канадского парламента, объявил об уходе в отставку.

Еще одна попытка ограничить деятельность американского капи-

[21] The Canadian State: Political Economy and Political Power. Toronto, 1977, p. 246.
[22] Цит. по: *Newman P.* The Canadian Establishment. Toronto, 1975, p. 184.

тала в Канаде была предпринята либеральным правительством Л. Пирсона, сменившим у власти консервативный кабинет Дж. Дифенбейкера в 1963 г. Министр финансов нового правительства У. Гордон в проекте бюджета на 1963/64 г. предложил ввести в действие новый налог в 30 % на массовую продажу иностранцам акций канадских компаний (на сумму свыше 50 тыс. долл. в день одним лицом). Такой налог, не будучи, впрочем, запретительным, сильно затруднил бы скупку американскими монополиями контрольных пакетов акций канадских фирм.

Из-за обструкции оппозиции парламент не принял предложения министра финансов. Против Гордона проамериканскими силами была развязана в прессе грубая кампания, и он ушел со своего поста в 1965 г.[23]

Дальнейшие шаги по ограничению в Канаде американского капитала связаны с деятельностью либеральных кабинетов, возглавлявшихся с 1968 г. П. Трюдо. Первое правительство Трюдо официально провозгласило так называемую «третью альтернативу» — политику ослабления зависимости страны от США. В рамках этой политики приняты многие меры, призванные ослабить экспансию американского капитала в Канаду [24].

В 1971 г. создана государственная Канадская корпорация развития (ККР), ставящая целью «развивать и поддерживать сильные контролируемые и управляемые канадцами корпорации в частном секторе» [25]. За истекший со времени создания ККР период она приобрела контрольный пакет акций в принадлежавшей американцам компании «Тексас галф», 60 % производственных мощностей американской «Теннеко ойл минерал», акции ряда других компаний.

Государственная нефтяная корпорация «Петро-Кэнада», созданная в 1975 г., приобрела в 1976 г. все канадские активы американской «Атлантик ричфилд», а в 1978 г. — 100 % акций крупной американской компании «Пасифик петролеумс». В результате «Петро-Кэнада» превратилась в крупнейшую нефтегазовую компанию страны (второе место — по добыче газа, и четвертое — по добыче нефти).

Важнейшим шагом стало учреждение в 1974 г. Агентства по проверке иностранных инвестиций (ФИРА), призванного контролировать приток новых прямых инвестиций из-за рубежа, т. е. в основном из США. Агентство имело право запретить создание нового предприятия или поглощение уже существующего зарубежными инвесторами, если оно придет к выводу, что сделка не принесет «значительной выгоды» Канаде. К 1981 г. агентство получило 3801 заявку на инвестиции и приняло решения по 3117 заявкам, одобрив 2847. Из 647 заявок, по которым решения не приняты, часть была отоз-

[23] О мерах по ограничению проникновения американского капитала в Канаду см. подробнее: *Сущенко В. В.* Монополистический капитал Канады, гл. 8.

[24] О политике «третьей альтернативы» см. подробнее: *Молочков С. Ф.* Политические аспекты диалога. — В кн.: Канада — США: экономические и политические отношения. М., 1983.

[25] Канада на пороге 80-х годов, с. 73—74.

вана [26]. Таким образом, агентство не одобрило около 10 % всех рассмотренных заявок и более 20 % поступивших.

Вместе с тем политика «канадизации» экономики проводилась либеральным правительством весьма непоследовательно и часто уступала место движению вспять. Когда во второй половине 70-х годов экономическое положение страны ухудшилось и возникла угроза отделения Квебека в связи с победой на выборах в провинции сепаратистски настроенной Квебекской партии, американские и канадские монополии развернули активную кампанию с целью убедить общественное мнение, что страна не может позволить себе роскоши национализма, что для оживления хозяйственной конъюнктуры она должна открыть двери иностранному капиталу и взять курс на более тесное экономическое сотрудничество и политическую интеграцию с США. Именно в этот период Оттава сделала ряд уступок Соединенным Штатам, в том числе смягчила подход к иностранным инвесторам при рассмотрении их заявок.

Пришедшие к власти на федеральном уровне после непродолжительного правления консерваторов (1979—1980 гг.) либералы вновь подняли на щит идеалы политики «канадизации». В октябре 1980 г. правительство Трюдо внесло в парламент национальную энергетическую программу (НЭП) — широкий комплекс государственных мероприятий по стимулированию национального капитала в нефтегазовой промышленности страны. В рамках этой программы проведена перестройка системы субсидирования и налогообложения нефтегазовой промышленности таким образом, чтобы стимулировать расширение участия канадского капитала в поиске и добыче нефти и газа. Активизировалась деятельность государственной компании «Петро-Кэнада». История Канады по существу еще не знала столь решительной программы наступления на позиции иностранных монополий, какая была предложена правительством Трюдо в отношении энергетического сектора в 1980 г.

Находящееся у власти с сентября 1984 г. консервативное правительство Б. Малруни, взяв общий курс на сближение с США, либерализировало контроль над притоком в страну иностранных инвестиций: ФИРА было преобразовано в «Инвестмент Кэнада», был ликвидирован контроль над созданием иностранцами новых предприятий в Канаде (исключая так называемые «культурные отрасли») и несколько ослаблен контроль над приобретением иностранцами существующих канадских предприятий. Кроме того, в сентябре 1985 г. правительство официально предложило США начать переговоры о создании канадо-американской зоны свободной торговли. Этот шаг может иметь далеко идущие последствия для канадо-американской интеграции. В случае таможенного разоружения двух североамериканских стран ТНК США, обладающие бесспорными преимуществами над собственно канадскими фирмами в конкурентной борьбе, смогут расширить сферу своего контроля в экономике Канады. Против свободной торговли с США выступают, однако, многие влиятельные силы —

[26] Wall Street Journal, 1981, Sept. 25.

мелкие и средние национальные предприниматели обрабатывающего сектора, рабочий класс (профсоюзы), НДП, правительство Онтарио. Признавая, что Канада должна непременно участвовать в объективном процессе либерализации мировой капиталистической торговли, они вместе с тем подчеркивают, что Канаде, как более слабой стороне, нужны особые условия, обеспечивающие фактическое, а не формальное равенство в ходе канадо-американской экономической интеграции. Условия эти подразумевают, в частности, сохранение таможенной защиты внутреннего рынка и определенные ограничения на деятельность в стране американских ТНК до тех пор, пока национальная обрабатывающая промышленность не окрепнет и не сумеет занять независимое положение на мировом рынке.

Таким образом, можно констатировать, что в послевоенный период политика Канады в отношении иностранного капитала претерпела существенные изменения.

До 60-х годов приток иностранного капитала всемерно поощрялся. Но затем правительство Канады стало все более активно проводить политику ограничения американского капитала. В 70-е годы такая политика фактически возведена в ранг важнейших национальных приоритетов, а в 1980 г. принята беспрецедентная по масштабам программа «канадизации» важнейшей отрасли промышленности — нефтегазовой.

Результаты политики «третьей альтернативы» уже сейчас очевидны: американский контроль в канадской экономике, непрерывно возраставший на протяжении почти трех четвертей столетия, с 1970 г. начал снижаться (см. табл. 4). Отчасти этому способствовали факторы, не связанные с государственной политикой в отношении иностранных инвестиций. Ведь еще в 60-е годы, когда правительство Канады ориентировалось в целом на широкое привлечение американского капитала в страну, показатели американского контроля в канадской промышленности сначала замедлили свой рост, а затем стабилизировались. Можно утверждать, что к концу 60-х годов в экономике Канады было достигнуто равновесие между американским и национальным капиталом, базировавшееся на разделении сфер влияния. Эта ситуация, возможно, сохранялась бы и далее, если бы не вмешательство государства, взявшего в 70-е годы курс на поддержку национальных и ограничение деятельности иностранных фирм.

Не будет преувеличением сказать, что снижение американского контроля в экономике Канады в 70-е—начале 80-х годов было следствием в первую очередь специальных государственных мер регулирования. В целом эти меры были достаточно скромными, а их прямое воздействие на поведение иностранных корпораций осталось незначительным. Но косвенное воздействие принятых мер оказалось существенным: инвестиционный климат в стране заметно изменился, и Канада в большой степени утратила свою репутацию «инвестиционного рая» для американских вкладчиков капитала. «Существует опасность, — писала канадская газета „Торонто стар", — что изменившееся отношение американских крупных корпораций и банков к северному соседу может положить конец продолжавшемуся 100 лет

медовому месяцу между магнатами Уолл-стрит и Канадой, периоду, в течение которого миллиарды американских долларов поступали в Канаду, стимулируя ее развитие в условиях, когда сами канадцы не хотели или не могли вкладывать капитал» [27].

Представляется, что происшедшие перемены в отношении Канады к американским инвестициям, рассматривавшимся раньше как безусловное благо для страны, — фактор долговременный. Периодическое нарастание и ослабление «волн национализма» в Канаде и связанные с этим изменения в политике по отношению к иностранному (американскому) капиталу возможны и даже неизбежны в обозримом будущем. Однако, несмотря на эти конъюнктурно-политические колебания, Канада, очевидно, уже не вернется к той модели развития, которая базировалась на неограниченном привлечении американского капитала в страну. Политика в отношении иностранных компаний во все большей степени формируется под воздействием сил, ратующих за подлинную экономическую независимость страны, за то, чтобы Канада заняла равноправное положение в экономической интеграции на Североамериканском континенте.

[27] Toronto Star, 1981, Dec. 15.

ЭКСПАНСИЯ США В ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

♦

Вооруженная интервенция США в Китае (1945—1949)

Г. В. АСТАФЬЕВ

5 января 1946 г. президент США Г. Трумэн в директиве государственному секретарю Бирнсу указывал: «Мы должны сохранить полный контроль над Японией и Тихим океаном. Мы должны восстановить Китай и создать там сильное центральное правительство. Мы должны сделать то же самое в Корее» [1].

Правительство США еще до капитуляции Японии взяло курс на восстановление диктатуры гоминьдана на всей территории Китая. Американская военная интервенция в Китае, начавшаяся сразу же после поражения японской армии, приобрела многообразные формы: 1) переброска гоминьдановских войск в восточные и северные провинции страны американской военной авиацией и военно-морским флотом; 2) введение военно-морских сил США в китайские порты; 3) высадка значительных сил американской морской пехоты и установление ими контроля над стратегически важными районами, аэродромами и железными дорогами в Северном Китае, на подступах к Маньчжурии; 4) руководство операциями по передислокации гоминьдановских войск и боевыми действиями против войск Народно-революционных армий; 5) оснащение 39 гоминьдановских дивизий американским вооружением и снаряжением.

Переброска гоминьдановских войск американской авиацией по соглашению с Чан Кайши началась в конце августа 1945 г., т. е. еще до отдачи приказа о приеме капитуляции японцев, с целью не допустить освобождения Восточного Китая частями 4-й Народно-революционной армии (НРА)[2]. Перебрасывались две армии: Новая 6-я — из Лючжоу в Шанхай и 2-я — из Чжицзяна в Нанкин. К 22 сентября самолеты 10-й и 14-й воздушных армий США доставили на расстояние 1000—1500 км в эти два пункта 80 тыс. человек со всем снаряжением. Вскоре из Ханькоу в Пекин была передислоцирована по воздуху еще одна армия (42-я). К 1 ноября по воздуху должно было

[1] *Truman H. S.* The Memoirs. Vol. 1, Year of Decision, N. Y., 1955, p. 551—552.
[2] *North R. C.* Moscow and Chinese Communists. Stanford, 1967, p. 223.

быть переброшено 140 тыс. человек. Общий объем перевозок, включая технику, составлял 740 тыс. т. Гоминьдановское правительство дало заявку на доставку самолетами и судами в Восточный и Северный Китай, а позже в Маньчжурию 15 армий.

В донесении в Вашингтон по поводу этой переброски генерал Ведемейер 19 августа сообщал, что гоминьдановские армии располагают «американским персоналом связи», имея в виду американских советников и инструкторов. Указывая, что «будет необходимо продолжать переброску вооруженных сил центрального правительства в этот район быстрыми темпами», он заявлял о «намерении использовать боевые воздушные силы США или другие соответствующие средства, находившиеся в его распоряжении, для осуществления порученной миссии и защиты американских жизней и имущества, которые могут оказаться под угрозой». «Я могу неумышленно оказать прямую американскую помощь центральному правительству в подавлении коммунистических вооруженных сил» [3], — писал Ведемейер.

Вторым центром сосредоточения американских сил стал район Коулун, откуда шла переброска гоминьдановских войск американскими судами. В сентябре—октябре 1945 г. корабли 7-го Тихоокеанского флота США вошли и в порты Северного Китая: Тяньцзинь, Дагу, Тангу и Циндао. Флот США установил контроль над всем китайским побережьем, за исключением Южной Маньчжурии и северной части Шаньдуна. Однако его попытка 4 октября обосноваться в порту Яньтай (Чифу) и заблокировать сообщение между Ляодунским и Шаньдунским п-овами была отражена силами НРА, освободившей этот район еще 24 августа [4].

27 сентября 1945 г. командующий американскими войсками в Китае сообщил в Вашингтон, что по согласованию с Чан Кайши перед командующим 3-м десантным корпусом морской пехоты США поставлена задача захвата и удержания районов Тяньцзиня — Дагу, Циндао и Чифу. В целях безопасности своих войск и перечисленных территорий он должен оккупировать те промежуточные и прилегающие районы, какие сочтет необходимым [5].

Во исполнение этой директивы 30 сентября с 200 судов началась высадка трех дивизий морской пехоты. К 8 сентября они заняли порты Тяньцзинь, Дагу, Танку и Цинхуадао. Вслед затем ими был установлен контроль над железными дорогами в этом районе и каменноугольными копями, а 10 октября, после выброски воздушного десанта, оккупирован Пекин и занята железная дорога Пекин—Тяньцзинь. В тот же день части морской пехоты высадились в Циндао и захватили порт и город. Общая численность высаженных войск составила 60—70 тыс. человек, а вместе с американскими частями в районе Шанхай—Нанкин—Ханчжоу — более 100 тыс. человек [6].

[3] Foreign Relations of the United States, 1945, vol. 7, Wash., p. 585—586. (Далее — FR.)
[4] Третья гражданская революционная война в Китае. М., 1957, с. 129.
[5] FR, 1945, vol. 7, p. 623.
[6] FR, 1945, vol. 7, p. 634; *У Сюцюань*. О вооруженной агрессии США против Китая. М., 1950, с. 50.

Американские войска в стратегическом районе Пекин—Тяньцзинь—Баодин преследовали цель не допустить освобождения этих важнейших центров Северного Китая войсками Народно-революционной армии и создать здесь плацдарм для концентрации гоминьдановских сил и дальнейшего наступления на освобожденные районы Северного Китая и продвижения в Маньчжурию по мере эвакуации советских войск [7]. Оккупация китайской территории оправдывалась необходимостью принятия капитуляции, разоружения и репатриации японской армии.

В действительности японские войска как в Северном Китае, так и в других районах после капитуляции не только не были разоружены, но с санкции США использовались гоминьданом для охраны коммуникаций и железных дорог, а в ряде случаев и для наступления. Контроль японских войск и через посредство их американской морской пехоты предполагалось распространить на центры и районы, уже освобожденные НРА. Об этом имеется много свидетельств не только в китайской прогрессивной печати того времени [8], но и в американских документах. Так, американский консул в Тяньцзине Мейер сообщал 30 октября 1946 г.: «Морские пехотинцы зависят почти целиком от марионеточных и японских войск при поддержании порядка в городах и вдоль железнодорожных линий» [9]. По заявлению же американского адмирала Рокки, китайские военные стремились использовать большую часть оставшихся в Северном Китае японских войск для охраны железных дорог [10].

Из 350 тыс. японцев, находившихся в Северном Китае, к середине ноября 1945 г. было разоружено всего 15 тыс. человек, а репатриировано в Японию около 400 человек. Вооруженные японские части не только охраняли железные дороги и другие важные объекты, но участвовали в военных действиях гоминьдановцев против Народно-революционных войск в Шаньси, Шаньдуне и Хабэе. В Шаньси и Шаньдуне значительная часть японских войск оставалась неразоруженной даже в июне 1946 г. К 22 апреля 1946 г. было репатриировано лишь 65 % японцев [11].

Планирование развертывания гоминьдановской армии и ее боевых действий против НРА всецело осуществлялось штабом американских

[7] Координационный комитет госдепартамента и военных министерств вынужден был 8 ноября 1945 г. признать, что прежняя цель оккупации Северного Китая и Маньчжурии — разоружение и репатриация японцев — утратила свое значение. «Главной срочной задачей, — говорилось в их докладе, — является обеспечение контроля национального (т. е. гоминьдановского. — *Г. А.*) правительства над территорией», «так как, если такой контроль не будет обеспечен, это будет представлять „опасность достижению целей США"» (FR, 1945, vol. 7, p. 610—611).

[8] По данным китайской прессы, командующий японской оккупационной армией Окамура 13 октября издал приказ, разрешающий японским войскам сохранить оружие якобы для «самообороны против нападения бандитов» (Синьхуа жибао, 1945, 25 нояб.). Начальник штаба гоминьдановской армии Хэ Инцинь 12 ноября 1945 г. отдал приказ не разоружать японские войска, а уже разоруженным частям вернуть оружие (Синьхуа жибао, 1945, 17 нояб.).

[9] FR, 1946, vol. 9, p. 539.

[10] Ibid., p. 669.

[11] FR, 1946, vol. 9, p. 430—431, 563, 790, 991—992.

войск в Китае под непосредственным руководством генерала Ведемейера и под наблюдением американских военных советников и инструкторов в так называемых войсках Альфа (39 гоминьдановских дивизиях, подготовленных и вооруженных американцами).

Ведемейер признавал: «Как начальник штаба генералиссимуса (Чан Кайши. — *Г. А.*) я помогал планировать реоккупацию Маньчжурии» [12].

Численность американского военного персонала, оказывавшего непосредственную помощь гоминьдановским войскам, была очень велика. В ноябре 1945 г. лишь в Шанхае находилось 19 тыс. американских военнослужащих.

Интервенты стремились обеспечить возвращение под контроль гоминьдана всей оккупированной японцами территории Китая и подготовить гоминьдановскую армию к военным действиям за установление господства Чан Кайши на территории освобожденных районов и в Маньчжурии, которая никогда не находилась под властью гоминьдана. Стратегический плацдарм, захваченный в Северном Китае американской морской пехотой, контроль японских войск над железными дорогами, переброска гоминьдановских дивизий по воздуху и морем — все это было направлено к одной цели — собрать в Северном Китае крупные силы гоминьдановской армии для разгрома Народно-революционной армии, захвата территории освобожденных районов и организации вторжения в Маньчжурию с тем, чтобы не допустить установления там демократических порядков и непосредственного контакта вооруженных сил КПК с СССР. Продвижение войск Чан Кайши в Северный Китай осуществлялось по воздуху, морем и по суше.

30 октября 1945 г. в Цинхуандао были высажены с американских судов части 94-й гоминьдановской армии, доставленной из Шанхая, а несколько позднее части 13-й и 52-й армий, прибывших из Южного Китая. Эти армии предназначались для высадки в Южной Маньчжурии в портах Далянь, Инкоу и Хулудао. Однако советское командование не допустило высадки в Даляне. Этот порт по условиям советско-китайского договора от 14 августа 1945 г. находился под контролем Советского Союза, обязавшегося не допускать вмешательства во внутренние дела Китая [13].

Попытка гоминьдановцев высадиться в Инкоу и Хулудао, откуда советские войска [14] уже эвакуировались, потерпела неудачу, несмотря на артиллерийскую поддержку с американских военных кораблей. Она была отражена частями 8-й НРА, вошедшими в эти порты после вывода оттуда советских войск [15].

Еще одним направлением ввода гоминьдановских военных сил в Северный Китай было наступление их на части 8-й НРА и освобож-

[12] FR, 1945, vol. 7, p. 529.
[13] Правда, 1945, 30 нояб.
[14] Советские войска были введены в Маньчжурию в ходе разгрома японской Квантунской армии после вступления СССР в войну с Японией в соответствии с решениями Ялтинской конференции.
[15] Цюньчжун, 1945, 22 нояб.

денные районы по суше вдоль железнодорожных магистралей. Под руководством Ведемейера был разработан план наступательных операций, охватывавший территорию 11 провинций. В этих операциях участвовало 800 тыс. гоминьдановцев, руководимых и снабжаемых американцами. Чан Кайши отдал приказ о наступлении 13 октября, сразу же после подписания 10 октября 1945 г. соглашени между КПК и гоминьданом, в котором после длительных переговоров при посредничестве американского генерала Хэрли были декларированы общие политические принципы мирного строительства государства в послевоенный период.

В этом соглашении, известном как Общая программа, не был разрешен ни один из важнейших вопросов, таких, как принципы созыва национального собрания, разработка конституции и создание коалиционного правительства. Несмотря на компромиссные предложения КПК, не удалось договориться о статусе и порядке управления освобожденными районами и участии Народно-революционной армии в приеме капитуляции японцев. Чан Кайши требовал немедленного «объединения административной власти» и подчинения Народно-революционных войск гоминьдановскому командованию [16]. Все эти вопросы были оставлены на рассмотрение Политической консультативной конференции (ПКК) и так называемой Комиссии трех (по одному представителю КПК и гоминьдана под председательством американского посредника). Однако принципы работы этих форумов также не были согласованы.

Переговоры были намеренно сорваны гоминьданом, рассчитывавшим при помощи США навязать КПК военное решение, т. е. разгромить 8-ю и Новую 4-ю НРА и подчинить себе освобожденные районы. Этой цели и отвечало наступление гоминьдановских войск в Северном Китае, спланированное и поддержанное американцами. О намерении США оказать далеко идущую помощь гоминьдану в восстановлении его господства свидетельствовали как действия американских военных властей, так и переговоры президента США Г. Трумэна с председателем гоминьдановского исполнительного юаня Сун Цзывэнем. В конце 1945 г. Сун Цзывэнь прибыл в США, чтобы договориться об американской помощи в реорганизации гоминьдановской армии и в развязывании гражданской войны. Он был принят президентом 7 сентября, а через неделю Г. Трумэн сделал публичное заявление о предоставлении военной помощи гоминьдану, в частности о продлении действия ленд-лиза и продолжении подготовки и оснащения 39 гоминьдановских дивизий. В связи с этим в Вашингтон были вызваны для инструктажа генералы Хэрли и Ведемейер [17].

Именно после этих визитов начались операции американской морской пехоты и расширение доставки в Северный Китай гоминьдановцев на американских самолетах и судах. О позиции США можно судить по меморандуму заведующего отделом Китая госдепартамента Друмрайта госсекретарю Бирнсу, в котором он указывал: «В инте-

[16] Цзефан жибао, 1945, 12 окт.
[17] FR, 1945, vol 7, p. 562.

ресах нашей собственной безопасности, мира и стабильности на Дальнем Востоке мы должны действовать решительно и эффективно в оказании помощи национальному правительству Китая в его усилиях по восстановлению ... Китая, включая Маньчжурию» [18].

Интервенция США, носившая широкий характер, поначалу осуществлялась открыто и с помощью преимущественно военных методов. Она была причиной несговорчивости Чан Кайши и фактического срыва переговоров КПК с гоминьданом в августе—октябре 1945 г. Первый период американской интервенции длился до декабря 1945 г., когда правительство Трумэна оказалось вынужденным начать ее маскировку с помощью политических маневров.

Переход к политическим маневрам был вызван рядом факторов, не только внутрикитайских, но также внутриамериканских и международных. Среди них наибольшее значение имели: поражение гоминьдановской армии в ее наступательных операциях в Северном Китае; обострение борьбы между гоминьданом и КПК в Маньчжурии; подъем антиамериканского и антигоминьдановского движения в Китае; рост недовольства в американской оккупационной армии в Китае, связанного с задержкой демобилизации ее личного состава; ожидаемая встреча министров иностранных дел СССР, США и Великобритании для рассмотрения проблем Дальнего Востока.

Рассмотрим кратко каждый из этих факторов.

Наступательная операция гоминьдановцев в Северном Китае окончилась неудачей. Группировка войск в составе восьми армий, наступавшая на главном направлении вдоль железной дороги Ханькоу — Пекин, в конце октября была окружена. Две армии (30-я и 40-я) были полностью разгромлены. Новая 8-я армия под командованием Гао Шусюня перешла на сторону НРА. Потерпела неудачу и попытка наступления генерала Фу Цзои на Калган и Янь Сишаня на Тайханьшань [19].

В то же время 8-я и Новая 4-я НРА в ходе наступления против японских и марионеточных войск освободили в Северном Китае и в Маньчжурии огромную территорию с 506 уездными городами и 146-миллионным населением [20].

В Маньчжурии пребывание Советской Армии создавало благоприятные условия для организации здесь демократических органов власти, вступления частей 8-й и Новой 4-й НРА и быстрого роста их ударной мощи за счет пополнения местным населением, оснащения трофейным японским оружием и улучшения военной подготовки. Демократические органы власти, руководимые Северо-Восточным бюро ЦК КПК, контролировали всю сельскую территорию Северо-Восточного Китая и на основе Общей программы 10 октября развернули здесь осуществление демократических преобразований.

[18] Ibid., p. 629—634.

[19] Синьхуа жибао, 1945, 26—27 окт.; *Ляо Гайлун.* Краткая история освободительной войны китайского народа. Шанхай, 1951, с. 20. На кит. яз.

[20] Военные успехи трех лет освободительной войны китайского народа. Пекин, 1949 На кит. яз.

Особое внимание КПК уделяла народным вооруженным силам. Уже в сентябре—октябре в Маньчжурию по суше через провинции Жэхэ и Ляонин и морем из Шаньдуна было переброшено до 100 тыс. бойцов 8-й и Новой 4-й армий. К ним присоединилось до 200 тыс. человек местного пополнения. Эта армия, получившая название Объединенной демократической армии Северо-Востока (ОДАСВ), была оснащена трофейным японским оружием [21].

ОДАСВ не только поддерживала порядок в контролируемых ею районах, но и оказывала противодействие гоминьдановским войскам при их попытках продвинуться в Маньчжурии в районах Инкоу, Хулудао, Шанхайгуаня и Цзинчжоу.

Демократические власти, руководимые КПК, контролировали в основном сельскую местность и уездные города.

Гоминьдановские части и администрация, переброшенные по воздуху американской авиацией, сосредоточивались лишь в Мукдене и Чанчуне.

Срыв гоминьданом политических переговоров с КПК о мирной демократизации страны, угроза развязывания им всеобщей гражданской войны и американская интервенция вызвали резкое недовольство в широких слоях китайского народа. Это недовольство усугублялось ограблением народных масс гоминьдановскими властями с помощью принудительного обмена марионеточной валюты на обесцененные гоминьдановские денежные знаки, захватом верхушкой гоминьдана конфискованных японцами предприятий и товарных запасов, распространением коррупции, попытками возвратившихся помещиков взыскать с крестьян арендную плату за все время японской оккупации, спекуляцией, которую развернула американская военщина, использовавшая военные самолеты и суда для перевозки контрабандных товаров. Национальная промышленность и торговля приходили в упадок, росла безработица среди рабочих, ухудшилось положение крестьян. Особенно тяжело приходилось интеллигенции и студенчеству. Кроме того, присутствие американских и гоминьдановских войск и совершаемые ими насилия, а также бесчинства гоминьдановской охранки в отношении демократических организаций и деятелей — все это вызвало протест и вело к полной изоляции гоминьдана, особенно в западных провинциях, которые оказались в наиболее тяжелом положении. Одновременно росло влияние компартии и популярность выдвинутой ею программы мирного демократического развития страны, игнорировать которое ни гоминьдан, ни американцы уже не могли.

Протесты против американской интервенции в Китае росли и в США. Не только прогрессивные круги и печать, но и широкая демократическая общественность требовали вывода американских войск из Китая.

Национальный комитет Коммунистической партии США опубли-

[21] См.: *Чэнь Юнь*. Избр. произведения. Пекин, 1981, с. 221—224. На кит. яз.; см. также *Борисов О.* Советский Союз и маньчжурская революционная база. М., 1975, с. 87, 134—135.

ковал ряд обращений к американскому народу с призывами оказать давление на правительство Трумэна с целью заставить его прекратить интервенцию [22]. Требования компартии были поддержаны профсоюзами портовых грузчиков и моряков.

В кампанию за прекращение вооруженной интервенции включились деловые круги западных штатов США, заинтересованных в развитии торговли с Китаем, и ряд представителей этих штатов в конгрессе. В конце ноября 1945 г. член палаты представителей Дэласи, выступая по поручению ряда членов конгресса от штатов Вашингтон и Калифорния, заявил, что Хэрли и Ведемейер «втянули США в вооруженную интервенцию», и внес резолюцию, требующую вывода американских войск из Китая и прекращения вооружения клики Чан Кайши [23]. Всего в палату представителей было внесено 7 таких резолюций [24]. Немалую роль сыграло острое недовольство среди солдат американской армии в Китае, выступавших против вмешательства в китайские дела и требовавших возвращения в Штаты. Имели место случаи прямых бунтов солдат морской пехоты [25]. Командующий американскими войсками Ведемейер в связи с этим неоднократно ставил вопрос о выводе морской пехоты из Китая, а госсекретарь Бирнс даже заявил 7 ноября 1945 г., что разрабатывается план вывода всех американских войск. Президент Трумэн в своих мемуарах вынужден был признать, что американский народ «не желал летом 1945 г. ничего большего, чем окончания военных действий и возвращения своих парней домой» [26].

Агрессивная политика США в Китае встретила решительное противодействие и на международной арене, прежде всего со стороны СССР.

В то время как США осуществляли вооруженную интервенцию, представлявшую прямое вмешательство во внутренние дела Китая, Советский Союз, выполняя обязательства, принятые по договору от 14 августа 1945 г., не допускал со своей стороны никакого ущемления его суверенных прав. По мере формирования на территории Маньчжурии китайских властей советское командование передавало им функции управления, изъятые у японских или марионеточных властей. Этот порядок тщательно соблюдался как в зоне Китайской Чаньчуньской железной дороги (КЧЖД; до 14 августа 1945 г. — КВЖД), так и на переданной в аренду СССР территории порта Далянь (Дальний). Более того, советское командование оказывало китайским властям широкую помощь в восстановлении экономики и путей сообщения [27].

Советское правительство предпринимало и дипломатические шаги, направленные на прекращение вооруженного вмешательства США

[22] Political Affairs, 1945, Dec., p. 1065.
[23] Правда, 1945, 30 нояб.
[24] *Campbell J. C.* The United States in World Affairs, 1945—1947. N. Y., 1947. p. 285.
[25] *Truman H. S.* Op. cit., p 436; FR, 1945, vol. 7, p 619.
[26] *Truman H. S.* Op. cit., p. 436.
[27] *Борисов О.* Указ. соч., с. 182—200; *Сладковский М. И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. М., 1977, с. 159—177

в китайские дела, настояв на включении вопроса о Китае в повестку дня совещания министров иностранных дел, состоявшегося в декабре 1945 г. в Москве. Как известно, на Московском совещании министры договорились о необходимости объединения и демократизации Китая под руководством национального правительства и о прекращении гражданской войны. Они подтвердили приверженность политике невмешательства во внутренние дела Китая. По поводу вывода войск из Китая было констатировано, что «между двумя министрами иностранных дел имеет место полное согласие о желательности вывода из Китая советских и американских вооруженных сил в возможно кратчайший срок, совместимый с выполнением ими их обязательств и их ответственностью» [28].

Под влиянием всех этих факторов правительство США вынуждено было пойти на некоторое изменение своей политики в Китае, в основу которой были теперь положены две основные задачи: 1) «посредничество» США в мирной демократизации Китая, а фактически в укреплении политической и военной базы режима Чан Кайши и постепенном сокращении вооруженных сил и территориальной базы компартии и 2) переключение военных усилий гоминьдана на Маньчжурию с целью установления здесь господства клики Чан Кайши и недопущения превращения этого района в военно-политическую и экономическую базу народно-освободительного движения китайского народа. Посредничество в переговорах преследовало цель — выиграть время для перевооружения, переобучения гоминьдановской армии и ее концентрации на главном направлении для наступления на Маньчжурию, которая рассматривалась как важнейший стратегический район, позволяющий угрожать дальневосточным областям СССР, и в то же время как буфер между СССР и освобожденными районами Китая, не позволяющий СССР оказывать помощь китайским коммунистам. Американский ученый О. Латтимор в связи с этим указывал: «Благодаря своему географическому положению между Японией, Кореей и Сибирью, Маньчжурия является единственной областью, через которую Россия может подвергнуться нашествию американских наземных войск при поддержке морских и воздушных сил» [29]. Один американский генерал заявил в 1945 г., что «Соединенные Штаты должны разбить Советский Союз в течение ближайших двух лет, и поля Маньчжурии являются идеальными для достижения этой цели» [30].

Стремление США не допустить утверждения демократических сил в Маньчжурии верно объяснил и американский историк Кэмпбелл: «Если бы коммунисты взяли в свои руки контроль над Маньчжурией, они получили бы такую базу для усиления своей мощи, что конца войне не было бы видно в течение ряда лет, а удар престижу гоминьдана был бы гибельным для него» [31].

[28] Внешняя политика Советского Союза, 1945 год. М., 1949. с. 161—162.
[29] *Lattimore O.* Situation in Asia. Boston, 1949, p. 168.
[30] Daily Worker. N. Y., 1946, Febr. 20
[31] *Campbell J. C.* The United States in World Affairs, 1947—1948 N. Y., 1948, p. 188

В декабре 1945 г. Трумэн принял решение направить в Китай в качестве своего личного представителя начальника штаба американской армии генерала Маршалла, подчинив ему весь дипломатический и военный персонал США в Китае и обязав его добиться «объединения» Китая посредством созыва национальной конференции всех политических сил. Целью его миссии было объявлено прекращение военных действий в Северном Китае. Это якобы было условием вывода американских войск и предоставления Китаю кредитов, технической, экономической и военной помощи [32].

Военному министерству было предписано оказать помощь «национальному правительству» (т. е. Чан Кайши) в перевозке его войск в Маньчжурию, включая их тыловое обеспечение, временно приостановить переброску войск в Северный Китай (за исключением предназначенных для Маньчжурии). Трумэн облек Маршалла правом немедленно возобновить эти перевозки, если того потребует ход переговоров или их срыв [33]. Подлинная цель этих планов США проступает из заявления Трумэна от 27 ноября 1945 г.: «Если мы не займем сильную позицию в Китае, Россия займет место Японии на Дальнем Востоке» [34]. Ссылка на СССР нужна была для оправдания попыток с помощью Чан Кайши утвердиться в Маньчжурии.

Директивы Маршаллу и военному министерству дополнялись официальным заявлением президента Трумэна «О политике США в отношении Китая», в котором, помимо предложений о прекращении военных действий и созыве национальной конференции в целях объединения страны, содержалось утверждение, что «признанное США и ООН нынешнее национальное правительство Китайской Республики является единственно законным правительством Китая» и «подходящим инструментом для достижения цели объединения Китая». Указав, что США поддерживают и будут поддерживать это правительство и сотрудничать с ним, Трумэн заверял, что эта поддержка «не достигнет степени военной интервенции США с целью воздействовать на ход внутренней борьбы в Китае».

В заявлении в то же время указывалось, что существование автономных армий, таких, как коммунистическая армия, несовместимо с политическим единством в стране и делает его невозможным. Президент потребовал устранить эти армии и осуществить «подлинную интеграцию» всех вооруженных сил в Китае в «китайскую национальную армию».

Наряду с поддержкой Чан Кайши Трумэн рассчитывал, опираясь

[32] В директиве Трумэна Маршаллу от 15 декабря 1945 г. говорилось: «Необходимо склонить китайское правительство созвать национальную конференцию представителей главных политических элементов в целях осуществления объединения Китая и одновременно в целях прекращения враждебных действий, в частности, в Северном Китае. От успеха ваших усилий будут зависеть в большой степени успехи наших планов по эвакуации японских войск из Китая, в частности из Северного Китая, и последующий вывод наших вооруженных сил из Китая» (The US Relations with China. Wash., 1949, p. 605—606).

[33] Ibid., p. 607.

[34] *May E. R.* The Truman Administration and China, 1945—1949. Philadelphia, 1975.

на политический опыт и ловкость Маршалла, решить задачу вовлечения КПК в политическую структуру гоминьдановского режима. Он надеялся посредством включения КПК и демократических промежуточных партий в состав правительства Чан Кайши замаскировать гоминьдановскую диктатуру видимостью демократии, сохранив главные рычаги власти в руках Чан Кайши и его клики и существенно ослабив национально-революционную армию.

Генеральной линией правительства США, осуществляемой Маршаллом в ходе «посредничества», являлось сохранение господства гоминьдана и личной диктатуры Чан Кайши. В секретном документе, принятом по настоянию Маршалла в форме его заявления в беседе с Трумэном и Ачесоном 14 декабря 1945 г., было специально подчеркнуто, что в случае неудачи «посредничества» США будут попрежнему поддерживать Чан Кайши [35]. Это была попытка оправдать продолжение военной американской интервенции.

Такова была политическая суть миссии Маршалла. Реализация его предложений привела бы в конечном счете к ликвидации освобожденных районов, к разоружению коммунистов и включению их в буржуазно-демократическую систему, т. е. по существу к превращению их в социал-демократов. Наращивание военной мощи гоминьдановской армии и присутствие ее в Северном Китае и Маньчжурии под предлогом восстановления национального суверенитета создавало не только мощное средство давления на коммунистов, но и возможность ликвидации их армии и освобожденных районов силой. Немаловажное значение имело и стремление привлечь на основе этого плана на сторону США и Чан Кайши промежуточных сил из так называемых демократических партий.

Маршалл планировал укрепить посредством американской военной и экономической помощи положение Чан Кайши и его партии; он надеялся, овладев Маньчжурией, изолировать коммунистов от СССР, превратить их в бессильный политический придаток гоминьдана. Предполагалось, что в случае отказа коммунистов от предлагаемых гоминьданом условий национально-освободительные силы будут разгромлены обученной и вооруженной американцами армией Чан Кайши, численность которой после реорганизации должна была превышать армию коммунистов в 4,5 раза.

Важнейшим условием осуществления этого плана в Вашингтоне считали следующие четыре мероприятия, разработанные комиссией трех в составе Маршалла, представителя высшего командования КПК Чжоу Эньлая и представителя гоминьдана (Чжан Цюнь, губернатор Сычуани): прекращение военных действий и замораживание (фиксация) войск гоминьдана и КПК на позициях, существовавших на 13 января 1946 г.; восстановление железнодорожного сообщения и других средств сообщения, разрушенных в ходе военных действий; прекращение всяких передвижений войск в Северном Китае (к северу от Янцзы), т. е. в районах, освобожденных 8-й НРА, за исключением перевозки войск в направлении и в пределах Северо-Восточного Ки-

[35] FR, 1945, vol. 7, p. 770.

тая, якобы необходимых для восстановления здесь суверенитета Китая; создание исполнительного штаба в Бэйпине (ныне Пекин) в составе 125 американцев и по 170 человек представителей КПК и гоминьдана для наблюдения за осуществлением перемирия и разрешения спорных вопросов на местах через полевые команды [36].

Фактически все эти мероприятия в первоначальном варианте были разработаны Маршаллом и его штабом и затем в процессе переговоров уточнялись и исправлялись в соответствии с мнениями представителей гоминьдана и КПК, но основная схема, продиктованная американцами, сохранялась. По словам Маршалла, ключевым вопросом его «посреднической» миссии была реорганизация армии, без чего все остальные мероприятия якобы оставались иллюзией, а переговоры на Политической консультативной конференции «пустой говорильней» [37].

«Посредничество» в переговорах между КПК и гоминьданом было только первой частью американского плана. Оно дополнялось мероприятиями по сокращению численности НРА, изменению ее дислокации и по ее интеграции в так называемую национальную армию, а фактически в армию Чан Кайши. Разработкой этого мероприятия занималась подкомиссия по военным делам, работавшая фактически в том же составе, что и комиссия трех. После длительных споров было выработано соглашение об «основах реорганизации армии и интеграции коммунистических вооруженных сил в национальную армию», подписанное 25 февраля. Оно предусматривало сокращение в течение 12 месяцев гоминьдановских войск (92 армии, или 268 дивизий численностью 3140 тыс. человек) до 90 дивизий и сокращение войск НРА численностью 1300 тыс. человек до 300 тыс. человек, или до 18 дивизий, исходя из соотношения 6 : 1, на которое якобы выразила согласие КПК [38]. В последующие 6 месяцев численность гоминьдановской армии должна была быть сокращена до 60 дивизий, а войск КПК до 10 дивизий. Увольнению подлежали 2 млн. человек в гоминьдановской армии и 1 млн. человек — в НРА.

Маршалл и его штаб понимали нереальность этих планов. В отличие от соглашения о прекращении огня, фиксировавшем сложившееся в конце 1945 г. соотношение и размещение сил Народно-революционной и гоминьдановской армий в Северном Китае и закреплявшем это соотношение на неопределенное время, соглашение о реорганизации армии в конечном счете должно было привести к постепенному поглощению войск НРА гоминьдановской армией, т. е. к лишению КПК ее вооруженных сил и превращению в бессильный придаток гоминьдана.

В этих условиях КПК очень осторожно относилась к осуществлению соглашения о реорганизации армии.

Решения Политической консультативной конференции о демокра-

[36] FR, 1946, vol. 9, p. 125—126.
[37] *Melby J. R.* The Mandate of Heaven. Record of a Civil War, China, 1945—1949. Toronto, 1968, p. 95.
[38] FR, 1946, vol. 9, p. 181, 221, 205, 201

тизации политического строя, принятые 31 января 1946 г., предусматривали реорганизацию национального правительства, а именно создание Государственного совета как высшего органа из представителей гоминьдана и других партий, сочетающего функции законодательной и исполнительной власти, и созыв им национального собрания. Однако не было заключено соглашение о представительстве отдельных партий во всех этих органах. Гоминьдановская верхушка рассчитывала использовать это для сохранения своего господствующего положения.

ПКК также приняла программу мирной национальной реконструкции, определявшую принципы и формы организации политической власти и осуществления ею основных функций в области военных дел, внешних сношений, экономики и финансов, а также утверждавшую принцип местного самоуправления. Большое значение имели положения программы о национализации армии и ее отделении от партий, позволявшие ликвидировать военную монополию гоминьдана и засилье местных милитаристов. В области экономики предусматривалось недопущение монополизации основных отраслей частным капиталом, воспрепятствование развитию бюрократического капитала, гарантирование прав арендаторов и введение земельного закона, основанного на принципе «земля тем, кто ее обрабатывает». Правительство обязалось прекратить на один год взимание земельного налога.

В специальном приложении к программе было декларировано сохранение статус-кво освобожденных районов до осуществления реорганизованным правительством принципа местного самоуправления.

Однако всем этим мероприятиям не суждено было осуществиться. Гоминьдановское командование сосредоточило армию численностью 500 тыс. человек для наступления на Северо-Востоке, чтобы захватить весь регион и не допустить превращения его в базу демократических сил.

В июле 1946 г. США и Чан Кайши сочли политическую обстановку в Китае и международные условия благоприятными для начала всеобщего наступления на освобожденные районы. Правительство Трумэна встало на путь развязывания «холодной войны» против СССР. Помощь США гоминьдану превысила 2,5 млрд. долл. и согласно законопроекту «О военном консультировании и помощи Китайской республике» должна была еще более расшириться. В соответствии с этим законопроектом, несмотря на то, что он формально не был принят, в Китае была создана американская военная миссия численностью 1000 человек. В ее состав вошел личный состав штаба американских войск в Китае и советники США, руководившие гоминьдановскими соединениями и подразделениями вплоть до батальона.

Чан Кайши в качестве компенсации за американскую помощь пошел на заключение ряда кабальных соглашений с США, предоставлявших им особые права в Китае (право контроля над воздушным и водным пространством, над железными дорогами, право экстерриториальности для американских военнослужащих и т. д.). Заключенный

4 ноября 1946 г. китайско-американский договор предоставил американским монополиям неограниченные права для эксплуатации китайского рынка и грабежа природных богатств Китая.

Во время июньских переговоров 1946 г., проводившихся при посредстве Маршалла, Чан Кайши предъявил КПК ультиматум с требованием эвакуировать войска Народной армии из провинций Жэхэ, Чахар и Шаньдун, через которые осуществлялась связь и взаимодействие Объединенной демократической армии Северо-Востока с другими освобожденными районами, передать гоминьдану все крупные города Северо-Востока и районы к югу от Лунхайской железной дороги и отвести все войска Народной армии в 9 отдаленных от железных дорог глубинных районов, где они легко могли быть окружены и уничтожены гоминьдановцами. После отказа КПК принять эти требования гоминьдановская армия развернула наступление на освобожденные районы Внутреннего Китая по четырем направлениям, рассчитанное на овладение всеми крупными городами и железными дорогами Северного Китая. Одновременно войска Чан Кайши продолжали наступательные операции на Северо-Востоке.

Несмотря на развязывание всеобщей гражданской войны, переговоры КПК с гоминьданом продолжались. Посредником в них, кроме Маршалла, теперь выступил Лейтон Стюарт, назначенный по рекомендации Маршалла послом США в Китае. Соглашаясь на продолжение переговоров, КПК стремилась окончательно разоблачить гоминьдан как виновника гражданской войны и, показав реакционную, предательскую сущность и двуличный характер американского «посредничества», объединить вокруг себя все демократические силы и поднять народные массы на активную борьбу против гоминьдановской диктатуры.

Чан Кайши и Маршалл всячески стремились замаскировать американскую интервенцию и реакционный характер политики гоминьдана. Они были заинтересованы в том, чтобы выставить мнимую несговорчивость компартии как причину срыва переговоров о мирном урегулировании, т. е. косвенно оправдать военные действия против Народной армии.

На переговорах обсуждались также вопросы о сроках созыва и о составе Национального собрания. Факт его созыва Маршалл надеялся использовать в целях придания правительству Чан Кайши демократической видимости, узаконив тем самым гражданскую войну. В случае отказа КПК от участия в собрании Маршалл рассчитывал свалить на нее вину за срыв процесса демократизации страны. КПК разгадала этот маневр и, несмотря на расширение военных действий и предъявление гоминьданом все новых требований, продолжала вести переговоры, которые систематически срывались кликой Чан Кайши. Поддерживая на деле гоминьдановскую линию на разжигание гражданской войны, Маршалл и Стюарт стремились на словах отмежеваться от нее и в этих целях опубликовали заявление от 10 августа 1946 г., в котором возлагали ответственность за срыв переговоров на обе стороны.

Компартия еще раз согласилась на переговоры при условии выпол-

нения ее требований о восстановлении положения на 10 января и осуществлении решений Политической консультативной конференции. Чан Кайши, однако, по-прежнему игнорировал справедливые предложения КПК и в ультимативной форме потребовал согласия КПК на участие в Национальном собрании на условиях гоминьдана. Это требование было отвергнуто, и 8 ноября 1946 г. Чан Кайши сделал заявление, подготовленное Маршаллом, в котором вся вина за срыв мирного урегулирования сваливалась на КПК и объявлялось о созыве Национального собрания 12 ноября. Одновременно Чан Кайши издал приказ о мнимом прекращении военных действий. Фальшивый характер этого приказа был ясен из того, что в это время Чан Кайши готовил наступление на центр освобожденных районов — Особый район Шэньси — Ганьсу — Нинся со столицей в Яньани. Несмотря на предупреждение КПК, что односторонний созыв Национального собрания и наступление на Яньань окончательно закроет двери для переговоров, Чан Кайши 18 ноября созвал Национальное собрание без участия КПК и в начале 1947 г. предпринял наступление на Яньань, откуда ЦК КПК и войска Народной армии были своевременно эвакуированы. Рассматривая созыв гоминьдановского Национального собрания как акт национального раскола, делегация КПК на переговорах по указанию ЦК КПК 19 ноября 1946 г. покинула Нанкин.

Комедия американского «посредничества» бесславно завершилась. Судьбу Китая должен был решить исход гражданской войны. Генерал Маршалл по вызову президента Трумэна 8 января 1947 г. вылетел в Вашингтон якобы для доклада о положении в Китае и уже не вернулся в Нанкин.

В заявлении Трумэна от 18 декабря 1946 г. и в заявлении Маршалла от 7 января 1947 г. вина за срыв переговоров о демократизации возлагалась на компартию, отказавшуюся якобы пойти на компромисс. Заявление Трумэна свидетельствовало о том, что политика США в Китае, принятая в январе—феврале 1946 г. и направленная на политическое и военное объединение Китая под властью Чан Кайши, оставалась неизменной. Проводилась теперь она несколько другими средствами, а именно посредством фальшивой демократизации гоминьдановского режима [39], осуществляемой якобы в выполнение решений ПКК.

В итоге первого года войны гоминьдановская армия понесла огромные потери. Народная армия разгромила почти 100 бригад регулярных гоминьдановских войск численностью в 780 тыс. человек, а вместе с нерегулярными частями — свыше 1 млн. человек. Их оружие попало в руки Народной армии. Численность ее регулярных частей достигла 2 млн. человек, в то время как гоминьдановская армия сократилась до 3,7 млн. человек.[40]

Изменение соотношения сил не было связано только с военными факторами. Оно отражало общее соотношение сил между лагерем демократии и лагерем реакции во всех областях: политической, эко-

[39] The US Relations with China, p. 692.

[40] Военные успехи трех лет освободительной войны китайского народа. Пекин, 1949. На кит. яз.

номической, идеологической, что создавало благоприятные условия для перехода Народной армии в наступление.

Для изыскивания наиболее эффективных форм и методов поддержки гоминьдановского режима США в августе 1947 г. направили в Китай специальную миссию под руководством бывшего командующего американскими войсками в Китае генерала Ведемейера. Миссия посетила не только Китай, но и Корею и Японию. Она преследовала цель скоординировать американскую политику в отношении этих трех стран и привести ее в соответствие с общим агрессивным курсом США. Миссия Ведемейера должна была подготовить добавочный вариант политики США на Дальнем Востоке на случай падения режима Чан Кайши и краха американских планов в Китае, а именно ремилитаризацию Японии и укрепление режима Ли Сын Мана в Южной Корее.

В целях спасения положения в Китае Ведемейер предлагал разделить эту страну на три стратегические зоны: военную зону в Северо-Восточном, Северном и Центральном Китае, зону международных коммуникаций в Юго-Западном Китае и зону экономической реконструкции в Южном Китае. В Северо-Восточном и Северном Китае гоминьдановская армия, согласно этому плану, должна была осуществить широкие оборонительные действия для того, чтобы выиграть время для укрепления военного положения гоминьдановцев в Центральном Китае и завершения под руководством американского капитала экономической реконструкции в Южном Китае. После этого гоминьдановская армия должна была, опираясь на Южный Китай, перейти в наступление против освобожденных районов в северных зонах и восстановить диктатуру Чан Кайши на территории всего Китая. Остров Тайвань должен был быть превращен в совместную американо-китайскую военную базу, используемую для подготовки гоминьдановских войск.

Целью миссии Ведемейера была также разработка мер по повышению политической и военной эффективности режима Чан Кайши. Для этого миссия предлагала: 1) найти как в рядах гоминьдана, так и вне его способных и преданных США политических деятелей, которые укрепили бы режим Чан Кайши; 2) реорганизовать гоминьдановские вооруженные силы путем обучения и создания с американской помощью эффективной в военном отношении армии.

Ведемейер называл три возможных вида «помощи» Китаю: вооружением, советами и активным участием американской армии в военных операциях. Хотя последнюю форму Ведемейер исключал, но фактически первые две, особенно вооружение и подготовка армии, также являлись не чем иным, как актом участия США в гражданской войне, актом интервенции. Для того чтобы скрыть от общественности факт интервенции, Ведемейер указал на недопустимость вовлечения американского военного персонала в непосредственные военные действия. Этот персонал должен был находиться вне района операций.

Рекомендации Ведемейера свидетельствовали, что американский империализм все более расширял свою интервенцию, направленную

на установление своего монопольного господства в Китае. Это особенно проявилось в неопубликованной части доклада Ведемейера, посвященной размерам американской военной «помощи» и ответным уступкам китайской стороны.

Чан Кайши обратился к правительству США с просьбой предоставить большое количество вооружения и заем в размере 2 млрд. дол.[41] Взамен Ведемейер, как сообщала печать, потребовал предоставления Соединенным Штатам военных баз, в частности на Тайване, неограниченных прав в руководстве гоминьдановской армией, вступления Китая в подготовлявшийся в то время американцами агрессивный Тихоокеанский блок, согласия на проводимые США мероприятия по ремилитаризации Японии и заключения с нею мирного договора [42].

Осуществление этих требований означало полное подчинение клики Чан Кайши контролю США.

27 октября 1947 г. между правительством США и нанкинским режимом было подписано так называемое «соглашение о взаимной помощи». Президент Трумэн 18 марта 1948 г. внес в конгресс законопроект о программе «экономической помощи» Китаю, предусматривавший предоставление клике Чан Кайши до 30 июня 1949 г. 570 млн. долл. Конгресс, вопреки обычной практике, поспешно, уже 3 апреля 1948 г., утвердил программу «помощи» в 400 млн. долл.[43]

В этот же период Соединенные Штаты подписали с Чан Кайши еще ряд соглашений, которые узаконивали особые права США в Китае. К числу таких соглашений относились: соглашение в форме обмена нотами 29 августа—3 сентября 1947 г. о пребывании американских войск в Китае; соглашение о создании китайско-американской комиссии по реконструкции деревни 3—5 августа 1948 г., с помощью которого США надеялись парализовать аграрное движение в Китае; расширение договоренностей об американских базах в Китае, включая военно-морскую базу Циндао, военно-морские и воздушные базы на о-ве Тайвань, об увеличении персонала американской военной миссии с 1 тыс. до 5 тыс. человек и распространение ее функций на обучение и подготовку личного состава гоминьдановской армии; об установлении жесткого контроля США над использованием американской помощи, о воздействии на процесс персональных назначений и перемещений в гоминьдановском правительстве, о расширении идеологической деятельности американских религиозных, учебных, медицинских учреждений в Китае, а также всевозможных благотворительных фондов и организаций.

Таким образом, в 1947—1948 гг. США распространяли свой контроль на военную, политическую, экономическую и идеологическую сферы в гоминьдановском Китае, надеясь этим путем предотвратить крах чанкайшистского режима. В 1945—1949 гг. США в различных формах израсходовали на оказание «помощи» гоминь-

[41] См.: Известия, 1947, 12 и 26 авг.
[42] См.: Правда, 1948, 3 февр.
[43] The US Relations with China, p. 373, 384.

дановским властям в реальном исчислении свыше 6 млрд. долл. [44].

Активное вмешательство США во внутренние дела Китая продемонстрировало всем слоям китайского народа предательскую сущность гоминьдановского режима, распродавшего американскому империализму суверенные права, природные богатства и независимость Китая. В годы наиболее интенсивного вмешательства США, а именно в 1947—1948 гг., произошли серьезные изменения в ходе военных действий на фронтах гражданской войны. Со второй половины 1947 г. Народная армия перешла в наступление.

Перелом в ходе гражданской войны обусловливался не только улучшением вооружения и боевой подготовки Народной армии, ростом ее численности, но и политическими факторами, а именно созданием при помощи СССР мощной революционной военно-экономической базы в Северо-Восточном Китае и осуществлением здесь широких демократических преобразований в виде аграрной реформы, национализации крупной промышленности и внешней торговли, развития средней и мелкой частной промышленности, принадлежащей китайскому национальному капиталу, создания эффективного аппарата управления, возглавляемого КПК, укреплением рабочего класса и его профессиональных организаций, выдвижением рабочих на руководящие административные—хозяйственные посты. Эти преобразования, проведенные под руководством КПК, явились образцом для всей страны и резко контрастировали с неэффективностью, коррумпированностью гоминьдановского аппарата и засильем американской военщины и монополий на территории, контролируемой гоминьданом.

Решительное наступление Народной армии, в 1948 г. переименованной в Народно-освободительную армию Китая (НОАК), осуществлялось в виде четырех последовательно сменявшихся крупных операций, в которых были заняты все наличные силы армии. Эти операции предопределили полную победу НОАК в народно-освободительной войне и, следовательно, победу демократической революции и создание предпосылок для перерастания ее в революцию социалистическую.

Администрация Трумэна, которая в это время проводила подготовку к созданию агрессивной североатлантической группировки в Европе, не решилась на применение своих вооруженных сил в Китае. Это объяснялось отнюдь не стремлением отказаться от вмешательства во внутренние дела Китая, а лишь опасением, что военных и экономических ресурсов США окажется недостаточно, чтобы осуществить одновременно в широких масштабах агрессию в Китае и создание Североатлантического блока в Европе.

Продолжая оказывать военную помощь Чан Кайши, подготовлявшему оборону на рубеже р. Янцзы, американские империалисты в то же время предпринимали через Ли Цзунженя, формально сменившего Чан Кайши на посту «президента», новые мирные

[44] Расчеты см. в кн.: *Астафьев Г. В.* Интервенция США в Китае, 1945—1949. М., 1985, с. 435.

маневры. Компартия, не отказываясь от переговоров, разоблачила подлинную суть этих маневров, направленных на затягивание гражданской войны [45].

21 апреля 1949 г. НОАК форсировала крупнейшую реку Китая — Янцзы — и приступила к последнему этапу освобождения страны, который 1 октября 1949 г. завершился провозглашением Китайской Народной Республики. На следующий же день КНР была признана правительством СССР.

[45] The US Relations with China, p. 295—296.

Американская военная интервенция в Корее

Г. А. АГАФОНОВА

В августе 1985 г. народ Корейской Народно-Демократической Республики торжественно отметил 40-летнюю годовщину освобождения от японского колониального ига. На многотысячном митинге в Пхеньяне, посвященном этому знаменательному событию, руководители государства подчеркивали ту решающую роль, которую сыграл Советский Союз в разгроме ударной силы милитаристской Японии — Квантунской армии. Генеральный секретарь Центрального Комитета Трудовой партии Кореи тов. Ким Ир Сен назвал эту победу «эпохальным событием, открывшим новую эру в борьбе нашего народа за самостоятельность, независимость и социализм» [1].

Самоотверженная борьба корейского народа увенчалась триумфальным успехом — на освобожденной от чужеземного господства земле Северной Кореи родилось первое в истории Кореи независимое государство рабочих и крестьян. Перед корейским народом открылся широкий путь демократических и социальных преобразований, появились благоприятные перспективы строительства новой жизни.

На юге Кореи, занятом американскими войсками уже после окончания военных действий и капитуляции Японии, было создано марионеточное государство — Корейская республика, возглавляемая Ли Сын Маном — ставленником американских правящих кругов. С момента образования двух различных по своим социальным, политическим и экономическим принципам государств, разделенных 38-й параллелью, США прилагали максимум усилий, чтобы распространить свое влияние на всю Корею, занимавшую особое место во внешнеполитических планах американского империализма. Поражение Японии обеспечило возможность осуществления экспансионистских устремлений США.

Непосредственную подготовку к вооруженному конфликту в Корее США развернули после разгрома сил империализма в Китае. Надеясь

[1] Известия, 1985, 15 авг

восстановить подорванный престиж Вашингтона в Азии и превратить Корейский полуостров в военно-стратегическую базу США, американские правящие круги рассчитывали одновременно ослабить национально-освободительное движение народов Азии и укрепить позиции колониальных держав в этом регионе.

Планы правительства Трумэна нашли полную поддержку Ли Сын Мана, ставшего послушным орудием в руках американских экспансионистских кругов. Стремление корейского народа к единству, созданию независимого, демократического государства встретило яростное сопротивление марионеточного режима на Юге Кореи и американской дипломатии.

В 1949 г. Единый демократический национальный фронт Кореи (ЕДНФ) выдвинул программу мирного объединения страны путем создания общекорейского верховного законодательного органа, который принял бы конституцию и сформировал единое правительство. Одновременно в ООН была направлена просьба о выводе из Южной Кореи американских войск и предоставлении корейскому народу права самому решать свою судьбу. Инициатива ЕДНФ не нашла поддержки ни южнокорейского режима, ни Вашингтона. Стремясь исключить всякую возможность объединения Кореи на демократической основе и оказать давление на Ли Сын Мана, США приняли в 1950 г. закон, согласно которому Южная Корея лишалась всякой помощи со стороны Соединенных Штатов в случае сформирования коалиционного правительства с участием коммунистов.

Внешнеполитический курс США в отношении стран Азии и Дальнего Востока неоднократно обсуждался на заседаниях Совета национальной безопасности (СНБ) и Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ). Участники совещаний единодушно сходились во мнении о стратегической важности Азии для США [2].

Основываясь на исследованиях, проведенных министерством обороны в 1948 г., Совет национальной безопасности рекомендовал президенту оказывать экономическую и военную поддержку южнокорейскому режиму [3]. Между Вашингтоном и Южной Кореей был заключен ряд соглашений, в соответствии с которыми США брали на себя обязательство обучать южнокорейскую армию и полицию и поставлять военное снаряжение [4]. Под давлением общественного мнения США вынуждены были летом 1949 г. вывести свои войска из Южной Кореи, что в значительной степени ослабило режим Ли Сын Мана, опиравшегося на силу оккупационных войск. По всему Югу страны прошла широкая волна народных волнений с требованием проведения демократических преобразований и объединения Кореи. Общественно-политический резонанс выступления народных

[2] United States-Vietnam Relations, 1945—1967: Study Prepared by the Department of Defense. Wash., 1971, Book 8, p. 328.

[3] Подробнее см.: *Агафонова Г. А.* Совет национальной безопасности США, 1947—1960. М., 1977, с. 63.

[4] American Foreign Policy, 1950—1955: Basic Documents. Wash., 1957, vol. 2, p. 2529—2530.

масс был настолько велик, что вызвал беспокойство Вашингтона не только за судьбу своего ставленника на посту президента Южной Кореи, но и за собственные позиции на полуострове. В создавшейся ситуации только начало военных действий против Северной Кореи — «поход на Север» — и возвращение американских войск могли спасти антинародный режим Ли Сын Мана.

Американская военная миссия в Южной Корее приступила к обучению и перевооружению лисынмановской армии. Срочно строились новые и переоборудовались имеющиеся аэродромы, военно-морские порты и морские базы [5]. Командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерал Д. Макартур считал вполне достаточным для начала военных действий 10 дивизий, которые были отмобилизованы и оснащены к началу 1949 г. Южнокорейская армия была готова к «походу на Север».

Стремясь создать напряженную обстановку в отношениях к КНДР, лисынмановские войска провоцировали многочисленные вооруженные инциденты в пограничных районах, самым значительным из которых была кэсонская операция в июле 1949 г. Окончившись полным разгромом южнокорейских сил, эта операция одновременно вскрыла серьезные недостатки в подготовке лисынмановской армии и «слабость ее морального духа» [6].

Генерал У. Робертс, возглавлявший американскую военную миссию в Южной Корее, отметил необходимость всесторонней переподготовки лисынмановской армии. Слабая боеспособность марионеточных войск заставила США не только увеличить поставки снаряжения и военной техники, но и обсудить вопрос о возможном участии в военном конфликте американских вооруженных сил. В декабре 1949 г. СНБ рекомендовал президенту в случае возникновения военных действий на Корейском полуострове использовать для поддержки Ли Сын Мана авиацию и военно-морской флот [7].

В связи с этим было предпринято значительное усиление 7-го американского флота, базировавшегося на Дальнем Востоке, и авиации. На заводы поступила специальная документация о производстве военных материалов на случай объявления войны [8]. 20 июня 1950 г. в США был продлен закон о воинской повинности. Американская пресса начала обработку общественного мнения и психологическую подготовку к вооруженному конфликту в Корее. Среди политических деятелей и генералитета широко распространились идеи превентивной войны [9]. Милитаристские круги США считали, что в мире сложилась благоприятная обстановка для осуществления агрессии в Корее [10].

[5] Documents and Materials Exposing the Instigators of the Civil War in Korea: Documents from the Archives of the Lhee Sungman Government. Peyougyaug, 1950, p. 217.
[6] Ibid., p. 118.
[7] *Higgins T.* Korea and the Fall of MacArthur: A Precis in Limited War. N. Y., 1960, p. 9—10.
[8] *Fleming D.* The Cold War and Its Origin, 1917—1960. L., 1961, p. 537.
[9] US News and World Report, 1950, May 5, p. 52; May 26, p. 16—20; June 23, p. 56.
[10] Military Situation in the Far East: Hearings before the Committee on Armed Services and the Committee on Foreign Relations. United States Senate, 82nd Congr., 1st Ses.,

В июне 1950 г. Японию посетили министр обороны США Л. Джонсон и председатель ОКНШ генерал О. Брэдли. В это же время в Токио прибыл советник государственного департамента Д. Ф. Даллес. Проведя секретное совещание с генералом Д. Макартуром и встретившись затем с руководителями сеульского режима, Д. Ф. Даллес от имени правительства США обещал им моральную и материальную поддержку в борьбе против куммунизма [11].

В личной беседе с Ли Сын Маном Даллес советовал ему усилить антикоммунистическую пропаганду и обратить особое внимание на пограничные инциденты, обвиняя КНДР в нарушении границы. «Если после перехода 38-й параллели, — говорил он, — вы сможете продержаться две недели, то этого времени будет достаточно, чтобы обвинить Северную Корею в агрессии и заставить ООН предпринять против нее военные действия» [12]. Выехав в район 38-й параллели, Даллес выразил удовлетворение подготовкой южнокорейской армии и желание в ближайшее время увидеть ее в действии.

25 июня 1950 г. войска Южной Кореи перешли границу КНДР и продвинулись в глубь ее территории на несколько километров. Корейская народная армия (КНА) отбила наступление интервентов и отбросила их за пределы 38-й параллели.

Правительство КНДР потребовало прекращения агрессии. «В противном случае, — говорилось в его заявлении, адресованном Ли Сын Ману, — будут приняты решительные меры для подавления противника, и южнокорейские власти понесут полную ответственность за все серьезные последствия, которые могут повлечь за собой эти авантюристические военные действия» [13].

Несмотря на явный провал «молниеносного наступления», лисынмановская армия продолжала боевые операции. Это вынудило правительство Северной Кореи отдать приказ войскам о контрнаступлении. Стремительное контрнаступление войск КНДР застало врасплох не только южнокорейскую марионеточную клику, но и правительство и военные круги США. Из донесений штаба Макартура и американского посла в Южной Корее Д. Муччо стало ясно, что ставка на лисынмановскую армию не оправдывает себя. В экстренной телеграмме президенту Д. Ф. Даллес выражал сомнение в способности этой армии «сдержать и отразить нападение». Если же южнокорейцам не удастся это сделать, «следует, — продолжал Даллес, — использовать вооруженные силы США, даже несмотря на риск контрдействия русских. Отказ от действий или промедление могут повлечь за собой цепь событий, которые, наиболее вероятно, приведут к мировой войне» [14].

Характеризуя ситуацию, сложившуюся на фронте, генерал Д. Макартур отмечал в донесении министерству обороны: «. . .южнокорей-

pt 1—5. Wash., 1951, pt 1, p. 83, 179—180, 218. (Далее — Military Situation in the Far East.)

[11] *Stone J. F.* The Hidden History of the Korean War. N. Y.; L., 1969, p. 17.

[12] *Pritt D. N.* New Light on Korea. L., 1951, p. 15.

[13] Правда, 1950, 26 июня.

[14] *Whitney C.* MacArthur: His Rendezvous with History. N. Y., 1956, p. 322.

ские потери и уровень военных действий вскрыли отсутствие способности к сопротивлению или стремления к борьбе, и наша оценка событий сводится к тому, что полный крах близок» [15].

В Вашингтоне срочно было созвано совещание правительства, которому предстояло определить степень и форму американской интервенции в Корее. В результате заседаний 25—27 июня был выработан целый ряд экстренных мер, направленных не только на спасение южнокорейской армии, но и на укрепление военно-стратегических позиций США в этом регионе в целом.

Командующий американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке получил приказ оказать южнокорейским войскам необходимую помощь оружием и активизировать действия американских военно-воздушных и военно-морских сил. 7-му флоту, базировавшемуся на Филиппинах, было предписано немедленно передислоцироваться в Тайваньский пролив. Одновременно были увеличены вооруженные силы на Филиппинах и ускорено оказание военной помощи Франции в Индокитае [16].

Таким образом, Соединенные Штаты перешли к прямым актам агрессии одновременно в целом ряде стран Азии — районе наибольшего накала революционной и национально-освободительной борьбы, где особенно остро встала проблема сохранения марионеточных режимов.

Вооруженное вмешательство США во внутренний конфликт Кореи изменило характер войны, превратив гражданскую войну в войну освободительную против иностранных интервентов и их пособников на юге [17].

Однако военная помощь США не принесла успеха южнокорейской армии. Деморализованные войска агрессора панически отступали и к концу августа удерживали лишь небольшой Пусанский плацдарм на Юге.

По настоянию США 25 июня в спешном порядке был созван Совет Безопасности ООН. Не проведя никакого расследования, не заслушав мнения представителя КНДР о развернувшихся событиях, лишь на основании сообщения американского посла из Сеула о «вторжении северокорейских войск на территорию Южной Кореи», Совет Безопасности механическим большинством голосов при отсутствии делегата Советского Союза одобрил резолюцию, объявлявшую Северную Корею агрессором. Резолюция предписывала прекращение огня и отвод северокорейских войск за пределы 38-й параллели под наблюдение комиссии ООН [18].

27 июня 1950 г. Совет Безопасности принял новую резолюцию, одобряющую военные действия США в Корее и призывающую членов

[15] *Truman H. S.* The Memoirs. Vol. 2. Years of Trail and Hope, 1946—1952. N. Y., 1956, p. 337.
[16] United States-Vietnam Relations, Book 8, p. 336.
[17] *Мазуров В. М.* Южная Корея и США. М., 1971, с. 15.
[18] ООН: Доклад Совета Безопасности Генеральной Ассамблее за период времени с 16 июля 1949 г. по 15 июля 1950 г. Нью-Йорк, 1950, с. 24.

ООН предоставить Южной Корее необходимую военную помощь «для восстановления в этом районе международного мира и безопасности» [19].

Обращение Соединенных Штатов к Совету Безопасности было продиктовано стремлением не только прикрыть интервенцию американского империализма «флагом ООН», но и представить агрессию в глазах общественного мнения как «акцию ООН по сохранению мира», вызванную «необходимостью поддержания системы коллективной безопасности». С точки зрения правящих кругов США, это было не менее важно, чем «военный вклад» некоторых членов ООН [20].

Развязав интервенцию в Корее, США вынуждены были учитывать размах национально-освободительного движения в Азии и маскировать агрессивную сущность своих действий «коллективными санкциями ООН».

По существу резолюция ООН от 27 июня 1950 г. явилась простым одобрением совершившегося факта, так как вооруженные силы США приняли участие в военных действиях в Корее до решения Совета Безопасности. Кроме того, резолюция ООН от 27 июня не имела законной силы, поскольку была принята в нарушение устава ООН.

Обращение правительства США в ООН имело еще один немаловажный аспект — оно позволило президенту отправить американские войска в Корею без санкции конгресса. Впоследствии Г. Трумэна неоднократно обвиняли в превышении полномочий — единоличном решении вопроса, требующего широкого обсуждения и одобрения конгресса. Однако президент ссылался на консультации с лидерами сената и палаты представителей, от которых получил полную поддержку своим действиям [21].

30 июня 1950 г. США предприняли новый акт агрессии против КНДР, установив морскую блокаду всего корейского побережья. Это лишало КНА возможности использовать морские коммуникации для переброски войск и снаряжения. В первых числах июля на Пусанский плацдарм из Японии были передислоцированы американские пехотные соединения.

С началом американской военной интервенции в Корее Советский Союз предпринял ряд дипломатических шагов, направленных на прекращение агрессии. В ноте генеральному секретарю ООН Трюгве Ли от 29 июня 1950 г., в Заявлении Советского правительства от 4 июля, в ноте МИД СССР от 6 июля 1950 г. подчеркивалась несовместимость действий США с принципами Организации Объединенных Наций. Советское правительство призывало к немедленному прекращению военных действий и выводу иностранных вооруженных сил из Кореи [22]. Заявления СССР были поддержаны социалистиче-

[19] ООН: Резолюции и решения Совета Безопасности за 1950 г. Официальные отчеты. Нью-Йорк, 1965, с. 3 (Документ S/1511).
[20] Military Situation in the Far East, pt 1, p. 110, 111.
[21] *Truman H. S.* Op. cit., vol. 2, p. 338.
[22] Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы, 1950. М., 1953, с. 203, 204.

скими странами, обвинявшими Вашингтон в односторонних действиях, противоречащих Уставу ООН.

7 июля 1950 г. Совет Безопасности принял резолюцию о создании объединенного командования «войсками ООН» [23]. Американские соединения составили две трети «вооруженных сил ООН», и лишь позже под нажимом США еще 15 государств [24] направили незначительные воинские контингенты для участия в войне против корейского народа. Из общей численности этих войск на долю союзников приходилось приблизительно 10 % сухопутных, 7 — военноморских и 1 % военно-воздушных сил [25]. Главнокомандующим «вооруженными силами Объединенных Наций» был назначен генерал Д. Макартур. Однако это не означало, что он должен был отчитываться перед ООН. Не было создано никакого органа для контроля за действиями главнокомандующего, никакого комитета Совета Безопасности для планирования или согласования конкретных военных операций. ООН получала командующего, который не был ей ни подчинен, ни подотчетен. Сам Макартур говорил впоследствии, что его связь с ООН была в значительной степени номинальной и весь контроль над его действиями исходил от ОКНШ [26]. Со стороны союзников была предпринята попытка организовать «коллективные действия». Представители военного командования Великобритании и Франции выступили с предложением создать «комитет по координации помощи Корее», в функции которого входило бы «наблюдение за боевыми операциями и координация военных усилий». Однако это предложение было категорически отвергнуто правительством США [27].

Таким образом, к 7 июля 1950 г. 17 государств Европы, Азии и Америки объединили свои усилия против небольшой страны, боровшейся за свою свободу и независимость. Гражданская война, спровоцированная американским империализмом, переросла в крупный международный конфликт.

В сентябре 1950 г. американское командование значительно расширило масштабы интервенции. 15—16 сентября в порту Инчхон был высажен 50-тысячный десант «войск ООН» с танками и артиллерией. Операция проходила под прикрытием 500 самолетов и 300 военных кораблей [28].

Д. Макартур рассматривал эту операцию, как «единственную надежду на возможность перехватить у противника инициативу и нанести решающий удар. Действовать по-иному, — отмечал главнокомандующий, — значит обречь нас на войну неопределенной про-

[23] ООН: Резолюции и решения Совета Безопасности за 1950 г. Официальные отчеты. Нью-Йорк, 1965, с. 4 (Документ S/1588).
[24] Австралия, Бельгия, Великобритания, Греция, Канада, Колумбия, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Таиланд, Турция, Филиппины, Франция, Эфиопия, Южно-Африканский Союз.
[25] *Goodrich L. M.* Korea: A Study of US Policy in the United Nation. N. Y., 1956, p. 117.
[26] Military Situation in the Far East, pt 1, p. 10.
[27] *Goodrich L. M.* Op. cit., p. 119.
[28] *Монтрос Л., Кэнзона Н.* Иньчхонь — Сеульская операция. М., 1959, с. 10.

должительности, на постепенное истощение, на войну с сомнительным исходом. . .» [29].

К началу десантной операции командование КНА не успело создать необходимую оборону в районе порта Инчхон и не имело резервов, которые можно было бы противопоставить высадившейся 50-тысячной армии. Значительно превосходящие силы противника создали серьезную угрозу окружения армии сражающейся Кореи. Однако героическая оборона Инчхона и Сеула, длившаяся почти две недели, дала возможность командованию КНДР вывести основную часть войск на Север, а из оставшихся на Юге соединений сформировать два стрелковых корпуса, ставших грозной силой в тылу врага [30].

38-я параллель не остановила правительство США от продвижения на Север. Американское военное командование не рассматривало 38-ю параллель в качестве границы двух суверенных государств. Директивы ОКНШ от 15 и 27 сентября 1950 г. уполномочивали генерала Макартура вести военные действия в Корее к северу от 38-й параллели [31]. В приказе главнокомандующего войскам подчеркивалось: «. . .так называемая 38-я параллель не является сдерживающим фактором в военном использовании наших вооруженных сил» [32]. ОКНШ в директиве Макартуру указывал: «Наше правительство желает устранить необходимость создания проблемы 38-й параллели. . .» [33].

Перспектива расширения военного конфликта, способного вызвать противодействие со стороны СССР и КНР, вызвала тревогу и озабоченность членов ООН и союзников США по интервенции. Вашингтон вынужден был декларативно заявить о желании разрешить военный конфликт путем переговоров. Генералу Макартуру было поручено предпринять необходимые шаги в этом направлении. Однако окончание войны в Корее не входило в планы главнокомандующего и той части правительства, которая считала, что «судьба капитализма» решается в Азии. Проводя в жизнь директивы правительства Г. Трумэна, Макартур вместе с тем следовал тщательно продуманной особой программе, имеющей конечной целью «отбрасывание коммунизма в Азии» путем превращения корейского военного конфликта в третью мировую войну [34].

По словам американского исследователя И. Стоуна, «корейская война была не только войной между Севером и Югом Кореи, но и переплеталась с политической борьбой между Макартуром и Трумэном, причем последний вел как бы арьергардные бои, стремясь локализовать войну рамками Кореи» [35].

Макартур неоднократно предлагал правительству и ОКНШ вовлечь в военные действия националистические войска Китая, сосредо-

[29] *MacArthur D.* Reminiscences. New York; Toronto; London, 1964, p. 350.
[30] Вооруженная борьба народов Азии за свободу и независимость. М., 1984, с. 136.
[31] Military Situation in the Far East, pt 1, p. 718, 719; *MacArthur D.* Op. cit., p. 358.
[32] *Whitney C.* Op. cit., p. 399.
[33] Ibid.
[34] *Stone J. F.* Op. cit., p. 82.
[35] Ibid.

точенные на Тайване. 31 июля он посетил Чан Кайши. Последний не замедлил сделать заявление в печати об этой встрече, которая, по его мнению, «заложила основы совместной обороны Формозы и китайско-американского военного союза» [36]. Дипломатические круги Вашингтона были крайне встревожены как самим фактом поездки Макартура на Тайвань, так и реакцией мирового общественного мнения. В это напряженное время Советское правительство возобновило свое участие в работе Совета Безопасности. 4 августа представителем СССР была внесена резолюция «О мирном урегулировании корейского вопроса», предлагавшая немедленное прекращение военных действий и одновременный вывод всех иностранных войск из Кореи [37]. На этом фоне действия генерала Макартура лишь способствовали усилению влияния СССР в странах Азии. Официальный Вашингтон поспешил отмежеваться от поступков своего главнокомандующего. Визит на Тайвань был назван «триумфом несвоевременности». «Макартур предпринял поездку к Чан Кайши, — отмечала „Нью-Йорк таймс", — не имея соответствующих инструкций из Вашингтона» [38].

Получив предписание правительства о переговорах, Макартур воплотил его в жизнь в духе, отвечавшем его стремлениям. Он передал по радио обращение к командованию Корейской народной армии с требованием «капитуляции» и «сдачи оружия» [39]. Такое обращение исключало возможность переговоров о мирном урегулировании и гарантировало продолжение военных действий, к чему и стремился генерал. Войска интервентов перешли 38-ю параллель и вступили на территорию КНДР.

Следуя тактике «совершившегося факта», правительство США 7 октября настояло на принятии резолюции ООН, санкционировавшей перенесение военных действий севернее 38-й параллели ради «объединения Кореи» и установления на ее территории «устойчивого положения» [40].

Данная резолюция не имела законной силы, так как согласно Уставу ООН Генеральная Ассамблея не имеет права принимать решений о начале военных действий. Даже американские историки вынуждены были признать незаконность этого решения ООН. «Генеральная Ассамблея, — отмечал Л. Гудрич, — не имела законных полномочий в общепринятом смысле „издавать законы", а объединенное командование не имело права „осуществлять такое законодательство"» [41].

Тем не менее войска интервентов продвигались на север, уничтожая все на своем пути. Американская авиация подвергала варвар-

[36] The New York Times, 1950, Aug. 2.
[37] ООН: Доклад Совета Безопасности Генеральной Ассамблее за период времени с 16 июля 1950 г. по 15 июля 1951 г. Нью-Йорк, 1951, с. 9.
[38] The New York Times, 1950, Aug. 11.
[39] *Stone J. F.* Op. cit., p. 111.
[40] ООН: Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей с 19 сентября по 15 декабря 1950 г. Пятая сессия. Нью-Йорк, 1950, с. 10.
[41] *Goodrich L. M.* Op. cit., p. 134—135.

ской бомбардировке промышленные и сельскохозяйственные предприятия, поселки, деревни, разрушая ирригационные системы, затопляя и сжигая посевы. Применяя тактику «выжженной земли», агрессоры уничтожали мирное население, не щадя стариков, женщин и детей.

В октябре армия Макартура вышла к корейско-китайской границе в районах рек Ялуцзян и Тумыньцзян и на северо-востоке сосредоточила передовые части в 80—90 км от границы с СССР [42]. Выход интервенционистских войск на этот рубеж коренным образом менял стратегическую обстановку и создавал угрозу безопасности КНР и СССР.

Социалистические страны были вынуждены предупредить правительство США, что примут соответствующие меры с целью сохранения целостности и независимости КНДР и обеспечения безопасности собственных границ.

Правящие круги и генералитет США пытались выяснить вероятность участия СССР и Китая в корейском конфликте [43]. Государственный секретарь США Д. Ачесон полагал, что КНР не вступит в войну, так как, по его мнению, в этом акте для Китая не только нет никакой пользы, но и вообще это было бы с его стороны «полнейшим безумием» [44].

Генерал Макартур заверял президента, что «ни один китайский военнокомандующий не осмелится двинуть войска на опустошенный Корейский полуостров» [45]. В доказательство своего предположения Макартур сообщал, что китайская сторона сможет выставить не более 50—60 тыс. солдат. К тому же у них нет авиации для прикрытия военных операций, поэтому только при форсировании р. Ялу они потеряют половину своих войск [46]. Что касается Советского Союза, продолжал Макартур, то он располагает авиацией, но по своим качествам советские самолеты и летчики значительно уступают американским. Кроме того, СССР не сможет доставить на Дальний Восток из европейских районов свежие сухопутные силы до зимы. Все вместе взятое, по мнению главнокомандующего, исключало возможность советско-китайского «вмешательства» [47].

Очень скоро американские стратеги вынуждены были признать, что внешнеполитический курс США на Дальнем Востоке основывался «на фатально ложной оценке наших противников, наших друзей и нас самих» [48].

15 октября 1950 г. на совещании президента Трумэна с Макарту-

[42] *Капица М. С.* КНР: три десятилетия — три политики. М., 1979, с. 53; Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы, 1945—1957. М., 1978, т. 1, с. 146.

[43] *Acheson D.* Present at the Creation: My Years in the State Department. N. Y., 1969, p. 452.

[44] Pattern of Responsibility. Cambridge, 1952, p. 265.

[45] *MacArthur D.* Op. cit., p. 362.

[46] *Spanier J.* The Truman-MacArthur Controvercy and the Korean War. N. Y., 1965, p. 92.

[47] *Truman H. S.* Op. cit., vol. 2, p. 366.

[48] Congressional Record. Proceedings and Debates of the 81st Congress, 2nd Ses., vol. 96, Wash., 1950, p. A7512. (Далее — Congressional Record.)

ром на о-ве Уэйке был уточнен и одобрен план ведения войны. Главнокомандующему «войсками ООН» было лишь рекомендовано не переходить государственных границ Кореи. Вернувшись в Вашингтон, Трумэн заявил, что было достигнуто «полное единство взглядов о целях и средствах проведения нашей внешней политики» и что генерал Д. Макартур является «величайшим солдатом» [49].

Генерал Макартур, имевший точную информацию о численности и боевой мощи воинских соединений КНР, сосредоточенных на границе с КНДР, сознательно занизил эти данные в своих сообщениях ОКНШ [50]. Он рассчитывал, что вступление китайских соединений в военные действия неизбежно повлечет за собой распространение войны за пределы Кореи и послужит предлогом для открытого удара по Китаю. «Для него это было так же просто и логично, — писал генерал К. Уитни, — как то, что за ночью следует день» [51]. Получив директиву ОКНШ продолжать военные действия, несмотря на возможное выступление Китая, до тех пор, пока вооруженные силы, находящиеся под его командованием, будут иметь «приемлемый шанс успеха», Макартур надеялся, что в ближайшее время он «будет вынужден» перенести военные операции в Маньчжурию [52].

Решением ООН вдоль северной границы Кореи была образована «буферная зона» шириной в 40 км, которую на завершающем этапе общего наступления должна была занять исключительно армия Южной Кореи [53]. Вопреки этому решению войска Макартура вторглись в «буферную зону», сосредоточив удар на электростанциях р. Ялуцзян, снабжавших электроэнергией КНДР и пограничные районы КНР. Над Китаем нависла угроза агрессии. 25 октября 1950 г. отряды китайских народных добровольцев пришли на помощь корейскому народу и, соединившись с КНА, к началу ноября отбросили врага на юг.

Советский Союз, отстаивая интересы КНДР в ООН, одновременно помогал корейскому народу боеприпасами, медикаментами, горючим, транспортом. Советские летчики, мужественно защищая северо-восточные районы Китая от налетов американской авиации, продемонстрировали всему миру высокие боевые качества самолетов и личную доблесть и военное мастерство.

Вашингтон встревоженно запрашивал Макартура о положении на фронте. В телеграмме правительству от 4 ноября главнокомандующий сообщал, что в настоящий момент не может полностью оценить ситуацию и просил не делать поспешных выводов [54]. В 20-х числах ноября американское командование предприняло наступление всеми имеющимися в его распоряжении силами. Уверенный в полной и быстрой победе, Макартур обещал «отпустить ребят к рождеству

[49] *Truman H. S.* Op. cit., vol. 2, p. 368.
[50] *Fleming D.* Op. cit., p. 618.
[51] *Whitney C.* Op. cit., p. 393.
[52] Ibid., p. 404.
[53] *Stone J. F.* Op. cit., p. 154, 155.
[54] *Truman H. S.* Op. cit., vol. 2, p. 373.

домой» [55]. Однако наступление провалилось и привело «американское оружие к одному из наиболее постыдных поражений в американской истории» [56].

Корейская народная армия и отряды китайских народных добровольцев перешли в контрнаступление и к концу декабря 1950 г. освободили всю территорию КНДР. 4 января 1951 г. был освобожден Сеул.

Войска интервентов панически отступали, неся большие потери в живой силе и технике. В США было объявлено чрезвычайное положение. 30 ноября 1950 г. президент Трумэн заявил, что правительство примет все меры, необходимые для того, чтобы справиться с военной ситуацией, включая применение атомной бомбы [57].

Заявление Трумэна вызвало большую тревогу союзников США по интервенции. К тому же среди целого ряда стран — членов ООН были сильны настроения в пользу скорейшего мирного урегулирования корейского конфликта. В начале декабря в Вашингтон для встречи с Трумэном прибыл премьер-министр Англии К. Эттли. Несмотря на заверение президента в том, что США не стремятся развязать «большую войну» против Китая, британский премьер оценил позицию правительства США как «угрожающую», способную вызвать официальное вступление в войну СССР и Китая [58]. Выражая единое мнение союзников, Эттли предложил освободить Макартура, ярого сторонника расширения военных действий, занимавшего авантюристическую позицию с самого начала войны, от должности главнокомандующего, создав для руководства «войсками ООН» объединенный военный комитет.

Президент не согласился с этим, но обещал консультироваться с союзниками в вопросах, касающихся атомного оружия, выразив надежду, что «международная обстановка не потребует его применения» [59]. В официальном коммюнике правительство США было вынуждено поддержать идею мирного урегулирования корейского вопроса [60].

Американо-английская встреча на высшем уровне показала, что западные союзники не поддержат США в случае распространения военных действий за пределы Кореи. В передаче из Лондона 3 декабря 1950 г. руководитель европейского отдела «Коламбиа Бродкастинг компани» Г. Смит говорил о «всеобщем мятеже в Европе против американской политики» [61]. Вашингтон оказался перед угрозой внешнеполитической изоляции, что дискредитировало саму идею «коллективных санкций» — главный козырь США в обосновании вооруженного вмешательства в гражданскую войну в Корее [62].

[55] *Phillips C.* The Truman Presidency. N. Y.; L., 1966, p. 326.
[56] *Rovere R., Schlesinger A.* The General and the President and the Future of American Foreign Policy. N. Y., 1951, p. 152.
[57] *Truman H. S.* Op. cit., vol. 2, p. 395.
[58] *Attlee C. R.* As it Happend. Melbourne, 1954, p. 201.
[59] United States-Veitnam Relations, Book 8, p. 398.
[60] Ibid.
[61] *Fleming D.* Op. cit., p. 623—624.
[62] *Мазуров В. М.* Указ. соч., с. 44.

Провал ноябрьского наступления и последовавшее за ним паническое отступление американских войск к 38-й параллели вызвало серьезную дискуссию в правящих кругах США по проблеме внешней политики, названную впоследствии «великими дебатами».

Сторонники азиатской ориентации, считавшие, что борьба с коммунизмом и национально-освободительным движением в странах Азии является залогом сохранения капитализма в мире вообще, призывали к расширению дальневосточного конфликта.

Сенатор Маккарти требовал предоставления Д. Макартуру полномочий «ударить по китайским коммунистам где бы, когда бы и как бы он ни счел это необходимым» [63]. В таком же духе высказывались многие лидеры республиканской партии, в том числе Г. Стассен, призывавший «нанести удар любыми средствами по любым объектам военного значения в Корее или Китае» [64]. Генерал Макартур обвинял в поражении правительство Трумэна, наложившее запрет на продвижение «войск ООН» за пределы Кореи, называл это «огромной, не имеющей прецедента в военной истории» помехой «эффективным военным операциям» [65].

Президент Трумэн и поддерживавшая его часть демократической партии следовали европейской ориентации. Они видели главную задачу внешнеполитического курса США в сохранении капитализма в Западной Европе и упрочении связей между союзниками по НАТО.

В послании конгрессу от 8 января 1951 г. Трумэн подчеркивал первостепенную роль Европы во внешнеполитических планах США. «Оборона Европы, — заявил он, — составляет основу обороны всего свободного мира, включая и нас самих. Стратегически, экономически и морально оборона Европы является частью нашей собственной обороны» [66].

В связи с этим расширение военного конфликта в Азии не только отвлекло бы силы США из Европы, но и могло привести к войне с Китаем, а следовательно, и с СССР. К такой войне США готовы не были. Г. Гувер назвал такую перспективу «полнейшим безумием» — «война без победы, война без успешного политического конца» [67]. Лидер республиканской оппозиции Р. Тафт рекомендовал правительству «не предпринимать что-либо, выходящее за пределы наших возможностей» [68].

Ситуация, сложившаяся на корейском фронте, не только обострила противоречия внутри правящих кругов США и создала напряженные отношения между союзниками по интервенции, но и вызвала широкий размах антивоенного движения в мире. В Манифесте народам мира, принятом II Всемирным конгрессом сторонников мира в Варшаве в ноябре 1950 г., прозвучало требование остановить войну, «которая сегодня опустошает Корею, а завтра будет угрожать пожаром всему

[63] Congressional Record, vol. 96, p. 16176.
[64] *Стоун И.* Закулисная история войны в Корее. М., 1953, с. 239.
[65] US News and World Report, 1950, Dec. 8, p. 17.
[66] Congressional Record. Wash., 1951, vol. 97, p. 104.
[67] Ibid., vol. 96, p. 16875.
[68] *Taft R.* A Foreign Policy for Americans. N. Y., 1957, p. 79.

миру» [69]. Всемирная организация профсоюзов обратилась с призывом к профсоюзным организациям всех стран осудить военную интервенцию и поддержать борющийся корейский народ [70].

После начала военных действий в Корее по Соединенным Штатам прокатилась волна митингов и демонстраций под лозунгом «Руки прочь от Кореи!», на которых выступали многие политические, профсоюзные и общественные деятели [71]. Коммунистическая партия США призывала к немедленному прекращению войны и предоставлению корейскому народу права самому решать свою судьбу. В воззвании к американскому народу компартия подчеркивала, что эта «военная провокация должна сыграть роль дымовой завесы для прикрытия вмешательства в борьбу за независимость», которую ведут «гордые народы Тихого океана» [72].

Давление мирового общественного мнения, рост недовольства войной среди американского народа, категорический протест союзников против расширения конфликта и их отказ направлять в «войска ООН» новые воинские контингенты — все это вынудило правительство США маневрировать.

Главнокомандующий «войсками ООН» получил распоряжение правительства США предпринять попытку мирного урегулирования конфликта, прежде чем начать очередное наступление на Север. 24 марта 1951 г. Макартур опубликовал заявление, в котором предлагал командующему КНА и отрядами китайских народных добровольцев встретиться для обсуждения условий перемирия. Одновременно он заявил, что, если это предложение не будет принято, военные действия будут перенесены на «прибрежные районы и внутренние базы» КНР [73]. Заявление Макартура было вызовом не только правительствам КНДР и КНР, но и собственному правительству, поскольку противоречило внешнеполитическим планам президента Трумэна.

У союзников это заявление вызвало неуверенность и неясность в вопросе, кто же осуществляет руководство внешней политикой США. «Все это, — писал министр обороны Д. Маршалл, — могло привести к подрыву веры в лидерство США» [74].

В начале апреля стало известно содержание письма Д. Макартура лидеру республиканской партии в палате представителей Д. Мартину, в котором главнокомандующий «войсками ООН» критически отзывался о внешнеполитическом курсе правительства США в целом и позиции Трумэна в отношении корейского конфликта в частности [75].

Выступая против сторонников европейской ориентации, а тем самым и против президента, Макартур утверждал, что «европейская безопасность не должна иметь следствием поражение в других

[69] Правда, 1950, 23 нояб.
[70] Известия, 1950, 7 июля.
[71] Daily Worker, 1950, July 1, 5, 8, 15; Aug. 3; Oct. 8.
[72] Ibid., 1950, June 29.
[73] *MacArthur D.* Op. cit., p. 387—388.
[74] Military Situation in the Far East, pt 1, p. 484, 486.
[75] *MacArthur D.* Op. cit., p. 27.

районах, которое, без сомнения, не может не привести впоследствии к поражению и в самой Европе» [76].

Обвиняя правительство в «пораженчестве», «умиротворении» и «нерешительности» при проведении военных операций в Корее, Макартур рассчитывал, что оппозиция в конгрессе, одобряющая его действия, окажет давление на президента, удерживающего фронт по линии 38-й параллели.

Вторжение Макартура в область партийной политики, его критические выступления в печати, в переписке с ОКНШ и министерством обороны вызвали недовольство президента. Учитывая неблагоприятное положение американских войск в Корее и неоднократное требование союзников о замене руководства «войсками ООН», Трумэн освободил Макартура от должности главнокомандующего американскими войсками на Дальнем Востоке и «вооруженными силами ООН». На пресс-конференции в Белом доме 10 апреля 1951 г. он заявил, что генерал Д. Макартур оказался «не в состоянии осуществлять в полной мере политику правительства Соединенных Штатов и Организации Объединенных Наций в вопросах, относящихся к его официальным обязанностям» [77].

Сменивший Макартура генерал Риджуэй предпринял ряд наступлений, но ни одно из них не было успешным. Фронт стабилизовался по линии 38-й параллели. Войска Корейской народной армии и отряды китайских добровольцев заняли выгодное стратегическое положение и, создав мощные укрепления, перешли к активной обороне.

Отставка главнокомандующего «войсками ООН» обострила борьбу в правящих кругах США по вопросам внешней политики. Выступление Макартура 19 апреля на заседании обеих палат конгресса положило начало большой дискуссии по всему комплексу проблем, связанных с внешней и военной политикой правительства, и обстоятельствам, вызвавшим отставку генерала. По определению американской печати, эти «слушания» не имели себе равных в истории сенатских расследований подобного рода.

Дискуссия в конгрессе подготовила почву для выступлений о прекращении огня в Корее. Еще в феврале 1951 г. члены палаты представителей от республиканской партии выступили с заявлением, выразив недоверие президенту и конгрессу и потребовав принятия срочных мер для «спасения американцев от катастрофы» [78].

Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд Рипорт» писал, что американский народ потерял в этой войне человеческих жизней и всякого вооружения больше, чем за год второй мировой войны, последующий за Пёрл-Харбором, «а стоим мы там же, где начали войну, — на 38-й параллели» [79]. 17 мая в конгресс была внесена резолюция о прекращении военных действий в Корее [80].

[76] Ibid., p. 378—379.
[77] Military Situation in the Far East, pt 5, p. 3179.
[78] Congressional Record. Wash., 1951, vol. 97, pt 2, p. 1457.
[79] US News and World Report, 1951, May 4, p. 22.
[80] История дипломатии. М., 1974, т. 5, кн. 1, с. 289.

Большую роль в окончании военных действий в мирном урегулировании корейского конфликта сыграл Советский Союз. С первых дней войны Советское правительство разоблачало преступную политику США против корейского народа и настаивало на прекращении военных действий. Мирные инициативы СССР активно поддерживали социалистические страны и ряд государств Азии, в частности Индия, выступившая 13 июля 1950 г. с призывом решить острую международную проблему мирным путем в рамках Совета Безопасности [81].

2 октября 1950 г. делегации СССР, УССР, БССР, Польши и Чехословакии внесли на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН проекты трех резолюций по корейскому вопросу, предусматривающих наравне с прекращением военных действий ряд практических мер по обеспечению демократического развития Кореи [82]. 23 июня 1951 г. Советский Союз выступил с предложением о прекращении огня и начале переговоров о перемирии.

К лету 1951 г. положение США как внутри страны, так и на международной арене было напряженным. Острые дискуссии по внешнеполитическим проблемам в конгрессе, вскрывшие явное осуждение политики правительства на Дальнем Востоке, углубление противоречий между союзниками, выражавшими недовольство затянувшейся войной, широкий размах движения во всем мире под лозунгом «Руки прочь от Кореи!», самоотверженная борьба корейского народа за свободу и независимость — все это заставило официальный Вашингтон сесть за стол переговоров.

Переговоры о перемирии, начавшиеся 10 июля 1951 г., закончились лишь 27 июля 1953 г. В течение этих двух лет правительство США прилагало максимум усилий, чтобы навязать Корейской стороне выгодные для США условия мира, выдвигая неприемлемые для КНДР требования политического и территориального характера.

Переговоры проходили в обстановке непрекращающихся военных и дипломатических провокаций, предпринимаемых американской делегацией.

Начав переговоры о перемирии, США вместе с тем не прекращали военных действий. В течение 1951—1952 гг. «войска ООН» неоднократно вторгались на территорию КНДР. Авиация подвергала жесточайшей бомбардировке электростанции, ирригационные системы и плотины, вызывая наводнения, затопляющие рисовые плантации. Американская буржуазная печать открыто расценивала бомбардировку гидроэлектростанций как средство военного давления на корейско-китайскую сторону в переговорах [83].

Проблема окончания корейской войны находилась в центре внимания избирательной компании 1952 г. Правительство Трумэна не выдвинуло никакой позитивной программы урегулирования дальневосточного конфликта, что сыграло немаловажную роль в предвыборной борьбе.

[81] Внешняя политика Советского Союза, 1950, с. 27.
[82] Там же, с. 419—420.
[83] The New York Times, 1952, June 26.

Кандидат от республиканской партии на пост главы Белого дома генерал Д. Эйзенхауэр заверял избирателей, что, став президентом, немедленно отправится в Корею, чтобы добиться «быстрого и почетного окончания войны» [84]. Новый президент действительно предпринял поездку в Южную Корею, но по возвращении заявил корреспондентам, что пока не имеет простой формулы для достижения быстрого и победоносного окончания корейского конфликта [85]. Интересно отметить, что Эйзенхауэр даже не упомянул о переговорах в Паньмыньчжоне, где корейская делегация с таким трудом отстаивала права на независимое, демократическое развитие своего государства.

27 июля 1953 г. соглашение о перемирии было подписано. В преамбуле документа особо подчеркивалось, что целью перемирия является полное прекращение военных действий до окончательного мирного урегулирования в Корее [86]. Это имело принципиальное значение для КНДР, так как оставляло соглашение в силе независимо от срока решения корейского вопроса. Была достигнута договоренность относительно демаркационной линии, проходившей в основном по 38-й параллели, установлен порядок обмена вооружениями, воинским персоналом и военнопленными, утвержден состав и функции комиссии по перемирию, состоящей из представителей нейтральных стран. По соглашению обеих сторон вопросы политического характера и вывода иностранных войск передавались на рассмотрение специальной политической конференции, которая должна была приступить к работе спустя 3 месяца.

Война в Корее окончилась поражением интервентов. Подписание соглашения о перемирии означало большую победу миролюбивых сил и серьезное поражение политики США.

Добившись мира на своей земле, народ Корейской Народно-Демократической Республики приступил к восстановлению разрушенного войной хозяйства. Война нанесла огромный ущерб промышленности, транспорту, средствам связи, сельскому хозяйству Северной Кореи. Многие города и села были превращены в руины, численность населения сократилась на 1,1 млн. человек [87]. Освобожденной стране предстояло не только ликвидировать тяжелую послевоенную разруху, но и организовать качественно новый подъем производительных сил, стабилизировать и повысить материальный и культурный уровень жизни населения. Вдохновителем и организатором всенародной борьбы за восстановление и развитие экономики страны выступила Трудовая партия Кореи.

Огромную материально-техническую помощь КНДР оказали Советский Союз и другие братские страны социализма. Эта помощь дала возможность корейскому народу успешно решать сложные проб-

[84] Ibid., 1952, Nov. 4.
[85] Ibid., July 15.
[86] ООН: Совет Безопасности. Официальные отчеты. Восьмой год. Дополнение за июль, август и сентябрь 1953 г. Нью-Йорк, 1967, с. 5, 13 (Документ S/3079).
[87] Развитие народного хозяйства Корейской Народно-Демократической Республики после освобождения. М., 1962, с. 134; Сборник статистических данных о развитии народного хозяйства КНДР. Пхеньян, 1961, с. 16. На корейск. яз

лемы восстановления старых и создания новых отраслей промышленности, внедрять в производство современное оборудование, обеспечивая технический прогресс во всем народном хозяйстве [88].

Одновременно социалистические государства стремились ускорить мирное урегулирование корейского вопроса на основе восстановления национального единства страны путем проведения свободных выборов в общекорейское Национальное собрание. Совместное советско-корейское коммюнике, подписанное в сентябре 1953 г., отмечало необходимость предоставления корейскому народу права решать вопросы государственного устройства [89].

На торжественном заседании в Пхеньяне, посвященном 40-летию освобождения Кореи, премьер Административного совета КНДР тов. Кан Сен Сан отметил большие успехи корейского народа в мирном строительстве: «Некогда отсталая в экономическом и техническом отношении страна, — сказал он, — превратилась в социалистическое государство с современной индустрией и развитым сельским хозяйством» [90].

Иную судьбу уготовили Соединенные Штаты Америки Южной Корее. Их политика в отношении Кореи — наиболее яркий пример неоколониализма, основным содержанием которого являются антикоммунизм, насаждение проамериканских политических режимов, размещение военных баз на чужих территориях, подавление демократического и национально-освободительного движения. Потерпев поражение в Северной Корее, американский империализм стал укреплять Южную Корею как плацдарм для осуществления своих внешнеполитических планов в Азии.

По окончании корейской войны администрация Эйзенхауэра усилила наращивание военного потенциала Южной Кореи. Этому во многом способствовал «Договор о взаимной обороне между Корейской республикой и Соединенными Штатами», заключенный 1 октября 1953 г., представлявший США право размещать свои сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы на территории Южной Кореи безо всяких ограничений и предварительных условий. За Соединенными Штатами сохранялся контроль над южнокорейскими вооруженными силами через «командование ООН».

Американская администрация стала рассматривать Корею как район «жизненно важных интересов» США и опорный пункт американской стратегической системы в Азии. Нагнетая напряженность и организуя вооруженные конфликты, Соединенные Штаты форсировали милитаризацию Южной Кореи. Непомерно возросли ассигнования на военную помощь Сеулу. Если в 1981 г. они составили 150 млн. долл., то к 1984 г. эта сумма возросла до 230 млн. долл.[91]. Основная

[88] Подробнее см.: *Грязнов Г. В.* Строительство материально-технической базы социализма в КНДР. М., 1979, с. 41.
[89] Правда, 1953, 19 сент.
[90] Известия, 1985, 15 авг.
[91] *Миров А.* Южнокорейский плацдарм Пентагона. — Междунар. жизнь, 1983, № 11, с. 142.

часть предоставленных средств идет на закупку в США самолетов, вертолетов, современных систем противовоздушной обороны, самоходной артиллерии, противотанковых установок. Официальный Вашингтон постоянно расширяет поставки американского оружия и боевой техники для южнокорейской армии, численность которой в 1983 г. составила 650 тыс. человек, что превосходит армию любой другой капиталистической страны в Азии. На ее содержание и оснащение расходуется 3,7 млрд. долл. в год, или почти 40 % государственного бюджета Южной Кореи. Для осуществления специальных программ подготовки южнокорейских войск и расширения военного производства южнокорейские власти прибегают к внешним займам и кредитам, активно привлекая в страну иностранный капитал. В связи с этим растет внешний долг страны, составивший в 1981 г. 25,6 млрд. долл.[92] В Южной Корее действуют около тысячи филиалов зарубежных монополий, в том числе американских, которые не только контролируют важнейшие отрасли экономики, но и нещадно эксплуатируют национальные богатства страны.

Основным источником напряженности на Корейском полуострове является 40-тысячный американский экспедиционный корпус, размещенный на 40 крупных базах, военных объектах и в лагерях вдоль «демилитаризованной зоны». Ряд южнокорейских портов, таких, как Чинхе и Мокпхо, переоборудованы для захода и стоянки американских атомных подводных лодок и других кораблей 7-го флота. Южная Корея, фактически оккупированная вооруженными силами США, стала важнейшим районом передового базирования американского ядерного оружия в Восточной Азии, потенциал которого насчитывает от 600 до 1000 единиц. Пентагон все чаще использует эту силу в целях шантажа и запугивания народов Азии. Пытаясь оправдать разгул военщины в стране, сеульский режим и американская администрация вновь и вновь пускают в ход старый миф об «угрозе с Севера». Насаждая раскол и конфронтацию, прибегая к агрессии и провокациям, США упорно препятствуют объединению Кореи.

В то же время правительство КНДР борется за создание единого демократического государства. Мирные инициативы Трудовой партии и правительства КНДР, направленные на достижение мирного объединения страны без вмешательства извне, на вывод всех иностранных войск из Южной Кореи, обеспечение мира и безопасности на Корейском полуострове, находят высокую оценку и всемерную поддержку социалистических стран и миролюбивой общественности всего мира.

Борьба корейского народа за независимость своей родины одновременно является и борьбой за освобождение Южной Кореи от американского империализма. Эта борьба способствует ликвидации опасного очага напряженности и служит делу обеспечения безопасности всех стран Азии.

[92] *Кретов М.* Южная Корея в планах Пентагона. — Междунар. жизнь, 1982, № 9, с. 157.

Агрессия американского империализма против Вьетнама

И. А. РОГАЧЕВ

Интервенция в Индокитае (1965—1973 гг.) явилась кульминацией политики империализма США, направленной на подавление национально-освободительного движения. Сразу после второй мировой войны Соединенные Штаты открыто взяли на себя миссию по спасению капиталистической и колониальной системы в Юго-Восточной Азии, недопущению выхода из нее новых стран. Они развернули активную борьбу против антиимпериалистических сил Лаоса, Камбоджи и Вьетнама. Одну из главных задач Вашингтон видел здесь в том, чтобы предотвратить любой ценой объединение Вьетнама на демократических началах.

Все, что американские империалисты делали в Южном Вьетнаме после подписания в 1954 г. Женевских соглашений по Индокитаю [1], было направлено на срыв этих соглашений. В октябре 1955 г. Южный Вьетнам был провозглашен «республикой», а привезенный американцами из США реакционный деятель Нго Динь Дьем стал ее «президентом». Правительство США немедленно признало Дьема «главой республики Вьетнам». Режим Дьема, грубо отказываясь выполнять положения Женевских соглашений о проведении всевьетнамских выборов и стремясь во что бы то ни стало удержаться у власти, прибегал к жестоким репрессиям против всех лиц и организаций, подозреваемых в оппозиции, и прежде всего против южновьетнамских патриотов, принимавших участие в движении Сопротивления. Фактически же так называемая «республика Вьетнам» стала американской колонией, где американцы чувствовали себя полными хозяевами. С конца 50-х годов Южный Вьетнам стал для США своего рода «опытным полем», где проходили проверку системы социальных, экономических, культурно-идеологических и иных разработанных американскими экспертами программ, таких, как программы «умиротворения», «стратегических деревень», «урбанизации», социальных реформ, административных преобразований и т. д.[2]

Укреплению позиций США в Южном Вьетнаме служила их «безвозмездная» военная и экономическая помощь, которой марионеточный режим был обязан самим своим существованием. Военная помощь включала оружие, боеприпасы и другие военные материалы, жалованье военным и специалистам. Она преследовала цель создать сильную армию — союзника США. Южновьетнамская армия пере-

[1] Подробнее о Женевских соглашениях см.: *Михеев Ю. Я.* Американцы в Индокитае: Критика противоправной доктрины и политики США. М., 1972, с. 37—43; *Капица М. С.* 30 лет Женевским соглашениям по Индокитаю. — Проблемы Дальнего Востока, 1984, № 2, с. 33—37.

[2] Политика США в Азии. М., 1977, с. 177—178; *Мазырин В. М.* Крах марионеточного режима в Южном Вьетнаме (1965—1975) М., 1978, с. 25—28; *Кадымов Г. Г.* Путь к независимости. М., 1966, с. 148—151.

страивалась в соответствии с нуждами «противопартизанской войны». В 1961—1970 гг. американская военная помощь сайгонскому режиму достигла суммы 11 млрд. 757 млн. долл., в 1972 г. она составила 1 млрд. 844 млн., в 1973 г. — 2 млрд. 270,5 млн. долл.[3].

С 1961 г. американцы и их сайгонские приспешники вели в Южном Вьетнаме «особую войну», рассчитанную на то, чтобы «руками вьетнамцев бить вьетнамцев».

Однако сайгонский режим становился все более непопулярным, недовольство им проявляли все слои населения, включая различные религиозные группы буддистов и даже представителей правящей элиты. Действия разрозненных отрядов патриотов сливались в широкое движение за национальное освобождение. К концу 1960 г. они уже контролировали бóльшую часть территории Южного Вьетнама. Центральный Комитет Партии трудящихся Вьетнама (ПТВ) в этих условиях решил еще шире развернуть политическую борьбу при одновременном усилении борьбы вооруженной. Было принято решение о совершенствовании работы Бюро ЦК по Южному Вьетнаму, а также об укреплении кадрами партийных организаций на местах, о направлении на Юг дополнительных средств, оружия, финансов, о расширении транспортных связей с Югом [4].

В декабре 1960 г. в одном из освобожденных районов провинции Бенче был создан Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ), который поставил целью объединить все слои населения и все классы южновьетнамского общества, все национальности и этнические группы, все политические партии, организации и религиозные общины, всех патриотически настроенных лиц, независимо от их политических убеждений, в совместной борьбе за «свержение господства американских империалистов и лакейской клики Нго Динь Дьема, за завоевание независимости, демократии, мира, нейтралитета и переход к мирному воссоединению Родины» [5].

НФОЮВ имел собственные регулярные вооруженные силы, партизанские войска и местную милицию. Центральные и местные органы Фронта выполняли функции правительственных учреждений. В освобожденных районах, где действовали новые власти, был установлен образцовый порядок, который представлял собой разительный контраст с хаосом и бесправием, царившими на территориях под управлением Сайгона.

Борьба южновьетнамских патриотов, расширение территории освобожденных районов, ликвидация большинства «стратегических деревень» подтачивали основы режима, созданного в Южном Вьетнаме Соединенными Штатами. По данным НФОЮВ, с 1961 по июль 1964 г. патриотические силы вывели из строя 323 тыс. вражеских солдат и офицеров, в том числе 2281 американца. Подразделения

[3] Нгиен кыу лить шы (Исторические исследования), 1977, № 6, с. 43.
[4] 50 лет деятельности Коммунистической партии Вьетнама (на вьет. яз.). Ханой, 1979, с. 169—172.
[5] Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама: Документы. Южный Вьетнам, 1969, с. 12—13.

Народных вооруженных сил освобождения сбили и повредили 1363 самолета и вертолета, захватили более 35 тыс. единиц оружия. Летом 1964 г. Фронт контролировал уже более $^{2}/_{3}$ территории Южного Вьетнама с населением более 7 млн. человек [6].

Уолтер Липпман писал в «Нью-Йорк геральд трибюн» 4 сентября 1963 г., что политика США в Южном Вьетнаме стоит перед альтернативой: либо приостановить американскую помощь до тех пор, пока военная хунта не свергнет Дьема, либо «сохранить Дьема, реформировав его режим». Ставка была сделана на первый путь. В ноябре 1963 г. военные в Сайгоне при закулисном содействии посла США Лоджа совершили государственный переворот и Нго Динь Дьем был убит. Этот переворот знаменовал политический крах «особой войны». Однако и он не привел к стабилизации обстановки в Сайгоне. В течение 1964 и в начале 1965 г. там произошло еще 13 государственных переворотов и контрпереворотов, сменили друг друга 9 кабинетов, было проведено 4 пересмотра конституции.

Сознавая опасность развала марионеточной армии и государственного аппарата Сайгона, убедившись в том, что китайское руководство заняло позицию невмешательства в отношении борьбы вьетнамского народа, правящие круги США пошли по пути наращивания собственных военных усилий во Вьетнаме, перешли к осуществлению на Юге Вьетнама «локальной войны». В 1964—начале 1965 г. Пентагон разработал, а Белый дом одобрил распространение военных действий на территорию Северного Вьетнама.

Чтобы нанести первый удар по Демократической Республике Вьетнам, американские империалисты инсценировали так называемый «тонкинский инцидент». В Вашингтоне было объявлено, что в начале августа 1964 г. американские эсминцы «Мэддокс» и «Тэрнер Джой», находившиеся якобы в международных водах в Тонкинском заливе, подверглись нападению торпедных катеров ДРВ. «Тонкинский инцидент», «тонкинская резолюция» конгресса, санкционировавшего принятие президентом США необходимых мер «для отражения любого вооруженного нападения на военные силы США и предотвращения дальнейшей агрессии» [7], — это типичный пример проявления империалистической политики правящих кругов США, которые, не задумываясь, идут на любое нарушение норм международного права, на любую военно-политическую провокацию, если того требуют так называемые «жизненные интересы» Соединенных Штатов. (В феврале 1968 г. сенатская комиссия по иностранным делам фактически признала, что американские эсминцы не подвергались нападению в Тонкинском заливе. После того как война в Индокитае закончилась поражением США, представители администрации также были вынуждены признать, что «инцидент» и «резолюция» были заблаговременно разработаны американской стороной [8].)

[6] См.: *Дивильковский С., Огнетов И.* Путь к победе: Очерк борьбы за национальную независимость и единство, мир и социализм во Вьетнаме (1945—1976). М., 1978, с. 123.

[7] Congressional Record, vol. 110, Aug 7, 1964, p. 18471.

[8] Подробнее о том, как были сфальсифицированы предлоги для начала агрессии

Первый удар по Северному Вьетнаму авиация США нанесла 5 августа 1964 г. Бомбардировке был подвергнут административный центр одного из приморских районов ДРВ — Хонгай, где, по утверждениям Пентагона, находились «базы северовьетнамских торпедных катеров». В заявлении ТАСС, опубликованном на следующий день, в частности, говорилось: «В советских авторитетных кругах решительно осуждаются агрессивные действия США в Тонкинском заливе, которые ведут к опасному накалу и без того напряженной обстановки в Юго-Восточной Азии. Подобные действия, дальнейшие опрометчивые шаги или провокация в этом районе могут вызвать события, способные превратить имевшие место инциденты в широкий военный конфликт со всеми вытекающими опасными последствиями. Ответственность за такие последствия, естественно, ляжет на Соединенные Штаты Америки» [9]. Как показали дальнейшие события, в Вашингтоне игнорировали это предупреждение и избрали путь эскалации военного давления на ДРВ. Во многом эта эскалация была связана со специфически понятыми престижными соображениями, со стремлением президента США подчеркнуть «твердость Америки в международных делах».

26 сентября 1964 г. президент США Л. Джонсон официально объявил, что отдал приказ американским самолетам вторгаться в воздушное пространство ДРВ с целью преследования вьетнамских самолетов, будто бы совершавших нападения на военно-морские силы США в Тонкинском заливе. Американское руководство сообщило 7 февраля 1965 г., что в ответ на налет вьетнамских патриотов на американскую военную базу вблизи Плейку (Южный Вьетнам) будут предприняты массированные бомбардировки ДРВ. Правительство США не могло объяснить, почему нападение южновьетнамских партизан могло служить поводом для массированных бомбардировок ДРВ. Так была санкционирована варварская воздушная война против Демократической Республики Вьетнам, которая явилась частью агрессивной военной стратегии США в Индокитае. Цель этой войны состояла в том, чтобы уйти от поражения, которое американцы терпели в Южном Вьетнаме.

Пентагон использовал в ней сотни самолетов новейших модификаций, ракеты класса «воздух—земля», бомбы лазерного и магнитного наведения, напалм и фосфор. Командующий ВВС США К. Лимэй хвастливо заявлял, что Соединенные Штаты «вернут Северный Вьетнам в каменный век» [10].

В марте 1965 г. бригада американской морской пехоты высадилась в Дананге, а в апреле президент Джонсон отдал приказ об участии американских войск в наступательных операциях против патриотических сил в Южном Вьетнаме. К концу 1965 г. численность амери-

против ДРВ, см.: *Полторак А. И., Савинский Л. И.* Преступная война: Агрессия США против Вьетнама. М., 1968, с. 120—128.

[9] Правда, 1964, 6 авг.

[10] Цит. по: Боевой авангард вьетнамского народа: История Коммунистической партии Вьетнама. М., 1981, с. 148.

канских войск во Вьетнаме составила 200 тыс. человек. В результате за несколько месяцев США перешли к ведению большой войны в Южном Вьетнаме, в которую были вовлечены стратегические силы армии Соединенных Штатов.

Достижение победы во Вьетнаме стало предметом политического престижа для Белого дома, и чем больше он выделял сил и средств во имя этой победы, тем больший глобальный резонанс приобретала данная война, превратившись в длительный кризис международно-политического характера.

Соединенные Штаты применили во Вьетнаме максимум усилий, направив сюда свыше восьми активных дивизий вооруженных сил из имевшихся у них в конце 60-х годов $22^{1}/_{3}$ дивизий. Вашингтон стремился представить свою вооруженную интервенцию как «международную акцию» и употребил все свое влияние на союзников, чтобы привлечь их к участию в войне. Южнокорейский режим послал во Вьетнам 50-тысячный экспедиционный корпус, а правительства Австралии, Новой Зеландии, Таиланда и Филиппин отправили ограниченные контингенты войск и вспомогательные подразделения [11]. За 10 лет, с 1965 по 1974 г., США израсходовали на эту войну 150 млрд. долл. и потеряли 56 тыс. человек убитыми и более 300 тыс. ранеными [12].

Ситуация, сложившаяся во Вьетнаме в 1965 г., была всесторонне проанализирована на XI (март 1965 г.) и XII (декабрь 1965 г.) пленумах Центрального Комитета Партии трудящихся Вьетнама. Были сделаны следующие выводы. Война превратилась в «американскую войну». Главными стратегическими силами противника в ней стали американский экспедиционный корпус и марионеточная армия. Война будет носить длительный и ожесточенный характер. Однако США используют глубоко противоречивую стратегию. Они потеряли инициативу. Эта война со стороны США является агрессивной, несправедливой и не пользуется поддержкой американского народа, народов мира. Американская армия не способна противостоять силе боевого единства армии и народа Вьетнама, мощи солидарных действий народов мира в поддержку борьбы вьетнамского народа. Под руководством партии народ всего Вьетнама поднялся на решительную борьбу под лозунгом «Все для победы над американскими агрессорами» [13].

Советский Союз, другие государства социалистического содружества выступили в защиту братского вьетнамского народа. В Заявлении Советского правительства от 9 февраля 1965 г. говорилось: «Советский Союз вынужден будет вместе со своими союзниками и друзьями принять дальнейшие меры для ограждения безопасности и укрепления обороноспособности Демократической Республики Вьетнам. Пусть ни у кого не будет сомнений в том, что Советский Союз сделает

[11] В связи с непопулярностью вьетнамской авантюры Соединенным Штатам, однако, не удалось вовлечь в нее своих европейских и ряд азиатских союзников.

[12] New York Times, 1974, Mar. 24.

[13] 50 лет деятельности Коммунистической партии Вьетнама, с. 185—188.

это, что советский народ выполнит свой интернациональный долг в отношении братской социалистической страны» [14].

4 марта 1965 г. министр иностранных дел СССР А. А. Громыко сделал заявление послу США в Москве, в котором подчеркивалось, что непрекращающиеся провокации американских вооруженных сил против ДРВ нельзя расценить иначе, как акты спланированной агрессии, как свидетельство того, что США встают на путь дальнейшего расширения войны в Юго-Восточной Азии. Американская сторона была предупреждена, что она берет на себя тяжелую ответственность за опасное развитие событий в Юго-Восточной Азии [15]. Однако и это предупреждение было оставлено Вашингтоном без внимания.

Агрессия США явилась попранием международного права, грубым нарушением Устава ООН, запрещающего не только агрессивную войну, но и угрозу силой. Эта агрессия противоречила и конституции США, так как фактически велась необъявленная война без санкции конгресса.

Предпринятая правящими кругами США авантюра превратила Индокитай в опаснейший очаг угрозы миру во всем мире. Крупный вооруженный конфликт, развязанный империалистами, по своим масштабам вскоре оставил позади корейскую войну. Против Народных вооруженных сил освобождения и населения Южного Вьетнама были брошены тысячи самолетов и вертолетов, танков и бронетранспортеров, все виды артиллерии, включая тяжелую.

США не остановились перед использованием в Южном Вьетнаме биологических и химических средств массового уничтожения [16]. Советский Союз, ДРВ не раз выступали с протестами против применения американской военщиной в Южном Вьетнаме отравляющих химических веществ. Правительство СССР 26 марта 1965 г. направило ноту правительству США, в которой отмечало, что «использование химического оружия против населения Южного Вьетнама — это грубейшее нарушение общепризнанных норм международного права, попрание элементарных принципов человеческой морали и гуманности» [17].

В ходе войны в Индокитае США впервые в истории применили специально изготовленные рецептуры гербицидов и дефолиантов для уничтожения всех видов растительности, т. е. Соединенные Штаты сознательно пошли на нарушение Женевского протокола 1925 г., запрещающего применение химического оружия. Общее количество отравляющих веществ превысило 100 тыс. т [18]. Около 43 % угодий и 44 % лесов по нескольку раз подвергались воздействию отравляющих рецептур. Было уничтожено 70 % кокосовых рощ, 150 тыс. га тропических растений. Жертвами химической войны стали более

[14] Правда, 1965, 9 февр.
[15] Правда, 1965, 5 марта.
[16] The Lessons of Vietnam. New York: Crane, Russak and Company, 1977, p. 67.
[17] Правда, 1965, 27 марта.
[18] См.: *Глазунов Е. П., Исаев М. П.* Страны Индокитая: Путь борьбы и свершений. М., 1984, с. 89.

2 млн. вьетнамцев. Американское химическое оружие использовалось также в Камбодже и Лаосе [19].

Империалистическая агрессия во Вьетнаме вызвала серьезное недовольство широких слоев американского общества. Борьба против войны в Индокитае приобрела характер массового общенационального движения, беспрецедентного в истории США. Критическое переосмысление внешней политики правящей верхушки средними американцами началось с несогласия с целями и методами ведения этой войны. Все большее число людей — видных политических деятелей, представителей общественных организаций, деловых кругов, студентов вовлекалось в антивоенное движение с требованием уйти из Юго-Восточной Азии. Особенно широких масштабов антивоенные демонстрации достигли в 1967 г., причем в рядах манифестантов шло все больше ветеранов. На этот период приходится создание общественной организации «Ветераны Вьетнама — против войны».

Многотысячные манифестации потрясли Вашингтон, Нью-Йорк, Чикаго, другие города Соединенных Штатов. Во время демонстраций у Пентагона осенью 1967 г. его «защита» обошлась властям более чем в 1 млн. долл. «Для все большего числа американцев, — писал американский историк Г. Колко, — война во Вьетнаме стала поворотным пунктом в восприятии внешней политики США, событием, заставляющим их вновь уделить внимание глубинным основам, главным концепциям и структуре политики, которая, в сущности, разрушительна и опасна» [20].

Острая борьба разгорелась в политических кругах США. Если в период обсуждения «тонкинской резолюции» против нее в сенате проголосовало только 2 человека, то уже в начале 1965 г. не менее 75 демократов — членов конгресса выступили против политики администрации во Вьетнаме. Образовались две группировки — сторонники политики администрации («ястребы») и ее противники («голуби»). Сенатор У. Фулбрайт — один из лидеров «голубей» — сформулировал главный тезис оппозиции о войне во Вьетнаме. Он предупредил об опасности «перенапряжения» ресурсов для внутренней стабильности Америки и ее позиций за рубежом вследствие увлечения «глобальным интервенционизмом». И сегодня весьма актуально звучит высказывание У. Фулбрайта о том, что, вмешиваясь повсеместно в различные локальные конфликты, Америка «стоит перед опасностью перестать понимать, что она способна сделать, а что лежит за пределами ее возможностей» [21].

Важным фактором, обеспечившим успешное отражение вьетнамским народом империалистической агрессии, было умелое использование Партией трудящихся Вьетнама различных форм борьбы — военной, политической и дипломатической. Даже в период самых ожесточенных схваток с агрессором правительство ДРВ и руководство НФОЮВ (с 1969 г. — Временного революционного правительства

[19] Правда, 1982, 2 марта.
[20] *Kolko G.* The Roots of American Foreign Policy. Boston, 1969, p. XI.
[21] *Fulbright J. W.* The Arrogance of Power. N. Y., 1967, p. X.

Республики Южный Вьетнам) прилагали усилия для завязывания политических переговоров в целях прекращения войны, последовательно отстаивали справедливые требования вьетнамского народа на международной арене. Они держали в своих руках инициативу в деле политического урегулирования конфликта.

Война во Вьетнаме все больше разгоралась. Президент Джонсон, министр обороны Макнамара, государственный секретарь Раск и другие американские государственные деятели не раз объявляли о «близком успехе» интервенции в Южном Вьетнаме. Но победы не было. Наоборот, позиции интервентов ухудшались, росло народное сопротивление.

Чтобы изменить ход событий, американская военщина в конце 1965—начале 1966 г. стала добиваться разрешения на проведение так называемых «стратегических бомбардировок», нацеленных на уничтожение всего промышленного и экономического потенциала ДРВ [22]. 29 июня 1966 г. американская авиация нанесла массированные бомбовые удары по районам Ханоя и Хайфона. В специальном заявлении Советского правительства по этому поводу подчеркивалось, что никакая «эскалация» войны со стороны Соединенных Штатов не поставит вьетнамский народ на колени, не вынудит его отказаться от неотъемлемого права распоряжаться своей судьбой. «Советский Союз, — говорилось в Заявлении, — оказывал и будет оказывать Демократической Республике Вьетнам всемерную помощь — политическую, экономическую и средствами обороны — в ее борьбе против империалистического нападения» [23].

В 1967 г. и начале 1968 г. бомбардировки американской авиацией территории ДРВ практически стали носить всеобъемлющий характер. Объектами варварских бомбардировок являлись городские ТЭЦ, аэродромы, железные дороги, предприятия, мосты, склады, а также дамбы и ирригационные сооружения, школы, медицинские учреждения, храмы, пагоды.

Пиратские действия авиации и 7-го флота США причинили большой ущерб экономике ДРВ, но не смогли дезорганизовать народное хозяйство и парализовать оборонный потенциал страны. Примечательно признание пентагоновских стратегов о том, что в Вашингтоне «сильно недооценили приспособляемость и находчивость Северного Вьетнама» [24]. Партия, народ и армия Демократической Республики Вьетнам были полны решимости вести борьбу против американской агрессии, за спасение родины до победного конца. Эту решимость хорошо выразил Хо Ши Мин в своем известном обращении к соотечественникам и бойцам страны 17 июля 1966 г.: «Война может продолжаться еще 5, 10, 20 лет или еще дольше. Ханой, Хайфон и другие города, а также предприятия могут быть уничтожены,

[22] См., напр.: The Pentagon Papers. N. Y., 1973, p. 622—623; Vietnam: A History in Documents/Ed. by Gareth Porter. A Meridian Book. New American Library, 1981, p. 325—327.
[23] Правда, 1966, 1 июля.
[24] Цит. по кн.: *Михеев Ю. Я.* Указ. соч., с. 129.

но вьетнамский народ не запугать! *Нет ничего дороже свободы и независимости.* День победы придет. Наш народ построит еще более красивую, прекрасную страну» [25].

Вместе с героическим сопротивлением вьетнамского народа решающим фактором успешного отражения империалистической агрессии стали действенная морально-политическая поддержка и эффективная помощь Советского Союза, других стран социалистического содружества. В соответствии с договоренностью СССР поставил Вьетнаму различные виды вооружения (ракеты класса «земля—воздух», реактивные истребители, зенитную артиллерию), боеприпасы и другие средства отражения агрессии, а также большое количество продовольствия, нефтепродуктов, транспортных средств, промышленного оборудования, различных материалов. В годы войны ежемесячно до 40 советских судов швартовались у причалов северовьетнамских портов Хайфон и Камфа. Значительную по объему помощь Вьетнаму оказали ГДР, Болгария, Венгрия, Куба и другие социалистические страны.

К концу 1965 г. общая численность вооруженных сил, противостоявших южновьетнамским патриотам, достигла 800 тыс. человек (200-тысячный американский экспедиционный корпус, 500-тысячная армия марионеточного сайгонского режима, войска стран — союзниц США по войне во Вьетнаме, а также 7-й флот США и персонал американских военных баз на территории Таиланда). По сравнению с Народными вооруженными силами освобождения Южного Вьетнама (НВСО) американо-сайгонская сторона имела большое превосходство в огневой мощи, мобильности и численности войск.

В период сухого, зимне-весеннего, сезона 1965/66 г. американское военное командование предприняло первое общее «контрнаступление» в Южном Вьетнаме. Как выражались в Вашингтоне, его цель была «сломить хребет Вьетконгу», т. е. разгромить регулярные войска НВСО, ликвидировать их контроль на значительной части освобожденной территории и отбросить патриотов в горные районы. Около 100 батальонов американо-сайгонских войск развернули «контрнаступление» на пяти различных направлениях в южных и центральных провинциях Южного Вьетнама. Однако эти наступательные операции закончились фактически безрезультатно. В апреле 1966 г. американское командование отдало приказ войскам начать отход, признав, таким образом, что главные цели «контрнаступления» не были достигнуты. Эта неудача явилась первым признаком того, что стратегия «локальной» войны обречена на фиаско. В Вашингтоне, однако, рассудили, что для победы требуется мобилизовать еще бóльшие людские резервы и дополнительную военную технику. С вводом в действие новых американских дивизий в начале 1967 г. общая численность войск Соединенных Штатов, Сайгона и стран — союзниц США превысила 1 млн. человек. На их вооружении имелось 4500 са-

[25] *Хо Ши Мин.* Обращение к соотечественникам и бойцам страны: Во имя независимости и свободы, во имя социализма Ханой, 1970, с. 282.

молетов и вертолетов, около 3 тыс. артиллерийских орудий, 3,5 тыс. бронетранспортеров и танков.

В следующий сухой сезон (октябрь 1966 г.—апрель 1967 г.) американское военное командование предприняло второе «контрнаступление», хотя и с более ограниченными задачами: нанести удар по району, где, как считали американцы, находилась главная военная база НФОЮВ, — по провинции Тэйнинь к северо-западу от Сайгона. В ходе боевых действий постепенно выявлялось превосходство стратегии и тактики освободительной борьбы южновьетнамских патриотов над стратегией и тактикой американской стороны.

Расчеты американского военного командования строились на том, что ему удастся осуществить молниеносную войну и уничтожить регулярные силы НВСО, после чего с военной помощью США сайгонская армия завершит подавление партизанского движения. Руководство Партии трудящихся Вьетнама и командование НВСО противопоставили этим расчетам линию на выигрыш времени, чтобы накопить силы и сократить разрыв в оснащенности войск боевой техникой. Учитывалось также, что против агрессора все более полно начинает действовать ряд долговременных факторов, и прежде всего то, что американские войска воюют в окружении враждебно настроенного к ним населения, опираются по существу лишь на марионеточные власти и армию, которая не могла быть «благонадежной», так как отличалась низким моральным духом. Симпатии народных масс Юга Вьетнама были на стороне НФОЮВ, и все более широкие слои населения втягивались в активную борьбу против интервентов и их ставленников. Это была народная война, война Сопротивления. Жители освобожденных районов принимали непосредственное участие в боевых операциях в составе партизанских отрядов и частей местной самообороны. В районах, находившихся под контролем американо-сайгонских войск, население оказывало патриотам возможное содействие, вело в самых различных формах политическую борьбу против оккупантов и марионеточных властей.

Множество проблем для противника возникало в связи с тактикой боевых действий, которая применялась Народными вооруженными силами освобождения в Южном Вьетнаме. Войска НВСО на первых порах избегали фронтальных столкновений с крупными силами американской армии, навязывали ей войну «повсюду», быстро перегруппировывались и рассеивались, внезапно появлялись и исчезали, наносили одновременно удары с фронта, флангов и тыла. В результате противник был вынужден рассредоточивать свои силы и лишался своего главного преимущества — высокой концентрации огневой мощи. Второе «контрнаступление» в Южном Вьетнаме, как и первое, не принесло Пентагону желаемых результатов. Патриотами было выведено из строя 290 тыс. солдат и офицеров противника, в том числе 128 тыс. американских солдат и солдат союзных Америке стран [26].

С начала 1967 г. войска НВСО стали переходить в наступление

[26] Боевой авангард вьетнамского народа, с. 147.

на ряде важных направлений, в том числе вокруг Сайгона и некоторых крупных американских военных баз, подвергать атакам многие районные и провинциальные центры. Оккупанты были вынуждены менять стратегию и тактику, переходить от наступления к обороне, отвлекать силы на охрану своих тылов. Были разработаны различные «противоповстанческие мероприятия», направленные на разрушение опорных баз патриотов. Так, с 1966 г. марионеточная армия при активном участии экспедиционного корпуса США стала проводить программу «умиротворения» сельской местности. Американские эксперты по противопартизанской войне возлагали на эту программу большие надежды, рассчитывая с ее помощью ликвидировать массовую базу Сопротивления, подавить партизанское движение и уничтожить органы народной власти в районах, которые контролировались НФОЮВ. На пентагоновском лексиконе это называлось «другой войной», и велась она против всего сельского населения Южного Вьетнама с применением самых варварских средств массового уничтожения. Трагедия жителей южновьетнамской деревни Сонгми в марте 1968 г. — лишь один из многочисленных примеров зверств оккупантов и сайгонских марионеток.

Другая программа, под названием «Феникс» (ее инициатором было ЦРУ США), предназначалась для борьбы против революционного подпольного аппарата НФО в деревнях, поселках и городах Южного Вьетнама. По американским данным, в ходе карательных операций по этой программе было уничтожено несколько десятков тысяч человек. Однако, как констатировал американский журналист Д. Кирк, проведший несколько лет в странах Юго-Восточной Азии, «самым большим разочарованием и острейшим признаком скрытой силы противника было отсутствие успеха программы „Феникс", попытки уничтожить так называемую инфраструктуру Вьетконга» [27].

Военная ситуация для американо-сайгонской стороны ухудшалась, несмотря на эскалацию агрессии против Северного Вьетнама, на дальнейшее наращивание численности войск агрессора на Юге. (В конце 1967 г. войска США в Южном Вьетнаме насчитывали до полумиллиона военнослужащих [28], в 1968—1970 гг. общая численность сайгонской армии выросла с 600 тыс. до 1 млн. человек [29]. Примечательно, что в сухом сезоне 1967/68 г. американское командование в отличие от прошлых лет не смогло организовать какие-либо значительные наступательные операции, так как основное внимание ему пришлось уделять оборонительным действиям.

В августе 1967 г. в одном из освобожденных районов Южного Вьетнама состоялся чрезвычайный съезд Национального фронта освобождения. Съезд принял новую политическую программу, в которой ставилась задача «объединить весь народ для того, чтобы нанести поражение американским империалистам в их агрессивной войне,

[27] *Kirk D.* Wider War: The Struggle for Cambodia. Thailand and Laos. N. Y., 1971, p 23.
[28] См.: *Мазырин В. М.* Указ. соч., с. 19.
[29] *Fitzgerald F.* Fire in the Lake: The Vietnamese and the Americans in Viet-Nam. Boston; Toronto, 1972, p. 406.

свергнуть марионеточное правительство и его лакеев, создать коалиционное национально-демократическое правительство на широкой основе, построить независимый, демократический, мирный, нейтральный и процветающий Южный Вьетнам, приступить к мирному воссоединению родины». Эта программа вместе с прежними предложениями НФОЮВ и правительства ДРВ представляла хорошую основу для справедливого решения вьетнамского вопроса в соответствии с духом и буквой Женевских соглашений 1954 г. Принятие программы приветствовали социалистические страны, все прогрессивные силы мира.

Какой же была реакция в Соединенных Штатах? Джонсон огласил 29 сентября 1967 г. свои предложения, известные как «формула Сан-Антонио» (по имени города, где состоялось выступление президента). Он потребовал в ответ на прекращение американских бомбардировок «взаимной деэскалации» и «проявления сдержанности со стороны ДРВ», а также «прекращения инфильтрации на Юг» [30].

По этому поводу правительство ДРВ с полным основанием заявило, что не ДРВ, а американский империализм совершает агрессию во Вьетнаме и что ДРВ нечего деэскалировать, ибо вьетнамский народ защищает свою Родину.

Со своей стороны Вашингтон решил попытаться укрепить социальную базу сайгонского режима, поднять его престиж на международной арене, придав марионеточному правительству видимость «представительности» и «демократизма». В сентябре—октябре 1967 г. в Сайгоне и других городах Южного Вьетнама проходили «выборы» марионеточного президента и парламента «республики Вьетнам». Разумеется, это был откровенный фарс, так как «выборы» проводились в условиях американской оккупации, в обстановке полицейского произвола, давления на избирателей и грубых фальсификаций. Новый марионеточный президент генерал Нгуен Ван Тхиеу был таким же диктатором, как и его предшественники, опирался на армию, полицейский аппарат и, самое главное, на американское покровительство.

Провал вьетнамской политики администрации Джонсона стал очевиден во время знаменитого новогоднего наступления НВСОЮВ, которое началось в последних числах января 1968 г. При широкой поддержке местного населения патриоты развернули успешное наступление на позиции американо-сайгонских войск повсеместно — от мыса Камау на юге до 17-й параллели на севере. Было атаковано одновременно около 60 городов, районных центров и военных баз противника. В Сайгоне 30 января 1968 г. атакам подверглись здание посольства США, «президентский» дворец, здание генштаба сайгонской армии и другие учреждения и военные комплексы. На следующий день части НВСО овладели и затем в течение почти месяца удерживали древнюю императорскую столицу Хюэ. В ходе наступления патриотов американо-сайгонские войска понесли тяжелые потери. С целью удержания наиболее важных городов и военных баз

[30] Viet-Nam: A History in Documents, p. 348—349.

американское командование было вынуждено пойти на эвакуацию ряда крупных баз.

Успешные наступательные действия НВСО имели следствием смену командующего американскими войсками во Вьетнаме и пересмотр военной стратегии. В задачу нового командующего генерала Абрамса входили уже не операции по «отысканию и уничтожению» регулярных частей НВСО, а оборонительные действия по «очистке и удержанию» территории вокруг крупных городов, военных баз США и основных транспортных коммуникаций. Другим следствием явилось коренное изменение соотношения сил в правящих кругах США в пользу сторонников политического урегулирования. В статье с анализом того, как пересматривалась политика администрации во Вьетнаме, Г. Киссинджер писал: «Цепь событий, приведших к началу переговоров [31], началась с приезда генерала Уэстморленда в Вашингтон в ноябре 1967 г. Тогда генерал заявил на совместном заседании обеих палат конгресса, что на войне дело идет к военной победе... Он перечислил даже «признаки» наблюдающегося прогресса... Но вскоре наступление Вьетконга, приуроченное к празднованию лунного Нового года, разнесло в пух и прах все посылки американской стратегии» [32].

Январско-февральское наступление стало первым в целой серии крупномасштабных атак патриотических сил, проведенных в 1968 г. В мае, августе и сентябре вновь были предприняты наступательные операции против крупнейших американских военных баз, оккупированных сельских районов и городов. В ходе их были освобождены обширные районы с населением около 1,5 млн. человек. Такое развитие событий содействовало нарастанию в Соединенных Штатах волны разочарования и недовольства политикой администрации Джонсона во Вьетнаме. Выражением этого явился и уход в отставку министра обороны США Р. Макнамары, который высказывал президенту свои сомнения в возможности достижения победы путем эскалации. Широкий характер приняли антивоенные выступления молодежи. По данным американских газет, всего в знак протеста против войны во Вьетнаме от призыва в вооруженные силы США уклонились свыше 106 тыс. человек. Массовым стало дезертирство американских военнослужащих, не желавших участвовать во вьетнамской авантюре.

Момент для развертывания широких наступательных операций южновьетнамских патриотов в начале 1968 г. был выбран очень расчетливо, потому что в США как раз начинался очередной тур борьбы в связи с предстоящими президентскими выборами. Администрация демократов оказалась под огнем критики со стороны республиканцев за провалы во вьетнамской политике. Белый дом поспешил предпринять ряд мер, призванных успокоить общественное мнение.

[31] Имеются в виду предварительные переговоры между США и ДРВ в Париже, начавшиеся в мае 1968 г.

[32] Foreign Affairs, 1969, Jan., p. 229—230. Уэстморленд — командующий вооруженными силами США в Южном Вьетнаме до 1968 г

31 марта 1968 г. Джонсон объявил о прекращении бомбардировок ДРВ к северу от 20-й параллели, предложил начать переговоры об урегулировании конфликта и заявил, что не будет выставлять свою кандидатуру на пост президента на выборах 1968 г. Для президента это было политической катастрофой. Публично отказавшись от надежд на военное решение вьетнамской проблемы, Джонсон признал сокрушительное поражение стратегии «глобального интервенционизма» [33].

После долгих препирательств о месте встречи американское правительство дало согласие на Париж, где 13 мая 1968 г. начались переговоры между представителями США (А. Гарриман) и ДРВ (Суан Тхюи). Успех наступательных операций НВСО в 1968 г., активная поддержка ДРВ Советским Союзом, другими социалистическими странами, миролюбивыми и прогрессивными силами всего мира, а также давление со стороны международной и американской общественности вынудили американское правительство пойти на удовлетворение главного требования правительства ДРВ. Была достигнута договоренность о прекращении Соединенными Штатами с 1 ноября 1968 г. всех воздушных бомбардировок, обстрела с моря, артиллерийского обстрела и всех других действий, связанных с применением силы против территории ДРВ. Одновременно стороны согласились созвать совещание представителей ДРВ, НФОЮВ, сайгонской администрации и США для поисков путей мирного урегулирования вьетнамской проблемы.

25 января 1969 г. в парижском Доме международных конференций на авеню Клебер состоялось первое пленарное заседание четырехсторонних переговоров по Вьетнаму с участием ДРВ, НФОЮВ, США и сайгонской администрации.

С самого начала переговоров стало очевидно, что у Соединенных Штатов нет серьезного намерения вести поиски взаимоприемлемого урегулирования вьетнамской проблемы. Это, кстати, было ясно и из позиции новой республиканской администрации во вьетнамском конфликте, которую в январе 1969 г. изложил Г. Киссинджер, занявший пост специального помощника президента Никсона по вопросам национальной безопасности. Киссинджер высказался за дальнейшее укрепление сайгонского режима и перепоручение ему функций вооруженной борьбы по мере вывода из Южного Вьетнама некоторой части американских войск. Представитель США на парижском совещании Г. К. Лодж выдвинул условия, принятие которых означало бы увековечение неоколониального господства США в Южном Вьетнаме, капитуляцию патриотических сил. Судя по поведению американской делегации, Вашингтон намеревался продолжать войну в Южном Вьетнаме.

Несмотря на отсутствие доброй воли с американской стороны, представители ДРВ и НФОЮВ проявили серьезный подход к переговорам в Париже. Делегация Национального фронта освобождения Южного Вьетнама внесла 8 мая 1969 г. развернутые предложения

[33] Viet-Nam: A History in Documents, p. 366—369.

об урегулировании — «10 пунктов НФОЮВ». Они предусматривали уважение коренных национальных прав вьетнамского народа, включая право на независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность, полный и безусловный вывод войск США и их союзников из Южного Вьетнама, ликвидацию американских военных баз. Различные политические силы Южного Вьетнама, выступающие за мир, независимость и нейтралитет, указывалось в предложениях НФОЮВ, должны провести переговоры с целью сформирования временного коалиционного правительства, задачи которого будут состоять в том, чтобы осуществить соглашение о выводе американских войск, обеспечить национальное согласие различных слоев населения на базе принципов мира, независимости и нейтралитета, гарантировать широкие демократические свободы, запретить любые репрессии против тех, кто сотрудничал с одной или другой стороной, восстановить и развивать экономику страны, провести выборы. На основе всеобщих свободных и демократических выборов должно быть образовано учредительное собрание, выработана конституция, создано широкое коалиционное правительство национального согласия Южного Вьетнама, которое будет проводить внешнюю политику мира и нейтралитета, уважать независимость и суверенитет Камбоджи и Лаоса, установит дипломатические, экономические и культурные отношения со всеми странами, включая США, на основе пяти принципов мирного сосуществования. Воссоединение Вьетнама будет осуществляться постепенно, мирными средствами, а до этого будут установлены нормальные отношения между обеими зонами. Обе зоны до воссоединения не будут вступать в военные блоки и союзы, не допустят размещения на своей территории иностранных баз и войск. Предусматривались меры по ликвидации последствий войны (переговоры об освобождении военнопленных и ответственность США за ущерб и разрушения в обеих зонах). Предлагалось также установить международное наблюдение за выводом из Южного Вьетнама войск США и их союзников.

Таким образом, решение южновьетнамской проблемы, которое предлагалось НФОЮВ, полностью отвечало национальным правам вьетнамского народа и интересам мира во всем мире. Вот почему эти предложения были поддержаны делегацией ДРВ, а на международной арене — Советским Союзом, другими социалистическими странами, всеми прогрессивными силами.

В ответ на инициативу НФОЮВ президент Никсон выступил 14 мая с публичным изложением позиции своей администрации по вопросу об урегулировании во Вьетнаме. Он огласил «8 пунктов» правительства США, где вновь проглядывала попытка поставить на одну доску агрессора — Соединенные Штаты и его жертву — вьетнамский народ, осуществлявший право на законную самооборону, и, более того, открыто выдвигалось требование предоставить агрессору преимущества: суть «8 пунктов» состояла в выводе из Южного Вьетнама «неюжновьетнамских сил», причем эвакуация американских войск должна была завершиться «после вывода войск ДРВ». Согласно «8 пунктам» политические вопросы в Южном Вьетнаме

должны были решаться путем проведения «выборов» под контролем марионеточного сайгонского правительства [34]. Для представителей вьетнамского народа это были неприемлемые условия.

После этого Вашингтон не раз демонстрировал отсутствие интереса к поискам путей мирного урегулирования во Вьетнаме по дипломатическим каналам. Президент США 3 ноября 1969 г. фактически повторил подход к вьетнамскому вопросу, изложенный им же 14 мая. Никсон был вынужден признать, что требование о немедленном выводе всех американских войск из Южного Вьетнама пользуется в Соединенных Штатах поддержкой. Тем не менее он снова отверг справедливые предложения ДРВ и НФОЮВ [35].

Затем, в 1970 г., последовал отзыв Г. К. Лоджа из Парижа, и в течение нескольких месяцев американская делегация демонстративно оставалась без руководителя. Когда же новый представитель США Д. Брюс все-таки прибыл в Париж, то оказалось, что он приехал на переговоры с пустыми руками.

За ширмой дипломатических переговоров и деклараций о стремлении покончить с вьетнамской войной правящие круги США вели работу по пересмотру своих внешнеполитических концепций. Война во Вьетнаме показала банкротство «особых» и «локальных» войн. Сократились возможности Вашингтона подавлять вооруженной силой революционно-освободительные движения. Американский экспедиционный корпус на юге Вьетнама ко времени прихода республиканцев в Белый дом насчитывал уже 550 тыс. человек, но ни одна из целей войны против патриотов не была достигнута. Ежегодные расходы на индокитайскую авантюру возросли до 30 млрд. долл.[36] Усиливались неблагоприятные для американских правящих кругов тенденции внутри страны (рост антивоенного движения) и на международной арене (дальнейшая изоляция Вашингтона). В этих условиях были выдвинуты принципы «новой азиатской политики», или «гуамская доктрина» Никсона, предназначенная прежде всего для того, чтобы заставить «азиатов воевать против азиатов» [37]. «Именно в Азии, богатой людскими ресурсами, — цинично рассуждал тогдашний министр обороны США М. Лэйрд, — мы должны призывать азиатов выделять как можно больше людских ресурсов для удовлетворения потребностей в собственной обороне. Роль же США должна сводиться к оказанию при необходимости специализированной помощи» [38].

В отношении Южного Вьетнама пересмотр американской стратегии выразился в формуле «вьетнамизации» войны, которая вытекала из «гуамской доктрины». Основное бремя политической и военной ответственности в борьбе против сил революционного освобождения перекладывалось на сайгонских правителей. Постепенный вывод

[34] Ibid., p. 380—382.
[35] Ibid., p. 385—387.
[36] *Kissinger H.* White House Years. Boston; Toronto, 1979, p. 235.
[37] The Memoirs of Richard Nixon: Grosset and Dunlap. N. Y., 1978, p. 394—395.
[38] Цит. по кн.: *Белащенко Т. К.* США: 200 лет — 200 войн. М., 1976, с. 205.

американских войск и параллельные переговоры о политическом урегулировании должны были создать иллюзию прекращения империалистического вмешательства во Вьетнаме и позволить Вашингтону облегчить бремя расходов по прямому участию в войне и негативных последствий этого для США [39].

Объявив о выводе первого контингента американских войск из Южного Вьетнама (заявление Никсона 8 июня 1969 г.) и о переходе к «вьетнамизации» или «деамериканизации» войны, республиканское правительство приступило к активному маневрированию вокруг конфликта в Индокитае, которое выразилось в затягивании переговоров в Париже, укреплении марионеточного режима в Сайгоне, расширении театра военных действий на соседние страны — Лаос и Камбоджу, возобновлении варварских массированных бомбардировок ДРВ. В целом во вьетнамской политике Никсона переговоры в Париже до 1972 г. занимали подчиненное, второстепенное место. Приоритет отдавался военным аспектам «вьетнамизации», поскольку правящие круги США надеялись добиться победы руками сайгонских марионеток.

Для усиления режима в Сайгоне Соединенные Штаты приняли решение интенсифицировать программу социально-экономических преобразований и политических реформ в Южном Вьетнаме и тем самым несколько расширить социальную базу «правительства». В этих целях часть помещичьих земель была передана безземельным крестьянам, а в августе 1971 г. состоялись «выборы» нижней палаты сайгонского «парламента», в октябре того же года Тхиеу был «переизбран» на пост «президента». В результате осуществления программы реорганизации и модернизации вооруженных сил Сайгона к 1973 г. их общая численность достигла 1 млн. 350 тыс. человек. Вооруженные силы Сайгона включали в себя полумиллионную регулярную армию в составе 13 дивизий и специальных частей, мощную артиллерию, военно-воздушные, военно-морские и бронетанковые силы [40].

Параллельно с этой активностью в Южном Вьетнаме Вашингтон пошел на расширение военных действий на весь Индокитайский п-ов. Американская пресса сообщала, что в администрации рассматривались четыре возможных варианта действий, которые должны были сломить волю ДРВ и НФОЮВ и заставить их принять американские условия урегулирования: возобновление неограниченных бомбардировок Севера, налеты на «коммунистические убежища» в Камбодже и Лаосе и уничтожение их, минирование Хайфонской гавани и вторжение в Северный Вьетнам.

Уже с 1969 г. американская авиация начала проводить секретные бомбардировки территории Камбоджи. Эти бомбардировки сохранялись в глубокой тайне даже от самих пилотов — цели, которые они бомбили, обозначались как находящиеся на территории Южного Вьетнама.

[39] Подробнее о «вьетнамизации» войны см.: Страны Индокитая в борьбе за независимость и социальный прогресс (60—70-е годы). М., 1980, с. 18—20.
[40] См.: Вьетнам в борьбе. М., 1981, с. 130.

18 марта 1970 г. правые силы в Камбодже во главе с генералом Лон Нолом и принцем Сирик Матаком организовали государственный переворот при помощи ЦРУ. На следующий же день госдепартамент сообщил о признании правительства Лон Нола — Сирик Матака, а 30 марта Белый дом заявил, что американскому командованию в Южном Вьетнаме предоставлено право «санкционировать вторжение американских войск на территорию Лаоса или Камбоджи в случае военной необходимости». Администрация Никсона планировала распространить военный контроль на Камбоджу — стратегически важную страну в Индокитае, приобрести нового партнера по вооруженной борьбе во Вьетнаме и расширить фронт борьбы против национально-освободительного движения. 30 апреля 50-тысячная группировка войск США и сайгонского режима вторглась на территорию Камбоджи и начала операции против камбоджийских патриотических сил. Интервенты разрушали города и деревни, сжигали леса и посевы, расстреливали мирных жителей.

Это вторжение вызвало энергичные протесты во всем мире, в том числе и в Соединенных Штатах, и привело к резкому обострению международной напряженности. С осуждением американской интервенции решительно выступил Советский Союз. «Какими бы надуманными предлогами она ни прикрывалась, — говорилось в Заявлении Советского правительства от 4 мая 1970 г., — ясно одно — циничное пренебрежение к неотъемлемому праву народов Индокитая быть хозяином в собственном доме и грубый американский диктат продолжают оставаться основой американской внешней политики в этом районе мира, а средством ее осуществления — организация заговоров, военные интервенции, агрессия» [41]. Через два месяца после начала вторжения США были вынуждены отвести свои войска с камбоджийской территории, хотя действия сайгонских войск, а также американской авиации там еще продолжались.

В феврале 1971 г. Вашингтон попытался распространить стратегию «вьетнамизации» на Лаос. Крупные силы сайгонских войск (20 тыс. человек) при поддержке 1500 американских самолетов и 600 вертолетов вторглись на лаосскую территорию [42]. Руководили вторжением, помимо штаба войск США в Южном Вьетнаме и американских офицеров при штабах и в частях марионеточных войск, около 12 тыс. «советников», посланных Пентагоном на помощь лаосской реакции.

Это была очередная попытка Вашингтона изолировать патриотические силы Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи от ДРВ и друг от друга, с тем чтобы расправиться с ними поодиночке. Госдепартамент в заявлении прямо указал, что «эта операция будет содействовать обеспечению безопасности американских и союзнических вооруженных сил в Южном Вьетнаме» и «осуществлению программы вьетнамизации» [43].

[41] Правда, 1970, 5 мая.
[42] *Кременюк В. А.* Политика США в развивающихся странах: Проблемы конфликтных ситуаций, 1945—1976. М., 1977, с. 186.
[43] *Михеев Ю. Я.* Указ. соч., с. 184.

Американо-сайгонское нападение на территорию суверенного государства встретило осуждение правительств Советского Союза и многих других стран мира, в том числе Франции, Швеции, и также самого Лаоса. После 43 дней боевых действий эта операция закончилась полным провалом. Интервенты потеряли 25 тыс. человек, около 500 американских самолетов, около 600 военных автомашин и 150 орудий [44].

Агрессивные действия американо-сайгонских войск в Камбодже и Лаосе в 1970—1971 гг. не принесли Вашингтону желаемых результатов. Военные и политические позиции сайгонского режима продолжали ослабевать, и положение американской дипломатии на парижских переговорах, которая видела свою задачу в том, чтобы навязать ДРВ и южновьетнамским патриотам выгодные Соединенным Штатам и Сайгону условия, становилось все более трудным. В то же время правительство Демократической Республики Вьетнам и Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам [45] вели наступление и на «третьем фронте» — фронте дипломатической борьбы.

17 сентября 1970 г. Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам выступило с предложениями из 8 пунктов, в которых уточнило свою программу урегулирования: войска США и их союзников должны быть выведены до 30 июня 1971 г., и им будет обеспечен безопасный проход; во временное коалиционное правительство могут войти представители Временного революционного правительства, миролюбивых демократических сил, реорганизованной сайгонской администрации.

Президент США 7 октября 1970 г. предложил, чтобы прежде всего был прекращен огонь в странах Индокитая и вооруженные силы оставались на позициях, которые они занимают, другими словами, военные действия должны были быть прекращены до достижения договоренности по основным вопросам урегулирования [46]. В Вашингтоне явно рассчитывали, что, если бы это предложение было принято, патриоты Вьетнама, Лаоса и Камбоджи лишились бы права на защиту от агрессии, хотя агрессор по-прежнему находился бы на их земле.

Осенью 1971 г. американская военщина, нарушив обязательства о прекращении бомбардировок ДРВ, предприняла массированные налеты на ее территорию. Вновь были подвергнуты варварским бомбардировкам мирные города и села Северного Вьетнама.

С начала 70-х годов антивоенное движение в США приобрело небывало широкий размах. Массовые демонстрации, поток писем и телеграмм в адрес конгрессменов, самые разнообразные формы протеста против войны стали одним из основных элементов глубокого

[44] Боевой авангард вьетнамского народа, с. 171.

[45] В июне 1969 г. в освобожденной зоне Южного Вьетнама состоялся конгресс народных представителей, который принял резолюцию о создании Республики Южный Вьетнам (РЮВ) и учреждении Временного революционного правительства (ВРП). Делегация ВРП РЮВ сменила делегацию НФОЮВ на четырехсторонних переговорах в Париже.

[46] *Kissinger H.* Op. cit., p. 980—981.

кризиса, охватившего страну. Война оказала весьма неблагоприятное воздействие на американскую экономику. Вьетнамская политика Вашингтона вызывала недовольство представителей деловых кругов, так как она содействовала росту инфляции и увеличению диспропорций производства.

Серьезная оппозиция администрации Никсона возникла в эти годы в конгрессе США. В сенате и палате представителей было принято много резолюций, направленных на ограничение свободы действий правительства в вопросах ведения войны в Индокитае, на прекращение этой войны. Все большее число конгрессменов поддерживало требование американской общественности установить определенный и по возможности быстрейший срок вывода всех американских войск из Вьетнама. Недовольство и тревогу общественности США в связи с индокитайской политикой правительства весьма откровенно выразил видный американский дипломат А. Гарриман. «На мой взгляд, вьетнамизация войны безнравственна, — писал он в ноябре 1970 г. — Мы не имеем права увековечивать военные действия. . . Наши политические цели во Вьетнаме не могут быть достигнуты военными средствами. Мы можем расширить войну, распространив ее на Камбоджу, Лаос, Северный Вьетнам, а затем на Китай и даже на Советский Союз, но такая война не может быть выиграна» [47].

Чтобы сдвинуть переговоры в Париже с мертвой точки, делегации ДРВ и ВРП РЮВ выступили летом 1971 г. с рядом новых предложений, которые в наиболее полном виде были изложены в программе из 7 пунктов министром иностранных дел ВРП Нгуен Тхи Бинь 1 июля 1971 г. В качестве основы для урегулирования в этой программе выдвигалось требование о прекращении агрессии США и их союзников. Решение внутренних политических проблем Южного Вьетнама без вмешательства извне предполагало отставку проамериканского правительства Тхиеу, прекращение поддержки его Соединенными Штатами и образование временного коалиционного правительства. Предложения южновьетнамских патриотов получили широкую известность и поддержку во всем мире.

В начале февраля 1972 г. делегация Временного революционного правительства РЮВ представила разъяснения по двум основным вопросам программы из 7 пунктов. Она заявила, что конечная дата вывода американских войск из Южного Вьетнама станет также датой освобождения всех военнослужащих и гражданских лиц, взятых в плен во время войны, в том числе американских летчиков, захваченных в Северном Вьетнаме. Что касается решения политических проблем Южного Вьетнама, то было указано, что немедленная отставка Тхиеу, отказ администрации Сайгона от проведения воинственной политики, роспуск аппарата насилия и принуждения, немедленное прекращение политики «умиротворения» открыли бы путь к осуществлению действительно свободного и демократического политического процесса в Южном Вьетнаме, в первую очередь к обсужде-

[47] Цит. по: *Дивильковский С., Огнетов И.* Указ. соч., с. 217.

нию между ВРП РЮВ и сайгонской администрацией вопроса о формировании правительства национального согласия.

ДРВ полностью поддержала эти разъяснения. Однако правительство Никсона по-прежнему уклонялось от обсуждения и принятия предложений ДРВ и ВРП РЮВ, стремилось навязать им свою волю. В этих условиях в конце марта 1972 г. Народные вооруженные силы освобождения предприняли широкое наступление и, овладев стратегической инициативой, нанесли американо-сайгонским войскам ряд тяжелых поражений. Широко использовав артиллерию и бронетанковые силы, части освобождения взломали глубоко эшелонированные линии обороны противника в районах Куангчи, Локнинь и Анлок, к северо-западу от Сайгона, на Центральном плато, и перерезали основные коммуникации противника. В результате освобождения обширных районов были сведены на нет итоги стратегии «умиротворения» сельской местности. Чтобы спасти политику «вьетнамизации» и сайгонский режим, администрация Никсона прибегла к новой эскалации военных действий против ДРВ. С апреля 1972 г. американская авиация, в том числе самолеты Б-52, подвергла «ковровым» бомбардировкам города и промышленные объекты в Северном Вьетнаме. В мае 1972 г. правительство США отдало приказ о минировании северовьетнамских портов и внутренних водных путей. Этим в Вашингтоне рассчитывали полностью воспрепятствовать доставке советской военной и экономической помощи ДРВ. Вмешательство США было расценено в ДРВ как «реамериканизация войны».

В это трудное для братской страны время Советский Союз вновь решительно выступил в защиту ДРВ, патриотов Южного Вьетнама, а также Лаоса и Камбоджи. Руководством СССР на самом высоком уровне было заявлено, что советские люди решительно осуждают агрессию США в Индокитае, требуют незамедлительно положить конец бомбардировкам ДРВ [48]. В ходе переговоров с президентом США в Москве в мае 1972 г., как было отмечено в совместном советско-американском коммюнике, «советская сторона подчеркнула свою солидарность со справедливой борьбой народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи за свободу, независимость и социальный прогресс. Твердо поддерживая предложения ДРВ и Республики Южный Вьетнам, являющиеся реальной и конструктивной основой для урегулирования вьетнамской проблемы, Советский Союз выступает за прекращение бомбардировок ДРВ, за полный и безусловный вывод из Южного Вьетнама войск США и их союзников, за то, чтобы народы Индокитая имели возможность сами определять свою судьбу, без какого-либо вмешательства извне» [49].

Временное правительство РЮВ проявило гибкость и добрую волю и выступило 11 сентября 1972 г. с новым предложением относительно решения вьетнамской проблемы. В нем предусматривалось, в частности, образование в Южном Вьетнаме временного правительства национального согласия с участием трех сторон — ВРП РЮВ,

[48] Правда, 1972, 13 апр.
[49] Правда, 1972, 31 мая.

сайгонской администрации и других политических сил Южного Вьетнама. Компромиссный шаг — отказ от требования об отставке Тхиеу как предварительного условия урегулирования позволил ускорить подготовку соглашения. «Если США хотят, чтобы переговоры в Париже привели к восстановлению мира, — говорил А. А. Громыко в выступлении на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, — они должны положительно ответить на заявление Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам от 11 сентября с. г.» [50]

Приближалась осень 1972 г., когда в США должны были состояться очередные президентские выборы. Учитывая внутриполитическую обстановку, администрация Никсона согласилась перейти к завершению переговоров об урегулировании во Вьетнаме. На закрытых переговорах, которые вели помощник президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер, а с вьетнамской стороны — член Политбюро ЦК ПТВ Ле Дык Тхо и министр Суан Тхюи, был разработан текст четырехстороннего мирного соглашения по Вьетнаму. Американцы пошли на существенные уступки вьетнамской стороне, что диктовалось интересами Никсона в борьбе за президентское кресло. Было условлено, что 30 октября в Париже это соглашение будет официально подписано министрами иностранных дел.

Однако совершенно неожиданно правительство США 23 октября потребовало пересмотра разработанного соглашения и сроков его подписания, сославшись на «возражения» сайгонского режима. Американская сторона предложила внести в текст соглашения 126 (!) изменений [51]. К этому моменту администрация Никсона, очевидно, была уже уверена в поддержке избирателей на президентских выборах и поэтому, когда северовьетнамская сторона отвергла требование о пересмотре разработанного проекта соглашения, Вашингтон вновь решил «поиграть мускулами» — был отдан приказ о самых жестоких за всю историю войны бомбардировках территории Демократической Республики Вьетнам. Но эти действия не запугали Северный Вьетнам, который дал агрессору достойный отпор. В декабре 1972 г. американские ВВС потеряли в воздушном пространстве ДРВ 81 самолет, в том числе 34 стратегических бомбардировщика Б-52, и более сотни опытных летчиков.

Твердая позиция руководства ДРВ, волна возмущения мировой общественности, отсутствие реальных возможностей для наращивания военного давления на Северный Вьетнам вынудили в конце концов правительство США прекратить бомбардировки территории ДРВ и вернуться за стол переговоров, которые продолжались с перерывами уже 49 месяцев.

Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме было подписано в Париже 27 января 1973 г. Заключение этого

[50] Правда, 1972, 27 сент.

[51] См.: Американский неоколониализм в Южном Вьетнаме: Сб. статей. Ханой, 1974, вып. 2, с. 58.

соглашения явилось большим событием в международной жизни, оно свидетельствовало о вынужденном изменении политики США. Самое важное положение подписанного документа было зафиксировано в ст. 1: «Соединенные Штаты и все другие страны уважают независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Вьетнама, как они признаны в Женевских соглашениях 1954 г. по Вьетнаму» [52]. Соглашение предусматривало вывод из Южного Вьетнама американских и других иностранных войск, отказ США от вмешательства во внутренние дела Южного Вьетнама, политическое урегулирование в Южном Вьетнаме путем переговоров между двумя южновьетнамскими сторонами, создание Совета национального примирения и согласия и организацию свободных и демократических выборов, осуществление мирными средствами поэтапно воссоединения Вьетнама на основе консультаций и соглашений между Северным и Южным Вьетнамом без вмешательства извне. Договаривающиеся стороны обязались строго соблюдать Женевские соглашения 1954 г. по Камбодже и Женевские соглашения 1962 г. по Лаосу и договорились, что внутренние проблемы Камбоджи и Лаоса должен решать народ каждой из этих стран без иностранного вмешательства.

2 марта 1973 г. собравшиеся в Париже представители Советского Союза, Канады, КНР, США, Франции, ВРП РЮВ, Венгрии, Индонезии, Польши, ДРВ, Англии и Республики Вьетнам (Сайгон) подписали Акт международной конференции по Вьетнаму, в котором были выражены одобрение и поддержка Парижского соглашения, подтверждены основные национальные права вьетнамского народа и зафиксировано в международно-правовом плане признание новой ситуации в Южном Вьетнаме — наличие двух зон контроля, двух властей. Последние части американского экспедиционного корпуса были выведены из Южного Вьетнама. Американское командование провело 29 марта в Сайгоне церемонию спуска флага.

Мировая прогрессивная общественность расценила подписание Парижского соглашения как большую победу вьетнамского народа и всех миролюбивых сил, открывшую новые возможности для развития Вьетнама по пути мира, независимости, единства и прогресса. В официальной пропаганде США это соглашение изображалось как некий успех американской дипломатии, сумевшей добиться «почетного» ухода американцев из Вьетнама и предотвратить ликвидацию проамериканского режима в Сайгоне. На деле же Парижское соглашение фактически было признанием правящими кругами США своего поражения в Азии и вместе с тем попыткой замаскировать это поражение, ослабить его негативные последствия.

Парижское соглашение могло явиться основой мирного урегулирования индокитайской проблемы. Однако вашингтонские руководители не оставили надежд на ликвидацию революционных и патриотических сил Южного Вьетнама. Они поощряли сайгонских милитаристов в их попытках возобновить гражданскую войну, сорвать выполнение соглашения, и в частности его статей о прекращении огня.

[52] Weekly Compilation of Presidential Documents, 1973, Jan. 29, p. 45.

Против районов, контролируемых Временным революционным правительством, совершались многочисленные вооруженные провокации. Сайгонский режим упорно отказывался освободить более 200 тыс. политических заключенных. Реакционная и воинственная политика правительства Тхиеу способствовала быстрому падению его престижа не только в Южном Вьетнаме, но и на международной арене. Вьетнамский фактор был одним из главных факторов «кризиса доверия» администрации США, который привел к отставке Р. Никсона с поста президента в августе 1974 г. Новый президент Дж. Форд столкнулся с большими трудностями в проведении политики «вьетнамизации» войны, в получении санкции конгресса на оказание помощи режиму Тхиеу. В 1974 г., например, конгресс заставил администрацию Форда вдвое сократить запрошенную на 1975 г. сумму ассигнований для поддержки сайгонских властей [53].

Тем не менее вопреки принятым обязательствам Соединенные Штаты продолжали признавать именно этот режим в качестве единственно законного южновьетнамского правительства, оказывали ему политическую поддержку и материально-финансовую помощь. В Южном Вьетнаме в это время находилось до 25 тыс. американских военных советников, замаскированных под гражданских лиц, а также многочисленные сотрудники аппарата военного атташе и «генеральных консульств» США, которые в действительности являлись органами штабного управления. Весь этот персонал был занят руководством операциями сайгонской армии против освобожденных районов.

Накануне подписания Парижского соглашения сайгонской армии были переданы боевая техника, снаряжение, военные базы и вооружение американских войск, выводимых из Южного Вьетнама. Общая стоимость переданного составила около 3 млрд. долл. Грубо нарушая статьи соглашения, запрещавшие ввоз в Южный Вьетнам оружия, Соединенные Штаты предоставили сайгонским властям в 1973 г. военную помощь в размере 2270,5 млн. долл. и за 1973—1974 гг. поставили дополнительно 1 млн. т боеприпасов, 1100 танков и бронетранспортеров, 800 артиллерийских орудий, 700 самолетов и вертолетов, 200 военных кораблей и катеров [54]. Эта помощь использовалась для непрекращавшихся враждебных действий против ВРП РЮВ. А Вашингтон тем временем периодически выступал с обвинениями в адрес ДРВ по поводу «нарушений» Парижского соглашения, угрожал возобновить свое прямое вооруженное вмешательство в Индокитае и даже вновь начать бомбардировки Северного Вьетнама.

Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам, как и правительство Демократической Республики Вьетнам, строго соблюдало все положения Парижского соглашения. Однако, столкнувшись с многочисленными фактами саботажа Соглашения со стороны сайгонских властей, которые встречали поддержку и одобрение Вашингтона, оба правительства были вынуждены разработать новую стратегию и тактику борьбы за завершение освобожде-

[53] Viet-Nam: A History in Documents, p. 445—448.
[54] Вьетнам в борьбе, с. 143—144.

ния Юга и воссоединение Вьетнама. С конца 1973 г. Народные вооруженные силы освобождения Южного Вьетнама возобновили активные боевые действия, нанеся марионеточным войскам ряд тяжелых поражений.

В январе 1975 г. ЦК ПТВ принял решение о нанесении стратегического удара по сайгонской армии как в сельской местности, так и в городах.

В конце марта НВСОЮВ начали наступление на Сайгон. Эта последняя, решающая операция получила имя президента Хо Ши Мина. За несколько недель боев войска патриотов уничтожили и рассеяли значительную часть марионеточной армии. «Президент» Тхиеу 21 апреля «ушел в отставку» и через несколько дней бежал из страны. США срочно эвакуировали из Сайгона несколько десятков тысяч гражданского и военного персонала во главе с послом Г. Мартином.

Утром 30 апреля 1975 г. был освобожден Сайгон, и власть на всей территории Южного Вьетнама полностью перешла в руки Временного революционного правительства. «Победа Вьетнама открыла новые горизонты перед всей Юго-Восточной Азией. Это — славная победа. Она навсегда войдет в историю борьбы народов за свободу и социализм» [55].

Триумфом патриотических сил в Южном Вьетнаме завершился многолетний индокитайский конфликт, в разжигании которого Соединенные Штаты сыграли активную и бесславную роль. Участие в войне против вьетнамского народа — одна из позорнейших страниц в экспансионистской политике США.

В апреле 1976 г. в Северном и Южном Вьетнаме были проведены выборы в единое Национальное собрание страны, в которых приняли участие почти 99 % избирателей. Успех выборов свидетельствовал о всенародной поддержке курса Партии трудящихся Вьетнама на воссоединение родины. 2 июля 1976 г. было провозглашено образование Социалистической Республики Вьетнам. Столицей СРВ стал Ханой. В целях увековечения памяти вождя вьетнамской революции, первого президента независимого Вьетнама Хо Ши Мина Сайгон был переименован в Хошимин.

[55] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 6.

Экономическая экспансия США в страны Юго-Восточной Азии

В. В. БОЙЦОВ

Накануне второй мировой войны прямые американские частные инвестиции в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА) насчитывали 290 млн. долл., или более 15 % всех иностранных капиталовложений в регионе. Направляя капитал в страны ЮВА, монополии США не только надеялись на высокую прибыль, но и рассчитывали получить доступ к некоторым видам сырья, в котором нуждалась их промышленность, прежде всего к натуральному каучуку, олову, сырой нефти, древесине и др.

56 % американских частных инвестиций в ЮВА падало на долю Филиппин, служивших главным объектом экономической экспансии США в этом регионе. Пользуясь своими привилегиями, американский капитал захватил ведущие позиции в стране. Монополии США контролировали здесь производство большинства важнейших товаров — сахара-сырца, продуктов кокосовой пальмы, абаки, золота. Им принадлежали также крупные капиталовложения в производственной инфраструктуре, банковском деле, торговле.

34 % американского частного капитала размещалось в Индонезии, где преобладающее положение занимали голландские инвеститоры. Тем не менее США удалось проникнуть в такие важные отрасли индонезийской экономики, как нефтедобывающая и каучуковая, где они захватили заметные позиции.

До 8 % американского капитала приходилось на Малайю [1]. Почти весь он был инвестирован в каучуковые плантации. Господствующее же положение в этой британской колонии оставалось за английскими предпринимателями.

Позиции американских монополий в других странах ЮВА были еще слабее. Однако США являлись главным покупателем продукции, производимой в регионе. За счет поставок из ЮВА американская индустрия почти целиком обеспечивала свои потребности в каучуке, олове, копре, пальмовом масле, некоторых волокнистых культурах (абаке, капоке, сизале), осуществляла половину импорта сахара-сырца.

Европейские монополии охотно вывозили в США,прямо или путем реэкспорта, сырье из своих колоний. Опасаясь конкуренции, они в то же время препятствовали продвижению американских промышленных товаров на рынки региона. Поэтому экспорт США в страны ЮВА, за исключением Филиппин, был невелик.

В годы японской агрессии хозяйство стран ЮВА пришло в упадок. Многие экономические объекты, в том числе принадлежавшие европейским и американским компаниям, оказались разрушенными.

[1] *Подсчитано по: Callis H. S.* Foreign Capital in Southeast Asia. N. Y., 1942, p. 13, 16, 32, 36, 55, 82.

Развернувшееся вслед за изгнанием японских оккупантов движение народов за освобождение от колониального ига, непрекращавшаяся внутриполитическая борьба, периодически выливавшаяся в вооруженные конфликты, нестабильность и неясность ситуации, угроза национализации в уже освободившихся государствах, продолжавшееся ухудшение материальных условий функционирования частного капитала, особенно дезорганизация производственной инфраструктуры, сдерживали приток частного капитала из США, а временами даже вызывали некоторый его отлив.

С другой стороны, США, испытывая возрастающий интерес к стратегическому сырью, добываемому в ЮВА, и пользуясь ослаблением здесь в результате второй мировой войны политического влияния и экономического потенциала европейских колониальных держав и Японии, сумели значительно ускорить темпы внешнеторговой экспансии в регионе. Особенно выросли масштабы их товарного экспорта, не знавшего в первые послевоенные годы серьезной конкуренции со стороны западноевропейских и японских производителей. Вывоз из США в страны ЮВА в 1948 г. увеличился по сравнению с 1938 г. в 5 раз, а доля американского импорта в общем ввозе в рассматриваемые страны выросла вдвое, достигнув 30 %[2].

Стабилизация в 50-х годах ориентировавшихся на союз с империализмом режимов на Филиппинах, в Малайе и Таиланде, достигнутая при военно-политической и экономической поддержке США и их европейских партнеров, восстановление и расширение в большинстве стран региона сети производственной инфраструктуры, стимулированное инъекциями американского государственного капитала, усиление интереса правящих кругов и монополий США к богатым ресурсам стратегического сырья в государствах региона, а также высокая прибыль на инвестированный капитал (в 1961 г. — 15—16 %) — все это способствовало возобновлению притока американских инвестиций в ЮВА. С 1950 по 1961 г. прямые частные капиталовложения США увеличились в этом регионе почти в 3 раза, составив 634—702 млн. долл. Быстрее всего возрастали они на Филиппинах, где их удельный вес в общем объеме американских частных инвестиций в ЮВА достиг в 1961 г. 63—69 %, против 24—26 % в Индонезии и 7—8 % в Малайе.

Однако, несмотря на указанное оживление деятельности американских монополий, темпы роста их капиталовложений в регионе отставали от общих темпов увеличения частных инвестиций США за рубежом. Что же сдерживало рост американского капитала в ЮВА? Прежде всего — неблагоприятные, с точки зрения потенциальных инвеститоров, политические условия: острые внутренние конфликты во многих странах региона, частая смена их правительств, а главное, развертывавшаяся там борьба вокруг вопроса о путях дальнейшего социального и экономического развития.

[2] Подсчитано по: Direction of International Trade: Annual Data for Years 1938, 1948 and 1955—1958. N. Y., 1959, p. 60, 259, 277, 283, 289, 293, 297.

Особенно отрицательной была реакция США на проводимое Индонезией со второй половины 50-х годов ограничение и вытеснение иностранного частного капитала, экспроприацию голландской собственности и взятие под контроль американских инвестиций. Ответом США на эти действия индонезийского правительства было изъятие из экономики страны части ранее размещенных там капиталовложений.

В тот же период монополии США, вопреки интересам стран ЮВА, нашли более выгодным уменьшить закупки у них натурального, прежде всего сельскохозяйственного, сырья за счет расширения собственного производства его искусственных заменителей, вызвав тем самым сокращение экспортной выручки этих стран. Одновременно рост конкуренции на рынках региона на ввозимую туда продукцию со стороны других империалистических держав, главным образом Японии, вызвал замедление темпов американской товарной экспансии. В результате место крупнейшего поставщика товаров в ЮВА, принадлежавшее ранее США, заняла Япония.

Если вывоз частного капитала из США и внешнеторговая экспансия американских монополий в ЮВА осуществлялись в 50-х годах в сравнительно небольших масштабах, то экспорт туда государственного капитала получил значительно больший размах. Почти весь этот капитал направлялся в виде так называемой «помощи», т. е. субсидий, льготных кредитов и займов. Пользуясь заинтересованностью освободившихся стран региона в указанных средствах для решения острых текущих экономических и социальных проблем и обеспечения программ долгосрочного развития США, навязывали им «помощь» в такой форме и на таких условиях, чтобы она могла быть использована в интересах достижения основной цели американского империализма в ЮВА — закрепления освободившихся государств в мировой капиталистической системе на положении эксплуатируемого района и вовлечения их в фарватер внешней политики Вашингтона.

В первые послевоенные годы американские правящие круги направляли подавляющую часть своих субсидий, льготных кредитов и займов в Западную Европу для поддержки западноевропейской буржуазии в деле защиты там капиталистических порядков. Объем «помощи» другим районам, в том числе ЮВА, был невелик. Всего в 1946—1948 гг. страны этого региона, вместе взятые, получали от США в среднем в год 136 млн. долл. в виде субсидий, льготных кредитов и займов. Более 80 % указанных средств пришлось на Филиппины, что было обусловлено особой заинтересованностью американских монополий в этой стране, как главном в то время объекте приложения их капитала в ЮВА. Предоставленная Филиппинам «помощь» предназначалась для борьбы с освободительным движением и восстановления отраслей хозяйства, обеспечивающих прибыли американских инвеститоров.

Провозглашение в 1949 г. в 4-м пункте так называемой «внешнеполитической программы Трумэна» курса по «спасению» для империализма бывших колоний вместе с возрастанием их удельного веса в агрессивных планах Вашингтона вызвало увеличение субсидий,

льготных кредитов и займов странам ЮВА, благодаря чему среднегодовые поступления указанных средств возросли в 1949—1961 гг. до 532 млн. долл.[3] В первую очередь они предназначались для поддержания антинародных режимов в странах, находившихся, по терминологии американских правящих кругов, под «угрозой коммунизма», т. е. там, где подъем национально-освободительного движения привел к созданию и укреплению органов народной власти, как, например, во Вьетнаме еще в рамках так называемого «французского» Индокитая, а после 1954 г. в южной части страны.

Другими основными получателями американской «помощи» стали партнеры США по агрессивному блоку СЕАТО — Таиланд и Филиппины. Субсидии, льготные кредиты и займы предоставлялись этим странам для укрепления существовавших там политических режимов, наращивания их военного потенциала и стратегического строительства в целях превращения их территории в плацдарм для агрессии против социалистических государств и вооруженного подавления очагов освободительного движения в соседних государствах [4]. Всего в 1949—1961 гг. на долю «французского» Индокитая, Южного Вьетнама, Таиланда и Филиппин пришлось 82 % американской «помощи» региону. $^4/_5$ ее носило откровенно военный характер.

Упорно не желая отказываться от планов закрепощения стран ЮВА в качестве периферии современного капитализма и вовлечения их в орбиту проимпериалистических союзов и военных блоков, Вашингтон перед лицом новых успехов национально-освободительного движения и других прогрессивных сил в регионе еще больше усилил вмешательство в его внутренние дела. Среднегодовые субсидии, льготные кредиты и займы рассматриваемым странам достигли в 1962—1976 гг. 2 млрд. долл., в результате чего они превратились в крупнейших их получателей. При этом США стали уделять больше внимания субсидированию и кредитованию экономических программ и проектов, чтобы иметь возможность активнее воздействовать на социально-экономические процессы в странах ЮВА в интересах усиления частнокапиталистических тенденций в их развитии и создания более благоприятных экономических и политических условий для эксплуатации местных трудовых и природных ресурсов. Наиболее быстрыми темпами возрастали субсидии, льготные кредиты и займы хозяйственного назначения Индонезии. Связано это было с решимостью Вашингтона оказать поддержку переменам в этой крупнейшей стране региона после переворота 1965 г., открывшим широкий простор для развития капиталистических отношений и экспансии иностранного капитала.

Увеличивая экономическую «помощь», правящие круги США одновременно продолжали наращивать субсидии, льготные кредиты

[3] Подсчитано по: US Overseas Loans and Grants and Assistance from International Organizations: Obligations and Loan Authorizations July 1, 1945 — September 30, 1980. Wash., 1981, p. 66, 70, 71, 73, 75—77, 79—81.

[4] Подробнее о блоковой политике США в ЮВА см. ниже: *Крутских А. В.* Блоковая политика США на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии.

и займы, предназначавшиеся на военные цели. Они с еще большим рвением, чем прежде, вооружали агонизирующие реакционные режимы в Восточном Индокитае, пытаясь спасти их от неминуемого краха, и превращали территории близлежащих государств в опорные базы для агрессии против народов, поднявшихся на борьбу за свое освобождение. Особенно возросли усилия США по милитаризации союзников после провозглашения в 1969 г. курса на так называемую «вьетнамизацию» войны в Индокитае, предусматривавшего ограничение прямого участия американских сухопутных войск в карательных операциях [5]. Всего в руки партнеров США в Южном Вьетнаме, Лаосе и Кампучии, а также Таиланде в 1962—1976 гг. попало 96 % военной «помощи» региону в целом.

Одновременно с ростом в 1962—1976 гг. субсидий, льготных кредитов и займов, предоставлявшихся странам ЮВА на двусторонней основе, увеличились и средства, направлявшиеся Вашингтоном в отдельные страны — Малайзию, Индонезию, Бирму и, до 1976 г., Лаос через империалистические консорциумы по оказанию «помощи». Усиление внимания американских правящих кругов к экспорту государственного капитала на коллективной основе было вызвано как стремлением мобилизовать финансовые ресурсы других основных капиталистических держав на усиление вмешательства во внутренние дела стран рассматриваемого региона, так и намерением поставить эти ресурсы под свой контроль. Особая заинтересованность США в последнем объясняется постепенной потерей ими ведущих позиций в сфере вывоза государственного капитала в ЮВА под натиском империалистических конкурентов, главным образом Японии.

К середине 70-х годов, после поражения американской агрессии против народов Восточного Индокитая, освобождения Южного Вьетнама и объединения страны, а также краха проамериканского режима Лон Нола и Кампучии и победы народно-демократической революции в Лаосе зона экономической экспансии США в регионе заметно сузилась. Примерно к тому же времени во многом благодаря крупным инъекциям американского государственного капитала обозначилась известная стабилизация социально-экономического и политического строя в государствах ЮВА, вступивших на путь капиталистического развития — Сингапуре, Малайзии, Таиланде, Индонезии и на Филиппинах.

Принимая это во внимание, США в обстановке валютно-финансового кризиса, обострившегося вследствие их агрессии в Восточном Индокитае, пошли на сокращение субсидий, льготных кредитов и займов указанным государствам и ужесточение условий их предоставления. В результате объем рассматриваемых финансовых средств в 1976—1980 гг. уменьшился в среднем в год до 444 млн. долл.[6] Сократилась среди них доля субсидий. Повысились учетные ставки. Умень-

[5] Об американской агрессии на Вьетнаме и «вьетнамизации» войны в Индокитае см. выше: *Рогачев И. А.* Агрессия американского империализма против Вьетнама.

[6] Подсчитано по: US Overseas Loans and Grants. . ., p. 66, 70—71, 73, 75—77, 79—81.

шились сроки погашения кредитов и займов. В отличие от ранее существовавшей практики все долги по ним должны были теперь оплачиваться только в долларах США. Подтверждалось, что «помощь» на конкретные программы и проекты, к участию в реализации которых проявляли интерес американские фирмы, по-прежнему будет предоставляться в «связанной» форме, предусматривающей приобретение товаров и услуг в счет отпущенных средств в стране-доноре у заинтересованных фирм, т. е. по завышенным ценам. Поставки оружия, боеприпасов, военной техники и запасных частей к ним почти полностью переводились на коммерческую основу. Вашингтон, продолжая навязывать странам капиталистической ориентации военное снаряжение с целью подтолкнуть их к созданию проимпериалистического военного блока, направленного против соседних прогрессивных государств, в то же время рассчитывал взвалить на них огромное бремя расходов ради военно-политических интересов США и прибылей производителей оружия.

Американские правящие круги, сокращая «помощь» странам региона, параллельно увеличили коммерческие кредиты и займы, предоставляемые кредитно-финансовыми институтами, специализирующимися на финансировании экспорта, главным образом Экспортно-импортным банком США. Отмеченный рост коммерческих кредитов и займов и ужесточение условий «помощи» являются свидетельством усиления финансовой эксплуатации стран ЮВА со стороны американского государственного капитала.

Как только монополии США пришли к убеждению, что Сингапур, Малайзия, Филиппины, Таиланд и Индонезия достаточно прочно утвердились на капиталистическом пути развития, они резко активизировали свою экономическую экспансию в этих странах. Общая сумма их инвестиций увеличилась там за 1962—1983 гг. в 12—13 раз, достигнув 7,9 млрд. долл. Благодаря этому США на рубеже 60—70-х годов сумели выйти на первое место по объему частных капиталовложений во всех вышеперечисленных странах, вместе взятых.

Оживлению инвестиционной деятельности американских монополий в указанных странах способствовали: законодательные акты, принятые в этих странах в 60—70-х годах и рассчитанные на привлечение иностранных предпринимателей, создание там под нажимом США современных инфраструктурных объектов, возрастание в обстановке сырьевого кризиса и научно-технической революции (НТР) заинтересованности в ЮВА как объекте приложения капитала и, особенно, специальные меры правительства США по поощрению экспорта американских частных инвестиций.

Правительство США, поддерживая вывоз американского частного капитала в рассматриваемые страны, содействует удовлетворению непосредственных потребностей американских монополий, заинтересованных в извлечении прибыли на инвестированный капитал, расширении экспорта товаров, сопутствующего его вывозу, получении доступа к источникам сырья и установлении контроля над развивающейся обрабатывающей промышленностью стран ЮВА. В то же время, учитывая стимулирующее воздействие американских частных

инвестиций на развитие частнокапиталистических отношений в молодых государствах, оно поощряет размещение этих инвестиций в странах региона в целях укрепления капиталистического строя.

Основными инструментами, используемыми правительством США для поощрения вывоза американского частного капитала в ЮВА являются: информационное обслуживание потенциальных инвесторов и финансирование их деятельности; налоговые льготы на экспортируемый капитал и извлекаемую прибыль; давление на правительства стран региона с целью обеспечить для него максимально благоприятные условия; а также страхование (гарантирование) инвестиций от убытков в результате экспроприации, военных действий и запрета на перевод прибылей.

Американские монополии, экспортируя капитал в страны региона, как и прежде, рассчитывают на максимализацию прибыли, захват внутренних рынков этих стран и обеспечение поступления оттуда сырья и топлива. Однако с середины 60-х годов они все чаще вывозят в ЮВА капитал в целях создания там периферии своей промышленности. Вместе с тем вследствие обострения в 70-х годах сырьевого кризиса и ослабления позиций американских монополий в нефтедобывающей промышленности на Ближнем и Среднем Востоке их интерес к сырьевым ресурсам региона, особенно нефти, существенно возрос, что вызывает увеличение американских капиталовложений в разработку этих ресурсов.

Отраслевая структура американских частных инвестиций в странах ЮВА в 60—70-х годах характеризуется опережающим ростом производственных капиталовложений в обрабатывающую индустрию при одновременном выдвижении и закреплении на ведущих позициях нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Рост капиталовложений в обрабатывающую индустрию региона вызван постепенным переводом сюда некоторых трудоемких, материало- и энергоемких, а также «грязных» видов производства. Приближая предприятия к источникам сырья и энергии, экономя на строительстве очистных сооружений и используя дешевую местную рабочую силу, американские предприниматели снижают себестоимость продукции и повышают ее конкурентоспособность.

Из отраслей обрабатывающей промышленности американские инвесторы наряду с нефтепереработкой отдают предпочтение электронике и радиотехнике, химической и пищевкусовой индустрии, а также металлообработке и машиностроению. Предприятия нефтеперерабатывающей, электротехнической и радиоэлектронной промышленности располагаются главным образом в Сингапуре, а также Малайзии, химической и пищевкусовой — на Филиппинах, металлообрабатывающие и машиностроительные — в Сингапуре.

Почти весь частный капитал США в регионе находится в руках транснациональных корпораций (ТНК). Стремясь расширить экономическую экспансию в регионе, ТНК выступают за отмену всех ограничений во взаимной торговле, а также при переводе капиталов из одной страны ЮВА в другую. Они полагают, что устранение экономических барьеров между этими странами позволит американ-

скому капиталу и товарам, произведенным на принадлежащих ему предприятиях, беспрепятственно перемещаться в регионе. Поэтому ТНК подталкивают процесс экономической интеграции в ЮВА.

Американские монополии создают в регионе филиалы и предприятия, занимаются эксплуатацией его природных ресурсов на концессионной основе, скупают ценные бумаги. С конца 60-х — начала 70-х годов они все чаще направляют инвестиции в смешанные компании и предприятия с участием как частного национального капитала, так и государственного. Размещая инвестиции в смешанных компаниях и предприятиях, ТНК рассчитывают надежнее защитить их от национализации и одновременно извлечь конкретные экономические выгоды — получить право на налоговые льготы и займы от местных кредитных учреждений и др.

Начиная примерно с 70-х годов монополии США вместе со своими империалистическими партнерами и конкурентами по экономической экспансии в ЮВА приступили к созданию совместных многонациональных корпораций (МНК). Первые МНК в регионе при участии американского капитала появились в нефте- и горнодобывающей промышленности. Их образование означало новую попытку капиталистических государств Северной Америки, Западной Европы, а также Австралии и Японии перераспределить и закрепить за собой источники сырья в ЮВА. Американские монополии, финансируя МНК, надеялись не только получить причитающуюся им продукцию и прибыль, но и утвердить контроль над деятельностью этих корпораций.

Вместе с ростом инвестиций в производственную сферу стран региона наблюдается и активизация банковского капитала США. Большинство отделений и представительств американских банков сосредоточено в Индонезии, на Филиппинах и особенно в Сингапуре, превратившемся в региональный финансовый центр монополий США. Они финансируют деятельность ТНК в ЮВА, кредитуют местные предприятия, скупают акции производственных компаний, размещают активы в национальных кредитных организациях, создают совместно с местными, а также японскими и западноевропейскими банками смешанные финансовые учреждения, стараясь опутать цепями финансовой зависимости развивающееся хозяйство молодых государств.

Как правило, принадлежащие монополиям США заводы работают по американской технологии и используют компоненты, узлы и детали, изготовленные на их предприятиях за пределами региона, обычно в США. В свою очередь, продукция, производимая в ЮВА при участии находящихся под контролем американского частного капитала ТНК, чаще всего импортируется США для последующей переработки на материнских предприятиях. Сбыт товаров в таких случаях выступает не как акт внешней торговли, а как движение продукта между цехами одного производства. Пользуясь этим, ТНК не только устанавливают контроль над развивающейся промышленностью стран региона, но и получают возможность диктовать цены на экспортируемые и импортируемые ими изделия.

Главным объектом экспансии американского частного капитала в ЮВА в 60—70-х годах стала Индонезия. Благодаря его быстрому росту в нефтедобывающей промышленности совокупный объем частных инвестиций США в этой стране к 1983 г. составил 3,0 млрд. долл., или 37,9 % всех американских частных капиталовложений в регионе.

Заметно увеличились аналогичные капиталовложения также в Сингапуре, достигнув 1,9 млрд. долл. По их объему Сингапур вышел на второе место в ЮВА. Размещаются они в основном в нефтеобрабатывающей, а также электротехнической и радиоэлектронной промышленности, машиностроении. Здесь открыты многочисленные отделения и филиалы крупнейших торговых фирм, банков и страховых обществ. Функционирует азиатский рынок долларов.

Несмотря на известный рост американского частного капитала на Филиппинах, его доля во всех частных инвестициях США в регионе значительно уменьшилась, снизившись до 13,9 %[7]. Основные сферы его приложения: традиционные — пищевкусовая промышленность, торговля, банковское дело, добывающая индустрия и новые — химическая промышленность, электротехника и радиоэлектроника, переработка нефти.

Относительный объем американских частных капиталовложений в Малайзии и Таиланде невелик. Направляются они в первую очередь в нефтедобывающую и нефтеперерабатывающую промышленность этих стран, электротехнику и радиоэлектронику (в Малайзии) и пищевкусовую индустрию (в Таиланде).

Рост экспорта государственного и частного капитала США в страны ЮВА, наметившийся в начале 60-х годов, постепенное втягивание их в производственную структуру американских монополий и повышение под воздействием НТР спроса на некоторые виды производимого там сырья позволило США активизировать внешнеторговую экспансию в регионе. Американский вывоз в ЮВА за 1963—1983 гг. увеличился в 17,9, а ввоз оттуда — в 19,9 раза[8]. Возрос удельный вес региона во всем внешнеторговом обороте США. В структуре их экспорта в страны ЮВА благодаря ускорению там темпов индустриализации и опережающему росту американских капиталовложений в обрабатывающую промышленность этих стран более заметное место заняло промышленное оборудование. В импорте в связи с увеличением потребностей современного хозяйства в энергоносителях и скачком цен на них особенно возросла роль нефти.

Основным потребителем дорогостоящего промышленного оборудования, а также компонентов, деталей и узлов, изготовляемых в США, стал Сингапур — крупнейший индустриальный центр региона. К концу 70-х годов он превратился в главного потребителя товаров американского происхождения в ЮВА. Ведущие позиции в импорте США из стран региона перешли к Индонезии, основному среди них производителю нефти.

[7] Подсчитано по: Survey of Current Business, 1984, N 8, p. 29.

[8] Подсчитано по: Direction of Trade. Annual 1961—1965 Wash., 1965, p. 287, Direction of Trade Statistics. Yearbook 1984. Wash., 1984, p. 385—386.

Монополии США, приобретая в ЮВА сырье, стараются оплачивать его поставки по минимальным ценам. Они неоднократно, вопреки протестам Малайзии, Индонезии и Таиланда, выбрасывали на мировой рынок олово из своих так называемых «стратегических запасов», добивались снижения на него цен, а затем по новым, заниженным ценам скупали еще в большем количестве, нанося тем самым ущерб экономике стран-производителей. Защищая свои прибыли, американские монополии, несмотря на многочисленные требования государств региона, затрудняют доступ их готовой продукции на рынок США.

Экспорт американского частного капитала и внешнеторговая экспансия США в ЮВА в 60—70-х годах осуществлялись в соперничестве с другими империалистическими державами, главным образом Японией. Последняя, вынашивая планы создания «азиатско-тихоокеанского сообщества» под своей эгидой и поощряемая американскими правящими кругами к более активному вмешательству в дела региона в общеимпериалистических целях, приступила с середины 60-х годов к резкому расширению масштабов экономической агрессии в ЮВА. Опираясь на растущую экономическую мощь и пользуясь географической близостью к региону, Япония сумела потеснить там американские монополии как в сфере вывоза частного капитала, так и особенно во внешней торговле. Захватив к началу 60-х годов ведущие позиции в импорте ЮВА, она в дальнейшем не только упрочила их, но и, обойдя США, вышла на первое место в общерегиональном экспорте. Лишившись после второй мировой войны заграничных активов, Япония приступила вновь к экспорту частного капитала только в 1951 г. Однако благодаря относительно высоким темпам прироста инвестиций ей удалось обойти всех конкурентов и занять первое место по объему размещенного в ЮВА частного капитала.

Однако, несмотря на относительное ослабление позиций американских монополий в ЮВА в конце 70-х—начале 80-х годов, абсолютные масштабы эксплуатации этого региона с их стороны не только не сократились, но даже, напротив, расширились. Так, средняя норма прибыли на инвестированный ими туда капитал возросла с 1961 по 1981 г. более чем в 3 раза, достигнув 49,2 %. Благодаря такому быстрому увеличению нормы прибыли и усиливающемуся притоку капиталовложений доходы американских монополий в ЮВА за указанный период выросли с 0,1 до 3,1 млрд. долл.[9]

Столь значительные доходы, получаемые американскими монополиями в странах региона, являются прежде всего следствием жестокой эксплуатации трудящихся этих стран. Даже в Сингапуре, где уровень заработной платы в промышленности выше, чем в других странах ЮВА, он в 1983 г. уступал таковому в США в 2,5 раза. Рабочая неделя на промышленных предприятиях в регионе также заметно продолжительнее, чем в США — в том же Сингапуре, например, в 1,4 раза [10]. Эксплуатации местной рабочей силы благоприят-

[9] Подсчитано по: Survey of Current Business, 1963, N 8, p. 18—19; 1982, N 8, p. 28
[10] Подсчитано по: UN Yearbook of Labour Statistics 1984 Geneva, 1984, p. 535—536, 599—600.

ствует и ограниченность в большинстве стран ЮВА трудового законодательства. Так, на Филиппинах рабочим филиалов и дочерних предприятий иностранных компаний запрещено вступать в профсоюзы, а в экспортных отраслях участвовать и в забастовках [11]. По данным на 1979 г., норма эксплуатации в обрабатывающей индустрии в Индонезии, Малайзии, Сингапуре и на Филиппинах оставалась в 1,2—1,9 раза выше, нежели в США [12].

Извлекаемые доходы позволяют американским монополиям расширять старые и создавать новые заграничные филиалы и дочерние компании в ЮВА в основном за счет капитализации части прибыли, созданной трудом местной рабочей силы. Например, на Филиппинах в 1961—1983 гг. из 688 млн. долл. американских частных инвестиций, размещенных там за эти годы, 465 млн. долл. пришлось на реинвестиции и только 223 млн. были экспортированы из США. В то же время в руках американских монополий после уплаты налогов, других отчислений и расходов на производственные цели осталось 1,8 млрд. долл. Таким образом, они получили возможность на каждый ввезенный на Филиппины доллар импортировать оттуда и использовать для модернизации и расширения материнских предприятий, а также экспансии в третьи страны 8,2 долл.[13]

Все эти факты опровергают мнение апологетов американского империализма об экономической целесообразности привлечения в страны ЮВА частного капитала из США. Напротив, огромные размеры собираемой американскими монополиями дани резко обостряют проблему накопления в этих странах и сокращают возможности их капиталовложений в собственное хозяйство.

Не выдерживает критики и тезис американской пропаганды о благотворном воздействии на экономику стран региона империалистических, и в том числе американских, субсидий, кредитов и займов, как государственных, так и частных. Прежде всего США, другие империалистические державы и их международные финансовые институты связывают предоставление субсидий, кредитов и займов с различными условиями, чаще всего с требованиями льгот и привилегий, облегчающих торговую экспансию монополий в эти страны, создания там благоприятной ситуации для расширения безопасного и прибыльного инвестирования капитала, в частности путем девальвации национальных валют, сокращения государственных расходов, введения новых налогов, отказа от строительства крупных промышленных объектов и фактического снижения жизненного уровня трудящихся.

Получая империалистические кредиты и займы, страны ЮВА попадают в безвыходную долговую кабалу. Чем больше выделяется

[11] Сверхмонополии в Юго-Восточной Азии. М., 1983. с. 24

[12] Подсчитано по: UN Yearbook of Industrial Statistics 1981. N. Y., 1983, vol. 1, p. 257, 259, 357, 360, 364, 366, 369—370, 449, 452, 492, 494, 587, 590.

[13] Подсчитано по: Survey of Current Business, 1963, N 8, p. 18—19; 1964, N 8, p. 10—11; 1966, N 9, p. 34—35; 1968, N 10, p. 24—25; 1970, N 10, p. 28—29, 1972, N 11, p. 28, 30; 1974, N 8, p. 18, 20; 1976, N 8, p. 52—55; 1978, N 8, p. 31—32, 35—36; 1980, N 8, p. 30—31, 35—36; 1982, N 8, p 25—28; 1984, N 8, p. 29, 34—35

им указанных средств, тем заметнее усиливается финансовая эксплуатация их со стороны империалистических государств и отдельных монополий, увеличивается внешний долг и сумма ежегодных выплат по нему, ухудшается валютно-финансовое положение. В результате эти страны оказываются во все более глубокой и прочной зависимости от основных центров современного империализма, в первую очередь от США и Японии. Так, если в 1973 г. внешний долг Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин, вместе взятых, составлял 7,7 млрд. долл., то к 1982 г. он возрос до 34 млрд. долл. Одни ежегодные платежи по нему в том же 1982 г. оценивались в 4,1 млрд. долл [14].

Что касается процесса индустриализации хозяйства стран региона, наметившегося там в 60—70-х годах, то он проходит под контролем американских монополий. Последние финансируют и поощряют развитие в этих странах только производств, рассчитанных на вывоз продукции, а также захват их внутреннего рынка. Предприятия, создаваемые при участии этих монополий, как правило, слабо связаны с другими объектами национальной экономики и не являются составной частью внутренней промышленной структуры стран ЮВА. Насаждаемая таким образом индустриализация усиливает их внутриотраслевые, межотраслевые и территориальные диспропорции. В ходе ее страны региона вовлекаются в новое международное разделение труда, превращаясь из аграрно-сырьевого придатка американского империализма в индустриально-сырьевой.

Грабительская политика американских монополий, присвоение ими господствующих позиций в развивающейся промышленности региона, захват рынка готовых изделий, жестокая эксплуатация трудящихся ведут ко все большему закабалению экономики стран ЮВА и обрекают основную массу их населения на нищету и безработицу. Постоянным спутником жизни в этих странах стал быстрый и неуклонный рост цен на товары широкого потребления, что отрицательно сказывается на положении большинства их жителей. Только за 10 лет, с 1972 по 1982 г., индекс потребительских цен увеличился в Малайзии (Западной) в 1,8 раза, в Сингапуре и на Филиппинах — 1,9, в Таиланде — 2,5 и в Индонезии (в 1970—1978 гг.) — 3,5 раза [15].

Наряду с ростом стоимости жизни другой острейшей социально-политической проблемой стран региона стала хроническая массовая безработица. Численность только официально зарегистрированных безработных составила в 1982 г. на Филиппинах 1093 тыс. человек, в Индонезии — 368 тыс., в Таиланде (в 1980 г.) — 204 тыс. человек [16].

Попытки стран ЮВА добиться изменения в благоприятном для себя направлении условий экономических и торговых связей с США, предпринимаемые ими со второй половины 70-х годов, не увенчались пока конкретными результатами из-за нежелания американских монополий поступиться хотя бы толикой своих доходов.

[14] Подсчитано по: Statistical Abstract of the United States 1984. Wash., 1984, p. 889.
[15] Подсчитано по: UN Yearbook of Labour Statistics 1984, p. 276—278.
[16] Подсчитано по: Ibid, p. 453—454.

Блоковая политика США на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии

А. В. КРУТСКИХ

Страны Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Океании занимали особое место в военно-блоковых планах США. Они являлись традиционными объектами американской экспансии. Правящие круги США были заинтересованы в беспрепятственном использовании природных богатств азиатских стран бассейна Тихого океана. Монополии США получали чрезвычайно высокую норму прибыли, создававшуюся неограниченной эксплуатацией местной рабочей силы.

Огромное значение для США и ныне имеет стратегическое положение восточноазиатского региона, его близость к границам социалистических стран. Соединенные Штаты привлекает перспектива превращения этой зоны в плацдарм агрессивной политики против СССР и его союзников.

Решающими причинами, побудившими США активизировать экспансию в тихоокеанскую Азию, безусловно, были стремление не допустить укрепления позиций социализма и предотвратить революционное воздействие его идей на умы азиатских народов; желание затормозить рост национально-освободительного движения в странах этого региона. Соединенные Штаты развернули энергичную деятельность по созданию в бассейне Тихого океана военно-политической системы «сдерживания коммунизма», основанной на наращивании американской военной мощи и установлении союзнических отношений с проимпериалистическими силами.

Уже в первые послевоенные годы в Соединенных Штатах было разработано несколько вариантов так называемого Тихоокеанского альянса. В Вашингтоне полагали, что в наибольшей степени интересам американской экспансии соответствовало бы создание в Восточной Азии максимально широкой группировки, охватывающей государства от Японии на севере до Австралии и Новой Зеландии на юге, от Индии на западе до Филиппин на востоке.

Однако в 1945—1949 гг. среди предполагаемых участников «системы региональной безопасности в Азии» не было столь необходимого для ее успешного образования единства по двум принципиальным вопросам: против кого данная система должна была быть направлена, кто должен был войти в состав ее членов.

Многие независимые азиатские страны, в том числе Индия и Индонезия, с подозрением отнеслись к антикоммунистическим лозунгам и вообще выступили против всяких блоков и соглашений, ограничивающих их суверенитет. Антисоветская направленность проектируемых пактов была непопулярна у азиатских народов, высоко ценивших вклад СССР в дело разгрома милитаристской Японии и освобож-

дения их от колониального гнета. Ряд азиатских государств выступили за политику нейтралитета и неприсоединения к военно-политическим блокам.

Когда на конференции азиатских государств, состоявшейся в январе 1949 г. в Дели, министр иностранных дел Филиппин К. Ромуло предложил создать «для охраны Дальнего Востока от коммунизма или другой иностранной идеологии могущественную постоянную организацию азиатских стран», которая опиралась бы на поддержку США, его призыв фактически не встретил поддержки.

После этой конференции Вашингтон через Филиппины предпринял еще один зондаж. В заявлении, сделанном в Манильском университете 26 апреля 1949 г., К. Ромуло попытался выдвинуть на передний план «мирную» сторону деятельности создаваемой организации — Дальневосточного пакта — для того, чтобы она выглядела более приемлемой для других стран Азии. Комментируя свою идею создания пакта, Ромуло изменил акценты и стал подчеркивать, что последний должен стать не «антикоммунистической», а «некоммунистической» организацией. Эти маневры также не поколебали отрицательного отношения к Дальневосточному пакту со стороны независимых азиатских государств.

В мае 1949 г. по наущению заокеанских покровителей южнокорейский режим предложил организовать под руководством США антикоммунистический союз с участием Австралии, Новой Зеландии и ряда латиноамериканских государств; однако и эта инициатива не нашла поддержки.

В июле 1949 г. в ходе переговоров Чан Кайши с президентом Филиппин Э. Квирино был выдвинут новый проект Тихоокеанского пакта. Приглашения присоединиться к нему были разосланы Южной Корее, Таиланду, Австралии, Новой Зеландии, Индии, Пакистану, Индонезии и другим странам. Из всех приглашенных только один Ли Сын Ман изъявил готовность вступить в этот блок. Реакция ведущих освободившихся государств Азии на планы Чан Кайши — Ромуло была негативной. В 1945—1949 гг. ни одна из сколько-нибудь значительных стран Южной и Восточной Азии не проявила желания участвовать в военно-политической интеграции.

Препятствовали созданию Тихоокеанского альянса и определенные противоречия в стане сторонников «тесного регионального сотрудничества». Причина их разногласий, по словам Дж. Ф. Даллеса, состояла в том, что «японская агрессия была настолько жива в памяти Австралии, Новой Зеландии и Филиппин, что они не хотели вступать в пакт о взаимном обеспечении безопасности, который включал бы Японию. Они боялись японской агрессии, с которой были знакомы по собственному опыту, больше, чем русской или китайской, которой никогда не испытывали» [1]. С большими оговорками шли на союз с Японией даже такие одиозные клики, как чанкайшистская и лисынмановская. В ходе визита на Филиппины в июле 1949 г. Чан Кайши очень сдержанно отреагировал на возможность присоединения Япо-

[1] Цит. по: Вопр. истории, 1968, № 2, с. 79.

нии к Тихоокеанскому пакту. Южная Корея также не собиралась вступать в один блок с Японией, во всяком случае до урегулирования проблем репатриации корейцев, находившихся в Японии, и возмещения ущерба, причиненного Корее за время оккупации. Военно-политический союз с бывшими завоевателями мог окончательно подорвать позиции Чан Кайши и Ли Сын Мана и разоблачить их как ставленников иностранного империализма в глазах китайского и корейского народов, не забывших тяжелые годы японского господства.

Помимо этого, в первое послевоенное пятилетие Австралия и Новая Зеландия не желали участвовать в одном блоке с марионеточными режимами Южной Кореи и Китая. Официальные круги тихоокеанских доминионов Англии стремились заключить с США сепаратный союз, обращенный против Японии. Проект такого союза (Южно-тихоокеанский пакт региональной безопасности) Австралия представила Вашингтону еще в 1945 г., но именно в силу его антияпонской направленности он был отвергнут Соединенными Штатами.

Любой пакт США рассматривали через призму борьбы с коммунизмом, и прежде всего с Советским Союзом. Япония, по их мнению, могла стать важной «сдерживающей СССР силой», антикоммунистическим форпостом Запада на Дальнем Востоке и поэтому должна была непременно участвовать в тех военно-политических комбинациях, которые предполагалось создать в Восточной Азии. «Наша цель, — писали теоретики американской политики, — укрепить два фронта, которые объединяют свободные районы, — один, опирающийся на индустриальные ресурсы и военную мощь Западной Германии, другой — на Японию» [2]. США стремились к объединению всех империалистических сил в бассейне Тихого океана под своей эгидой, но в тот момент эта далеко идущая стратегическая линия не находила должной поддержки в регионе.

В 1945—1949 гг. межимпериалистические противоречия между Соединенными Штатами и их потенциальными партнерами, проявившиеся в различном подходе к проблемам создания региональных объединений в бассейне Тихого океана и заключения мирного договора с Японией, не позволяли Вашингтону реализовать на том этапе идеи создания широкого блока в Восточной Азии.

Были и другие причины. Так, основываясь на экономическом и военном превосходстве над другими странами, США претендовали на особое положение в капиталистическом мире. В планируемом ими Тихоокеанском пакте они закрепляли за собой роль руководящей силы. США не собирались способствовать возрождению конкурентов на Азиатском континенте и поэтому отвергли проекты региональных объединений, предлагавшихся Англией, Австралией и Новой Зеландией, в которых Вашингтону отнюдь не была гарантирована роль лидера. На лондонской конференции глав правительств стран Британского Содружества, состоявшейся 23 апреля—3 мая 1946 г., премьер-министр Австралии Дж. Чифли выразил мнение, что Соеди-

[2] Pacific Security, Report by IPR. N. Y., 1952, p. 1.

ненные Штаты в будущей «системе региональной безопасности» в Азии должны занять место одного из участников, но отнюдь не лидера. Такая перспектива явно не устраивала Вашингтон, который рассматривал любые предложения о равноправном внутриблоковом сотрудничестве как ущемление своих интересов.

Победа в октябре 1949 г. китайской революции и образование Китайской Народной Республики изменила ситуацию в Азии. С поражением гоминьдановских армий рухнули надежды Вашингтона использовать Китай против Советского Союза и национально-освободительного движения. По мнению правящих кругов США, создалась непосредственная угроза позициям империализма во всей Восточной Азии. Успехи антиимпериалистической борьбы заставили азиатских патнеров США теснее сплотиться вокруг своего заокеанского покровителя. Они отбросили междоусобные распри и стали намного податливее в вопросах, связанных с образованием военно-политической организации для Восточной Азии. Таиланд, Южная Корея, режим Чан Кайши на Тайване, Филиппины начали демонстрировать больше единства во внешней политике, и особенно в отношении Японии.

Склонность к региональному сотрудничеству наблюдалась и в Токио. В апреле 1949 г. премьер-министр Японии Иосида заявил о желании Японии принять участие в региональной организации. Японский империализм надеялся, что, участвуя в азиатском военном блоке и опираясь на поддержку США, он сможет упрочить внутреннюю стабильность и восстановить былое положение в мире, а также укрепить свои позиции в отношении СССР и Китая.

Западноевропейские державы без поддержки США не могли справиться с национально-освободительным движением в зоне Тихого океана и Юго-Восточной Азии. Платой за американскую поддержку послужило признание за Соединенными Штатами лидерства в тихоокеанском бассейне и их руководящей роли в создаваемом военно-политическом альянсе в Восточной Азии. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в январе 1950 г. на конференции министров иностранных дел стран Британского Содружества в Коломбо, предложив свой план оказания экономической помощи слаборазвитым странам в качестве альтернативы соответствующим американским программам, Англия в конечном итоге была вынуждена разделить руководящую роль в его реализации с США.

На рубеже 40—50-х годов планы американских стратегов в области политики союзов в бассейне Тихого океана претерпели ряд изменений, однако суть их осталась прежней. США, как и раньше, рассчитывали объединить несоциалистические страны Азии и Тихого океана в общую группировку. В соответствии с проектом, выдвинутым, например, известным американским политологом Корбетом, на Азиатском континенте предполагалось создать «Индоазиатский союз», куда вошли бы Филиппины, Таиланд, Индокитай, Британская Малайя, голландские колониальные владения в Индонезии и Бирма. В свою очередь, этот союз должен был стать частью «Восточной лиги», которая включала бы еще дальневосточные страны, а также Индию, Пакистан и Цейлон.

Разрабатывавшаяся в то время Вашингтоном система «региональной безопасности» в Азии преследовала прежде всего военно-политические цели. Экономическое сотрудничество в ее рамках практически не учитывалось и должно было служить лишь прикрытием военных приготовлений.

«Восточной лиге» предстояло установить прочную связь с НАТО и Организацией американских государств. (На конференции министров иностранных дел Британского Содружества в январе 1950 г. представитель Новой Зеландии Ф. Дойдж открыто призвал к тому, чтобы тихоокеанский пакт стал «естественным продолжением» НАТО.) Это позволило бы Соединенным Штатам «замкнуть кольцо вокруг коммунизма» и тем самым создать вдоль границ СССР и остальных социалистических государств «санитарный кордон». Основой для такой связи была взаимная заинтересованность натовских держав в союзниках в тихоокеанском бассейне, а реакционных правителей восточноазиатских стран — в помощи европейских империалистов для борьбы с национально-освободительным движением.

Руководимая Вашингтоном блоковая система должна была направить объединенные усилия мирового капитализма против Советского Союза и национально-освободительных движений, а с осени 1949 г. еще и против КНР. Известный американский специалист по азиатским проблемам Э. Рейшауэр так характеризовал политику США в конце 40-х и в 50-е годы: «Наши действия в отношении Китая базировались на предпосылке, что Народная Республика была незаконным, порочным и экспансионистским режимом, который следовало сдерживать до тех пор, пока он не развалится или не начнет вести себя в соответствии с американскими интересами» [3].

Азиатско-тихоокеанские государства должны были в блоковой системе, проектируемой в 1949—1951 гг., стать опорой США в данном районе, американскими полицейскими; им надлежало поставлять живую силу для непосредственного участия в военных «акциях подавления и отпора». Глава группы американских военных советников в Южной Корее бригадный генерал Робертс заявлял: «Я убежден, что белых людей следует посылать в Азию только в случае крайней необходимости... Мы могли бы более эффективно использовать туземные войска вместо наших собственных. Мы могли бы им немного платить — 5 долл. в месяц и выдавать ежедневно чашку риса. Если бы они не стали воевать, мы не давали бы им есть» [4].

О внешнеполитических расчетах США в Азии недвусмысленно поведал Дж. Ф. Даллес 20 октября 1949 г. Газета «Нью-Йорк Таймс», комментируя его выступление, писала: «Для того чтобы принимаемые Соединенными Штатами меры против коммунизма в Китае не были ложно истолкованы как империалистические, Даллес рекомендовал руководящую роль в борьбе за пресечение коммунистической агрес-

[3] *Reischouer E.* The United States and China: The Next Decade. N. Y., 1970, p 131
[4] Цит. по: *Толченов М. П.* Военные блоки империалистических государств — угроза миру и безопасности народов. М., 1956, с. 8.

сии на Дальнем Востоке взять на себя тем, кто принадлежит к этому району и кровно заинтересован в этой борьбе» [5].

В условиях мощной национально-освободительной борьбы, развернувшейся в бассейне Тихого океана, Соединенные Штаты стремились объединить под своей эгидой империалистические и проимпериалистические силы этого региона. Их внешнеполитические акции встречали взаимопонимание у потенциальных союзников США. Так, министр иностранных дел Австралии П. Спендер, выступая в парламенте 9 марта 1950 г., заявил, что любое сотрудничество и любой Тихоокеанский пакт без США лишились бы содержания и были бы бессмысленными.

В 1949—1950 гг. высокопоставленные сотрудники госдепартамента США неоднократно совершали поездки по странам Восточной Азии с целью выяснения возможностей и подготовки условий для создания военно-политического блока. Одну из таких поездок совершил специальный представитель государственного секретаря США Ф. Джессеп. Идея объединения на антикоммунистической основе стран бассейна Тихого океана развивалась им в ходе встреч с лидерами Японии, Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, Сингапура, Филиппин, Индокитая и Таиланда. Для координации усилий американской дипломатии в данном направлении в феврале и мае 1950 г. (в Бангкоке и Токио) были проведены совещания руководящих дипломатов США, аккредитованных в азиатских странах.

В августе 1949 г. состоялась серия переговоров между министром иностранных дел Бирмы У. Е. Мауном с Д. Ачесоном в Вашингтоне, а затем с министром иностранных дел Англии Э. Бевином в Лондоне. В результате этих встреч «правительства США, Великобритании и Бирмы решили проводить секретные консультации относительно противодействия распространению коммунизма в Юго-Восточной Азии» [6].

В тот период наиболее значительный шаг в направлении создания военно-политической организации для Восточной Азии был сделан на конференции азиатских стран в Багио в мае 1950 г., созванной формально по инициативе Филиппин. В работе конференции приняли участие Индия, Пакистан, Цейлон, Бирма, Таиланд, Индонезия, Австралия и Новая Зеландия. На ней отсутствовали представители Тайваня и Южной Кореи, что свидетельствовало о том, что США решили «пожертвовать» Сеулом и Тайбеем, и без того связанными по рукам и ногам Вашингтоном и от него всецело зависящими, ради заключения союза с ведущими странами Азии.

Представитель Филиппин на открытии конференции заявил, что она должна наметить общие проблемы, вызывавшие необходимость единых действий, и определить механизм конкретного сотрудничества. Главной целью конференции прозападными странами было провозглашено «достижение более тесного сотрудничества между государствами Юго-Восточной Азии». Однако после предваритель-

[5] Цит. по: *Каранджия Р.* СЕАТО: безопасность или угроза? М., 1957, с. 106.
[6] New York Times, 1949, Aug. 26.

ного зондажа проекты создания постоянной региональной организации с политическими целями не были включены в повестку дня конференции. Не получил поддержки и более «безобидный» план представителя Филиппин К. Ромуло относительно создания специального политического комитета, который занялся бы разработкой проекта постоянной организации стран ЮВА и западной части Тихого океана. Замыслы неоколонизаторов были сорваны благодаря принципиальной позиции молодых суверенных государств во главе с Индией и Индонезией, решительно отказавшихся участвовать в каких-либо военных объединениях. Как писал журнал «Истерн Уорлд», конференция в Багио «не дала реальных результатов вследствие того, что многие страны не захотели примкнуть ни к одной из сторон в „холодной войне". Кроме того, сама идея регионального сотрудничества в том виде, в каком она была представлена в Багио, уже запятнала себя в глазах многих азиатских народов состоявшимися незадолго перед тем переговорами президента Э. Квирино с Ли Сын Маном и Пан Кай Имом по тем же самым вопросам» [7].

Конференция в Багио показала несостоятельность блоковых планов США. Говоря о необходимости тактических изменений в американской политике азиатских союзов, Дж. Ф. Даллес отмечал: «Мы пришли к выводу, что единственное, чего мы могли достичь быстро... это иметь систему отдельных пактов... Позиция США в отношении коллективной безопасности в Юго-Восточной Азии практически определилась к тому времени, когда в январе 1951 г. я отправился на Дальний Восток, чтобы содействовать организации пакта коллективной безопасности в этом районе. Наши усилия не имели успеха, так как мы не смогли объединить соглашения о коллективной безопасности в форму какой-либо организации широкого плана. Мы ограничились серией сепаратных соглашений...» [8].

США решили пойти по пути заключения двусторонних военных союзов со своими наиболее верными сторонниками, чтобы в будущем при более благоприятных условиях слить их в единую организацию, дополнив и укрепив ее новыми соглашениями с остальными азиатскими странами. «Общей целью, — писал профессор Н. Харпер, — по-прежнему оставалась консолидированная сеть взаимных союзов вместо отдельных связей с Соединенными Штатами, обеспечивавших ограниченные обязательства» [9]. Разгоревшаяся война в Корее побуждала США поторопиться с реализацией подобных планов.

Первой страной, с которой США оформили военно-политический союз в Юго-Восточной Азии, были Филиппины. Американо-филиппинский Договор о взаимной обороне был подписан 30 августа 1951 г. (вступил в силу 27 августа 1952 г.). Д. Ачесон так охарактеризовал его суть: «Нам нет необходимости еще раз заверять друг друга в том, что мы будем рассматривать нападение на одного из нас как нападение на самих себя. Договор заключен не с этой целью. Он заключен

[7] Eastern World, 1954, Sept., p. 22.
[8] New York Times, 1954, May 26.
[9] Цит. по: *Moore J.* The American Alliance. Melbourne, 1970, p. 97.

для того, чтобы продемонстрировать всему миру, что „Филиппины и Соединенные Штаты выступают вместе на Тихом океане“» [10]. Таким образом, Филиппины обязались всячески поддерживать авантюристическую политику Вашингтона.

1 сентября 1951 г. США заключили с Австралией и Новой Зеландией Тихоокеанский пакт (АНЗЮС), который заложил основу тесного военно-политического сотрудничества трех стран (вступил в силу 29 апреля 1952 г.). Сфера действия договора обозначена весьма широко и неопределенно — «район Тихого океана».

В преамбуле договора стороны преднамеренно отметили, что США имеют соглашения о размещении на Филиппинах американских вооруженных сил, несут «административные обязанности» на островах Рюкю и могут разместить свои вооруженные силы по мирному договору в Японии и вокруг нее. Следовательно, договор АНЗЮС относится к ситуациям, могущим возникать в будущем в связи с использованием вооруженных сил США с японских и филиппинских баз.

Два важных политических договора были заключены Соединенными Штатами с Японией. 8 сентября 1951 г. состоялось подписание Сан-Францисского мирного договора. Соединенные Штаты включили в этот договор положение, позволившее им впоследствии втянуть Японию в орбиту создаваемых военных блоков и союзов в Азии.

Договор с Японией, не содержащий никаких ограничений на ее перевооружение и милитаризацию, как справедливо отметил американский профессор У. Карлтон, «был не только мирным договором с поверженным врагом, но и основой цепи союзов, образующих систему обороны на Тихом океане» [11]. Столь же откровенен был и президент США Г. Трумэн. «Развитие региональных планов обороны на Тихом океане, — писал он в послании Сан-Францисской мирной конференции, — предусматривает, что оборонительные вооруженные силы Японии, которые могут быть созданы, будут объединены с оборонительными вооруженными силами других стран в этом районе... Поэтому весьма важно включить Японию как можно скорее в число участников соответствующих соглашений о безопасности ... в районе Тихого океана...» [12].

Тогда же окончательно оформился американо-японский военно-политический союз, направленный против революционных процессов в Азии, подписанием Договора безопасности между США и Японией. Соединенным Штатам было предоставлено право в течение длительного времени держать свои сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы в Японии и поблизости от нее и использовать их по просьбе японского правительства для устранения «внешней угрозы» стране или для подавления возможных «внутренних крупных бунтов и беспорядков».

[10] New York Times, 1951, Aug. 13

[11] *Carleton W. G.* The Revolution in American Foreign Policy, Its Global Range. N. Y., 1964, p. 195.

[12] Press Bulletin, 1951, Sept. 5 (US Embassy in Moscow, USSR).

1 октября 1953 г. был подписан американо-южнокорейский Договор о взаимной обороне (вступил в силу 17 ноября 1954 г.). Он по примеру всех предыдущих закреплял фактическую подчиненность еще одного «младшего партнера» США интересам американской стратегии в бассейне Тихого океана. Южная Корея превращалась в важную военную базу вооруженных сил США на Дальнем Востоке. Военно-политический союз между Вашингтоном и Сеулом стал одним из основных препятствий на пути борьбы корейского народа за демократическое объединение страны.

Новым звеном в сколачиваемой Соединенными Штатами восточноазиатской цепи агрессивных союзов явился американо-тайваньский пакт. Договор о взаимной обороне между США и режимом Чан Кайши был подписан 2 декабря 1954 г. (вступил в силу 3 марта 1955 г.). Приняв 29 апреля 1955 г. так называемую Формозскую резолюцию, конгресс США распространил действие договора с Тайванем на ряд островов в Тайваньском проливе и предоставил президенту право использовать американские вооруженные силы для «обеспечения безопасности» этого архипелага.

На базе перечисленных союзов Соединенные Штаты заключили с Филиппинами, Австралией, Новой Зеландией, Южной Кореей и Тайванем множество дополнительных соглашений, которые конкретизировали и наполняли реальным содержанием военно-политические связи этих стран. В рамках подобных соглашений США до сих пор оказывают военную и экономическую помощь союзникам, осуществляют программы «взаимного обеспечения безопасности».

Союзы открыли перед Вашингтоном широкие возможности навязывать азиатско-тихоокеанским партнерам соглашения о военных базах, которые имели особое значение в военной стратегии США, ориентировавшей американские вооруженные силы на нанесение удара по социалистическим странам с территорий, максимально приближенных к их границам. В общей сложности в 1954 г. за пределами США в зоне Тихого океана были созданы 35 крупных военно-морских и военно-воздушных американских баз и сотни мелких опорных пунктов, военных объектов, на которых находились более 650 тыс. американских военнослужащих.

Пойдя на заключение двусторонних союзов, США отнюдь не отказались от планов консолидировать реакционные силы в восточноазиатском регионе, создать здесь широкую военно-политическую группировку. Дж. Ф. Даллес неоднократно подчеркивал «переходный» характер образовавшихся под эгидой США союзов на Тихом океане, называя двусторонние соглашения «краеугольным камнем основания для более широкого соглашения» [13]. Это подтверждает и анализ текстов союзнических договоров США с Филиппинами, Южной Кореей, Тайванем, а также пакта АНЗЮС. В них отмечалось, что стороны, идя на заключение двусторонних союзов, руководствуются стремлением «приумножить усилия в целях коллективной обо-

[13] *Farley M.* United States Relations with Southeast Asia. Special Reference to Indonesia. N. Y., 1955, p. 73.

роны ... пока не создана более всеобъемлющая и эффективная система региональной безопасности в районе Тихого океана». В Договоре безопасности между США, Австралией и Новой Зеландией утверждается, что АНЗЮС является лишь началом в «развитии более обширной системы безопасности в тихоокеанском регионе», и предусматривается, что руководящий орган пакта — Совет министров иностранных дел стран-участниц — «уполномочен устанавливать консультативные отношения с другими государствами, региональными организациями, союзами государств... способными внести вклад в безопасность этого района» [14].

В одном из интервью Дж. Ф. Даллес заявил: «...все эти соглашения будут взаимосвязаны и в конечном счете, возможно, будут объединены в одно целое». В результате на Тихом океане, по его мнению, была бы создана «дуга обороны» США, соединяющая Алеутские острова, Японию, острова Рюкю, Филиппинские острова, Австралию и Новую Зеландию с двумя материковыми базами — в Корее и Индокитае [15].

Следуя этим замыслам и воспользовавшись войной в Корее, США попытались сколотить широкий азиатский блок летом 1952 г. За его основу брался АНЗЮС как наиболее стабильное военно-политическое образование в регионе. Действовали США в тот момент главным образом через подставных лиц. Так, в Вашингтоне нашел положительный отклик призыв филиппинского министра иностранных дел провести 7 августа 1952 г. конференцию с участием Японии, Филиппин, Австралии, Новой Зеландии и США в целях расширения АНЗЮС. Несколькими днями позже посол Филиппин в США Ромуло выдвинул план образования Тихоокеанского пакта на основе АНЗЮС. 21 августа с аналогичными проектами выступил южнокорейский посол в США. Он предлагал сгруппировать вокруг АНЗЮС как своеобразного ядра будущего альянса несколько тихоокеанских государств и таким образом создать более широкий «оборонительный» союз в Азии.

Изучение возможностей появления новой военно-политической организации в бассейне Тихого океана было продолжено в декабре 1953 г. на совещании руководителей США, Англии и Франции на Бермудских островах. В дальнейшем в результате вашингтонских переговоров в июне следующего года была создана специальная американо-английская группа по вопросам «обороны» Юго-Восточной Азии.

Однако окончательное оформление блока летом 1954 г. пришлось отложить в связи с началом Женевской конференции по Индокитаю, которая закрепила успехи, достигнутые силами мира и демократии в упорной борьбе с империализмом, пытавшимся огнем и мечом навязать свою волю азиатским народам. Подготовительная работа смогла возобновиться лишь в конце августа. Она завершилась 8 сен-

[14] Legislation on Foreign Relations, Joint Committee Print, 94 Congr., 2nd Ses., Apr. 1976, G. P. O. Wash., 1976, p. 1174, 1176, 1179, 1188

[15] New York Times, 1954, Jan. 13.

тября 1954 г. подписанием в Маниле Договора о коллективной обороне Юго-Восточной Азии (вступил в силу 19 февраля 1955 г.).

Членами Организации договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) стали 8 государств: США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины, Пакистан и Таиланд. В нарушение Женевских соглашений по Индокитаю специальный протокол договора СЕАТО распространил сферу действия этого блока на Южный Вьетнам, Лаос и Камбоджу. В сентябре 1956 г. блок СЕАТО «раскрыл свой защитный зонтик» над Малайской федерацией.

Рождение СЕАТО нельзя рассматривать иначе как результат сговора между Соединенными Штатами, Англией и Францией, которые под влиянием поражения империализма в войне в Корее, успехов патриотических сил в Индокитае, обострения обстановки в Малайе, общего подъема революционной активности в азиатских странах и усиления в них тенденции к неприсоединению решили сплотиться в единый империалистический блок в Азии. Они собирались объединенными усилиями охранять свои колониальные интересы на азиатском континенте и совместно «сдерживать там распространение коммунизма». По признанию американских политологов, «СЕАТО обозначила границу „холодной войны" в Юго-Восточной Азии... Основной задачей СЕАТО стало удержание этой границы „холодной войны"» [16]. Блок СЕАТО явился американской альтернативой движению неприсоединения, в котором участвовало большинство освободившихся развивающихся стран мира; он был призван внести раскол в это движение.

США надеялись, используя механизм СЕАТО, втянуть Англию и Францию в свои азиатские авантюры, привлечь их к совместным операциям против национально-освободительного движения и разделить с ними бремя ответственности и расходов. Эти планы разделял британский генерал-губернатор Австралии П. Хэзлак. «Страны этого региона, — писал он, — имеют право устремить свои взгляды в поисках иностранной помощи за его пределы. Подлинно самостоятельные государства должны решить, как они подготовят базы, с которых ими будет осуществляться согласованное сопротивление агрессии. Реальность, с которой мы сейчас сталкиваемся, состоит в том, что в южной Азии нет противовеса мощи Китая. Такой противовес должен быть найден вне Азии, если он не будет обеспечен, весь район попадет под господство пекинского коммунистического режима» [17].

Антисоветская и антикитайская направленность СЕАТО становится особенно заметной, если проанализировать содержание ее учредительных документов [18]. Подписывая договор СЕАТО, Соединенные Штаты разъяснили, что их признание последствий агрессии, вооруженного нападения и подрывной деятельности, а также их

[16] What should be the United States Military Commitment to Foreign Countries? A Collection of Excerpts compiled by the Legislative Reference Service Library of Congress. US G. P. O. Wash., 1969, p. 97.
[17] Foreign Affairs, 1964, Oct., p. 51—63.
[18] Международное право в избранных документах. М., 1957, т. 2, с. 231.

согласие выполнить обязательства, вытекающие из договора, применимы только к «коммунистической агрессии». Антикоммунистический характер нового блока был настолько очевиден, что его «крестный отец» Дж. Ф. Даллес даже не счел нужным это скрывать. На 2-й сессии Совета СЕАТО в Карачи в марте 1956 г. он заявил, что главная цель пакта — противодействие «коммунистической угрозе» и устранение ее.

Подлинный смысл и характер договора СЕАТО были вскрыты в Заявлении Министерства иностранных дел СССР от 15 сентября 1954 г.: «Новая военная группировка представляет собой блок колонизаторских держав, в основе которого лежат империалистические цели сохранения их экономических и политических позиций в Азии... Советское правительство не может рассматривать конференцию в Маниле и подписание „Договора об обороне Юго-Восточной Азии" иначе, как действия, направленные против интересов безопасности Азии и на Дальнем Востоке и, вместе с тем, против интересов свободы и национальной независимости народов Азии» [19]. Создание СЕАТО было также осуждено в совместной декларации СССР и КНР, опубликованной 12 октября 1954 г.

На 2-й сессии Совета СЕАТО было решено образовать так называемые «мобильные ударные силы», выделяемые каждым участником. В связи с тем, что в рамках СЕАТО в отличие от блока НАТО не были созданы регулярные объединенные вооруженные силы и объединенное командование, руководители этого союза повели энергичную работу по формированию сильных национальных армий каждого партнера и налаживанию между ними прочного взаимодействия. За первые семь лет существования блока с помощью империалистов США его тихоокеанские члены значительно развили и оснастили вооруженные силы. Пакистан в 1961 г. обладал армией численностью в 400 тыс. человек, Таиланд — более 100 тыс., Филиппины — 75 тыс., Австралия — 160 тыс., Англия в районе действия СЕАТО имела 60 тыс. солдат и офицеров. Азиатские страны были вынуждены тратить на военные цели более половины своих бюджетных расходов. В соответствии с дополнительными соглашениями о военной помощи и сотрудничестве они обязывались закупать основную часть вооружений у Соединенных Штатов, которые к тому же получали доступ к их секретной информации и осуществляли подготовку военных кадров. Главной ударной мощью и военной опорой СЕАТО служили вооруженные силы США в бассейне Тихого океана.

За время существования СЕАТО Соединенные Штаты неоднократно предпринимали шаги по модернизации этого блока, «с тем чтобы сделать его более маневренным» в «сдерживании коммунизма». Так, на состоявшейся 8—10 апреля 1963 г. 8-й сессии совета СЕАТО Вашингтон добился утверждения нового порядка принятия решений в блоке — простым большинством. Стремясь полностью подчинить себе СЕАТО и единолично определять, при каких условиях обязательства по манильскому договору вступают в силу, США выдвинули

[19] Правда, 1954, 15 сент.

концепцию «индивидуальной ответственности», согласно которой они могли «прийти на помощь» любому союзнику по СЕАТО, не дожидаясь одобрения со стороны других участников блока. Эта концепция была официально закреплена в совместном американо-таиландском заявлении от 6 марта 1962 г. По мнению американского посла в Таиланде Г. Мартина, благодаря достигнутому между государственным секретарем США Д. Раском и министром иностранных дел Таиланда Т. Команом пониманию характера обязательств, которые взяли на себя страны—члены СЕАТО по статье 2 Договора о коллективной обороне Юго-Восточной Азии, им была придана «гибкость», позволившая всем тихоокеанским членам блока послать свои войска во Вьетнам [20].

Поскольку создание СЕАТО не означало полной реализации военно-блоковых планов США в бассейне Тихого океана, Вашингтон активно занимался разработкой проектов по созданию новых блоков и союзов в этом регионе.

В марте 1958 г. обозначились первые контуры новой организации Юго-Восточной Азии. В прессе ее именовали «панмалайской федерацией», «азиатским фронтом» или «культурно-экономическим союзом азиатских государств». Окончательное название организации дал главный министр Сингапура Лим Ю Хок — «Соединенные Штаты Азии». Предполагалось, что в нее войдут Малайя, Филиппины, Тайвань, Сингапур, Индонезия и другие страны, которые пожелают к ней присоединиться в целях регионального экономического развития. На конференции указанных государств в Куала-Лумпуре в 1959 г. намечалось оформить образование нового союза.

Формальные инициаторы этого блока — Малайя и Филиппины — не переставали подчеркивать, что их проект направлен главным образом на объединение экономических ресурсов стран Азии. В действительности «новый пул» должен был дополнять военный союз СЕАТО. Недаром идея «Соединенных Штатов Азии» получила одобрение в Лондоне и Вашингтоне. Под прикрытием лозунга об экономическом сотрудничестве, столь популярного среди развивающихся государств, вдохновители нового объединения рассчитывали укрепить агрессивный блок СЕАТО и вовлечь в сферу его действия как можно больше стран бассейна Тихого океана, отведя им, по выражению английской газеты «Скотсмен», роль «длинного забора на юге границ народного Китая».

Нейтральные страны Азии во главе с Индонезией разоблачили очередной маневр империалистов и отвергли антикоммунистический «культурно-экономический союз».

В феврале 1955 г. Дж. Ф. Даллес заявил на пресс-конференции в Бангкоке, что в договорах США с Японией, Тайванем, Южной Кореей Соединенным Штатам принадлежит существенная роль и что в будущем им следовало бы объединить их в одно целое и создать организацию типа СЕАТО. Он призывал создать подобную организацию и для «обороны» Дальнего Востока, включив в нее Японию.

[20] Department of State Bulletin, 1967, June 5, p. 855.

Даллес имел в виду план создания НЕАТО — «Организации договора Северо-Восточной Азии». Предполагалось, что в начале в нее войдут Япония, Тайвань и Южная Корея, а впоследствии — Филиппины, Таиланд, Малайзия, Южный Вьетнам и, возможно, Австралия и Новая Зеландия. По замыслу Соединенных Штатов, НЕАТО должна была расширить круг союзников, активизировать их деятельность по «сдерживанию коммунизма» и отвести Японии роль нового американского жандарма в Азии, разделив со временем с ней бремя ответственности за поддержание «порядка» в «наиболее опасных» районах Дальнего Востока.

В ноябре 1961 г. японское информационное агентство «Киодо цусин» сообщило из Вашингтона: «Основная идея дальневосточной политики США заключается в создании нового равновесия сил в Азии, поддерживаемого Японией и Индией» [21]. Однако вследствие того, что Индия решительно вышла из «военной игры» американских империалистов, последние сделали главную ставку на Японию. В Вашингтоне были уверены, что, используя большую зависимость Японии от США, американцы сумеют контролировать и направлять в своих интересах не только ее политику, но и политику НЕАТО.

Международная обстановка в 60—70-е годы оказала большое влияние на формирование американской блоковой политики в Азии. Военные блоки и союзы, созданные во времена «холодной войны», дополнялись новыми региональными группировками без прямого участия в них западноевропейских империалистических держав и США. Антикоммунистическая направленность этих блоков более чем ранее камуфлировалась: формально на передний план выдвигалось не военное сотрудничество, а цели экономического, социального и культурного развития.

Поощрение Соединенными Штатами создания новых объединений в первую очередь преследовало цель расширения в Азии системы взаимозависимости, которая вовлекала бы в сферу американского влияния молодые неприсоединившиеся государства. Кроме того, с помощью этих региональных организаций американское политическое руководство предполагало подчинить своим стратегическим планам интеграционные процессы, принимавшие все больший размах на азиатском континенте. «Не впервые империалистические силы эксплуатируют благородную идею единства, экономического и культурного сотрудничества, чтобы сбить с толку народы, использовать независимые страны в качестве орудия своей политики, втянуть их в свои агрессивные группировки», — говорилось в Заявлении ТАСС от 29 мая 1966 г.[22]

К союзам «нового поколения» относят, например, Ассоциацию Юго-Восточной Азии (АСА), созданную в августе 1961 г. Таиландом, Филиппинами и Малайзией, а также пришедшую в 1967 г. ей на смену Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в которую дополнительно вошли Индонезия и Сингапур, а в 1984 г. —

[21] Цит. по: Междунар. жизнь, 1962, № 6, с. 83.
[22] Правда, 1966, 29 мая.

Бруней. Подписанная в 1976 г. Декларация согласия АСЕАН содержит положение о том, что иностранные военные базы на территориях стран—членов ассоциации «находятся там на временной основе и не направлены против свободы и независимости этого региона». Вместе с тем факты свидетельствуют, что не прекращаются попытки придать этой группировке более прозападную ориентацию. Четыре из шести ее участников, кроме Индонезии и Брунея, являются активными членами военно-политических блоков (СЕАТО, АЗПАК, АНЗАМ, АНЗЮК). Многие экономические проекты, да и сам валютный фонд АСЕАН финансируются США, Англией, Австралией, Японией. Империалистические державы принимают активное участие в оснащении и подготовке вооруженных сил стран АСЕАН.

Характеризуя блоковые планы США в новый период, «Нью-Йорк таймс» писала: «Старшие американские должностные лица считают, что азиатские группировки в конце концов могут образовать какую-то новую организацию, напоминающую Организацию американских государств, которая будет нести ответственность за оборону этого региона... В настоящий момент западные официальные лица приветствуют новые региональные организации как ценное подспорье для существующего оборонительного щита, обеспечиваемого Соединенными Штатами и СЕАТО» [23].

Прообразом такой организации стал Азиатско-Тихоокеанский Совет (АЗПАК), созданный на конференции министров иностранных дел девяти азиатских стран в Сеуле (14—16 июня 1966 г.). В него вошли Япония, Южная Корея, Тайвань, Филиппины, Таиланд, Малайзия, Австралия, Новая Зеландия, Южный Вьетнам.

В связи с созывом в Сеуле конференции, учредившей этот новый паназиатский пакт, в заявлении ТАСС говорилось: «Предпринимая закулисную игру с созданием сеульского блока, правящие круги США стремятся укрепить американские военно-политические позиции в Азии и западной части Тихого океана, пристегнуть в одну упряжку своих партнеров по двусторонним военным договорам, союзников по СЕАТО и АНЗЮС, а также марионеточные режимы...» [24]. В условиях значительного расширения Соединенными Штатами войны в Индокитае Вашингтон рассчитывал с помощью АЗПАК продемонстрировать единство своих союзников и мобилизовать классовую солидарность проимпериалистических сил региона на поддержку американской агрессии.

Важным аспектом политики США в 70-е годы было поощрение сколачивания в Западной части Тихого океана военных блоков их европейскими союзниками, особенно Великобританией.

15—16 апреля 1971 г. в Лондоне на конференции пяти стран — Англии, Австралии, Новой Зеландии, Малайзии и Сингапура — было решено создать (на основе пятистороннего соглашения об обороне) новый военно-политический союз в Азии (АНЗЮК) *. Формально

[23] New York Times, 1966, June 20.
[24] Правда, 1966, 29 мая.
* По начальным буквам названий трех стран-участниц — Австралии, Новой Зеландии, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

новое соглашение должно было заменить Англо-малайский договор 1957 г. об обороне и взаимной помощи (АНЗАМ), в который вступили также Австралия и Новая Зеландия, так как срок его действия истекал 1 ноября 1971 г. Целью АНЗЮК объявлялось «обеспечение региональной стабильности» и «безопасности» Малайзии и Сингапура от «внешней угрозы».

В рамках АНЗЮК были созданы объединенные вооруженные силы. Долю Англии в этих силах составляли 6 фрегатов, подводная лодка, пехотный батальон, эскадрилья разведывательных самолетов и вертолетов. Общая численность британских солдат и офицеров достигала 4,5 тыс. человек. Австралийскую часть вооруженных сил представляли 4 тыс. солдат и офицеров. Австралийские самолеты образовали костяк сил ПВО АНЗЮК. Новая Зеландия предоставила 1050 солдат и офицеров. Сухопутные силы блока должны были состоять из контингентов Малайзии и Сингапура, на их территориях размещались войска АНЗЮК.

Созданные под эгидой Вашингтона военно-политические блоки и союзы в Азии были тесно связаны не только между собой, но также с главным блоком империализма — НАТО. С первых дней существования этого блока империалистические круги США и их союзников активно добивались расширения сферы его действия далеко за пределы Западной Европы на Ближний Восток, Персидский залив, Бирму, Малайю и Индокитай.

Еще 18 мая 1949 г. государственный секретарь США Д. Ачесон утверждал, что Североатлантический договор «не предусматривает региональных ограничений, и если где-либо возникнет ситуация, которая может угрожать безопасности кому-либо из членов НАТО, то все участники будут консультироваться» [25].

Своеобразным манифестом колониалистских устремлений НАТО явилась резолюция, принятая его Советом в декабре 1952 г. В ней подтверждалось, что «сопротивление свободных наций в Юго-Восточной Азии, как и в Корее, находится в полнейшем соответствии с целями и идеалами Атлантического сообщества, и поэтому кампания войск Французского союза в Индокитае заслуживает постоянной поддержки со стороны правительств—членов НАТО» [26].

С тех пор развитие событий в обширной зоне от Дальнего Востока до Юго-Восточной Азии неизменно находилось и находится под пристальным вниманием НАТО, участники которой часто являются прямыми сообщниками агрессивного курса Вашингтона в этом регионе.

Созданная под руководством США система военно-политических блоков направлена на то, чтобы не допустить прогрессивных преобразований, воспрепятствовать обретению народами этой части мира подлинной независимости и установлению ими дружественных отношений с социалистическими странами.

Одним из пагубных проявлений военно-блоковой политики США

[25] См.: *Ляхс М.* Женевские соглашения 1954 г. об Индокитае. М., 1956.
[26] Department of State Bulletin, 1953, Jan. 1, p. 4.

стало использование ими военных альянсов в войнах против социалистических государств Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии — в Корее и во Вьетнаме, придания этим войнам коалиционного характера. Так, в агрессии США против корейского народа приняли участие войска 15 их союзников по различным блокам общей численностью 38,6 тыс. человек. Во Вьетнаме вклад США по состоянию на 1969 г. составлял 549,5 тыс. военнослужащих [27]. Широко использовались во вьетнамской войне американские военные базы в Таиланде и на Филиппинах.

Соучастник американской агрессии — Япония стала крупнейшей базой военно-технического обеспечения вооруженных сил США, для которых поставлялись напалм, боеприпасы, химические вещества. На поддержку военной авантюры Пентагона в Индокитае были мобилизованы и американские союзники по НАТО, например ФРГ, направлявшая во Вьетнам технических специалистов, санитарные части и оружие. Англия активно занималась подготовкой сайгонских военнослужащих к ведению войны против партизан: объем ее поставок для американской армии за 1964—1967 гг. вырос более чем в 5 раз.

Империалистические блоки и союзы были направлены не только против социалистических государств, но и против тех азиатских стран, которые придерживались нейтралистской ориентации. Договор о коллективной обороне Юго-Восточной Азии брал под опеку военно-политической организации СЕАТО, в частности Лаос и Камбоджу. В конечном итоге эта опека выразилась в том, что и в той и в другой стране в начале 70-х годов были совершены государственные перевороты, приведшие к власти проамериканские режимы. Военному путчу в Камбодже в 1970 г., в результате которого было свергнуто законное правительство страны, предшествовала интервенция в эту страну сухопутных войск Южного Вьетнама и Таиланда при поддержке ВВС США.

Объектом интенсивной подрывной деятельности со стороны участников империалистических блоков являлась Бирма. США стремились вовлечь эту страну в военно-политические группировки и тем самым изменить ее статус неприсоединившегося государства. В целях давления на правительство Бирмы члены СЕАТО оказывали всестороннюю помощь 12-тысячной чанкайшистской армии, вторгшейся в северо-восточные части этой страны, а в конце 50-х годов поощряли сепаратистское движение шанских феодальных кругов, пытавшееся подорвать территориальное единство Бирманского Союза.

С начала своего существования военные пакты были призваны обеспечивать интересы колониальных держав и заботиться о незыблемости империалистических устоев в бассейне Тихого океана, сочетая неоколониалистские методы с прямым вооруженным вмешательством. Блоки и союзы становились особым механизмом межимпериалистических отношений, его функционирование обеспечивало европейским колонизаторам поддержку в войнах, которые они

[27] *Larsen R., Collins J.* Allied Participation in Vietnam. Wash., 1975, p. 23, 151.

вели в Юго-Восточной Азии: Франции — в Индокитае, Англии — в Малайе, Голландии и Португалии — на островах Индонезии.

Одной из основных функций империалистических альянсов всегда было оказание помощи правящим режимам в подавлении внутренних революционных выступлений народных масс. В рамках сколоченных блоков и союзов страны-члены развернули широкие военные приготовления. Ими создаются высокомобильные, оснащенные современными видами оружия вооруженные силы, обладающие способностью к наступательным боевым действиям и быстрой переброске в «горячие точки» бассейна Тихого океана. Только сухопутные войска блоковых стран Восточной Азии и Тихого океана без США насчитывают более 1,5 млн. человек. На эти страны в 1978 г. пришлось почти 19 % экспорта вооружений США [28].

Важной стороной блоковой активности является совместная боевая подготовка, отработка коллективных военных действий. В этих целях только в рамках СЕАТО в 1956—1970 гг. было проведено более 40 различных военных учений и маневров. США организуют в бассейне Тихого океана военные маневры на межблоковом уровне, в которых принимают участие страны, входящие в разные союзы. Так, стали традиционными проводимые с 1971 г. крупнейшие военные учения «Тихоокеанское кольцо» («Римпак»), с участием США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, а с 1980 г. и Японии. Ежегодно проводятся американо-южнокорейские маневры под кодовым названием «Тим Спирит», в ходе которых Япония выполняет роль тыловой базы войск США. Все большее распространение получают совместные военные учения младших партнеров США по АНЗЮС и азиатских участников блока АНЗЮК, а также членов формально невоенной группировки АСЕАН.

Подталкивая АСЕАН к выполнению функций военного блока, Вашингтон опирается на правые милитаристские круги входящих в эту организацию стран. Под давлением этих кругов правительствами стран — членов АСЕАН предпринимаются шаги к налаживанию двустороннего и более широкого военного сотрудничества. Индонезия, Малайзия и Филиппины договорились о совместном патрулировании пограничных вод.

Все страны АСЕАН, за исключением Филиппин, заключили между собой двусторонние соглашения о сотрудничестве в области «безопасности», в соответствии с которыми они оказывают друг другу помощь и проводят совместные операции в приграничных районах против так называемых «коммунистических повстанцев».

Блоковые страны реализуют планы по стандартизации вооружений преимущественно на базе американских образцов, осуществляют совместную подготовку военных кадров, изучают возможности строительства совместных военных предприятий, обмениваются разведывательной информацией.

Военно-политические союзы США со странами бассейна Тихого океана позволяют Вашингтону практически неограниченно наращи-

[28] Security Assistance Programs, FY 1981, Congressional Presentation, p. 453.

вать военное присутствие в этом регионе и использовать многочисленные военные базы и объекты на территории союзников для нужд своих вооруженных сил.

В этой зоне действует два военно-морских флота США. 7-й флот включает более 70 кораблей всех типов, в том числе 2 авианосца, имеющих на борту 160 самолетов. В состав 3-го флота входят 175 военных кораблей, в том числе 4 авианосца, 11 крейсеров, 50 эсминцев и фрегатов, 30 ударных подводных лодок [29].

В Южной Корее размещены сухопутные войска США численностью 51 тыс. человек (2-я пехотная дивизия).

Поскольку возведение новых военно-политических бастионов антикоммунизма вызывает негативную реакцию со стороны большинства неприсоединившихся стран бассейна Тихого океана, Вашингтон, стремясь усилить региональную ответственность своих партнеров, навязывает им расширительное толкование географической сферы деятельности уже созданных блоков и союзов. Так, при президентах Р. Никсоне и Дж. Форде США и Япония достигли согласия в вопросе об американо-японском союзническом договоре, распространив его действие не только на Японские острова и омывающие их воды, но также на Южную Корею и Тайвань, что «означало решимость двух стран в совместном обеспечивании стабильности в Восточной Азии» [30]. Новые рамки договора были конкретизированы во время американо-японского совещания по вопросам безопасности, состоявшегося в июне 1981 г. в Гонолулу. Совещание возложило на японские силы самообороны патрулирование морских и воздушных пространств и морских коммуникаций в зоне до 1700 км от японских берегов, а при чрезвычайных обстоятельствах — обеспечение блокирования Сангарского и Корейского проливов и пролива Лаперуза.

Военно-блоковая политика США направлена на то, чтобы сохранить противоречия, разделяющие страны бассейна Тихого океана, затруднить им поиск взаимоприемлемых решений по спорным вопросам. И хотя блоки являются характерной неоколониалистской формой империалистической экспансии, их деятельность вполне согласуется со старым принципом колониальных завоевателей — «разделяй и властвуй».

Пугая азиатские страны «советской» или «вьетнамской угрозой», Вашингтон и его ближайшие союзники стараются создать в Азии антисоциалистический фронт, противопоставить друг другу страны, входящие в АСЕАН, с одной стороны, и социалистические государства Индокитая — с другой.

Опасную тенденцию блоковой политики США представляют усилия Вашингтона, направленные на придание антисоветского характера своим политическим договоренностям с Китаем и развитие сотрудничества с ним в военных областях.

[29] Japan's Contribution to Military Stability in Northeast Asia, Hearings before the Senate Foreign Relations Committee, 96th Congr., 2nd Ses., 1980, US G. P. O. Wash., 1980, p. 63—67.
[30] Presidential Documents, 1974, N 48, p. 1478.

* * *

В коалиционной политике Соединенных Штатов после второй мировой войны можно выделить несколько этапов. Период «пактомании» времен «холодной войны» сменился на рубеже 50—60-х годов этапом, когда военно-политические блоки были дополнены более диверсифицированными по задачам и составу участников группировками и когда больше внимания стали уделять экономической стороне деятельности империалистических союзов.

В годы эскалации войны во Вьетнаме США стремились активизировать империалистические блоки и мобилизовать их на оказание всемерной помощи американским агрессорам. Поражение США в Индокитае привело к ослаблению американских военно-политических обязательств перед странами Юго-Восточной Азии и вызвало глубокий кризис созданной в этом регионе блоковой системы. Отдельные ее звенья — организация СЕАТО * и АЗПАК — прекратили существование. США пришлось частично свернуть свое военное присутствие в Таиланде. Филиппины вынудили США пойти на пересмотр ряда двусторонних военных соглашений, в том числе об американских базах в этой стране.

В начале 80-х годов военные блоки и союзы вновь выступили в качестве фактора, препятствующего разрядке международной напряженности на Азиатском континенте. Администрация Рейгана взяла курс на поощрение подрывной деятельности блоков, на подготовку к военно-политической конфронтации с Советским Союзом и странами социализма, что усиливает для американских союзников опасность вовлечения их в новые военные авантюры и втягивает их в губительный водоворот гонки вооружений.

Реальность военной угрозы, порождаемой империализмом, заставляет все прогрессивные силы теснее сплотиться в борьбе за мир и активнее взяться за решение международных проблем на внеблоковой основе.

«По-настоящему прочный мир, — подчеркивалось на высшем партийном и государственном уровне СССР, — может быть только миром демократическим, миром справедливым. Такой мир должен покоиться не на каких-то полюсах силы и соперничества, о которых за последнее время кое-где стало модным говорить, — а на уважении прав, суверенитета, законных интересов всех без исключения стран, будь они „большие“ или „малые“, входят они в те или иные политические группировки или нет. Речь идет не о том, чтобы научиться более изощренным способом манипулировать так называемым балансом сил, а о том, чтобы исключить из международных отношений применение силы. Для этого необходимо объединение конструктивных усилий всех государств» [31].

* Договор о коллективной обороне Юго-Восточной Азии (1954 г.) продолжает оставаться в силе.

[31] Правда, 1973, 30 нояб.

Руководствуясь закрепленными в Конституции СССР принципами миролюбивой внешней политики, Советский Союз неоднократно выступал с конкретными инициативами, направленными на ослабление военно-политического противостояния друг другу различных государств, на урегулирование имеющихся между ними разногласий путем переговоров. Советский Союз поддержал резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН (1981 г.), призвавшую государства распустить имеющиеся военные блоки и не создавать новых замкнутых группировок, а в качестве первого шага в этом направлении — не предпринимать действий, которые могли бы привести к расширению существующих военно-политических альянсов.

Решение крупнейших социальных, экономических, научно-технических, экологических, продовольственных и других глобальных проблем, стоящих перед современным миром, которые весьма остро ощущаются в густонаселенном восточноазиатском регионе, требует отказа от такой навязываемой империализмом формы закрепления разобщенности стран этой зоны, как военно-политические блоки и союзы.

АМЕРИКАНСКИЙ ЭКСПАНСИОНИЗМ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ И В АФРИКЕ

♦

Нефтяные монополии США на Ближнем и Среднем Востоке

Р. В. БОРИСОВ

Ближний и Средний Восток — остропроблемный район международной политики, объект экспансии США, арена империалистических противоречий и борьбы капиталистических держав за захват энергетических ресурсов. С другой стороны, это район активной антиимпериалистической борьбы народов за укрепление политической и экономической независимости, осуществление прогрессивных социальных преобразований, ликвидацию господства американских монополий.

В послевоенный период политика США на Ближнем и Среднем Востоке определялась комплексом глобальных целей американского империализма, прежде всего связанных с контролем над громадными ресурсами ближневосточной нефти.

В документах XXVII съезда КПСС раскрыт механизм империалистической эксплуатации транснациональными корпорациями США развивающихся стран. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии указывается: «Можно без преувеличения утверждать, что система империализма продолжает жить в значительной мере за счет ограбления развивающихся стран, их самой безжалостной эксплуатации» [1]. Эти выводы съезда в полной мере относятся к сложившимся в послевоенный период отношениям нефтяных ТНК США с нефтедобывающими странами Ближнего и Среднего Востока.

По своему нефтяному потенциалу район Ближнего и Среднего Востока был и остается уникальным в капиталистическом мире. Если в 1950 г. объем разведанных нефтяных запасов в регионе оценивался в 6,7 млрд. т [2], то в 1985 г. — уже в 55 млрд. т [3], т. е. возрос в 8,2 раза. Общую стоимость разведанных запасов ближневосточной нефти в 1983 г. (исходя из средних мировых цен на нефть в 1983 г. в 29 долл. за баррель) можно было бы оценить в 11 трилл. долл. В 1946—1980 гг. нефтедобыча в ближневосточном регионе нарастала быстрыми темпами: в 1946 г. — 37 млн. т, в 1960 г. — 264 млн. т,

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 17.

[2] An Appraisal of the Petroleum Industry of the United States: US Department of the Interior. Wash., 1965. Appendix, table 25.

[3] Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран: Обзор за 1984 и начало 1985 г. М., 1985, с. 52.

в 1980 г. — 955 млн. т [4]. Правда, ввиду затоваривания капиталистического нефтяного рынка с начала 80-х годов в связи с экономическим кризисом 1979—1982 гг. в США, Японии и странах ЕЭС добыча нефти в ближневосточном регионе в 1981—1984 гг. сократилась. В 1983 г. она составила 617 млн. т. Из американских прогнозных данных следует, что достигнутый в 70-е годы уровень нефтедобычи не является пределом. Освоенные нефтедобывающие мощности использовались не полностью; к тому же в регионе имеется значительный потенциал открытия новых месторождений [5].

Какое же значение имела ближневосточная нефть для США и как Соединенные Штаты распоряжались этой нефтью? Почему Вашингтон упорно стремился к захвату контроля над ней? Отвечая на эти вопросы, необходимо выделить два основополагающих фактора. Во-первых, это империалистические интересы крупнейших нефтяных транснациональных корпораций (ТНК) США. В послевоенные годы нефть Ближнего и Среднего Востока служила для них источником высоких прибылей. Даже в 70-е—начале 80-х годов, в условиях ослабления позиций американского нефтяного комплекса в регионе и распада концессионной системы империализма, нефтяные монополии США продолжали получать здесь высокие прибыли: в 1970 г. — 1,2 млрд. долл., в 1973 г. — 2,1 млрд., в 1975 г. — 2,4 млрд., в 1977 г. — 1,6 млрд., в 1978 г. — 1,4 млрд., в 1979 г. — 2,4 млрд., в 1982 г. — 0,5 млрд. долл.[6]

Характерно, что прибыли 1970—1975 гг. были получены с реально существовавших тогда крупных инвестиций монополий США в нефть Ближнего и Среднего Востока. Прибыли же 1976—1982 гг. — не только за счет инвестиций, но во многом за технико-сбытовые услуги монополий национальным государствам и за операции по переработке и сбыту нефти и нефтепродуктов при значительно сократившихся активах монополий в самом регионе. Это свидетельствовало о том, что нефтяные ТНК смогли приспособиться к изменившейся обстановке и, переложив на потребителей свои возросшие издержки в связи с антиимпериалистическими шагами ближневосточных государств, продолжали получать высокие прибыли.

Во-вторых, это постоянно возраставшая в 1946—1980 гг. роль ближневосточной нефти для удовлетворения гражданских и военных потребностей самих США. Дело в том, что с 50-х годов нефтяной баланс США носил дефицитный характер. Добыча нефти внутри страны, достигнув максимума на рубеже 60-х и 70-х годов, сокращалась, а потребление жидкого топлива росло. Особую остроту диспропорция между спросом и предложением приняла в 70-е годы. Если в 1970 г., по официальным данным, в США было добыто 488,5 млн. т

[4] The Near East and the Great Powers. Cambridge, 1951, p. 125; Statistical Abstract of the United States 1979. Wash., 1979, p. 603; Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран: Обзор за 1980 и начало 1981 г. М., 1981, с. 50.
[5] Orbis, 1980, Winter, p. 867.
[6] Survey of Current Business, 1971, Oct., p. 32; 1975, Oct., p. 62—63; 1976, Aug., p. 58—59; 1979, Aug., p. 34—35; 1981, Aug., p. 37—38; 1984, Aug., p. 39.

нефти, то в 1980 — 435 млн. т [7]. В то же время американская потребность в нефти возросла (в 1970 г. она составляла 750 млн. т, а в 1980 г. — 890 млн. т [8]). Рост спроса на нефть в США определялся быстрым развитием научно-технической революции, увеличением потребностей Пентагона в топливе и горючем и, в немалой степени, энергорасточительной структурой американской экономики и всего образа жизни в Соединенных Штатах.

Следует, однако, сказать, что США намеренно преувеличивали свою зависимость от ближневосточной нефти. В самой стране имеются чрезвычайно большие запасы энергоносителей — угля, урана, нефтеносных сланцев, «труднодоступной» нефти в горных районах, на шельфе и в арктической зоне штата Аляска. Однако монополистический капитал США стремится грабительски разрабатывать природные богатства Ближнего и Среднего Востока.

Для восполнения дефицита нефтяного баланса Соединенные Штаты ориентировались на ввоз иностранной нефти. Такой путь, с одной стороны, способствовал сохранению внутренних нефтяных ресурсов, а с другой — обеспечивал монополиям сверхприбыли за счет иностранной нефти, которая сбывалась потребителям по единым монопольно высоким ценам. Объем американского импорта нефти и нефтепродуктов возрос со 173,3 млн. т в 1970 г. до 350 млн. т в 1980 г.[9] В стоимостном выражении нефтяной импорт США увеличился с 4,5 млрд. долл. в 1970 г. до 56,7 млрд. долл. в 1979 г. (в текущих ценах) [10]. В 1983 г. он оценивался в 52 млрд. долл.[11]

Нефть Ближнего и Среднего Востока играла существенную роль в американском нефтяном балансе. В 1970—1980 гг. объем американского импорта нефти из ближневосточного региона возрастал, а ввоз ее из таких традиционных стран-поставщиков, как Канада и Венесуэла, сокращался. По данным госдепартамента США, в 1980 г. доля ближневосточной нефти в общем потреблении нефти в Соединенных Штатах составила 13 %, в ФРГ — 45, во Франции и в Японии — 75 % [12].

В том же году 29,9 % американского нефтеимпорта шло из района Ближнего и Среднего Востока [13]. Возрастание зависимости США от ближневосточной нефти стали намеренно подчеркивать президент и другие руководящие деятели США. В докладе министерства обороны США за 1978/79 г. указывалось, что Соединенные Штаты «во все большей степени зависят от внешних источников сырья, причем нефть представляет собой самый наглядный и тревожный пример

[7] Statistical Abstract of the United States, 1979, p. 759; Survey of Current Business, 1981, Aug., p. S-31.
[8] Statistical Abstract of the United States, 1979, p. 757; Survey of Current Business, 1981, Aug., p. S-31.
[9] Statistical Abstract of the United States, 1979, p. 759; Survey of Current Business, 1981, Aug., p. S-31.
[10] The Department of State Bulletin, 1980, Aug., p. 10.
[11] US News and World Report, 1984, July 2, p. 65.
[12] The Departament of State Bulletin, 1980, May, p. 63.
[13] International Affairs, 1981, Summer, p. 431.

этой зависимости. По этой причине США весьма заинтересованы в вовлечении в дела Ближнего и Среднего Востока» [14].

Особые аппетиты район Ближнего и Среднего Востока вызывал у американских экспансионистов в 70-е годы, когда в США обострился энергетический кризис. Этот кризис привел к углублению диспропорций в нефтяном балансе страны, обострению трудностей с удовлетворением внутренних американских потребностей в нефти и нефтепродуктах; осложнил положение в американской экономике [15]. В ходе кризиса проявилась неспособность государственной машины США контролировать, а тем более регулировать — с учетом национальных интересов страны — действия энергетических ТНК. Арабское эмбарго на поставки нефти в США (октябрь 1973 г.—март 1974 г.) послужило импульсом, под воздействием которого было нарушено сложившееся неустойчивое равновесие в системе нефтеснабжения США. В связи с эмбарго Соединенные Штаты теряли (в пересчете на год) в общей сложности до 125—150 млн. т нефти [16]. По сравнению с общей годовой потребностью США в нефти в 1973 г. (около 900 млн. т.) этот дефицит казался не столь значительным, но его не удалось восполнить за счет увеличения импорта из неарабских источников нефтепоставок.

Лишь в связи с экономическим кризисом 1979—1982 гг. и спадом производства, а также энергосберегающими мерами потребление энергоносителей, в том числе и нефти, в США сократилось. В 1983 г. потребность Соединенных Штатов в нефти составила 750 млн. т [17]. Соответственно уменьшился общий объем нефтеимпорта, и в частности импорта ближневосточной нефти. В 1984 г. доля нефти Ближнего Востока в общей потребности страны в нефти уменьшилась до 4 % [18]. Но в настоящее время спрос на нефть в США вновь возрастает.

Регулируя доступ западноевропейских союзников и Японии к нефти региона, от которой зависит их экономическое благополучие, американский империализм в конечном итоге стремился поставить эти страны под свой контроль. Одновременно Вашингтон раздувал политические кампании о «советской угрозе» нефтепромыслам и под этим фальшивым предлогом проводил наращивание военного присутствия США на Ближнем и Среднем Востоке.

Американская политика в регионе носила резко экспансионистский, агрессивный характер. Об этом свидетельствует ряд милитаристских акций США при администрациях Дж. Картера и Р. Рейгана (кэмп-дэвидская стратегия, «доктрина Картера», создание интервенционистских «сил быстрого развертывания» и так называемого их «центрального командования», и др.).

[14] US Department of Defence Annual Report. Fiscal Year 1979, Febr. 2, 1978. Wash., 1978, p. 16.
[15] *Engler R.* The Brotherhood of Oil: Energy Policy and the Public Interest. Chicago, 1977, p. 2.
[16] The Department of State Bulletin, 1973, Dec. 24, p. 771.
[17] Fortune, 1983, Dec. 26, p. 113.
[18] US News and World Report, 1984, Mar. 12, p. 31.

В погоне за нефтью Соединенные Штаты стремились использовать для нажима на арабские страны — производители нефти «израильский фактор», в том числе стратегический союз США с Израилем, нацеленный как против арабского освободительного движения, так и против СССР.

Концептуальной основой экспансионистского курса нефтяных ТНК и правительства США на Ближнем и Среднем Востоке была доктрина «гарантированного доступа» к нефти региона. В основу этой доктрины, провозглашенной в США еще в конце 40-х годов и с тех пор неоднократно подтверждаемой, положена предпосылка о необходимости получения нужных Соединенным Штатам количеств ближневосточной нефти при всех условиях и любыми средствами, вплоть до военных. В докладе госдепартамента, опубликованном в 1975 г., говорилось, что целью США является «сохранение доступа к нефти в районе Ближнего и Среднего Востока по разумным ценам и в количестве, достаточном для удовлетворения американских потребностей и нужд союзников США» [19]. Аналогичная установка была изложена в докладе министерства обороны за 1978/79 г. В этом документе заявлялось, что Соединенные Штаты «хотят гарантированного доступа к энергии, необходимой для поддержания американского жизненного уровня и продолжения экономического роста. Мы хотим, чтобы наши союзники пользовались такими же возможностями... Эти условия являются важными для безопасности США» [20]. С доктриной «доступа» тесно связана и военная стратегия США на Ближнем и Среднем Востоке. Администрация Картера включила ближневосточный регион в так называемую «дугу кризисов», под которой подразумевались государства района Персидского залива и Восточной Африки, где особенно интенсивно развертывалась антиимпериалистическая борьба. Эти государства были объявлены в 1979 г. «третьей стратегической зоной жизненно важных интересов США», которую США были готовы удерживать под своим контролем с помощью военной силы, включая ядерные средства.

Доктрина «доступа» — от начала до конца империалистическая доктрина. Она рассчитана на увековечение грабительской эксплуатации ближневосточных нефтяных ресурсов. Не выдерживают никакой критики те аргументы, которые выдвигались американскими правящими кругами для оправдания этой доктрины. Так, Вашингтон заявлял о каких-то «препятствиях» импорту нефти из ближневосточного региона. Однако никаких искусственных помех нормальной торговле нефтью арабские нефтедобывающие страны не чинили. Если они и использовали в 1973—1974 гг. против США нефтяное оружие, то к этому вынудила их американская политика поддержки Израиля. Никто не создавал препятствий на морских путях транспортировки нефти, в том числе и в Персидском заливе. Даже в напряженные периоды ирано-иракского вооруженного конфликта в 1980—

[19] Current Policy: Persian Gulf and Arabian Peninsula, June 1975. The Department of State. Wash., 1975, p. 3.
[20] Department of Defence Annual Report. Fiscal Year 1979, Febr. 2, 1978, p. 26—27.

1984 гг. маршрут танкеров через Персидский залив фактически оставался свободным (за отдельными исключениями повреждения танкеров с иранской нефтью авиацией Ирака).

Следует сказать, что доктрина «доступа» не оставалась неизменной догмой; со времени своего появления она претерпела значительную эволюцию. Если до начала 70-х годов «доступ» означал собственность американских монополий на добытую нефть с неограниченным правом установления цен на нее, объемов добычи и переработки, а также географических направлений нефтеэкспорта, то после арабского эмбарго 1973—1974 гг. и других антиимпериалистических шагов Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) под «доступом» стала пониматься способность США обеспечивать гарантированные закупки нефти в ближневосточных государствах на льготных условиях, в достаточном количестве и на долгосрочной основе. Наряду с фактором получения сверхприбылей приоритетную роль стала играть надежность нефтяных поставок в США и в страны НАТО. На этом фоне на задний план отошел вопрос о том, кому должны принадлежать нефтяные установки и сама нефть в момент ее добычи — нефтяным монополиям или национальным правительствам. Но какое бы содержание ни вкладывал Вашингтон в понятие «доступа», речь на деле всегда шла о продолжении эксплуатации нефтяных богатств ближневосточного региона, сохранении, хотя и в более замаскированной форме, американского контроля над нефтепромышленностью Ирана и арабских государств.

Произошли изменения и в методах обеспечения «доступа» к ближневосточной нефти. В 50—60-е годы основным методом являлся военный нажим на арабские страны, в том числе с помощью Израиля. В 70-е годы США стали действовать более гибко. Вашингтон, отнюдь не исключая интервенционистских методов, активно использовал фактор поддержания в ближневосточном регионе империалистической «стабильности», а также устойчивых отношений с местными правительствами и национальной буржуазией. Вашингтоном осуществлялась программа вовлечения ближневосточных правительств в отношения «партнерства» с США, усиления их финансовой привязанности через программу «рециклирования нефтедолларов» к американскому крупному капиталу и к валютно-финансовой системе США в целом, упрочения политического контроля США над правительствами нефтедобывающих государств. Администрация Р. Рейгана считала допустимость военного обеспечения «доступа» к ближневосточной нефти неотъемлемым элементом глобального внешнеполитического курса Соединенных Штатов, рассчитанного на изменение соотношения сил в мировом масштабе в свою пользу. Так, в директиве Пентагона вооруженным силам США говорилось, что «защита» нефти Персидского залива по своей приоритетности стоит на одном из первых мест [21].

Американская нефтяная экспансия на Ближнем и Среднем Востоке осуществляется транснациональными нефтяными корпорациями

[21] International Herald Tribune, 1982, June 3.

США. Нефтяные ТНК — самая крупная и быстро растущая группа американского промышленного капитала. По своим основным параметрам — объему реализованной продукции, активам, массе и норме прибыли, заграничным капиталовложениям — нефтяная индустрия далеко опередила все другие отрасли американской промышленности, даже такие высокоразвитые, как автомобильная и аэрокосмическая. Костяк американской нефтяной индустрии составляли в послевоенный период 15 крупнейших в капиталистическом мире транснациональных нефтяных корпораций. Рост их совокупной экономической мощи в 1970—1980 гг. выражался следующими показателями (в текущих ценах): совокупный объем реализованной продукции с 60,9 млрд. до 438,6 млрд. долл., активы — с 83,8 млрд. до 276,4 млрд. долл., чистая прибыль — с 5,1 млрд. до 27,1 млрд. долл.[22]

Особо выделялась по своей экономической мощи пятерка наиболее крупных нефтяных ТНК: «Экссон», «Стандард ойл компани оф Калифорния», «Мобил ойл», «Галф ойл» и «Техас ойл». Вот параметры экономической мощи «большой пятерки» (в млрд. долл.) [23]:

Год	Совокупный объем реализованной продукции	Активы	Чистая прибыль
1970	39,7	52,3	3,6
1980	280,8	156,5	15,3

Эти данные свидетельствуют о резком росте в 80-е годы активов и прибылей нефтяных монополий США. Процесс увеличения их прибылей не прерывался и в периоды обострения энергетических трудностей в США и во всем капиталистическом мире. Так, в 1979 г., во время крупных энергетических потрясений, прибыли «большой пятерки» возросли на 70 % по сравнению с предыдущим годом [24]. Это обнажило грабительский характер деятельности монополий, их стремление воспользоваться энергетическим кризисом для получения сверхприбылей.

Характерной особенностью нефтяной индустрии США в те годы было то, что в ней господствовали три-четыре крупнейшие группы американского промышленно-финансового капитала. Это обеспечивало частному нефтяному бизнесу широкое использование государственного аппарата для продвижения своих экспансионистских задач. Наиболее влиятельной группой, занятой в сфере энергетического бизнеса, оставалась группа Рокфеллеров (общая сумма ее активов в 1974 г. — 163,2 млрд. долл.) [25]. Американский экономист Ф. Ландберг отмечал в 1975 г., что «группа Рокфеллеров, или синдикат, является крупнейшей и самой важной» [26]. Под прямым контролем этой группы находились такие крупнейшие нефтяные монополии

[22] Подсчитано по: Fortune, May, 1971, p. 172; May 4, 1981, p. 328.
[23] Ibid.
[24] Подсчитано по: Ibid., 1980, May 5, p. 276; 1979, May 7, p. 270.
[25] Ленинская теория империализма и современность. М., 1977, с. 98.
[26] *Lundberg F.* The Rockefeller Syndrom. Secaucus, 1975, p. 41.

США, как «Экссон», «Стандарт ойл компани оф Калифорния», «Мобил ойл», «Стандарт ойл компани оф Индиана» и ряд других [27]. Все они участвовали в экспансии на Ближнем и Среднем Востоке.

Форсированный экспорт американских нефтяных капиталов в зарубежные государства привел к тому, что основные центры операций нефтяных ТНК были перенесены за пределы американской территории — в страны Ближнего и Среднего Востока, Латинской Америки, Африки, Западной Европы, Южной и Юго-Восточной Азии. Общий объем прямых частных капиталовложений США в нефть зарубежных государств показан в табл. 1.

ТАБЛИЦА 1

Год	Общий объем капиталовложений в нефть (в млрд. долл.)	В том числе в страны:	
		развитые	развивающиеся
1966	13,9	7,7	5,0
1970	19,7	11,2	6,6
1975	26,0	20,2	2,5
1980	46,9	34,2	10,3
1983	59,8	38,9	16,6

Источник: Survey of Current Business, 1978, Aug., p. 24—25; 1981, Aug., p. 21; 1984, Aug., p. 18

По официальным данным, частные инвестиции США в нефть Ближнего и Среднего Востока составляли в 1950 г. — 0,65 млрд. долл., в 1970 г. — 1,5 млрд., в 1975 г. — 3,7 млрд., в 1983 г. — 0,9 млрд. долл.[28]

Главными вкладчиками нефтяного капитала в регионе были монополии «большой пятерки». Структура американских инвестиций отвечала преимущественному развитию нефтедобычи с вывозом сырой нефти для ее последующей переработки в странах потребления. Сложилась диспропорция между нефтедобывающими и нефтеперерабатывающими мощностями региона. Так, удельный вес Ближнего и Среднего Востока в нефтедобыче капиталистического мира в 1980 г. оценивался в 42,5 %, а его доля в мировом капиталистическом производстве нефтепродуктов — только в 6,2 % [29].

С середины 70-х годов проходил процесс вынужденного отлива нефтяных капиталов США из ближневосточного региона. Это объяснялось тем, что проведенные ближневосточными государствами меры по национализации нефти и осуществлению «системы участия» привели к полной или частичной ликвидации прав собственности американских ТНК на нефтяные активы в обмен на получение от

[27] Ibid., p. 50, 55.

[28] A Survey of American Interests in the Middle East: The Middle East Institute. Wash., 1953, p. XIII; Survey of Current Business, 1971, Oct., p. 32—33; 1976, Aug., p. 49; 1984, Aug., p. 29.

[29] Подсчитано по: Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран: Обзор за 1980 и начало 1981 г., с. 50.

местных правительств компенсационных платежей, которые переводились в США. Свою роль играл и рост финансовых обязательств монополий местным правительствам в результате повышения цен на нефть, а также повышения ставок подоходного налога с монополий.

Американские нефтяные ТНК, принадлежа к наиболее экспансионистским, агрессивным слоям монополистического капитала и всей империалистической системы в целом, на первый план в своей международной деятельности ставят закрепление за собой новых источников нефти, особенно на Ближнем и Среднем Востоке, приобретение концессий, подрыв национализации. Развернувшееся в 60-е и особенно в 70-е годы острое противоборство между нефтяными ТНК, которым оказывало помощь правительство США, с одной стороны, и нефтедобывающими странами ближневосточного региона — с другой, показало это со всей наглядностью. Монополии и правительство Соединенных Штатов делали все, чтобы подорвать развивавшееся быстрыми темпами антиимпериалистическое движение, сохранить позиции американского нефтяного бизнеса, закрепить роль ближневосточного региона как главного поставщика нефти для США и западноевропейских стран НАТО. Целям материализации этих империалистических задач отвечал комплекс внешнеполитических и внешнеэкономических шагов США.

США жестко противодействовали акциям ближневосточных государств по изменению статуса нефтяных ТНК в регионе; они выступали решительными противниками национализации нефти, если она проводилась не по рецептам, предписанным Вашингтоном. Основные критерии подхода администрации США к национализации собственности американских монополий были изложены президентами Р. Никсоном и Дж. Фордом. В заявлении Р. Никсона «О политике США по вопросу об экономической помощи и безопасности капиталовложений в развивающихся странах» от 19 января 1972 г. признавалось «право суверенных правительств национализировать иностранную собственность». Однако при этом выдвигалось условие, чтобы национализация осуществлялась «в соответствии с международным правом», не носила «дискриминационного характера» и сопровождалась выплатой владельцам этой собственности быстрой, достаточной и эффективной компенсации» [30]. При правительстве Дж. Форда госдепартамент США подтвердил указанную формулу. Было подчеркнуто, что «инвеститоры США имеют право на получение компенсации за свою собственность на основе справедливой рыночной стоимости [31].

Таким образом, Вашингтон отказывался признать те акты национализации, которые совершались в результате действий революционно-демократических правительств в рамках освободительной борьбы народов, а не путем закулисных переговоров и сделок с монополиями. К тому же согласно правовым концепциям США компенсация за национализированную собственность должна не только по-

[30] International Economic Report of the President, Macrh., 1975. Wash., 1975, p 55.
[31] The Department of State Bulletin, 1976, Febr. 2, p. 138.

крывать балансовую стоимость экспроприированных активов, но в какой-то степени возмещать потерю тех потенциальных прибылей, которые могли бы быть получены монополиями в период до истечения юридического срока аннулированного концессионного соглашения [32]. Репрессалии против правительств, национализирующих активы США, были предусмотрены рядом актов американского конгресса. Так, в текст Закона 1974 г. о торговле были включены ограничительные оговорки в отношении развивающихся стран, осуществляющих национализацию собственности американских компаний без выплаты должной компенсации. Эти оговорки содержали угрозу лишения таких стран торговых преференций, т. е. прав экспортировать в США их товары на недискриминационных условиях [33].

Сопротивляясь национализации нефти, Вашингтон вместе с тем был вынужден согласиться с перестройкой отношений нефтяных ТНК с ближневосточными правительствами на базе «системы участия», которая в конечном итоге означала потерю американским нефтяным капиталом юридических прав собственности на нефтяные активы. Дело в том, что эта система в общем и целом не противоречила американским критериям национализации. Во-первых, она вводилась арабскими странами не в одностороннем порядке, а в результате переговоров с монополиями и заключения в 1972—1973 гг. соответствующих соглашений. Во-вторых, «система участия» удовлетворяла ключевое американское требование о выплате собственникам активов «справедливой компенсации». Немалое значение имело и то, что США с помощью своих экономических рычагов были уже не в состоянии жестко воздействовать на такие располагавшие крупными финансовыми ресурсами страны, как Ирак, Иран и Саудовская Аравия. Последние осуществили ограничительные меры в отношении американских ТНК фактически безнаказанно. В 70-е годы во многом потерял эффективность прежний фактор борьбы против национализации нефти — господство Международного нефтяного картеля (крупнейших нефтяных ТНК США и Западной Европы) на мировом капиталистическом рынке нефти. Доля картеля в контроле над поставками нефти за пределами социалистических стран за последнее десятилетие уменьшилась с 78 до 44 % [34]. Традиционный способ установления монополиями эмбарго на закупки национализированной нефти больше не срабатывал.

США строили свою политику в отношении ближневосточных государств на основе «доктрины взаимозависимости», являвшейся одной из теоретических основ американского нефтяного колониализма. Ключевым компонентом этой доктрины был тезис о том, что интересы нефтедобывающих стран региона по мере возрастания их финансовой мощи должны сближаться с интересами Соединенных Штатов и взаимно дополнять друг друга. Соответственно должна-де возрастать заинтересованность производителей нефти в поддержании экономиче-

[32] Foreign Affairs, 1973, Apr., p. 476.
[33] Public Law 93—618, 93d Congr., Jan. 3, 1975. Wash., 1975, p. 90—91.
[34] Правда, 1980, 13 окт.

ской и финансовой стабильности США. Ближневосточные государства, по мысли американских стратегов, обязаны обеспечивать Соединенным Штатам гарантированные долгосрочные поставки нефти по «приемлемым ценам», а США в обмен на нефтедоллары будут осуществлять программы экономического развития этих стран, расширения экспорта, а также поставок им вооружений. Излагая основу «доктрины взаимозависимости», госсекретарь США Г. Киссинджер, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 29 сентября 1975 г., говорил: «Мы — естественные партнеры, а не противники. Страны-потребители должны иметь надежный доступ к нефти по умеренным ценам. Для того чтобы инвестировать свои новые богатства, обретенные благодаря нефти, страны-производители должны стать главными участниками глобальной финансовой и экономической системы, а чтобы обратить свои новые богатства в товары, они должны стать крупными импортерами нашей продукции. Мы готовы сотрудничать со странами Ближнего и Среднего Востока в связывании наших экономик на равных условиях» [35].

Классовый смысл этой доктрины заключался в установлении своего рода союза нефтяного капитала США с частным и государственным капиталом ближневосточных государств, в закреплении неоколониалистских форм их эксплуатации, подрыве самих возможностей проведения ими мер против нефтяных монополий. Вашингтон намеревался опутать страны Ближнего и Среднего Востока цепями финансовых обязательств, пристегнуть их к мировому капиталистическому рынку, внедриться в их экономику, сохранить эти страны в рамках мировой капиталистической системы, обеспечить бесперебойные поставки ближневосточной нефти на рынки Запада в долгосрочном плане и по стабильным ценам. Выдвижение «доктрины взаимозависимости» означало определенный отход Вашингтона от прежних концепций, которые предписывали закрепление нефтедобывающих стран на положении топливно-энергетического придатка Запада. Теперь США декларировали намерение содействовать развитию и диверсификации экономики ближневосточных государств за счет их нефтедолларов. Разумеется, империализм не ставил задачу реального экономического развития этих государств в интересах народов региона. Речь шла о более прочном внедрении американских ТНК в ближневосточные страны, обеспечении условий для их сохранения в рамках мировой системы капитализма.

Задача внедрения «доктрины взаимозависимости» в структуру отношений США со странами Ближнего и Среднего Востока с начала 70-х годов поставлена в повестку дня дипломатии Вашингтона. К реализации ключевого компонента доктрины — положения о сотрудничестве с ближневосточными государствами в торгово-экономической и научно-технической областях — Соединенные Штаты приступили тогда же. Выполнялись «программы развития», включавшие сооружение различных предприятий и объектов в странах региона. Правительство США выступало как организатор и координатор такого

[35] The Department of State Bulletin, 1975, Oct. 20, p. 583.

сотрудничества, а также как гарант инвестируемых американскими монополиями финансовых средств. Со своей стороны, частный бизнес в лице транснациональных корпораций за счет нефтедолларов осуществлял конкретные промышленные и другие проекты. Были созданы совместные межправительственные органы — комиссии по сотрудничеству. Такие комиссии США учредили в 1974 г. с Ираном, Саудовской Аравией, Египтом, Иорданией [36]. Наиболее широкомасштабное экономическое сотрудничество США осуществляли с Ираном до победы иранской революции в феврале 1979 г. и Саудовской Аравией — странами, которые являлись наиболее крупными получателями нефтедолларов.

Быстро росли объемы американской торговли с государствами региона. Так, суммарный торговый оборот США со странами Ближнего и Среднего Востока возрос с 1,8 млрд. долл. в 1970 г. до 25,5 млрд. долл. в 1978 г.[37] Наиболее значительно расширилась торговля США с крупными нефтедобывающими странами — Саудовской Аравией, Ираном, Кувейтом. Так, за 1970—1978 гг. объем торговли США с Саудовской Аравией увеличился в 60 раз, с Ираном — в 16,6 и с Кувейтом — в 9,5 раза [38]. Основными статьями американского экспорта были продовольствие, оборудование (в том числе энергетическое), стройматериалы, транспортные средства, различные виды сырья, военная техника. В американском импорте преимущественную долю в 70-е годы составляла нефть.

Империалистический характер «доктрины взаимозависимости» был наглядно продемонстрирован шахским Ираном, который служил «образцовой моделью» применения этой доктрины. Вашингтон выполнял разумеется, за нефтедоллары — любые амбициозные планы шаха в отношении «модернизации» страны, перекраивания традиционных устоев жизни иранского общества на западный лад. Выполнение «программ развития» в различных отраслях иранской экономики, создание военной индустрии и внушительной военной машины требовали огромных нефтедолларовых средств. Однако шахская политика не ослабила острейших социально-экономических трудностей и противоречий в Иране, не привела к повышению уровня жизни широких народных масс, к ликвидации отсталых средневековых структур. Наоборот, реализация «доктрины взаимозависимости» сопровождалась в Иране процессами резкого роста инфляции и безработицы, обнищания рабочего класса и крестьянства, поляризации классовых сил.

Попытки США подавить антиимпериалистическое движение в ближневосточных странах предпринимались и по линии противоборства с ОАПЕК (Организация арабских стран — экспортеров нефти), в состав которой входили шесть самых крупных нефтедобывающих государств Ближнего и Среднего Востока — Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Кувейт, Катар и ОАЭ (до 75 % всей нефтедобычи

[36] The Middle East Journal, 1977, Winter, p. 16—30.
[37] Statistical Abstract of the United States, 1979. Wash., 1979, p. 864—865.
[38] Подсчитано по: Ibid.

ведущей организации — ОПЕК). Вашингтон оказывал на ОАПЕК политический и дипломатический нажим, использовал экономические средства давления.

Одной из наиболее острых проблем американского противоборства с ОПЕК было регулирование цен на нефть. В основе американской программы-максимум по этому вопросу лежали расчеты отвоевать у ОПЕК прежние неограниченные права ТНК устанавливать цены на нефть по своему произволу. Однако, понимая невозможность реализации этой максималистской задачи в условиях ослабления позиций американского нефтяного комплекса в регионе, США в качестве программы-минимум стремились заморозить цены на нефть при сохранении за ОПЕК прерогатив на процесс ценообразования. Дж. Картер неоднократно подчеркивал «очень большую важность» поддержания стабильности в мировых ценах на нефть [39].

Правительство США по каналам личной дипломатии президента и по другим каналам, особенно в том, что касалось Саудовской Аравии и шахского Ирана, оказывало нажим на страны ОПЕК, требуя проявлять «сдержанность»; когда государства—экспортеры нефти принимали решения о повышении цен на нее, правительство США выражало свое «сожаление». Так, в заявлении Белого дома от 17 декабря 1978 г., опубликованном в связи с повышением цен на нефть на 14,5 %, говорилось, что Соединенные Штаты «сожалеют» об этом решении ОПЕК и надеются, что «оно будет пересмотрено» [40].

Значительная роль в борьбе Вашингтона против ОПЕК отводилась факторам внешнего нажима, в частности давлению на ОПЕК со стороны капиталистического рыночного механизма. Ставилась задача с помощью жесткого регулирования спроса на нефть на нефтяном рынке Запада, искусственного «затоваривания» этого рынка оказывать финансовое давление на ОПЕК, подрывать установленный этой организацией единый механизм ценообразования [41]. США опирались при этом на свой большой энергетический потенциал, использовали свой широкий выход на мировой нефтяной рынок и свою значительно меньшую, чем у Японии и стран Западной Европы, зависимость от нефти ОПЕК, в том числе от нефти Ближнего и Среднего Востока. В конгрессе США открыто обсуждалась стратегия борьбы против ОПЕК, строились планы воздействия рыночного механизма с целью расколоть единство этой организации [42]. Мощным рычагом американского нажима на ОПЕК стал созданный в 1974 г. империалистический блок стран — потребителей нефти — Международное энергетическое агентство (МЭА), механизм которого обеспечивал возможность регулировать и лимитировать потребление нефти Соединенными Штатами, западноевропейскими странами и Японией.

[39] Weekly Compilation of Presidential Documents, 1977, Nov. 21, p. 1783.
[40] The Department of State Bulletin, 1979, Febr., p. 35.
[41] *Yager J., Steinberg E.* Energy and US Foreign Policy: A Report to the Energy Policy Project of Ford Foundation. Cambridge, 1975, p. 268.
[42] Energy Independence or Interdependence: The Agenda with OPEC. Hearings, Joint Economic Committee, US Congress, Jan. 1977. Wash., 1977, p. 21.

Одновременно Соединенные Штаты вели курс на подрыв ОПЕК изнутри. Это делалось путем поощрения раскольнической деятельности проамериканских сил в этой организации. Ставка делалась на то, чтобы стимулировать возникавшие в ОПЕК противоречия по вопросу о ценах на нефть и квотах на уровни нефтедобычи, которые отражали борьбу в рамках ОПЕК двух сил — блока консервативных стран (Саудовская Аравия, ОАЭ, шахский Иран), с одной стороны, и блока антиимпериалистических стран (Алжир, Ливия, Ирак) — с другой. Однако американская стратегия на противоборство с ОПЕК не сработала. Вашингтон в целом не смог подорвать ценовую политику Организации стран — экспортеров нефти, хотя у нее в 1981—1984 гг. и возникли финансовые трудности в связи с затовариванием мирового нефтяного рынка. Эти трудности выразились в сокращении объема валютных поступлений от экспорта нефти и ухудшении финансового положения стран ОПЕК, вынужденном уменьшении уровня нефтедобычи, введении квоты на нефтедобычу, стабилизации с 1982 г. цены на сырую нефть на уровне 29 долл. за баррель и ниже.

Во многом империалистический, колониальный характер носили энергетические программы США, выдвинутые в 1973—1984 гг. правительствами Р. Никсона, Дж. Форда, Дж. Картера и Р. Рейгана. Сама разработка этих программ была продиктована теми выводами, которые сделал Вашингтон из анализа ухудшившихся позиций американского нефтяного комплекса в ближневосточном регионе. Кроме того, руководители США признали экономическую и стратегическую опасность значительной привязки американской экономики и Пентагона к ближневосточной нефти. Тот факт, что арабские страны дважды — в 1967 и в 1973 гг. — вводили эмбарго на экспорт своей нефти в США, что они за 1970—1980 гг. примерно в 20 раз повысили цены на нефть и в ряде стран добились юридического контроля над активами американских нефтяных ТНК в регионе, свидетельствовал о явной несостоятельности расчетов Вашингтона на гарантированный доступ к ближневосточной нефти в дальнейшем. Предшествующая политика не принесла желаемых результатов — арабы не сломались, а, наоборот, перешли в наступление против Соединенных Штатов и весьма существенно потеснили их.

Учитывая это, Вашингтон был вынужден развивать собственные энергетические программы. Правящие круги США решили с помощью комплекса государственно-регулирующих и рыночно-капиталистических мер сократить зависимость США от импортной, прежде всего ближневосточной нефти, и одновременно усилить давление на ОПЕК: сузить экспортные возможности этой организации; лишить ее суверенного права устанавливать цены на нефть или, как минимум, вынудить ее — в условиях искусственного затоваривания капиталистического нефтяного рынка — заморозить эти цены; поставить в трудное положение те страны ОПЕК, которые стремились получить максимальные нефтяные доходы в целях финансирования своего экономического развития. Вашингтон связывал со своими энергетическими программами расчеты на проведение еще более

жесткого курса на Ближнем и Среднем Востоке, а также на ослабление тех политических активов, которые были получены нефтедобывающими странами в результате проведения ими успешных антиимпериалистических шагов.

Экспансионистская политика американских нефтяных ТНК на Ближнем и Среднем Востоке сталкивалась с возраставшим противодействием иранского и арабских народов. Под ударами антиимпериалистических движений американские нефтяные ТНК не смогли удержать в регионе прежние доминирующие позиции. В 70-е годы нефтяной комплекс США на Ближнем и Среднем Востоке вступил в этап кризиса. Фактически были разорваны — задолго до истечения их юридических сроков — основные концессионные соглашения Ирана, Ирака, Саудовской Аравии, Кувейта, Катара, Бахрейна, ОАЭ с нефтяными ТНК США и других стран Запада. Нефтедобывающие государства установили национальный контроль над ресурсами нефти, добились прав собственности на подавляющую часть активов западных компаний-концессионеров, взяли в свои руки административно-производственное руководство нефтедобычей. У монополий были отобраны прежние диктаторские права устанавливать по своему произволу цены на нефть и уровни нефтедобычи, определять объем и географические направления нефтеэкспорта.

Серьезным ударом по позициям нефтяного комплекса США явилась проведенная в 1972 г. Ираком национализация активов международной компании «Ирак петролеум компани», а в 1973—1975 гг. — филиалов этой компании «Мосул петролеум» и «Басра петролеум», акционерами которых были крупнейшие нефтяные монополии США, Англии, Нидерландов и Франции. Несмотря на нажим монополий, пытавшихся организовать бойкот закупок национализированной иракской нефти, Ирак при поддержке СССР смог успешно решить возникшие в связи с национализацией проблемы. США и их партнеры в условиях разрядки международной напряженности не рискнули прибегнуть к «дипломатии канонерок» или к экономической блокаде Ирака. Иракское правительство смогло наладить нормальный сбыт нефти на мировом рынке; оно полностью поставило под свой контроль основные операции с нефтью — добычу, переработку и экспорт. В феврале 1973 г. Ирак подписал соглашение с компаниями — участницами «Ирак петролеум компани» об урегулировании вытекающих из национализации финансовых претензий сторон.

Крупные антиимпериалистические преобразования произошли в 70-е годы в нефтепромышленности Ирана. Победа антиимпериалистической революции в Иране нанесла решительный удар по нефтяным позициям США. В 1979 г. иранское правительство расторгло соглашение с консорциумом и полностью выдворило его монополии из страны. Иранская национальная нефтяная компания установила контроль над всеми нефтяными операциями [43]. Был положен конец 80-летнему контролю империализма над иранской нефтью. После революции Иран фактически не осуществлял экспорта нефти в США.

[43] The Middle East and North Africa, 1979—1980. L., 1979, p. 99, 116.

Но движение за проведение полной национализации нефти (по типу Ирана и Ирака) не приобрело на Ближнем и Среднем Востоке всеохватывающего характера.

Консервативные нефтедобывающие государства региона осуществляли в отношении ТНК США лишь половинчатые ограничительные меры. Так, Саудовская Аравия, Кувейт, Катар и ОАЭ перестроили свои отношения с монополиями в рамках частичной, поэтапной национализации, получившей название «системы участия». Местные правительства приобретали постепенно возраставшую долю имущества компаний-концессионеров (вплоть до 100 %). В отличие от полной национализации «система участия» предполагала продолжение деятельности компаний в стране под жестким государственным контролем. Монополии фактически превращались в подрядчиков местных правительств, предоставляя им свой производственно-технический опыт, технологию, транспортные и сбытовые услуги в обмен на льготные цены на нефть при сохранении за правительствами юридических прав собственности на добытую нефть, нефтепромыслы и заводы [44].

«Система участия» реализовывалась в 1972—1980 гг. В октябре 1972 г. в Нью-Йорке было подписано генеральное соглашение по вопросу об участии между западными нефтяными компаниями, действовавшими на Ближнем и Среднем Востоке, с одной стороны, и четырьмя арабскими нефтедобывающими государствами (Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, ОАЭ) — с другой. Предусматривалась передача этим четырем странам в 1973 г. 25 % активов компаний в обмен на выплату компенсации, с доведением в 1982 г. их доли до 51 %[45]. Местные правительства должны были продавать монополиям по льготным ценам бóльшую часть причитавшихся им долей нефти [46].

В 1973 г. Саудовской Аравией, Кувейтом, Катаром и ОАЭ был завершен процесс выкупа 25 % активов. В 1974 г. эти страны форсировали реализацию системы участия и добились получения 60 % активов компаний АРАМКО, «Кувейт ойл», «Катар петролеум» и «Абу-Даби петролеум», акционерами которых являются крупнейшие западные нефтяные ТНК, в том числе американские компании «большой пятерки». В 1975 г. Кувейт и в 1976 г. Катар взяли под свой контроль оставшиеся 40 % активов, установив тем самым юридические права собственности над 100 % активов «Кувейт ойл» и «Катар петролеум» [47]. Саудовская Аравия завершила начатые в 1975 г. переговоры с АРАМКО о выкупе оставшейся доли (40 %) активов лишь в 1980 г. На основу «системы участия» перевели свои отношения с нефтяными ТНК Запада и ряд других государств региона.

Перестройка отношений ближневосточных стран с монополиями на базе «системы участия» явилась, конечно, шагом по пути к утверж-

[44] *Maddox J.* Beyond the Energy Crisis. L., 1975, p. 11.
[45] The Middle East and North Africa, 1973—74. L., 1973, p. 69.
[46] Multinational Oil Corporations and US Foreign Policy: Report, Committee on Foreign Relations, US Senate. Jan. 2, 1975. Wash., 1975, p. 135, 139.
[47] The Middle East and North Africa, 1978—79. L., 1978, p. 88.

дению полного национального суверенитета над нефтью, установлению новых, более справедливых отношений с западным нефтяным капиталом. В то же время эту систему нельзя отождествлять с полной ликвидацией господства монополий. Хотя монополии больше не вкладывают своих капиталов в ближневосточную нефть и не являются собственниками нефтяных активов, однако в их руках фактически сохранились техническое руководство работой нефтепромыслов, проведение геологической разведки, поставки нефтяного оборудования, переработка, транспортировка и сбыт нефти. Монополии использовали тот факт, что национальные нефтяные компании не располагали сбытовыми каналами, позволявшими самостоятельно реализовывать всю массу добываемой нефти на внешних рынках. В рамках «системы участия» монополии смогли добиться гарантированных прав на закупку конкретно установленных количеств нефти (до 80 % от общей нефтедобычи) по льготным ценам и на долгосрочной основе для переработки и сбыта по своим каналам [48]. Сенатор Э. Кеннеди заявил 2 июня 1976 г. в Объединенной экономической комиссии конгресса США, что «исторический переход от собственности к участию не ликвидировал те важные функции, которые главные нефтяные ТНК выполняли для правительств ОПЕК. Компании осуществляют разведку, транспортировку, переработку и продажу большей части нефти ОПЕК» [49]. В целом «система участия» обеспечила монополиям сохранение доступа к нефти ряда ключевых стран Ближнего и Среднего Востока, хотя и не в таких широких масштабах, как в прошлом.

Важным направлением борьбы ближневосточных государств против диктата нефтяных ТНК были меры по развитию национального нефтяного производства. Во-первых, большое значение приобрело укрепление государственных руководящих органов по нефти (министерств по делам нефти), которые были созданы во всех нефтедобывающих странах региона. Эти органы осуществляли административное и техническое руководство нефтяными предприятиями, способствовали росту национальной нефтяной индустрии, координировали нефтяную политику в рамках ОПЕК и Организации арабских стран — экспортеров нефти (ОАПЕК). Во-вторых, важную роль играли государственные нефтяные компании ближневосточных государств. Эти компании все больше сосредоточивали в своих руках функции добычи, переработки, транспортировки и сбыта нефти; осуществляли подготовку к самостоятельному выполнению в дальнейшем полного цикла нефтяных операций. Со второй половины 70-х годов национальные нефтяные компании, а не иностранные монополии стали главными производителями нефти в ближневосточном регионе. Некоторые из них, в первую очередь компании Ирана. Ирака и Кувейта, добились широкого выхода на мировые рынки, значительно укрепили свой финансово-экономический и технический

[48] *Андреасян Р. Н., Казюков А. Д.* ОПЕК в мире нефти. М., 1978, с. 56

[49] Multinational Oil Companies and OPEC: Implications for the US Policy, Hearings, Joint Economic Committee, US Congress, June 2, 3 and 8, 1976. Wash., 1977. p. 2.

потенциал. Вместе с тем на деятельности национальных компаний отрицательно сказывался нажим западных монополий. Они испытывали трудности с приобретением нефтяного оборудования в США; остро давал себя знать недостаток собственных транспортных средств и нефтеперерабатывающих мощностей и особенно — отсутствие развитой системы сбытовых каналов за рубежом.

Принципиально важным результатом антиимпериалистической борьбы ближневосточных государств явилась коренная ломка существовавшей в 50—60-е годы эксплуататорской системы установления цен на нефть и всей структуры финансовых отношений этих государств с нефтяными ТНК.

Под давлением ОПЕК с начала 70-х годов проходил процесс ликвидации диктаторских прерогатив монополий на установление цен на ближневосточную нефть. Первым решительным шагом в этом направлении было подписание 14 февраля 1971 г. Тегеранского соглашения шести стран зоны Персидского залива — членов ОПЕК (Ирана, Ирака, Саудовской Аравии, Кувейта, Катара и ОАЭ) с группой действующих в этом районе нефтяных монополий США, Англии, Франции и Голландии [50]. Соглашение предусматривало выгодное для производителей нефти ежегодное повышение справочных цен на нефть зоны Персидского залива на 25—30 % с учетом инфляции, а также увеличение с 50 до 55 % нормы отчислений местным правительствам от доходов монополий, получаемых при реализации сырой нефти (подоходный налог). Соглашение бесповоротно аннулировало принцип 50 : 50 и впервые в истории установило формулу раздела прибылей в пользу ближневосточных государств.

Тегеранское соглашение открыло шлюзы для проведения в первой половине 70-х годов ряда других антиимпериалистических преобразований в структуре финансово-ценовых отношений между ближневосточными государствами и монополиями. Результатом новых соглашений с ТНК и односторонних актов стран — производителей нефти было значительное повышение справочных цен на нефть, а также увеличение с 55 до 85 % ставок подоходного налога с монополий. С 1973 г. был прочно утвержден принцип, согласно которому производители нефти решают вопрос об установлении цен на нефть без согласования с монополиями. Важно и то, что в 1975 г. в основу финансовых расчетов нефтедобывающих стран с монополиями впервые положен принцип единых продажных цен вместо прежних справочных цен, которые носили неравноправный и экономически несостоятельный характер [51].

Осуществлявшийся ближневосточными странами в рамках ОПЕК в 1970—1980 гг. курс на повышение цен на экспортируемую нефть являлся одним из направлений антиимпериалистической борьбы. Повышение цен было средством привлечения дополнительных ресурсов для развития национальных экономик. С другой стороны, оно отвечало целям ликвидации установленной монополиями практики

[50] Текст см.. The Middle East and North Africa, 1973/74. L., 1973, p. 72—73.
[51] The Middle East and North Africa, 1978/79, p. 102.

неэквивалентного обмена дешевой нефти на постоянно возраставшие в цене промышленные товары и консультационные услуги и преодоления давления инфляционных процессов в развитых капиталистических странах. Решения о повышении цен принимались странами ОПЕК коллективно на проводившихся дважды в год конференциях этой организации. Динамика базисных цен ОПЕК (в текущих ценах, в долларах за баррель; в 1 т — 7,2 барреля) выглядит следующим образом: в ноябре 1970 г. — 1,80; в октябре 1973 г. — 5,12; в январе 1974 г. — 11,65; в январе 1975 г. — 11,25; в апреле 1979 г. — 14,55; в январе 1980 г. — 24,00—30,00; в июле 1980 г. — 32,00—37,00; в 1983 г. — 29,00 [52].

Следует отметить еще один принципиально важный результат антиимпериалистической борьбы. У нефтяных ТНК отобрано право произвольно регулировать уровни нефтедобычи в странах Ближнего и Среднего Востока. Ушла в прошлое прежняя практика монополий, которые манипулировали уровнями нефтедобычи в своих конъюнктурных интересах, в том числе в интересах оказания финансового нажима на те ближневосточные государства, которые отказывались послушно идти в фарватере политики Запада. Ближневосточными странами было прочно завоевано право регулировать уровни нефтедобычи в соответствии со своими экономическими потребностями, состоянием нефтяного рынка и общей антиимпериалистической стратегией ОПЕК. Так, в октябре 1973 г. — в разгар четвертой арабо-израильской войны — арабскими странами в одностороннем порядке было принято решение о сокращении объемов нефтедобычи на 25 % [53]. Большинство ближневосточных государств поддерживали нефтедобычу на уровне, который был ниже имевшихся производственных мощностей.

Важно отметить и то, что нефтедобывающие арабские страны, включая и те, где у власти находились консервативные режимы, дважды использовали нефть в качестве средства борьбы за ликвидацию последствий агрессии Израиля. В июне—августе 1967 г. арабские страны впервые пустили в ход свое «нефтяное оружие», осуществив на коллективной основе эмбарго на экспорт нефти в США и в некоторые другие страны НАТО в связи с их пособничеством израильской агрессии против Египта, Сирии и Иордании. Хотя эта мера оказалась неспособной серьезно обострить положение на внутреннем нефтяном рынке США или сократить прибыли монополий, однако она продемонстрировала немалые возможности «нефтяного оружия» арабов [54]. Неизмеримо более действенный характер носили нефтяные репрессалии арабских стран в октябре 1973 г.—марте 1974 г. (полное эмбарго на экспорт нефти в США), одобренные

[52] The Middle East and North Africa, 1979/80, p. 112; Time, 1979, Dec. 31; New York Times, 1980, June 12; Правда, 1983, 16 марта.

[53] Selected Documents. US International Energy Policy. Oct. 1973—Nov. 1975. The Department of State. Wash., 1975, p. 3.

[54] *Schurr S., Homan P.* Middle Eastern Oil and the Western World. N. Y., 1971, p. 14.

17 октября 1973 г. сессией ОАПЕК в Кувейте в связи с той широкомасштабной военной помощью, которую Вашингтон оказывал Израилю в ходе четвертой арабо-израильской войны. Это эмбарго продолжалось 5 месяцев. Его отличительными чертами были широкий всеарабский характер и последовательность [55]. В проведении эмбарго участвовали Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, Египет, Катар, ОАЭ, Сирия, Алжир и Ливия. В результате эмбарго и последующего повышения цен на нефть валовой национальный продукт США сократился на 20 млрд. долл.; в стране было потеряно 500 тыс. рабочих мест [56].

Можно констатировать, что нефтяному комплексу США в ближневосточном регионе были нанесены в 70-е годы серьезные удары. Однако нефтяные ТНК, несмотря на изменения в правовой основе их деятельности и в структуре собственности, все еще располагали сильными позициями на мировых нефтяных рынках, а также в нефтяной индустрии ряда ближневосточных государств. По американским прогнозным данным, в 80-е годы район Ближнего и Среднего Востока будет по-прежнему занимать важное место в эксплуататорских интересах нефтяных ТНК. Считается, что после выхода США из экономического кризиса 1979—1982 гг., приведшего к сокращению потребления в США, странах ЕЭС и Японии энергоносителей, спрос на нефть в США будет возрастать, в то время как внутренняя нефтедобыча будет по-прежнему значительно отставать от спроса даже при условии, что Соединенные Штаты доведут ее в штате Аляска и на континентальном шельфе до запроектированного уровня. Нет у США возможности строить расчеты на значительное наращивание нефтедобычи в других районах мира за пределами ближневосточного региона, которые могли бы послужить альтернативными источниками нефтеимпорта. В этих условиях нефтеимпорт из района Ближнего и Среднего Востока будет по-прежнему играть большую роль в удовлетворении энергетических потребностей США, других стран НАТО и Японии. Поэтому ближневосточный регион остается важнейшим объектом агрессии и экспансии империалистических держав.

[55] *Mangone G.* Energy Policies of the World. N. Y., 1976, vol. 1, p. 151—156
[56] Weekly Compilation of Presidential Documents, 1977, Jan. 10, p. 9.

Экспансия американского империализма в страны Среднего Востока

Н. В. КАПЫШИН, И. ЛЕОНИДОВ

Характерной особенностью стран Среднего Востока является богатство их природных ресурсов. В районе Персидского залива имеются колоссальные запасы нефти, природного газа и различных рудных полезных ископаемых. Значение их для мирового капиталистического рынка постоянно возрастает. В последние годы добыча нефти в этом районе составляет примерно 1300 млн. т в год и бóльшая часть ее вывозится в наиболее развитые в промышленном отношении страны Европы, Японию и США.

Непосредственная близость данного региона к южным рубежам Советского Союза (линия границы Афганистана, Ирана и Турции с СССР составляет около 6 тыс. км) с точки зрения империализма придает этим странам важное военно-стратегическое значение. Эти факторы сыграли большую роль в определении направления экспансионистской политики империалистических держав, особенно США, на Среднем Востоке.

После второй мировой войны первостепенными объектами американской экспансии на Среднем Востоке явились Турция и Иран.

США открыто сделали ставку на Турцию как на военно-стратегического союзника на Среднем Востоке. До 60 американских военных объектов, в том числе 7 крупных баз, расположены на территории Турции, граничащей с Советским Союзом. Ей Пентагон отводит роль плацдарма для ведения военных действий против СССР в Закавказье и социалистических стран на Балканском полуострове, а также военной базы при перебросках сил быстрого развертывания на Ближний Восток [1]. Такова нынешняя военно-политическая роль Турции в экспансионистских планах США, которые за всю послевоенную историю «сотрудничества» с различными турецкими проамериканскими администрациями настойчиво стремились именно к этому. Начало такого «сотрудничества» было положено задолго до официального вступления Турции в НАТО в 1952 г. и было предопределено еще до окончания второй мировой войны.

В июле 1947 г. в соответствии с принятым 22 мая конгрессом США законом, одобрившим «доктрину Трумэна», было подписано американо-турецкое соглашение об оказании помощи Турции в целях, как провозглашалось в преамбуле документа «сохранения ее свободы и независимости» [2]. По этому соглашению в Турцию поставлялись вооружение и военное оборудование, направлялись американские инструкторы и советники, под руководством которых были разрабо-

[1] Откуда исходит угроза миру? 3-е доп. изд. М., 1984, с. 27.
[2] Внешняя политика Турции после второй мировой войны. М., 1976, с. 63.

таны программы строительства дорог, морских стратегических сооружений.

Проникновение США в Турцию расширилось с принятием последней в 1948 г. «плана Маршалла». Помощь по этому плану также преследовала цели милитаризации Турции и превращения ее в плацдарм против национально-освободительного движения народов Ближнего и Среднего Востока против империализма. С появлением плана США о создании военного блока западных держав правящие круги Турции одобрили его и выразили желание присоединиться к нему. При этом они упорно доказывали, что «оборона Атлантики начинается в Восточном Средиземноморье». С таким заявлением выступил, например, турецкий министр иностранных дел Садак еще в мае 1948 г., т. е. почти за год до подписания договора о создании НАТО [3]. После создания НАТО Садак вновь заявил о желании Турции стать членом этой военной группировки, подчеркнув при этом, что роль на Ближнем и Среднем Востоке Турции, выступающей «отныне во всех американских мероприятиях в этом районе, может быть весьма важной» [4]. Иными словами, милитаристские планы США в ближневосточном регионе концентрированно выражались в усилении их военного присутствия в Турции с полного одобрения ее правящих кругов. Такое присутствие принимало с каждым годом в течение всего послевоенного периода все более широкие формы и масштабы, что не могло не усиливать опасность для южных границ СССР и других стран социалистического содружества, так же как и для прогрессивных арабских режимов данного региона.

Главным «взносом» Турции при вступлении в НАТО в феврале 1952 г. стала ее более чем полумиллионная армия. Официально она «приписала» к НАТО 15 дивизий. С ее вступлением в этот союз была расширена структура командования НАТО. На Турцию распространилась деятельность Европейского командования НАТО. В Измире обосновалось командование объединенными сухопутными силами Юго-Восточной Европы и штаб 6-го тактического авиасоединения НАТО, а в Анкаре командование Средиземноморья. Для связи между штабами НАТО и командующим вооруженными силами в стране Турция имеет военного представителя в Верховном штабе объединенных сил Европы. Выделенные для объединенных сил НАТО турецкие дивизии в случае войны будут подчиняться командованию НАТО на высшем уровне.

Турция стала, таким образом, одним из активнейших членов этого блока, синхронизируя свою политику с политикой США. Она поддерживала в эти годы все известные агрессивные акции США в ООН, солидаризировалась с американскими планами создания в данном регионе различных военных пактов, в том числе «Средневосточной оборонительной организации», а также военного блока на Среднем Востоке под названием «Северный ярус обороны»; вступила в Багдадский пакт, переименованный затем в СЕНТО

[3] Там же, с. 64.
[4] Там же.

в связи с выходом из него Ирака; Турция активно участвовала в агрессивной войне США против КНДР. Такая активная военная солидарность Турции с США завершилась в 50-е годы подписанием в Анкаре 5 марта 1959 г. военного соглашения между Турцией и США. Срок действия соглашения не был установлен. Подобные соглашения в тот же день были подписаны США с Ираном и Пакистаном. В соответствии с указанным соглашением 1959 г., отмечал известный турецкий ученый Т. Атаёв, «сегодня оказывается возможным вмешательство США... включая и использование вооруженных сил» во внутренние дела Турции [5]. Для этого достаточно заявления ее правительства о том, что ему угрожает «коммунистическая агрессия». В последующие годы, несмотря на всякого рода внутриполитические перемены в Турции, США продолжали наращивать свое военное присутствие на турецкой территории, а следовательно, и во всем ближневосточном регионе. Особое внимание американцы стали уделять Турции после известных событий в Иране и апрельской революции в Афганистане. Если считать со времени выдвижения «доктрины Трумэна» и до середины 60-х годов, то по размерам американской военной и экономической помощи другим странам Турция замыкала первую десятку таких государств, а в настоящее время она уступает в этом отношении лишь Израилю и Египту. Одновременно была произведена унификация американо-турецких соглашений о военном сотрудничестве, число которых превысило полсотни, с некоторым усилением турецких контрольных функций за военной деятельностью США в Турции. Смысл этих функций был отражен в едином турецко-американском соглашении о сотрудничестве в совместной обороне, подписанном в Анкаре 3 июля 1969 г. и заменившим все ранее существовавшие двусторонние соглашения в этой области. Отныне американские военные объекты в Турции стали именоваться совместными оборонительными сооружениями, находящимися под турецким контролем, а гражданскому и военному персоналу США в Турции было предписано выполнение турецких законов.

Указанное соглашение претерпело некоторые модификации, главным образом в связи с серьезными осложнениями в турецко-американских отношениях, вызванных вводом турецких войск на Кипр в 1974 г. и введением в этой связи эмбарго США на военные поставки Турции. Однако в конечном счете США сумели отрегулировать свой военно-стратегический альянс с Турцией, о котором уже частично сказано и который в 80-е годы можно было бы охарактеризовать следующим образом. Основу этого альянса составляют подписанное в Анкаре 29 марта 1980 г. «Соглашение о сотрудничестве в области обороны и экономики», три дополнительных к нему соглашения и 13 приложений. Все эти документы были подписаны в рамках НАТО, в частности на основе ст. 2 и 3 договора о НАТО и многостороннего соглашения между членами блока о статусе вооруженных сил от 19 июля 1951 г. Соглашение было подписано на пятилетний срок. В случае если оно не будет расторгнуто за три месяца до окон-

[5] Там же, с. 73.

чания срока действия, то оно автоматически пролонгируется на год, и так каждый последующий год. Натовская окраска соглашения, а также упоминание в преамбуле к нему о том, что «сотрудничество в области обороны и экономики ограничивается зоной ответственности НАТО и обязанностями в рамках союза» [6], не меняют существа и агрессивного содержания нынешней военной деятельности США на турецкой территории. Более того, эта деятельность, продолжающая расширяться и диверсифицироваться, получила новое направление после подписания между США и Турцией 29 ноября 1982 г. в Брюсселе так называемого «меморандума доверия». В соответствии с ним с помощью США осуществляется модернизация 11 действующих аэродромов турецких ВВС и запланировано строительство двух аэродромов в городах Муш и Батман. Иными словами, милитаристская активность США в Турции непосредственно приблизилась таким образом к советско-турецкой сухопутной границе и предусматривает создание в этом районе необходимых условий в интересах обеспечения ВС США, включая американские СБР. Как видно, «сотрудничество» с США прежде всего по военной линии представляет суть американо-турецких отношений.

В рамках этого «сотрудничества» в Турции действуют десятки американских баз и объектов, включая наиболее важные из них в виде авиабазы в Инджирлике, складов ядерных боеприпасов, центров радио и радиотехнической разведки, станций спутниковой, тропосферной и радиорелейной связи и т. д. Численность американских военнослужащих по состоянию на 1984 г. превышает 5 тыс. человек. К тому же США используют турецкие военно-морские базы и порты для пополнения запасов, обслуживания и текущего ремонта кораблей своего 6-го флота, оказывают помощь в переоснащении и модернизации турецкой армии, а также в развитии военной промышленности, в том числе путем строительства совместных военных предприятий. На территории Турции дислоцируются штабы объединенных сухопутных войск и военно-морских сил НАТО, объединенного тактического авиационного командования, передовая база системы дальнего радиолокационного обнаружения и управления «АВАКС» в Конье, а также целый ряд «чисто» американских учреждений, служб, штабов и других объектов. Все это активно используется Вашингтоном в его агрессивных целях в регионе, как это имело место, например, в декабре 1983 г., когда США навязали Турции временное соглашение об использовании базы Инджирлик для обеспечения подразделений ВС США в Ливане.

В течение многих лет США направляли в Турцию всякого рода вооружение и военное снаряжение, предоставляли «помощь» на финансирование обширных программ военного строительства в соответствии с программами НАТО и СЕНТО. Военные поставки в Турцию осуществляются и из других стран — членов НАТО. Однако турецкая армия почти на 90 % оснащена американским вооружением. Долгосрочная программа ее модернизации на ближайшие десять лет

[6] Турция: История, экономика, политика. М., 1984, с. 92.

оценивается в 9—10 млрд. долл. По сообщению газеты «Нью-Йорк таймс», на американской базе в Инджирлике находятся 3730 американских военнослужащих. Этот военный контингент всегда пребывает в состоянии боевой готовности и выполняет задания по поддержанию связи с американскими военными кораблями в Средиземном море и Индийском океане, а также с воинским контингентом США в ФРГ. Инджирлик обслуживает еще три американские площадки на турецких базах и десяток центров связи [7]. В одном из опубликованных госдепартаментом США документов говорится: «Турция удовлетворяет важные потребности США и НАТО в том, что касается военной подготовки в мирное время, передового базирования тактической истребительной авиации, поддержки 6-го американского флота и сбора разведывательных данных» [8].

Военная «помощь» США Турции в 1979 г. составила 175 млн. долл., в 1980 г. — 208 млн. и в 1981 г. — 252 млн. долл. В 1982 г. она резко возрасла и достигла 403,5 млн. долл. Рост этой «помощи» продолжался и в последующие годы. Кредиты и ассигнования на военные цели постоянно составляют главную часть американских субсидий турецкому правительству. В 1982 г. из общей суммы 703 млн. долл. американской помощи они составили примерно 75 %. В 1983 г. они оставались на том же уровне — 402 млн., а в 1984 г. возросли до 715 млн. долл.

Важное место в политике США в послевоенный период занимал и Иран. Одной из задач политики США в Иране явилось прямое содействие сохранению монархического режима. После осуществления проимпериалистического переворота 19 августа 1953 г. американцам не стоило большого труда решить главную военно-политическую задачу — втянуть Иран в агрессивный антисоветский военный блок, создававшийся совместно с Англией и Турцией и получивший тогда название Багдадского пакта. Правительство Хосейна Ала подписало соглашение о присоединении Ирана к Багдадскому пакту в октябре 1955 г. Монархический режим, изменив курсу традиционной политики нейтралитета Ирана, встал на путь официального военно-политического сотрудничества с империализмом. Администрация США незамедлительно выступила с заявлением об одобрении этого решения иранского правительства. В начале 50-х годов Вашингтоном была развернута активная дипломатическая деятельность по сколачиванию военного блока с участием Турции, Ирана, Пакистана и некоторых арабских стран.

В марте 1959 г. США подписали с Турцией, Ираном и Пакистаном двусторонние соглашения. В 50—60-х годах США заключили с монархическим режимом Ирана ряд новых двусторонних договоров. Прежде всего продлены или подписаны новые соглашения о деятельности американских военных и гражданских советников, экспертов и консультантов, направленных в вооруженные силы Ирана, полицию и жандармерию. По предложению американских спецслужб и при их

[7] New York Times, 1981, Mar. 8.
[8] Congressional Record, 1978, July 25, p. 11666—11707.

активном участии в Иране была создана специальная служба политической полиции САВАК, призванная вести борьбу со всеми проявлениями недовольства монархическим режимом и засилием США в стране. По этим соглашениям американским военным советникам и экономическим экспертам были предоставлены широкие полномочия, позволяющие им осуществлять прямое вмешательство во внутренние дела Ирана.

Заокеанскими советниками была составлена программа вооружения иранской армии американским оружием, включая ракетное, и боевой техникой, а также сооружения на территории Ирана разветвленной инфраструктуры — военных аэродромов, посадочных площадок, портов и причалов, шоссейных дорог, сети радио- и телефонной связи. Американцы, под предлогом содействия шаху в превращении Ирана в высокоразвитое государство, фактически форсированными методами перевооружали иранскую армию и создавали на территории Ирана площадки для размещения ракетного оружия. Военные советники США, а их в 1978 г. в Иране насчитывалось 40 тыс. человек [9], разрабатывали для иранской армии не только уставы, но и военно-стратегические планы ведения боевых действий против соседних государств и составляли соответствующие заявки на закупку в США самых последних образцов вооружения. Общая сумма таких закупок в 1978 г. достигла 12 млрд. долл., что составляло 28 % расходной части иранского бюджета.

По секретному соглашению с шахским режимом США построили на территории Ирана 7 станций радиоэлектронного слежения, которые использовались против Советского Союза. Всего с 1972 по 1978 г. администрация США дала согласие на поставку в Иран различного вооружения и снаряжения на сумму 19,38 млрд. долл.[10] Любые попытки иранской стороны несколько уменьшить объем военных контрактов вызывали в США негативную реакцию. В октябре 1978 г. в условиях обострения революционной ситуации Пентагон направил в Тегеран военную делегацию во главе с генералом Дунканом, чтобы убедить иранцев не ограничивать военные закупки в США. К этому времени в Иране уже имелись, по заявлению директора ЦРУ Тернера, 78 американских военных самолетов высшего класса «F—16» и 200 ракет «Феникс» класса «воздух—воздух» [11]. Численность вооруженных сил Ирана была доведена до 240 тыс. человек, а шахской гвардии — до 15 тыс.[12]

С начала революционных событий в Иране администрация США заняла резко отрицательную позицию в отношении национально-патриотических сил и принимала различные меры, чтобы не допустить свержения монархии и победы народа, особенно демократических кругов [13]. Для оказания помощи шаху в Иран было направлено

[9] Междунар. жизнь, 1980, № 4, с. 74.
[10] Там же.
[11] Los Angeles Times, 1979, Mar. 17.
[12] Washington Post, 1979, Dec. 3.
[13] Department of State Bulletin, 1979, Febr., N 2023, p. 45—48.

большое число новых сотрудников ЦРУ и Пентагона. Одновременно планировалось осуществление прямого вооруженного вмешательства США во внутренние дела Ирана [14]. И только решительное противодействие Советского Союза предотвратило вторжение контингентов США в Иран в конце 1978 г.[15] В этой обстановке американскому послу в Тегеране, как и руководителю специально направленной в Иран военной миссии генералу Хойзеру, было рекомендовано Вашингтоном принять меры по удержанию Ирана в «орбите» США[16]. Американские «друзья» рекомендовали шаху применить оружие, т. е. потопить в крови иранский народ, поднявшийся на борьбу против деспотии и американского засилия. Когда армии и шахской гвардии не удалось предотвратить развитие революционного движения, в США приступили к проработке вариантов осуществления военного переворота в Тегеране с использованием агентуры ЦРУ, о чем сообщалось послу США в Иране Салливену помощником президента по национальной безопасности Бжезинским [17].

Однако революционные события в Иране вышли из-под контроля монархического режима и американской администрации.

Прямым следствием народной революции в Иране явилось то, что республиканские власти, созданные в ходе революции, приняли решение о выходе Ирана из блока СЕНТО и закрытии его военных органов, находившихся в Тегеране, денонсации всех кабальных договоров и соглашений — и в первую очередь таких, как военное соглашение с США от 5 марта 1959 г. Новое руководство Ирана объявило аннулированными контракты монархического режима на закупку в США военного оборудования и снаряжения на общую сумму 15 млрд. долл. и закрыло 7 американских станций электронного слежения. Было заявлено также о разрыве соглашений с Международным нефтяным консорциумом и другими западноевропейскими и американскими монополиями. Всем американским военным и гражданским советникам, а также многочисленной группе журналистов США было предложено покинуть Иран.

Новое руководство Ирана официально осудило агрессивную политику США на Ближнем Востоке, а также и в Индийском океане. Таким образом, иранская революция нанесла ощутимый удар по позициям американского империализма в Иране и на Среднем Востоке в целом.

Американо-иранские отношения после иранской революции 1979 г. фактически были полностью свернуты, а захват посольства США в Тегеране в ноябре 1979 г. и задержание в течение 444 дней 52 американских дипломатов в качестве заложников привело к серьезному обострению отношений между США и Ираном [18]. Со стороны

[14] Об антииранских действиях США в период революции 1978—1979 гг. свидетельствуют документы, захваченные иранцами и опубликованные в специальных сборниках «Аснаде ланее джасоси».
[15] Правда, 1978, 19 нояб.
[16] Department of State Bulletin, 1979, Mar., N 2024, p. 21.
[17] New York Times, 1980, Sept. 8.
[18] *Агаев С. П.* Иранская революция, США и международная безопасность. М., 1984,

США были использованы различные методы политического, дипломатического и военного давления на Иран, введены торгово-экономические и финансовые санкции с тем, чтобы военно-экономической блокадой воспрепятствовать развитию революционного процесса в этой стране на антиимпериалистической основе.

В апреле 1980 г. администрация Картера санкционировала осуществление Пентагоном интервенционистской акции в Иране, направив десант военных вертолетов и транспортных самолетов, чтобы силой освободить заложников. Но эта акция провалилась. Тогда США попытались оказать давление на Иран через Совет Безопасности ООН. Но и эти попытки не имели успеха. К началу следующего года США решили дать официальное согласие на возвращение Ирану части (10 млрд. из 14 млрд. долл., принадлежавших правительству Ирана, и 20 млрд. долл., принадлежавших бывшему шаху) тех капиталов, на которые предъявило иск иранское правительство. Это согласие администрации Рейгана было зафиксировано в соглашении «О методе урегулирования» взаимных претензий между США и Ираном, подписанном 19 января 1981 г. при посредничестве Алжира. Иран освободил американских заложников, но США под разными предлогами так и не выполнили свои обещания и не возвратили Ирану принадлежавшие ему капиталы.

В целом правящие круги США исходят из того, что в будущем Иран, несмотря на исламскую форму правления, останется буржуазным государством, а иранский режим, как заявил бывший госсекретарь США Хейг, в конечном счете «должен соответствовать западным ценностям и западной ориентации» [19]. Для достижения этих целей США пытаются использовать в Иране свою агентуру, промонархически настроенные элементы, бежавшие в Западную Европу и США, а также средства массовой информации.

Составной частью антииранского курса США остается разжигание враждебных настроений в отношении Советского Союза у части правящих кругов Ирана. При этом ставится цель вызвать у нового руководства Ирана недоверие к СССР и осложнить ирано-советские отношения. Американцы делают ставку прежде всего на реакционные силы, действующие в правительственных кругах Ирана и выступающие с позиций антикоммунизма и антисоветизма.

* * *

Империалистическая политика США в отношении Афганистана на протяжении всего периода после второй мировой войны определялась общими задачами американского империализма на Среднем Востоке. Однако неоднократные попытки американской дипломатии втянуть Афганистан в блоки СЕНТО или СЕАТО, предпринимавшиеся в 50-х и 60-х годах, не увенчались успехом. Афганистан оставался на позициях нейтралитета и неприсоединения.

с. 256; *Кременюк В. А.* Борьба Вашингтона против революции в Иране. М., 1984, с. 153.

[19] Washington Post, 1981, Nov. 13.

Национально-демократическая революция в Афганистане, победившая в апреле 1978 г., была враждебно воспринята в правящих кругах США, которые сразу приступили к организации широких подрывных действий против республиканского режима. Уже в 1978 г. США взяли под покровительство и начали снабжать оружием и боеприпасами афганские контрреволюционные элементы. На территории соседних с Афганистаном стран с помощью американских спецслужб были организованы лагеря и базы по формированию и подготовке вооруженных банд [20]. В Пакистане таких баз насчитывается около 120.

Главной целью вооруженного и политического вмешательства США во внутренние дела Афганистана является свержение установленного в этой стране народно-демократического строя и подрыв афгано-советских добрососедских отношений. В решении практических задач по достижению этих целей принимают участие сотрудники ЦРУ и отдельные высокопоставленные государственные и политические деятели США. Так, весной 1979 г. Пакистан посетил заместитель госсекретаря США Кристофер, в январе 1980 г. там находился помощник президента по национальной безопасности Бжезинский, в сентябре 1981 г. заместитель госсекретаря США Бакли, в июне 1983 г. госсекретарь Шульц. Все они обсуждали с афганскими контрреволюционерами проблему расширения засылки в Афганистан вооруженных отрядов и банд, снабжения их оружием [21]. Одновременно правительство США периодически приглашает лидеров афганской контрреволюции в Вашингтон: в мае 1979 г. США посетил один из главарей афганской контрреволюции религиозный деятель и руководитель так называемого фронта национального освобождения Моджаддеди.

В январе 1980 г. после провала планов по ликвидации завоеваний апрельской революции, вынашиваемых империализмом США и афганскими авантюристическими элементами во главе с Амином, американская администрация приняла специальное решение о значительном расширении военной и иной помощи США афганским контрреволюционерам, находящимся на территории Пакистана и Ирана [22], а Совет национальной безопасности США дал санкцию на расширение деятельности ЦРУ против Афганистана. После этого появились сообщения о том, что количество агентов ЦРУ, прикрывающихся дипломатическими паспортами сотрудников посольства США в Кабуле и Исламабаде, значительно возросло [23]. Правительство Афганистана неоднократно заявляло, что сотрудники посольства США в Кабуле причастны к поставке в страну оружия для контрреволюции [24]. По сообщениям иностранной прессы, инструкторы ЦРУ работают по меньшей мере в 12 лагерях афганских мятежников,

[20] Борьба СССР за мир и разоружение. М., 1982, с. 19.
[21] Washington Post, 1980, Febr. 16.
[22] Ibid.
[23] Красная Звезда, 1980, 4 мая.
[24] Undeclared War: Armed Intervention and Other Forms of Interference in the Internal Affairs of the Democratic Republic of Afganistan. Kabul, 1984, p. 18—57.

а также в отрядах, действующих на пакистано-афганской границе под прикрытием Управления по борьбе с распространением наркотиков и американского «Фонда Азии». В Пакистане находится также специальная группа сотрудников ЦРУ, планирующая подрывные акции против ДРА.

Составной частью враждебной политики США в отношении ДРА и афганского народа является идеологическая и психологическая война, которая осуществляется под руководством правительственной организации — Информационного агентства США (ЮСИА) и подчиненной ему радиостанции «Голос Америки». Это управление разрабатывает программы радиовещания на афганских языках пушту и дари и направляет радиоаппаратуру «афганским беженцам».

С 1980 г. на территории Пакистана действует созданное с помощью США так называемое Агентство афганской печати — рупор афганской контрреволюционной эмиграции, которое, извращая факты, дезинформирует афганскую, пакистанскую и иранскую общественность.

Военно-политическая и психологическая война против Афганистана ведется не только США, но и другими членами НАТО, а также Пакистаном, Ираном. В связи с этим администрация США пытается придать «афганскому вопросу» международный характер. Госдепартамент США проявил чрезвычайную активность по созыву специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН для обсуждения сфабрикованного им «афганского вопроса» и принятия резолюции с осуждением внутренней и внешней политики ДРА. При этом правительство США мобилизовало всех союзников, чтобы не допустить осуждения в ООН вмешательства США во внутренние дела Афганистана.

Американская дипломатия стремится не допустить успешного проведения пакистано-афганских переговоров при участии ООН по нормализации отношений между двумя странами и достижению соглашения о политическом урегулировании положения вокруг Афганистана, которые были начаты в Женеве во второй половине 1982 г.

Таким образом, США несут главную ответственность за сохранение напряженности вокруг Афганистана. Политика США объясняется прежде всего тем, что они активно используют «афганский вопрос» для оправдания своих военно-политических действий по дестабилизации положения на Среднем Востоке и в Персидском заливе. Афганский народ резко осуждает интервенционистский курс США, выступает в защиту завоеваний апрельской революции и активно ведет борьбу за независимость и суверенитет своего государства. Как было особо отмечено в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, СССР поддерживает усилия ДРА по защите своего суверенитета: «Мы хотели бы уже в самом близком будущем вернуть на родину советские войска, находящиеся в Афганистане по просьбе его правительства. Согласованы с афганской стороной и сроки поэтапного их вывода, как только будет достигнуто политическое урегулирование, которое обеспечит реальное прекращение и надежно гарантирует невозобновление вооруженного вмешатель-

ства извне во внутренние дела Демократической Республики Афганистан» [25].

Экспансионистскому курсу США противостоит антиимпериалистическая борьба народов Среднего Востока, характерной закономерностью которой является не только ее нарастание в национальных масштабах, но и все большее смыкание с глобальным процессом борьбы за мир и социальный прогресс. Американскому экспансионизму активно противодействует миролюбивая политика Советского Союза, ведущего борьбу за мир и разоружение с позиций интернационализма. Еще в конце 1980 г. Советский Союз предложил США, другим западным державам, Китаю, Японии, всем государствам, которые проявят к этому интерес, договориться с участием стран региона о взаимных обязательствах не создавать в районе Персидского залива иностранных баз; не размещать там ядерного или какого-либо другого оружия массового уничтожения; не применять и не угрожать применением силы против стран Среднего Востока и не вмешиваться в их внутренние дела; уважать статус неприсоединения стран данного региона; не вовлекать их в военные группировки с участием ядерных держав; уважать суверенитет права государств этого района на их природные ресурсы; не создавать каких-либо препятствий или угроз нормальному торговому обмену и использованию морских коммуникаций, связывающих государства этого района с другими странами мира. Эти предложения являются составной частью выдвинутой СССР широкой базовой концепции азиатской безопасности, реализация которой требует коллективных усилий и поэтапного подхода всех тех, кто стремится к подлинному миру без ядерного и иного оружия на Земле.

Советские предложения являются хорошей основой для обеспечения безопасности на Среднем Востоке. Они получили дальнейшее углубленное развитие в политических документах, принятых XXVII съездом КПСС в марте 1986 г., в которых подчеркивается необходимость активизировать поиски коллективных путей разблокирования конфликтных ситуаций, в частности на Ближнем и Среднем Востоке. В докладе на съезде Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева дана емкая характеристика нашей позиции в отношении сопредельных государств. «Соседей у нас много, — говорится в докладе, — и они разные. Ни к одному из них у нас нет территориальных притязаний. Ни одному из них мы не угрожаем. Но, как уже не раз подтверждала жизнь, есть немало охотников, которые, не считаясь с национальными интересами ни нашей страны, ни соседних с нами государств, стремятся обострить положение на границах Советского Союза» [26]. Именно США взяли на себя роль таких «охотников» в отношении наших южных соседей — Афганистана, Ирана и Турции.

Внешняя политика Советского государства направлена на то, чтобы со всеми сопредельными государствами были неизменно добрые и мирные отношения.

[25] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 69.
[26] Там же.

Ближневосточная политика США

А. П. БАРЫШЕВ

Американский экспансионизм на Ближнем Востоке осуществлялся в послевоенные годы под знаком развязанной США «холодной войны» против Советского Союза, выдвижения требований переустройства мира по американскому образцу, неуемных претензий Вашингтона на мировое господство.

Применительно к Ближнему Востоку в конкретных условиях того времени провозглашенная в марте 1947 г. доктрина Трумэна ориентировала на оказание всемерной поддержки США британским и французским колонизаторам в их попытках до конца удержать в узде народы подмандатных, колониальных и зависимых территорий. Вместе с тем району Ближнего Востока отводилась роль важного стратегического плацдарма в планах агрессии против Советского Союза.

Позиция США как защитника и поборника колониализма на Ближнем Востоке ярко проявлялась уже в 1946 г., когда Вашингтон, выступив единым фронтом с Англией и Францией, возражал против требований правительств Сирии и Ливана в Совете Безопасности ООН о немедленном и полном выводе из этих стран английских и французских войск. В 1947 г. США не допустили принятия Советом Безопасности решения о выводе английских войск из Египта.

25 мая 1950 г. правительства США, Англии и Франции опубликовали декларацию, по которой в обход ООН и в одностороннем порядке фактически возлагали на себя роль гарантов арабо-израильских соглашений о перемирии [1]. Это в сущности было поощрением экспансионистской политики Израиля. В декларации заявлялось о готовности западных держав поставлять в страны Ближнего Востока оружие. Тем самым делалась ставка на подключение стран этого района к сфере деятельности созданного агрессивного блока НАТО. В дальнейшем эти расчеты воплотились в планы создания под руководством США так называемого «средневосточного командования» с участием Израиля, Египта, Сирии, Ливана, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и Иордании. Планы, в частности, предусматривали подчинение этому командованию вооруженных сил и передачу под его контроль военных баз, портов, коммуникаций и других сооружений указанных государств, а также размещение на их территориях иностранных войск.

[1] The Arab-Israeli Conflict: Readings and Documents / Ed. by J. N. Moore. Princeton (New Jersey), 1977, p. 988. Созданное в мае 1948 г. государство Израиль захватило в ходе израильско-арабской войны 1948—1949 гг. бо́льшую часть территории, предназначенной по решению Генеральной Ассамблеи ООН о разделе Палестины от 29 ноября 1947 г. для арабского государства, а также Западный Иерусалим. В феврале—июле 1949 г. были подписаны арабо-израильские соглашения о перемирии на основе статус-кво. Более одного миллиона арабов были вынуждены покинуть свою родину и расселиться в соседних арабских странах.

В официальных советских документах подчеркивалось, что осуществление данных планов могло привести лишь «к потере этими странами независимости и суверенитета и к подчинению их некоторым крупным державам, пытающимся использовать их территорию, их материальные ресурсы — нефть, хлопок и др. в своих агрессивных целях» [2].

Знаменательно, что даже в разгар «холодной войны» Вашингтону не удалось сколотить широкой антисоветской и одновременно — проколониалистской группировки на Ближнем Востоке, хотя в то время Запад располагал в странах региона мощными рычагами политического, экономического и военного влияния. В совместном ответе от 21 июня 1950 г. на декларацию США, Англии и Франции арабские страны (Египет, Сирия, Ливан, Саудовская Аравия, Йемен, Ирак и Иордания) заявили, что не допустят никакого действия, которое наносило бы ущерб их суверенитету и независимости [3]. Арабские государства отказались также от участия в «средневосточном командовании», и западные державы были вынуждены в конце 1951 г. признать неосуществимость планов его создания. Правда, Западу удалось добиться заключения в 1955 г. Багдадского пакта, участником которого наряду с Англией, Турцией, Ираном и Пакистаном стала и арабская страна Ирак. Однако после июльской революции 1958 г., приведшей к падению реакционного режима Нури Саида, Ирак вышел из Багдадского пакта.

Мощным ударом по позициям империализма на Ближнем Востоке явилась революция 23 июля 1952 г. в Египте. Вставшее у власти правительство Гамаля Абдель Насера добилось прекращения английской оккупации страны и ликвидации в долине Нила всех английских военных баз. Внутри страны оно провело ряд социально-экономических реформ, подорвавших позиции феодализма и крупной буржуазии, взяло курс на индустриализацию Египта. Провозгласив основным принципом египетской внешней политики «позитивный нейтралитет», правительство Насера решительно отклонило попытки США втянуть Египет в Багдадский пакт. Насер первым среди политических деятелей развивающихся стран оценил те возможности, которые открыла перед ними мировая социалистическая система. Он выступил за установление и развитие тесного политического, торгово-экономического и иного сотрудничества с Советским Союзом.

Режим Насера стал главной мишенью империализма на Ближнем Востоке. В столицах западных держав, в том числе в Вашингтоне, с устранением этого режима открыто связывали надежды на сохранение неоколониалистского господства как в Египте, так и во всем арабском мире. Именно эти цели преследовала развязанная Англией, Францией и Израилем в октябре 1956 г. прямая вооруженная агрессия против Египта.

Большую роль в подготовке агрессии против Египта империализм отводил Израилю, опиравшемуся на поддержку США. Американская

[2] СССР и арабские страны, 1917—1960: Документы и материалы. М., 1961, с. 105.
[3] Там же, с. 128.

государственная помощь Израилю с 1946 по 1956 г. составляла 596,2 млн. долл., или 71 % суммы, полученной за этот же период всеми арабскими странами [4]. Израиль установил тесные связи с НАТО.

Тройственная агрессия против Египта в 1956 г. вызвала бурю возмущения в мире. Советский Союз твердо выступил в поддержку справедливого дела египетской революции. Советское правительство сразу же потребовало, чтобы Совет Безопасности ООН принял немедленные меры к прекращению агрессии против Египта и к выводу с его территории войск интервентов. Перед лицом отказа Англии, Франции и Израиля выполнить эти требования Советское правительство заявило 5 ноября о своей решимости применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Востоке [5]. Твердая позиция СССР сыграла решающую роль в прекращении тройственной агрессии. Интервенты были вынуждены покинуть территорию Египта. Опасный очаг на Ближнем Востоке был ликвидирован.

США проявляли не меньшую заинтересованность в свержении режима Насера в 1956 г., чем Англия и Франция. Принятое правительством Насера решение о национализации Суэцкого канала вызвало в США резко негативную реакцию. США, Англия и Франция выступили с совместным заявлением, в котором говорилось, что они считают Суэцкий канал «международным институтом» и что поэтому на него не может распространяться национализация [6]. На первой Лондонской конференции 24 государств (16—23 августа 1956 г.) государственный секретарь США Д. Ф. Даллес выдвинул план, предусматривавший изъятие Суэцкого канала из-под управления и суверенитета Египта, создание иностранного правления Суэцкого канала и применение «эффективных санкций» в первую очередь против Египта за любое действие, имеющее целью помешать такому управлению каналом [7]. На второй Лондонской конференции (19—21 сентября 1956 г.) США, Англия и Франция добивались принятия плана создания так называемой «ассоциации пользователей» Суэцким каналом для оказания давления на Египет. Решительное отклонение Египтом всех этих посягательств на его суверенитет еще более восстанавливало Вашингтон против режима Насера.

Англия и Франция, планируя вооруженную агрессию против Египта, имели все основания рассчитывать на определенную поддержку этой акции со стороны США. В беседах с британским премьер-министром А. Иденом в тот период Д. Ф. Даллес высказывался в том смысле, что США не исключают возможности «использования вооруженной силы» на Ближнем Востоке. Из этого Иден делал вывод, что в принципе США могут принять участие в англо-французской демонстрации силы в отношении Египта и лишь в самом худшем варианте займут позицию благожелательного нейтралитета [8]. На

[4] *Weinstock N.* Le sionisme contre Israël. P., 1969, p. 412—413.
[5] СССР и арабские страны, 1917—1960, с. 259.
[6] Documents on American Foreign Relations, 1956. N. Y., 1957, p. 282—284.
[7] Ibid., p. 301—305.
[8] The Memoirs of Sir Anthony Eden: Full Circle. L., 1960, p. 435, 437—438, 446, 460, 493—494, 503; *Nutting A.* No End of a Lesson. — The Story of Suez. L., 1957, p. 52.

состоявшихся в сентябре 1956 г. переговорах Д. Эйзенхауэра с британским министром иностранных дел Г. Макмилланом обе стороны пришли к убеждению в необходимости «свергнуть» Насера [9].

Вашингтон наотрез отказался публично осудить агрессоров и отклонил предложение Советского Союза о совместных действиях по восстановлению и поддержанию мира на Ближнем Востоке [10]. Действия США в значительной мере были продиктованы стремлением поскорее вытеснить Англию и Францию из района Ближнего Востока и утвердить там преимущественно американское влияние. Как отмечалось в Заявлении ТАСС, «главной заботой США была не защита мира и национальной независимости арабских стран, а стремление воспользоваться ослаблением Англии и Франции на Ближнем Востоке, чтобы захватить их позиции в свои руки» [11].

Знаменем нового наступления США на силы национально-освободительного движения явилась «доктрина Эйзенхауэра» провозглашенная американским президентом в его послании конгрессу от 5 января 1957 г.

Подчеркнув особое значение Ближнего Востока с точки зрения американской «глобальной» стратегии и указав на угрозу поглощения этого района «международным коммунизмом», Эйзенхауэр просил конгресс санкционировать «оказание помощи и содействия, включая использование вооруженных сил США» в деле обеспечения «территориальной целостности и политической независимости» государств, которые попросят о такой помощи «против прямой вооруженной агрессии со стороны любого государства, находящегося под контролем международного коммунизма» [12]. 9 марта 1957 г. конгресс США принял резолюцию, официально оформившую «доктрину Эйзенхауэра» как определенный курс политики Соединенных Штатов.

Впоследствии толкование доктрины было расширено путем более гибкой интерпретации понятия «вооруженная агрессия». В соответствии с заявлением Даллеса от 1 июля 1958 г. это понятие должно было распространиться и на «вооруженную революцию, инспирированную извне или получающую помощь и поддержку извне» [13]. Наконец, правительство Эйзенхауэра заявило о применении доктрины к случаям не только «прямой», но и «косвенной агрессии» [14] — термин, допускавший самое широкое толкование.

«Доктрина Эйзенхауэра» открывала зеленый свет для вооруженного и иного вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела стран Ближнего Востока. В практическом плане она ориентировала внешнюю политику США на использование всех средств в целях поддержки реакционных режимов на Ближнем Востоке, изоляции режима Насера в арабском мире и недопущения ослабления позиций колониализма в этом районе. Тот факт, что доктрина была отвергнута

[9] *Macmillan H.* Riding the Storm, 1951—1959. London; Toronto, 1971, p. 134.
[10] *Eisenhower D.* Waging Peace, 1956—1961. Garden City (N. Y.), 1965, p. 90.
[11] СССР и арабские страны, 1917—1960, с. 289.
[12] The Department of State Bulletin, 1957, Jan. 21, p. 83—87.
[13] Documents on American Foreign Relations, 1958. N. Y., 1959, p. 300.
[14] Documents on American Foreign Relations, 1957. N. Y., 1958, p. 237.

всеми арабскими странами, за исключением Ливии и Ливана, не смущал правящие круги США, решившие осуществить то, чего не добились Англия и Франция, предпринявшие совместно с Израилем вооруженное нападение на Египет в 1956 г.

Советский Союз, разоблачив агрессивную, колонизаторскую сущность этой доктрины, предложил США, Англии и Франции выступить с совместной декларацией, по которой четыре державы обязались бы следовать в своей политике на Ближнем и Среднем Востоке таким основным принципам, как: сохранение мира в этом районе путем урегулирования спорных вопросов исключительно мирными средствами, с помощью переговоров; невмешательство во внутренние дела; уважение суверенитета и независимости стран этого района; отказ от всяких попыток их вовлечения в военные блоки с участием великих держав; ликвидация иностранных баз и вывод иностранных войск с их территорий; взаимный отказ от поставок оружия странам Ближнего и Среднего Востока; содействие экономическому развитию стран этого района без предъявления при этом политических, военных или иных условий, несовместимых с достоинством и суверенитетом этих стран [15].

Однако западные державы отклонили миролюбивые предложения Советского Союза. Более того, в июле 1958 г., руководствуясь «доктриной Эйзенхауэра», США вместе с Англией совершили вооруженную агрессию в Ливане и Иордании в целях подавления революции в Ираке и насаждения в арабском мире угодных им режимов.

Высадка американской морской пехоты в Бейруте и английских десантных войск в Иордании сопровождалась прямыми угрозами в адрес независимых арабских государств. Волна протеста прокатилась по всему арабскому миру. Советское правительство потребовало от США и Англии прекратить агрессию и вывести войска из Ливана и Иордании. Были сделаны серьезные предупреждения Израилю и некоторым государствам НАТО о недопустимости использования их территории и воздушного пространства для переброски войск агрессоров. В поддержку независимости и суверенитета арабских стран выступила Чрезвычайная специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, созванная по инициативе Советского Союза. В конце 1958 г. интервенты были вынуждены уйти из Ливана и Иордании.

В 60-х годах в стратегии США на Ближнем Востоке резко возросла роль Израиля в связи с тем, что, как показали суэцкий и ливанский кризисы, прямые агрессивные выступления самих западных держав против арабских народов сопряжены с риском утраты позиций империализма в этом районе. В результате всякого рода помощи — поставок оружия и боеприпасов из США, Англии и ФРГ Израиль смог создать сильную армию, насчитывавшую к началу войны 1967 г. более 300 тыс. человек. Ставка на превращение Израиля в главный опорный пункт США на Ближнем Востоке нашла отражение в принятой сессией Совета НАТО в ноябре 1966 г. резолюции, требовавшей

[15] СССР и арабские страны, 1917—1960, с. 308.

укрепления «флангов НАТО, в частности, на Юго-Востоке, как в военном, так и в политическом отношении» [16].

Правда, в первой половине 60-х годов в стратегических планах США на Ближнем Востоке определенное место занимали попытки предотвратить цепную эррозию американских позиций в арабском мире. Они выражались не только в мерах по укреплению реакционных режимов в некоторых арабских странах, но и в заигрывании США с Египтом, Алжиром, Ираком и Сирией. Переоценка администрациями Кеннеди и Джонсона отношения США к «нейтрализму» и, в частности, к «нейтрализму» арабских стран сыграла свою роль в том, что в ряде случаев США выступали с заявлениями, прямо или косвенно осуждавшими отдельные наиболее агрессивные провокации Израиля против арабских стран.

Характерно, что в тот период американские буржуазные авторы — специалисты по проблемам Ближнего Востока нередко выступали с рекомендациями правительству не осложнять до крайности отношения США с арабскими странами. Один из таких специалистов, Ч. Креминс, в книге «Арабы и мир» приходил к выводу, что арабо-израильский конфликт «извращает каждый аспект арабо-американских отношений», и призывал строить американскую стратегию на Ближнем Востоке с учетом стремления арабских стран «к политической независимости и экономическому прогрессу» [17]. Другой американский автор, У. Полк, в фундаментальном исследовании политики США на Арабском Востоке видел в урегулировании арабо-израильского конфликта основную возможность сохранения и расширения влияния США в этом районе. Он предупреждал, что новая война Израиля с арабскими странами приведет к революционизации арабского национализма и отрицательно скажется на позициях США на Ближнем Востоке [18].

Однако при всех зигзагах американской политики правительство США в целом продолжало придерживаться произраильского курса, на деле благожелательно относилось к экспансионистским устремлениям Израиля. Все это, естественно, учитывалось в Тель-Авиве в процессе подготовки к нападению на арабские страны.

За несколько дней до начала войны США прибегли к прямой демонстрации военной силы в отношении Египта. 3 июня 1967 г. американский авианосец «Интерпид» с самолетами на борту прошел через Суэцкий канал. Американский 6-й флот был приведен в боевую готовность.

Одновременно в ходе израильско-американских переговоров в Вашингтоне было достигнуто соглашение о том, что США будут стремиться обеспечить баланс в соотношении сил между Израилем и арабскими странами, что означало, что Израиль всегда должен быть сильнее всех арабских стран вместе взятых. Соглашение предусматривало также, что США не будут добиваться возвращения арабских

[16] The New York Times, 1966, Nov. 1.
[17] *Cremeans Ch.* The Arabs and the World. N. Y.; L., 1963, p. 323—324.
[18] *Polk W.* The United States and the Arab World. Cambridge (Mass.), 1965, p. 293—295.

территорий, которые Израиль может захватить в случае войны, и не будут осуждать Израиль в ООН [19].

Военные успехи, достигнутые Израилем в ходе развязанной им 6 июня 1967 г. шестидневной войны против Египта, Сирии и Иордании, были благожелательно восприняты в Вашингтоне. На организованной 7 июня встрече государственного секретаря Д. Раска с 50 сенаторами царило приподнятое настроение. По словам сенатора К. Кейса, присутствовавшего на этой встрече, Раск был «очень доволен» развитием событий на Ближнем Востоке [20].

В час суровых испытаний для арабских народов Советский Союз, все братские социалистические страны заявили о полной солидарности с их справедливой борьбой. СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем. В критический момент было заявлено, что если Израиль не прекратит немедленно военных действий, то Советский Союз совместно с другими миролюбивыми государствами примет в отношении него санкции со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Агрессору не удалось добиться главных политических целей шестидневной войны: свержения прогрессивных режимов в Египте и Сирии. Однако он захватил Синайский п-ов, Западный берег р. Иордан и сектор Газа, Голанские высоты и восточную часть Иерусалима. В результате агрессии Израиль завершил оккупацию всей территории, предназначенной по решению Генеральной Ассамблеи ООН для арабского государства. Еще сотни тысяч арабов, гонимые бесчинствами сионистов, покинули родную землю.

В центре борьбы арабских народов с тех пор встал вопрос о ликвидации последствий израильской агрессии, что предполагает полный вывод войск Израиля с захваченных им с 1967 г. арабских земель и удовлетворение законных национальных прав арабского народа Палестины, в том числе его права на самоопределение и создание собственного независимого государства.

Характерно, что в Совете Безопасности ООН, где с самого начала обстоятельно рассматривался вопрос об израильской агрессии 1967 г., США голосовали лишь за резолюции о прекращении огня, но решительно возражали против осуждения действий Израиля и принятия решения о немедленном отводе израильских войск на позиции, занимавшиеся ими до 5 июня 1967 г., т. е. до начала агрессии. Только вследствие позиции США Совет Безопасности оказался тогда не в состоянии вынести решение о немедленном отводе израильских войск с захваченных арабских территорий.

Даже в условиях действовавшего с 8 августа 1970 г. временного прекращения огня на Ближнем Востоке продолжалась американская военная помощь Израилю. Так, в конце того же года конгресс США в рамках «доктрины Никсона» ассигновал Израилю на закупку американского вооружения 500 млн. долл.[21], а в июне 1971 г. было

[19] *Heikal M.* Nasser: The Cairo Documents. The Private Papers of Nasser. L., 1972, p. 217.
[20] The New York Times, 1967, June 8.
[21] United States Foreign Policy 1969—1970: A Report of the Secretary of State. Wash., 1971, p. 79.

объявлено о решении правительства США выделить 300 млн. долл. на военную помощь Израилю в 1971/72 г.[22]. В соответствии с этими решениями Израиль получил большие партии современного, в том числе наступательного, оружия (истребители-бомбардировщики «Фантом», ракеты, электронные системы и т. п.), причем некоторые из поставленных Израилю видов оружия Вашингтон отказывался предоставить даже своим партнерам по НАТО[23].

Пользуясь политической поддержкой США, Тель-Авив сразу же приступил к осуществлению широкой программы мероприятий по так называемому «освоению» арабских территорий, превращению их в свой экономический придаток, насаждению там израильского военного присутствия. Большой размах приобрела конфискация и насильственная скупка арабских земель. Началось создание израильских военизированных поселений на Западном берегу р. Иордан.

27 июня 1967 г. израильский кнессет принял ряд законов о распространении израильской юрисдикции на весь Иерусалим, западная часть которого была в одностороннем порядке провозглашена столицей Израиля еще в 1950 г. 28 июня 1967 г. был принят закон о присоединении к Израилю Восточного Иерусалима, и город был объявлен столицей Израиля.

В создавшихся условиях Советский Союз и другие социалистические страны по справедливости рассматривались в арабском мире в качестве главной и надежной опоры в борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии. Именно СССР твердо и последовательно отстаивал интересы арабов в Совете Безопасности, на Генеральной Ассамблеи ООН и на других международных форумах. Именно он оказал арабским государствам всю необходимую, в том числе военную, помощь, благодаря которой они не только смогли вынести тяжесть поражения 1967 г., восстановить и укрепить свой оборонный потенциал, но и дать решительный отпор агрессору в ходе октябрьской войны 1973 г., развеяв миф о непобедимости израильской армии.

Обстановку разрядки начала 70-х годов Советский Союз активно использовал для продвижения дела подлинного всеобъемлющего ближневосточного урегулирования. В результате твердой линии СССР в ходе первой советско-американской встречи на высшем уровне в мае 1972 г. США согласились на включение в совместное коммюнике положения о необходимости мирного урегулирования на Ближнем Востоке на основе резолюции 242 Совета Безопасности, значение которой состояло прежде всего в том, что требование о выводе израильских войск со всех арабских территорий, захваченных в 1967 г. выдвигалось в ней как первый необходимый принцип установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке[24]. Во время второй советско-американской встречи на высшем уровне в июне 1973 г. была достигнута договоренность о том, что такое урегулиро-

[22] Правда, 1971, 26 июня.
[23] The New York Times, 1971, June 5.
[24] Внешняя политика Советского Союза: Сб. документов, 1972 год. М., 1973, с. 82.

вание «должно быть осуществлено в соответствии с интересами всех государств данного района, должно отвечать их независимости и суверенитету и учитывать должным образом законные интересы палестинского народа» [25].

Значение советско-американских договоренностей по вопросам ближневосточного урегулирования в полной мере проявилось во время октябрьских (1973 г.) событий на Ближнем Востоке. Эти договоренности в совокупности с подписанным советско-американским соглашением о предотвращении ядерной войны и другими документами, закреплявшими разрядку в советско-американских отношениях, сыграли важную роль в локализации конфликта, что открывало путь к принятию мер по политическому урегулированию в этом районе.

22 октября 1973 г. Советский Союз и США внесли в Совет Безопасности совместный проект резолюции (одобрен в качестве резолюции Совета Безопасности 338), значение которого состояло в том, что вопрос о прекращении огня непосредственно увязывался с требованием немедленно приступить к переговорам с целью достижения всеобъемлющего политического урегулирования на Ближнем Востоке. В Совете Безопасности ООН с удовлетворением было воспринято заявление представителя США Д. Скали о том, что осуществление решения Совета Безопасности должно привести не просто к «еще одной передышке между двумя войнами», а к устранению «основных причин, которые так часто и так трагически ввергали Ближний Восток в войну» [26].

Внешне конструктивная позиция США в Совете Безопасности ООН отнюдь не означала отказа Вашингтона от поддержки Израиля, а тем более от попыток использовать ситуацию на Ближнем Востоке для оказания давления на арабские страны. На протяжении вооруженного конфликта США осуществляли срочные крупномасштабные поставки Израилю всех видов вооружений и военной техники. 19 октября американский президент просил конгресс санкционировать «чрезвычайную помощь для обеспечения безопасности Израиля» в размере 2,2 млрд. долл. При этом он отметил, что за первые 12 дней конфликта США послали Израилю материалов на 825 млн. долл., включая стоимость их доставки [27].

21 декабря 1973 г. в Женеве открылась мирная конференция, в которой приняли участие министры иностранных дел СССР, США, Египта, Иордании, Израиля, а также генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм. Сопредседателями конференции стали СССР и США. Женевская мирная конференция по Ближнему Востоку знаменовала собой создание политического механизма для достижения подлинного справедливого всеобъемлющего урегулирования в этом районе путем совместных коллективных усилий всех непосредственно заинтересованных сторон.

[25] Внешняя политика Советского Союза: Сб. документов, 1973 год. М., 1974, с. 74—75.
[26] ООН: Совет Безопасности. Официальные протоколы. Док. S/PV 1747, от 21 октября 1973 г.
[27] The New York Times, 1973, Oct. 20.

Как показали, однако, последующие события, этот механизм не был приведен в действие, ибо, вместо того, чтобы строго выполнять свои обязательства как одного из сопредседателей конференции, Соединенные Штаты направили усилия на то, чтобы подменить кардинальное решение ближневосточной проблемы сепаратными частичными сделками в расчете вбить клин в отношения между арабскими странами и продвинуть свои корыстные империалистические интересы на Ближнем Востоке.

Достигнутые при активном посредничестве США соглашения между Египтом и Израилем о первом и втором разъединении египетских и израильских войск на Синайском п-ове (подписаны соответственно в январе 1974 и сентябре 1975 гг.) были всего лишь прелюдией курса на сепаратные сделки. Не случайно, что в них не содержалось вообще никакого упоминания о законных национальных правах палестинского народа.

В Вашингтоне с нескрываемой враждебностью относились к палестинскому национально-освободительному движению, которое постепенно превращалось во влиятельную политическую силу на Ближнем Востоке.

К концу 70-х годов многочисленные палестинские организации объединились в рамках созданной в 1964 г. Организации освобождения Палестины (ООП), которая стала политическим авангардом и руководящим ядром палестинского движения сопротивления. На конференциях глав арабских государств в Алжире (1973 г.) и Рабате (1974 г.) ООП была признана единственным законным представителем арабского народа Палестины.

Правящие круги США повели решительную борьбу против международного признания ООП. В 1974 г. они вместе с Израилем проголосовали против принятой подавляющим большинством Генеральной Ассамблеи ООН резолюции 3236, которая подтверждала неотъемлемое право палестинского народа на самоопределение, национальную независимость и суверенитет, на возвращение к своим очагам и имуществу, провозглашала, что палестинский народ является одной из главных сторон в установлении справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, а также признавала ООП в качестве единственного законного представителя палестинского народа.

Проблема осуществления законных национальных прав арабского народа Палестины — сердцевина справедливого всеобъемлющего урегулирования на Ближнем Востоке. Всемерная поддержка или игнорирование этих прав, в особенности права на самоопределение и создание собственного государства, наряду с отношением к признанию ООП в качестве единственного законного представителя палестинцев стали показателем действительных намерений тех, кто заявляет о своей приверженности к миру на Ближнем Востоке.

Пришедшая к власти в США в январе 1977 г. администрация Картера публично провозгласила своей целью достижение всеобъемлющего ближневосточного урегулирования, что сделало возможным подписание 1 октября 1977 г. совместного советско-американского

заявления по Ближнему Востоку [28], в котором подчеркивалось, что именно в рамках всеобъемлющего урегулирования должны быть решены все кардинальные вопросы ближневосточной проблемы. Это, естественно, обязывало США отказаться от политики сепаратных сделок. Последующие события, однако, показали, что администрация Картера не собиралась следовать духу и букве советско-американского заявления. На деле она твердо взяла курс на сепаратные сделки, перечеркнув основополагающие принципы, заложенные в этом документе.

Глубокие политические и социально-экономические перемены в арабском мире, укрепление независимости арабских государств и расширение их сотрудничества с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества, продолжающийся подъем национально-освободительного движения в регионе вызывают серьезное беспокойство и тревогу американского империализма. В особенности сильно в Вашингтоне опасаются влияния прогрессивных преобразований в ряде арабских стран на основные районы добычи нефти — Саудовскую Аравию, страны Персидского залива. Введенное арабскими странами в октябре 1973 г. и действовавшее всего около полугода эмбарго на поставки нефти в США явилось весьма ощутимым ударом как по американской экономике, так и по интересам западноевропейских союзников США.

В коренном пересмотре Садатом политики Насера, в предательстве им жизненных интересов арабского народа Палестины и других арабских народов правящие круги США усмотрели для себя уникальную возможность, чтобы попытаться обратить вспять неблагоприятные для них тенденции развития обстановки на Ближнем Востоке.

В марте 1976 г. Садат предпринял одностороннюю акцию, объявив о прекращении действия Договора 1971 г. о дружбе и сотрудничестве между СССР и АРЕ. За этой акцией стояло стремление Садата в корне переориентировать политику Египта на антиарабский союз с Израилем и США и на выход Египта из общеарабского фронта противодействия израильскому агрессору [29].

В целом Садат смотрел на договор с Советским Союзом преимущественно как на разменную монету в торге с США за спиной арабов и отнюдь не намеревался выполнять зафиксированные в нем обязательства Египта. Отбрасывая договор, фактическим инициатором которого был Г. А. Насер, Садат как бы устранял последнее препятствие на пути предательства им справедливого дела арабов.

[28] Внешняя политика Советского Союза: Сб. документов, 1977 год. М., 1978. с. 170.

[29] В автобиографии Садат откровенно признает, что каждый его шаг по свертыванию отношений с Советским Союзом имел своей подоплекой одну цель — достижение альянса с Соединенными Штатами. Даже планируя октябрьскую войну 1973 г., Садат рассматривал ее во многом, как средство сближения с Вашингтоном, так как был убежден, что победа Египта подтолкнет США к быстрому наведению мостов с Каиром. (*Anwar el-Sadat.* In Search of Identity: An Autobiography. N. Y., 1978, p. 238).

Поездка Садата в Иерусалим в ноябре 1977 г. и установление им «уз дружбы» с израильским агрессором окончательно убедили Вашингтон в «надежности» обретенного партнера. На встрече в Кэмп-Дэвиде в сентябре 1978 г. Садат и израильский премьер-министр Бегин, а также президент США в качестве свидетеля подписали ряд документов, заложивших основу антиарабского сговора [30]. В марте 1979 г. в Вашингтоне заключается сепаратный египетско-израильский договор [31], который вступил в силу после его ратификации 25 апреля 1979 г.

В обмен на возвращение Синая, по истечении трехлетнего периода, да и то при сильно ограниченном египетском суверенитете над этой территорией, Садат разорвал обязательства Египта перед другими арабскими странами о совместной борьбе против израильской агрессии, заключил с Израилем сепаратный мир, фактически согласился на продолжение оккупации им Голанских высот, Западного берега р. Иордан и Восточного Иерусалима, а также на ликвидацию палестинской проблемы как таковой путем установления под видом «административной автономии» израильского колониального протектората над палестинскими землями. Не случайно, в кэмп-дэвидских и вашингтонских договоренностях ни слова не говорится о законном праве палестинцев на самоопределение и создание собственного независимого государства. Отсутствует в них и всякое упоминание об ООП.

Тесные отношения между США и Израилем были закреплены подписанием в Вашингтоне 26 марта 1979 г. так называемого «Меморандума о согласии». В этом документе содержатся обязательства США в случае нарушения условий «договора о мире» рассмотреть на чрезвычайной основе такие меры, как усиление присутствия США в этом районе, обеспечение срочных «необходимых поставок» Израилю, а также меры по нейтрализации возможной блокады международных водных путей для судов Израиля [32]. Даже официальный Каир заявил протест против этого меморандума.

Совершенно очевидно, что египетско-израильский договор фактически развязывал руки израильскому агрессору для новых военных авантюр против арабских стран и Палестинского движения сопротивления. Вместе с тем он должен был послужить целям формирования военно-политического альянса США, Израиля и Египта, призванного, в частности, компенсировать утрату американского влияния в Иране в результате революции 1979 г. в этой стране и развал агрессивного блока СЕНТО.

Заключение кэмп-дэвидских соглашений стало возможным лишь в результате полной капитуляции Садата перед Израилем и его заокеанскими покровителями. Это, однако, весьма зыбкая и ненадежная основа политики сепаратных сделок.

[30] Department of State Bulletin, 1978, Oct., p. 7—11.
[31] Ibid., 1979, May, p. 3—15.
[32] Ibid., p. 61.

Борьбу арабов против политики сепаратных сделок возглавили участники Фронта стойкости и противодействия (Сирия, Алжир, Ливия, Демократический Йемен и ООП), созданного на совещаниях в Триполи (декабрь 1977 г.) и Алжире (февраль 1978 г.) в ответ на поездку Садата в Иерусалим. Страны-участницы фронта, а также Ирак сразу же разорвали дипломатические отношения с Египтом. Закрыла свое представительство в Каире и ООП.

В ноябре 1978 г. в Багдаде состоялось совещание глав правительств арабских стран, в котором приняли участие 20 арабских государств и ООП. Оно единодушно осудило кэмп-дэвидские соглашения как противоречащие решениям арабских совещаний в верхах в Алжире и Рабате, Уставу Лиги арабских государств, резолюциям ООН по палестинской проблеме и высказалось за сплочение всех патриотических сил арабского мира в борьбе против политики сепаратных сделок.

В ответ на подписание египетско-израильского сепаратного договора экстренное совещание министров иностранных дел и экономики арабских стран (Багдад, март 1979 г.) приняло целую серию решений, предусматривавших политические и экономические санкции против египетского режима. В конечном счете все арабские государства, кроме Судана, Омана и Сомали, разорвали дипломатические отношения с Египтом. Было приостановлено членство Египта в Лиге арабских государств, в организации «Исламский конгресс» и в ряде арабских организаций и федераций.

Жизнь подтвердила антиарабский характер кэмп-дэвидского сговора, его направленность против справедливого ближневосточного урегулирования.

Воспользовавшись этим сговором, Израиль резко усилил политику агрессии и экспансии. Еще в марте 1978 г. он совершил прямую агрессию против Ливана и оккупировал его южную часть. В июле 1980 г. израильский кнессет принял закон, подтвердивший аннексию Израилем восточной части Иерусалима и провозгласивший Иерусалим в качестве «вечной и неделимой столицы» Израиля. В июне 1981 г. израильская авиация осуществила пиратский налет на Багдад с целью разрушения атомного центра, который, находясь под контролем Международного агентства по атомной энергии, использовался исключительно для исследований в мирных целях. В налете, как признал госдепартамент США, принимали участие американские самолеты, поставленные Израилю.

В декабре 1981 г. израильский кнессет принял решение распространить действие израильских законов на принадлежащие Сирии Голанские высоты, оккупированные Израилем в 1967 г. Советским Союзом это решение было расценено как попытка аннексии исконно сирийской территории, как грубое нарушение Устава ООН и международного права, в частности известных резолюций Совета Безопасности ООН по проблеме ближневосточного урегулирования.

Под прикрытием Кэмп-Дэвида Тель-Авив форсирует создание на оккупированных арабских территориях, в особенности на Западном Берегу р. Иордан и в секторе Газа, десятков новых военных израиль-

ских поселений, продолжает осквернение арабских исторических, религиозных и культурных ценностей, репрессии и расовую дискриминацию арабского населения, террор против палестинцев и их руководителей.

Неотъемлемой составной частью кэмп-дэвидского сговора было оформление на рубеже 80-х годов американо-израильского стратегического альянса, направленного против арабских народов. Процесс этот был ускорен с приходом к власти в США администрации Рейгана и в особенности — после убийства Садата (6 октября 1981 г.), которое вызвало в Вашингтоне серьезное беспокойство за судьбы кэмп-дэвидской политики.

Уже в ноябре 1981 г. США и Израиль подписали так называемый «Меморандум о взаимопонимании в области стратегического сотрудничества», который предусматривал создание «координационного совета» для согласования по широкому спектру военно-политической деятельности на Ближнем Востоке.

В ноябре 1983 г. в ходе переговоров в Вашингтоне между Рейганом и премьер-министром Израиля Шамиром был оформлен новый сговор, в результате которого отношения между Вашингтоном и Тель-Авивом выводились на новую ступень военно-стратегического сотрудничества и тесной политической координации. Его осуществление ведет фактически к созданию агрессивной оси США—Израиль. В январе 1984 г. приступил к работе военно-политический комитет двух стран, занимающийся такими вопросами, как объединенное планирование, проведение совместных маневров, заблаговременное размещение американского снаряжения и техники в Израиле. Практически создается штаб по руководству совместными агрессивными операциями на Ближнем Востоке. Израиль превращается в склад новейшего оружия, изготовленного в США, которое будет использовано в первую очередь против его арабских соседей. Израильские порты станут базами кораблей 6-го флота США.

С особой силой антиарабский характер кэмп-дэвидских соглашений проявился в ходе развязанной Израилем в июне 1982 г. и продолжающейся в настоящее время агрессии против Ливана, предпринятой с согласия и при поддержке Вашингтона. Широко признано, что США несут прямую ответственность за вторжение израильской армии на территорию Ливана, за бесчинства агрессора на ливанской земле, включая массовые убийства мирных жителей в лагерях Сабра и Шатила.

Основные цели агрессии заключались в том, чтобы применением военной силы попытаться обескровить и в конечном счете разгромить Палестинское движение сопротивления и Национально-патриотические силы Ливана, превратить Ливан в американо-израильский протекторат и использовать его территорию в качестве плацдарма для военно-политического нажима на Сирию, являющуюся главным препятствием на пути экспансии Израиля.

В стремлении выжать из израильской агрессии максимум политических преимуществ президент США выдвинул 1 сентября 1982 г. «план Рейгана», остающийся по сей день официальным изложением

подхода США к принципиальным вопросам ближневосточного урегулирования. Как и кэмп-дэвидские соглашения, этот «план» является целиком и полностью антиарабским и направлен прежде всего на то, чтобы «закрыть» палестинскую проблему. Согласно плану палестинцам предоставляется лишь «административная» автономия и отказывается в праве на создание независимого государства. Не упоминается в плане и об ООП как об участнике ближневосточного урегулирования. Эта организация голословно объявлена американским президентом «террористической».

Подобно кэмп-дэвидским соглашениям «план Рейгана» вообще не предусматривает возвращения арабских территорий, оккупированных Израилем в 1967 г. В нем обходится молчанием и вопрос о выводе израильских войск из Ливана.

В «план Рейгана» специально включен ряд положений, направленных на то, чтобы столкнуть на путь сепаратных сделок вслед за Египтом другие «умеренные» арабские страны. Это, в частности, туманное заявление о том, что США-де не поддерживают аннексии Западного Берега р. Иордан и сектора Газа и выступают за «автономию» палестинцев на этих землях с перспективой объединения их с Иорданией в рамках «ассоциации». Это также заявление о том, что США против создания в этих районах новых израильских поселений, хотя тут же отвергается ликвидация уже существующих там (к тому времени более 100) поселений, которые мыслится совместить с «автономией» палестинцев.

Попытки дипломатии США с помощью «плана Рейгана» подобрать ключи к «умеренным» арабам не дают результатов. Об этом свидетельствуют итоги совещания глав государств и правительств арабских стран в Фесе (6—9 сентября 1982 г.). Одобренные там принципы урегулирования ближневосточной проблемы (создание палестинского государства, подтверждение статуса ООП как единственного законного представителя палестинского народа, освобождение всех оккупированных Израилем в 1967 г. арабских земель, включая Восточный Иерусалим, ликвидация израильских поселений) совершенно несовместимы с «планом Рейгана». Это относится также и к тому пункту фесской программы, который предусматривает роль Совета Безопасности ООН как гаранта установления мира на Ближнем Востоке в противоположность стремлению США взять этот процесс исключительно под свой контроль.

Фесская программа в главном и основном практически совпадает с подходом Советского Союза к ближневосточной проблеме. Этот подход в концентрированном виде сформулирован в Предложениях Советского Союза по ближневосточному урегулированию, опубликованных 30 июля 1984 г. Советская программа всеобъемлющего, справедливого урегулирования в своей основе предусматривает: строгое соблюдение недопустимости захвата чужих земель путем агрессии и возвращение арабам всех оккупированных Израилем с 1967 г. территорий; обеспечение неотъемлемого права палестинского народа, единственным законным представителем которого является Организация освобождения Палестины, на самоопределение, на создание

собственного независимого государства; реальное обеспечение права всех государств района на безопасное и независимое существование и развитие; прекращение состояния войны и установление мира между арабскими государствами и Израилем. В программе предлагается установление международных гарантий урегулирования с участием постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Советский Союз предлагает созвать специальную международную конференцию по Ближнему Востоку и считает, что в ее работе наряду со всеми арабскими странами, имеющими общую границу с Израилем, и с самим Израилем на равноправной основе обязательно должна участвовать также Организация освобождения Палестины. Это — принципиальный вопрос, поскольку ближневосточное урегулирование недостижимо без решения палестинской проблемы, а она не может быть решена без участия ООП.

Участниками конференции должны быть также СССР и США как государства, играющие, в силу сложившихся обстоятельств, важную роль в ближневосточных делах.

В работе конференции могли бы при общем согласии участвовать и некоторые другие государства Ближнего Востока и примыкающих к нему районов, способные внести положительный вклад в решение ближневосточной проблемы.

Советская программа ближневосточного урегулирования и предложения о созыве международной конференции по Ближнему Востоку вызвали широкий резонанс в мире. Позитивную оценку они получили в арабских странах, прежде всего непосредственно вовлеченных в арабо-израильский конфликт.

Следуя курсу на нагнетание напряженности, США и Израиль отклонили советские предложения, оказавшись тем самым в международно-политической изоляции.

Определенный вклад в разрешение ближневосточной проблемы могли бы внести страны Западной Европы, расположенные в непосредственной близости от опасного очага напряженности и заинтересованные в бесперебойном поступлении арабской нефти для функционирования своей экономики. К сожалению, однако, под давлением США западноевропейские страны воздерживаются от поддержки советских инициатив, хотя они получили позитивный отклик в широких общественных кругах этих стран.

Попытки империализма США заблокировать путь ко всеобъемлющему ближневосточному урегулированию встречают растущее противодействие со стороны движения неприсоединившихся стран, Организации Объединенных Наций и других международных форумов. Не будет преувеличением сказать, что борьба арабских народов в защиту своих законных прав, попранных в результате израильской агрессии, находит понимание и поддержку подавляющего большинства государств. И, если справедливость до сих пор не восстановлена, то это происходит потому, что правящие круги Израиля упорствуют в своей экспансионистской политике, а империализм США поощряет такую политику в надежде устрашить арабские народы, накинуть на них петлю неоколониализма.

Взяв курс на нагнетание международной напряженности, администрация Рейгана пытается превратить Ближний Восток и прилегающие районы в опорный плацдарм своей глобальной стратегии, что предполагает подавление там освободительных движений и насаждение неоколониалистских порядков.

В январе 1983 г. начало функционировать так называемое «центральное командование» США, зона действия которого произвольно распространена на обширный район Юго-Западной Азии, включая 19 государств (Афганистан, Пакистан, Иран, Ирак, Кувейт, Бахрейн, ОАЭ, Катар, Саудовская Аравия, Оман, ЙАР, НДРЙ, Сомали, Судан, Кения, Эфиопия, Джибути, Египет и Иордания). В распоряжении командования находятся армейские военно-воздушные и военно-морские соединения численностью в 200 тыс. человек, причем костяком их являются «силы быстрого развертывания». В Вашингтоне не скрывают, что эти силы имеют своей мишенью главным образом Ближний Восток, а внутри региона — Персидский залив. В спешном порядке создается система военных баз в ряде стран региона, там заблаговременно складируется тяжелая военная техника, включая танки и артиллерию, для последующего использования «силами быстрого развертывания». В регионе систематически проводятся крупные военные маневры с отработкой тактики глобальной и локальных войн. Наличие ядерного оружия на кораблях 6-го американского флота в Средиземном море и стремление Израиля обладать таким оружием усиливают ядерную опасность для Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья.

Мощный военный кулак создается в районе Персидского залива. В Аравийском море и в Оманском заливе действует крупнейшая со времен второй мировой войны армада боевых кораблей. Расширяется крупная военная база на о-ве Диего-Гарсия; предпринимаются попытки привлечь европейских союзников к военным акциям США в Индийском океане.

Открытым вызовом арабскому миру явились вмешательство США в конфликт, возникший в марте 1979 г. между ЙАР и Демократическим Йеменом, попытки оказать давление на НДРЙ, народ которой избрал путь социалистической ориентации. Дж. Картер отдал распоряжение об отправке к берегам НДРЙ кораблей 7-го флота США во главе с авианосцем «Констеллейшн», что вызвало протесты со стороны как НДРЙ, так и ЙАР. Попытки США вмешаться в положение на юге Аравии не прекращаются и после того, как в марте 1979 г. оба йеменских государства решили урегулировать конфликт мирными средствами и нормализовать отношения между собой.

Составной частью расширяющегося военного присутствия США на Ближнем Востоке является крупный контингент американских войск (1200 человек), направленный в 1982 г. под прикрытием ширмы так называемых «многонациональных сил» на Синайский п-ов, который был возвращен Израилем Египту на условиях ограничения там его суверенитета и в качестве платы за предательство Садата. Этот контингент не просто заменяет израильскую оккупацию Синая фактической оккупацией США, но и предназначен для обеспечения

планируемых карательных операций «сил быстрого развертывания» повсюду на Ближнем Востоке. Не случайно, что основой контингента является батальон 82-й авиадесантной дивизии (600 парашютистов-десантников), входящий в состав «сил быстрого развертывания». Синай на деле стал базой передового базирования и командным центром США в этом районе.

В 1982 г. после отвода из Западного Бейрута израильских войск в Ливан были направлены воинские контингенты США (1200—1600 человек), Великобритании, Франции и Италии, также получившие название «многонациональных сил». Действия американского контингента, находившегося в непосредственном соприкосновении с израильскими войсками, обеспечивала группа кораблей 6-го флота ВМС США, базировавшаяся на морском рейде Бейрута.

Пентагон совершил варварские преступления на земле Ливана. Президент Рейган санкционировал нанесение ударов силами палубной авиации и корабельной артиллерии флота США по позициям национально-патриотических сил Ливана и сирийских войск, входящих в состав межарабских сил по поддержанию мира в этом государстве. На ливанский народ была обрушена огневая мощь самой крупной империалистической державы. Под дулами американских орудий Ливану было навязано 17 мая 1983 г. кабальное ливано-израильское соглашение, превращавшее Ливан в фактический американо-израильский протекторат.

В результате отпора патриотических сил арабского мира очередная военная авантюра США потерпела провал. В феврале—марте 1984 г. «многонациональные силы» были выведены из Ливана, а ливано-израильское соглашение было аннулировано. Однако до сих пор Израиль не оставляет попыток закрепиться на юге Ливана.

Целям закрепления на долговременной основе военно-политических позиций США в регионе призвана служить и выдвинутая Рейганом концепция так называемого «стратегического консенсуса», суть которой состоит в попытке дополнить американо-израильский союз партнерством с умеренным крылом арабского мира, куда в Вашингтоне относят Египет, Саудовскую Аравию, Оман, Марокко, Тунис, Иорданию и ряд других стран. Тот факт, что большинство арабских государств сразу же отвергло эту концепцию, не обескуражил Вашингтон. Там все еще лелеют надежду, что размахивание жупелом советской угрозы побудит хотя бы некоторые страны подключиться к «консенсусу».

Концепция «стратегического консенсуса» не исключает, а предполагает продолжение курса США на разжигание вражды между народами, использование излюбленного метода империализма — «разделяй и властвуй». Империализм и колониализм способствовали возникновению и обострению многих конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке. Это, в частности, относится и к конфликту между Ираком и Ираном, который со всех точек зрения выгоден лишь империализму.

Разговоры о «консенсусе», о необходимости «сбалансированной» американской политики на Ближнем Востоке в Вашингтоне считают

полезными и потому, что они до некоторой степени отвлекают внимание от продолжающегося курса на форсированное укрепление Израиля как главной опоры империализма и неоколониализма в этом районе. Как следствие заключенных соглашений о стратегическом сотрудничестве продолжает возрастать американская помощь Израилю. В 1985 финансовом году она составила 2,6 млрд. долл., из которых 1,4 млрд. долл. пошло на военные цели. В отличие от прошлых лет эта помощь предоставляется не в форме займов, а в виде субсидий.

«Израиль, — заявил Рейган в интервью газете „Вельт ам зонтаг" 2 февраля 1982 г., — это стратегическое сокровище. После свержения шаха (Ирана. — *А. Б.*) Израиль остается единственным надежным союзником США на Ближнем Востоке».

Поощрение экспансионистских амбиций Израиля целиком укладывается в рамки глобального подхода США к Ближнему Востоку как объявленной сфере своих «жизненных интересов» и плацдарму в антисоветской стратегии. Там же, где, по мнению Вашингтона, Израилю не под силу или по каким-то причинам не с руки выполнять роль главного орудия в борьбе против арабских патриотических сил, в ход пускаются средства шантажа и угроз непосредственно из американского арсенала, а то и прямое вооруженное вмешательство США.

После убийства Садата Вашингтон прибег к угрозе вооруженного вмешательства в дела Египта, чтобы удержать эту страну под американским контролем. Именно так повсеместно было расценено направление к берегам Египта военных кораблей США, приведение в состояние повышенной боеготовности частей морской пехоты, находящихся в районе Средиземного моря, а также расположенных на территории США «сил быстрого развертывания».

Попытки прямого вмешательства в дела Египта, угрозы в адрес Сирии и Ливана, поддержка агрессии Израиля в Ливане — это лишь немногие примеры активизации американской военной машины в районе Средиземного моря. В этом районе сконцентрировано большое количество американских «средств передового базирования» — подводных лодок-ракетоносцев, самолетов—носителей ядерного оружия, размещенных на борту авианосцев и на базах ряда стран. Особое беспокойство арабских народов вызывает установка американских ядерных крылатых ракет на Сицилии.

Политике нагнетания напряженности в районе Ближнего Востока и Средиземноморья Советский Союз противопоставляет линию на обеспечение прочного мира и безопасности, уважение суверенных прав народов. В этом плане большое значение имеют предложения СССР, направленные на превращение Средиземноморья из района военно-политических конфронтаций в зону устойчивого мира и сотрудничества. Эти предложения, выдвинутые еще в июне 1981 г., предусматривают достижение международных соглашений по таким вопросам, как распространение на район Средиземного моря мер доверия в военной области, согласованное сокращение в этом районе вооруженных сил, вывод оттуда кораблей-носителей ядерного ору-

жия, отказ от размещения ядерного оружия на территории средиземноморских неядерных стран, принятие ядерными державами обязательства не применять ядерного оружия против любой средиземноморской страны, не допускающей размещения у себя такого оружия.

В 1986 г. в связи с острым кризисом, вызванным разбойничьим нападением США на Ливию, Советский Союз предложил вывести из Средиземного моря флоты СССР и США. Он также выдвинул идею созыва представительного совещания, аналогичного общеевропейскому, чтобы рассмотреть весь комплекс вопросов упрочения мира в этом регионе.

Широкую поддержку арабских народов, как и всей прогрессивной мировой общественности, получили советские предложения об обеспечении мира и безопасности в районе Персидского залива.

Советский Союз предложил США, другим западным державам, Китаю, Японии, всем государствам, которые проявят к этому интерес, договориться о следующих взаимных обязательствах:

— не создавать иностранных военных баз в районе Персидского залива и на прилегающих островах; не размещать там ядерного или какого-либо другого оружия массового уничтожения;

— не применять и не угрожать применением силы против стран района Персидского залива, не вмешиваться в их внутренние дела;

— уважать статус неприсоединения, избранный государствами района Персидского залива; не вовлекать их в военные группировки с участием ядерных держав;

— уважать суверенное право государств этого района на их природные ресурсы;

— не создавать каких-либо препятствий или угроз нормальному торговому обмену и использованию морских коммуникаций, связывающих государства этого района с другими странами мира [33].

Советский Союз убежден, что такого рода договоренность, полноправными участниками которой, естественно, стали бы и сами государства данного района, отвечала бы их кровным интересам, явилась бы надежным залогом обеспечения их суверенных прав и безопасности.

Предложения Советского Союза развеивают миф о некоей советской угрозе нефтяным богатствам Ближнего и Среднего Востока. В отличие от США Советский Союз никогда не претендовал на чужие нефтяные богатства, тем более что он полностью обеспечивает свои потребности в нефти за счет собственных источников. Глубоко чужды Советскому Союзу экспансионистские устремления «к теплым морям», которые то и дело приписываются ему американскими «советологами» [34].

В последние годы происходит массированное вторжение американской военщины в район Персидского залива. Еще в августе

[33] Правда, 1981, 10 дек.

[34] См., например: *McLaurin R. D.* The Middle East in Soviet Policy. Lexington M. A., 1975; *Rubinstein A. Z.* Red Star on the Nile: The Soviet-Egyptian Influence Relationship Since the June War. Princeton (N. Y.), 1977; *Yodfat A., Abir M.* In the Direction of the Gulf: The Soviet Union and the Persian Gulf. L., 1977.

1977 г. в президентской директиве № 18 были даны указания о создании специальных военных сил США для отправки в районы, подобные Персидскому заливу, для охраны деятельности американских монополий. В начале 1979 г., когда в Иране развертывалась антимонархическая революция, в Индийский океан и Персидский залив были переброшены из Тихого океана авианосцы и десантные суда. Весной 1980 г. администрация Картера уже заявляла о том, что оставляет за собой право использования тактического ядерного оружия в Персидском заливе.

Долгое время Вашингтон пытался обосновать усиление военного присутствия США в Персидском заливе необходимостью освободить американских заложников в Иране. Однако заложники были освобождены, а американское военное присутствие продолжает наращиваться еще более высокими темпами.

Развитие событий на Ближнем Востоке убедительно подтверждает, что США и Израиль несут всю ответственность за взрывоопасную ситуацию в этом районе.

Вашингтон отклонил и продолжает отклонять все советские инициативы, предложения других миролюбивых стран, направленные на достижение всеобъемлющего ближневосточного урегулирования, нормализацию обстановки в Ливане, обеспечение мира и безопасности в Персидском заливе. США не только поощряют и поддерживают агрессию Израиля, но и сами нередко прибегают к прямой вооруженной интервенции против арабских стран, к оказанию на них военного давления. В Совете Безопасности ООН Вашингтон систематически прибегает к вето, блокируя принятие им санкций против Израиля, вынесение решений о безотлагательном выводе израильских войск со всех захваченных им с 1967 г. арабских территорий, а также решений в защиту независимости и территориальной целостности Ливана, по обеспечению законного права палестинского народа на создание собственного независимого государства.

На Ближнем Востоке американская политика «с позиции силы» в последнее время потерпела ряд крупных поражений. США были вынуждены вывести свои интервенционистские войска из Ливана, было аннулировано навязанное этой стране кабальное соглашение с Израилем, серьезно подорванной оказалась произвольно взятая на себя Вашингтоном роль «честного посредника» в ближневосточных делах. Решение Тель-Авива о выводе израильских войск из Ливана, какими бы оговорками оно не обставлялось, по существу означает признание краха израильской авантюры в Ливане, осуществлявшейся в тесной координации с США.

Вместе с тем ни Израиль, ни США не собираются отказываться от своих экспансионистских замыслов на Ближнем Востоке. Наряду с методом прямого силового давления теперь они все чаще прибегают к политике «разделяй и властвуй», пускают в ход подачки и посулы «помощи», еще активнее и изощреннее используют затасканный миф о «советской угрозе», ведут настоящую психологическую войну против Сирии, Демократического Йемена и других прогрессивных арабских стран.

Выявившиеся в последнее время трудности в Палестинском движении сопротивления, глубокие различия в политической ориентации арабских государств и, в частности, наличие среди них все еще идущих в фарватере политики западных держав, борьба между отдельными арабскими государствами за влияние в регионе — все эти факторы активно используются империализмом США в целях ослабления освободительных, патриотических сил арабского мира.

Совершенно очевидно, что успех борьбы арабских народов за прочный мир и свои неотъемлемые права во многом зависит от солидарности и единства действий всех патриотических, антиимпериалистических сил арабского мира. В этом деле Советский Союз всегда оказывал и оказывает им необходимое содействие.

Арабские народы все больше понимают, что причина всех бед на Ближнем Востоке — агрессивная экспансионистская политика Израиля и тех, кто ее поощряет — Вашингтона и его ближайших союзников по НАТО, стремящихся установить в регионе неоколониалистские порядки.

Хорошо знают арабские народы и то, что оказываемая им Советским Союзом всесторонняя помощь и поддержка носят искренний бескорыстный характер, что Советский Союз никогда не вмешивается в их внутренние дела.

Высшей целью внешней политики Советского государства было, есть и остается обеспечение мира. Важное значение придается в этой связи проблеме ликвидации очагов напряженности, достижению политического урегулирования международных конфликтов на основе уважения законных прав государств и народов. Советский Союз прилагает, в частности, большие усилия к тому, чтобы добиться ликвидации опасного военного очага на Ближнем Востоке, тем более что этот район находится в непосредственной близости от рубежей стран Варшавского Договора. Эти усилия органически вписываются в ту борьбу, которую он ведет за прекращение гонки вооружений, в защиту мира и укрепление международной безопасности.

Как отмечено в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, Советский Союз решительно выступает за то, чтобы «активизировать коллективные поиски путей разблокирования конфликтных ситуаций на Ближнем и Среднем Востоке» [35]. Справедливое политическое урегулирование международных кризисов и региональных конфликтов — неотъемлемая часть всеобъемлющей системы международной безопасности.

[35] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 70.

Индийский океан в экспансионистских планах Соединенных Штатов

А. В. КРУТСКИХ

Более 40 прибрежных, островных и материковых государств бассейна Индийского океана образуют один из наиболее густонаселенных районов земного шара. В нем проживает почти треть человечества — свыше 1 млрд. человек. Важную роль в мировой экономике этот район играет в значительной мере благодаря своим сырьевым ресурсам. Здесь сосредоточено около 70 % запасов нефти, разведанной в несоциалистической части мира, или 46 % общемировых запасов (примерно 50 млрд.). Он дает 90 % мирового естественного каучука, 98 % мировой добычи алмазов, 40 — нефти, 60 — урана, 40 — золота. Тут разведаны и разрабатываются большие залежи олова, кобальта, вольфрама, меди, марганца, серебра, ряд других цветных и драгоценных металлов, соли, серы, угля. Этот район известен как мировой экспортер риса, чая, специй, джута. По приблизительным подсчетам, Индийский океан может давать ежегодно от 10 до 20 млн. т рыбы. Велико его торговое и стратегическое значение как зоны интенсивных круглогодичных морских коммуникаций, связывающих различные регионы нашей планеты.

Исследование истоков и эволюции экспансионистской деятельности США в бассейне Индийского океана весьма актуально, так как Вашингтон пытается возложить на Советский Союз, другие социалистические страны и национально-освободительное движение вину за обострения обстановки в этом районе, а также снять с Соединенных Штатов ответственность за экономическую отсталость народов этой части планеты.

Бассейн Индийского океана на протяжении более полутора веков является объектом американского проникновения. Характер и методы современной экспансии США в этом районе в значительной степени сложились уже вскоре после образования американского государства. Колониализм без империи — так можно определить суть политики США в бассейне Индийского океана в годы развития американского капитализма. Колониальная эксплуатация других народов Соединенными Штатами отличалась от европейского колониализма лишь по форме и масштабам.

Осуществляя экспансию на международной арене, включая бассейн Индийского океана, Соединенные Штаты повсеместно афишировали свое антиколониалистское прошлое. Американская пропаганда демагогически подчеркивала, что США не создавали колониальных империй. По этому поводу убедительное разъяснение дал бывший председатель Национального Комитета Коммунистической партии США У. Фостер. «Соединенные Штаты, — писал он, — империалистическая страна, и, больше того, самая агрессивная

держава в мире... Отсутствие колоний у США объясняется тем, что Соединенные Штаты, позднее других стран вышедшие на империалистическую арену, обнаружили: 1) что большинство слаборазвитых стран мира было уже захвачено другими империалистическими державами и 2) что вследствие роста освободительного движения в колониях стало чрезвычайно трудно, если не невозможно, превратить еще свободные слаборазвитые страны в настоящие колонии. Поэтому Соединенным Штатам волей-неволей пришлось создавать собственную систему империалистического, экономического и политического контроля, которая на деле подчиняет народы более успешно, чем прежние и более грубые методы, применявшиеся британским... и голландским империализмом. Используя средства финансового, политического и военного давления, Соединенные Штаты уже установили в большей или меньшей мере американское руководство, т. е. господство над большинством капиталистических стран» [1].

Великая Октябрьская социалистическая революция стала для народов Востока ярким примером решительной борьбы против империалистической экспансии. В изменившейся обстановке колониальная политика США приобрела новый классовый смысл. Участие Соединенных Штатов в разделе мира на экономические сферы влияния стало диктоваться не только соображениями межимпериалистической борьбы за господство, но и стремлением не допустить расширения зоны социализма.

После второй мировой войны, приведшей к дальнейшему укреплению позиций социализма и давшей толчок мощному подъему национально-освободительных движений, США были поставлены перед необходимостью изменить приоритеты своей политики, нацеленной на установление американской мировой гегемонии («пакс-американа»). Экспансия Соединенных Штатов была направлена прежде всего на то, чтобы «сдержать», а при возможности и уничтожить социализм, предотвратить углубление общего кризиса капитализма и распад колониальной системы.

Вторая мировая война серьезно ослабила европейские метрополии. Им стало сложнее противостоять демократическим прогрессивным силам внутри собственных стран и управлять обширными колониальными империями. В бассейне Индийского океана, как и во всем мире, ширилось движение за национальное освобождение.

Европейские колонизаторы стали уповать на поддержку самой мощной державы капиталистического мира — Соединенных Штатов. США никогда не покидало стремление воспользоваться ослаблением конкурентов, чтобы укрепить собственные позиции на колониальных рынках. Этим можно объяснить тактику заигрывания Вашингтона с некоторыми национальными лидерами стран Индийского океана в первые послевоенные годы и его демагогические призывы к предоставлению этим странам независимости. Однако, когда борьба порабощенных народов приобретала подлинно освободительный антиимпе-

[1] *Фостер У.* Закат мирового капитализма. М., 1951, с. 41—42.

риалистический характер, Соединенные Штаты неизменно оказывались на стороне колонизаторов.

Так, в середине 50-х годов США официально поддерживали Португалию, пытавшуюся сохранить за собой колониальные владения в Индии — Гоа, Даман и Диу. Бывший государственный секретарь США Дж. Даллес на одной из пресс-конференций заявил, что Вашингтон считает указанные индийские территории «законными» провинциями Португалии. Путем политического нажима Соединенные Штаты рассчитывали удержать Индию от активных шагов по ликвидации последних колониальных анклавов на своей территории.

С конца 40-х годов Вашингтон оказывал активную помощь Голландии в ее усилиях «повторно завоевать» Индонезию. В 1949 г. США не стали препятствовать плану расчленения Индонезии на 16 «самостоятельных государств», которые обязывались «вечно сотрудничать» с Голландией. После того как в августе 1950 г., несмотря на противодействие колонизаторов, было образовано единое индонезийское государство, Голландия при пособничестве США развернула военные действия против Индонезии, стремясь помешать воссоединению последней с частью ее исконной территории — Западным Ирианом. В 50-е годы США стали играть ведущую роль в планах неоколониализации Индонезии. Организуя антиправительственные мятежи на Суматре, Сулавеси и других островах, государственные перевороты, поддержку сепаратистов, Соединенные Штаты пытались свернуть Индонезию с прогрессивного пути развития.

В тот же период США оказывали военную помощь Великобритании, ведшей войну в Малайе, и косвенную поддержку трехсторонней англо-франко-израильской агрессии против Египта. Сосредоточенные поблизости американские войска были готовы в подходящий момент присоединиться к интервентам. В 60-е—начале 70-х годов, используя механизм военно-политического блока НАТО и в качестве посредника расистский режим ЮАР, португальские колонизаторы получали от США все необходимое для борьбы с национально-освободительными силами Мозамбика.

Удерживать в подчинении молодые независимые государства традиционными методами откровенного колониального подавления становилось все более трудно, так как все больший размах получала национально-освободительная борьба и усиливался сдерживающий фактор в лице Советского Союза и других социалистических стран. В этих условиях империалистические круги Запада во главе с США стали прибегать к новым, более завуалированным формам экспансии. Одной из таких форм коллективного неоколониализма в бассейне Индийского океана явилась американская блоковая политика, направленная на создание в регионе многосторонних или двусторонних политических коалиций и военных союзов.

Сущность военно-политической интеграции империалистических и проимпериалистических сил вскрыл в свое время В. И. Ленин. Он, в частности, писал: «Конечно, возможны временные соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны и Соединенные Штаты Европы, как соглашение европейских капита-

листов... о чем? Только о том, как бы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии...» [2].

Вашингтон рассчитывал, что созданные под его эгидой военно-политические союзы помогут удержать в повиновении развивающиеся государства. Блоки должны были обеспечить США руководящую роль в политической, военной, экономической жизни «младших партнеров». Вовлекая в военные группировки освободившиеся страны, империалисты надеялись с их помощью реализовать давний принцип завоевателей: «усмирять „варваров" руками самих „варваров"».

Зоне Индийского океана, примыкающей к границам Советского Союза с юга, отводилось важное место в американской стратегии «сдерживания» и «окружения» коммунизма.

Вслед за созданием НАТО по инициативе США, Англии, Франции и Турции в октябре 1951 г. был выдвинут проект Объединенного ближневосточного командования в составе представителей Египта, Сирии, Ливана, Ирака, Саудовской Аравии, Северного Йемена, Израиля и Иордании. Предполагалось, что эта милитаристская организация будет выполнять функции антикоммунистического бастиона на Ближнем Востоке и в северо-западной части Индийского океана. Западные ее вдохновители получили бы право размещать на территории «младших азиатских партнеров» свои войска. Предполагалось также установить тесную связь этого блока с НАТО. Проект, как и многие другие ему подобные, был отвергнут правительствами большинства арабских стран.

Отказ независимых государств региона участвовать в военно-политических группировках вынудил США отложить на время идею создания всеобъемлющего военного союза в Западной Азии по примеру НАТО. Вашингтону пришлось ограничиться сколачиванием двусторонних пактов между проимпериалистическими режимами этого региона. Роль ядра будущего значительно более широкого альянса стал выполнять заключенный 24 февраля 1955 г. договор о военном союзе между Турцией и Ираком (Багдадский пакт), открытый для присоединения к нему других государств. 4 апреля к Багдадскому пакту присоединились Англия, 23 сентября — Иран и 3 ноября — Пакистан. Окончательно Ближневосточная оборонительная организация (МЕДО) оформилась 21—22 ноября 1955 г. в Багдаде на учредительной сессии этого блока. Соединенные Штаты, хотя и были в числе организаторов Багдадского пакта, вошли в него только в качестве наблюдателя. Это тем не менее не помешало им захватить ведущие позиции в его ключевых органах — военном комитете, объединенном штабе военного планирования, комитете по борьбе с «подрывной деятельностью» и практически направлять деятельность МЕДО.

После того как Ирак сначала фактически (с июля 1958 г.), а затем (с 24 марта 1959 г.) и официально порвал с этим агрессивным блоком, его штаб-квартира была переведена из Багдада в Анкару, а сам союз

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 354.

был переименован в Организацию центрального договора (СЕНТО).

Параллельно с созданием СЕНТО Вашингтон предпринимал энергичные усилия в восточной части Индийского океана, которые завершились подписанием в сентябре 1954 г. в Маниле Договора о коллективной обороне Юго-Восточной Азии. Так был образован военно-политический союз Организация договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО), в который наряду с США, Англией, Францией, Филиппинами и Новой Зеландией вошли три государства бассейна Индийского океана — Пакистан, Таиланд и Австралия.

В заявлении МИД СССР от 15 сентября 1954 г. подчеркивалось, что «Советское правительство не может рассматривать конференцию в Маниле и подписание „Договора об обороне Юго-Восточной Азии" иначе, как действия, направленные против интересов безопасности в Азии и на Дальнем Востоке и вместе с тем против интересов свободы и национальной независимости народов Азии. Государства—инициаторы создания указанного нового военного блока в районе Юго-Восточной Азии и Тихого океана берут на себя всю ответственность за свои действия, находящиеся в грубом противоречии с задачами укрепления мира» [3].

Выступая в Народной палате 28 сентября 1954 г., Дж. Неру дал не менее резкую оценку факту создания СЕАТО: «Мне кажется, — заявил он, — что Манильский договор берет опасный курс на признание сфер влияния мощных держав... Какое-нибудь внутреннее событие в этом районе может дать этим странам право вмешаться. Разве это не затрагивает всю концепцию целостности, независимости и суверенитета стран этого района?» [4]

Не осталась вне поля зрения американских стратегов и Южная Азия. С помощью экономических посулов, обещаний содействовать развитию, военных угроз, подкупа Вашингтон пытался заставить Индию, Цейлон, Бирму отказаться от выбранного ими курса неприсоединения и примкнуть к военно-политическим блокам империализма. В 1950 г. США, например, подписали соглашение с Бирмой о предоставлении ей экономической помощи. Когда же через год домогательства Вашингтона о том, чтобы дополнить соглашение положениями о военно-политическом сотрудничестве были отвергнуты бирманским правительством, Соединенные Штаты объявили о прекращении «помощи» этой стране.

1 сентября 1951 г. США, Австралия и Новая Зеландия подписали Тихоокеанский пакт, положивший начало военно-политическому блоку АНЗЮС на юге Индийского океана, хотя в то время его акватории официально не были включены в сферу действия этого трехстороннего союза.

Соединенные Штаты широко использовали в регионе различные военные договоры на двусторонней основе. 23 июля 1952 г. было заключено Соглашение о взаимной военной помощи США с Израилем, а в 1956 г. к началу тройственной агрессии против Египта, между

[3] Правда, 1954, 15 сент.

[4] Цит. по: *Каранджия Р.* СЕАТО: безопасность или угроза? М., 1957, с. 62.

ними практически окончательно сложился военно-политический союз.

19 мая 1954 г. было подписано американо-пакистанское Соглашение о взаимной помощи и обороне. 5 марта 1959 г. США заключили с Турцией, Ираном и Пакистаном, по сути дела, союзнические соглашения, которыми предусматривалось использование американских вооруженных сил на территории этих стран для «оказания сопротивления прямой и косвенной агрессии» и «приложения совместных усилий в целях подготовки и участия в оборонительных действиях». В заявлении от 25 марта 1959 г. Советское правительство подчеркнуло, что на основе этих соглашений Соединенные Штаты, в частности, «могут проводить меры, направленные на подготовку территории указанных стран в качестве театра военных действий в соответствии с планами американской военщины» [5].

Множество соглашений, конкретизирующих и регулирующих отдельные стороны военного сотрудничества, США заключили с Австралией, Таиландом, Саудовской Аравией, Оманом. Особое место среди них заняло американо-таиландское коммюнике, подписанное в марте 1962 г. В соответствии с этим коммюнике обязательства по СЕАТО стали трактоваться не только как коллективные, но и как индивидуальные, что предоставило странам-членам блока «право» по собственному усмотрению определять, когда и при каких обстоятельствах они могут вмешиваться в ту или иную кризисную ситуацию. Раньше для принятия подобных решений требовалось согласие большинства участников блока.

Милитаристская деятельность созданных в бассейне Индийского океана коллективных империалистических блоков и двусторонних союзов несла серьезную угрозу социалистическим государствам и молодым независимым странам, не раз приводила к возникновению серьезных вооруженных конфликтов в регионе. Под эгидой этих альянсов многие страны зоны Индийского океана были втянуты в опасную гонку вооружений. Страны—члены блоков, пользуясь поддержкой других союзников, проводили широкую военную подготовку и неоднократно совершали акты агрессии против нейтральных государств. Не менее важной для империалистических кругов была и внутренняя функция военных союзов — предотвращение прогрессивных преобразований и подавление национально-освободительного движения.

Багдадский пакт пытался мобилизовать своих азиатских участников на поддержку тройственной агрессии империалистических сил против Египта (1956 г.). Блок СЕНТО неоднократно предпринимал провокационные маневры и концентрировал войска на границах вставших на путь неприсоединения азиатских стран, в частности Ирака (1961 г.). В 1965 г. присутствие вооруженных сил членов этого блока — Англии, Пакистана и Ирана — позволило правителям Омана развернуть наступление против национально-освободительных сил в Дофаре. Пакистан, неоднократно развязывавший военные

[5] Правда, 1959, 26 марта.

действия против Индии, опирался на поддержку СЕАТО. Обязательства по Манильскому договору об «обороне» Юго-Восточной Азии заставили Таиланд и Австралию примкнуть к активному участию в американской агрессии во Вьетнаме. Первый направил туда боевые части общей численностью 11 586 человек, вторая — 7672 человек [6]. Военные возможности СЕАТО были использованы для ведения подрывной деятельности против Индонезии и Бирмы. В штаб-квартирах блоков зачастую планировались государственные перевороты в странах зоны Индийского океана (например, в 1962 г. в Таиланде, когда в стране наметились сдвиги в сторону проведения более независимой внешней политики). Перечень агрессивных акций военно-политических группировок, созданных под эгидой Вашингтона в зоне Индийского океана, далеко не исчерпывается названными.

Соединенные Штаты поощряли создание в зоне Индийского океана блоков своим натовским партнером — Великобританией. Тесно связанной с СЕАТО оказалась сформировавшаяся в 1949—1950 гг. военно-политическая группировка АНЗАМ, в которую, кроме самой метрополии, вошли ее бывшие владения — Малайя, Австралия и Новая Зеландия. В апреле 1971 г. формально взамен Англо-малайского договора об обороне и взаимной помощи (1957 г.) был создан военно-политический союз пяти стран: Англии, Малайзии, Сингапура, Австралии и Новой Зеландии (АНЗЮК). На сессиях руководящих органов СЕАТО (в 1970, 1971 и 1972 гг.) и АНЗЮС (в 1970, 1972 и 1975 гг.) была выражена полная поддержка новому блоку, а его деятельность характеризовалась как «способствующая созданию в регионе климата уверенности и обеспечивающая полезную структуру для практического сотрудничества». Официальный Вашингтон расценил организацию союза как «убедительный пример заботы азиатов о нуждах своей безопасности», как фактор, призванный «способствовать устойчивости» в Юго-Восточной Азии [7].

По мере снижения эффективности и распада существовавших альянсов Соединенные Штаты создавали в районе Индийского океана новые союзы и постоянно модифицировали блоковую политику. Так, в 1966—1973 гг. функционировал Азиатско-Тихоокеанский Совет (АЗПАК), членами которого наряду с тихоокеанскими странами стали четыре государства зоны Индийского океана: Австралия, Таиланд, Малайзия, Сингапур.

На современном этапе крупные позитивные перемены, происшедшие в зоне Индийского океана, победы национально-демократических сил в Эфиопии (1974 г.) и Афганистане (1978 г.), завоевание независимости народами Мозамбика (1974 г.) и Зимбабве (1980 г.), антимонархическая, антиимпериалистическая революция в Иране и выход этой страны из всех военных союзов (1979 г.) вызвали не только серьезную озабоченность Вашингтона, но и активизацию его блоковой деятельности в регионе.

[6] *Larsen R., Collins I.* Allied Participation in Vietnam. Wash., 1975, p. 23, 151; The Power of Pentagon. Wash., 1972, p. 79.
[7] Department of State Bulletin, 1975, May 19, p. 646.

В последние годы Соединенные Штаты предприняли энергичные усилия, стремясь подключить в любой возможной форме к своей военной экспансии в зоне Индийского океана и Персидского залива как можно более широкий круг партнеров по многочисленным военно-политическим блокам и союзам из других районов, оставляя при этом за собой, естественно, общее руководство.

Соединенные Штаты всячески поддерживают региональное военное сотрудничество развивающихся государств Индийского океана на антикоммунистической основе. Делая ставку на проамериканские режимы, Вашингтон разрабатывает проекты создания новых локальных блоков. Один из проектов предусматривает объединение проамериканских сил в бассейне Красного моря с участием Египта, Судана, Саудовской Аравии, Сомали. Проект другого альянса предполагает охватить зону Персидского залива и Среднего Востока. «Пакт безопасности», гарантируемый военной мощью НАТО и вооруженными силами США в Индийском океане, по словам бывшего командующего ближневосточным оперативным соединением ВМС США адмирала М. Бэйна, должен стать аналогом НАТО применительно к этому району. В него планируется включить Саудовскую Аравию, Оман, Бахрейн, Катар, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). Цель группировки очевидна — внести раскол в освободительное движение арабских стран, втянуть в орбиту империалистической политики новые государства.

Соединенные Штаты проявляют большую заинтересованность в создании военного объединения государств в районе Персидского залива. В качестве возможной основы для такого объединения они рассматривают Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), замкнутую региональную организацию в составе Саудовской Аравии, Кувейта, Бахрейна, Катара, ОАЭ и Омана, договоренность о создании которой была достигнута на совещании министров иностранных дел названных стран в Эр-Рияде 4 февраля 1981 г., а затем оформлена подписанием совместной декларации по итогам встречи глав шести государств-участников в Абу-Даби 26 мая того же года. Вашингтон хотел бы, чтобы на основе Совета со временем образовался общий фронт консервативных арабских режимов, направленный против арабских государств, придерживающихся антиимпериалистической ориентации — Сирии, Ливии, Алжира, НДРЙ. Тем самым удалось бы закрепить раскол в арабском мире и еще больше подорвать позиции арабов перед лицом сионистской угрозы.

В рамках так называемого комплексного подхода к обеспечению безопасности на Ближнем Востоке Вашингтон уже давно пытается создать здесь особый альянс, объединив в нем Израиль и наиболее консервативные арабские режимы. Глубокие противоречия, разделяющие арабские правящие круги и израильских сионистов, не позволяют американским политикам форсировать организацию военно-политического арабо-израильского союза. Поэтому Соединенные Штаты ведут большую подготовительную работу, стремясь присоединить к кэмп-дэвидскому процессу Иорданию, Саудовскую

Аравию, Ливан и делая акцент на организацию в этом районе «стратегического сотрудничества» всех реакционных сил, включая своих союзников по действующим империалистическим блокам.

Ставка на военную силу постоянно присутствует в американской политике в зоне Индийского океана и находит свое отражение в официальных военно-политических доктринах Вашингтона, с которыми не раз после второй мировой войны выступали видные государственные деятели США.

5 января 1957 г. президент США Д. Эйзенхауэр в специальном послании конгрессу о политике на Ближнем и Среднем Востоке потребовал предоставить ему право использовать в этом районе американские вооруженные силы, а также выделить на программы военной помощи дополнительно 200 млн. долл. Законодательный орган поддержал намерение президента возложить на американские войска функции «мировых полицейских». Совместная резолюция обеих палат конгресса от 9 марта 1957 г., в частности, гласила: «Если президент сочтет необходимым, Соединенные Штаты готовы использовать вооруженные силы с целью оказания помощи какой-либо стране или группе стран, которые обратятся с просьбой о помощи для отражения вооруженной агрессии со стороны любого государства, находящегося под контролем международного коммунизма» [8]. Так была сформулирована «доктрина Эйзенхауэра», «узаконившая» право США на вооруженную интервенцию против независимых государств, в первую очередь государств Ближнего и Среднего Востока.

Дополнительные военные обязательства в отношении стран Персидского залива США в одностороннем порядке взяли на себя еще при Дж. Картере («доктрина Картера»). В своем обращении к конгрессу 23 января 1980 г. президент провозгласил: «Попытка какой-либо внешней силы установить контроль над районом Персидского залива будет рассматриваться как покушение на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такому покушению будет дан отпор любыми средствами, включая военную силу» [9].

«Доктрина Картера» идет существенно дальше «доктрины Эйзенхауэра». Она позволяет Вашингтону самому определять, где, когда и как осуществлять вмешательство в северо-западной части Индийского океана, независимо от того, есть или нет соответствующая просьба от государств этого региона. Как справедливо заметил бывший заместитель государственного секретаря США Д. Ньюсом, в «доктрине Картера» речь ведется о намерении Белого дома применять военную силу «по собственному почину». «Для этого, — писал известный американский политический обозреватель Дж. Рестон, — достаточно, чтобы его хозяину показалось, что кто-то собира-

[8] Legislation on Foreign Relations Through 1979, US Congr., Joint Committee Print. US GPO. Wash., 1980, vol. 11, p. 540.

[9] State of the Union Address, Message from the President of the United States, January, 23, 1980. US GPO. Wash., 1980, p. 4.

ется завладеть районом Персидского залива, который оказался включенным в зону „жизненных интересов" США» [10].

Свой вклад в расширение «сферы ответственности» и возможностей для военной экспансии США внес и президент Р. Рейган. Во время пресс-конференции 1 октября 1981 г. он заявил, что США «не допустят, чтобы Саудовская Аравия стала новым Ираном», и не позволят ей попасть в руки «тех, кто мог бы прекратить поставки нефти Западу» [11]. Это заявление Рейгана послужило развитием «доктрины Картера». Упоминание Рейганом о событиях в Иране, где была свергнута проамериканская монархия, свидетельствует, что Соединенные Штаты оставляют за собой право вмешательства не только в случае «внешней агрессии» против государств, занесенных в реестр важных для США, но и при неблагоприятном для американского империализма развитии внутренних процессов в этих странах.

Доктринальные установки Вашингтона подкрепляются колоссальным наращиванием американской военной мощи в зоне Индийского океана. Главную роль в экспансионистских акциях США в этом районе играет американский военно-морской флот.

Еще в 1948 г. было создано ближневосточное оперативное соединение ВМС США с основной базой на Бахрейнских островах в Персидском заливе. В его составе, как правило, пять кораблей (два эсминца, десантное судно, корабль-транспорт и штабной корабль), которые постоянно находятся в Индийском океане. Это соединение — оперативное ядро, на базе которого в «кризисной ситуации» может быть развернуто более крупное соединение.

Руководители Пентагона считают Индийский океан потенциальной военной зоной и, как поведал в 1974 г. начальник штаба ВМС США Э. Замуолт, в оперативных целях уже разделили его на «сферы влияния»: на район Персидского залива и до Красного моря включительно распространяется командование вооруженных сил США в Европе; на восточную часть Индийского океана — командование вооруженных сил США на Тихом океане, на западную — командование вооруженных сил США в Атлантике [12].

С марта 1964 г. корабли 7-го флота США стали время от времени заходить в воды Индийского океана. С вынужденным уходом Англии из районов к «востоку от Суэца» Вашингтон начал заполнять якобы образовавшийся в регионе «вакуум» собственными вооруженными силами. Весной 1970 г. в Индийском океане были проведены крупные военно-морские учения США. Тогдашний министр обороны США М. Лэйрд заявил, что «когда закончится вьетнамская война, то будет больше средств для более крупных операций в Индийском океане» [13].

«Дипломатия канонерок» стала осуществляться в Индийском

[10] Foreign Policy, 1981, Summer, N 43, p. 17; New York Times, 1980, Jan. 28.
[11] New York Times, 1981, Oct. 3.
[12] Briefings on Diego Garcia and Patrol Frigate, Hearings before the Committee on Foreign Relations US Senate, 93d Congr., 2d Ses., November, 1974. Wash., 1974, p. 27.
[13] Цит. по: *Каушик Д.* Индийский океан: проблемы безопасности. М., 1976, с. 67.

океане значительно раньше, чем завершилась американская агрессия во Вьетнаме. Во время индо-пакистанского конфликта (декабрь 1971 г.) Соединенные Штаты отправили к берегам Индии флотилию из 10 кораблей. Из опубликованных известным в США политическим обозревателем Дж. Андерсоном секретных документов Белого дома явствует, что эта оперативная группа, включавшая самый мощный корабль американского военно-морского флота атомный авианосец «Энтерпрайз», была послана в Бенгальский залив с целью демонстрации военной силы, с тем чтобы запугать народы Индии и Бангладеш и ослабить их борьбу против Пакистана [14].

В связи с арабо-израильской войной (октябрь 1973 г.) Соединенные Штаты вновь сосредоточили в Индийском океане мощную военную армаду для поддержки Израиля и для возможного удара по Египту с юга. В декабре того же года американский министр обороны объявил, что отныне США «намерены направлять свои военно-морские силы в Индийский океан более часто и регулярно, чем это было в прошлом» [15].

К беспрецедентной концентрации военной мощи в Индийском океане США прибегли в связи с внутренними событиями в Афганистане и революцией в Иране. В начале 1980 г. в этом регионе, по данным разных источников, было сосредоточено от 25 до 40 военных кораблей США, включая 4 авианосца, 7 ракетных крейсеров, вертолетоносец. У них на борту было 325 самолетов, 28 вертолетов, почти 28 тыс. человек личного состава, 1800 морских пехотинцев, 1 тыс. десантников [16]. Г. Браун, министр обороны в правительстве Картера, признал, что собранная США в северо-западной части Индийского океана армада превосходила ВМС всех стран региона, вместе взятые [17].

Самое прямое отношение к бассейну Индийского океана имеет «новая морская стратегия» администрации Рейгана. Суть ее разъяснил министр обороны К. Уайнбергер: «Доступ к жизненно важным ресурсам и могущество Западного союза зависят от наших способностей установить господство на море... Такие термины, как «эквивалентность», «паритет», не имеют никакого смысла. Мы должны иметь превосходство по ВМС. Господство на море непременно необходимо для нашей безопасности» [18]. В погоне за «господством» США намереваются довести свои военно-морские силы к 1990 г. до 600 единиц, переоснастить их для большей насыщенности ракетным оружием, дополнить морскую авиацию 1900 самолетами. Цель этой милитаристской кампании состоит в том, чтобы американский

[14] Washington Post, 1971, Dec. 31.
[15] Congressional Record, 1974, Apr. 8, p. E2196.
[16] *Collins J., Mark C., Severns E.* Petroleum Imports from the Persian Gulf: Use of US Armed Force to Ensure Supplies, Issue N IB79046, The Library of Congress, Congressional Research Service. Wash., 1980, Apr. 8, p. 19, 21, 23; США и развивающиеся страны: 70-е годы. М., 1981, с. 245—246.
[17] См.: Междунар. жизнь, 1981, № 1, с. 31.
[18] Цит. по: Красная Звезда, 1981, 31 окт.

флот выполнял функции жандарма в трех океанах — Тихом, Атлантическом и Индийском.

Вашингтон больше не удовлетворяется регулярным патрулированием зоны Индийского океана [19]. Давние планы Пентагона постоянно держать здесь отдельный американский флот по мере выполнения рейгановской программы военно-морского строительства реализуются все полнее. О наступательном экспансионистском характере присутствия американских ВМС в Индийском океане свидетельствует их состав, в котором ключевое место отводится ударным авианосцам, десантным кораблям.

Для Соединенных Штатов важность стратегического значения Индийского океана заключается в близости его акваторий к территории Советского Союза. По данным военного журнала «Дефенс Монитор», в Индийском океане периодически на боевом дежурстве находятся одна—две атомные ракетные подводные лодки и до трех ударных атомных подводных лодок [20].

При Дж. Картере возможности США вмешиваться во внутренние дела государств зоны Индийского океана существенно расширились. Были сформированы так называемые силы быстрого развертывания (СБР). Формальным предлогом для их создания Вашингтону послужили революционные события в Афганистане и кризисная ситуация, возникшая в 1979 г. в американо-иранских отношениях. В действительности же распоряжение о создании «мобильных сил, способных быстро реагировать на локальные войны без отвлечения войск США от традиционных районов дислокации в Европе и Азии», было отдано Картером в августе 1977 г. (президентская директива № 18) [21], когда ни в Афганистане, ни в Иране еще не произошли известные события. Этот факт указывает на преднамеренность экспансионистских устремлений США.

«Как рассчитывает администрация, — писали американские военные исследователи М. Бинкин (Брукингский институт) и Дж. Рекорд (Институт по анализу внешней политики), — высоко аэромобильные и пользующиеся поддержкой авиации силы быстрого развертывания составят стержень любой более или менее крупной американской интервенции в третьем мире...» [22]. Без обиняков сформулировал основную задачу СБР их первый командующий, генерал П. Келли: не дать развивающимся странам «просочиться сквозь американские пальцы».

США и раньше обладали силами, способными демонстрировать американскую военную мощь за тысячи километров от своих границ, — флот, морская пехота, авианосные соединения, воздушно-десантные войска, ВВС. Однако, как выразился в свое время заместитель обороны США Р. Комер, «угроза американским интересам,

[19] Еще в 1979 г. администрация Картера приняла решение 4 раза в год направлять в Индийский океан оперативный отряд кораблей во главе с авианосцем или ракетным крейсером.

[20] Defense Monitor, 1974, vol. 3, N 3, p. 4.

[21] Newsweek, 1980, July 14, p. 11.

[22] Washington Post., 1980, Mar. 3.

особенно в районе Персидского залива, требует от Соединенных Штатов развития мобильности их военной мощи с тем, чтобы еще лучше и быстрее перебрасывать ее в удаленные районы» [23]. Новый компонент американских интервенционистских сил при повышенной мобильности может вести разносторонние боевые действия, так как в него включены части и подразделения всех родов войск. Общая численность СБР доведена до 200 тыс. человек, причем в случае «кризиса» в их состав будут призваны до 100 тыс. резервистов» [24].

Пентагоном уже составлен примерный график переброски СБР в Юго-Западную Азию. Первый элемент этих сил — пехотный батальон (1 тыс. человек) может быть доставлен сюда в течение суток. Бригаде морской пехоты в полном составе (12 тыс. человек) отведено на развертывание 16 дней. Костяк СБР — 82-я воздушно-десантная дивизия США в течение 10 дней сможет приступить к боевым действиям в этой зоне. За 6 месяцев Соединенные Штаты способны сосредоточить в северо-западной части Индийского океана боевую силу численностью 100 тыс. человек [25].

Для еще большей мобильности этих сил США осуществляют план предварительного размещения плавучих и наземных арсеналов в максимальной близости к потенциальным «кризисным точкам» в бассейне Индийского океана.

С середины 1980 г. в районе острова Диего-Гарсия, в центре Индийского океана, США сосредоточили 7 транспортных кораблей, на борту и в трюмах которых складированы тяжелая военная техника (танки, вертолеты, десантные машины-амфибии, артиллерия), другое вооружение и боеприпасы. В 1984 г. там дислоцировалось уже 17 таких кораблей, которые, имея на борту все необходимое, способны обеспечить боевые действия военного контингента в 12 тыс. человек в течение 15 суток в любой точке этого региона. Предпринимаются попытки разместить в зоне Индийского океана не только вооружение, но и воинские формирования СБР. В этих целях используются, например, созданные по инициативе Вашингтона на Синайском полуострове так называемые многонациональные силы по поддержанию мира, в которые США выделили боевую часть численностью более 1 тыс. человек.

Администрация Рейгана взяла курс на дальнейшее укрепление и повышение боевых возможностей сил быстрого развертывания. 8 декабря 1982 г. на пресс-конференции в Пентагоне было объявлено о создании нового «центрального командования» (СЕНТКОМ) США для «защиты американских интересов от любых военных угроз» в огромном районе, простирающемся от Ближнего Востока через Персидский залив до Индийского океана. В зону действия этого командования официально включена территория 19 государств (Афганистан, Бахрейн, Джибути, Египет, Иордания, Ирак, Иран,

[23] США — экономика, политика, идеология, 1980, № 9, с. 112.
[24] Newsweek, 1980, July 14, p. 12; New York Times, 1980, June 20.
[25] The Washington Post, 1980, Febr. 2; U. S. News and World Report, 1980, Febr. 11, p. 33; Febr. 25, p. 24.

ЙАР, Катар, Кения, Кувейт, НДРЙ, ОАЭ, Оман, Пакистан, Саудовская Аравия, Сомали, Судан, Эфиопия), но это не означает, что Соединенные Штаты не намерены использовать свои вооруженные силы против других стран, оставшихся формально за пределами объявленного «периметра обороны» США в бассейне Индийского океана. В официальном заявлении представителя Пентагона отмечалось, что СЕНТКОМ «будет лучше отвечать американским интересам и интересам обеспечения безопасности дружественных США государств этого района, а также демонстрировать решимость США оказать помощь при защите американских друзей в этом регионе».

«Центральное командование» начало действовать 1 января 1983 г. Тем самым открыт следующий этап американского интервенционизма в бассейне Индийского океана после создания пресловутых сил быстрого развертывания. Речь идет о новом региональном командовании, которое аналогично командованиям США в Европе, в районах Тихого и Атлантического океанов. СЕНТКОМ имеет определенную географическую оперативную зону, собственные войсковые контингенты, выделенные из состава всех видов вооруженных сил. Ему будет также передана часть сил и средств, ныне находящихся в распоряжении других командований вооруженных сил США. Главной задачей «центрального командования», как формулируют ее в Пентагоне, будет «защита месторождений» нефти, поступающей в США, Западную Европу и Японию, от «внутренних, региональных или глобальных угроз».

Данная реформа командования СБР, предпринятая Вашингтоном, значительно повышает статус и оперативность нового жандармского формирования США. Фактически речь идет о создании самостоятельного американского военного командования специально для зоны развивающихся стран.

Важное направление военно-политической активности США в бассейне Индийского океана представляют их усилия по расширению сети военных опорных пунктов и баз для обеспечения действий как интервенционистских, так и стратегических сил. Современная концепция «передового базирования» исторически связана с политикой неоколониализма, нацеленной на подавление национально-освободительных движений.

По данным «Вашингтон пост», в соответствии с «доктриной Картера» в течение первой половины 80-х годов предусматривалось выделить 20—25 млрд. долл. на мероприятия по усилению американского военного присутствия США в районах Индийского океана, Персидского залива и Ближнего Востока. По другим оценкам, ежегодные расходы США на помощь и военное строительство в целях получения доступа к базам в этой зоне превышают 5 млрд. долл. [26]

Центральное место в системе американских военных объектов в Индийском океане занимает база на острове Диего-Гарсия. Она способна принимать стратегические бомбардировщики В-52 и любые другие самолеты, обслуживать авианосную многоцелевую группу,

[26] Washington Post, 1980, Aug. 12; Foreign Policy, 1981, Summer, N 43, p. 29.

обеспечивать базирование всех классов кораблей и ядерных подлодок с баллистическими ракетами. На базе построены склады для вооружений и боеприпасов, ее приспосабливают для хранения ядерного оружия. По сообщениям печати, на острове уже находится 19 ядерных зарядов. На базе функционирует центр дальней связи, включенный в глобальную американскую навигационную систему «Омега», предназначенный для управления ядерными подлодками, а в более широком плане — для координации боевых действий в масштабе всей планеты [27].

Нельзя не отметить, что ни один из прибрежных, и не только прибрежных, промышленных объектов в странах Азии не останется вне пределов досягаемости баллистических ракет, установленных на американских подводных лодках, базирующихся на острове Диего-Гарсия.

В распоряжении США находится станция слежения за спутниками и военно-космической связи на острове Маэ (Сейшельские острова). Важное место в обеспечении стратегической обороны США и космической разведки занимают американские военные объекты на территории Австралии: радиокоммуникационная станция ВМС в Норт-Уэст-Кейпе, центр космических исследований в Пайн-Гэпе, центр космической связи в Нуррунгаре.

На юге африканского континента США могут рассчитывать на военно-морские сооружения в ЮАР (Саймонстаун близ Кейптауна и в Дурбане). Соглашения о предоставлении баз в обмен на военную помощь были навязаны Вашингтоном 26 июня и 22 августа 1980 г. соответственно Кении и Сомали.

С конца 40-х годов США используют в своих целях базы ВМС на Бахрейнских островах, а с 1951 г. военно-воздушную базу в Дахране (Саудовская Аравия). В начале июня 1980 г. соглашение о базах было подписано с Оманом. США получили также от руководителей Египта право пользоваться военными объектами на Синайском полуострове. Как известно, милитаристские сионистские круги Израиля при активном содействии Вашингтона превратили свою страну в военизированный форпост империализма на Ближнем Востоке. Налеты израильских ВВС на мирные объекты Ирака, вторжения в воздушное пространство и облет территории Саудовской Аравии — все это свидетельствует о том, что Израиль представляет угрозу для стран Юго-Западной Азии.

В районе Южной Азии Пентагон интенсивно «осваивает» Пакистан. США намерены использовать для нужд своих вооруженных сил пакистанские порты и аэродромы в Карачи, Гвадаре, Пешаваре, а также создать транзитные базы и перевалочные пункты для войск СБР на случай их переброски в районы Персидского залива и Ближнего Востока. В северо-восточной части Индийского океана США получили право транзита и обслуживания самолетов ВВС в Таиланде.

Администрация Рейгана прибегла к такому неоколониалистскому методу экономического, военного и политического закабаления раз-

[27] Правда, 1981, 9 марта.

вивающихся стран, как оказание им военной «помощи», поставки и продажа оружия.

В 1983 г. США продали оружия на 18,3 млрд. долл. При Картере американские военные монополии завладели 39 % всего рынка вооружений. За границу сейчас идет 25—30 % производимого в США оружия [28]. Львиная доля американской торговли и снабжения оружием приходится на страны бассейна Индийского океана. В 1978 г. только три государства (Иран, Израиль, Саудовская Аравия) поглотили 70 % общего объема зарубежных поставок американского оружия, но кроме этого США продавали оружие и многим другим странам региона. С февраля по август 1979 г. Пентагон заключил контракты на 3,7 млрд. долл. на военные поставки Саудовской Аравии, что составило 58 % всех американских поставок оружия [29].

О масштабах торговли оружием США со странами Индийского океана можно судить по следующим данным. В июле 1979 г. президент Картер подписал программу чрезвычайной военно-экономической помощи Израилю и Египту на 4,8 млрд. долл. Только в рамках известных договоренностей Израилю намечено поставить 75 самолетов F-16, 200 танков, 800 бронемашин, 200 артиллерийских орудий, более 1000 ракет [30]. Реализуется вторая пятилетняя (1982—1986 гг.) программа наращивания и модернизации вооруженных сил Египта и Израиля, согласно которой примерный объем американских военных поставок и военной «помощи» первому — 1,5 млрд., а второму — 2,2 млрд. долл. в год.

В области торговли оружием США заключили с Саудовской Аравией «сделку века», которая предусматривает поставку самой современной американской военной техники на сумму 8,7 млрд. долл. (5 самолетов, оснащенных системой дальнего радиолокационного обнаружения, наведения и глубинной разведки АВАКС, 6 самолетов-заправщиков, более 1 тыс. ракет класса «воздух—воздух» и др. виды вооружения). Причем, по неоднократным признаниям американских должностных лиц, сделанных, в частности, во время слушаний в конгрессе, в Саудовской Аравии нет научно-технического потенциала, способного «переварить» эту сложнейшую технику.

Общая сумма военно-экономической сделки США с Пакистаном составляет 3,2—3,7 млрд. долл. В 1980 г. Вашингтон получил от стран Персидского залива военных заказов на 6 млрд. долл. В 1970—1978 гг. Иран закупил в Соединенных Штатах новейшего вооружения почти на 25 млрд. долл.[31]

Огромные затраты на военные закупки отвлекают средства, столь необходимые для экономического развития стран Индийского океана, втягивают их в дорогостоящую гонку вооружений, но при этом отнюдь

[28] Cristian Science Monitor, 1980, June 6.
[29] США — экономика, политика, идеология, 1980, № 5, с. 25.
[30] Междунар. жизнь, 1979, № 12, с. 48.
[31] Congressional Record, 1975, Febr. 26, p. S2658—2659; Armed Forces Journal International, 1977, Nov., p. 10.

не увеличивают их безопасности [32]. Соединенные Штаты рассматривают военную «помощь», в том числе и переоснащение армий стран Индийского океана, как дополнительный рычаг для создания здесь «зоны стратегического консенсуса» из проамериканских государств для конфронтации с СССР, Индией, Афганистаном и всеми прогрессивными силами. Далеко не случайно, что США сорвали продолжение советско-американских переговоров по ограничению продажи поставок обычных вооружений.

Сделки о продаже оружия Соединенные Штаты обставляют требованиями контроля за использованием и обслуживанием американской военной техники и вооружения, т. е. выдвигают дополнительные условия. Это ведет к тому, что в странах-получателях американского оружия увеличивается число военных советников, специалистов, инструкторов из США. В одной только Саудовской Аравии их насчитывается 1680 человек [33]. Чьи интересы прежде всего призваны обеспечивать американские военные советники, наглядно явствует из такого факта: пилотируемые американцами в небе Саудовской Аравии самолеты АВАКС и обслуживаемые гражданами США наземные радарные станции «просмотрели» налет израильских ВВС на Ирак, хотя он был совершен с нарушением воздушного пространства Саудовской Аравии.

Будучи заместителем государственного секретаря США, Дж. Бакли весьма откровенно сформулировал военно-политические мотивы американской торговли оружием: «Нам выгодно иметь свою военную технику и оборудование в странах, находящихся в регионах потенциальных конфликтов. Мы сможем подготовить взлетно-посадочные полосы, которые отвечают нашим требованиям, создать запасы снаряжения и оружия. В чрезвычайных обстоятельствах мы в кратчайшие сроки сможем направить туда дополнительные силы и технику» [34]. Таким образом, поставки вооружений способствуют созданию необходимой инфраструктуры для вмешательства США в дела государств бассейна Индийского океана. Специалисты, которые сегодня обслуживают самолеты АВАКС и другую технику, завтра смогут с равным успехом обслуживать силы быстрого развертывания, применяемые в карательных целях.

Концентрация вооруженных сил США и подготовка плацдармов для них в зоне Индийского океана в конечном итоге призваны обеспечить экономические экспансионистские интересы американских правящих кругов в этом районе. «Насилие — есть только средство, — подчеркивал Ф. Энгельс, — целью же является, напротив, экономическая выгода. Насколько цель «фундаментальнее» средства, при-

[32] По сведениям Лондонского Международного института стратегических исследований, расходы Саудовской Аравии на оборону составили в 1980 г. 20,7 млрд. долл. Из расчета на душу населения военные расходы стран Персидского залива самые высокие в мире. Саудовская Аравия тратит 2400 долл. на человека, Объединенные Арабские Эмираты — 2100, Катар — 1700, Кувейт — 1200 и Оман — 1060 долл.

[33] New York Times, 1981, Febr. 23.

[34] Current Policy, 1981, May, N 272, p. 2.

меняемого для ее достижения, настолько же экономическая сторона отношений является в истории более фундаментальной, чем сторона политическая» [35].

На заре империализма американский сенатор А. Беверидж предсказывал, что со временем конфликты на мировой арене будут «торговыми конфликтами, борьбой за рынки, торговыми войнами за существование» [36]. Своего рода современной конкретизацией слов сенатора применительно к зоне Индийского океана может служить заявление министра обороны в картеровской администрации Г. Брауна, которое он сделал в конгрессе. «Наша экономика, — сказал он, — стала серьезнейшим образом зависеть от импорта энергетического и другого сырья, а 9 % нашего ВНП сейчас создаются благодаря сбыту американских товаров и услуг за границей... Для „защиты" источников сырья и оказания помощи проамериканским режимам, добавил он, США «вынуждены занять стратегическое положение в таких местах, как Персидский залив и Малаккский пролив» [37].

В последние годы экономическое значение Индийского океана для США резко возросло прежде всего из-за усиления общей зависимости Запада от импорта нефти из Персидского залива. Этот район дает 40 % потребляемой в капиталистическом мире нефти. Доля нефти, ввозимой из Персидского залива, в общем нефтяном импорте стран «Общего рынка» составляет 57 %, а в нефтяном импорте Японии — 70 % [38].

По данным бывшего заместителя государственного секретаря США Дж. Найа, если Саудовская Аравия прекратит на один год поставки нефти Соединенным Штатам, это приведет к снижению годового ВНП последних на 300 млрд. долл.[39]

Экономическое значение этого региона США пытаются использовать в стратегических целях. Известный своими экспансионистскими взглядами сенатор Б. Голдуотер сделал весьма характерное на этот счет заявление об амбициях США в отношении Индийского океана: «Кто контролирует Индийский океан, тот контролирует экономику всего мира до тех пор, пока нефть необходима для развития мировой экономики» [40]. Играя роль лидера и гаранта мировой капиталистической системы, США стремятся любыми средствами обеспечить такие условия, при которых нефтяные источники в бассейне Индийского океана оставались бы в «надежных» с точки зрения империалистических кругов руках.

[35] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 170.

[36] Цит. по: *Халфин Н. А., Мурадян А. А.* Янки на Востоке в XIX веке, или Колониализм без империи. М., 1966, с. 10.

[37] New Africa. L., 1979, Sept.

[38] United States Foreign Policy Objectives and Overseas Military Installations, Prepared for the Committee on Foreign Relations US Senate by Congressional Research Service, Library of Congress, April 1979. US GPO. Wash., 1979, p. 86.

[39] Newsweek, 1980, Oct. 6, p. 23.

[40] Disapprove Construction Projects on the Island of Diego Garcia, Hearing before the Committee on Armed Services, US Senate, 94th Congr., 1st Ses., June 10, 1975, US GPO Wash., 1975, p. 4.

Не только нефть привлекает американские монополии в зоне Индийского океана. Приблизительно из 40 видов стратегического сырья, импортируемого США, почти 20 вывозятся из этого района. Из стран Восточной Африки поступает в США около 100 % импорта лития, около 65 — хромитов, более 50 — марганцовой руды, 40—50 — кобальта, 50 — бериллия, более 50 % — технических алмазов [41]. Страны Индийского океана удовлетворяют до 80 % потребностей Соединенных Штатов в натуральном каучуке. ЮАР является главным поставщиком в США урана.

Важным показателем экономической экспансии Соединенных Штатов служат прямые американские капиталовложения в государствах бассейна Индийского океана, сумма которых превышает 10 млрд. долл.[42] Одной из причин, привлекающих в афро-азиатские страны американских вкладчиков капиталов, — наличие там дешевой рабочей силы. США весьма заинтересованы в обратном потоке нефтедолларов в американскую экономику. Денежные вклады антинародных режимов и выплачиваемые ими Соединенным Штатам колоссальные суммы за военные поставки превысили только в 1980 г. 25 млрд. долл. и явились важным элементом функционирования американской валютно-финансовой системы. Вклады, например Саудовской Аравии, в США оцениваются в 40 млрд. долл.[43]

Весьма тенденциозный характер носят американские программы экономической «помощи» развивающимся странам Индийского океана. Они ориентированы на оказание содействия частному сектору этих государств, на закрепление их роли сырьевых придатков в капиталистической системе международного разделения труда. Эта «помощь» главным образом направляется на создание инфраструктуры, а непосредственно промышленное развитие стран-получателей остается в стороне. Американская экономическая «помощь» имеет откровенно политический характер. Она призвана «подкормить» проамериканские режимы, дать им возможность за счет подачек из-за океана приглушить острейшие социальные противоречия. В письме Р. Рейгану 25 мая 1981 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС писал: «...действительно США помогали. Но кому? Только тем странам, которые шли на подчинение своей политики чужим интересам. Зато государства с иной социальной системой, да и вообще народы, которые не согласились подчинить свою политику внешнему диктату, американской помощи не получили. Так обстояло дело. По сути, точно так же оно обстоит и в настоящее время» [44].

Соединенные Штаты не идут на установление справедливого экономического порядка в мире, на чем давно настаивают развивающиеся страны, в том числе и страны бассейна Индийского океана. Вашингтон всячески препятствует реализации одобренного ООН в 1973 г. совет-

[41] *Vali F.* Politics of the Indian Ocean, The Balance of Power. N. Y., 1976, p. 185.
[42] У карты Индийского океана. М., 1974, с. 42.
[43] United States Foreign Policy Objectives and Overseas Military Installations... April 1979, p. 115.
[44] Правда, 1981, 22 нояб.

ского предложения о сокращении на 10 % военных бюджетов государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН и об использовании части сэкономленных в результате этого средств на увеличение экономической помощи развивающимся странам. Экспансионистскую направленность имеют и научно-технические связи США со странами Азии и Африки.

* * *

Современные проблемы стран бассейна Индийского океана в значительной степени — следствие безжалостной колониальной и неоколониалистской эксплуатации народов региона империалистическими державами. Главной предпосылкой преодоления экономической отсталости и решения задач социального развития этих стран должно стать обеспечение мирных условий для созидательной деятельности.

Такое развитие событий не устраивает реакционные круги США. В обстановке военной и политической напряженности, под шум пропагандистских кампаний о «советской угрозе» или о «происках международного терроризма», под которым в США подразумевают национально-освободительную борьбу народов, Вашингтону легче камуфлировать свои экспансионистские устремления. Именно поэтому Соединенные Штаты всячески пытаются не допустить смягчения напряженности в зоне Индийского океана, наращивая свою военную мощь, а параллельно сводят на нет любые усилия, направленные на обуздание гонки вооружений в этом регионе. Так, Соединенные Штаты в одностороннем порядке прервали советско-американские переговоры об ограничении военной активности в Индийском океане, а затем нарушили венскую договоренность на высшем уровне между СССР и США (июнь 1979 г.) о скорейшем возобновлении этих переговоров. По вине Вашингтона длительное время тормозится работа Специального Комитета ООН по Индийскому океану, который должен был еще в 1981 г. подготовить проведение международной конференции в Коломбо (Шри Ланка) по проблемам сотрудничества и безопасности в зоне Индийского океана. Срок проведения этой конференции неоднократно переносился. Из-за противодействия прежде всего США остается нереализованным призыв Генеральной Ассамблеи ООН (1971 г.) о превращении Индийского океана в зону мира.

Вместо поисков мира на основе разоружения США давно разрабатывают планы вооруженных захватов нефтепромыслов Персидского залива и источников сырья в других районах. В полном соответствии с принципом колониальной дипломатии — «разделяй и властвуй» — США пытаются нажить политический капитал, играя на противоречиях, которые сохраняются между странами Индийского океана и время от времени перерастают в вооруженные столкновения между ними. В одних случаях Вашингтон разными путями затягивает урегулирование кризисных ситуаций (ближневосточный конфликт, агрессия против Афганистана), в других — провоцирует

перерастание местных споров в локальные войны (подталкивание Судана и Египта к военным действиям против Ливии), обещая политическую поддержку и военную помощь потенциальным участникам конфликтов.

«Америка не является миролюбивой страной и никогда ею не была — пишет американский историк и публицист Т. Коффин в книге „Страсть стервятников. Милитаризм в современной Америке". — Все, что нам было нужно, мы захватили силой, хотя при этом порой и бормотали душеспасительные молитвы. Мы выгнали индейцев с их земли, наши солдаты разбили мексиканцев и захватили Калифорнию, затем мы воевали в жестокой гражданской войне, дрались на Кубе и Филиппинах, организовали собственную „революцию" на Гавайях, держали канонерки и морскую пехоту в Китае, придумали и использовали страшное оружие — атомную бомбу. И во всех этих делах мы прикидывались правыми, напускали на себя благопристойный вид, уверяя всех, что эти зверства и преступления мы творим якобы из самых чистых побуждений... Стремление Соединенных Штатов быть для всего мира охранником и спасителем от коммунизма привело в конце концов к тому, что в стране разросся милитаризм, равного которому нет в мире» [45].

В резолюции XXVII съезда КПСС по Политическому докладу ЦК КПСС подчеркивалось: «Империализм создал изощренную систему неоколониализма. Жесточайшая эксплуатация развивающихся государств становится все более важным фактором финансирования милитаристских приготовлений империализма, его внутренней политики, самого его существования. Империализм все сильнее противопоставляет себя всему человечеству... Ход истории, общественного прогресса все настоятельнее требует налаживания конструктивного, созидательного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты» [46].

Империалистической доктрине агрессии и диктата в отношении стран Индийского океана Советский Союз противопоставляет доктрину мира и безопасности. СССР всегда подчеркивал свою готовность участвовать вместе с другими державами в поисках путей сокращения на взаимной основе военной деятельности в бассейне Индийского океана и непосредственно прилегающих к нему районах и решения при этом ключевого вопроса — ликвидации там иностранных военных баз. Советский Союз постоянно борется против разобщения стран региона на враждебные военно-политические блоки, за обеспечение безопасности на основе совместных усилий всех государств.

На высшем партийном и государственном уровне СССР подчеркивалось, что «мы никогда не считали и не считаем идеальным положение, при котором военные флоты великих держав подолгу курсируют за тридевять земель от своих берегов. И мы готовы решать эту проблему, но решать, как говорят, на равных. На основе

[45] *Coffin T.* The Passion of the Hawks: Militarism in Modern America. N Y.: L., 1963.
[46] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, М., 1986, с. 100.

таких принципов Советский Союз готов обсуждать любые предложения»[47].

Известны также конкретные предложения Советского Союза по нормализации обстановки в зоне Персидского залива и на Ближнем Востоке; важные инициативы правительств Афганистана, Вьетнама, Лаоса, Кампучии, продиктованные заботой о мирном будущем Азиатского континента. С ценным предложением выступила Монголия, предложив выработать и подписать конвенцию о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана.

Принципиальное отношение Советского Союза к проблеме обеспечения мира и международной безопасности было продемонстрировано в приветствии советского руководства движению неприсоединения по случаю 20-й годовщины его возникновения. В этом документе подчеркивалось, что наша страна «выступает за всеобъемлющее и справедливое урегулирование на Ближнем Востоке, за превращение Юго-Восточной Азии в район прочного мира и стабильности, а Индийского океана — в зону мира без иностранных военных баз»[48].

Учитывая развитие событий, появление новых инициатив, направленных на обеспечение мира в различных регионах Индийского океана и в целом в Азии, Советский Союз в 1985 г. выдвинул новое предложение о разработке общего комплексного подхода к проблемам безопасности в Азии и выступил с идеей проведения в перспективе общеазиатского форума для обмена мнениями и совместных поисков конструктивных решений. Конечно, путь к этому сложен. Но при наличии доброй воли, терпения и настойчивости, политической мудрости можно было бы всерьез заняться фундаментальными проблемами упрочения мира и безопасности. В качестве первых шагов в данном направлении могли бы быть двусторонние переговоры и многосторонние консультации для объединения усилий азиатских государств с целью оздоровления политического климата на своем континенте.

В отличие от Соединенных Штатов Америки, которые стремятся к силовому решению проблем зоны Индийского океана, Советский Союз выступает с конструктивными предложениями по обеспечению региональной безопасности. При этом СССР исходит из того, что вопросы своей безопасности индоокеанские страны должны иметь возможность решать сами, без постороннего вмешательства. Только с учетом законных интересов, при соблюдении суверенных прав всех государств региона могут быть достигнуты подлинный мир и безопасность.

[47] Правда, 1971, 12 июня.
[48] Известия, 1981, 28 авг.

Неоколониализм США в Африке

М Л ВИШНЕВСКИЙ, Е А ТАРАБРИН

Политика Вашингтона в Африке свидетельствует о возрастающем значении континента в политических и военно-стратегических замыслах Белого дома, о том, какое место отводится континенту в навязчивой идее администрации Рейгана создать глобальную систему «пакс американа». В данной главе рассмотрены аспекты неоколониалистской экспансии США в Африке главным образом в 80-е годы XX в.[1]

Южноафриканский регион, как сказал один из руководящих деятелей госдепартамента США Л. Иглбергер, выступая 23 июня 1983 г. перед национальной ассоциацией редакторов в Сан-Франциско, является «ключевым объектом» политики США, а «формирование будущего» этого региона «с применением американского влияния и силы» — вопросом «важнейшего и растущего национального интереса» [2]. И действительно, эскалация действий США, дестабилизирующих обстановку на юге Африки, загоняющих в тупик решение актуальных проблем, прежде всего проблемы освобождения Намибии, поощряющих агрессию расистов, явно свидетельствует о растущих имперских амбициях Белого дома, выдаваемых за «национальные интересы».

Президент Рейган сразу после вступления в должность заявил, говоря о расизме ЮАР, что США не могут «бросить на произвол страну», которая имеет «столь важное значение для свободного мира» [3]. Затем начались обмены визитами между Вашингтоном и Преторией, причем на высоком уровне, активные переговоры о «взаимных интересах». И, наконец, с расистами было заключено соглашение о «конструктивном сотрудничестве». Каковы же подлинные основы, цели, содержание, а также результаты этого «сотрудничества»?

По официальной версии, «конструктивное сотрудничество» — это материальная и политическая поддержка Соединенными Штатами тех сил «внутри и вне» правительства ЮАР, которые стремятся к «мирным изменениям» в стране. При этом США «твердо намерены дать возможность» этим силам осуществлять «изменения», не опасаясь «угрозы иностранной интервенции». Одновременно Вашингтон готов распространить политику «конструктивного сотрудничества» на все государства южноафриканского региона, которые этого захотят.

[1] Анализ политики США в Африке за предыдущие периоды см.: Африка в международных отношениях. М., 1970; Новая схватка за Африку. М., 1972; Неоколониализм и Африка в 70-х годах. М., 1975; *Озадовский А. А.* Неоколониализм США в Африке. М., 1977; Внешняя политика стран Африки. М., 1981; Белый дом и Черный континент. М., 1984; *Озадовский А. А.* Уолл-стрит против Африки. Киев, 1985.

[2] The New York Times, 1983, June 24.

[3] The New York Times, 1981, Apr. 5.

Очевиден замысел США навязать международному сообществу искаженную систему представлений о положении на юге Африки, взять на себя роль режиссера «изменений» (не говорить о необходимости изменений Вашингтон, конечно, не может), а главное, защищать ЮАР, в том числе военными средствами, от пресловутой внешней угрозы. Администрация Рейгана не раз называла этот субконтинент районом, «за который идет все обостряющийся спор в глобальной политике», «зоной жизненных интересов США», а также утверждала, что причинами нестабильности в нем являются «нацеленные на Южную Африку и Намибию партизанские группы», «поощряемый Москвой международный терроризм», «заинтересованность Советского Союза в разжигании региональных конфликтов» и т. п. Это раскрывает классовую основу союза расистов и Белого дома. Правящие круги США и ЮАР объединяет агрессивное, милитаристское мировоззрение, общее стремление навязывать народам свое понимание политического порядка, международных отношений прежде всего насильственными, военными средствами.

Перечень подлинных целей политики администрации Рейгана на юге Африки, сближения с расистской верхушкой нетрудно составить на основании анализа имеющихся в изобилии американских публикаций на эту тему, причем все эти цели соответствуют глобальной стратегии империализма США. Основные из них: сохранить, хотя бы и с некоторыми косметическими изменениями, такой режим в ЮАР, который являлся бы надежным союзником Вашингтона; подавить или дезорганизовать национально-освободительное движение в Южной Африке, лишить его социальной опоры, добиться перерождения; всячески затянуть решение проблемы освобождения Намибии, выпестовать там прозападные силы, которые могли бы противостоять СВАПО; дестабилизировать находящиеся в регионе страны социалистической ориентации, прежде всего Анголу и Мозамбик, создавая для них экстремальные условия существования и одновременно втягивая в различные переговоры, на которых посулы трудно отличить от ультиматумов; подорвать единство «прифронтовых государств»; наконец, гарантировать беспрепятственный доступ американским корпорациям к сырьевым источникам региона, обеспечить свободу рук монополистическому капиталу.

Напомним в этой связи, что прямые частные инвестиции США в ЮАР достигли к 1985 г. почти 2,3 млрд. долл.[4] (примерно половина всех американских капиталовложений в Африке), торговый оборот двух стран составил в 1984 г. 2,4 млрд. долл.[5] Из ЮАР и Намибии военно-промышленный комплекс США получает 100 % импортируемых промышленных алмазов, 80 — платины, 58 — урана, 36 — кобальта, 44 % — марганца, значительные количества меди, цинка, олова, асбеста, хрома, ванадия и т. д. В ЮАР представлено около

[4] По некоторым данным, общая сумма всех инвестиций монополий США в ЮАР достигает 14,6 млрд. долл. См.: Правда, 1985, 3 авг.

[5] The Chistian Science Monitor, 1985, 5 July.

350 американских компаний [6]. Американский журнал «Каррент хистори» писал: «США должны стараться не навлекать недовольства режима Претории, чтобы он в одностороннем порядке не лишил Запад этих ресурсов... В любом случае США должны попытаться предотвратить приход к власти в ЮАР правительства черного большинства, которое может оказаться враждебным по отношению к ним» [7].

Белый дом, однако, не нуждается в подобных рекомендациях. Он и так фактически поддерживает и укрепляет режим апартеида, что и составляет главное содержание «конструктивного сотрудничества». Приведем лишь некоторые факты. Международный валютный фонд с одобрения США выделил расистам ссуду в размере 1,1 млрд. долл., причем вице-президент США Буш во время пребывания в Африке в ноябре 1982 г. заявил, что эта ссуда предоставлена во имя «установления конструктивных отношений и наведения мостов для контактов с ЮАР с целью ликвидации апартеида» [8]. Средства массовой информации США по прямой указке госдепартамента развернули широкую кампанию, восхваляя смягчение отдельных наиболее одиозных проявлений апартеида, выдавая эти косметические операции за «необратимые перемены», за наступление в ЮАР «эры свободы и равенства».

А тем временем расисты резко усилили террор в стране и агрессию против соседних государств. Южная часть Анголы, несмотря на соглашение, достигнутое весной 1984 г., оккупирована войсками ЮАР, причем военные операции продолжаются. Не прекращаются пиратские рейды на территорию Мозамбика, Ботсваны, Лесото, Замбии, Зимбабве. Льется кровь, совершаются диверсии. Не ослабла поддержка МНС и УНИТА — банд из контрреволюционного отребья и наемников.

Наиболее рельефно суть альянса Белого дома и Претории обнажается в их маневрах с целью затянуть освобождение Намибии. Началось с того, что администрация Рейгана фактически отказалась от плана ООН, содержащегося в резолюции № 435, последующих договоренностей и полностью встала на сторону ЮАР. Зато, учитывая одиозность такой позиции, Вашингтон избрал тактику закамуфлированных переговорами проволочек и оттеснения ООН от решения проблемы Намибии. Возглавляемая США «контактная группа» стала выдвигать одно за другим «предложения», которые если и принимались СВАПО, «прифронтовыми государствами», то отклонялись ЮАР. Затем был установлен новый барьер на пути урегулирования проблемы — «увязка» освобождения Намибии с выводом кубинских интернационалистов из Анголы.

Вашингтон, правда, отрицает, что речь идет об «увязке». США риторически заявляют, что-де все стороны, имеющие отношение к намибийскому урегулированию, должны «принять необходимые политические решения». Для Анголы такое «решение» — отказ от интер-

[6] Ibid.
[7] Current History, 1983, Mar., vol. 82, N 482, p. 101—133.
[8] Ibid., p. 100.

национальной помощи Кубы, а другими словами — от права суверенного государства самостоятельно решать свои внутренние вопросы. Фактически Анголе, ООН, Организации Африканского единства (ОАЕ), всему международному сообществу предъявлен ультиматум — войска ЮАР уйдут из южных провинций Анголы и из Намибии лишь в том случае, если Ангола совершит «сепаратный акт» — вывод кубинского контингента со своей территории. Как утверждал государственный секретарь США Дж. Шульц, выступая 19 октября 1982 г. в Лос-Анджелесе в совете международных дел, «ключ» к миру на юге Африки — вывод кубинских войск из Анголы. Цель «терпеливой дипломатии США», по словам госсекретаря, состоит в том, чтобы путем сотрудничества с ЮАР добиться уменьшения возможностей, как он выразился, «советского проникновения» в этот регион. Происки США на юге Африканского континента, открытая поддержка расистов ЮАР лишь углубляют кризис в этом регионе. Объявленные Р. Рейганом в сентябре 1985 г. «ограниченные экономические санкции» против ЮАР не меняют этой оценки. Указанные меры носили половинчатый характер, и во многом их введение объяснялось стремлением правящих кругов США заставить правительство ЮАР отказаться от наиболее вопиющих проявлений апартеида — политики, которая сковывает своеобразное развитие капитализма на юге Африки.

Юг Африки привлекает в настоящее время повышенное внимание США, однако их имперские амбиции и подрывная деятельность распространяются на весь континент, охватывая не только независимые государства, но и организации, в которые они объединены. Прежде всего это относится к Организации африканского единства, которая отметила в мае 1983 г. свой 20-летний юбилей. За прошедшие годы ею, несмотря на все препятствия, внесен большой вклад в ликвидацию колониального господства на континенте, в укрепление солидарности и сотрудничества освободившихся стран, в защиту их суверенитета, в урегулирование спорных вопросов путем переговоров. Все более отчетливо выявлялась антиимпериалистическая направленность организации. Резко увеличилась и ее практическая ценность как общеафриканского форума. Роль и значение ОАЕ уже не определяются лишь количеством стран-членов.

Сейчас усилия Организации африканского единства сконцентрированы на решении проблем освобождения народов Южной Африки от расистского гнета, а также задач преодоления независимыми странами экономической и социальной отсталости, укрепления межафриканского экономического сотрудничества. Все большее внимание ОАЕ уделяет глобальным проблемам — борьбе за мир, разоружение, международную безопасность.

Однако за последний период в деятельности ОАЕ появлялись серьезные трудности, симптомы опасного кризиса. Их причины заключаются не только и не столько в том, что в среде стран — членов ОАЕ развиваются закономерные процессы социально-экономической и политической дифференциации. Главный фактор кризисных явлений — подрывные действия империализма, попытки, особенно со

стороны США, используя некоторые события, дестабилизировать обстановку на континенте, развалить ОАЕ. Отметим, что Вашингтон и его западноевропейские союзники всегда стремятся локализовать антиимпериалистические, антивоенные, антиколониальные тенденции ОАЕ, добиться того, чтобы на ее форумах не звучали призывы к борьбе против неоколониализма, острая критика в адрес политики США, ЮАР, Израиля. Серьезное недовольство в Вашингтоне в 1980 г. вызвали, например, резолюции XVII сессии Ассамблеи ОАЕ с требованиями незамедлительного возвращения атолла Диего-Гарсия Маврикию, освобождения Намибии, ухода Израиля со всех оккупированных арабских территорий; резолюции, осуждающие агрессию ЮАР и американское покровительство расистам, выражающие солидарность ОАЕ с Организацией освобождения Палестины (ООП). А в 1983 г. Белый дом был буквально взбешен тем фактом, что на сессии Совета министров ОАЕ сближение США с ЮАР было названо «нечестивым союзом», а режим Претории официально заклеймен как террористический. Кроме того, правительство Рейгана возмущали обвинения в том, что оно рассматривает африканские проблемы исключительно с точки зрения американских интересов, хотя, как отмечает журнал «Каррент хистори», такие обвинения следует «признать справедливыми» [9].

В свете всех этих фактов попытки со стороны США расколоть ОАЕ или превратить ее в покорную организацию, которая занималась бы лишь «невинными» социально-экономическими вопросами, причем под патронажем Запада, заметно активизировались.

В поздравлении Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР главам африканских государств и правительств по случаю Дня освобождения Африки от 25 мая 1983 г. сказано, что ради достижения своих целей враги свободы и независимости Африки делают ставку «на подрыв, а если удастся, и развал Организации африканского единства — этого важного инструмента антиимпериалистической, антиколониальной борьбы» [10].

Наиболее ярким примером заговора против ОАЕ, возглавленного Вашингтоном, может служить последовавший дважды в 1982 г. (август и ноябрь) из-за отсутствия необходимого кворума срыв очередной XIX сессии Ассамблеи ОАЕ на высшем уровне.

Как известно, эта сессия должна была состояться в Ливии, и, согласно установившейся практике, председателем ОАЕ на очередной годичный срок стал бы М. Каддафи. Вот этого-то Вашингтон со своим «антиливийским синдромом» и не хотел допустить. Представился удобный случай, чтобы использовать имеющиеся у США средства воздействия на некоторые африканские страны для срыва сессии и развала ОАЕ. Французская «Монд» писала в этой связи, что США, несомненно, оказали «давление на дружественные им африканские страны», чтобы помешать М. Каддафи, к которому с момента избрания президентом Р. Рейгана США все время относились враж-

[9] Ibid., p. 136.
[10] Правда, 1983, 25 мая.

дебно, занять на год пост председателя ОАЕ [11]. Еще более прямо высказалась «Санди таймс оф Замбия»: «Как только Ливия была избрана местом проведения очередной сессии Ассамблеи, против этого сразу же выступили США. Они пытаются подорвать ОАЕ, создавая, где это только возможно, несуществующие проблемы, применяя разные методы — от военных до предоставления займов странам, чья экономика в состоянии кризиса» [12].

Справедливость таких выводов подтверждают реальные факты. Так, не случайным совпадением по времени со срывами нормальной деятельности ОАЕ выглядят поездки в Африку ответственных представителей администрации Рейгана. Дважды в этот период побывал на континенте посол по особым поручениям В. Уолтерс. Перед августовским срывом сессии Ассамблеи ОАЕ вояж по ряду стран Африки совершила постоянный представитель США при ООН Дж. Киркпатрик. Ее сменил помощник госсекретаря по африканским делам Ч. Крокер. А в ноябре перед повторным срывом сессии в 7 стран нанес визит вице-президент Дж. Буш.

Журнал «Каррент хистори» в марте 1983 г. писал, что «хотя нет никаких признаков, указывающих на то, что США фактически добивались провала встречи в верхах в Триполи, американская политика по существу имела именно такой эффект» [13]. Журнал ошибся в одном — есть не только «признаки, но и конкретные факты, ставшие достоянием мировой общественности. Приведем два из них. Факт первый: в документе «для ограниченного служебного пользования», составленном Киркпатрик и разосланном всем «высокопоставленным американским должностным лицам» за рубежом [14], указывалось, что США необходимо установить политическое господство «над ключевыми районами» мира, в число которых включена и Африка, а те страны, которые «проводят скрытую или явную антиамериканскую политику... должны быть изолированы или натравлены друг на друга». Среди таких стран в документе упомянуты Ливия, Эфиопия, Ангола, Мозамбик, Алжир, Мадагаскар.

Факт второй непосредственно касается ОАЕ. Газета «Крисчен сайенс монитор» 16 мая 1983 г. опубликовала «памятную записку» госдепартамента США, направленную в августе 1982 г. американским послам в Африке. «Записка» содержала «конфиденциальное обращение» к главам ряда «умеренных» африканских государств. В нем выдвигались возражения против проведения сессии Ассамблеи ОАЕ в Ливии, рекомендовалось бойкотировать сессию, содержались поучения по процедурным вопросам, наставления, какую позицию следует занимать по проблеме Намибии, по вопросу о провозглашении Индийского океана зоной мира, и т. д. Характерно, что госдепартамент США не только не опроверг этот вопиющий факт вмешательства во внутренние дела ОАЕ, но заявил, что Соединенные Штаты имеют право излагать свое мнение кому угодно и по любому вопросу.

[11] Le Monde, 1982, 6 août.
[12] Sunday Times of Zambia, 1982, Nov. 28.
[13] Current History, 1983, Mar., vol. 82, N 482, p. 135.
[14] Patriot, 1983, Jan. 25.

Кое-кто в Африке уступил в то время американскому нажиму. Но подавляющее большинство государств Африки — свыше 30 — не поддались на уловки неоколонизаторов и провели в Триполи в августе и ноябре 1982 г. информационные совещания, приложив существенные усилия к тому, чтобы разногласия были преодолены. Одновременно лидеры этих стран резко осудили подрывные действия против ОАЕ. Так, президент Бенина М. Кереку заявил в этой связи: «Международный империализм прибегает к различным ухищрениям, чтобы внести раскол в ОАЕ. Цель подобных действий — отсрочить принятие руководителями африканских стран решений по таким важным проблемам современности, как предоставление независимости Намибии, урегулирование положения на юге Африки, Ближнем Востоке и в Западной Сахаре. Встреча в верхах в Триполи не состоялась из-за происков врагов Африки. Мы имеем дело с широким международным заговором, направленным на раскол ОАЕ, дестабилизацию прогрессивных и революционных режимов на континенте» [15]. В аналогичном духе высказались руководители Эфиопии, Анголы, Конго, Мадагаскара, Нигерии, Замбии, Зимбабве, Мали и других государств.

В июне 1983 г. XIX сессия Ассамблеи глав государств и правительств стран — членов ОАЕ собралась в Аддис-Абебе. Независимые государства континента осознали, что перед диктатом империалистических сил должны отходить на задний план их внутренние разногласия и противоречия. Принятые на сессии решения свидетельствуют о том, что были оставлены без внимания и «рекомендации» Вашингтона, содержавшиеся в «конфиденциальном обращении». Вновь было подтверждено требование о немедленном освобождении Намибии, осуждена деятельность США и других членов «контактной группы», категорически отклонена попытка поставить решение намибийской проблемы в зависимость от вывода кубинских интернационалистов из Анголы, заклеймена агрессивная политика ЮАР, острой критике подвергнуты США и их некоторые союзники за потворство расистам, отказ применить в отношении ЮАР всеобъемлющие санкции.

Аналогичные формулировки присутствовали и в решениях XX и XXI сессий Ассамблеи ОАЕ на высшем уровне, состоявшихся в Аддис-Абебе в ноябре 1984 г. и в июле 1985 г.

Политические и военные деятели, периодическая печать США, рассуждая о глобальных военно-стратегических планах «отражения» мифической «советской угрозы», всегда упоминают и Африку. Р. Рейган, например, прямо заявлял: «Африканская проблема — это нацеленное на нас русское оружие» [16]. По словам государственного секретаря Дж. Шульца, развивающиеся страны — важнейшие плацдармы укрепления «обороны» США. Что касается Совета национальной безопасности и Пентагона, то они рассматривают Африканский континент как один из основных объектов системы «передовых рубежей», зону, где можно практически реализовывать террористическую концепцию неоглобализма.

[15] Ehuzu, 1983, Nov. 26.
[16] Цит. по: Africa Report, 1980, July—Aug., p. 4.

Опираясь на эту имперскую концепцию, Вашингтон приступил к наращиванию своего «военного присутствия» в Африке. Упор делается на страны, занимающие выгодное с военно-стратегической точки зрения географическое положение, имеющие удобные порты, аэродромы, другие компоненты военной инфраструктуры, а также располагающие значительными природными ресурсами. При этом руководителям таких стран упорно внушается мысль, что речь идет лишь о необходимости противостоять в Африке «коммунистической угрозе».

Совершенно очевидно, что этот клеветнический миф необходим империализму США для прикрытия агрессивной политики, той необъявленной войны, которую Белый дом ведет против сил прогресса и национального освобождения, а также для того, чтобы отгородить освободившиеся страны от их естественных союзников — социалистических государств. Как заметил парижский журнал «Жён Африк», «нынешний хозяин Белого дома, стремясь прежде всего ограничить влияние социалистических стран в Африке, старается укрепить, если не создать, надежные проамериканские опорные пункты на всем Африканском континенте. Он стремится также создать систему обороны, явно обращенную против трех „опасных очагов подрывных действий", какими являются в его глазах Ливия, Эфиопия и Ангола. Эта система опирается на Марокко на западе, Египет — на севере, Судан, Сомали и Кению — на востоке, Заир — в центре и в завершение всего — на ЮАР в южной части континента» [17].

1 января 1983 г. в США было создано «центральное командование» (СЕНТКОМ), зона действия которого охватывает территории 19 стран, в том числе 6 — восточноафриканских. Шеф Пентагона К. Уайнбергер, выступая 22 февраля 1983 г. в конгрессе, говорил о глобальной американской стратегии «развертывания сил на передовых рубежах», занеся при этом в число «прифронтовых союзников США» Египет, Судан, Сомали, Кению, Тунис, Марокко. Фактически милитаристские круги отводят Африке роль «важного» южного фланга НАТО.

Что касается «оборонительных плацдармов» США в Африке, то Пентагон уже немало преуспел в этом отношении, особенно в Северо-Восточном, Южном и Северо-Западном регионах континента. Первый из этих регионов включен Пентагоном в «третью центральную стратегическую зону» (две другие — Западная Европа и Дальний Восток). Здесь начиная с 1979 г. США активно создают свой аванпост. Его ядром служит Египет, где в распоряжение американских вооруженных сил предоставлены разного назначения базы — Кайро-Уэст, Вади-Кена, Луксор и Асуан, создана новая база в Рас-Банасе (на побережье Красного моря). Начинается сооружение американских военных объектов в районе оазиса Фарафра, вблизи Мерса-Матрух (на берегу Средиземного моря) и в районе Эль-Аламейна. Все эти базы и объекты предназначены для «сил быстрого разверты-

[17] Jeune Afrique, 1982, Oct. 27.

вания», обеспечения их боевых действий против национально-освободительных движений и суверенных государств Африки и Ближнего Востока. На некоторых из них в 1981—1985 гг. эти силы, а также самолеты американских ВВС размещались во время маневров «Брайт-стар».

Помимо Египта, в военные мероприятия США втягиваются Кения, Сомали, Марокко, частично Джибути. На территориях этих стран оседают контингенты американских вооруженных сил, создаются опорные пункты Пентагона.

В Кении практически завершилась модернизация аэродромов в Момбасе, Эмбакази и Наньюки для использования их тяжелыми военно-транспортными самолетами типа «Геркулес» и «Гэлакси», стратегическими бомбардировщиками Б-52. Акватория порта Момбаса углублена и позволяет заход в гавань авианосцев. В Сомали с аналогичными целями реконструированы аэродром и порт в Бербере. Фактически достигнута договоренность с Суданом о приспособлении для использования вооруженными силами США военных баз и аэродромов в Суакине (на берегу Красного моря), Эль-Фашере (близ границ с Ливией и Чадом), в Донголе (севернее Хартума).

За прошедшее после апрельского (1985 г.) переворота в Судане время каких-либо сообщений об отмене этих договоренностей не появлялось. По специальному соглашению ВМС США получили доступ на французскую базу в Джибути.

В Северо-Западной Африке основная ставка сделана на Марокко. В 1982 г. Пентагон получил право расконсервировать старую американскую базу в Кенитре и, по сообщениям западной прессы, сможет использовать другие базы и объекты, в частности в Танжере, в Сиди-Яхье, Сиди-Букнанделе, Бен-Герире, Бен-Слимане, Эль-Аюне [18]. Между США и Марокко достигнута договоренность о «стратегическом согласии». Втягивается в военные планы Соединенных Штатов Тунис. С ним заключен договор о создании двусторонней военной комиссии.

Продвигается Пентагон и в Западную Африку. В 1983 г., например, заключено соглашение с Заиром о строительстве на его территории базы ВВС и полигона для испытаний американских крылатых ракет.

Третьим районом Африки, где США интенсивно создают военно-стратегический плацдарм, является юг континента. Здесь ситуация иная, чем на севере. Опорой Вашингтона служит «конструктивное сотрудничество» с ЮАР, уже обладающей внушительным военно-экономическим потенциалом. Отметим сразу же, что создание опорного плацдарма империализма США на юге Африки предусматривает и вовлечение в его структуру Намибии, в частности ее основного порта Уолфиш-Бей. Этот фактор также служит одной из причин тупика в решении намибийской проблемы. В этой связи заслуживает внимания факт опубликования иоганнесбургской газетой «Санди таймс» меморандума о беседах Ч. Крокера с министрами иностранных

[18] Le Matin, 1982, 22 Mar.

дел и обороны ЮАР, в ходе которых американский эмиссар заявил следующее: «Наше мнение таково, что у ЮАР нет военной необходимости в скором времени покинуть Намибию» [19]. Это «мнение» Белый дом не изменил и в дальнейшем.

Практическое осуществление программы создания военного плацдарма США на юге Африки включает широкий комплекс мероприятий. Среди них — укрепление вооруженных сил режима Претории с помощью американских советников, консультантов, специалистов, поставки ЮАР современной военной техники и оборудования, модернизация военно-морских баз и портов Саймонстаун, Ричардс-Бей, Дурбан, Порт-Элизабет, Кейптаун, Солсбериайленд, Уолфиш-Бей, включение военных объектов ЮАР в систему связи НАТО.

В 1982—1983 гг. военное сближение США с ЮАР приобрело еще более опасные аспекты. В июле 1982 г. администрация Рейгана сняла запрет на поставки расистам оборудования для атомного производства, затем разрешила продажу гелия-3, являющегося компонентом термоядерного оружия [20]. В марте 1983 г. достигнуто соглашение об использовании территории ЮАР для размещения американских крылатых ракет класса «Томагавк», оснащенных ядерными боеголовками. Как заявил южноафриканский премьер П. Бота, эти ракеты смогут поразить любую цель в Африке к югу от экватора.

Важным элементом наращивания «военного присутствия» США в Африке служит так называемая «военная помощь», включающая прежде всего кредиты на поставки вооружения, различной боевой техники. Ассигнования на эти цели непрерывно возрастают. Так, «военная помощь» африканским странам (за исключением Египта) увеличилась со 120 млн. долл. в 1981/82 г. до 474 млн. долл. в 1982/83 г., достигнут почти 40 % общей суммы помощи США государствам Африки [21]. А за 1983—1985 гг. общий объем военной «помощи» США (кредиты на закупку оружия, поставки военного снаряжения, военная подготовка) возрос только странам Африки южнее Сахары еще на 58 % и превысил размеры экономической и технической «помощи». Основные получатели американского оружия — Кения, Либерия, Марокко, Сомали, Тунис и Заир. США намерены предоставить кредиты на приобретение американской военной техники и подготовку персонала Сенегалу, Нигеру, Замбии, Малави, Свазиленду, Зимбабве и Ботсване, хотя некоторые из них об этом и не просили.

Основная цель «военного присутствия» США в Африке — пристегнуть молодые государства к милитаристской машине империализма, разрушить их и без того осложненное единство, создать дополнительные преграды развитию революционного процесса, прогрессивных социально-экономических преобразований.

[19] Sunday Times, 1981, 31 May.
[20] Congressional Record, 97th Congr., 2d Ses., Sept. 29, 1982, vol. 128, N 132 (II part), p. E-4494.
[21] African Confidential, 1983, Jan. 5.

Военное сотрудничество с США пагубно отражается на экономическом положении африканских государств, истощает их ограниченные ресурсы, туже затягивает петлю долговых обязательств. Не случайно, именно «военные клиенты» Вашингтона оказываются в наиболее кризисном положении. Есть и другой, еще более опасный аспект этого сотрудничества. Соучастие любой страны в военных приготовлениях Белого дома — это прямая поддержка политики диктата и произвола, нагнетаемого в мире военного психоза, фактическое пособничество южноафриканским расистам, блокирование с теми силами, которые стремятся осуществить реколонизацию континента.

Когда речь заходит об Африке, то представители администрации Рейгана, да и сам президент постоянно подчеркивают «миротворческую миссию» США на континенте, их стремление к «ликвидации» конфликтных ситуаций. При этом, разумеется, следует рефрен на тему, что-де конфликты в Африке «инспирированы» СССР, другими социалистическими государствами и лишь их «вмешательство» не позволяет США добиться мирного урегулирования.

Междоусобных раздоров в Африке, действительно, более чем достаточно. Подсчеты показывают, что с 1960 г. там произошло свыше 50 межгосударственных конфликтов, причем многие перерастали в вооруженные столкновения. Непосредственные их причины разные, но корни одинаковы. Большинство конфликтных ситуаций осталось освободившимся странам в наследство от колониального прошлого — взошли посеянные колонизаторами семена этнических, территориально-пограничных разногласий. Неоколониализм принес молодым государствам новые противоречия, причем, как отмечено в Политической декларации VII конференции неприсоединившихся стран, многие из разногласий «углублены бывшими колониальными державами».

Многочисленные факты свидетельствуют, что империализм, используя проблемы освободившихся стран Африки, имеющиеся и возникающие между ними споры, провоцирует возникновение острых конфликтов, а иногда искусственно создает очаги напряженности буквально на «голом месте». Такая стратегия особенно свойственна США и преследует взаимосвязанные цели: ослабить роль и влияние освободившихся стран на международной арене; воспрепятствовать углублению освободительных революций, вовлекая в различные конфликты государства прогрессивной ориентации; помешать сотрудничеству освободившихся стран с социалистическим содружеством; подорвать основанную на принципах единства систему межгосударственных отношений на континенте, противопоставить страны Африки друг другу. Конфликты приносят прибыль военно-промышленному комплексу США, поскольку служат как бы оправданием поставок американского оружия на континент.

Что же касается «миротворчества» США, то оно сводится к ультимативному навязыванию условий ликвидации конфликтов, но лишь в интересах империалистического «посредника» и угодного ему режима. На проведенном в конце 1981 г. «Международной академией мира» в Нью-Йорке симпозиуме, посвященном урегулированию

конфликтов в Африке, был образно изложен подход США к этой проблеме: «Мы (т. е. США. — *Авт.*) тщательно проанализировали суть спора и пришли к выводу, что лучшее решение таково: вы, африканцы, должны стоять смирно и не рассуждать» [22]. Впрочем, такая позиция Вашингтона удивлять не может. Она полностью соответствует претензиям Белого дома на «истину в последней инстанции», имперскому гегемонизму администрации Рейгана.

Приведем яркий пример практического «миротворчества» США, создавшего в Африке очаг напряженности, выходящий за местные рамки и чреватый долговременными опасностями.

Не вдаваясь в историю сомалийско-эфиопских разногласий, вызванных абсурдными территориальными претензиями Сомали к Эфиопии (равно как к Кении и Джибути), напомним, что сомалийское руководство встало на путь прямой агрессии. Были ли возможности предотвратить столкновение или погасить очаг войны в его начале? Безусловно были! К этому прилагали усилия ОАЕ, отдельные страны Африки, Советский Союз, другие социалистические государства. Однако правящая группировка в Могадишо не скрывала, что пользуется поддержкой США. А Вашингтон и его некоторые союзники явно стремились расширить конфликт для ликвидации революционного режима в Эфиопии, а попутно и в Сомали, восстановить свои утраченные позиции в этом районе континента.

Революционная Эфиопия, хотя и понесла материальный ущерб, человеческие жертвы, но устояла. Оказанное по просьбе ее правительства и в полном соответствии со статьей 51 Устава ООН содействие социалистических государств позволило изгнать войска агрессора. Что же касается Сомали, то страна попала в зависимость от империализма США, ее территория превращена в опорный пункт для «сил быстрого развертывания», экономическое положение и социальный климат в стране резко ухудшились, и обстановка на Африканском Роге остается напряженной и взрывоопасной. Тем временем США продолжают провокационную, подстрекательскую политику. В феврале 1983 г. Сомали посетил американский посол по особым поручениям, генерал от ЦРУ В. Уолтерс. Он вручил Сиаду Барре послание Рейгана, в котором Белый дом выразил «поддержку борьбы Сомали за Огаден».

Аналогичные примеры империалистического вмешательства, усугубляющего конфликты, можно было бы привести и применительно к событиям вокруг Западной Сахары, Ганы, на границах Мали и Буркина Фасо, Заира и Замбии, в Чаде. Как сказано в Заявлении ТАСС от 12 июля 1983 г., в вооруженный конфликт между противостоящими в Чаде политическими группировками стали открыто вмешиваться некоторые государства — члены НАТО. Они стремятся вовлечь в этот конфликт и некоторые африканские страны, используя для этого все имеющиеся в их распоряжении рычаги давления. Раскрыта в Заяв-

[22] Managing Africa's conflicts: A Report of the International Peace Academy. N. Y., 1982, p. 11.

лении ТАСС и цель империалистического вмешательства — навязать народу Чада неоколониалистские порядки.

Как Республику Чад, так и ряд других африканских стран империализм хотел бы превратить в новые плацдармы для борьбы против свободы и независимости африканских народов. При этом характерно, что многие конфликты возникают в зонах сосредоточения запасов минерального сырья. Так, в Чаде имеются богатые залежи полезных ископаемых, в том числе урана и нефти.

Африканские лидеры, широкие круги общественности стран континента все полнее осознают, что раздоры, споры и конфликты в Африке, причем независимо от их поводов и причин, должны разрешаться самими африканцами и мирными средствами. Коварному «миротворчеству» империализма не должно быть места на континенте.

Как подчеркнул в своей речи на XI сессии ГА ООН министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, для устранения локальных конфликтов «достаточно обязать все государства полностью и скрупулезно следовать в их действиях взятым на себя обязательствам по Уставу ООН и столь же твердо запретить поддерживать тех, кто эти обязательства нарушает» [23].

Экономика всегда служила материальным подспорьем империалистической политики; в то же время экономические методы и средства воздействия облегчают осуществление политических акций. Именно поэтому цели и задачи политики США в Африке и торгово-экономических отношений американского монополистического капитала с африканскими странами тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга.

В политическом плане — это создание благоприятных условий для «освоения» природных богатств и человеческих ресурсов Африканского континента; в экономическом — это борьба за источники сырья и сферы приложения капитала. В своем докладе администрации Р. Рейгана, известном широкой общественности как «план Киркпатрик», постоянный представитель США при ООН писала, что в 80-е годы сырье и энергетические ресурсы развивающихся стран будут иметь для США «особо важное значение» [24]. Она призывала американскую буржуазию не жалеть сил и средств для «освоения» минеральных богатств освободившихся от колониальной зависимости государств. Призыв Дж. Киркпатрик был услышан монополиями США.

Африканские страны располагают крупнейшими запасами видов стратегического минерального сырья, которое широко используется в промышленности США, прежде всего для производства вооружений. Именно борьба за сырье предопределила растущую экспансию американского частного капитала в Африку. Если в 1960 г. прямые частные инвестиции США во всех африканских странах составляли всего 925 млн. долл., то в 1983 г. (без АРЕ и ЮАР) — более

[23] Правда, 1985, 25 сент.
[24] Congressional Record, vol. 129, N 26, 1983, Mar. 7, p. S2181.

5 млрд. долл.[25] В конце 1985 г. они приближались (оценка) к 5,4—5,6 млрд. долл. Основная масса американских частных инвестиций сосредоточена в нефтяной и горнодобывающей промышленности Нигерии, Либерии и Заира.

Следует отметить, что в странах, куда направляются капиталовложения США, экономическое развитие идет однобоко. Организуя добычу и транспортировку минерального сырья, американские вкладчики капитала инвестируют крупные суммы на строительство дорог, портов, заводов по первичной переработке. Но не прилагают каких-либо заметных усилий для осуществления других экономических и социальных программ в этих странах.

Монополии США привлекает в Африку высокая прибыль на вложенный капитал, о чем прямо говорил, например, директор отделения Управления международного развития США (УМР) в Буркине Фасо Гордон Бертолин[26]. По данным западной статистики, норма прибыли на прямые американские капиталовложения во всех странах мира в среднем составляла: в 1960 г. — 10,9 %, в 1970 г. — 11,2, в 1976 г. — 13,7 %. То же в отношении американских инвестиций в Африке: в 1960 г. — 3,6 %, в 1970 г. — 24,3, в 1976 г. — 17,8 %[27].

Следует учесть, что западная статистика, в том числе и американская, зачастую сознательно искажает истинную картину в угоду монополистическим группировкам, которые по политическим мотивам не заинтересованы в рекламе своих прибылей. Ведь за редким исключением эти средства изымаются из экономики африканских стран, ухудшая состояние их национальных бюджетов и затрудняя выплаты задолжностей, образовавшихся за многие годы неоколониалистской эксплуатации.

Американские монополии получают из африканских стран барыши, огромные размеры которых особенно наглядны, если сравнить нормы прибыли по развивающимся африканским и развитым капиталистическим странам мира на вложенный там Соединенными Штатами капитал. Если в среднем в 60-е годы норма прибыли на американские инвестиции в африканских странах составляла 20 %, то в Англии — 12, в Канаде — 8,4, во Франции — 7,6 %[28]. В 70-е и 80-е годы эта картина практически не изменилась.

Особо велико для американской экономики значение минерального сырья ЮАР. Эта страна располагает значительными запасами хрома, марганца, платины, промышленных алмазов и урана, которые в основном вывозятся в США. По данным американского конгресса, 91 % всего потребляемого хрома (необходимого для производства

[25] Africa: from Mystery to Maze. Critical Choices for Americans / Ed. by H. Kitchen. D. C. Heath and Company. Lexington, 1976, p. 315, 316; Statistical Abstract of the United States, 1984. Wash., 1985, p. 824.

[26] Africa and the United States Vital Interests / Ed. by J. S. Whitaker. A. Council on Foreign Relations Book. N. Y., 1978, p. 27

[27] Ibid.

[28] Africa. from Mystery to Maze, p 335.

нержавеющей стали) США получают из южноафриканского региона [29].

В 1970-е годы инвестиции в ЮАР нескольких сот американских монополий или их филиалов были сосредоточены преимущественно в горнодобывающей промышленности. Однако по мере углубления в развитых странах мира научно-технической революции стали расти американские инвестиции и в машиностроительную промышленность ЮАР, в производство продукции повышенной точности и качества. В результате норма прибыли на вложенный американскими компаниями в ЮАР капитал из года в год сохраняется на высоком уровне — примерно 18 % [30].

Американские инвестиции в ЮАР укрепляют режим апартеида, помогают расистам расширять материальную базу их господства над коренным африканским населением.

Экономическая и техническая «помощь» США развивающимся странам по-прежнему остается важным инструментом в руках американской монополистической буржуазии, стремящейся к завоеванию доминирующих позиций в Азии, Африке и Латинской Америке. Меняются лишь акценты, приоритеты предоставления «помощи» тем или иным странам, характер субсидирования программ (двухсторонний и многосторонний).

Динамика экономической и технической «помощи» США африканским странам наглядно фиксирует любые изменения в американской политике в этой области. Если в начале 60-х годов, когда африканские страны впервые получили «помощь» из США, упор делался на ее социальные функции — стимулирование и подталкивание лишь капиталистического развития африканских стран, то к середине 80-х годов американская буржуазия стремится придать политике «помощи» иной характер. Речь фактически идет о еще большей концентрации «помощи» на странах, где у власти стоят «дружественные» США режимы, о более широком, чем раньше, использовании угроз прекратить или резко сократить «помощь» для давления на проявляющих несогласие с американской позицией руководителей развивающихся стран.

Новые «веяния» в области политики «помощи» немедленно отразились на ее размерах и распределении по странам. В 1962—1965 гг. объем экономической и технической «помощи» США африканским странам (без АРЕ) составил 2101 млн. долл., в 1966—1969 гг. — 1402 млн. долл., а в 1985/86 г. превысит 1 млрд. долл.[31] Для сравнения: в 1983/84 г. на цели «помощи» было затрачено 868,7 млн. долл.[32]

Экономическая и техническая «помощь» направляется преимущественно в страны, имеющие значение для американской гло-

[29] US Interests in Africa. Hearing before the Subcommittee on Africa of the Committee on Foreign Affairs, US House of Representatives, Oct. 24, 1979. Wash., GPO, 1980, p 212.
[30] Survey of Current Business, 1982, N 8, vol. 62, p. 28, 22.
[31] Africa: from Mystery to Maze, p. 349; The New York Times, 1985, 22 Apr.
[32] The Department of State Bulletin, N 2074, vol. 83, 1983, May, p. 22.

бальной или региональной политики. Так, например, по словам Ч. Крокера, в 1983/84 г. львиная доля американской «помощи» была предназначена Заиру, Судану, Сомали, Кении, Сенегалу и Либерии — примерно $^{2}/_{3}$ всех выделенных для этой цели средств [33]. Остальные африканские страны получили чисто символические или крайне ничтожные суммы, которые не идут ни в какое сравнение с теми потребностями, которые испытывает их экономика.

Часть средств африканские страны вынуждены расходовать на выплаты долгов и процентов по прошлым займам. В 1974 г. задолженность стран континента ведущим капиталистическим державам мира составляла 28 млрд. долл.[34], а в середине 80-х годов она превысила 150 млрд. долл.

Размеры прибыли на американский капитал, вложенный в экономику африканских стран, в отдельные годы приближаются к размерам государственной экономической и технической «помощи» или даже превышают их. Так было, например в 1975 и 1976 гг., когда это превышение составило соответственно 357 и 441 млн. долл.[35]

В отличие от прежних руководителей США администрация Р. Рейгана использует угрозу сокращения (или вообще прекращения) «помощи» для нажима на правительства африканских стран. В частности, именно так и произошло в декабре 1983 г., когда «помощь» Зимбабве была снижена почти в два раза за отказ правительства страны поддержать в Совете Безопасности ООН угодный Соединенным Штатам проект резолюции по вопросу о выполнявшем шпионское задание США южнокорейском самолете, сбитом над территорией СССР.

Торговля также является важным инструментом укрепления позиций США на Африканском континенте. Основные цели правящих кругов США в области торговли — обеспечение максимальных прибылей для американских монополий, бесперебойная поставка в США минерального топлива и стратегических сырьевых материалов. Определенное место в импорте США из Африки занимают тропические продукты, такие, как какао-бобы, кофе.

США рассматривает страны Африки как относительно небольшой, но перспективный рынок сбыта. До недавнего времени американским экспортерам было трудно пробиться на рынки развивающихся стран Африки, так как этому препятствовали бывшие метрополии. В последние годы Соединенным Штатам удалось несколько потеснить своих конкурентов. Ведущие места в экспорте США в Африку занимают продовольствие, машины, оборудование, транспортные средства, вооружение. Широко используя предоставление кредитов и различных видов «помощи», США расширяет экспорт своих товаров в те африканские страны, где рассчитывают на создание опорных баз для «сил быстрого развертывания», в первую очередь в Египет, Марокко, Судан, Сомали.

[33] Ibid., p. 22—24.
[34] Africa and the United States Vital Interests, p. 78.
[35] US Interests in Africa, p. 538; Africa and the United States Vital Interests, p. 27

Решающее воздействие на торговый баланс со странами Африки оказывает импорт нефти в США. Если до решения стран — членов ОПЕК о резком повышении цен на сырую нефть (1973 г.) экспорт США в африканские страны, как правило, превышал импорт из них (так, например, в 1960 г. экспорт составил 766 млн. долл., импорт — 535 млн. долл., превышение экспорта над импортом — 231 млн. долл.; в 1970 г. экспорт — 1579 млн. долл., импорт — 1111 млн. долл., превышение экспорта над импортом — 468 млн. долл.) [36], то в 1975 г. картина была иной: экспорт составил 4949 млн. долл., импорт — 8305 млн. долл., превышение импорта над экспортом — 3356 млн. долл.[37] В последующие годы картина стала еще контрастнее. Несмотря на повышение цен на нефть, США продолжали во второй половине 70-х годов увеличивать ее импорт из стран Африки. В 1978 г. превышение импорта над экспортом составило уже 6914,6 млн. долл. при общем объеме торговли 17 077,2 млн. долл.[38], а в 1980 г. — почти 20 млрд. долл. при общем объеме торговли в 41 311 млн. долл.[39]

В дальнейшем положение вновь изменилось, в основном благодаря уменьшению закупок нефти в африканских странах американскими монополиями и некоторому снижению цен на сырую нефть. В начале 80-х годов конъюнктура нефтяного рынка сложилась неблагоприятно для развивающихся стран, экспортирующих нефть (в Африке — это Ливия, Нигерия, Алжир и Габон), что было обусловлено рядом факторов. В первую очередь сказалось углубление экономического кризиса мировой капиталистической системы в 1981—1982 гг. В США и ряде других стран были осуществлены мероприятия, направленные на экономию топлива, в первую очередь жидкого. Американским монополиям удалось в эти годы накопить значительные запасы нефти и нефтепродуктов с целью воздействия на конъюнктуру. Определенное влияние оказало также частичное переключение американского импорта нефти на других (неафриканских) поставщиков: Мексику, Канаду, Великобританию.

Все это отнюдь не означало, что американские, как и другие западные монополии, потеряли интерес к нефти, добываемой в африканских странах. Речь шла о другом — об использовании благоприятно сложившейся для США торговой конъюнктуры для нажима на «строптивые» правительства в развивающихся странах. «Мы должны обеспечить надежное снабжение США нефтью и другими видами сырья. . ., — говорила Дж. Киркпатрик. — В виду предстоящей борьбы мы должны обеспечить себе неоспоримые позиции силы для того, чтобы облегчить создание такой обстановки, при которой мы могли бы успешно защищать наши ценности» [40].

Снижение импорта нефти из африканских стран немедленно отразилось на торговом обороте США в виде постепенного сокращения

[36] Ibid., p. 31.
[37] Ibid.
[38] US Interests in Africa, p. 187.
[39] Survey of Current Business, 1982, N 3, vol. 62, p. S — 19.
[40] Congressional Record, 1983, Mar. 7, p. S2181.

многомиллиардного дефицита. Если в 1981 г. экспорт в африканские страны составлял 11 097,4 млн. долл., а импорт 27 070,6 млн. долл. (превышение импорта над экспортом — 15 973,2 млн. долл), то в 1982 г. экспорт уже составил 10 271,1 млн. долл., а импорт 17 077,1 млн. долл. (превышение — всего на 6806 млн. долл.) [41]. В 1984 г. дефицит в торговле США с африканскими странами еще уменьшился. Он составил всего 5 млрд. долл. при общем объеме торгового оборота в 11 млрд. долл.[42]

Благоприятно сложившаяся для США конъюнктура нефтяного рынка позволила администрации Р. Рейгана реализовать один из своих политических замыслов в отношении Ливии. Наряду с другими средствами давления в 1982—1985 гг. была использована тактика торгового бойкота Ливии, которая, однако, не принесла существенного ущерба ливийской экономике — правительство этой страны нашло других покупателей нефти.

Реализация планов американского империализма в Африке требует соответствующего идеологического обеспечения, создания на континенте такого «климата», который способствовал бы свободе рук США, их транснациональных корпораций, военных ведомств. В своем идеологическом наступлении на африканские страны американские неоколонизаторы стремятся убедить африканские народы в якобы имеющихся перспективах их политического, экономического и социального возрождения в рамках капиталистического строя.

Многообразие разрабатываемых в США для экспорта в развивающиеся страны Африки идеологических концепций и пропагандистских мифов объясняется как неоднородностью и сложностью происходящих в странах Африки социально-экономических и внешнеполитических процессов, так и обострением в 80-е годы классовой борьбы на международной арене. Вместе с тем по мере активизации милитаристских, консервативных кругов в США, стремящихся силовыми приемами остановить поступательный процесс борьбы народов освободившихся стран за свои права и интересы, особое значение в идеологической экспансии США в африканские страны приобретают антикоммунизм и антисоветизм.

Изображая СССР, другие страны социалистического содружества, международное коммунистическое и рабочее движение «главными виновниками» всех внешнеполитических неудач США, а следовательно, и мирового капитализма в развивающихся странах, американские идеологи считают, что задача ослабления авторитета социалистических стран в Африке окажется для США более легкой, если будет «доказана» причастность мира социализма к «международному терроризму», якобы практикуемому силами национального освобождения. В упомянутом ранее документе Дж. Киркпатрик писала: «Следует внушить наиболее организованным и влиятельным группировкам в развивающихся странах идею о том, что все тенденции развития общественного процесса в этих странах, которые не соответ-

[41] Survey of Current Business, 1983, N 5, vol. 63, p. S-16, S-17.
[42] Topic. Wash., 1984, N 153, p. 6.

ствуют нашему историческому, политическому или экономическому опыту, совершенно определенно связаны с организованным международным терроризмом» [43].

Ни в теоретическом, ни в практическом отношении утверждения о связи прогрессивных процессов с терроризмом не выдерживают критики. В частности, как показали слушания в американском сенате в апреле 1982 г. относительно «террористической» деятельности АНК в ЮАР и СВАПО в Намибии, эти национально-освободительные движения ведут законную борьбу за свободу своих стран (ее законность признана многочисленными резолюциями ООН) и не причастны к международному терроризму. Подтверждая этот вывод, американский журнал «Африка рипорт» указал на несостоятельность предъявленных им обвинений [44].

Для обоснования прокапиталистических реформ в африканских странах американские идеологи навязывают им миф о «неприемлемости» для них марксизма. При этом в американских правящих кругах широко распространено мнение, что проводимые в интересах капиталистического развития реформы обеспечивают защиту от революционных преобразований, от воздействия марксистской идеологии [45].

Однако хорошо известно, что идеология научного социализма не только получила распространение в Африке, но и реализуется практически. Целая группа государств континента встала на путь социалистической ориентации. В странах, которые развиваются по капиталистическому пути, буржуазные реформы лишь временно ослабляют накапливающиеся социальные противоречия. Более того, ускоряя развитие капитализма, они способствуют созданию антипода буржуазии — рабочего класса.

Американские идеологи пытаются также доказать необходимость и закономерность капиталистического пути развития освободившихся от колониальной зависимости африканских стран. С момента выхода народов Африки на арену мировой политики в 60-е годы, который сопровождался некоторым ослаблением в них позиций западноевропейских монополий, в США общепризнанной стала идея о том, что только с американской помощью и путем использования американской технологии африканские страны будут способны совершить скачок в капиталистическом развитии и использовать плоды научно-технической революции.

Когда же в 70-е годы народы африканских стран развернули борьбу за упрочение национального суверенитета, за право использования для своих потребностей собственных запасов сырья, за ограничение неоколониалистской эксплуатации, за экономическое и социальное освобождение, идеологи американской монополистической буржуазии резко выступили против любых проявлений государственного контроля над деятельностью американского частного

[43] Congressional Record, 1983, Mar. 7, p. S2181.
[44] Africa Report, Wash., 1982, July—Aug., vol. 25, N 4, p. 49.
[45] Congressional Record, 1983, Mar. 7, p. S2181.

капитала. Государственный секретарь США Дж. Шульц отмечал по этому поводу, что если не прервать развивающуюся в освободившихся странах тенденцию к этатизму в экономической политике, то США не смогут в должной мере обеспечить свои потребности в сырье, обычно импортируемом из развивающихся стран [46].

Сама по себе такая постановка вопроса предполагает, что американский господствующий класс намерен использовать широкий спектр экономических рычагов и силового давления для достижения этой цели. Так в действительности и происходит. Однако полностью отказаться от пропаганды идеологии «экономического либерализма» в условиях, когда значение африканских стран в историческом противоборстве двух мировых общественно-экономических систем возрастает, американские идеологи просто не решаются.

В конце 70-х годов в США вновь вспомнили известную в прошлом концепцию «основных нужд». Акцентируя внимание на существовании в освободившихся странах устойчивых зон крайней нищеты, несправедливости в распределении доходов и ошибок в планировании, эта концепция предлагает радикально изменить первоочередность целей и программ развития в направлении удовлетворения нужд беднейшего населения. Излагая ее основные положения, президент Нью-Йоркского «Института мирового порядка» Роберт Джохансен указал, что без реализации права человека на удовлетворение его «основных нужд» нет никакого смысла ставить вопрос о внедрении новейших технических достижений и вообще об обеспечении капиталистического развития [47].

Сформулированная этим ученым «стратегия революции жизни» имеет целью осуществить на практике концепцию «основных нужд» [48]. На эту «стратегию» американский господствующий класс и его идеологи явно возлагают определенные надежды. Речь идет о том, чтобы в какой-то мере изменить в целом неблагоприятный для мирового капитализма ход внутриполитических процессов в африканских странах. Ведь распространение идей научного социализма в Африке является неоспоримым фактом.

Перспективы идейного противоборства как с миром социализма, так и африканским национально-освободительным движением весьма тревожат американскую монополистическую буржуазию. «В такой же мере как для морального процветания США важен продолжающийся прогресс в области гражданских прав, для мира, который мы хотим оставить в наследство нашим детям и внукам... важно политическое и экономическое будущее Африки», — заявил Дж. Шульц [49].

Именно поэтому, начиная «крестовый поход» против коммунизма и провозгласив «программу демократии и публичной дипломатии», администрация Р. Рейгана обратила основное внимание на идеологи-

[46] The Department of State Bulletin, N 2076, vol. 83, 1983, July, p. 57—61.
[47] The National Interest and the Human Interest, p. 177.
[48] Ibid., p XXII.
[49] Secretary Shultz. «The United States and Africa in the 1980s». Febr. 15, 1984. Current Policy, N 549, p. 1.

ческую обработку народов освободившихся стран, в частности африканских, с целью сформировать в умах людей представления о «мессианской» роли США по преобразованию мира [50]. По словам Дж. Шульца, народы развивающихся стран должны усвоить мысль о том, что у них «общая судьба и общие ценности» [51] с США. Но вряд ли сам Дж. Шульц всерьез полагает, что у американских монополий и народов освободившихся стран есть какие-то общие судьбы или ценности. Африке нужны мир и спокойствие, экономическое развитие, а не война и гонка вооружений.

Пропагандируя изложенные выше концепции, идеологи империализма не учитывают даже общие тенденции развития многих освободившихся стран, которые, в частности, ведут к формированию национальной буржуазии, заинтересованной в отказе от односторонней ориентации на США. Общественность, руководящие государственные и политические деятели, представители профсоюзов и религиозных организаций африканских стран в своем подавляющем большинстве отвергают попытки американских идеологов, администрации США навязать им чуждые представления. 13-я конференция Американо-африканского института (Хараре, январь 1983 г.), в которой приняли участие более 200 деятелей из США и стран Африки, продемонстрировала всю глубину «пропасти доверия» между африканскими странами и США. Показателем растущего недоверия в Африке к внешней политике США вообще и в отношении африканских стран в частности свидетельствуют результаты XXXVIII, XXXIX и XL сессий ГА ООН. По подавляющему большинству важных международных и африканских проблем позиции США и стран Африки полностью разошлись.

Политика США в Африке, как и в других регионах мира, дестабилизирует обстановку, способствует росту напряженности, несет прямую военную угрозу. Независимые африканские страны все отчетливее понимают подлинное содержание и цели этой политики. Они отвечают на нее ростом антивоенного дижения, стремлением к тому, чтобы Африка стала континентом мира, добрососедства и процветания, зоной, избавленной от иностранных военных баз. Молодые государства единодушно заявляют и о том, что не могут считать себя освободившимися, пока на юге континента существует режим расизма и апартеида. Отложив в сторону спорные проблемы, они противопоставляют экспансии, агрессивным замыслам Вашингтона и его союзников антиимпериалистическое единство, борются за право быть хозяевами в своем доме.

[50] The National Interest and the Human Interest, p. XXI.
[51] The Department of State Bulletin, N 2073, vol. 83, Apr. 1983, p. 49.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Теория и практика международных отношений XX в. убедительно подтверждает вывод В. И. Ленина о том, что самые глубокие корни внешней (как и внутренней) политики государств в конечном счете определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов [1]. Поэтому внешняя экспансия США уходит своими истоками в сущность американского империализма, в экспорт капитала, в экспансию транснациональных корпораций, в стремление американского капитала выдать свои классовые интересы за общенациональные «жизненные интересы».

Соответственно экспансионизм является одним из важнейших качественных параметров внешней политики и дипломатии США, их неотъемлемым признаком. В нынешних условиях экспансионизм США проявляется не только в «горизонтальном плане» — захват и удержание источников сырья, рынков сбыта, сфер приложения капитала, политическое и экономическое закабаление отдельных развивающихся стран, расширение зон «особых» американских интересов, военно-политическое доминирование среди капиталистических, в том числе развитых, стран, но и в «вертикальном» — наращивание ядерного потенциала, стремление к превосходству в военно-стратегической области. Гонка вооружений, прежде всего новейших видов и типов, становится одной из важнейших составных частей той материальной основы, на которой усиливается и расширяется американский экспансионизм.

На грани 80-х годов экспансионистское содержание внешнеполитического курса США стало проявляться особенно резко и откровенно. Не отказавшись до конца от камуфляжа своих истинных целей, американский империализм тем не менее более обнаженно, чем ранее, раскрыл свои претензии на доминирующую роль в мире, военное превосходство над социализмом, на подчинение своим интересам развивающихся стран, приструнивание «инакомыслящих» среди собственных союзников. Внешне могло показаться, что речь идет всего лишь о рецидиве 50-х годов, когда ставка на силу и грубый милитаризм так же была стержнем политической и военной стратегии Вашингтона. Однако, унаследовав многое от периода «холодной войны», господствующие круги США повели с конца 70-х годов еще более опасную игру, чреватую поистине катастрофическими последствиями для всего человечества. Опасность эту множили качественно новые обстоятельства, в которых происходил очередной всплеск агрес-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 327.

сивной воинственности США, — прежде всего беспрецедентно высокий уровень ядерного противостояния между Востоком и Западом. (В 50-е годы СССР и США располагали лишь дюжинами ядерных зарядов, причем стратегические носители межконтинентальной дальности только начинали создаваться. В конце 70-х годов в их распоряжении уже было несколько десятков тысяч ядерных зарядов на тысячах современных стратегических средств доставки.)

Отход США от разрядки к политике острой конфронтации на поверхности произошел сравнительно быстро — в течение каких-то двух-трех лет. На деле стремление к такому повороту в политике вызревало в недрах правящих американских кругов значительно дольше. Можно с достаточной точностью определить момент, когда влиятельные политические силы, связанные с военно-промышленным комплексом США, почувствовали себя неуютно в складывающейся обстановке. Это — 1970—1973 гг., знаменательные тем, что Советский Союз, выполнив свою историческую по важности задачу, достиг военно-стратегического паритета с США, т. е. по основным параметрам вышел на уровень равенства с США в области стратегических вооружений.

Появление суммарного стратегического равновесия между СССР и США, а также примерного ядерного баланса между НАТО и Варшавским Договором создало ту материальную базу, на которой могла развиваться атмосфера и политика разрядки в широком смысле. В конкретном же плане паритет, став реальностью, открыл возможность для достижения взаимоприемлемых договоренностей по ограничению стратегических вооружений — как наступательных (Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений 1972 года и ОСВ-2 1979 года), так и оборонительных (Договор об ограничении систем противоракетной обороны 1972 года).

Более того, появление ситуации стратегического паритета лишило смысла неприкрыто агрессивную концепцию «массированного возмездия», на которой строилась внешняя политика США в условиях их сравнительного превосходства по суммарному числу стратегических носителей (тяжелых бомбардировщиков, межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования и баллистических ракет на подводных лодках). Хотя следует отметить, что и ранее, когда паритета у СССР еще не было, наличие у него неуязвимых ядерных сил, способных нанести в случае военного конфликта огромные потери Соединенным Штатам, оказывало сдерживающее, отрезвляющее воздействие на американское руководство.

В целом выход СССР на уровень стратегического равенства в США был воспринят в Вашингтоне как факт, которого по крайней мере нельзя было избежать. Именно так реагировала на это администрация Р. Никсона — Г. Киссинджера, проявив в данном случае необходимый реализм. Никсон тогда констатировал: «Разрыв Советским Союзом ликвидирован. Его уже больше никогда не будет...» [2].

[2] The New York Times, 1969, June 19.

Киссинджер, говоря о «стратегическом равенстве», подчеркивал, что в условиях такого равенства «ущерб, наносимый другой стороне в общей ядерной войне, имел бы катастрофический характер» [3].

Однако военно-промышленный комплекс США, наиболее реакционные силы Америки увидели в паритете серьезную угрозу их планам безконтрольной гонки вооружений, проведения интервенционистской политики в различных районах мира. Они сразу же повели целенаправленную работу по подрыву этого сковывающего их возможности фактора.

Публично признавая военно-стратегический паритет между СССР и США, администрация Картера одновременно вела работу сначала по теоретическому обоснованию необходимости отхода от него, а затем и по закреплению этого отхода путем разработки соответствующих программ вооружений.

В своем роде логическим завершением скольжения администрации Картера в сторону выработки предпосылок для отказа от концепции стратегического равновесия стала утвержденная президентом 25 июля 1980 г. директива № 59. В ней не только прорабатывались возможности ведения ограниченной ядерной войны, но и по существу содержалось требование к достижению превосходства с целью «навязывания (другой стороне) конкретных шагов» в эскалации военных действий, если ядерная война начнется. Эта картеровская директива явилась кульминацией в изменении военной доктрины США от «взаимного сдерживания», основанного на паритете, до попытки вырваться на позиции стратегического превосходства с целью доминирования на всех ступенях эскалации ядерного и неядерного конфликта.

В контексте эволюции американской военной доктрины следует рассматривать и *практические шаги* Дж. Картера на пути интенсификации гонки вооружений и приобретения потенциала первого удара.

Внутренняя пружина экспансионизма США — это стремление навязать миру такое толкование их собственных интересов, которое по существу позволяло бы претендовать на исключительность американских прав в различных районах земного шара. Обратная сторона экспансионизма — это либо непризнание законных интересов других государств, либо недостаточный учет, сознательное ущемление их в политике.

Экспансионизм, как правило, начинается с доктрин и концепций. Американские доктрины и концепции послевоенного времени несут на себе своего рода фирменную печать — агрессивную, милитаристскую суть политики США в них непременно пытаются оправдывать «необходимостью противодействия» Советскому Союзу или «сдерживания» последнего.

Внешнеполитическая деятельность администрации Дж. Картера подготовила почву для развертывания в опасных масштабах «глобализма» американского курса. Предложенная З. Бжезинским идея создания ударных сил экспансии — «сил быстрого развертывания» —

[3] Department of State Bulletin, vol. 74, 1976, Jan. 19, p. 70.

была одобрена президентом в августе 1977 г. Соответственно понятие «национальной безопасности» было расширено. «В течение многих лет США были подлинно глобальной силой, — заявил президент Картер. — Наши давние заботы включают собственные интересы безопасности, равно как и наших союзников и друзей за пределами Западного полушария и Европы. Мы несем важную историческую ответственность за укрепление мира в Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в Персидском заливе... Министр обороны имеет мое указание улучшать и поддерживать силы быстрого развертывания — воздушные, сухопутные и морские — для защиты наших интересов во всем мире». При этом Дж. Картер ритуально сослался на «угрожающий рост советской военной силы» [4].

Объявленная в январе 1980 г. доктрина Картера, представляющая собой продолжение более ранних доктрин Трумэна и Эйзенхауэра, предусматривала не только закрепление распространения имперских интересов США на зону Ближнего Востока и Персидского залива, но и попытку страховать эти притязания угрозой применения силы. Согласно этой доктрине Белый дом не только не намерен больше ожидать от других стран защиты собственной безопасности, но и не собирается свои решения о реализации обязательств по отстаиванию интересов США в этом районе предварять тщательным взвешиванием соответствующих обстоятельств. Иными словами, США будут действовать сразу и решительно. «Любая попытка, — по заявлению Картера, — любой внешней силы получить контроль над Персидским заливом будет рассматриваться как нападение на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такое нападение будет отброшено любыми необходимыми средствами, включая военную силу» [5].

Так, в начале 80-х годов в историю империализма США было вписано красноречивое кредо экспансионизма: чрезмерное раздувание собственных интересов, вмешательство в дела других государств, агрессия.

Корректировка военной доктрины США, подкрепленная конкретными программами вооружений, практическая политика Дж. Картера, особенно в последний год его президентства, направленная на затаптывание плодов разрядки, означали, что в американском политическом спектре верх взяли силы, выступающие против улучшения советско-американских отношений, против сохранения «сковывающих рамок» паритета, за возрождение «былой мощи» Америки с целью более свободного проведения политической, военной и экономической экспансии в мире. Картер и его окружение подготовили почву, возможно и не желая того, для перехода власти в США в руки самых реакционных и милитаристских сил, всегда бытующих в политической жизни США, но до тех пор не захватывавших полностью в свои руки штурвала американской политики и стратегии.

Коалиция архиреакционных кругов несколько раз в послевоенный

[4] US Foreign Relations, 1978, p. 163—169.
[5] Presidental Documents, vol. 16 (Jan. 28, 1980), p 197.

период предпринимала попытки захватить руководство страной, выдвигая на пост президента своих ставленников: в 1952 г. (Макартур), в 1964 г. (Голдуотер), в 1976 г. (Рейган). Однако крайне правые взгляды и авантюристические подходы к решению актуальных проблем, проповедуемые этими силами, отпугивали американское население, которое предпочитало тянуться к политической середине, к центру. К концу 1980 г. объективные и субъективные обстоятельства сложились достаточно благоприятно для правых сил. С приходом к власти группировки Рейгана, тесным образом связанной с самой молодой, взращенной на новых направлениях научно-технического прогресса, напористой и агрессивной фракцией военно-промышленного комплекса, империалистическая сущность курса США на международной арене, как никогда ранее, обнажилась в словах и в делах.

С приходом к власти Рейгана на поверхность всплыли старые клише антисоветизма и антикоммунизма, подкидываемые официальной пропагандистской машиной. Не имевшие спроса многолетние заготовки консервативных «научных центров», типа «Херитидж фаундейшн», «Комитета по существующей опасности» и т. д., нашли потребителя в лице руководства новой администрации. Белый дом, провозгласив «крестовый поход» против мирового социализма, попытался навязать миру идеологию конфронтации, политической непримиримости, замешанной к тому же на религиозно-мистических кликушествах о приближении «последней схватки» — Армагеддона — с «безбожниками», с «империей зла». Произошла резкая активизация «психологической войны» против Советского Союза, представляющей собой, по словам М. С. Горбачева, «особую разновидность агрессии, попирающей суверенитет других стран» [6].

Это проявление так называемой «идеологизации» внешней политики и дипломатии США не имеет ничего общего с идеологической борьбой, занимающей свое законное место на международной арене. Речь идет, во-первых, о попытке подчинить межгосударственные отношения остроконфронтационной мировоззренческой борьбе, к тому же затеваемой на базе искаженных, необъективных оценок; во-вторых, о стремлении поставить формирование государственного курса США на международной арене в зависимость от узкокорыстных, предвзятых интересов одной — наиболее милитаристской — части правящей элиты Соединенных Штатов; в-третьих, о заранее продуманном плане путем взвинчивания шовинистических, лжепатриотических настроений в народе облегчить переход к широкой милитаризации экономики и политики страны. Другими словами, создать именно ту атмосферу «готовности к жертвам», в которой, как это мыслилось в 40—50-х годах, можно было бы без особой оппозиции развертывать гонку вооружений, щедро вскармливая ее многомиллиардными ассигнованиями. Теперь, как отмечал бывший председатель сенатской комиссии по иностранным делам У. Фулбрайт, в идеологической ориентации руководства основных американских

[6] Правда, 1984, 11 дек.

ведомств «нет явных различий» и ее общим знаменателем служит «укоренившийся антисоветизм», который составляет стержень внешней политики администрации [7].

Одновременно краеугольным камнем официальной пропаганды США стало культивирование силы в качестве, по сути, единственного метода обеспечения «национальных интересов» США. Последние в свою очередь стали истолковываться американским руководством гипертрофированно, как слабо скрытая претензия на мировое доминирование. Военная стратегия закрепостила внешнюю политику и дипломатию США. Государственный секретарь США А. Хейг в интервью французскому журналу «Фигаро мэгэзин» (1 февраля 1981 г.) вполне определенно изложил эту линию в мышлении администрации, заявив: «Мы полностью верим в наши ценности и наши институты. Наша военная сила должна быть сохранена, чтобы гарантировать международную атмосферу, в которой такие ценности и институты могут развиваться. Наша военная сила остается гарантом наших свобод, и все должны знать, что мы были бы готовы воспользоваться ею, если это оказалось бы необходимым».

Именно в этом контексте следует рассматривать и известное заявление Хейга о том, что «есть вещи поважнее, чем мир», которое наиболее точно вскрывало поднаготную подхода администрации Рейгана, как он проявился с самого начала, к вопросам войны и мира. Тема о необходимости обеспечения Соединенными Штатами «позиции силы» для ведения дел с Советским Союзом, с остальным миром, включая американских союзников, и даже в качестве условия участия США в переговорах по ограничению вооружений была лейтмотивом заявлений руководящих деятелей администрации Рейгана с первых дней ее пребывания у власти.

Третьим важнейшим элементом политико-пропагандистской концепции, помимо антисоветизма и апологии силы как инструмента политики, развиваемой реакционными кругами США с начала 80-х годов, было стремление обосновать требование, чтобы США активно взяли курс на обретение военного, прежде всего ядерного, превосходства над Советским Союзом. Делалось это весьма изощренно: был выстроен ряд «аргументов», призванных изобразить дело так, будто США серьезно отстают по основным видам вооружений от Советского Союза; что все проводившиеся ранее переговоры с СССР лишь содействовали такому отставанию; что в результате США могут оказаться в положении «второстепенной державы» на долгие годы.

Эти вымышленные доводы вели к неизбежному заключению: необходимо отбросить в сторону переговоры по ограничению вооружений и вместо этого сосредоточиться на одностороннем перевооружении Америки. Только вернув поначалу «равенство» с СССР, а затем обретя для себя «задел безопасности» (т. е. превосходство), США могут пойти на переговоры. В случае если политические обстоятельства потребовали бы все же, чтобы Вашингтон согласился на переговоры до завершения программ перевооружения, то следует пере-

[7] Washington Post, 1984, Dec. 9.

говоры и наращивание вооружений вести одновременно, сохраняя при этом приоритет за наращиванием вооружений.

При этом сам президент США выразил всю эту «концепцию» с откровенной ясностью: «Я считаю, — заявил он в беседе с редакторами провинциальных газет 17 октября 1981 г., — что недостатком переговоров, которые мы вели на протяжении ряда последних лет, было то, что русские, сидевшие за столом переговоров, ничего не теряли, а мы ничем не могли им пригрозить. Сейчас, я полагаю, мы можем сесть за стол переговоров и провести несколько более реалистические переговоры с учетом того, чем мы им можем пригрозить» [8]. Делая такого рода заявления, американское руководство рассчитывало и на их отвлекающий характер. Получалось, что беспрецедентно раскручиваемая Белым домом гонка вооружений имела лишь как бы прикладное назначение — обеспечить успешный для США исход переговоров с СССР по ограничению и сокращению вооружений. Между тем Р. Рейган и его окружение повело дело к созданию у США потенциала первого удара, т. е. к превосходству в его наиболее опасном, агрессивном варианте.

Об этом свидетельствовало поведение администрации в первые четыре года ее нахождения у власти, ее *конкретные акции и дела.*

По существу администрация Рейгана не сформулировала какого-либо единого «политического руководства» в области советско-американских отношений до декабря 1982 г., когда президент подписал секретную директиву о решении по национальной безопасности (ДРНБ) № 75, о существовании, а тем более о содержании которой до последнего времени было мало что известно. На основе бесед с официальными лицами американский исследователь Р. Гартхофф следующим образом излагает основной смысл этой директивы: сдерживать СССР и воздействовать на его международное поведение; содействовать «хотя и ограниченными средствами, имеющимися у США», изменениям в советской системе; идти на достижение путем переговоров договоренностей, «которые были бы в интересах США» [9].

Итак, за основу был взят конфронтационный подход, подразумевающий широкое противоборство с СССР. Вопрос о переговорах, реально рассчитанных на достижение *взаимоприемлемых* договоренностей, был фактически подвешен. Он не был предметом забот Белого дома. Администрация была явно к таким переговорам не готова.

Воинственная риторика Белого дома не стихала в 1981—1983 гг. Параллельно ей в производство запускались новые виды вооружений, совершенствовались имеющиеся. В октябре 1981 г. Белый дом принимает план развертывания в 1986—1990 г. первых ста межконтинентальных баллистических ракет «МХ» — оружия первого удара.

В первое президентство Рейгана США превратились в огромную кузницу, где ковалось оружие, заглушая своим грохотом разумные призывы мировой общественности к переговорам, к остановке кон-

[8] Ibid., 1981, Oct. 19.
[9] *Raymond L. Garthoff.* Détente and Confrontation. The Brookings Institution. Wash., D. C., 1985, p. 1012.

вейера смертоносных вооружений. Когда под давлением требований своей и международной общественности, под воздействием наступательной дипломатической линии Советского Союза Вашингтон пошел в ноябре 1981 г. на переговоры по ограничению ядерных вооружений в Европе (ОЯВЕ), а в июне 1982 г. — по ограничению и сокращению стратегических вооружений (ОССВ), он сделал это лишь из тактических соображений — сбить волну недовольства неконтролируемым наращиванием ядерного арсенала США, а не из желания действительно искать договоренностей. Выдвинутые американской стороной предложения на этих переговорах, будучи абсолютно неприемлемыми в силу их откровенной односторонности, показали, что США ведут дело к бесплодному финалу переговоров. Так оно и случилось — осенью 1983 г. переговоры по ОЯВЕ утратили всякий смысл ввиду начавшегося развертывания в определенных странах НАТО новых американских ядерных ракет «Першинг-2» и крылатых ракет наземного базирования большой дальности. Соответственно были остановлены и переговоры по ОССВ.

В первой половине 1983 г. президент США привнес и в без того сложную обстановку вокруг ограничения и сокращения ядерных вооружений новый элемент, который сразу же поставил под вопрос перспективу какого-либо успеха в этой области. В своей речи в марте 1983 г. Рейган объявил о планах создания широкомасштабной системы ПРО с элементами космического базирования, которые предусматривали появление нового класса оружия — ударных космических вооружений. По существу возрождалась дополнительная сфера гонки вооружений, которая после подписания в 1972 г. бессрочного договора по ограничению систем противоракетной обороны (ПРО) в течение целого десятилетия была изъята из военного соперничества. Активная дискуссия, развернувшаяся в стране и за рубежом, показала, что объявленная Рейганом «стратегическая оборонная инициатива» означает не замену существующих стратегических наступательных вооружений, а дополнение к ним в виде экзотических, т. е. основанных на иных физических принципах, видов вооружений для использования в космосе и из космоса против Земли.

Многие в США (да и в Западной Европе) сразу же стали высказывать сомнение в целесообразности, а также в технической возможности создания «стратегической обороны», хотя администрация — в целях продвижения программы, а также разубеждения сомневающихся — выделила 26 млрд. долл. на пятилетний период.

Решение администрации Р. Рейгана предпринять очередной, может быть, даже последний рывок, чтобы вырваться из состояния стратегического паритета и обрести наконец решающее превосходство над Советским Союзом, превратилось в середине 80-х годов в главное принципиальное препятствие для процесса переговоров по ограничению и сокращению ядерных вооружений, а тем более для процесса практических сокращений таких вооружений. Более того, 27 мая 1986 г. президент заявил об отказе США соблюдать в дальнейшем советско-американские договоренности — Временное соглашение

1972 года и Договор ОСВ-2 1979 года. США фактически программируют долгосрочную гонку вооружений в космосе. В докладе конгрессу министр ВВС США В. Орр и начальник штаба ВВС Ч. Джебраил не скрывали этого: «Как в 20-е годы, когда мы еще только изучали возможности использования воздушной мощи, так и сегодня мы лишь на пороге изучения возможного использования космоса. В то время как кое-кто хотел бы видеть космос „убежищем" относительно свободным от военных систем, история учит нас, что каждый раз, когда появляются новые возможности, люди используют их для достижения военных преимуществ» [10].

Осознавая опасность, сопряженную с американскими планами милитаризации космоса, Советский Союз принял решительные меры, чтобы предотвратить, пока не поздно, развитие событий в этом направлении.

Во-первых, на состоявшейся в январе 1985 г. встрече министра иностранных дел СССР А. А. Громыко и госсекретаря США Дж. Шульца советская сторона настояла на том, чтобы целью двусторонних переговоров по ядерным и космическим вооружениям, о которых была достигнута договоренность, было предотвращение гонки вооружений в космосе и прекращение ее на Земле. Затем, в ноябре 1985 г., эта договоренность была подтверждена на высшем уровне — во время встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с президентом США Р.Рейганом. Задача остается — совместно реализовать на деле это высокое обязательство, взятое на уровне высшего руководства СССР и США.

Во-вторых, Советский Союз раскрыл перед всем миром механизм опасности для дела международного мира, связанной с возможной реализацией планов СОИ. Вопреки широко распространяемым пропагандистским утверждениям Вашингтона, будто СОИ предвосхищает переход от опоры в стратегическом равновесии на наступательные вооружения к опоре на оборонительные, будто тем самым предрешается отмирание ядерных вооружений, СССР показал, что речь на самом деле идет о программе обеспечения для страны, у которой будет широкомасштабная система ПРО и ударные космические вооружения, *потенциала первого удара.* Поскольку задуманная космическая «оборона», как подтверждают имеющиеся и в СССР и в США научно-технические выкладки, не может гарантировать защиту от гипотетического первого удара, смысл ее создания может состоять только в том, чтобы нанести первый удар и постараться прикрыть себя от ослабленного удара возмездия. Кроме того, система СОИ, будучи частью единого наступательного комплекса, может решать и самостоятельные автономные функции. Речь, таким образом, идет о создаваемой системе обостренной агрессивности.

В-третьих, советское руководство ясно предупредило Вашингтон о том, что если были бы открыты двери для оружия в космосе, то масштабы военного соперничества неизмеримо возросли и гонка вооружений приняла бы необратимый характер. Советский Союз

[10] US Air Force Report to the 98th Congress. Wash., 1984, p. 39.

ни в коем случае не допустит, чтобы США получили военное превосходство над ним, и для восстановления равновесия будет вынужден повысить эффективность, точность, мощность своих вооружений с тем, чтобы нейтрализовать, если это потребуется, создаваемую американцами электронно-космическую машину «звездных войн». Ответ на американские замыслы будет найден, причем ответ действенный, достаточно быстрый и менее дорогостоящий, чем американская программа.

Если США будут строить свою политику на основе реальности, с учетом интересов своего народа и народов других стран, с пониманием ответственности за происходящее и за будущее, с горизонта уйдет густая туча неуверенности, нависшая над перспективой ограничения гонки вооружений. Если будет достигнут запрет на ударные космические вооружения, откроется широкая возможность для радикальных сокращений ядерных вооружений, вплоть до их полной ликвидации везде и повсюду. У Советского Союза есть политическая воля пройти свою часть пути к достижению этой цели.

Для американской политики в области ограничения вооружений наступает момент истины — куда дальше идти? В сторону стратегического хаоса, дальнейшей непредсказуемости развития событий, разрушения доверия? Или в сторону политико-дипломатических развязок туго затянутых проблем, снижения существующего паритета до взаимоприемлемых уровней, укрепления стратегической стабильности?

Отражая распространенную во всем мире обеспокоенность обстановкой, складывающейся ввиду позиции США вокруг решения кардинальных вопросов безопасности, группа видных деятелей США, Канады, Западной Европы и Японии опубликовала в 1984 г. заявление, в котором, в частности, говорится: «Исключительно важно, чтобы Восток и Запад одинаково выступали против стремления к превосходству. Ни одна сторона не позволит другой достигнуть существенного превосходства, и попытки обрести преимущество опасны, равно как и иллюзорны. Подобные попытки ведут к подрыву безопасности для всех, ухудшая отношения между Востоком и Западом. Целью должен быть стабильный баланс. . . ответственность руководителей с обеих сторон сохранять этот баланс на самом низком уровне» [11].

Новый экспансионизм американской внешней политики в 80-х годах принял форму концепции «нового глобализма», смысл которой состоит в том, что под предлогом «борьбы с марксизмом-ленинизмом в мире» США готовы применять силу для защиты интересов «демократии» (что означает интересы американского империализма). Создавая миф, будто «Советский Союз является первопричиной всего неспокойствия в мире» [12], администрация Рейгана повела линию на оправдание возможных интервенционистско-карательных акций про-

[11] Managing East-West Conflict, Statement of the Aspen Institute International Group. N. Y., 1984, p. 13. В число авторов заявления вошли: Дж. Каллаган, Г. Шмидт, П. Трюдо, Р. Макнамара, С. Вэнс, С. Окита и др.

[12] Слова Р. Рейгана, процитированные в газете «Нью-Йорк таймс» 20 октября 1980 г.

тив стран и народов, вступивших на прогрессивный путь социально-экономического развития. Госсекретарь А. Хейг (до ухода в отставку) конкретно называл потенциальные цели американских агрессивных и диверсионных действий: Куба, Никарагуа, Ливия, ООП, Вьетнам, Ангола, Эфиопия, Южный Йемен и др. Национально-освободительные и революционные движения в различных уголках планеты рассматривались Белым домом как средство укрепления «советских геополитических интересов». Поэтому, по логике стратегов американского империализма, скажем, ситуация в Сальвадоре (где много лет идет народная борьба против продажного коррумпированного диктаторского режима) стала глобальной проблемой, поскольку она представляет собой «проникновение национально-освободительной войны в Западное полушарие» [13].

После неудачи первоначального замысла администрации быстро расправиться с революционными силами Сальвадора и тем самым «подвести черту» под распространением идей национального освобождения [14] США сосредоточили свои основные усилия на дестабилизации и свержении сандинистского правительства Никарагуа, пользующегося широкой поддержкой народа. В нарушение норм международного права и морали США разработали и стали осуществлять широкую программу подрывных акций против этой страны, включая засылку агентуры и саботажников, финансирование и подготовку через ЦРУ банд контрреволюционеров, минирование портов, нарушение воздушного пространства и т. д. Акции США против Никарагуа являются классическим примером американского интервенционизма в действии.

В документе Совета национальной безопасности от апреля 1982 г., содержание которого позднее просочилось в печать, указывается, что цель подрывных мер против Никарагуа состоит в том, чтобы «исключить кубино-советское влияние в регионе», «создать политически стабильные правительства, способные противостоять таким влияниям». При этом «недопущение распространения государств кубинской модели» квалифицировалось в качестве «жизненно важного интереса» США [15].

«Новый глобализм» (хотя, по сути, это очередной рецидив застарелой американской болезни «высокомерия силы») строится, по крайней мере, на двух ложных посылках. Первое — будто США способны менять направление исторических процессов, подобно стрелкам на

[13] *Haig A. M.* Caveat: Realism, Reagan and Foreign Policy, N. Y., 1984, p. 118.

[14] Известный американский исследователь Р. Гартхофф так характеризует первоначальные планы администрации Рейгана в отношении Сальвадора: «Сальвадор находится на задворках Америки и далеко от Советского Союза, поэтому представлялось возможным с минимальным риском и расходами одержать победу, которая продемонстрировала бы всем — советским лидерам, союзникам США, всем остальным в мире и американскому народу, — что восстановленная американская воля и сила эффективны в противодействии советским усилиям добиваться успеха во всем мире за счет США» (*Raymond L. Garthoff.* Op. cit., p. 1053).

[15] The New York Times, 1983, Apr. 7.

железнодорожных путях [16]. Второе — будто национальные интересы США совпадают с интересами крайне правой группировки военно-промышленного комплекса, взявшей верх в нынешней политической ситуации в стране. Проблема, как свидетельствует авторитетный американский журнал «Форрин афферс», состоит в том, что «правое крыло в администрации Рейгана стоит значительно правее и менее склонно к одобрению компромиссов, чем правые в предыдущих администрациях» [17].

Эта политика США, диктуемая лишь одной фракцией американского господствующего класса, к тому же наиболее далеко отстоящей от реальностей современной эпохи с ее глубокими политическими и социально-экономическими преобразованиями, и поэтому обреченная в конечном счете на провал, несет в себе серьезную опасность для укрепления стабильности, оздоровления международной обстановки в целом. Это — политика жесточайшего сопротивления прогрессу, ее цель — попытаться взять социальный реванш во всемирном масштабе.

Ей противостоит внешнеполитический курс Советского Союза, в основе которого — бдительность к происках реакции, трезвость в оценке соотношения сил на мировой арене и вместе с тем твердая уверенность в завтрашнем дне, забота об укреплении единства и сплоченности всех международных отрядов борцов за мир и социальный прогресс.

Независимо от того, в какой очередности эта или иная администрация США по приходе к власти расставляла свои внешнеполитические приоритеты, она вскоре убеждалась, что советско-американские отношения в силу исторических, политических и военно-стратегических причин занимают центральное место и что с этим приходится считаться. Именно их состояние воздействует на ход и направленность международных дел, общую атмосферу в мире. В зависимости от того, какое решение в этой связи принимало американское руководство — настраиваться на мирное сосуществование с Советским Союзом, на переговоры с ним, на развитие разрядки или же вести дело к враждебности, обострению противостояния, к противоборству с СССР по всем линиям, — складывался характер международной обстановки.

Со времени после Великой Октябрьской социалистической революции наша страна выступает за нормальные и стабильные отношения с США, исходя из того, что не существует какой-то фатальной неизбежности конфронтации двух стран. В то же время американская политика периодически подвергается колебаниям: от затяжного непризнания Советской России до военного сотрудничества в годы второй мировой войны, от опасной лихорадки 50-х годов до осторож-

[16] Госсекретарь Дж. Шульц заявляет, что у США «обязанность помогать формированию тенденций» в соответствии с американскими «идеалами и интересами» (Foreign Affairs, 1985, Spring, p. 705).

[17] *Leslie H. Gelb, Anthony Lake.* «Diplomacy Restored?». — Foreign Affaries. America and the Word, 1984, p. 478

ной оттепели 60-х, от разрядки 70-х годов до ледникового периода первой половины 80-х годов.

Политической стратегии американского империализма противостоит наша конструктивная *концепция советско-американских отношений.* Она базируется на ряде основополагающих принципов.

Советский Союз исходит из реалистического понимания того, что СССР и США олицетворяют в своей политике противоборствующие «два способа, две формации, два хозяйства — коммунистическое и капиталистическое» [18]. Он хорошо понимает обстановку и не питает иллюзий насчет политического курса США, насчет того, как далеко зашла милитаризация экономики и даже политического мышления в США.

Вместе с тем в последние десятилетия в мире произошли кардинальные перемены, существо которых состоит в том, что речь уже идет не только о противостоянии двух общественных систем, но и выборе между выживанием и взаимным уничтожением. Объективный ход истории поставил вопросы войны и мира, вопросы выживания в центр мировой политики. Это означает, что события подошли к черте, когда СССР и США на основе существующих реальностей, широкого подхода к определению национальных интересов должны заняться центральной проблемой своих отношений — проблемой безопасности, имея в виду достижение соглашений, обеспечивающих одинаковую безопасность для обеих сторон, международную безопасность.

У СССР и США имеется для этого отправной пункт — понимание того, что ядерная война недопустима, она не должна быть развязана и в ней не может быть победителей. В практическом плане это означает, что ни одна из сторон не будет добиваться военного превосходства над другой. Советский Союз — и он об этом заявил — не только не стремится к этому, но даже считает, что меньшая безопасность США (как и меньшая безопасность СССР) вела бы к нестабильности. Поэтому стратегический паритет должен стать естественным состоянием советско-американских отношений.

Советский Союз и Соединенные Штаты — две могущественные державы с глобальными интересами, со своими союзниками и друзьями, что должно рассматриваться не как источник конфронтации, а как источник повышенной, особой ответственности за судьбы мира. Эта ответственность должна проявляться и в правильном понимании окружающего мира как совокупности суверенных стран и народов, у которых свои интересы и своя политика. Необходимо признавать, что в каждой из этих стран протекают свои внутренние процессы, что у каждого народа имеется суверенное право выбора пути, методов и форм своего развития, выбора системы и друзей. Учет интересов других на основе сотрудничества является, таким образом, непреложным условием нормального хода международных отношений. Было бы опасно представлять — как это делают в Вашингтоне — дело так,

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 75.

будто все узлы противоречий есть последствия соперничества между Востоком и Западом. Задача в другом — совместно искать пути содействия урегулированию региональных проблем без какого-либо вмешательства во внутренние дела других государств.

Внешняя политика СССР сорвала проводимую США с начала 80-х годов линию на то, чтобы сделать конфронтацию определяющей для международного развития. Был дан твердый отпор и стремлению Вашингтона добиться слома военно-стратегического равновесия. Курс на экспансию, выработанный американскими империалистическими стратегами, приходит в явное столкновение с реальной действительностью. Как заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев: «Мечты о мировом господстве порочны изначально — и в том, что касается цели, и в том, что касается средств. Подобно тому, как проекты вечного двигателя рождаются из незнания элементарных законов природы, имперские притязания вырастают из далеких от реальной действительности представлений о современном мире... Для настоящего поворота в наших отношениях, который отвечал бы интересам СССР и США, интересам народов мира, необходимы новые подходы, свежий взгляд на многие вещи» [19].

На пути глобальной имперской политики США стоят СССР и другие социалистические страны, государства в Азии, Африке, Латинской Америке, сбросившие колониальное иго и отстаивающие свою политическую и экономическую самостоятельность, мощное антивоенное движение, охватившее и капиталистические страны.

А. А. Бессмертных

[19] Коммунист. 1985, № 17, с. 37, 41.

Содержание

Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ
Предисловие 3

ИНТЕРВЕНЦИОНИСТСКАЯ ПОЛИТИКА США МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ 11

А. Е КУНИНА
Борьба США против Советской России и революционного движения в Европе 11

Н. Д ЛУЦКОВ
Оккупация Гаити Соединенными Штатами Америки 33

М. П ХАБАРОВ, И. И. ЯНЧУК
Интервенция США в Доминиканскую Республику (1916—1924) . . . 47

М. П. ХАБАРОВ, И. И. ЯНЧУК
Интервенция США в Никарагуа (1926—1933) 58

И. Б ПОНОМАРЕВА, Н. А. СМИРНОВА
Система баз США в годы мировой войны 76

ЭКСПАНСИОНИСТСКАЯ ПОЛИТИКА США ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 91

Глобальная политика США в послевоенные годы 91

А. З АСТАПОВИЧ
Экономическая экспансия США 91

А. КАРЕНИН
Эволюция основных военно-политических доктрин США после 1945 года 114

А А. МУРАДЯН
Идеологическое обоснование экспансионистской политики Вашингтона. 134

Г И. СВЯТОВ
Политика США в области вооружений (50—70-е годы) 147

А. К. СЛОБОДЕНКО
Базовая стратегия Пентагона 172

Б Д. ЯШИН
Военно-морская политика США 191

США и страны Европы 206

Р Г БОГДАНОВ
Американские планы развязывания войны против СССР 206

И. И. ОРЛИК
Политика США в отношении восточноевропейских социалистических государств 230

М. Р. ЗАХМАТОВА
Американская экономическая экспансия в странах Западной Европы 253

А. Е. ЕФРЕМОВ
Политика США в отношении НАТО 274

Агрессивный курс США в Западном полушарии 294

П. Н. БОЙКО
Экономическая экспансия США в Латинской Америке 294

М. В. АНТЯСОВ
Панамериканизм после второй мировой войны 312

В. Н. СЕЛИВАНОВ
Военная политика США в Латинской Америке 329

М. С. ЗУБАТКИН, Е. А ЛАРИН
Агрессивная политика США в отношении Республики Куба (1959—1983) 351

Н В. МОСТОВЕЦ
Агрессия против Гренады 371

В В. ПОПОВ, В В. СУЩЕНКО
Проникновение американского капитала в Канаду 385

Экспансия США в Восточной и Юго-Восточной Азии 405

Г. В. АСТАФЬЕВ
Вооруженная интервенция США в Китае (1945—1949) 405

Г. А. АГАФОНОВА
Американская военная интервенция в Корее 423

И. А. РОГАЧЕВ
Агрессия американского империализма против Вьетнама 442

В. В БОЙЦОВ
Экономическая экспансия США в страны Юго-Восточной Азии . . . 467

А. В. КРУТСКИХ
Блоковая политика США на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии 479

Американский экспансионизм на Ближнем и Среднем Востоке и Африке 500

Р. В. БОРИСОВ
Нефтяные монополии США на Ближнем и Среднем Востоке 500

Н. В. КАПЫШИН, И ЛЕОНИДОВ
Экспансия американского империализма в страны Среднего Востока 520

А. П. БАРЫШЕВ
Ближневосточная политика США 531

А. В. КРУТСКИХ
Индийский океан в экспансионистских планах Соединенных Штатов 553

М. Л. ВИШНЕВСКИЙ, Е А. ТАРАБРИН
Неоколониализм США в Африке 575

А А БЕССМЕРТНЫХ
Вместо заключения 596

АМЕРИКАНСКИЙ ЭКСПАНСИОНИЗМ

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редакторы издательства Н Ф Лейн, Л А Зуева

Художник М Р Ибрагимов

Художественный редактор Н Н Власик

Технические редакторы Т С Жарикова, Н Н Плохова

Корректоры Т С Козлова, К П Лосева

ИБ № 29544

Сдано в набор 27 03 86 Подписано к печати 4 09 86
Т-13859 Формат $60\times90^1/_{16}$
Бумага офсетная № 1
Гарнитура обыкновенная Печать офсетная
Усл печ л 38,5 Усл кр отт 38,5 Уч-изд л 46,4
Тираж 2500 экз Тип зак 292
Цена 5 руб

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7 Москва, В-485, Профсоюзная ул , 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34 9 линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГИ:

Исследования по истории германского империализма начала XX в.

25 л. 4 р. 20 к.

На основе архивов СССР и ГДР анализируются ключевые вопросы истории германского империализма начала XX в.: роль Германии в развязывании первой мировой войны, русско-германские противоречия, вопросы железнодорожного строительства на Балканах и на Ближнем Востоке, политика в отношении Прибалтики, финансовая политика правительства страны, его политика в отношении крестьянства. Сборник содержит также критику буржуазной историографии по вопросам внешней политики Германии конца XIX—начала XX в. и дает ленинскую оценку германского империализма.

Рабочее движение в развитых капиталистических странах

20 л. 3 р. 50 к.

На материале 70-х—первой половины 80-х годов показано резко возросшее в условиях обострения всестороннего кризиса ГМК значение массовых действий в защиту демократических прав и свобод. Прослежены важные процессы борьбы за демократизацию социально-экономических и общественно-политических структур. Значительное место в работе занимает исследование общественного сознания масс.

**Экономическая история:
проблемы и исследования**

20 л. 3 р. 50 к.

Сборник открывается статьей о месте и роли экономической истории в творческом наследии К. Маркса и Ф. Энгельса. Особое внимание уделено проблемам и методам (включая количественные) изучения экономической истории древнего мира и средневековья. В ряде материалов освещается специфика кризисов в период феодализма, а также генезис капитализма в зависимых странах. Новейшая история представлена статьями о зарождении государственно-монополистического капитализма в Швеции, изменении в положении рабочего класса в ФРГ в 70-х годах XX в.

В. В. Согрин

**Критические направления
немарксистской
историографии США XX в.**

20 л. 3 р. 50 к.

Автор рассматривает два главных направления немарксистской исторической науки США — апологетическое и критическое, уделяя основное внимание эволюции, содержанию и характеру критических трудов американских исследователей на протяжении XX в. Книга способствует расширению и углублению понимания воззрений представителей исторической науки США XX в.

Ю. С. Оганисьян

Интернационализм и борьба идей

Критика буржуазных и оппортунистических интерпретаций соотношения интернационального и национального в революционном процессе

15 л. 2 р. 30 к.

Автор анализирует новейшие буржуазные трактовки вопроса о соотношении интернационального и национального в классовой борьбе на нынешнем этапе ее развития — ключевого вопроса пролетарского интернационализма. В книге критикуются шовинистические, буржуазно-реформистские, социал-демократические, правооппортунистические и неотроцкистские, «лево»-радикалистские концепции.

В. Я. Швейцер

Социал-демократия Австрии: критика политических концепций и программ

12 л. 1 р. 70 к.

В монографии исследуется идеология австрийской социал-демократии 90-х годов XIX в. Анализируются работы видных представителей «австромарксизма» — О. Бауэра, К. Реннера, М. Адлера, программные документы СДРПА. Показана несостоятельность австромарксистских оценок капитализма, реформистских путей построения «социалистического общества». Выявляются взаимосвязь теорий СДРПА и послевоенной деятельности социал-демократии Австрии, причины интереса левых кругов современного международного рабочего движения к «австромарксизму».

Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из адресов. 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга—почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга—почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга—почтой».

480091 Алма-Ата, 91, ул Фурманова, 91/97,
370005 Баку, 5, Коммунистическая ул , 51,
690088 Владивосток, Океанский проспект, 140,
320093 Днепропетровск, проспект Ю Гагарина, 24,
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95,
664033 Иркутск, ул Лермонтова, 289,
252030 Киев, ул Пирогова, 4,
277012 Кишинев, проспект Ленина, 148,
343900 Краматорск, Донецкой области, ул Марата, 1,
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2,
220012 Минск, Ленинский проспект, 72,
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22,
620151 Свердловск, ул Мамина-Сибиряка, 137,
700185 Ташкент, ул Дружбы народов, 6,
450059 Уфа, 59, ул Р Зорге, 10,
720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42,
310078 Харьков, ул Чернышевского, 87

Книги можно предварительно заказать в магазинах «Академкнига». Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов:

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга—почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул , 7, магазин «Книга—почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4, магазин «Книга—почтой» Украинской конторы «Академкнига»

или в ближайший магазин «Академкнига».

АМЕРИКАНСКИЙ ЭКСПАНСИОНИЗМ